Р1
Г20
20286

Г 20

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО

Томъ 1

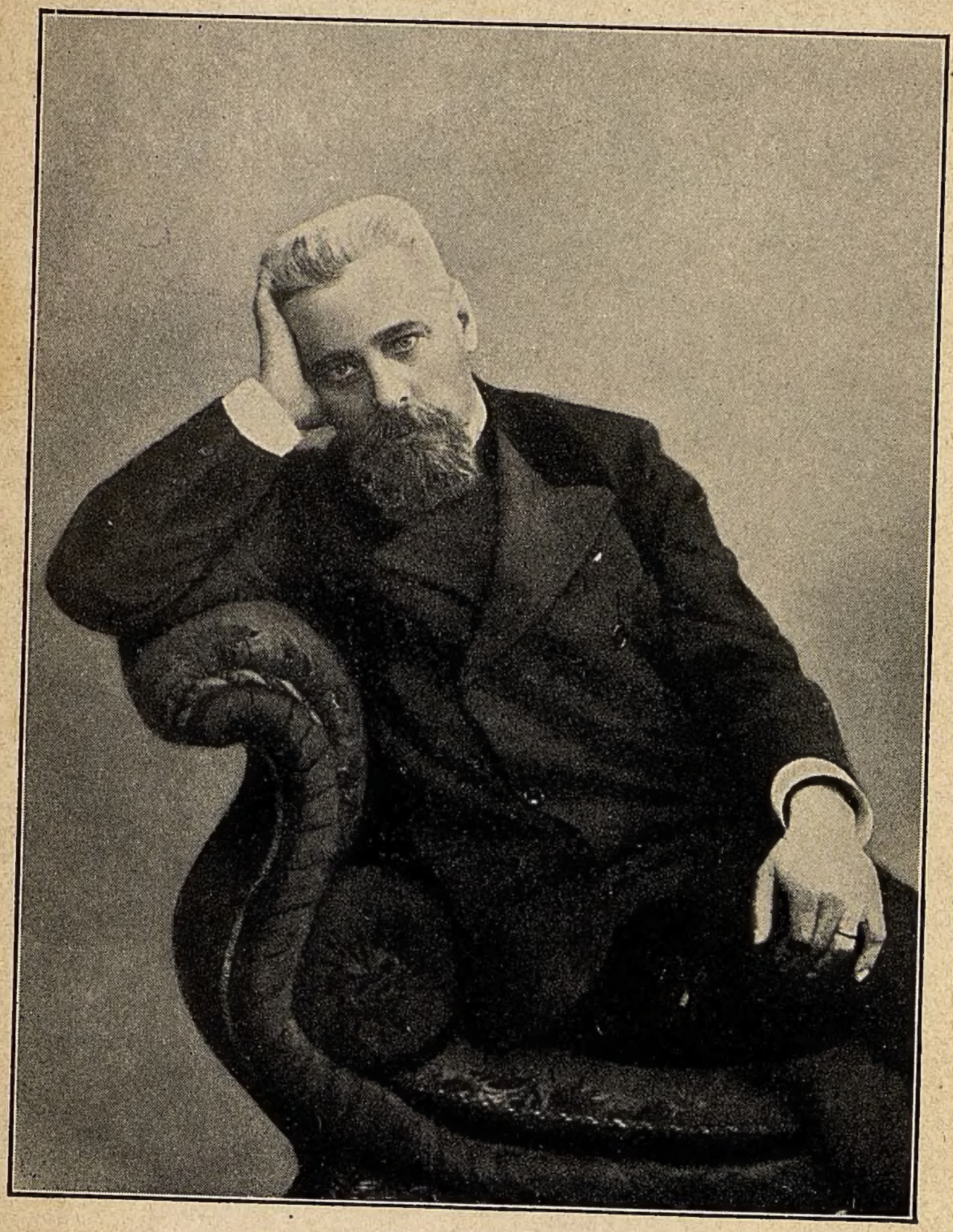
Изданіе
Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
1916

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Типогр. «Кр. Печатник». Зак. 547. Тир. 1000000.

2003



Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ**, Измайл. просп., № 29.

ПРОВѢРЕНО

Н. Г. ГАРИНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Б
Г-20.

Проверено
в 1958 г.

--2006

Q0286

ТОМЪ
ПЕРВЫЙ

Ленинградский
Строительный Техникум
БИБЛІОТЕКА

Проверено
в 1957 году

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 2

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

Критико-біографическій очеркъ П. В. Быкова.

Среди нѣкотораго литературнаго затишья, въ самомъ началѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, и въ писательскихъ кружкахъ и въ русскомъ обществѣ, въ наиболѣе чуткой его части, вдругъ заговорили о новомъ беллетристическомъ талантѣ. Онъ появился въ яркомъ прогрессивномъ органѣ и какъ-то сразу и невольно привлекъ къ себѣ общее вниманіе своимъ первымъ дебютомъ—повѣстью „Дѣтство Тёмы“, въ которой неизвѣстный до тѣхъ поръ авторъ съ большимъ мастерствомъ, свойственнымъ только старымъ, опытнымъ, искушеннымъ писателямъ, разсказываетъ эпизоды изъ одной семейной хроники, удивительно картинно изображаетъ золотые годы дѣтства своего героя въ связи съ жизнью окружающихъ его лицъ, начиная отъ отца, матери, сестеръ, бонны и кончая сверстниками Тёмы, уличными мальчиками, товарищами-гимназистами, учителями и т. д. Тутъ воспроизведены всѣ мелочи обыденной жизни; выведенные типы и фигуры—живые, облеченные плотью и кровью люди, съ ихъ психологіей, то обыкновенной, незамысловатой, то сложной, загадочной. Какой-то свѣжестью вѣяло отъ этой истинно-художественной вещи, отъ этого простого, безыскусственнаго, правдиваго, чистосердечнаго повѣствованія.

Именно эта, бросающаяся въ глаза, неприкрашенная правдивость и трогательная чистосердечность прежде всего подкупали читателя, и описаніе дѣтства Тёмы, превратившагося позднѣе въ Артемія Николаевича, было прочтено даже тѣми, кто мало интересовался журналомъ, пріютившимъ у себя названную вещь. Она имѣла успѣхъ, рѣдко выпадающій на долю начинающаго писателя. И немудрено: она—сродни каждому, сколько-нибудь удержавшему въ памяти годы своего дѣтства, впечатлѣнія тѣхъ лѣтъ, и каждый непремѣнно найдетъ въ „Дѣтствѣ Тёмы“ какія-нибудь черты ему прекрасно знакомыя, близкія и переживетъ вмѣстѣ съ героемъ повѣсти многое изъ его прошлаго, его чувства, ощущенія физическія и нравственныя. А тутъ вдобавокъ—есть мѣста,

эпизоды, сцены столь знакомые каждому изъ временъ его собственнаго дѣтства: споры отца съ матерью о системѣ воспитанія, шалости, расплата за нихъ, школьныя впечатлѣнія, и трагическія и забавныя... Просто все это описано, безъ намека на тенденцію, а между тѣмъ сколько думъ вызываетъ въ читателѣ, какъ много чувствъ будитъ въ его душѣ! Начинающій писатель выбралъ для своего литературнаго дебюта самую благодарную, самую злободневную тему и сталъ на такую почву, на которой скорѣе всего можно ожидать сближенія читателя съ авторомъ. „Здѣсь нѣтъ вымысла,—долженъ былъ сказать себѣ читатель „Дѣтства Тёмы“,—здѣсь изображена не чужая жизнь. Ужъ слишкомъ все это реально, слишкомъ прочувствованно повѣствованіе!“ И читатель былъ бы правъ въ своемъ взглядѣ на эту вещь. Какъ ни изучай чужую жизнь, какъ ни проникайся ею, а все-таки изъ описанія чужой жизни того впечатлѣнія, того настроенія не будетъ, какое получится отъ изображенія пережитого, перечувствованнаго, испытаннаго самимъ авторомъ. Невольно напрашивалась мысль, что въ „Дѣтствѣ Тёмы“ сквозитъ авторская исповѣдь. Оттого-то повѣсть и производитъ впечатлѣніе вещи, „написанной, какъ любилъ выражаться Гейне, лучшей кровью сердца,—сердца, быть-можетъ, изболѣвшагося подъ гнетомъ окружающаго, чуткаго и отзывчиваго, тревожно прислушивающагося къ пульсу жизни и способнаго откликаться на тѣ ея задачи, которыя не могутъ не волновать каждаго, если онъ живетъ, а не прозябаетъ, если онъ вполнѣ сознаётъ, что жизнь все сложнѣе дѣлается, что то, что еще вчера хорошо было, сегодня ужъ не годится...“ А у автора „Дѣтства Тёмы“, если вчитаться въ эти эпизоды „семейной хроники“, именно такое сердце, страстно жаждущее жизни, осмысленной жизни, полной „работы честной и святой“, не примиряющееся съ настоящимъ въ виду лучшаго будущаго, во имя свѣтлыхъ идеаловъ.

И въ столицѣ и въ провинціи были живо заинтересованы авторомъ „Дѣтства Тёмы“. Подпись *Н. Гаринъ*, стоявшая подъ повѣстью, совершенно незнакомая читателю, ничего ему не говорила о личности, о прошломъ писателя, объ его общественномъ положеніи. А вѣдь извѣстно, что читатель, встрѣчающій восторженно какое-нибудь произведеніе, проникающійся симпатіями къ творцу его, всегда заинтригованъ—сколько лѣтъ нравящемуся ему автору, что онъ писалъ раньше, и т. п. И литературные вѣстовщики, существующіе для того, чтобы проникать въ тайну псевдонима или въ жизнь писателя, еще окруженнаго таинственностью, неизвѣстностью, скоро удовлетворили любопытство законно заинтересовавшихся *Н. Гаринымъ*. Оказалось, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается тёзка и однофамилецъ нашего извѣстнаго критика и философа, Михайловскій, инженеръ по профессіи, давно перешагнувшій за тридцать лѣтъ въ моментъ своего выступленія въ печати и начавшій писать уже въ томъ возрастѣ, когда далеко не „новы всѣ впечатлѣнья бытія“. Оказалось еще, что „Дѣтство Тёмы“—

подлинная исторія жизни Гарина-Михайловскаго въ извѣстный періодъ, и что, слѣдовательно, какъ долженъ былъ догадываться читатель, въ повѣсти нѣтъ ничего выдуманнаго, ничего придуманнаго...

Очень скоро личность Гарина, его литературный портретъ обрисовались весьма ярко при дальнѣйшей дѣятельности писателя, когда послѣ „Дѣтства Тёмы“ послѣдовали продолженія этой семейной хроники—„Гимназисты“ и „Студенты“, и когда быстро, одинъ за другимъ, появились его разсказы, затрогивавшіе многіе жгучіе вопросы дѣйствительности, и нашей и общечеловѣческой, начиная отъ калѣченія дѣтей и кончая закрѣпощенностью евреевъ, безправностью женщины. Публицистическая жилка обнаруживается у него въ каждомъ разсказѣ и очеркѣ; всѣ его произведенія идейны, но не имѣютъ ничего общаго съ тенденціей. Большой художникъ, Гаринъ, какой бы идеей ни задавался,—а идей у него было неисчислимое количество, — всегда оставался художникомъ, который и пересиливалъ публициста. Безпокойное, мятущееся сердце даетъ себя знать, чувствуется въ каждомъ произведеніи Гарина. Одинъ изъ симпатичнѣйшихъ польскихъ поэтовъ, Кондратовичъ-Сырокомля, въ своей „Думѣ“ говоритъ:

О, люди-братья, помолитесь
За брата бѣднаго порой,
Чтобы остылъ тревожной мысли
Жаръ въ головѣ моей больной;
Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ,
Чтобъ о всеобщемъ, вѣчномъ счастьѣ
Безумный, я не помышлялъ!

Съ такой же мольбой отчаянія могъ обратиться къ людямъ-братьямъ и Гаринъ, весь созданный изъ порывовъ, полный стремленія осчастливить міръ, камня на камнѣ не оставить для возсозданія новаго строя жизни обветшалой съ ея безконечными драмами, съ ея трагикомедіей. Онъ былъ смѣлый мечтатель съ удивительнымъ благороднымъ сердцемъ, не имѣвшій отдыха отъ терзавшихъ его думъ „о всеобщемъ, вѣчномъ счастьѣ“. И какая у него была горячая вѣра въ возможность лучшихъ дней на землѣ! Жизнь вовсе ужъ не такъ улыбалась ему, а онъ все-таки не сдѣлался пессимистомъ, отрицателемъ жизни, и оставался до конца дней уповающимъ, жаждущимъ движенія воды, „чающимъ воскресенія мертвецовъ“ и твердымъ въ своемъ сознаніи, что блаженство только въ бытіи, а не въ исчезновеніи, не въ темной безднѣ Нирваны. Со всей страстностью энергіи и своей глубоко впечатлительной натуры Гаринъ возмущается жизненной неправдой, пытается вести борьбу съ нею и не унываетъ, если эта многоголовая гидра смѣется надъ его усиліями. Онъ вѣчно былъ полонъ идей и плановъ, и пусть, по выраженію одного изъ близко знавшихъ его, они вспыхивали и потухали, но онъ жилъ въ истинномъ значеніи этого понятія, горѣлъ и надѣялся на успѣхъ своихъ

трудовъ, предпріятій, вѣрилъ въ осуществленіе своихъ мечтаній. Едва зарождались въ немъ эти мечтанія, онъ уже спѣшилъ ихъ воплотить, провести въ жизнь.

Это была необыкновенно живая душа, жившая порывами, умъ съ богатѣйшей фантазіей, никогда не отдыхавшій отъ замысловъ, отъ фейерверка смѣлыхъ идей и грандіозныхъ плановъ, своеобразныхъ по построенію. По отзыву одного изъ друзей Гарина, онъ „поразительно быстро схватывалъ существо дѣла и облекалъ его въ форму, нужную для этого существа дѣла". Весь онъ выплился въ своихъ произведеніяхъ, имѣющихъ самую тѣсную связь съ его жизнью и дѣятельностью. А дѣятельность эта была въ высшей степени многообразна и заставила Гарина-Михайловскаго исколесить чуть не всю матушку Русь, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды", да и дальше, за предѣлами родины. Онъ былъ землевладѣльцемъ и земцемъ, инженеромъ, и въ этихъ положеніяхъ пріобрѣлъ громадный жизненный опытъ, узналъ людей—и не разочаровался ни въ жизни ни въ людяхъ. Отъ этого его спасала глубокая вѣра въ возможность пересозданія жизни на иныхъ началахъ, въ которыхъ широкій демократизмъ долженъ сыграть первенствующую роль. Отъ разочарованій, отъ озлобленій его спасали, между прочимъ, счастливый его характеръ, необычайно доброе, мягкое, нѣжное сердце, снисходительность, незлобивость. Онъ возмущался какимъ-нибудь ненормальнымъ явленіемъ въ нашей жизни и общественности, возмущался—и прощалъ, вѣруя въ то, что, такъ или иначе, зло поправимо, и изыскивалъ способы къ его поправленію.

Богатый жизненный опытъ отразился въ произведеніяхъ Гарина совмѣстно съ прекраснымъ знаніемъ жизни. И оттого-то у него все такъ правдиво, естественно. Ему не надо было задумываться надъ сюжетами, они сами давались ему, ихъ диктовала жизнь; они были результатомъ впечатлѣній писателя, необыкновенно чуткаго и наблюдательнаго. Художественная натура Гарина сказалась и въ самомъ выборѣ сюжетовъ, которые писатель не пытался особенно разрабатывать „по всѣмъ правиламъ искусства". Онъ просто излагалъ ихъ по вдохновенію, со свойственной ему удивительной искренностью, и подчеркивалъ то, что наиболѣе волновало его, восторгало, смущало, поражало. И это придавало особенную прелесть его произведеніямъ, гдѣ талантъ дѣлалъ свое дѣло, запечатлѣвая ихъ особенной красотой, своеобразной художественностью, не привитой, а врожденной. Хорошо знавшій Гарина Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій находитъ, что Гаринъ писалъ такъ же удивительно, какъ удивительно было все то, что онъ дѣлалъ. „Стихійная сила,— замѣчаетъ Елпатьевскій,— сидѣла въ немъ; онъ писалъ, какъ поетъ птица, какъ пахнетъ цвѣтокъ, и я мало знаю писателей, у которыхъ такъ легко создавались бы образы и такъ неизбѣжно принимала бы художественныя формы все то, что выливалось въ словахъ. Въ этомъ была особенность литературнаго творчества Гарина". Надо хоя бы

перелистать такія его вещи, какъ „Два мгновенія“, „Клотильда“, „Встрѣча“, „Правда“, „На станціи“, „Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой“, „Заяцъ“, „Адочка“, „На ночлегѣ“, „На ходу“, „Старый еврей“, не говоря уже о замѣчательной трилогіи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Въ коротенькой, но яркой характеристикѣ того же Елпатьевскаго говорится, что Гаринъ-Михайловскій „по натурѣ былъ эллинъ, блестящій и изящный, словно вышедшій оттуда, изъ блестящихъ временъ расцвѣта Аѳинъ, безумно любившій красоту и художественность жизни, эллинскую красоту... Было что-то обаятельное въ этой чуткой, тонкой, первной, художественной натурѣ, удивительно нѣжной и поразительно искренней“. Такимъ рисовалъ Гарина и Константинъ Михайловичъ Станюковичъ, разсказывавшій пишущему эти строки о своей поѣздкѣ къ Михайловскому въ деревню, гдѣ впервые увидалъ автора „Дѣтства Тёмы“, котораго онъ нашелъ „прямо удивительнымъ“, выходящимъ изъ ряду человѣкомъ, чрезвычайно богато одареннымъ, красивымъ, привлекательнымъ, по манерамъ, обращенію, благородству аристократомъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Станюковичъ уѣхалъ отъ него очарованнымъ и первый заговорилъ въ литературныхъ кружкахъ о большомъ оригинальномъ талантѣ Гарина. „Я не эстетъ,—передавалъ автору этого очерка свои впечатлѣнія Станюковичъ,—но строго-эстетическіе вкусы Михайловскаго, его непреодолимая страсть ко всему изящному, къ настоящей красотѣ и пониманіе красоты меня трогали и восхищали. И его эстетика была въ полной гармоніи съ его взглядами на современный строй, на наши неурядицы и т. п.“

Тогда же я занесъ въ мою записную тетрадь этотъ разсказъ о Гаринѣ, разсказъ, изъ котораго я привелъ здѣсь лишь немногія строки, и вскорѣ мнѣ пришлось лично убѣдиться въ справедливости мнѣнія Станюковича о Михайловскомъ, когда онъ посѣтилъ меня по дѣлу о „Русскомъ Богатствѣ“. Онъ съ перваго раза, съ первыхъ словъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе своей чарующей простотой, искренностью, откровенностью и одухотворенностью. „Это,—сказалъ я себѣ,—каждый дюймъ—джентльменъ“. Но нельзя было не признать его и старымъ барином, любящимъ комфортъ, хорошую обстановку и насквозь пропитаннымъ великодушіемъ, безконечнымъ благородствомъ вообще и по отношенію къ сѣрому люду въ частности. Въ его отзывахъ объ искусствѣ и представителяхъ этой области виденъ былъ большой знатокъ и истинный цѣнитель красоты, владычество которой такъ сильно сказывалось на немъ, на всемъ его существѣ, на его понятіяхъ, воззрѣніяхъ, міросозерцаніи. Когда мы разговорились о дѣлѣ и я передалъ ему откровенно мое мнѣніе о технической сторонѣ изданія журнала, онъ выказалъ большую первность и пылкость, вскакивалъ съ мѣста, теребилъ какую-то вещицу и говорилъ, что мой скептицизмъ ему не нравится. Во время бесѣды о чемъ-то другомъ, онъ не отрывалъ глазъ отъ одной стѣны, на которой висѣла картина, и не вытерпѣлъ: „Эта милая вещь виситъ не

на мѣстѣ! Позвольте для перваго знакомства быть безцеремоннымъ—перевѣсить ее!“ Для моихъ біо-библіографическихъ карточекъ я просилъ его продиктовать мнѣ нѣсколько данныхъ о немъ. Онъ немного задумался и диктовалъ мнѣ гораздо дольше и больше, чѣмъ я ожидалъ, и обогатилъ мою коллекцію интересными свѣдѣніями, причемъ въ заключеніе сказалъ: „Въ „Дѣтствѣ Тёмы“ вы прочтете много интереснаго изъ моей жизни... Тамъ нѣтъ и тѣни вымысла, я все разсказалъ безъ утайки... и безъ рисовки! Эта вещь вамъ можетъ пригодиться со временемъ!“

Быстро получилъ Гаринъ-Михайловскій широкую извѣстность въ литературѣ, и когда, послѣ появленія въ „Русскомъ Богатствѣ“ „Дѣтства Тёмы“, тамъ же и въ другимъ изданіяхъ было напечатано еще нѣсколько вещей его, на него стали смотрѣть, какъ на вполнѣ установившагося писателя, блестяще оправдавшаго возлагавшіяся на него надежды. Яркой звѣздой загорѣлся онъ на литературномъ небосводѣ, и не слабѣлъ ея прекрасный фосфорическій свѣтъ. И рано, въ самый разгаръ ея блеска закатилась эта звѣзда,—закатилась послѣ пятнадцатилѣтняго своего существованія и оставила замѣтный слѣдъ въ литературѣ. Произведенія Гарина живутъ до сихъ поръ, не теряютъ своей свѣжести, своего обаянія, потому что, прежде всего, они красивы и много говорятъ нашей душѣ, и про нихъ можно сказать смѣло, что они любы чуткой молодежи и что „юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ“. Такъ какъ созданія Гарина сливаются съ его жизнью, то факты изъ нея представятъ большой интересъ и во многихъ отношеніяхъ могутъ уяснить характеръ и значеніе его творчества.

Михайловскіе — старые дворяне Херсонской губерніи, и одинъ изъ позднѣйшихъ представителей ихъ рода, Георгій Антоновичъ Михайловскій былъ военнымъ, участвовалъ въ венгерской кампаніи и, командуя эскадрономъ, совершилъ геройскій подвигъ — у Германштадта разбилъ каре мадьяръ, стоявшее авангардомъ въ долинѣ. Этотъ эпизодъ изъ боевой жизни отца писателя мастерски переданъ въ „Дѣтствѣ Тёмы“. Послѣ войны Георгій Михайловскій представлялся съ образцовой командой императору Николаю Павловичу, и государь, за отличіе, зачислилъ его въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, а также былъ воспріемникомъ его старшихъ дѣтей. Въ числѣ ихъ былъ и сынъ Николай, родившійся 8-го февраля 1852 года въ Петроградѣ. Прослуживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, отецъ Николая Георгіевича перевелся въ Одессу, гдѣ поселился на окраинѣ города въ домѣ съ огромнымъ роскошнымъ садомъ. Тутъ онъ предавался въ свободное отъ службы время своему любимому занятію — садоводству. На этой окраинѣ города протекли дѣтскіе и отроческіе годы Николая Георгіевича, о которыхъ онъ подробно и такъ краснорѣчиво повѣствуетъ въ первой части своей трилогіи — „Дѣтствѣ Тёмы“. Изъ нея мы узнаёмъ, что Тёма вполнѣ отдавалъ дань своему ребячеству—шалилъ, капризничалъ и любилъ играть въ индѣй-

цевъ съ ребятишками, своими сверстниками, пользуясь относительной свободой. Онъ отличался большой впечатлительностью и добрымъ сердцемъ. Къ матери питалъ особенно нѣжную любовь, къ отцу — любовь, смѣшанную съ нѣкоторой боязнью. Отецъ, что̀ называется, не потакалъ его шалостямъ и дурнымъ привычкамъ и наказывалъ сына, былъ, какъ военная косточка, суровъ, требователенъ, держался самой простой системы воспитанія, не философствуя.

Мать, Глафира Николаевна Цвѣтиновичъ, уроженка юга, въ которой текла кровь ея предковъ, венгерцевъ, будучи вся въ дѣтяхъ, серьезнѣе относилась къ дѣлу воспитанія, и какъ смотрѣла на него, мы видимъ изъ одного случая. Отецъ какъ-то высѣкъ сына. Мать споритъ съ мужемъ о полной негодности этой мѣры и уходитъ, подавленная происшедшимъ. „Ахъ, Боже мой, Боже мой,—думаетъ она,—какая страшная ошибка, какъ могла она допустить это? Какая гнусная гадость! Точно ребенокъ сознательный негодяй! Какъ не понять, что, если онъ дѣлаетъ глупости, шалости, то дѣлаетъ только потому, что не видитъ дурной стороны этой шалости. Указать ему эту дурную сторону, не съ своей, конечно, точки зрѣнія взрослаго человѣка, а съ его, дѣтской, не себя убѣдить, а его убѣдить, задѣть самолюбіе, опять-таки его дѣтское самолюбіе, его слабую сторону, сумѣть добиться этого—вотъ задача правильнаго воспитанія... Мужъ, конечно, смотритъ съ точки зрѣнія своей солдатской дисциплины, его самого такъ воспитывали, ну и самъ онъ готовъ съ плеча обрубить всѣ сучки и задоринки молодого деревца, обрубить, даже не сознавая, что рубитъ съ ними будущія вѣтки...“ О, она понимаетъ дѣтское сердце и знаетъ натуру своего баловня, Тёмы, „живого, какъ огонь, подвижного, какъ ртуть, неуравновѣшеннаго, вѣчно взбудораженнаго, впечатлительнаго“. Но въ такой сутолокѣ чувствъ,—мать хорошо понимаетъ и это,—сидитъ горячее сердце. Эта характеристика Тёмы вполнѣ годится и для Николая Георгіевича и навсегда осталась за нимъ, вѣчно безпокойнымъ, мятущимся и любвеобильнымъ. Несомнѣнно, что мать, женщина умная, даровитая, имѣла на него большое вліяніе, и отъ нея унаслѣдовалъ онъ всѣ свои привлекательныя черты, нѣжность сердца, всепрощеніе, добродушіе.

Умная мать не препятствовала сыну общаться съ дѣтьми улицы, съ обитателями такъ называемаго наёмнаго двора, громаднаго пустопорожняго мѣста, принадлежавшаго отцу Тёмы и примыкавшаго къ дому, гдѣ жила семья Михайловскихъ. Тёма въ щелку вороть наблюдалъ за веселой ватагой ребятишекъ и желалъ примкнуть къ нимъ. Сперва мать, хотя и нерѣшительно, отклоняла просьбы сына побѣгать на наёмномъ дворѣ, но послѣ замѣчанія мужа, что Тёма воспитывается не какъ мальчикъ, перестала колебаться. Какъ натура непосредственная и впечатлительная, Аглаида Васильевна Карташева (т.-е. Глафира Николаевна Михайловская) мыслила и рѣшала вопросы такъ, какъ мыслятъ и рѣшаютъ только такія натуры... Факты накоплялись, и, когда ихъ на-

бралось достаточно для даннаго вывода, довольно было ничтожнаго толчка, чтобы прійти къ тому или иному рѣшенію. И Тёма сталъ носиться съ ребятишками по наёмному двору. Здѣсь впервые познакомился онъ до нѣкоторой степени съ изнанкой жизни, увидѣлъ воочію голь перекатную, соприкоснулся съ народомъ. И Николай Георгіевичъ говорилъ не разъ, что подъ впечатлѣніемъ этого соприкосновенія съ народомъ онъ научился любить его не сентиментальной любовью, а сознательной и съ дѣтства сперва смутно, а потомъ ясно понялъ всю тяготу народнаго бытія. Отсюда съ лѣтами сильно развившійся демократизмъ Гарина. Въ немъ, во многихъ отношеніяхъ порвавъ со своимъ прошлымъ, онъ былъ твердъ и крѣпокъ, и „его глаза и сердце были обращены впередъ, къ свѣтлому демократическому будущему...“ Во время своихъ служебныхъ скитаній Михайловскій еще ближе сталкивался съ народомъ, и тутъ проявилъ онъ свое влеченіе къ нему, еще сильнѣе увѣровалъ въ его мощь, въ его призваніе. Онъ проникалъ душою въ загадочный міръ крестьянства и, не закрывая глазъ на многія отрицательныя стороны хлѣбороба, проникался глубокими симпатіями къ обездоленному люду, къ тѣмъ—

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

Грамотѣ Николая Георгіевича учила мать, а затѣмъ онъ началъ посѣщать одесскую нѣмецкую школу, откуда, подготовившись, поступилъ въ Ришельевскую гимназію. Здѣсь на первыхъ порахъ онъ трудно привыкалъ къ порядкамъ заведенія, гдѣ „все основано на формѣ, на дисциплинѣ, на страхѣ старшихъ уронить какъ-нибудь свое достоинство“, но изъ-за этого достоинство ребенка ни во что „не ставится и безжалостно попирается на каждомъ шагу...“ Въ гимназіи, какъ мы видимъ изъ „Дѣтства Тёмы“, Николай Георгіевичъ, перейдя во второй классъ, пристрастился къ чтенію и жадно поглощалъ Гоголя, Майнъ-Рида, Вагнера. Отъ чтенія разыгрывалась у него фантазія, уносившая его далеко отъ дѣйствительности—„на необитаемый островъ, гдѣ онъ, всласть навоевавшись съ дикарями и со всевозможными чудовищами міра, надумался наконецъ умирать. Умирать Тёма любилъ. Всѣ будутъ жалѣть его, плакать; и онъ будетъ плакать...“ Фантазія осталась у Тёмы на всю жизнь и играла немалую роль въ дѣятельности его, и общественной и литературной; въ ней была стремительность, высота полета, и особенно ярко сказалась она въ его творчествѣ. Втянувшись въ чтеніе, Тёма любилъ, вернувшись домой изъ гимназіи, „подъ вечеръ, съ кускомъ хлѣба, забраться куда-нибудь въ каретникъ, на чердакъ, въ бесѣдку, куда-нибудь подальше отъ жилья, и читать, переживая всѣ ощущенія выводимыхъ героевъ“. Впослѣдствіи эта привычка жить жизнью дѣйствующихъ

лицъ того или другого произведенія распространилась и на собственные плоды творчества Гарина. Онъ горевалъ вмѣстѣ съ выводимыми имъ мужиками въ его „Деревенскихъ панорамахъ“, съ безправной женщиной, съ Адочкой, умиравшей и воскресшей, съ полуголодной Наташей, или радовался радостямъ другихъ своихъ героевъ. Вотъ почему всѣ его дѣйствующія лица, хотя бы очерченныя силуэтно, такъ жизненны, столько вложено въ нихъ живого, неподдѣльнаго чувства.

Развитіе Тёмы шло своимъ чередомъ, онъ научился, до извѣстной степени, анализировать свои помыслы и поступки, разбираться въ своихъ помышленіяхъ, видѣть въ окружающемъ его то, чего не замѣчалъ раньше. Онъ сознавалъ, что любитъ и отца и мать, но на нее онъ смотритъ иначе, чѣмъ на отца. Безпокойная, нервная натура Тёмы не уживалась съ жизнью гимназіи, которая, по выраженію его матери, „напоминаетъ судъ, въ которомъ есть и предсѣдатель, и прокуроръ, и постоянный подсудимый, и только нѣтъ защитника этого маленькаго подсудимаго“. И въ большинствѣ случаевъ гимназическая жизнь для Тёмы текла тоскливо, холодно и непривычно. Онъ передъ экзаменами собирался бѣжать въ Америку, затѣмъ пытался отравиться спичками, послѣ того какъ ему пришлось пережить одну душевную драму. Большая впечатлительность сдѣлала тутъ свое дѣло. Бывали дни, когда Тёма, любящій, нѣжный, мягкій, переставалъ походить на себя, когда, при появленіи отца, жизнерадостный, разговорчивый мальчуганъ умолкалъ, „и было что-то такое въ глазахъ сына, отъ чего отецъ скорѣе уходилъ къ себѣ въ кабинетъ“. Нервность росла въ Тёмѣ, и докторъ, лѣчившій его, недаромъ совѣтовалъ отцу быть помягче съ сыномъ, чтобы мальчуганъ не свихнулся совсѣмъ, мотивируя свой совѣтъ тѣмъ, что „нервы у него, у Тёмы, не вашего времени“. Прошли отроческія огорченія Тёмы, а нервность не прошла и стала достояніемъ всей его жизни.

Послѣ перехода Тёмы въ третій классъ надъ нимъ стряслось настоящее горе,—онъ потерялъ отца. Потеря страшно потрясла юнаго Тёму, потому что онъ отнесся къ ней вполнѣ сознательно. Ему стало „жаль отца, жаль живущихъ, жаль жизни. Хотѣлось ласки, любви — любить мать, людей, любить міръ со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ, хотѣлось жизнью своею пронестись по землѣ и, свершивъ опредѣленное, скрыться, исчезнуть, растаять въ ясной лазури небесъ“. Это задушевное признаніе автора о желаніи „*любить людей, любить міръ со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ*“ очень характерно, такъ какъ оно стало лозунгомъ жизни Михайловскаго — писателя и человѣка... Во второй части семейной хроники Гарина, въ „Гимназистахъ“, подробно разсказывается о школьной жизни автора, о его переживаніяхъ въ эту пору. Занимался онъ въ старшихъ классахъ усердно и больше всего тяготѣлъ къ математикѣ и русской словесности, и это, конечно, намѣчало его грядущую карьеру инженера и писателя. Словесность въ старшихъ классахъ Ришельевской гимназіи преподавалъ извѣстный языковѣдъ Мат-

фанъ Алексѣевичъ Колосовъ, авторъ цѣлаго ряда почтенныхъ трудовъ, но педагогъ далеко не прозорливый. Классныя сочиненія Николая Георгіевича получали всегда его большое одобреніе, но за нихъ ставилась всегда только тройка—„за безграмотность“. Удивительная оцѣнка! Николай Георгіевичъ въ то время ревностно поглощалъ и книги и журнальныя статьи, былъ уже нѣсколько начитанъ. Классныя сочиненія на темы „Быть и казаться“, „Буря и затишье“, „Крестьяне у Тургенева и Григоровича“, „Верблюдъ—корабль пустыни“ и другія давались ему легко, и въ нихъ, по свидѣтельству одного изъ его гимназическихъ товарищей, были блестки несомнѣннаго литературнаго дарованія.

Еще будучи гимназистомъ, Николай Георгіевичъ рѣшилъ продолжать образованіе въ университетѣ. Девятнадцати лѣтъ онъ окончилъ гимназическій курсъ и уѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ поступилъ на юридическій факультетъ. Въ университетѣ однако пришлось ему пробыть только годъ. При переходныхъ экзаменахъ на второй курсъ онъ провалился: знаменитый нашъ ученый, профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, старый, придирчивый, поставилъ Николаю Георгіевичу единицу за то, что тотъ не успѣлъ дочитать нѣсколькихъ страницъ рѣдкинскаго курса энциклопедіи права. Нервный и впечатлительный Тёма, не выносившій неправды, былъ такъ возмущенъ и обиженъ, что бросилъ университетъ. И надо думать, что это рѣшеніе двадцатилѣтняго юноши было къ лучшему. Юридическая догматика не шла къ нему, плохо укладывалась въ этой пылкой, безпокойной головѣ. Къ тому же его стали уже волновать приступы творчества, которымъ суждено было воплотиться нѣсколько позднѣе. Выйдя изъ университета, Николай Георгіевичъ не поѣхалъ домой, въ Одессу, на каникулы и засѣлъ за руководства по математикѣ, готовясь въ институтъ путей сообщенія. Осенью 1872 года онъ отлично выдержалъ экзаменъ, и передъ нимъ открылась та дорога, на которой онъ сдѣлалъ много добраго, но которая не разъ оставляла въ душѣ его столько горечи...

Перейдя на третій курсъ, Николай Георгіевичъ занемогъ. Врачи нашли у него задатки чахотки и совѣтовали ему оставить столицу и поселиться на югѣ. Онъ принялъ этотъ совѣтъ, а чтобы не терять времени, свободнаго отъ занятій, онъ, для отбыванія воинской повинности, поступилъ въ артиллерійскій полкъ, стоявшій въ Елисаветградѣ. Скоро жестокій тифъ свалилъ его. Николай Георгіевичъ былъ на волоскѣ отъ смерти, но здоровая натура, унаслѣдованная отъ отца, помогла ему оправиться отъ болѣзни, вырваться изъ объятій смерти. На немъ оправдалась мудрая наша пословица, что „нѣтъ худа безъ добра“. Послѣ болѣзни онъ такъ окрѣпъ, что легочный процессъ, грозившій чахоткой, совершенно остановился—зловѣщія каверны на легкихъ зарубцовались. Врачи признали возможнымъ для Николая Георгіевича снова поселиться на сѣверѣ и продолжать спеціальное образованіе. Онъ вернулся въ Петро-

градъ и въ 1878 году окончилъ курсъ въ институтѣ, какъ разъ въ разгаръ русско-турецкой кампаніи, и молодого инженера тотчасъ послали на работу въ дѣйствующую армію—строить шоссе до Бургаса. Нельзя обойти молчаніемъ одинъ интересный фактъ, относящійся къ тому времени, когда Николай Георгіевичъ захворалъ тифомъ. Какой-то странный, вѣщій сонъ привидѣлся ему однажды. На крыльяхъ сна перенесся онъ въ Одессу и очутился на могилѣ отца. И вотъ отецъ предсталъ передъ нимъ и звалъ его съ собой. Сынъ отказался итти, отвѣтивъ, что еще хочетъ жить. „Хорошо, — сказалъ отецъ, — только взгляни, что ожидаетъ тебя въ жизни, посмотри на себя". И тутъ сынъ увидѣлъ себя въ длинномъ плащѣ, сотканномъ изъ пышныхъ розъ. Залюбовался онъ ими, а между тѣмъ живо почувствовалъ, какъ царственные цвѣты всѣми своими шипами вонзаются въ его тѣло. „И ты все-таки хочешь жить?" — спрашиваетъ отецъ.—„Хочу!" — восклицаетъ сынъ.—„Тогда живи!"—согласился отецъ и исчезъ. Какъ часто Николаю Георгіевичу приходило на память это вѣщее сновидѣніе, когда недальновидные люди любовались его жизнью, казавшеюся имъ привлекательной, и когда ему одному было хорошо извѣстно, какими скрытыми шипами усѣяна была эта красивая, объятая вихремъ, блестящая жизнь, какою она представлялась съ перваго взгляда.

Въ своей книгѣ „Близкія тѣни", С. Я. Елпатьевскій прекрасно рисуетъ образъ Николая Георгіевича, жизнь котораго была сплошнымъ фейерверкомъ смѣлыхъ мыслей, необыкновенныхъ фантазій, грандіозныхъ построеній, говоритъ, что этотъ необыкновенный человѣкъ экспромптомъ сдѣлался писателемъ, что „необыкновенно, смѣло и фантастично было его выступленіе въ печати", и что это тоже одинъ изъ порывовъ, внезапная идея... Показалось человѣку, что онъ можетъ принести пользу, если онъ сдѣлается писателемъ, онъ взялъ и сдѣлался, словно въ сказкѣ, по щучьему велѣнью... Нѣтъ, это не вѣрно. Еще въ дѣтствѣ усиленно работала его фантазія; онъ любилъ слушать страшные разсказы, гимназистомъ очень удачно разрабатывалъ темы классныхъ сочиненій; приступы творчества одолѣвали Гарина въ бытность его въ университетѣ, и студентомъ онъ отдался творчеству, сталъ писать разсказы на мотивы пережитаго имъ. Эти произведенія свои онъ читалъ исключительно въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ и только одинъ изъ разсказовъ, самый удачный, одобренный всѣми родными, онъ попытался отдать въ печать. Но рукопись ему была возвращена редакціей одного журнала. Неудача страшно огорчила его. Онъ сжегъ всѣ свои юношескія попытки и бросилъ мысль о сочинительствѣ, не безъ сожалѣнія, однако. Во второй части его семейной хроники мы еще встрѣтимся съ этимъ эпизодомъ изъ его юношеской жизни.

Еще студентомъ института ѣздилъ онъ въ Бендеры на изысканія по постройкѣ дороги, ѣздилъ въ качествѣ простого работника, чуть ли не кочегара паровоза, а по окончаніи русско-турецкой войны онъ былъ

послан въ эти же мѣста для сооруженія Бендеро-Галацкой дороги. Съ этого момента и начинается его инженерная дѣятельность, съ небольшими промежутками, бросавшая его съ юга на сѣверъ, полная борьбы и горестныхъ впечатлѣній. Въ четвертой части своей семейной хроники, озаглавленной „Инженеры“, Николай Георгіевичъ подробно описываетъ свое первое выступленіе на поприщѣ строительства желѣзнодорожныхъ путей, свои отношенія къ рабочимъ, свиданіе съ матерью, сестрами, свое сватовство и встрѣчи, во многомъ уяснившія ему положеніе инженернаго дѣла, нравы и обычаи его представителей. Здѣсь же впервые Николай Георгіевичъ высказываетъ мимоходомъ свой взглядъ на общину, которой онъ сталъ противникомъ. Въ уста сестры, проникнутой революціонными идеями, онъ влагаетъ такое разсужденіе объ этой формѣ народнаго самоуправленія. Бесѣдуя съ сестрой Маней, Тёма Карташевъ спрашиваетъ: „А Герценъ уже потерялъ значеніе?“, и получаетъ такой отвѣтъ: „Да, на соціальной почвѣ онъ слабъ. Его заѣло въ значительной степени славянофильство, увѣренность, что мы, русскіе, изъ другого тѣста созданы. Онъ носится со своей общиной, какъ ячейкой будущей соціальной формы, забывая, что у насъ эта община такой же пережитокъ, какимъ въ свое время она была и на Западѣ. Наша община прежде всего фискальная, служащая интересамъ только правительства, и въ той формѣ, какъ она существуетъ, по-моему, источникъ только всякаго мрака... По-моему, единственный Глѣбъ Успенскій не вводитъ себя въ обманъ относительно общины“. Въ „Инженерахъ“ Тёма, мимоходомъ, высказываетъ и свое profession de foi, свои взгляды на способы политической борьбы: „Онъ станетъ тамъ, куда увлечетъ его жизнь. Онъ вовсе не изъ тѣхъ предубѣжденныхъ людей, которые, разъ сказавъ что-нибудь, такъ и будутъ стоять и до конца жизни. Никакихъ предубѣжденій! Съ открытыми глазами надо итти, смотрѣть и искать истину!“ И такъ и было съ нимъ: изъ народника онъ превратился въ марксиста, въ соціалъ-демократа.

Въ 1879 году Николай Георгіевичъ женился на Надеждѣ Валеріевнѣ Чарыковой, дочери тогдашняго минскаго губернатора, и уѣхалъ въ Петроградъ, будучи причисленъ къ министерству путей сообщенія. Въ слѣдующемъ же году онъ покинулъ столицу вмѣстѣ съ женой и маленькой дочерью, такъ какъ послѣдовало его назначеніе на постройку Батумской дороги. Ко времени его жизни въ Батумѣ, въ то время недавно присоединенномъ къ Россіи и представлявшемъ собою турецкую деревушку, относится любопытный эпизодъ, ярко характеризующій Николая Георгіевича—его честную, чудную личность, его прекрасное сердце. На мѣстность, въ которой жила тогда молодая семья Михайловскихъ, турецкія разбойничьи ватаги часто дѣлали набѣги и безнаказанно скрывались, послѣ грабежей, за турецкой границей. Однажды на участкѣ своемъ Николай Георгіевичъ наткнулся на жертвы одного изъ такихъ грабежей былъ зарѣзанъ десятникъ и раненъ подрядчикъ. По словамъ

рабочихъ, ночью ихъ баракъ окружили вооруженные турки и стерегли, пока остальная часть разбойничьей шайки грабила сосѣдній баракъ, убивъ тамъ десятника и ранивъ подрядчика. Послѣ этого желѣзнодорожное начальство дало каждому инженеру конвой изъ четырехъ вооруженныхъ турокъ, мѣстныхъ обитателей. Они добросовѣстно несли свою службу. Одинъ изъ конвойныхъ Николая Георгіевича приходился роднымъ братомъ главному разбойнику и всегда былъ освѣдомленъ, когда тотъ переходилъ черезъ границу и въ какомъ мѣстѣ находился въ извѣстный моментъ, а потому конвойный всегда могъ избѣжать встрѣчи съ этимъ своимъ братомъ, главаремъ шайки.

Дѣло было яснымъ лѣтнимъ днемъ. Работая на берегу, Николай Георгіевичъ увидѣлъ, какъ по совершенно спокойнымъ водамъ моря плылъ турецкій плотъ съ четырьмя турками. Вдругъ налетѣлъ шквалъ и моментально разбилъ плотъ. Турки, ухватившись за разбросанныя бревна, неистово вопили о помощи. Мигомъ бросился Николай Георгіевичъ къ лодкамъ спасать погибающихъ. Сопутствовать ему согласился только одинъ старшій рабочій. Ежеминутно рискуя жизнью, они спасли всѣхъ четырехъ турокъ. Прошло полтора мѣсяца. Однажды работа задержала Николая Георгіевича дольше обыкновеннаго, и ему пришлось ночью, одному, безъ конвоя, возвращаться домой лѣсомъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ турецкой разбойничьей бандой. Она окружила его лошадь, на которой онъ ѣхалъ. Но когда турки опознали въ немъ спасителя ихъ соплеменниковъ, плывшихъ на плоту, они тотчасъ отпустили его съ миромъ, и одинъ изъ шайки, старикъ, указалъ ему на море, на небо и поклонился до земли, приложивъ руку къ сердцу. Этотъ случай съ Николаемъ Георгіевичемъ красиво разсказанъ въ его очеркѣ „Два мгновенія“.

Семья Михайловскихъ недолго оставалась въ Батумѣ. Начальникъ участка, у котораго Николай Георгіевичъ состоялъ помощникомъ, завѣдывалъ постройкой и въ то же время являлся и подрядчикомъ и, разумѣется, на первый планъ ставилъ свои выгоды, не заботясь объ остальномъ. На этой почвѣ у Николая Георгіевича происходили съ нимъ частыя недоразумѣнія, и молодой инженеръ, чувствуя полное безсиліе въ борьбѣ со своимъ начальникомъ, поставившимъ своей исключительной задачей наживу, бросилъ службу въ Батумѣ. Спасенные имъ турки провѣдали объ его отъѣздѣ и пришли провожать Николая Георгіевича, поднеся ему восточныя сладости домашняго приготовленія. Наскоро распродавъ свою изящную заграничную обстановку, Николай Георгіевичъ вернулся въ Россію и вышелъ въ отставку. Какъ передавалъ онъ своимъ близкимъ, его тошнило отъ такой службы.

Онъ пріобрѣлъ имѣніе въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи,—имѣніе съ очень печальнымъ прошлымъ въ смыслѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ. Почему пожелалъ онъ „сѣсть на землю“, Николай Георгіевичъ объясняетъ это въ своемъ очеркѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“, гдѣ съ рѣдкой правдивостью, свойственной ему, и потря-

сающими подробностями разсказывается о его трехлѣтнемъ хозяйничаньи и трагическомъ концѣ этого хозяйничанья. „Мнѣ было 30 лѣтъ,—говоритъ онъ во второй главѣ очерка,—я былъ женатъ и имѣлъ двухъ маленькихъ дѣтей. Предыдущая моя дѣятельность ничего общаго не имѣла съ деревней. Съ хозяйствомъ, такъ какъ вся родня моя всегда занималась земледѣліемъ, я былъ знакомъ. Съ народомъ хотя я и сталкивался, но бытъ его зналъ болѣе по литературѣ. По спеціальности я былъ инженеръ путей сообщенія, но бросилъ службу за полною неспособностью сидѣть между двумя стульями: съ одной стороны интересы государственные, съ другой—личные хозяйскіе. Казенныхъ желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было. Имѣніе я купилъ за 75 тысячъ рублей,—значитъ, оно въ теченіе пяти лѣтъ удвоилось въ цѣнѣ. Жена и я—оба мы страстно стремились въ деревню. Перспектива свободной, независимой дѣятельности улыбалась намъ самымъ заманчивымъ образомъ. Цѣли, которыя мы рѣшили преслѣдовать въ деревнѣ, сводились къ слѣдующимъ двумъ: къ заботамъ о личномъ благосостояніи и къ заботамъ о благосостояніи окружающихъ насъ крестьянъ“. Цѣли у него были самыя благія, но онъ самъ признаётся, что зналъ быть и нравы крестьянъ только по книжкамъ, и всѣ его старанья,—старанья „увлекающагося идеалиста съ дѣтскимъ взглядомъ на жизнь“, рушились.

Взявъ за образецъ нѣмецкое хозяйство своихъ сосѣдей-колонистовъ, Николай Георгіевичъ впервые въ тѣхъ мѣстахъ замѣнилъ первобытную трехпольную систему многопольной, а также занялся травосѣяніемъ и т. д. Онъ принялъ всѣ мѣры къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, завелъ школы для дѣтей и взрослыхъ, заботился о лѣченіи ихъ. Тогда онъ еще не совсѣмъ потерялъ вѣру въ общину и пытался укрѣпить общинныя начала у обѣднѣвшихъ крестьянъ, вышедшихъ на спротскій надѣлъ, и всегда защищалъ интересы бѣдняковъ, отстаивалъ ихъ права. Оба, и жена и онъ, работали, не покладая рукъ. Но трудно было ладить съ крестьянами. Съ горечью сознавалъ онъ, что „крестьянинъ—страшный рутинеръ. Много надо съ нимъ соли съѣсть, пока вы убѣдите его въ чемъ-нибудь. Пусть будутъ ваши доводы ясны, какъ день, пусть онъ съ вами совершенно согласится и пусть даже сдѣлаетъ тутъ же какой-нибудь сознательный выводъ изъ сказаннаго вами,—не вѣрьте ничему. Пройдетъ нѣкоторое время, и ваши внушенія, какъ намокшее дерево, безслѣдно потонули въ его головѣ... Я не хочу сказать, — говоритъ далѣе Гаринъ, — что нельзя убѣдить въ концѣ концовъ крестьянъ въ истинѣ,—можно; но это надо доказать ему не одними только словами, а и дѣломъ, многолѣтнимъ опытомъ“. И Николай Георгіевичъ бился изо всѣхъ силъ показать крестьянину на дѣлѣ всю выгоду своей системы хозяйства. „Института земскихъ начальниковъ еще не существовалъ,—говорилъ впослѣдствіи Николай Георгіевичъ, — а я уже у себя въ деревнѣ былъ земскимъ начальникомъ-добровольцемъ въ смыслѣ отеческаго попеченія о крестьянахъ...“

Онъ улучшилъ свое хозяйство до неузнаваемости, принесъ массу пользы крестьянамъ — и кончилъ плачевно. Богачи деревенскіе, у которыхъ бѣдпота была въ кабалѣ и должна была, при новыхъ условіяхъ, выйти изъ нея, озлобились на помѣщика-новатора и доконали его, стараясь выжить мѣшавшаго имъ человѣка. Страшенъ въ этомъ отношеніи нашъ крестьянинъ: ради задуманнаго онъ не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ. Четыре раза поджигали его мужики и добились своего, „торжествуя свою побѣду, — побѣду, состоящую въ томъ, чтобы снова отдать себя въ кабалу какому-нибудь негодяю". Дальше вести дѣло Николай Георгіевичъ не могъ по неимѣнію средствъ и долженъ былъ уйти. „Долженъ! — говоритъ онъ въ своихъ яркихъ очеркахъ. — Жекомъ рѣзнуло это слово. Въ первый разъ я понялъ силу, безвыходность, неумолимость этого слова. Раньше были положенія, когда я добровольно и гордо, не ощущая безвыходности, дѣлалъ тотъ или другой выборъ. Я не ужился съ аферистами и, ни секунды не задумываясь, бросилъ ихъ: мнѣ предложили въ дѣйствующей арміи принять землю, вмѣсто щебня, — я въ тотъ же день уже сидѣлъ на пароходѣ и, какъ больной, эвакуировался въ Россію, — вездѣ былъ добровольный выборъ. Здѣсь его не было. То, что я полюбилъ, какъ свою жизнь, я долженъ былъ бросить, и никакого другого выхода не было".

Такъ кончилось его дѣло, которое съ большимъ мастерствомъ Николай Георгіевичъ, шагъ за шагомъ, описываетъ въ разсказѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ". Это—увлекательная вещь, полная откровенныхъ признаній чистаго душою человѣка, фанатически предающагося любимой работѣ, осмысленной, идейной. Это — блестящая деревенская эпопея, красочная, живая, пламенная. Это — серьезный трактатъ изъ области русскаго хозяйства, изложенный настоящимъ художникомъ и наводящій на самыя серьезныя думы. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Гаринъ даетъ себя чувствовать, а въ разсказѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ" особенно выпукло выступаетъ его свѣтлая личность, и этотъ разсказъ даетъ богатый матеріалъ для характеристики нашего писателя, строго-идейнаго человѣка, нерѣдко приносившаго себя въ жертву своимъ альтруистическимъ побужденіямъ. Привлекательной простотой дышитъ этотъ дневникъ. Какая бездна въ немъ прямоты и искренности! Страстные порывы брызжутъ изъ него, широкіе размахи сильнаго душою человѣка, а въ общемъ объ обвѣянъ тихою грустью. Грусть, а не унынie, не скорбь отчаянія звучитъ во многихъ строкахъ, въ тѣхъ, напримѣръ, гдѣ идеальный помѣщикъ, со всею своей наукой, со всею своей любовью и со всей матеріальной силой долженъ сознаться, что побѣжденъ какимъ-то подлымъ необразованнымъ негодяемъ, которому внимаетъ толпа, темная, невѣжественная, „безъ понятія о правѣ, о Богѣ".

Поджоги разорили Николая Георгіевича, и ему снова пришлось поступить на службу. Тогда началась постройка Уральско-Златоустовской желѣзной дороги, и онъ былъ назначенъ начальникомъ участка въ

гористой мѣстности, гдѣ нужно было положить много труда. По свойству своей натуры Михайловскій съ увлеченіемъ взялся за работу, весь ушелъ въ нее, отдыхая иногда не болѣе 3—4 часовъ въ сутки. Дни проходили въ усиленныхъ полевыхъ занятіяхъ, вечера — за вычерчиваніемъ плановъ и профилей. Онъ чувствовалъ утомленіе, изнуреніе, но бодрился, радуясь мысли, что это дорога казенная и на ней нельзя ждать злоупотребленій. Послѣ окончательныхъ изысканій онъ рѣшился измѣнить направленіе пути, что обѣщало большія сбереженія, и Николай Георгіевича умиляло, что каждая съэкономленная имъ копейка достанется не частнымъ капиталистамъ, а государству. Здѣсь было гдѣ разгуляться творческимъ наклонностямъ Михайловскаго, и онъ лѣзъ изъ кожи, чтобы удешевить постройку. Ему пришло на мысль обойтись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ мостовъ на его участкѣ, сократить тяжелые туннеля и т. д. Онъ добился своего, на долю казны приходилось до полутора милліона сбереженія. Зато сколько Николай Георгіевичъ испортилъ себѣ крови въ борьбѣ съ темными силами, со своимъ вѣдомствомъ, коснымъ, погрязшимъ въ формализмѣ.

Эту борьбу, свою лихорадочную дѣятельность, свои впечатлѣнія, переживанія, любопытную психологію начальства и вообще лицъ, съ нимъ соприкасавшихся, Михайловскій правдиво и чрезвычайно интересно изобразилъ въ разсказѣ „Варіантъ“, въ которомъ вывелъ себя подъ именемъ Кольцова. Онъ не щадитъ ни другихъ ни себя, дѣлая любопытныя признанія. Кольцовъ никогда не любилъ теоріи и, будучи студентомъ еще, принадлежалъ къ партіи такъ называемыхъ „облыжныхъ студентовъ“, т.-е. такихъ, для которыхъ вся наука сводилась къ экзаменамъ. Выдержалъ экзаменъ—и долой весь лишній хламъ изъ головы. Въ первые годы практической дѣятельности отсутствіе правильной теоретической подготовки мало чувствовалось. Затѣмъ Кольцову приходилось выступать уже въ такой роли, гдѣ требовалось много иниціативы, путь открывался для широкаго творчества, и на каждомъ шагу онъ чувствовалъ все больше и больше свое слабое мѣсто — недостаточную теоретическую подготовку. Та масса новыхъ, оригинальныхъ идей, которыя сидѣли въ его головѣ и которыя онъ стремился провести въ жизнь, требовали для надлежащей авторитетности научной формы. Кольцовъ чувствовалъ, что безъ этого онъ никого не убѣдитъ, что всѣ отнесутся къ его идеямъ съ обиднымъ недовѣріемъ.

Пылкій, полный жизни, со своей горячей головой, любовью къ правдѣ и искренности, Михайловскій, подъ именемъ Кольцова, въ разсказѣ „Варіантъ“ изображенъ во весь ростъ, со всѣми своими взглядами и нравычками. Любопытны разсужденія Кольцова о томъ, что мы должны употребить всѣ усилія къ удешевленію постройки дорогъ. „Развѣ наша бѣдная русская жизнь,—говоритъ Кольцовъ, — можетъ сравниться съ богатой западной? Если бы русскій изобрѣлъ желѣзныя дороги, а не Стефенсонъ, развѣ дошли бы мы до той роскоши, какая царитъ на на-

шихъ дорогахъ? И что бы его могло вдохновить на бархать, зеркала, будки, дворцы, дворцы-вокзалы? Наши перекладныя? Наши бывшія почтовыя станціи? Наши нищія деревни? Наши грязные города съ гостинницами-клоповниками? Именно здѣсь, когда мы приступаемъ къ этому великому пути, когда все окружающее, вся исторія должна напоминать намъ, что мы — русскіе, мы, инженеры, обязаны поставить на совершенно новую почву постройку дороги, мы должны показать Западу, что мы, русскіе инженеры, способны не только воспринимать его великія идеи, но и культивировать ихъ въ условіяхъ русской жизни. А это, въ свою очередь, покажетъ на достаточную подготовку къ самостоятельному творчеству. И, какъ нѣкогда Ермакъ искупилъ свою и товарищей своихъ вину, такъ и мы, инженеры, дешевой постройкой должны искупить нашу невольную вину передъ родиной"... Необходимость покрыть Россію цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, но такихъ, сооруженіе которыхъ не отягощало бы страну, была излюбленной идеей Николая Георгіевича. И онъ упорно проводилъ эту идею всѣми способами, особенно въ печати.

У Николая Георгіевича въ характерѣ была драгоцѣнная черта—трудолюбіе, работоспособность. Онъ любилъ наслаждаться, какъ инженеръ, и какъ землевладѣлецъ, и какъ писатель, трудомъ, дѣломъ своихъ рукъ. Характерно, какъ, въ разсказѣ „Варіантъ", Кольцовъ смотритъ по направленію прежней линіи дороги и любуется новой, возникшей его стараніями. „Всплыла луна и мало-по-малу залила своимъ волшебнымъ свѣтомъ округу. Силуэты оборванныхъ скалъ сплошной стѣной тянулись по обѣимъ сторонамъ рѣки. Прежняя линія, вслѣдствіе обманчиваго свѣта луны, казалась гдѣ-то въ недосягаемой высотѣ, новая, пользуясь естественными уступами, шла невдалекѣ отъ саней Кольцова. „Да,— думалъ онъ, — какъ вѣдьма скачетъ тамъ гдѣ-то въ небѣ, съ утеса на утесъ. Я разыскалъ мою красавицу въ этой безднѣ скалъ и утесовъ, вырвалъ ее у природы, какъ Русланъ вырвалъ у Черномора свою Людмилу..." Его глаза горѣли и усиленно смотрѣли въ даль". Михайловскій не любилъ безцѣльной работы, труда для труда. „Да,— говоритъ онъ устами Кольцова, — нѣтъ выше счастья, какъ работать во славу своей отчизны и сознавать, что работой этой приносишь не воображаемую, а дѣйствительную пользу. Это — жизнь, это напряженіе. Пусть проходитъ молодость съ ея радостями любви; что жалѣть о нихъ, когда радости эти смѣняются болѣе высшими наслажденіями—сознаніемъ приносимой пользы, сознаніемъ, что заслужилъ право на жизнь!" Кольцовъ изображенъ здѣсь оптимистомъ, труженикомъ-энтузіастомъ, вѣрующимъ въ свои силы, въ свое призваніе, и такимъ былъ дѣйствительно Михайловскій, фанатикъ дѣла съ горячей фантазіей, порою уносившей его въ такую заоблачную даль, что—какъ остритъ Кольцовъ— „намъ съ вами, читатель, слѣдовать за нимъ не стоитъ".

„Варіантъ" написанъ въ 1888 году, за два года до появленія изъ-под.

пера автора разсказа „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“, а затѣмъ „Дѣтства Тёмы“, написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего пережитого имъ во дни постройки Уфимско-Златоустовской дороги, когда онъ выносилъ въ головѣ новый варіантъ линіи и выстрадалъ его при проведеніи въ жизнь. Какая прелесть этотъ живой, прямо съ натуры списанный разсказъ, его герой Кольцовъ, который заставляетъ восхищаться собою даже своего начальника, называющаго его, однако, кипяткомъ и думающаго, что подобному „кипятку“ „не пару поддавать, а тормоза нужно“. „Варіантъ“ созданъ раньше тѣхъ вещей, которыя прославили имя автора ихъ, но уже и тутъ талантъ Михайловскаго блещетъ и красотой и силой, сказался со всѣми его особенностями — стремленіемъ къ изображенію только того, что было, безъ малѣйшихъ прикрасъ, безъ эффектовъ,—въ цѣляхъ жизненности и глубокой правды. Этотъ разсказъ, лишенный романической интриги, посвященный такому сухому предмету, какъ инженерное дѣло, тѣмъ не менѣе полонъ интереса.

Горячо отдавался Николай Георгіевичъ всякому дѣлу: былъ онъ, какъ мы видѣли, усерднымъ строителемъ дорогъ, ревнивымъ сельскимъ хозяиномъ. Жизнь кипѣла въ немъ. Но такая работа для его души давала слишкомъ мало, и художественная натура требовала иной пищи. Жажда творчества снова проснулась въ Гаринѣ,—онъ снова взялся за перо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вспомнивъ неудачи своихъ первыхъ литературныхъ попытокъ, когда онъ предалъ сожженію плоды своего ранняго творчества, Николай Георгіевичъ смотрѣлъ на свою литературную работу „какъ на недопустимую слабость“ и держалъ ее въ большомъ секретѣ. Тѣмъ не менѣе задуманный имъ разсказъ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“ былъ оконченъ. Надежда Валеріевна Михайловская передала эту вещь одному знакомому, у котораго были связи съ литературнымъ міромъ. Было это весной 1890 года, а наступившей осенью постройка Уфимско-Златоустовской дороги закончилась, и Николай Георгіевичъ снова поселился въ своей усадьбѣ Гундуровкѣ, по настоянію своего управляющаго. Среди дѣлъ помѣщикъ все-таки не забывалъ и того, что его такъ неодолимо тянуло къ себѣ. Онъ продолжалъ писать урывками свое „Дѣтство Тёмы“ и съ грустью думалъ о разсказѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“, о которомъ и по прошествіи зимы не было ни слуху ни духу, что наводило Николая Георгіевича на мысль о печальной участи разсказа, такой же, быть-можетъ, какая постигла его первую попытку печататься.

А между тѣмъ рукопись, врученная супругой писателя лицу, вращавшемуся въ писательскихъ кружкахъ, ходила по рукамъ и въ одномъ изъ нихъ была прочитана въ Москвѣ. На чтеніи присутствовали Н. Н. Златовратскій, К. М. Станюковичъ, Н. К. Михайловскій, В. А. Гольцевъ и другіе. Люди опытные въ оцѣнкѣ литературныхъ дарованій, они не могли не признать въ авторѣ разсказа несомнѣнный талантъ. Имъ не могла не понравиться художественность, простота, жизненность, полная

искренность этого произведенія, даже самая манера письма. Часто увлекавшійся тѣми или другими впечатлѣніями, К. М. Станюковичъ, какъ говорили, былъ настолько заинтересованъ личностью автора разсказа, что рѣшилъ познакомиться съ Николаемъ Георгіевичемъ, для чего и отправился въ Самарскую губернію, въ одинокую усадьбу Гарина, на Пасху 1891 года. Ради исторической правды необходимо сказать, что поѣздкой Станюковича руководило не одно восхищеніе разсказомъ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“. Станюковичъ обладалъ способностью загораться, горячо относился ко всякому литературному явленію, но здѣсь пріятное ему хотѣлось соединить съ полезнымъ—хотѣлось привлечь Николая Георгіевича къ дѣлу изданія журнала и, такъ сказать, ощупать почву... Трое сутокъ прогостилъ Станюковичъ въ усадьбѣ Михайловскихъ. Хозяинъ успѣлъ прочесть ему только-что передъ тѣмъ законченный отрывокъ изъ своей семейной хроники „Дѣтство Тёмы“ и привелъ въ восторгъ слушателя. Обнялъ онъ смущеннаго автора, заявилъ ему, что видитъ въ Николаѣ Георгіевичѣ настоящаго, новоявленнаго писателя, а себя, открывшаго это свѣжее дарованіе, считаетъ литературнымъ крестнымъ отцомъ этого новаго автора. Свиданіе съ Станюковичемъ рѣшило судьбу Николая Георгіевича, оно было искрой, брошенной въ легко воспламеняющійся матеріалъ. Съ этого момента Михайловскій отдается творчеству со всей горячностью, ему свойственной, со всей энергіей души. Воспламеняясь, онъ могъ охладѣвать и къ инженерной работѣ и къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, но въ области творчества онъ установился и горѣлъ имъ непрерывно до послѣднихъ дней. Онъ, наконецъ, нашелъ себя.

Во время изысканій для постройки Казанско-Малмыжской желѣзной дороги, лѣтомъ 1891 года, Николай Георгіевичъ познакомился съ А. И. Иванчинымъ-Писаревымъ, тогда сотрудникомъ „Волжскаго Вѣстника“ и близкимъ пріятелемъ Николая Константиновича Михайловскаго. Это знакомство имѣло важныя послѣдствія для Николая Георгіевича. Онъ примкнулъ къ кружку—во главѣ котораго стоялъ критикъ Михайловскій—задумавшему создать собственный органъ, въ которомъ вдохновителемъ былъ бы послѣдній. Н. К. Михайловскій, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, сотрудничалъ въ „Русской Мысли“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ изданіяхъ, но всюду былъ только гостемъ, и у него не было мѣста, гдѣ онъ могъ бы работать болѣе или менѣе независимо. Въ то трудное для литературы время получить разрѣшеніе на изданіе новаго журнала было очень не легко, а потому компаніи оставалось одно—пріобрѣсти у кого-нибудь старый журналъ. Рѣшено было съ этой цѣлью обратиться къ Леониду Егоровичу Оболенскому. Со своимъ „Русскимъ Богатствомъ“ онъ тогда „изнывалъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики“, средствъ у него не было никакихъ, и свое злополучное дѣтище, болѣвшее и хирѣвшее, онъ охотно уступилъ компаніи. Николай Георгіевичъ, хотя и мало вѣрилъ въ успѣхъ журнала, взялся помочь литературному кружку. Онъ заложилъ свое

имѣніе,— и журналъ былъ купленъ у Оболенскаго. Издательницей являлась Надежда Валеріевна, но мужъ ея отказался отъ предложенія быть редакторомъ: и служба мѣшала, и помнилъ онъ русскую пословицу, что „два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются“: во главѣ журнала сталъ его тёзка и однофамилецъ, человѣкъ съ твердой волею, фанатикъ своихъ убѣжденій, любившій настойчиво вести свою линію и ревниво охранявшій свои воззрѣнія. Николай Георгіевичъ такъ же энергично отстаивалъ то, въ чемъ былъ глубоко убѣжденъ, и оба они, конечно, сговориться не могли бы. Помощникомъ редактора избранъ былъ человѣкъ добрый, мягкій и весьма покладистый, Сергѣй Николаевичъ Кривенко, усердный поклонникъ Николая Константиновича Михайловскаго. Такимъ образомъ Николаю Георгіевичу въ „Русскомъ Богатствѣ“, какъ руководителю, въ сущности нечего было дѣлать.

Судьбой журнала, его дѣлами, онъ, однако, очень интересовался. Это, между прочимъ, видно изъ письма его къ женѣ. Изъ него можно заключить, какъ пессимистически относился онъ къ журналу,—созданному имъ дѣтищу. „Нашъ журналъ,—писалъ Николай Георгіевичъ,—теперь превращается въ настоящій Олимпъ. Громовержецъ Юпитеръ окончательно засѣлъ и утвердился. Александръ Ивановичъ (т.-е. Иванчинъ-Писаревъ), и тотъ такой маленькій сталъ. Морской волкъ, Станюковичъ, изгнанъ, или самъ добровольно ушелъ и живетъ за чертой въ своей лачугѣ подъ Олимпомъ. И странная вещь... „Сердце красавицы“... Меня опять тянетъ въ берлогу къ этому контрабандисту, гдѣ за горячимъ стаканомъ чаю ведется не всегда послѣдовательный, но всегда отъ чистаго сердца разговоръ. Да, типиченъ онъ, этотъ Константинъ Михайловичъ,—за состояніе души не отвѣчаетъ въ данный моментъ, но содержаніе ея—всегда открытая книга. Для дѣла даже очень и очень неудобенъ, но для бесѣды его свѣжая приправа для моего желудка лучше, чѣмъ всѣ эти деликатесы даже и тонкой ресторанной кухни. Впрочемъ, все это дѣло вкуса,—кому нравится домашній столъ, кому ресторанъ, и я очень радъ, что нашъ ресторанъ... журналъ обзавелся такимъ патентованнымъ поваромъ, какъ Н. К. Михайловскій. Отнынѣ мое сердце спокойно за нашъ журналъ, какъ за сына-карьериста, судьба котораго выяснилась и обезпечена, но, какъ извѣстно, любовь въ этихъ случаяхъ замыкается въ строго-холодныя рамки и больше понимается умомъ, чѣмъ сердцемъ. Сердце же тянется родительское къ блудному сыну, потому что сердцу надо жить, а жизнь сердца въ молодости—женщины, а въ мои годы—впечатлѣнія минуты: этихъ минутъ нѣтъ въ сынѣ-журналѣ—вѣчность пройдетъ, а онъ все будетъ тотъ же. Буду безъ конца радъ, если ошибусь, но думается мнѣ, что приступаемъ мы со всѣмъ усердіемъ къ заготовкѣ во вѣки вѣковъ неразрушающихся мумій. Утѣшенье здѣсь одно: хорошая мумія лучше все-таки разложившагося трупа въ лицѣ князя Мещерскаго, открыто заявившаго, что конечная цѣль возстановленіе крѣпостничества. При этомъ текстъ

изъ Евангелія, а вечеромъ оргія съ молодыми людьми. Ну, и атмосфера же! Мещерскій теперь пользуется громаднымъ вліяніемъ. Были бы свободныя деньги—уѣхать бы намъ съ тобой за границу и заняться гдѣ-нибудь тамъ въ уголку подъ вѣчнымъ небомъ юга разведеніемъ какихъ-нибудь плантацій. Живи душой, чувствуй, дыши во всю грудь и славь своего Бога на землѣ, а не въ проклятой тухлятинѣ петербургской..."

Какія характерныя строки! Какая живая душа, жаждущая кипучей дѣятельности, въ которой можно было бы проявить всю энергію, сквозитъ въ нихъ! Михайловскій дѣлаетъ прекрасную оцѣнку руководителямъ созданнаго имъ дѣтища, этого по истинѣ блуднаго сына... О, онъ умѣлъ отличать живое дѣло отъ мертворожденнаго. Мы видѣли, какъ Кольцовъ въ разсказѣ „Варіантъ" чуть не бредилъ своими изысканіями, своимъ открытіемъ, кипѣлъ въ котлѣ, заставлялъ кипѣть и другихъ, ему помогавшихъ. Упоительна была для него эта трудная, отвѣтственная работа, въ которую онъ слѣпо вѣрилъ, что она дастъ благой результатъ. Онъ былъ глубоко увѣренъ въ правотѣ своей идеи, своего дѣла. „Мысль, что заслугъ инженера путей сообщенія въ обществѣ не признаютъ, непріятнымъ диссонансомъ пронеслась въ его головѣ. Но, по свойству своей оптимистической натуры, Кольцовъ подавилъ въ себѣ непріятное чувство, разсуждая, что заслуга останется заслугой, а какъ непризнанная, она имѣетъ двойную цѣну". Онъ шелъ напроломъ, для проведенія въ жизнь имъ задуманнаго. „Да, если бы это удалось,—думалось ему, мучимому канцелярской волокитой и всякими трудностями. Но какъ провести? Гдѣ найти и то ухо, которое захотѣло бы услышать истину? Одни погрязли въ рутинѣ, другіе преслѣдуютъ корыстныя цѣли, третьи устарѣли, четвертые просто ничего не понимаютъ..." Какъ работать при такихъ условіяхъ? Но Кольцовъ работалъ, работалъ до изнеможенія, раскидывая умомъ, какъ бы обратить вниманіе тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе вопроса. Дѣятельность инженера, при всей ея напряженности, при существованіи цѣлой гряды подводныхъ камней, была сладка Кольцову своей жизненностью, сознательностью работы, сулившей столько пользы.

А тутъ, въ веденіи идейнаго журнала, гдѣ не работали, не покладая рукъ, а волновались только, если „независящія обстоятельства" мѣшали появленію какой-нибудь статьи, Михайловскій чувствовалъ шаткую почву подъ ногами въ „проклятой тухлятинѣ петербургской"—и настоящаго дѣла, въ томъ идеальномъ значеніи слова, къ которому онъ привыкъ, не видѣлъ. „Составить книжку журнала, — говорилъ онъ одному пріятелю,—при существованіи столькихъ голодныхъ ртовъ и лицъ, набившихъ себѣ руку въ писаніи о чемъ угодно, не трудно, но надо выстрадать „интересныя статьи" книжки, чтобы изъ каждой била широкая струя живой воды... Чтобы каждая статья, каждая замѣтка воздѣйствовала на умы и сердца! Чтобы прокъ былъ!" И, строго говоря,

Николай Георгіевичъ не считалъ настоящимъ дѣломъ созданный имъ журналъ, не вѣрилъ въ его жизнеспособность. Онъ былъ настойчивымъ проповѣдникомъ хозяйственности въ странѣ, во всѣхъ областяхъ жизни. А тутъ о ней почти не могло быть рѣчи. Когда онъ, занимаясь хозяйствомъ, впервые завелъ въ той мѣстности культуру подсолнуховъ, чечевицы, мака, онъ не сомнѣвался, когда ему покоя не давала мысль — какъ бы при продажѣ хлѣба обойтись безъ посредничества мѣстныхъ акулъ, и т. д., онъ видѣлъ во всемъ этомъ настоящее свое призваніе, дѣло для него дорогое. Его не смущала трудность борьбы съ крестьянами, относившимися къ нему и его женѣ съ недовѣріемъ и смотрѣвшими на „барина“ и „барыню“ съ любопытствомъ, словно на звѣрей. Онъ дѣлалъ свое дѣло—и не сомнѣвался въ его успѣхѣ рано или поздно. Могъ ли онъ послѣ всего этого смотрѣть на созданный имъ журналъ иначе, чѣмъ на „заготовку во вѣки вѣковъ неразрушающихся мумій“, хотя заготовщики ихъ и священнодѣйствовали...

Какъ бы то ни было, но „обновленное“ „Русское Богатство“ стало выходить, и въ январской книжкѣ 1892 года этого журнала появилось „Дѣтство Тёмы“ за подписью Н. Гарина, и, подписанное тѣмъ же псевдонимомъ, въ мартовской книжкѣ „Русской Мысли“ того же года было напечатано начало другого произведенія Михайловскаго—„Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“. Обѣ вещи встрѣчены были критикой чрезвычайно радушно. Это было событіе въ литературѣ нашей, пріобрѣвшей новый оригинальный талантъ, тріумфальное шествіе писателя, сразу ставшаго на ноги. Вотъ маленькая выдержка изъ письма Николая Георгіевича къ женѣ, дѣлившагося съ нею впечатлѣніями по поводу своего вступленія въ замкнутый литературный кружокъ. „Былъ устроенъ обѣдъ въ ресторанѣ „Медвѣдь“—съѣздъ, просто чтобы познакомиться. Комната, гдѣ собрались, называлась „Кабинетъ Гарина“. Были Н. К. Михайловскій, Иванчинъ-Писаревъ, Короленко, Маминъ-Сибирякъ, Станюковичъ, Кривенко, Лесевичъ, Семевскій (Василій Ивановичъ), Соловьевъ, Скабичевскій, Антоновичъ, Воронцовъ, Ону, Кирцовъ (Петръ Петровичъ), Слѣпцовъ (Александръ Александровичъ) и масса другихъ, которыхъ не вспомню. Говорилъ мнѣ привѣтствіе Короленко и назвалъ молодымъ съ сѣдыми волосами беллетристомъ. Отвѣчалъ я и уподобилъ себя дѣвушкѣ, поздно нашедшей свой идеалъ. Отвѣчалъ Маминъ притчей о работникахъ, пришедшихъ въ три часа и въ девять и получившихъ одну плату. Говорилъ Венцковскій и предложилъ тостъ за жизнь, живую жизнь, которая бьетъ ключомъ въ моихъ произведеніяхъ. Потомъ поѣхали на вечеръ студентокъ, гдѣ меня окружили студенты и студентки, и я говорилъ съ ними о деревнѣ“. Это было первое знакомство Гарина-Михайловскаго съ тогдашней, уже не его времени, учащейся молодежью, которая оцѣнила его свѣжій талантъ и съ тѣхъ поръ стала усердной его почитательницей, своимъ чуткимъ сердцемъ увидавъ, съ какою свѣтлой личностью въ литературѣ она имѣетъ дѣло.

Зиму 1892 года Николай Георгіевичъ провелъ въ Петербургѣ и предавался самой разнообразной дѣятельности—инженерной, журнальной, литературной и публицистической, что называется, разрывался на части. „У меня,—писалъ онъ женѣ въ деревню,—нѣтъ такого узелка на парусѣ, который не былъ бы развязанъ, и я иду на полномъ парусѣ". И дѣйствительно онъ поглощенъ былъ работой: трудился надъ проектомъ Казанско-Малмыжской желѣзной дороги и проводилъ въ печати свою излюбленную идею о постройкѣ у насъ дешевыхъ дорогъ. Еще въ разсказѣ „Варіантъ" имъ былъ намѣченъ вопросъ о дешевой постройкѣ желѣзнодорожныхъ путей. Вѣдь намъ край, и безпутье въ немъ даетъ себя знать. Поэтому необходимо выработать самый дешевый типъ дороги, наиболѣе намъ доступный въ смыслѣ экономіи — типъ узкоколейной. Любуясь изыскайной имъ новой линіей дороги въ своемъ горномъ участкѣ, Кольцовъ переносится фантазіей въ далекое прошлое нашей родины. „Здѣсь,—раздумывалъ онъ,—пролагали себѣ путь въ панцыряхъ и шлемахъ богатыри русской земли. Здѣсь прошли орлы Всеволода III, здѣсь Ермакъ нечеловѣческими усиліями проложилъ себѣ путь къ славѣ. Прошли вѣка, и вотъ мы пришли докончить великое дѣло. Проведеніемъ дороги мы эти необъятные края сдѣлали реальнымъ достояніемъ русской земли. Это будетъ второе завоеваніе края. И, какъ Ермакъ нѣкогда съ питтожными силами пріобрѣлъ его, такъ и мы должны употребить всѣ силы, чтобъ уменьшить стоимость постройки дороги. Нельзя строить дорого, у насъ нѣтъ средствъ на такія дороги, а намъ онѣ необходимы, какъ воздухъ, какъ вода. Востокъ гибнетъ оттого, что не имѣетъ дорогъ. Общество право въ своемъ раздраженіи на насъ, инженеровъ. Оно не выяснило себѣ еще причины, ищетъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, но исторія выяснитъ именно причины въ нашемъ неумѣньи дешево строить. Мы, какъ заимствовали тридцать лѣтъ тому назадъ способъ постройки у нашихъ дорогихъ сосѣдей, такъ при немъ и остались".

Намекъ Кольцова Михайловскій выразилъ подробно и обстоятельно въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Новомъ Времени" 1892 года, полныхъ той горячей убѣдительности, которая составляла одну изъ привлекательныхъ чертъ характера Николая Георгіевича. Нечего и говорить, что проповѣдь его о необходимости возможнаго удешевленія постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, да еще въ такомъ вліятельномъ тогда органѣ, не только не встрѣтила сочувствія среди инженерной братіи, но и до-нельзя раздражила ее. Къ нему стали относиться враждебно не только въ его служебной средѣ, но и въ самомъ министерствѣ путей сообщенія. „Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ"—гласитъ древнее мудрое изреченіе, и оно вполнѣ оправдалось на Михайловскомъ. Будущій историкъ отмѣтитъ прискорбный фактъ преслѣдованія автора этихъ боевыхъ статей. Послѣ появленія въ „Новомъ Времени" первой же статьи, Николаю Георгіевичу велѣно замол-

чать или убираться со службы. Но не таковъ былъ другъ правды, убѣжденный глубоко въ правотѣ и несомнѣнномъ значеніи своей проповѣди. За первой статьей не замедлили явиться и слѣдующія. Упрямый инженеръ былъ вторично призванъ, и ему предложено подать въ отставку во избѣжаніе увольненія по третьему пункту. Николай Георгіевичъ отчислился отъ министерства, однако заработка не потерялъ. Его пламенныя статьи и талантливыя инженерныя работы сдѣлали имя его извѣстнымъ, и земства наши и города неоднократно поручали ему изысканія. Въ этомъ направленіи онъ исполнялъ порученія земствъ: Казанскаго, Вятскаго, Костромского, Волынскаго, Ирбитскаго и другихъ. Сдѣлали свое дѣло и статьи Николая Георгіевича, обративъ на себя должное вниманіе въ высшихъ сферахъ. Его проекты узкоколейныхъ путей для Сибирской дороги не были приняты, зато министерство не могло отвергнуть его идею относительно экономіи при сооруженіи этой дороги, уменьшивъ стоимость версты съ 100.000 рублей до 40.000. Такъ или иначе, но идея Михайловскаго восторжествовала и принесла все-таки свои плоды.

Въ чаду всевозможныхъ дѣлъ, Гаринъ-Михайловскій не отставалъ отъ литературы, его тянуло къ ней, потому что онъ былъ писатель по призванію, и творческій талантъ разгорался въ немъ все сильнѣе. Въ періодъ времени 1892—1895 гг., до вторичнаго поступленія на службу, Николай Георгіевичъ напечаталъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ вторую и третью части своей семейной хроники—„Гимназисты“ и „Студенты“, разсказы: „Ицка и Давыдка“, „Подъ вечеръ“, „Деревенскія панорамы“, „Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой“, и въ другихъ изданіяхъ — „На ходу“, „Сочельникъ въ русской деревнѣ“, „Бурлаки“ „На станціи“, „Коротенькая жизнь“ и другія. „Гимназисты“ произвели такое же впечатлѣніе и въ литературномъ мірѣ и въ публикѣ, какъ „Дѣтство Тёмы“. Съ прежней безпощадной правдивостью и искренностью разсказывается здѣсь о многомъ и о томъ, какимъ неразвитымъ долго былъ Артемій Карташевъ, стоявшій во главѣ одной гимназической партіи. Въ ней были все люди, „которые ничего не читали, ничѣмъ не интересовались, ни о чемъ не помышляли, кромѣ ближайшихъ интересовъ дня. Они ходили въ гимназію, лѣниво учили уроки и въ свободное отъ занятій время скучали и томились“, разсказывается, какъ плохо учился Карташевъ, любилъ лѣнивое препровожденіе времени, какъ часто, „лежа на диванѣ, думалъ и копался въ себѣ: что его интересуетъ? Уроки? Къ нимъ, кромѣ смертной тоски и томленія, ничего не ощущалось. Чтеніе? Прежде онъ любилъ его, чувствуя какую-то новую почву... Но эта почва какъ-то ускользнула, что-то, какая-то связь точно порвалась: книга осталась книгой, а жизнь пододвинулась и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ такъ не схожа съ книгой, что, очевидно, книга, одна книга дѣло рукъ неопытнаго идеалиста, а жизнь имѣетъ свои, совсѣмъ какіе-то другіе законы. Съ одной стороны, что-то тянуло къ этой жизни, тянуло ма-

риться съ ней, приспособиться къ ней, съ другой—было скучно и ужъ не было того идеальнаго чувства ни къ жизни ни къ матери, какое было раньше, несмотря на всякіе споры и протесты и его и ея. Теперь и споровъ почти не бывало,—было просто равнодушіе, апатія и сознаніе, что мать такой же человѣкъ, какъ и всѣ. И отъ этого сознанія дѣлалось еще скучнѣе, и Карташевъ тревожнѣе рылся въ себѣ и искалъ своихъ желаній". И порою онъ давалъ себѣ строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ.

Тёма Карташевъ часто погружался въ самоанализъ. Чтеніе сдѣлало все-таки свое дѣло: юноша развивался и научился присматриваться къ окружающему, дѣлать ему оцѣнку. И исторія его развитія, вліяніе на него школьныхъ лѣтъ, товарищества изложены въ „Гимназистахъ" съ увлекательнымъ мастерствомъ. Плѣнительны эти воспоминанія юности, богатыя впечатлѣніями самыми разнообразными, наводящими на серьезныя размышленія. „И огнемъ горитъ, и ключомъ кипитъ" каждая глава. Встаютъ, какъ живыя, фигуры матери автора, его сестеръ, товарищей. Психологія каждаго выяснена, передана искусно, со всѣмъ тщаніемъ художника, не пренебрегающаго мелочами: вѣдь изъ мелочей—онъ хорошо зналъ это — складывается жизнь. Карташевъ-юноша со всѣми его ошибками, заблужденіями, порывами, но и необыкновенно симпатичными чертами не выдвинутъ эгоистично на первый планъ, онъ проходитъ въ группѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, иногда остается какъ будто въ тѣни, и тѣмъ не менѣе его фигура выпукло выдѣляется, и читатель невольно слѣдитъ напряженно за нею, настолько она характерна во всей своей простотѣ и привлекательности. Мазокъ за мазкомъ, не спѣша, кладетъ на нее краски авторъ-художникъ, лѣпится она, становится все яснѣе, живетъ, и чувствуется на ней, на всѣхъ ея деталяхъ сила таланта художника. Въ „Гимназистахъ" еще выпуклѣе, чѣмъ въ „Дѣтствѣ Тёмы", выступаетъ мать Карташева, чистая, святая женщина, съ недюжиннымъ умомъ и рѣдкимъ сердцемъ, передавшая сыну самыя лучшія черты своего характера, между прочимъ, ненависть ко лжи, фальши, обману, сознательное отношеніе къ жизни и всепрощеніе. Семьянинка она была идеальная и вынесла дѣтей на своихъ плечахъ. „Вотъ вамъ молодая хозяйка,—говоритъ она одному гостю,—а я пойду съ своей кашей возиться: одинъ—латинскій, другая—задачи, третья—педагогика; иной разъ сяду и думаю: Господи, кажется, потребуйся китайскій языкъ, и по китайскому стану репетировать". Къ сыну она питала особенную любовь, „родъ недуга"; мечтала для него небо достать. Но ея любовь все же была вполнѣ осмысленная, и ради нея она не жертвовала правдой, своими честными убѣжденіями.

Карташевъ, при своей нервной, подвижной натурѣ, не отличался усидчивостью и на экзамены, выпускные, шелъ, что называется, „на ура". Онъ страшно трусилъ, зная, что одинъ изъ отвратительныхъ педагоговъ, жестокій и мстительный, устроитъ ему какую-нибудь пакость.

И Аглаида Васильевна,—имя матери Карташева, въ день экзамена такъ волновалась за сына, что не могла даже обѣдать. „Когда въ дверяхъ показалась изнуренная, затянутая, но сіяющая фигура Карташева, ясно все стало и безъ вопроса. Аглаида Васильевна бросилась на шею сыну и, не выдержавъ, расплакалась: тяжелый и трудный конецъ вѣнчалъ дѣло. Съ постояннымъ рискомъ сорваться, свести на нѣтъ все —онъ, ея сынъ, выплылъ на свѣтъ, стоялъ на берегу, спасенный отъ тьмы и мрака бездны. Правда, это былъ первый только шагъ, но какой шагъ? Чего онъ стоилъ и ей и сыну? Половина волосъ побѣлѣла на ея головѣ, а онъ и всѣ они на что были похожи?!“ Она поняла всѣмъ сердцемъ, сколько мученій онъ вынесъ, ея сынъ, „что испыталъ онъ, что выстрадалъ безсознательно въ этой каторгѣ непередаваемыхъ мелочей, называемой обученіемъ ума и воспитаніемъ души“, тамъ, гдѣ коверкаютъ, уродуютъ молодыя жизни, не щадятъ самолюбіе юноши, гдѣ, вмѣсто педагоговъ по призванію, преданныхъ своему дѣлу, „работаютъ“ ремесленники, тупые, холодные, безучастные, съ воспитаніемъ ничего общаго не имѣющіе. Гаринъ дѣлится съ читателемъ воспоминаніями, грустными, тяжелыми воспоминаніями объ этой нравственной бойнѣ—своей школѣ, гдѣ онъ началъ сомнѣваться и страдать впервые.

„Гимназисты“, помимо своего высокаго художественнаго значенія, цѣнны еще, подобно „Дѣтству Тёмы“, какъ богатый автобіографическій матеріалъ. Мы узнаёмъ изъ этой части семейной хроники о томъ, какъ Карташевъ-Михайловскій стряхивалъ съ себя невѣжество и, подъ вліяніемъ одного товарища, прежде всего принялся за чтеніе Писарева. Раньше онъ пытался познакомиться съ сочиненіями Бѣлинскаго, но нашъ критикъ не вызвалъ въ Карташевѣ никакого интереса. „Во-первыхъ, непонятно было, во-вторыхъ—все критика такихъ сочиненій, о которыхъ онъ не слыхалъ... Такъ ничего не вышло изъ этого чтенія. Съ Писаревымъ дѣло пошло совсѣмъ иначе: онъ усвоялся гораздо легче, чѣмъ Бѣлинскій... Принимаясь за Писарева, Карташевъ уже рѣшилъ сдѣлаться его послѣдователемъ. Но когда началъ читать, то къ своему удовольствію убѣдился, что и въ тайникахъ души онъ раздѣляетъ его мнѣнія. Все было такъ ясно, такъ просто, что оставалось только запомнить получше—и конецъ. Карташевъ, вообще, не отличался усидчивостью, но Писаревъ захватилъ его. Мѣста, поражавшія его особенно, онъ перечитывалъ даже по два раза и повторялъ ихъ себѣ, отрываясь отъ книги. Ему доставляла особенное наслажденіе эта вдругъ появившаяся въ немъ усидчивость“. Послѣ Писарева Карташевъ „заглянулъ въ Добролюбова, просмаковалъ Бокля, читалъ Щапова“. Онъ не отставалъ по части чтенія отъ другихъ своихъ товарищей, у которыхъ чтеніе было врожденною потребностью изъ желанія осмыслить себѣ окружающее ихъ. Для Карташева „чтеніе явилось единственнымъ путемъ выйти изъ того тяжелаго положенія „неуча“, въ какомъ онъ себя чувствовалъ. Какой-нибудь Яковлевъ, первый ученикъ, ничего тоже не читалъ, былъ тоже „неучъ“,

но Яковлевъ, во-первыхъ, обладалъ способностью скрывать свое невѣжество, а во-вторыхъ, его пассивная натура и не толкала его никуда. Онъ стоялъ у того окошечка, которое прорубали ему другіе, и никуда его больше не тянуло. Страстная натура Карташева, напротивъ, толкала его такъ, что нерѣдко дѣйствія его получали совершенно непроизвольный характеръ. Съ такой натурой, съ потребностью дѣйствовать, создавать или разрушать—плохо живется полуобразованнымъ людямъ: demi-instruit—double sot—говорятъ французы,—и Карташевъ не могъ не стремиться страстно выйти изъ потемокъ, окружавшихъ его".

Въ гимназіи Карташевъ сдѣлалъ первую попытку излагать свои мысли на бумагѣ: онъ принялъ участіе въ гимназическомъ рукописномъ журналѣ и написалъ статью о вредѣ классическаго образованія. Въ 5-й главѣ „Гимназистовъ", озаглавленной „Журналъ", разсказывается о случайномъ возникновеніи этого школьнаго изданія и какъ однажды Карташевъ, „взволнованный, пришелъ изъ класса домой, наскоро пообѣдалъ и заперся въ кабинетѣ. Лежа на диванѣ, онъ держалъ только-что вышедшій гимназическій журналъ и читалъ съ наслажденіемъ свою статью, переписанную четкимъ, крупнымъ почеркомъ. Карташеву казалось, что это не онъ писалъ: такъ плавно и гладко читалось теперь написанное. Онъ прочелъ залпомъ. Ему не захотѣлось больше ничьихъ статей читать", и онъ поспѣшилъ подѣлиться плодомъ своего творчества съ матерью и сестрами. По натурѣ тонко чувствующій, онъ замѣтилъ, что статья должнаго впечатлѣнія не произвела; о ней молчали и въ товарищескомъ кружкѣ. „Онъ видѣлъ это, и больное чувство мучило его каждый разъ, когда рѣчь заходила о журналѣ. Онъ старался дѣлать равнодушное лицо и давалъ себѣ всевозможныя клятвы никогда не брать пера въ руки. Но часто по вечерамъ, когда уже всѣ расходились спать, онъ садился за письменный столъ и подолгу сидѣлъ надъ бѣлымъ листомъ бумаги. Иногда онъ пробовалъ писать, не думая, что̀ подвернется, и страница-другая увлекали его, но, перечитавъ написанное, онъ, испуганно оглядываясь, уничтожалъ рукопись". Здѣсь не упоминается, испытывалъ ли онъ муки творчества. Надо думать, что—нѣтъ, иначе это отразилось бы впослѣдствіи, когда Михайловскій рѣшился сдѣлаться писателемъ. А тутъ онъ никогда не задумывался надъ темой, не мучился надъ ея выполненіемъ. Ему писалось необычайно легко, при всякой обстановкѣ, во всякое время дня и ночи, и на свободѣ и между дѣломъ. Писалъ онъ во время своихъ изысканій, по выраженію одного изъ литераторовъ, „на облучкѣ". Проѣзжаетъ онъ, напримѣръ, сотни верстъ въ саняхъ, въ тридцатиградусный морозъ, и тутъ приходитъ ему на мысль какая-нибудь тема. Быстро развивается фабула разсказа, очерка, хватаютъ образы, картины. И вотъ гдѣ-нибудь въ селѣ, въ хуторкѣ, остановка; перепрягаютъ лошадей, и Николай Георгіевичъ за самоваромъ, глотая горячій чай, усиленно, нервно пишетъ, а черезъ какой-нибудь часъ свѣжая упряжка мчитъ его снова по

снѣжному пути, и снова одолѣваютъ его образы, желаніе поскорѣе записать свои, быть-можетъ, только-что передъ этимъ испытанныя чувства, вынесенныя впечатлѣнія.

Съ необычайнымъ напряженіемъ слѣдимъ мы въ „Гимназистахъ“ за жизнью Артемія Карташева, переживанія, тревоги котораго передаются намъ, какъ нигдѣ. Мы горюемъ съ нимъ вмѣстѣ, когда его шаткость, неустойчивость, легкомысліе навлекаютъ на него непріятности, маленькія бѣды, когда онъ терзается муками недремлющей совѣсти, волнуемся, переживая съ нимъ обиды, наносимыя его самолюбію, человѣческому достоинству дрянными педагогами съ невозможнымъ, тупымъ директоромъ во главѣ ихъ, радуемся съ нимъ благополучному исходу его экзаменовъ и т. д. Безподобно написана глава, посвященная этому гимназическому событію. Да и вся школьная жизнь, школьныя дѣла, разговоры гимназистовъ, обсужденіе какого-нибудь вопроса школьнаго или жизненнаго, изъ отвлеченной области „передовыхъ“ воспитанниковъ гимназіи,—все это передано такъ характерно, съ необходимыми подробностями, уясняющими дѣло, психологіи героя разсказа и сопричастныхъ ему лицъ, съ удивительною живостью. Иной пустячокъ, небольшой штрихъ напоминаетъ манеру Диккенса, его художественность, его драгоцѣнную способность неотразимо дѣйствовать на воображеніе, на чувство читателя. На урокахъ одного учителя школьники вели себя невозможно; онъ подавалъ поводъ къ такому обращенію съ нимъ; пѣли ему серенаду, въ которой заключительныя строки были посвящены носу учителя, злоупотреблявшаго спиртными напитками: „И синь ты, носъ, какъ сводъ небесный, и алъ, какъ алая заря“. И авторъ не считаетъ лишнимъ, разсказывая, какъ выпившаго учителя встрѣчали этой серенадой, добавить художественный штришокъ: „И синь“, „и алъ“, съ какимъ-то меланхолическимъ воплемъ подхватывалъ на разные голоса весь классъ“. Или вотъ нѣсколько черточекъ изъ повѣствованія о томъ, какъ гимназисты, между дѣломъ, ходили смотрѣть оффенбаховскую „Прекрасную Елену“, понравившуюся одинаково всѣмъ гимназическимъ партіямъ. „Въ антрактахъ еще шли разговоры на тему „homo sum“, но, какъ только раздавался звонокъ, компанія, бросая окурки, спѣшила по деревяннымъ коридорамъ на самый верхъ, на переднюю скамью, чтобы поскорѣе засѣсть и, впившись глазами, съ локтями на барьерѣ, съ колѣнками, упертыми въ тотъ же барьеръ—не пропустить ни одного слова, ни одного звука“. Эта маленькая подробность напоминаетъ пріемы и манеру письма литературныхъ знаменитостей Западной Европы. Характеристики товарищей Карташева въ „Гимназистахъ“, не говоря уже объ учительскомъ персоналѣ, сдѣланы удивительно мѣтко и способствуютъ лучшему оттѣненію личности самого Тёмы, его необычайной впечатлительности, малѣйшихъ изгибовъ его страстной души, чертъ его богатой натуры, еще полной въ тѣ годы противорѣчій, создававшихся подъ влія-

нiемъ товарищеской среды и школы съ ея возмутительными порядками. Гаринъ не жалѣетъ подробностей для ея обрисовки, для силуэтовъ преподавателей, изъ которыхъ „одни заслуживали вниманія, другіе уваженія, третьи ненависти и четвертые наконецъ не заслуживали ничего, кромѣ пренебреженія. Къ послѣднимъ относились всѣ тѣ, у которыхъ въ головѣ, кромѣ механическихъ своихъ обязанностей, ничего другого не было. Ихъ называли „амфибіями“. Они, казалось, сами сознавали свое убожество, и только на экзаменахъ ихъ фигуры обрисовывались на мгновеніе рельефнѣе, чтобы зачѣмъ снова исчезнуть съ горизонта до слѣдующаго экзамена“. Были среди преподавателей такіе, которыхъ ненавидѣли ученики и старшихъ и младшихъ классовъ; къ такимъ учителямъ принадлежалъ латинистъ, тиранъ, убѣжденный и самолюбивый, про котораго разсказывали, что на юбилеѣ Каткова, когда того качали, онъ такъ подвернулся, что Катковъ очутился сидящимъ на его спинѣ. Такъ и звали его поэтому въ старшихъ классахъ: „Катковскій оселъ“. Выходя изъ класса красный, этотъ учитель встрѣчалъ по пути самые нахальные взгляды, и даже самый тихій первый ученикъ Яковлевъ, раздувая ноздри, говорилъ не стѣсняясь, услышатъ его или нѣтъ: „Это онъ красный оттого, что насосался кровью своихъ жертвъ“.

Изъ „Гимназистовъ“ мы узнаёмъ, что художественность, составлявшая главное свойство таланта Гарина, была въ немъ замѣтна и въ его школьные годы. Когда учитель исторіи вызвалъ однажды Карташева и задалъ ему вопросъ о причинѣ и поводѣ крестовыхъ походовъ, „Карташевъ, хорошо владѣвшій рѣчью, нарисовалъ яркую картину безвыходнаго экономическаго положенія Европы, какъ результатъ произвола, насилія и нежеланія своевольныхъ вассаловъ считаться съ назрѣвшими нуждами народа“ и проч., и излагалъ очень обстоятельно и красиво, взявъ въ руководство Гизо. Вообще, изъ этой части семейной хроники многое можно узнать, столь цѣнное для біографіи Гарина-Михайловскаго. Прекрасное впечатлѣніе производятъ воспоминанія Сергѣя Аксакова, графа Льва Толстого и другихъ видныхъ представителей нашей изящной словесности, но ихъ воспоминанія дороги намъ, какъ чистохудожественныя произведенія; они далеки отъ насъ,—эти воспоминанія. Семейная хроника Гарина какъ-то ближе намъ и оттого роднѣе. Все описываемое имъ точно было и съ нами, въ тѣхъ или другихъ варіаціяхъ, и какъ будто еще такъ недавно. Мы точно переживаемъ скверныя минуты школьной жизни Карташева, когда совѣсть мучила его или когда онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и думалъ: „Эхъ, перелетѣть бы куда-нибудь къ счастливымъ людямъ, гдѣ радость въ томъ, что сознаютъ свое достоинство, гдѣ молодость ярка и сильна, гдѣ люди ищутъ удовлетворенія не въ униженіи другихъ, а въ уваженіи этихъ другихъ такого же человѣка, какъ они...“

Очень свѣжее, милое впечатлѣніе производитъ и третья, послѣд-

ная часть эпизодовъ изъ семейной хроники—„Студенты“, гдѣ съ такими же подробностями, какъ въ „Гимназистахъ“, повѣствуется о жизни Карташева въ Петербургѣ, его переживанія, ощущенія, когда ему хотѣлось поскорѣе броситься въ водоворотъ бившей ключомъ сутолоки столицы и когда его радовала мысль, что онъ „совершенно самостоятельный человѣкъ, самъ себѣ полный хозяинъ...“, и когда одиночество все сильнѣе охватывало его. И Карташевъ бросился въ водоворотъ страстей, повелъ самую безцѣльную, безалаберную жизнь лѣнтяя, лекцій не посѣщалъ и только проживалъ деньги, которыя привезъ съ собою и которыхъ хватило не надолго. Пришлось заложить часы, шубу, спортучную пару. Сдружившись со старымъ товарищемъ, отчаяннымъ прожигателемъ жизни, онъ вмѣстѣ съ нимъ упивался чтеніемъ книгъ въ родѣ „Вѣчнаго жида“, „Трехъ мушкетеровъ“, „Королевы Марго“, „Похожденій Рокамболя“, „Графа Монтекристо“, „Тайнъ французской революціи“ и проч. Карташева однако грызло сознаніе праздности, незаконности, безцѣльности такой жизни: онъ разстался съ пріятелемъ, съ веселой жизнью и переѣхалъ на отдѣльную квартиру, гдѣ, думая писать матери, почувствовалъ приливъ творчества. Онъ увлекался письмомъ этимъ, не зная самъ, пошлетъ ли его или нѣтъ. „Передъ нимъ побѣжали какіе-то образы, какія-то, одна смѣшнѣе другой, сцены, какія-то лица, живыя, точно онъ съ ними давно былъ знакомъ и знаетъ про нихъ все до самой подноготной, знаетъ, что дѣлаютъ они, думаютъ, говорятъ“. И вдругъ ему пришло на мысль, что, быть-можетъ, онъ—писатель? „Изъ-подъ его пера, можетъ-быть, уже выходятъ образы живыхъ людей, вѣчно живыхъ, которые будутъ существовать и тогда, когда и его ужъ не будетъ... И тогда его охватывалъ такой наплывъ образовъ и мыслей, что онъ бросалъ перо и убѣгалъ въ паркъ... Тамъ онъ смотрѣлъ на небо и видѣлъ другое, которое было въ немъ, внутри его, безоблачное прекрасное небо и яркое солнце. Подъ этимъ солнцемъ жили его герои, и онъ не уставалъ переносить ихъ на бумагу. И онъ писалъ и писалъ, забывъ обо всемъ“... Словомъ, въ немъ просыпался будущій писатель. Но его брали сомнѣнія, и онъ сталъ посѣщать лекціи и готовиться къ экзаменамъ. Однако въ самомъ разгарѣ занятій въ немъ снова пробудилась жажда къ писанію. „На этотъ разъ ему хотѣлось писать уже не веселое, а что-нибудь сильное, драматическое и жалостное безъ конца. Онъ остановился на темѣ: нуждающійся студентъ доходитъ до послѣдней нищеты и лишаетъ себя жизни, выбрасываясь изъ окна четвертаго этажа. Наступившая Пасха помогла придумать рамки разсказа. Карташевъ рѣшилъ уморить своего героя какъ разъ въ эту ночь“. Вышла повѣсть, которую онъ писалъ двѣ недѣли. „Много слезъ за это время было пролито Карташевымъ,—такъ жаль было ему своего героя. Не только Карташевъ плакалъ: бѣдная дѣвушка, сѣрая съ лица, некрасивая, рекомендація хозяйки для переписки, отдавая рукопись хозяйкѣ, призналась: „Мы съ мамой такъ плакали... Это вотъ то мѣсто, гдѣ

онъ свое дѣтство подъ Пасху вспоминаетъ такъ хорошо...“ Повѣсть Карташевъ отнесъ въ редакцію журнала „Дѣло“, гдѣ ее не приняли. Объ этомъ у насъ уже говорилось. Добавимъ только, что повѣсть не нашла себѣ мѣста въ этомъ изданіи лишь потому, что не была узко-тенденціозна. А въ томъ журналѣ печатались вещи почти исключительно тенденціозныя... Карташевъ былъ обезкураженъ, „и неудача съ повѣстью отразилась на его экзаменахъ. Онъ провалился, какъ мы уже знаемъ, бросилъ университетъ и, накупивъ гимназическихъ учебниковъ по математикѣ, опять принялся за то, что̀ считалъ уже сданнымъ навсегда въ архивъ жизни. Онъ рѣшилъ, что лучше быть хорошимъ ремесленникомъ, практикомъ, чѣмъ плохимъ юристомъ. Благополучно сдавъ вступительный экзаменъ въ институтъ путей сообщенія, Карташевъ уѣхалъ въ родной городъ для свиданія съ родными. Вернулся въ столицу, снова окунулся въ житейскій омутъ... Потомъ тяжелая болѣзнь, отъ которой онъ ждалъ трагическаго исхода. Онъ хотѣлъ умереть, наложивъ на себя руки, или вернуться „въ семью человѣкомъ“. Глубокой жизненной драмой вѣютъ послѣднія главы „Студентовъ“, гдѣ Карташевъ переноситъ столько мученій отъ своего положенія и угрызеній совѣсти...

Въ „Студентахъ“ съ безпощадной правдой, съ рѣдко встрѣчающейся у писателей откровенностью, повѣствуется о тѣхъ ошибкахъ, въ которыя впадалъ Карташевъ. Здѣсь много психологическихъ выводовъ и тонкаго пониманія человѣческой натуры въ разные моменты жизни. Студенческая жизнь изображена ярко, детально. Есть сцены, написанныя безподобно, изъ которыхъ брызжетъ правда, какая бы ни была, красивая или отвратительная, вопіющая, но правда безусловная, во всей ея неприкосновенности. Удивительно вѣрно подмѣчаетъ авторъ движенія души описываемыхъ имъ лицъ. Вотъ его герой беретъ билетъ на экзаменѣ изъ энциклопедіи права, билетъ, по которому онъ не можетъ отвѣтить, и авторъ передаетъ состояніе духа своего героя: „Карташевъ уныло сидѣлъ, уныло поднималъ глаза на аудиторію, полную студентовъ. На него тоже смотрѣли. Сейчасъ онъ выступитъ на позорище передъ всѣми. Если въ году смотрѣли на него и мѣряли пренебрежительнымъ взглядомъ, то все-таки оставалась, можетъ-быть, тѣнь сомнѣнія—можетъ-быть, онъ и умный и ученый, можетъ-быть, геній даже. Но сейчасъ ужъ никакого ни у кого сомнѣнія не будетъ — онъ выйдетъ на свой эшафотъ, и всѣ узна̀ютъ, кто онъ и что̀ онъ. Но какъ же все это вышло? Ахъ, заснуть бы и проснуться въ какой-нибудь совершенно другой обстановкѣ, чтобы забыть навсегда, навсегда о томъ даже, что все это было когда-нибудь“... Авторъ проникаетъ и въ душу экзаменующаго знаменитаго профессора, рѣзкаго, грубаго, фанатика своей науки, замѣчающаго, какъ понижается уровень развитія студентовъ. „Профессоръ совсѣмъ огорчился: что-то закипало въ его душѣ; онъ точно хотѣлъ или встать, чтобы уйти, или крикнуть всѣмъ этимъ Карташевымъ, которые нагло лѣзутъ, неподготовленные, неразвитые, изолга-

вшіеся и изовравшіеся, что они унижаютъ университетъ, что alma mater не полицейское управленіе, гдѣ выдаютъ паспорта на жительство". Въ „Студентахъ", между прочимъ, выведенъ гимназическій товарищъ Карташева, Корневъ, готовящійся быть медикомъ. И въ его сердцѣ умѣетъ читать авторъ. Корневъ „попробовалъ развлечься Петербургомъ, но громадный и чужой Петербургъ давилъ и его, какъ Карташева, внося еще большій разладъ въ его душевный міръ. Гдѣ дѣйствительно истина? Въ этой ли кипучей жизни или въ томъ духовномъ стремленіи къ чему-то высшему, чѣмъ жилъ когда-то онъ и весь кружокъ его?.. Онъ усиленно грызъ ногти и думалъ, думалъ. Думалъ и сомнѣвался, и становился втупикъ, кто же онъ наконецъ—практикъ, идеалистъ или просто-напросто жалкая, Богомъ обиженная посредственность? Онъ не хотѣлъ самъ себя знать, и тѣмъ обиднѣе было, когда въ голову лѣзли разныя, въ сущности, нелѣпыя, унизительныя, даже съ его точки зрѣнія, мысли. Онъ зналъ ихъ и самъ возвращался къ нимъ... Какая-то далекая, тихая грусть щемила сердце. Тамъ далеко, въ этомъ большомъ городѣ, словно тонетъ въ туманѣ, словно замираетъ размашистая, грандіозная жизнь дня, чтобы съ огнями вечера опять вспыхнуть съ новой силой въ разныхъ театрахъ, собраніяхъ... Тамъ, въ той жизни, какая нужна сила, какая мощь, чтобы выплыть на ея поверхность?" Робость не позволяетъ ему броситься въ водоворотъ „жизни дикой, праздной и пустой" или ближе примкнуть къ кружку крайнихъ. „А жить такъ хочется, и такъ болитъ сердце отъ этой пустоты, отъ сознанія своего безсилія, ничтожества... И такая вся жизнь!—пустая, скучная, безсильная, раболѣпная передъ каждымъ столкновеніемъ, унылая, всегда только грубо-ремесленная". Такъ думы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ ясны для автора.

Въ уста медика Корнева авторъ вкладываетъ свое собственное сужденіе о задачахъ писателя; а если и не собственное, то такое, которому онъ сочувствуетъ, котораго онъ старался придерживаться въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности. „Вѣдь это страшно подумать, — говорилъ Корневъ, — чѣмъ долженъ быть писатель, если онъ не хочетъ быть, конечно, только бумагомарателемъ... Ты беллетристъ, конечно... Это человѣкъ, который, такъ сказать, разобрался уже въ сумбурѣ жизни... Осмыслилъ себѣ все и сталъ выше толпы... Этой толпѣ онъ осмысливаетъ ея собственныя дѣйствія въ художественныхъ образахъ... Онъ говоритъ: вотъ вы кто, и вотъ почему... И ко всему этому, какой талантъ нуженъ, чтобы все это было и не узко, и безъ всякой скучной морали, законно, было бы и вкусно, и понятно, и наконецъ настолько правдиво, чтобы съ твоими выводами не могъ бы не согласиться читатель". Эти очень характерныя строки вполнѣ примѣнимы къ оцѣнкѣ произведеній Гарина. Въ нихъ до извѣстной степени таится программа едва ли не всѣхъ литературныхъ работъ автора „Дѣтства Тёмы". Онъ чуждается не только узкой но и

какой бы то ни было морали, которая можетъ только раздражать читателя, не заурядиаго, а и всякаго; она, пожалуй, противна и ребенку... Гаринъ врагъ скучной морали и другъ простоты, благодаря которой его произведенія понятны, доступны и среднему читателю, сразу уясняющему себѣ, что хочетъ сказать авторъ, къ чему ведетъ рѣчь. Надъ его выводами не надо ломать голову. И они такъ правдивы, такъ убѣдительны, такъ вытекаютъ непосредственно изъ жизненнаго опыта, быть-можетъ, и грустнаго, но строго обоснованнаго, что читатель въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ не соглашается съ авторомъ. И вдобавокъ у Гарина всюду чувствуется тонкій вкусъ, даже тамъ, гдѣ онъ не хочетъ, во имя жизненной правды, отрѣшиться отъ крайняго реализма и рисуетъ тяжелыя, возмутительныя сцены, грубыхъ, пошлыхъ людей.

Эти неотъемлемыя качества—выразители его большого таланта—бросаются въ глаза не только въ такихъ глубоко продуманныхъ, прочувствованныхъ и несомнѣнно выстраданныхъ произведеніяхъ, какъ всѣ части прекрасной трилогіи — „Дѣтство Тёмы“, „Гимназисты“, „Студенты“, но и въ мелкихъ, схваченныхъ на лету разсказахъ и періода 1892—1895 гг. и дальнѣйшихъ. Какая хорошенькая вещица, напримѣръ, относящаяся къ этому періоду — „Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой“. Это—сочная и изящная идиллическая картинка. Она схвачена прямо съ натуры, на лету, и ни на что не претендуетъ, кромѣ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности. И фабулы тутъ никакой нѣтъ, это просто рядъ живыхъ сценокъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ быта и помѣщичьяго и крестьянскаго, до послѣднихъ мелочей. Идиллія да и только, а сколько въ ней разсыпано дѣльныхъ, интересныхъ замѣчаній. Помѣщица Ярыщева стоитъ какъ живая передъ читателемъ, хотя ея портретъ легко, эскизно набросанъ, и его черты ярко выступаютъ главнымъ образомъ изъ бесѣдъ шестидесятилѣтней старушки-помѣщицы съ своими крестьянами-арендаторами. Окружные крестьяне опредѣляли ее, какъ „барыню уважительную“, и, если спрашивали ихъ: „что за человѣкъ барыня Ярыщева?“—отвѣчали въ одинъ голосъ: „Одно слово—не было такой и не будетъ... Уважительная барыня!“ Она не хватала звѣздъ съ неба, но была очень хозяйственная:—„Что тебѣ день?—говорила она мужику-арендатору.—Ты—день, другой—день, а мнѣ, старухѣ, помощь. Съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Я, батюшка, прямо... Мнѣ что таиться? Что было вотъ наслѣдственнаго, то вѣдь и осталось... А отъ мужа да зятя долги одни остались. Всѣ, батюшка, сплатила, всѣ—до копейки! Внучатамъ-то,—старуха радостно понижала голосъ,—чистенькое, какъ яичко облупленное, достанется имѣнье-то!“ А въ этомъ имѣніи обыкновенный порядокъ „былъ таковъ, что въ экономіи сѣялось столько, сколько можно было урвать, такъ сказать, не въ счетъ, безъ денегъ. Сдается, напримѣръ, крестьянину десятина земли подъ посѣвъ. Цѣна—какъ у людей, и одинъ рабочій день выговаривается не въ счетъ. Одну десятину взялъ—

нѣшій рабочій, двѣ — съ лошадью. Часть земли снимала своя деревня и не въ счетъ убирала пять десятинъ. Конечно,—замѣчаетъ далѣе авторъ, — это было немного, но и деревня барыни только и жила тѣмъ, что занималась нищенствомъ. Такъ и въ земской статистикѣ въ рубрикѣ промысловъ она значилась: „занимается нищенствомъ“. Какъ дадутъ повѣстку, чтобы подать вносили, и разбредется деревня. Насобираетъ и взнесетъ. И всегда исправно.—„Что жъ, и умно,—говорила про крестьянъ своей деревни старая барыня, — сами видятъ свою слабость и спасаются! А другой вѣдь только и догадается, что въ кабакъ послѣднее снести!“

Въ этомъ прелестномъ очеркѣ есть и философіи немножко. Внучка старой барыни, двадцатидвухлѣтняя дѣвушка, учащаяся на какихъ-то курсахъ въ столицѣ и гостящая у бабушки, задумалась вечеркомъ подъ пѣсню жнецовъ. Она смотритъ „на заходящее солнце, на толпы жнецовъ, на ту избушку, что стоитъ тамъ далеко, надъ обрывомъ рѣки. Туда бы, въ эту хижину, въ эту мирную идиллію, съ книгой въ рукахъ, забыться отъ житейской прозы. Забыться и жить, довольствуясь самой скромной долей мыслящаго человѣка. Она раскрыла свою книгу и прочла написанное курсивомъ: „Высшее счастье въ трудѣ“. Въ какомъ трудѣ? Тамъ, въ этой хижинѣ, или въ борьбѣ за общую правду? А гдѣ правда и гдѣ въ жизни сознательное мѣсто борьбы? И безъ этого опредѣленнаго мѣста всѣ помыслы о добрѣ и правдѣ развѣ не тотъ же рычагъ Архимеда, безъ точки опоры, о которомъ говорилъ онъ: „Дайте мнѣ точку опоры, и я подыму вамъ землю“. „Дайте“. Но кто дастъ?“ Умѣлъ Гаринъ вставлять такія „философствованія“, заставлявшія работать голову читателя, въ самыя маленькія вещицы свои. Вставлялъ не ради какой-либо тенденціи, а потому, что они свойственны каждому мыслящему существу, каждому, живущему сколько-нибудь сознательной жизнью, а интеллигенту тѣмъ болѣе, и потому еще, что разными мыслями, вопросами философіи и морали былъ полонъ Гаринъ, когда еще сидѣлъ на школьной скамьѣ, что видно и изъ „Дѣтства Тёмы“, и изъ „Гимназистовъ“, и изъ „Студентовъ“ въ особенности. Переставъ быть баловнемъ судьбы, Тёмою, сдѣлавшись уравновѣшеннымъ писателемъ, онъ не виталъ въ эмпиреяхъ философіи, но думы о земномъ счастьѣ, объ опредѣленіи понятія о счастьѣ почти не выходили у него изъ головы. Неисправимый, восторженный мечтатель, искавшій точки опоры, съ помощью которой онъ могъ бы ради всеобщаго благоденствія измѣнить строй жизни, если не всего міра, то хотя бы родной земли, могъ ли онъ не задаваться вопросами, когда видѣлъ вокругъ себя такъ ясно, что —

Отъ слезъ и крови мутны и черны,
Клубятся волны жизни, вѣчнымъ стономъ
И скрежетомъ зубовъ оглашены...

Это былъ не праздный мечтатель, не утопистъ, а мечтатель-трезвенникъ, въ основу своихъ завѣтныхъ грезъ клавшій выводы науки и житейской практики. Его задачей было устроить гостя земли — человѣка такъ, чтобы, во время своего недолгаго гощенія, онъ не терзался, не мучился, чтобы на свѣтѣ не было голодныхъ и холодныхъ, изнывающихъ отъ непосильной работы. Но въ минуты думъ писателя о всеобщемъ счастьѣ все же неотступно стояли передъ его духовными очами эти „проклятые вопросы“:

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силой правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?..

И, мучимый такими вопросами, онъ не могъ не возмущаться фальшью семейныхъ отношеній, вопіющей нашей некультурностью, безправіемъ униженнаго и оскорбленнаго племени — евреевъ. Возмущеніе свое, безъ драматическихъ воплей и истерическихъ выкриковъ, свойственныхъ многимъ представителямъ новѣйшей беллетристики, онъ характерно и высоко-художественно выразилъ въ цѣломъ рядѣ своихъ очерковъ и разсказовъ, продиктованныхъ ему самой жизнью, ея ужасами.

Вотъ разсказъ „Старый еврей“, полный глубокаго трагизма: больного старика-еврея, страдающаго отъ камней въ печени, пріѣхавшаго тайкомъ однимъ глазкомъ взглянуть на свое имѣніе, порученное приказчику, почью выселяютъ изъ его собственнаго жилья. Пріѣхалъ урядникъ съ понятыми, стараго еврея одѣли насильно и на рукахъ снесли въ плетенку и увезли. „Шелъ дождь, завывалъ вѣтеръ, колыхалось пламя фонаря, вѣтеръ рвалъ старую сѣдую бороду, рвалъ и уносилъ послѣднія слова уѣзжавшаго стараго еврея: „Хуже послѣдней собаки... И той можно издохнуть въ своей берлогѣ“... Какую эффектную повѣстушку съ либеральнымъ оттѣнкомъ, по старому шаблону, можно было бы написать на эту тему и романическую интригу приплести. А тутъ, въ этомъ разсказѣ, всего шесть страничекъ неполныхъ! Зато онѣ стоятъ большой повѣсти. И какъ просто написано, безъ малѣйшаго уклоненія въ сторону преувеличеній, тенденціи, безъ идеализаціи еврея, который былъ не безъ грѣха и потому его сослали. Онъ маклеровалъ при продажѣ имѣній, на проценты деньги давалъ въ новыхъ мѣстахъ, куда его сослали... Надъ этой страничкой изъ жизни много думъ можно передумать и сдѣлать тѣ выводы, отъ которыхъ умышленно отказывается авторъ, справедливо предполагая, что она сама говоритъ за себя и въ комментаріяхъ не нуждается. Въ немногихъ словахъ умѣетъ Гаринъ сказать много. Краснорѣчивымъ доказательствомъ можетъ служить этотъ разсказъ о старомъ евреѣ, такой короткій и такой содержательный.

Такой же краткостью и такимъ же большимъ содержаніемъ обращаетъ на себя вниманіе разсказъ Гарина „Сочельникъ въ русской деревнѣ“, передающій впечатлѣнія автора, застрявшаго въ пути и везшаго все нужное для елки. „Я ѣхалъ, — повѣствуетъ онъ, — изъ Петербурга, изъ этого равнодушнаго міра холодной абстракціи, и рвался душой въ тѣсный кругъ любящихъ людей“... То, что онъ запаздываетъ, огорчало его, но невольно это огорченіе отодвинулось далеко на задній планъ, когда ему пришлось натолкнуться на картины нищеты въ канунъ великаго праздника. Нужда была вопіющая. Въ одномъ мѣстѣ крестьянинъ ѣлъ конину; въ другомъ — въ маленькой, тѣсной избѣ лежали мужикъ, баба и пять душъ дѣтей — всѣ въ горячкѣ, лежали голодные, и некому было изъ нихъ вручить помощь. Ямщикъ надоумилъ автора обратиться къ старцу, жившему въ келійкѣ рядомъ и также голодавшему. „Я зашелъ къ старцу, — разсказываетъ Гаринъ. — Перегнувшись, я спустился въ его келійку и при слабомъ мерцаніи восковой свѣчки у иконы разглядѣлъ и сидѣвшаго старца и нищенскую чистоту его обстановки. Мнѣ бросился въ глаза контрастъ: страшное сочетаніе ветхаго, разрушеннаго тѣла съ силой его горящихъ, молодыхъ глазъ. Онъ точно ждалъ меня и, грустный, удовлетворенный, опираясь на свои костыли, смотрѣлъ мнѣ въ глаза... Узнавъ, съ какой я просьбой пришелъ къ нему, старикъ встрепенулся, растерялся, умилился и дрожащими руками то хватался за свои костыли, то опирался на скамью, чтобы встать... Это было и трогательно и невыносимо тяжело смотрѣть, какъ справлялся духъ со своимъ парализованнымъ тѣломъ; какъ, волоча костыли и свои ноги, старикъ по своей лѣстницѣ ползъ, какъ, выбравшись, дрожа и хватаясь за косяки, опираясь на костыль, онъ привелъ наконецъ себя въ равновѣсіе и заковылялъ къ знакомой старухѣ!“ Та находилась въ это время въ темной избѣ, гдѣ лежала мертвая женщина. На колѣняхъ у старухи сидѣлъ маленькій ребенокъ и спрашивалъ ее, придетъ ли къ нимъ Христосъ. „Придетъ, дитятко, придетъ, — вдохновенно охваченная, проговорила старуха. — Люди не идутъ, люди забыли. Онъ не забудетъ!“ Голосъ старухи, надрывающійся, страстный, рыдалъ въ темной избѣ. —„Идетъ, идетъ!..“ —метнулся мальчикъ и судорожно протянулъ руку къ серебряному слѣду летѣвшей и разсыпавшейся милліонами искръ звѣзды“. Какъ чудно написанъ этотъ безхитростный разсказъ, производящій потрясающее впечатлѣніе. Какое золотое сердце нужно имѣть, чтобы такъ трогательно, съ такой искренностью передать простые, заурядные факты всего ужаса нищеты, чтобы кончить повѣствованіе такимъ задушевнымъ заключительнымъ аккордомъ: „Мои нервы, — признаётся авторъ, — не выдержали: подавленный, я рыдалъ въ этой нищей избѣ, охваченный непередаваемымъ чувствомъ. И когда, выплакавъ свои слезы, отдавъ послѣднее, что у меня было, я вышелъ на улицу — меня охватила рождественская ночь. Звѣзды живыя смотрѣли на меня. Ночь,

рождественская ночь волновалась живая и охватила меня своей могучей силой. Я жилъ однимъ чувствомъ съ необъятной русской деревней: я вмѣстѣ съ ней переживалъ эту рождественскую ночь".

„Сочельникъ въ русской деревнѣ" написанъ „на облучкѣ", гдѣ-то на станціи, во время перепряжки лошадей странствующаго автора-инженера, занимавшагосятогда своими изысканіями. И въ этомъ разсказѣ и въ другихъ видно, какъ болѣлъ душою Гаринъ за нашего пахаря, за его бѣдственное положеніе, въ соединеніи съ темнотою, невѣжествомъ, видно, какъ онъ понималъ его состояніе, его психологію, разбирался во всемъ среди этого загадочнаго, словно сказочнаго царства съ его оригинальными устоями. Этому крестьянскому заколдованному царству посвящены многія выдающіяся произведенія Гарина-Михайловскаго. Крестьяне дѣйствуютъ у него въ разсказахъ: „Бабушка Степанида", „Акулина", „Дикій человѣкъ", „На селѣ" и „Матренины деньги", составившихъ цѣлую книгу—„Деревенскія панорамы", на которой авторъ написалъ: „Тебѣ, болѣвшей душою за мракъ и нищету народа, тебѣ, моему другу-товарищу, женѣ моей, Надеждѣ Валеріевнѣ Михайловской, посвящаю я свою невеселую книгу". Это, дѣйствительно, „невеселая" книга, для которой годился бы эпиграфъ, поставленный къ разсказу „Матренины деньги": „Въ некультурныхъ условіяхъ одинаково дичаютъ и человѣкъ, и животное, и растеніе". Полное отсутствіе культуры родитъ въ деревнѣ ту дикость, тѣ ужасные нравы, тьму кромѣшную, которые въ богатыхъ, сильныхъ, художественныхъ образахъ такъ наглядно представлены въ этой книгѣ. Неумѣнье распорядиться своими силами, бѣдность, звѣрство, жестокость, отсутствіе понятія о правѣ, неуваженіе къ человѣческой личности царятъ въ деревнѣ. А главное „растетъ нужда въ народѣ, изъ года въ годъ, точно хворь какая негодная". Полны всѣмъ этимъ разсказы Гарина въ „Деревенскихъ панорамахъ", гдѣ столько прекрасно обрисованныхъ типовъ, и женскихъ и мужскихъ, столько бытовыхъ подробностей. Живая встаетъ передъ читателемъ деревня во всей ея неприглядности, скорбной простотѣ, плетворной наивности и странномъ своеобразіи. Съ какимъ огромнымъ знаніемъ и вѣрнымъ пониманіемъ человѣческой души изображаетъ авторъ своихъ сѣрыхъ героевъ! Не пренебрегаетъ онъ мелочами для того, чтобы выпуклѣе представить изображаемыя имъ лица, событія, явленія, все, что̀ онъ видѣлъ и наблюдалъ, что̀ запечатлѣлось въ его богатой памяти и чуткомъ сердцѣ. Съ большой любовью, съ любовью мыслителя и художника ставитъ онъ свои „панорамы" передъ читателями въ ихъ естественномъ освѣщеніи, гдѣ уголовщина, ужасы жизни, таинственность, отраженія суевѣрія, трагическое и забавное переплетаются и въ общемъ производятъ впечатлѣніе неотразимое. Когда показываютъ панорамы, нерѣдко онѣ дополняются объясненіями. А тутъ никакихъ объясненій не нужно: смотри только внимательно и замѣчай—настолько все ясно и вразумительно.

Комментаріями можетъ тутъ служить хотя бы такой, приводимый авторомъ, разговоръ его съ однимъ старикомъ-крестьяниномъ въ небольшомъ разсказѣ, подъ заглавіемъ „На ходу“. Авторъ каждое лѣто бралъ на свои изысканія нѣсколько рабочихъ изъ его же деревни. „Это ихъ путешествіе,—по его замѣчанію,—ихъ отдыхъ отъ прозы жизни, и надо видѣть, какое наслажденіе, сколько пищи даетъ имъ такое путешествіе. И часто ихъ внимательный разборъ чего-нибудь новаго, не схожаго съ ихъ бытомъ, ихъ живой интересъ ко всему останавливаетъ и мое вниманіе и заставляетъ работать мысль надъ тѣмъ, что, при другихъ условіяхъ, навѣрное, ускользнуло бы отъ наблюденія. Ничего не упустятъ изъ виду,—все замѣтятъ и отнесутся критически“. Въ одномъ селеньи во время жнитва, когда въ полѣ найдешь и стараго и малаго, авторъ завелъ разговоръ со старикомъ и, узнавъ, что нѣтъ урожая, замѣтилъ ему: „Ну что жъ? Божья воля!“ Старикъ-крестьянинъ, на это въ отвѣтъ, заговорилъ ворчливо: „Нѣтъ, не Божья... У Бога и у царя милостей много! Ранній-то хлѣбъ; что рожь, что яровинка, ты гляди, какой! А позднихъ нѣтъ! Затѣмъ, что сѣмена поздно дали...“ И, подробно разсказавъ о нелѣпыхъ распоряженіяхъ власть имущихъ, прибавилъ въ заключеніе: „Со стороны сердце кровью обливается: народъ гадится... Помощи много, а толку нѣтъ. Дѣло наше, мужицкое, съ виду-то простое, а понимать его надо... Умнѣющимъ человѣкомъ надо быть, чтобы это самое дѣло сошлось... Вотъ сейчасъ мужикъ —дуракъ, и тоё и сё, а мужику виднѣе свое дѣло... Насъ и спроси, чего намъ надо—намъ-то оно виднѣе...“ Еще любопытнѣе разговоръ автора, отдыхавшаго во время привала, съ однимъ проѣзжимъ, котораго онъ пригласилъ отдохнуть и освѣжиться. „Скажите откровенно, — спросилъ проѣзжій:—вы противникъ или сторонникъ послѣдней реформы?“—и, получивъ отвѣтъ, что авторъ еще выясняетъ для себя эту реформу, не знаетъ ея, сказалъ: „Спасибо хоть за это... Обыкновенно мы не знаемъ и судимъ... Это характерная черта русскаго человѣка—знаніе замѣнять пальцемъ, приставленнымъ ко лбу: чѣмъ меньше знаетъ, тѣмъ больше апломба. . Въ результатѣ полный сумбуръ, который не со вчерашняго дня продолжается... Картина передъ вами: вѣковой развратъ крѣпостничества, блистательная реформа освобожденія, переходъ отъ рабства сразу къ дикой свободѣ, результатъ этого перехода... Свобода? Кому свобода? Озвѣрѣвшему? Такъ дайте жъ ему сначала образъ человѣческій, дайте ему тотъ руль, при помощи котораго онъ можетъ управляться съ этой свободой... Дайте ему воспитаніе, котораго не было у русскаго человѣка—и дворянина и мужика—за всю его тысячелѣтнюю исторію“... Такихъ комментаріевъ у Гарина довольно много...

Крестьянству отводится достаточно мѣста и въ книгѣ Гарина „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“, въ этомъ сводѣ впечатлѣній его, какъ хозяина-практика, въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ, въ 1886—1896 гг. Это не болѣе на мѣстѣ, какъ продолженіе его записокъ о деревнѣ, на-

печатанныхъ подъ заглавіемъ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“. Это та же скорбь о крестьянской долѣ, о нехозяйственности, въ истинномъ смыслѣ этого понятія, оратая земли русской, яркая картина пеладовъ его съ помѣщикомъ, съ начальствомъ и т. д., а на ряду съ этимъ талантливыя объясненія логики вещей, множество цѣнныхъ разсужденій, почти спеціальнаго характера, о положеніи крестьянскаго дѣла, состоянія нашего сельскаго хозяйства и наконецъ нашего общественнаго строительства. Нужно ли говорить, какъ все это написано живо, нервно, съ увлеченіемъ, какъ безусловно интересно для каждаго. Масса тутъ живыхъ разговоровъ, движенія, и любопытные, оригинальные, сами собой вытекающіе изъ этой красивой эпопеи выводы. Тяжелыя впечатлѣнія пришлось вынести автору, видѣвшему ясно весь мракъ крестьянства, жизнь, похожую на выдумку, полную ужасовъ, среди которой „какія-то блестки, какія-то молніи прорѣзаютъ иногда, но отъ которыхъ еще темнѣе становится кругомъ“,—видѣвшему и всю косность нашего общества,—и тѣмъ не менѣе онъ преисполненъ вѣры, что источникъ прогресса сдѣлаетъ свое дѣло, придутъ лучшіе дни, что велика мощь русскаго народа, что она возродитъ его, откроетъ ему новые горизонты. Для этого надо работать, а не хныкать и ныть надъ современнымъ строемъ, точно надъ плитой могилы. Гаринъ не пессимистъ. Своей энергіей онъ заражаетъ читателя и, рекомендуя ему трудиться не покладая рукъ, показываетъ ему примѣръ такого труда и подымающей духъ энергіи... Это главная задача автора, она положена въ основу почти каждаго его произведенія. Онъ какъ бы говоритъ читателю: „Усиленно работайте надъ собою, отдавайтесь всѣмъ существомъ работѣ на общую пользу!“

Только вѣдь работать надо со смысломъ, вездѣ и всюду,—поучаетъ авторъ-труженикъ,—и въ постройкѣ дорогъ, и въ хозяйствѣ деревенскомъ, и въ торговлѣ и промышленности. А то вѣдь есть работа совсѣмъ не хозяйственная, напоминающая бѣлку въ колесѣ, или такая, про которую французы сложили поговорку, что „игра не стоитъ свѣчъ“. Про одну изъ подобныхъ работъ назидательно разсказываетъ Гаринъ въ маленькомъ очеркѣ „На ночлегѣ“. Гарину пришлось какъ-то дѣлать изысканія въ Ярославской губерніи. Въ одинъ короткій зимній день, кончивъ работу, онъ со своимъ помощникомъ рѣшилъ переночевать гдѣ-нибудь въ только-что пройденномъ поселкѣ. И, изрядно уставъ и продрогнувъ, выбрали первую попавшуюся, старенькую избу. Посреди нея „стоялъ прядильный станокъ,—онъ работалъ, шумѣлъ, и во всѣ стороны отъ него разлеталась пыль. Крупныя частицы ея тутъ же опускались на полъ, на столъ и скамьи, на платье, а мелкая такъ и стояла въ воздухѣ, погружая избу, несмотря на горѣвшую лампочку, въ удушливый полумракъ“. Всѣ обитатели производили грустное впечатлѣніе своимъ болѣзненнымъ, изнуреннымъ видомъ, испитыми, зелено-желтыми лицами,—„впечатлѣніе какого-то походнаго, гдѣ-нибудь на войнѣ, лазарета выздоравливающихъ тифозныхъ“. У стѣны лѣ-

вушка-ткачиха „раскорякой сидитъ, работаетъ ногами, высоко поднявъ ихъ и перегибаясь то въ ту, то въ другую сторону, то-и-дѣло бросая челнокъ. Сколько быстрыхъ движеній, и какихъ разнообразныхъ и неудобныхъ: одна нога такъ, другая иначе, перегнулась въ одну сторону, что-то дѣлаетъ рукой, а другой, неудобно занесенной, ловитъ челнокъ. И все это быстро, быстро". Работаютъ день и ночь, въ четыре смѣны, и за такой отчаянный трудъ, тяжелѣе котораго, кажется, и нѣтъ, получаютъ гроши, работая на фабрику какого-то купца. А между тѣмъ, по откровенному признанію хозяина избы, дѣло можно облегчить. „Вотъ,—говоритъ онъ,—въ Абрамовскомъ самъ купецъ особый домъ выстроилъ,—у всякаго свой станокъ... Тамъ хорошо... И челночокъ самолетъ устроилъ: самъ челночокъ перепрыгиваетъ, а здѣсь видишь какъ—изломаться пять разъ на минуту всѣмъ тѣломъ надо... И проворная работа: въ три раза скорѣе нашей". Напрашивается самъ собою невольный вопросъ:—отчего не завести такого челнока самолета? Оказывается, что онъ стоитъ десять рублей, а гдѣ ихъ взять? И тутъ авторъ сталъ подсчитывать, и вышло, что при такомъ челночкѣ, который въ три раза быстрѣе, получаются огромная экономія и большія сбереженія. Авторъ дѣлится своимъ впечатлѣніемъ съ хозяйкой, а та отвѣчаетъ ему равнодушно: „Суета безкорыстная!" Вотъ она, косность безграничная!—справедливо можетъ сказать читатель.

Уходя съ ночлега, авторъ все еще слышалъ то же восклицаніе: „Суета, суета, суета!" „И долго еще,—заключаетъ онъ съ грустью,—я не могъ отдѣлаться отъ мысли и объ этомъ станкѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ выдуманномъ, съ его стоимостью въ десять рублей, и объ этой семьѣ, пристегнутой еще къ деревнѣ и уже тяжело и грубо отрываемой отъ нея иной жизнью". Все это разсказано на какихъ-нибудь восьми маленькихъ печатныхъ страничкахъ и какъ разсказано! Такъ живо и наглядно, что вамъ кажется, будто вы присутствуете въ этой вонючей старой избѣ и видите закоренѣлый въ своей косности неуклюжій станокъ и такихъ же, какъ этотъ ткацкій станокъ, косныхъ хозяевъ и слышите голосъ хозяйки съ ея костлявой спиной, съ ея грязнымъ сарафаномъ, про себя провѣряющей вычисленія любознательнаго, безпокойнаго инженера, какъ-то запинающей, недоумѣвающей, огорченной. Получается полная иллюзія. Читатель видитъ и самого инженера, пріютившагося въ сторонкѣ, съ его умнымъ, энергичнымъ лицомъ, съ его красивыми, выразительными глазами, въ которыхъ отражается и русская удаль, и настойчивость, и думы, перегоняющія одна другую. Читатель любуется авторомъ, этой изумительно живой душой, посѣщающей всюду и вездѣ, всѣмъ интересующейся, совмѣстно съ тѣломъ не знающей отдыха и очень мало заботящейся о немъ. Такъ картинно написаны при самыхъ незамысловатыхъ фабулахъ разсказы „Ицка и Давыдка", эпизодикъ изъ будничной, сѣренькой жизни двухъ одесскихъ евреевъ-портныхъ, „Мои скитанія"—посѣщеніе авторомъ

одной деревеньки среди лѣсовъ и дебрей Костромской губерніи, „Картинки Волыни“—тоже путевыя впечатлѣнія, встрѣчи, наблюденія надъ жизнью и нравами обитателей. Чего только тутъ нѣтъ: и характеристики и сцены, выхваченныя живьемъ съ натуры, замѣчанія, надъ которыми нельзя не призадуматься серьезно. И, главное, все это бойко, увлекательно написано.

„Ицка и Давыдка“ — просто небольшой жанровый набросокъ съ этнографическимъ оттѣнкомъ, вызывающій сочувствіе читателя къ двумъ бѣднымъ труженикамъ-евреямъ, работающимъ изъ-за грошей, живущимъ въ грязи, обладающимъ всѣми особенностями ихъ расы. Это—два великолѣпныхъ портрета въ натуральную величину, гдѣ каждый мазокъ краснорѣчиво говоритъ о сочной, увѣренной кисти художника. Давыдка нанималъ для себя подмастерье и „хотя и держалъ въ рукахъ все нужное для работы, а именно: матеріалъ, нитку и иголку, хотя и сдвигалъ самымъ энергичнымъ образомъ свою шапку на затылокъ, но въ сущности ничего не дѣлалъ, и его звонкій голосъ ни на мгновеніе не уступалъ всему остальному хору голосовъ обитателей его квартиры. Со стороны можно было бы подумать, по соединенному гвалту, что идетъ ссора на смерть, но благодушныя, удовлетворенныя лица обитателей свидѣтельствовали, что это только свойственная этой расѣ манера говорить. Въ квартирѣ Ицки, напротивъ, царила какая-то гнетущая тишина. Ицка былъ нѣмъ, какъ рыба, и съ утра до вечера, не разгибая спины, корпѣлъ надъ работой: только и видно было, какъ мелькала усердная иголка, то пришивая новую яркую латку на затасканное сукно, то возстановляя согласіе между двумя половинками разссорившихся штановъ“. Настоящимъ безобиднымъ и нѣжнымъ, слегка лѣнивымъ юморомъ блещетъ этотъ очеркъ. „Мои скитанія“ также краснорѣчиво повѣствуютъ объ утонченной наблюдательности автора и огромномъ умѣніи писать съ натуры и подмѣчать при этомъ всякую мелочь. Тутъ авторъ пишетъ портретъ старосты, въ избѣ котораго остановился, набрасываетъ облики толпы, повалившей во дворъ этого старосты глазѣть, какъ авторъ торгуетъ у него лошадку, попутно рисуетъ и фигуру своего помощника инженера-черногорца, „для котораго нерѣдко море по колѣно, котораго когда-то австрійское правительство приговорило къ разстрѣлу за боснійское возстаніе, и онъ,—австрійскій инженеръ,— съ потерею всѣхъ правъ, бѣжалъ въ Россію, гдѣ пришлось начинать съ самаго начала, съ самыхъ первыхъ ступеней“. Наконецъ, мимоходомъ дастъ авторъ и картинку вопіющей бѣдности одного старца, который разсказалъ ему кое-что про свое житье. „На словахъ,— поясняетъ авторъ,— не передать: надо изжить всю нужду, все горе-горькое, надо всмотрѣться въ эти неживые отъ нужды глаза и въ эту кожу лица, въ лица дѣтей, въ измученную, безъ кровинки, женщину,—всмотрѣться, и что-то, не поддающееся никакому описанію, почувствовать“. Старикъ не жалуется на судьбу и славитъ свою долю. „Найдутся,—не безъ ироніи замѣчаетъ [illegible]

торъ,—охотники восторгаться чудными качествами души ихъ дѣла. Замѣчу только, что особенно на руку это качество всякому мироѣдству". Попадаются въ этомъ очеркѣ и хорошенькіе пейзажи, но авторъ не любитъ ихъ безъ людей, и на фонѣ ихъ у него всегда вы встрѣтите подходящія фигуры. Не природѣ, а людямъ отводитъ онъ больше всего мѣста.

Многое множество самыхъ интересныхъ фигуръ, и съ внѣшней и съ психологической стороны, находимъ въ „Картинкахъ Волыни". Тутъ цѣлый этнографическій альбомъ — хохлы, поляки, евреи; бѣглыя, но яркія характеристики, мѣткія замѣчанія, много своеобразнаго юмора— и ко всему этому удивительная способность заинтересовать читателя любой фигурой, сценкой, мимолетной характеристикой лица или явленія, не говоря уже о блестящей характеристикѣ цѣлаго края. Бесѣдуя съ хохломъ о помѣщикѣ, у котораго только и заботы, что садъ, и которому „цѣлесенькій" (т.-е. цѣлый) годъ таскаютъ деньги и нѣмцы, и евреи, и поляки,—авторъ говоритъ, что ему „рисуется красивая, спрятанная въ зелени усадьба стараго пана, большое окно, которое одно выглядываетъ изъ-за деревьевъ; рисуется корчма и робко выглядывающій изъ ея двери ея долгополый владѣлецъ. Одинъ властной рукой беретъ свою львиную долю, другой робко протягиваетъ руку къ крохамъ; одинъ спитъ на деньгахъ и въ деньгахъ, другой счастливъ, если къ шабашу заработалъ фаршированную щуку; одному почетъ, уваженіе, подобострастный поклонъ, другому — презрѣніе и ненависть..." Читатель напряженно слѣдитъ за путешествующимъ авторомъ, за его любопытными бесѣдами со шляхтичемъ, его возницей,—и новые горизонты постоянно открываются передъ читателями. Любопытны строки ко всему приматривающагося автора о томъ, какъ Полѣсье обсѣли мухи, то бишь нѣмцы. Полѣщуки за хорошія деньги „продали нѣмцамъ и болота, и лѣса, и съ интересомъ дикарей ждали, что будутъ дѣлать нѣмцы дальше". И вотъ дѣло рукъ нѣмцевъ теперь на виду: болота высушены, лѣса выкорчеваны, но „желѣзнымъ кольцомъ охвачены разорившіеся въ своихъ деревняхъ помѣщики. Тѣсно помѣщику, задыхается онъ въ своемъ нарядѣ, въ своемъ уборѣ, въ желѣзномъ кольцѣ сильнаго своей культурой народа. Это ужъ не слабосильный полякъ и еврей". Слушалъ авторъ печальную, раздраженную повѣсть о томъ, что было и что стало. „И земли нѣтъ, и то, что есть, отъ рукъ отбилось. Выбивается изъ силъ на своей нивѣ пахарь, выбивается изъ силъ его изнуренная кляча, безнадежно вытягиваясь за нѣмецкимъ плугомъ, шутя увлекаемымъ четверкой сытыхъ лошадей. У полѣщука земля старая, истощенная, пашня мелкая, у нѣмца — земля новая, тщательная, да еще навозомъ сдобренная. И бросаетъ полѣщукъ землю"... И авторъ чуть не съ воплемъ спрашиваетъ: что же дѣлать, и волнуется горячо за несчастнаго полѣщука, какъ волнуется и страдаетъ за нищаго, обиженнаго, обездоленнаго, за наше неустройство, отсутствіе почина, за наше убожество во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ

каковы эти живые очерки съ такимъ непритязательнымъ заглавіемъ и съ такимъ богатымъ содержаніемъ, съ такой красотой письма, какая дается далеко не многимъ мастерамъ слова. Больше двадцати лѣтъ тому назадъ написаны „Картинки Волыни“, а между тѣмъ онѣ и донынѣ сохраняютъ интересъ новизны во многихъ отношеніяхъ, онѣ ничуть не устарѣли: читаются съ большимъ интересомъ, какъ настоящая животрепещущая беллетристика. А отчего? Это уже тайна таланта Гарина. Всякую дѣловитость, всякую отвлеченность онъ лишаетъ сухости. О чемъ онъ ни заговоритъ, о плодоперемѣнной хозяйственной системѣ, объ экономическихъ нашихъ неурядицахъ, объ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ, о чемъ угодно, онъ облечетъ это въ такую привлекательную форму, что заинтересуетъ васъ съ первой же страницы.

Къ срединѣ девятидесятыхъ годовъ относится идейный переломъ въ Гаринѣ-Михайловскомъ. Народничество „Русскаго Богатства“ не удовлетворяетъ уже этого неумолимо растущаго дѣятеля, безпокойнаго искателя истины. Онъ рветъ свою связь съ журналомъ, съ его дѣятелями, оставаясь съ ними въ добрыхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ. Чары критика Михайловскаго не заколдовали Михайловскаго-беллетриста, и, почувствовавъ ихъ тяготу, Гаринъ сбросилъ съ себя эти чары. Онъ оказался несравненно сильнѣе Глѣба Успенскаго, котораго своимъ губительнымъ вліяніемъ давилъ Н. К. Михайловскій и который, въ угоду партіи критика, вытравлялъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ и блестящій юморъ и красоту. „Чуткій и даровитый,—справедливо замѣчаетъ одинъ изъ некрологистовъ Гарина-Михайловскаго,—съ яснымъ умомъ и богатымъ запасомъ жизненныхъ наблюденій, хорошо знавшій, въ частности, деревню и понимавшій въ ней процессъ разложенія старыхъ устоевъ жизни подъ вліяніемъ вторгнувшихся капиталистическихъ отношеній, Гаринъ, въ возгорѣвшемся тогда спорѣ между старымъ народничествомъ и молодымъ марксизмомъ, не могъ не стать на сторону послѣдняго: жизненная и теоретическая правда, а слѣдовательно и будущность были на сторонѣ реалистовъ-марксистовъ, а не идеалистовъ-народниковъ“. Всегда слѣдуя въ жизни изреченію мудрѣйшей книги, что „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“, Гаринъ-Михайловскій, утвердившись въ своей новой вѣрѣ, энергичный и стремительный, поспѣшилъ примѣнить ее къ жизни. Онъ явился однимъ изъ основателей нашей первой газеты марксизма—„Самарскаго Вѣстника“, сдѣлавшись ея издателемъ и соредакторомъ. Главнымъ образомъ онъ завѣдывалъ литературнымъ отдѣломъ и помѣстилъ въ этой газетѣ нѣсколько своихъ произведеній, что не помѣшало ему участвовать своими разсказами также въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“, „Камско-Волжскомъ Краѣ“ и друг. изданіяхъ. Въ петроградскихъ журналахъ онъ, прекративъ сотрудничество въ „Русскомъ Богатствѣ“, помѣщалъ свои очерки и разсказы въ „Мірѣ Божьемъ“, „Журналѣ для всѣхъ“, „Жизни“, „Космополисѣ“, „Началѣ“. Здѣсь напечатаны: „Бурлаки“, „Жизнь

безсловесная“ („Немальцевъ“), „На ночлегѣ“, „Карандашомъ съ натуры“, „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“, „Исповѣдь отца“, „Въ конкѣ“, „Дворецъ Дима“, „Клотильда“, пьеса „Орхидея“, шедшая въ Маломъ театрѣ и имѣвшая успѣхъ, и проч.

„Клотильда“ появилась въ марксистскомъ журналѣ „Начало“ (1899 г., № 1—2). Какъ попала эта благоухающая поэма въ прозѣ въ такое изданіе—Богъ вѣсть... Трогательная исторія молодой любви какъ-то не вяжется съ замыслами марксизма... Разсказъ ведется отъ имени юнаго сапернаго офицера, уѣхавшаго въ армію во время послѣдней турецкой кампаніи, на долю котораго выпалъ Бургасъ, гдѣ въ то время шли энергичныя работы по устройству порта. Сапера звали Николаемъ Саблинымъ. Если сопоставить исторію сапера съ этимъ періодомъ жизни Николая Георгіевича, когда, въ 1878 г., окончивъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія, онъ уѣхалъ-въ дѣйствующую армію на работы по постройкѣ шоссе до Бургаса, то надо прійти къ заключенію, что „Клотильда“—просто воспоминаніе автора объ одномъ изъ своихъ увлеченій въ ранней молодости. Да и какъ не увлечься Клотильдой, пѣвицей-француженкой въ Бургасѣ, гдѣ процвѣталъ кафе-шантанъ въ наскоро сколоченномъ, громадномъ сараѣ? Она была очень красива, сверкала свѣжестью, бѣлизной тѣла, покоряла большими, ласковыми, мягкими, черными глазами при волосахъ цвѣта выспѣвшей ржи, золотыхъ, густыхъ, великолѣпныхъ. „То, что художники называютъ послѣднимъ блескомъ, отъ чего картина оживаетъ и говоритъ о томъ, что хотѣлъ сказать художникъ, у Клотильды было въ ея глазахъ, живыхъ, говорящихъ, просящихъ“. Она не походила на обыкновенныхъ жрицъ кабацкихъ подмостковъ. Счастливо жила въ Марсели съ родной семьей и на свое горе привлекала всѣхъ своей красотой. Съ ея отцомъ случилось несчастье, и должны были все продать у нихъ... „Ничего не продали, но она продала себя и ушла изъ родныхъ мѣстъ навсегда“... И началась ужасная жизнь...—„Ты понимаешь,—разсказывала она молодому саперу,—онъ, который такъ клялся, благодаря которому я попала въ больницу,—онъ бросилъ меня... Нищая, черезъ шесть мѣсяцевъ я вышла опять на улицу“... Молоденькій саперъ влюбился въ несчастную женщину. Она напомнила ему глубоко-гуманное стихотвореніе Виктора Гюго: „Oh! N'insultez jamais une femme, qui tombe“—

Не клеймите печатью презрѣнья
Тѣхъ страдалицъ, которыхъ судьба
Довела до стыда, до паденья...
Какъ узнать вамъ, какая борьба
У несчастной въ душѣ совершалась,
Когда молодость, совѣсть и честь, —
Все святое навѣки рѣшалась
Она въ жертву пороку принесть?

Саперъ полюбилъ Клотильду со всѣмъ пыломъ своего энергич-

наго и стремительнаго сердца, но въ тайникѣ души ея прошлое смущало его, и влюбленный чувствовалъ себя раздвоеннымъ и несчастнымъ. Онъ видѣлъ, что Клотильда любила его, но не хотѣлъ вѣрить ея глубокому чувству, переходилъ отъ отчаянія къ вѣрѣ, и опять перевѣсъ брало отчаяніе. Клотильда уѣхала изъ Бургаса, саперъ провожалъ ее и послѣ отъѣзда ея, понявъ ея истинное чувство къ нему, послалъ ей письменное предложеніе. Но она не согласилась быть его женой. Въ концѣ ея отвѣтнаго письма стояло: „Прощай... Надо кончать, а я не могу, потому что знаю, что въ послѣдній разъ говорю съ тобой. Завтра я уѣзжаю отсюда навсегда. Не ищи: міръ большой, и я затеряюсь въ немъ, какъ песчинка. О, какъ страдаю я, отнимая отъ себя самой все лучшее, о чемъ могла я только мечтать въ жизни, что и дала мнѣ жизнь такъ поздно“... Но саперъ сказалъ себѣ, что не поздно, и быстро собрался къ ней въ Галацъ. Увы, тамъ ея не было. Глубоко волнуетъ всякое мягкое сердце заключительная главка повѣсти. „Пронеслись года, — признаётся ея герой,—жизнь моя сложилась иначе, чѣмъ я думалъ тогда. Я много пережилъ, понялъ, видѣлъ много зла въ жизни... И чистый образъ Клотильды все ярче и ярче въ моей душѣ“... И, вспомнивъ, какъ, провожая Клотильду, онъ оттолкнулъ ея руку изъ ложнаго стыда, видя, что смотрятъ матросы, саперъ-авторъ восклицаетъ: „О, если бы теперь я могъ крикнуть ей: — Клотильда, дай пожать тебѣ руку! Тебѣ, властной, невѣдомой мнѣ силой заставившей меня любить и вѣчно страдать за поруганную правду человѣческаго счастья“. Сдается мнѣ, что изъ этихъ маленькихъ выписокъ читатель пойметъ, какой художественной красоты полна эта повѣсть, искренняя, глубоко прочувствованная и простая, лишенная малѣйшей искусственности. Авторъ разсказываетъ, съ присущей ему откровенностью и непринужденностью, все, какъ было, но не сплошь о сердечныхъ переживаніяхъ молоденькаго сапера, а вставляетъ, среди описанія этихъ переживаній, интересные эпизоды, попутно дѣлаетъ наброски съ натуры денщика Ницкты, типичнаго хохла, очень привязаннаго къ своему барину, напоминающаго добрую няньку, и тѣмъ не менѣе не забывающаго о пріумноженіи своихъ капиталовъ за счетъ этого барина; типично рисуетъ авторъ и фигуру инженера Бортова, своего начальника, живущаго съ кафе-шантанной пѣвицей, оборотливой нѣмкой Бертой, довольно привязанной къ нему... за деньги. Это сознаётъ Бортовъ, превосходный работникъ, разумный и какъ будто холодный резонеръ, философски относящійся къ событіямъ своей жизни и къ сожительству съ Бертой, но, когда она уѣзжаетъ, онъ чувствуетъ пустоту въ сердцѣ и нежданно, сюрпризно для всѣхъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Все это написано на фонѣ южной природы, среди которой Клотильда, „прекрасная, какъ нѣжный воздухъ южной осени, была и вся сама только этимъ воздухомъ“, какъ думалъ саперъ о ней „въ минуты душевной невзгоды“, а когда она уѣхала, онъ воскликнулъ: „Что мнѣ жизнь,

весь міръ, если въ немъ нѣтъ Клотильды... Пусть для всего этого міра Клотильда будетъ, тѣмъ угодно, но для меня Клотильда—міръ, жизнь, все... Пусть міръ не любитъ ее,—я люблю. Это мое право. И всѣ силы свои я отдамъ, чтобы защитить это, мое право, мою любовь, мою святыню!" Съ необычайной энергіей произноситъ онъ это восклицаніе, и такой же энергіей дышитъ и вся повѣсть. Тѣма, влюбляясь, загорался, какъ самый горючій матеріалъ, и не потухала въ немъ эта энергія страсти до конца и проявлялись во всемъ — и въ любви, и въ изысканіяхъ, и въ народничествѣ, и въ увлеченіи марксизмомъ, и въ обожаніи творчества.

Хотѣлъ бы въ pendant къ этой повѣсти, написанъ раньше ея болѣе поэтическая исторія любви, которую еще скорѣе, чѣмъ „Клотильду", можно назвать поэмой въ прозѣ. Хотя дѣйствіе происходитъ въ наши дни, но отъ этой поэтической вещицы вѣетъ какой-то легендой средневѣковья, когда умѣли любить сильнѣе нашего, пламеннѣе и крѣпче. Она и написана въ такой манерѣ, словно октавами. Заглавіе ея—„Ревекка". Героиня разсказа—молодая еврейка, живущая у стараго дѣда, фанатика. Молодой художникъ страстно полюбилъ семнадцатилѣтнюю Ревекку. Она отвѣтила бы ему тѣмъ же, но помнила предсмертные завѣты дѣда, стараго Бена, никогда не принадлежать „проклятому гою", не измѣнять вѣрѣ отцовъ своихъ. „Слышишь, Ревекка?—говорилъ онъ, умирая.—Слышишь ты Бога своего? Слышишь народъ свой? Слышишь ты стоны его? Видишь ты пытки, костры и мученія?.. Видишь и слышишь ты наглый ихъ смѣхъ, издѣвательство ихъ надъ народомъ?.. Ревекка! Кровью пусть сердце твое..." Но не кончилъ старый Бенъ—и упалъ мертвымъ. Видя, что въ ней пробуждается чувство къ Антонію, прекрасному художнику, Ревекка покинула городъ и вернулась въ него спустя нѣсколько лѣтъ, дебютируя въ мѣстномъ театрѣ ролью Валентины въ „Гугенотахъ". Антоній свидѣлся съ нею, показалъ ей свои произведенія въ мастерской, между прочимъ, изображавшія еврейскую жизнь—и, въ концѣ концовъ, увлекъ ее. Однако спустя три года онъ измѣнилъ ей. Но потомъ вернулся къ ней, а она умирала. И „вскорѣ въ расплывшейся пустотѣ его разума всѣ мысли погасли" и, помѣшанный, посѣщая могилу Ревекки, замерзъ на еврейскомъ кладбищѣ у мавзолея любимой женщины... Вотъ и все.

Мы не станемъ слѣдить за остальными вспышками творчества Гарина въ этотъ послѣдній періодъ его служенія музамъ. Его талантъ окрѣпъ еще болѣе. Еще ярче отразилъ онъ ту полноту жизни, которую ощущалъ въ себѣ этотъ художникъ слова, стоявшій выше толпы, принимавшій живое и лихорадочное участіе въ умственномъ движеніи русскаго общества и все-таки оставшійся художникомъ до мозга костей—прежде всего. Какой бы изъ разсказовъ его вы ни прочли, какого бы характера онъ ни былъ, идейный ли, простое ли описаніе явленій жизни, схваченнаго на лету—васъ прежде всего привлечетъ художественное построеніе

разсказа, теплота, искренность, задушевность, особенная, свойственная Гарину манера, его собственный обликъ, сквозящій чуть не въ каждомъ произведеніи. Его любовь къ женщинѣ, къ вѣнцу творенія, и еще сильнѣе любовь къ дѣтямъ тронетъ васъ до глубины души. Онъ, какъ никто, умѣетъ выразить эту любовь. Есть у него много разсказовъ-воспоминаній; отдавая должное ихъ богатому идейному содержанію, вы однако еще больше увлечетесь тѣмъ неподдѣльнымъ чувствомъ, которымъ согрѣтъ разсказъ. И вы не можете не вѣрить этому истинному чувству автора-художника, не можете не вѣрить, не цѣнить необычайной задушевности, которая хватаетъ за сердце и всегда почти остается въ памяти на всю жизнь... Въ самомъ дѣлѣ, можно ли читать безъ волненія такія вещи, какъ „Вероника“, очеркъ, воспѣвающій радость материнства, „Исповѣдь отца“, гдѣ отецъ вновь находитъ своего ребенка и научается сдерживать свои нервы по отношенію къ дѣтямъ? „Немальцевъ“ — грустная исторія крестьянина, ставшаго солдатомъ, „Трясина“—исторія гибели самороднаго таланта, „Коротенькая жизнь“ — элегическое воспоминаніе о прошлыхъ радостяхъ, блаженствѣ любви отца къ сыну, „Кое-что“—такія же воспоминанія о любимой женщинѣ, „Геній“—фактъ изъ жизни еврея и т. п. Еврейству посвящено много разсказовъ Гарина, являющагося не апологетомъ его, а судьею тѣхъ, кто смотритъ сверху внизъ на угнетенное племя. Надо ли говорить еще о прелестномъ поэтическомъ грустномъ разсказѣ „Дворецъ Дима“, съ посвященіемъ автора: „тебѣ, другу дѣтей, моей дорогой дочери Дюсѣ“, или о разсказѣ „Бабушка“, въ которомъ выведенъ оригинальный женскій типъ, кряжевая натура, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ для исполненія задуманнаго? Бабушка богомольна, стара, но ради глупаго желанія, каприза, играетъ честью женщины... На всѣхъ этихъ разсказахъ лежитъ печать истиннаго таланта, вдумчиваго, оригинальнаго, который просмотрѣла наша критика, который еще ждетъ настоящей оцѣнки и, конечно, дождется...

Послѣ увольненія министра путей сообщенія Кривошеина, его постъ занялъ дѣятель безупречный, даровитый и „американецъ“, князь М. И. Хилковъ. Прекрасно знавшій причину внезапной отставки Гарина-Михайловскаго, онъ пригласилъ его на службу въ свое вѣдомство и спустя нѣсколько мѣсяцевъ поручилъ ему постройку узкоколейной Кротовко-Сергіевской желѣзной дороги. Николаю Георгіевичу выпало такимъ образомъ счастье примѣнить къ дѣлу свою завѣтную мысль сооруженія въ Россіи дешевыхъ путей. Онъ съ большимъ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе, и дорога эта вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію, отлично работаетъ, соединяя Сергіевскія сѣрныя воды съ магистралью Самаро-Златоустовской дороги. Постройку этой дороги Николай Георгіевичъ завершилъ въ 1898 году и, въ видѣ отдыха, отправился въ началѣ іюля того же года въ путешествіе кругомъ свѣта. Путь былъ далекій: черезъ всю Сибирь, черезъ Корею и Манчжурію

до Портъ-Артура; отсюда черезъ Шанхай, Японію, Сандвичевы острова, Нью-Іоркъ, черезъ Европу, обратно въ Петроградъ. Передъ самымъ его отъѣздомъ было сдѣлано предложеніе путешественникамъ—ознакомиться съ производительностью мѣстности, лежащей между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ, и, вмѣстѣ съ товарищами, онъ съ большимъ наслажденіемъ принялъ это предложеніе—попутно посѣтить Корею и Манчжурію.

Огромный матеріалъ дало ему это путешествіе, и Николай Георгіевичъ великолѣпно использовалъ его, помѣстивъ въ „Мірѣ Божіемъ“ 1899 года рядъ очерковъ, занявшихъ девять книжекъ журнала, подъ заглавіемъ: „Карандашомъ съ натуры“, а позднѣе вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, озаглавленнымъ: „По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову“. Необыкновенно картинно изложены эти очерки, которые должны заинтересовать каждаго сколько-нибудь образованнаго человѣка и дѣловитостью и оригинальностью выводовъ. Побывавъ въ Японіи, авторъ пришелъ въ восхищеніе отъ многаго, видѣннаго въ этой странѣ „французовъ крайняго востока“, какъ назвалъ Японію Н. В. Шелгуновъ, — и вотъ почему у него вылились такія прощальныя строки: „Прости, Японія, скоро опять станешь для меня ты далекой и чужой стороной, но память о тебѣ, прекрасной, о твоемъ мощномъ, какъ въ сказкѣ, пробужденіи и возрожденіи будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, будетъ большимъ, будетъ вновь забившимъ источникомъ вѣры въ чудеса на землѣ“. Всѣмъ интересовался нашъ путешественникъ: и экономическимъ положеніемъ странъ, имъ посѣщенныхъ, и этнографіей, и политикой, и литературой. Въ сентябрѣ и октябрѣ онъ проѣхалъ изъ Владивостока въ Портъ-Артуръ большею частью верхомъ, а частью въ лодкѣ, и заѣзжалъ то въ Корею, то въ Манчжурію, и въ это время собиралъ корейскія сказки, представляющія большой, своеобразный интересъ. „Мой переводчикъ, — разсказываетъ Гаринъ,—г. Кимъ, самъ кореецъ, прекрасно владѣющій и корейскимъ и русскимъ языками, учитель по спеціальности, переводилъ; я быстро, фраза за фразой, записывалъ, стараясь сохранить простоту рѣчи, никогда не прибавляя ничего своего“. Онъ записалъ цѣлыхъ 64 сказки и едва ли не первый изъ русскихъ писателей познакомилъ нашу читающую публику съ эпосомъ корейцевъ.

Вернувшись на родину, Николай Георгіевичъ принужденъ былъ, за смертью управляющаго его имѣніемъ, хозяйство взять въ свои руки. Для расширенія дѣла онъ взялъ еще нѣсколько имѣній въ аренду и занялся на широкихъ началахъ посѣвами подсолнуховъ, чечевицы и мака, войдя въ сношенія съ иностранными рынками. Подошелъ хорошій урожайный годъ, и Николаю Георгіевичу удалось сдѣлать громадную поставку чечевицы на эти рынки. Комиссіонеры прозвали его „чечевичнымъ королемъ“. Но на смѣну счастливаго года пришелъ неурожайный, и рискованное предпріятіе „чечевичнаго короля“ закончилось полнымъ крахомъ. Имѣніе Николая Георгіевича было продано съ торговъ.

И снова пришлось тянуть инженерную лямку. Онъ началъ, по порученію, работать надъ изысканіями Южнобережной дороги въ Крыму. Увлеченный этой пріятной для него работой, Николай Георгіевичъ надѣялся на даровое отчужденіе нѣкоторыхъ участковъ садовладѣльцевъ, гдѣ должна была проходить дорога, и предполагалъ построить ее дешево, покрасивѣе, со станціями художественной архитектуры въ восточномъ вкусѣ. Однако послѣдовавшее, послѣ оконченныхъ имъ изысканій, объявленіе войны съ Японіей заставило отложить постройку дороги. Мечты вдохновеннаго строителя такъ и остались мечтами.

Пришлось снова искать работы, и Николай Георгіевичъ съ этой цѣлью обратился къ генералу Куропаткину. Такъ какъ предполагалась постройка желѣзной дороги до Сеула, то Николай Георгіевичъ и получилъ эту работу. Прекрасно ознакомленный, еще во время своего недавняго путешествія, съ гористымъ мѣстоположеніемъ Кореи, Николай Георгіевичъ уже строилъ планы насчетъ подвѣсной дороги, какъ почти единственнаго типа, пригоднаго для такой мѣстности. Но о постройкѣ и думать было нечего послѣ того, когда мы начали отступать. Чтобы какъ-нибудь использовать это время бездѣйствія, Николай Георгіевичъ сталъ вести дневникъ войны и посылалъ корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій въ московскую газету „Новости Дня“. Тиражъ ея, какъ говорили, значительно увеличился, благодаря этимъ корреспонденціямъ. Начиная ихъ, онъ писалъ: „Отправляясь въ центръ интереснѣйшихъ событій нашей эпохи, я буду переживать ихъ тамъ, воспринимать, чувствовать. Я и всѣ тамъ находящіеся. Въ каждомъ изъ насъ, какъ въ капляхъ все того же океана, отразится переживаемое этимъ океаномъ. Въ свою очередь, передать это читателю, дать и ему почувствовать то, что̀ переживаешь —цѣль этого дневника. Я беру на себя большую отвѣтственность передъ читателемъ: быть правдивымъ“. Разумѣется, Николай Георгіевичъ, всегда въ высшей степени серьезно и съ рвеніемъ относившійся ко всякому дѣлу, взятому на себя, выполнялъ блестяще свою задачу, но тогдашнія цензурныя условія ставили ему рогатки чуть не на каждомъ шагу. Его живыя, интересныя и содержательныя корреспонденціи впослѣдствіи были собраны и изданы въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: „Война. Дневникъ очевидца“.

Николай Георгіевичъ все еще надѣялся получить какую-нибудь работу по инженерной части. Когда же выяснилось, что на это нѣтъ пока надежды, ему предложили поставку сѣна въ интендантство. Требовалось до 70 милліоновъ пудовъ. Большое это было дѣло и рискованное, но Николай Георгіевичъ, при своей удивительной предпріимчивости и по привычкѣ увлекаться всякимъ дѣломъ, безъ робости взялся за поставку. Предпріятіе выходило грандіозное. Для него изъ-за границы было выписано много разныхъ машинъ для прессовки сѣна, косилокъ и т. д. и набранъ солидный штатъ рабочихъ и служащихъ. И скоро дѣло рушилось: миръ былъ подписанъ, интендантамъ уже не нужно было такое

огромное количество сѣна, которое заказано было на время войны. Придравшись, что первая поставка сѣна опоздала, они отказались принять заготовленное поставщикомъ количество его, и на Николай Георгіевича казна сдѣлала начетъ. Вмѣсто барыша, Николай Георгіевичъ потерпѣлъ огромные убытки. Вернувшись въ 1906 году, въ сентябрѣ, „домой“, онъ увидѣлъ много перемѣнъ въ родномъ краю, и многое въ политическомъ и общественномъ движеніи поразило его. Но симпатіи къ марксизму въ немъ не угасли и тогда, когда „это сперва литературно-идейное теченіе интеллигенціи превратилось въ партію рабочаго класса“. Онъ поддерживалъ, поскольку могъ, и партію въ цѣломъ и ея отдѣльныхъ дѣятелей.

Литературѣ онъ продолжалъ отдаваться съ жаромъ и очень усердно работалъ надъ послѣдней частью семейной хроники, называвшейся „Инженеры“. Онъ говорилъ своимъ близкимъ пріятелямъ въ литературныхъ кружкахъ, въ томъ числѣ и А. И. Куприну, что два лишь дѣла онъ хотѣлъ бы видѣть при своей жизни оконченными. Это—электрическій путь по Крыму и повѣсть „Инженеры“. Но—увы!—первое начинаніе было прекращено событіями японской войны, а второе смертью. Купринъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гаринѣ, какъ въ Кастрополѣ, на берегу моря онъ часто, въ дружескомъ кружкѣ, „импровизировалъ свои прелестныя дѣтскія сказки. Онъ говорилъ ихъ тихимъ голосомъ, медленно, съ оттѣнкомъ недоумѣнія, какъ разсказываютъ обыкновенно сказки дѣтямъ. И мнѣ,—замѣчаетъ далѣе Купринъ,—не забыть никогда этихъ очаровательныхъ минутъ, когда я присутствовалъ при томъ, какъ рождается мысль и какъ облекается она въ нѣжныя, изящныя формы“. Въ самое послѣднее время Николай Георгіевичъ примкнулъ къ редакціи соціаль-демократическаго журнала „Вѣстникъ Жизни“. 25 ноября 1906 года онъ доставилъ въ редакцію драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи—„Подростки“, навѣянный впечатлѣніями отъ тогдашнихъ событій среди молодежи; спустя два дня, 27 ноября онъ присутствовалъ здѣсь на редакціонномъ совѣщаніи и тутъ же скоропостижно скончался отъ паралича сердца. Такъ кончилась эта ясная, богатая впечатлѣніями и массой сдѣланнаго добра жизнь, эта удивительная литературная карьера того, чье имя никогда не должно забыться ни въ литературѣ ни въ обществѣ. Свѣжи и увлекательны всегда будутъ произведенія этого вдумчиваго жреца красоты...

Петръ Быковъ.

Царское Село.
Ноябрь 1915 г..

КЛОТИЛЬДА.

I.

Я только-что кончилъ тогда и молоденькимъ саперным офпцеромъ уѣхалъ въ армію.

Это было въ послѣднюю турецкую кампанію.

На мою долю выпалъ Бургасъ, гдѣ въ то время шли энергичныя работы по устройству порта, такъ какъ эвакуація большей части арміи обратно въ Россію должна была и была произведена изъ Бургаса.

Ежедневно являлись новыя и новыя части войскъ, нѣкоторое время стояли въ ожиданіи очереди, затѣмъ грузились на пароходъ Добровольнаго флота и уѣзжали въ Россію.

Эти же пароходы привозили новыхъ на смѣну старымъ для предстоящей оккупаціи Болгаріи.

И такимъ образомъ Бургасъ являлся очень оживленнымъ мѣстомъ съ вѣчнымъ приливомъ и отливомъ.

Какъ въ центральный пунктъ, въ Бургасъ съѣхались всѣ, кто искалъ легкой наживы.

Магазины, рестораны процвѣтали.

Процвѣталъ кафе-шантанъ, устроенный въ какомъ-то, наскоро сколоченномъ громадномъ деревянномъ сараѣ.

Первое посѣщеніе этого кабака произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе.

За множествомъ маленькихъ столиковъ въ тускломъ освѣщеніи керосина въ воздухѣ, до тумана пропитанномъ напитками, испареніями всѣхъ этихъ грязныхъ тѣлъ,—всѣхъ этихъ, пришедшихъ съ Родопскихъ горъ, изъ-подъ Шипки, изъ такихъ мѣстъ, гдѣ и баню и негдѣ и некогда было устраивать, сидѣли люди грязные, но счастливые тѣмъ, что живые и здоровые они опять возвращаются домой—возвращаются одни съ наградами, другіе съ деньгами, можетъ-быть, не всегда правильно нажитыми.

Послѣдняя копейка ставилась такъ же ребромъ, какъ и первая... Какъ въ началѣ кампаніи копейка эта шла безъ счета, потому что много ихъ было впереди и не видѣлось конца этому, такъ теперь спускалось послѣднее, потому что всегда неожиданный въ такихъ случаяхъ конецъ создавалъ тяжелое положеніе, которому не могли помочь оставшіяся крохи. Для многихъ въ перспективѣ былъ запасъ, а слѣдовательно и прекращеніе жалованія и необходимость исканія чего-нибудь, чтобы существовать.

Такіе пили мрачно, извѣрившись, зная всему настоящую его цѣну, но пили.

Пили до потери сознанія, ухаживали за пѣвицами до потери всякаго стыда.

Было цинично, грубо и отвратительно.

Какой-нибудь армейскій офицеръ, уже пьяный, гремитъ саблей и кричитъ: „человѣкъ, garçon“, съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, что глупо и стыдно за него становится, а онъ только самодовольно оглядывается: вотъ я, дескать, какой молодецъ. А если слуга не спѣшитъ на его зовъ, то онъ громче стучитъ, такъ что заглушаетъ пѣніе, а иногда дѣло доходитъ и до побоевъ провинившейся прислуги.

Меня въ этотъ кабакъ затащило мое начальство, — еще молодой, лѣтъ 30, военный инженеръ И. Н. Бортовъ.

Побывавъ, я рѣшилъ не ходить туда больше.

Да и обстоятельства складывались благопріятно для этого.

Въ вѣдѣніе Бортова входили какъ бургасскія работы, такъ и работы въ бухтѣ, которая называлась Чингелесъ-Искелессе,

Эта бухта была на другой сторонѣ обширнаго Бургасскаго залива, по прямому направленію водой верстахъ въ семи отъ города. Вотъ въ эту бухту я и былъ назначенъ на приставскія и шоссейныя работы.

Для меня, начинающаго, получить такое большое дѣло было очень почетно, но въ то же время я боялся, что не справлюсь съ нимъ.

На другой день, послѣ вечера въ кафе-шантанѣ, я явился къ Бортову за приказаніями и, между прочимъ, чистосердечно заявилъ ему, что боюсь, что не справлюсь. Бортовъ и сегодня сохранялъ тотъ же видъ человѣка, которому море по колѣни.

Такой онъ и есть несомнѣнно, иначе не имѣлъ бы и золотой сабли, и Владимира съ мечами и бантомъ, и такой массы орденовъ, которые прямо не помѣщались на груди у него.

Не карьеристъ при этомъ, конечно, потому что съ начальствомъ на ножахъ,—вѣрнѣе, ни во что его не ставитъ и, не

стѣсняясь, ругаетъ. Про одного здѣшняго важнаго генерала говоритъ:

— Дуракъ и воръ.

Это даже халатность, которая меня, начинавшаго свою службу офицера, немного озадачивала въ смыслѣ дисциплины.

На мои опасенія, что не справлюсь, Бортовъ бросилъ мнѣ:

— Но... Не боги горшки лѣпятъ. Иногда посовѣтуемся вмѣстѣ. Пойдетъ.

— Но отчего же,—спросилъ я,—и вамъ, тоже еще молодому, и мнѣ, совершенно неопытному, поручаютъ такія большія дѣла, а всѣ эти полковники сидятъ безъ дѣла?

— Да что жъ тутъ скрывать,—флегматично, подумавъ, отвѣтилъ Бортовъ:—дѣло въ томъ, что во главѣ инженернаго вѣдомства, хотя и стоитъ З., но онъ боленъ и гдѣ-то за границей лѣчится, и всѣмъ управляетъ Э. Онъ просто не довѣряетъ всѣмъ этимъ полковникамъ. Дастъ имъ шоссе въ 500 верстъ и на все шоссе выдастъ 200 золотыхъ. А вотъ на такое дѣло, какъ наше, въ милліонъ франковъ, ставитъ вотъ насъ съ вами. Считаетъ, что молоды, не успѣли испортиться.

— И это, конечно, такъ,—поспѣшно отвѣтилъ я.

— Ну, какой молодой,—другой молодой, да ранній. Отчетности у насъ никакой: не всегда и расписку можно получить. Да и что такое расписка? Братушка все подпишетъ и читать не станетъ. Вотъ вчера я 50 тысячъ франковъ заплатилъ за лѣсъ,—вотъ расписка.

Бортовъ вынулъ изъ стола кусокъ грязной бумаги, гдѣ подъ текстомъ стояли болгарскія каракули.

— Онъ не знаетъ, что я написалъ, я не знаю, что онъ: можетъ-быть, онъ написалъ: собаки вы всѣ.

Бортовъ разсмѣялся какимъ-то преждевременно-старческимъ хихиканьемъ. Что-то очень непріятное было и въ этомъ смѣхѣ и въ самомъ Бортовѣ,— что-то изжитое, холодное, извѣрившееся, какъ у самого Мефистофеля.

Изъ молодого онъ сразу превратился въ старика: множество мелкихъ морщинъ, глаза потухшіе, замершіе на чемъ-то, что они только и видѣли тамъ, гдѣ-то вдали. Онъ напомнилъ мнѣ вдругъ дядю одного моего товарища, стараго развратника.

Бортовъ собрался и опять дѣловито заговорилъ:

— Ну, вотъ вамъ десять тысячъ на первый разъ и поѣзжайте.

— А гдѣ я буду хранить такую сумму?

— Въ палаткѣ, въ сундукѣ.

— А украдутъ?

— Составите расписку,—болгаринъ подпишетъ.

Бортовъ опять разсмѣялся, какъ и въ первый разъ, заглядывая мнѣ въ глаза.

— Расписки не составлю, а пулю пущу себѣ въ лобъ,— огорченно отвѣтилъ я.

— Что жъ, и это иногда хорошо,—усмѣхнулся Бортовъ.

И уже просто, ласково прибавилъ:

— А по субботамъ пріѣзжайте къ намъ сюда,—въ воскресенье вѣдь нѣтъ работъ,—и прямо ко мнѣ... вечеркомъ въ кафе-шантанъ... Я, грѣшный человѣкъ, тамъ каждый день.

— Да вѣдь тамъ гадость,—тихо сказалъ я.

— Меньшая,—отвѣтилъ равнодушно Бортовъ.—Если вамъ понравилась моя Берта, пожалуйста, не стѣсняйтесь... Я вѣдь съ ней только потому, что она выдержала съ нами и Хивинскій походъ.

Берта, громаднаго роста, атлетъ, шумная нѣмка, которая безъ церемоніи вчера нѣсколько разъ, проходя мимо Бортова, садилась ему съ размаху на колѣни, обнимала его и комично кричала:

— Охъ, какъ люблю...

А онъ смѣялся своимъ обычнымъ смѣхомъ и говорилъ своимъ обычнымъ тономъ:

— Ну, ты... раздавишь...

А иногда Берта съ дѣловито-шутливымъ видомъ наклонялась и спрашивала по-нѣмецки Бортова:

— Вотъ у того есть деньги?

И Бортовъ отвѣчалъ ей всегда по-русски, смотря по тому, на кого показывала Берта: если интендантъ или инженеръ,— „много“, или „мало, плюнь, брось“.

И громадная Берта дѣлала видъ, что хочетъ, дѣйствительно, плюнуть.

Нѣтъ, Берта была не въ моемъ вкусѣ, и я только весело разсмѣялся въ отвѣтъ на слова Бортова.

Чтобъ быть совершенно искреннимъ, я долженъ сказать, что въ то же время рядомъ съ образомъ Берты предо мной всталъ образъ другой пѣвицы, француженки, по имени Клотильды.

Это была средняго роста, молодая, начинавшая чуть-чуть полнѣть женщина, съ ослѣпительно-бѣлымъ тѣломъ: обнаженныя плечи, руки такъ и сверкали свѣжестью, красотой, бѣлизной. Такое же красивое, молодое, правильное, круглое лицо ея съ большими, ласковыми и мягкими, очень красивыми глазами. То, что художники называютъ послѣднимъ бликомъ, отъ чего картина оживаетъ и говоритъ о томъ, что хотѣлъ сказать художникъ, у Клотильды было въ ея глазахъ, жи-

выхъ, говорящихъ, просящихъ. Я такихъ глазъ никогда не видалъ, и, когда она подошла къ нашему столу совершенно неожиданно и наши взгляды встрѣтились, я,—признаюсь откровенно,—въ первое мгновеніе былъ пораженъ и смотрѣлъ, вѣроятно, очень опѣшенно. Что еще очень оригинально—это то, что при черныхъ глазахъ у нея были волосы цвѣта поспѣвшей ржи: золотистые, густые, великолѣпные волосы, небрежно закрученные въ какой-то фантастической прическѣ, со вкусомъ, присущимъ только ея націи. Прядь этихъ волосъ упала на ея шею, и бѣлизна шеи еще сильнѣе подчеркивалась.

Теперь, когда я, сидя съ Бортовымъ, вспомнилъ вдругъ эту подробность, что-то точно коснулось моего сердца—теплое, мягкое, отъ чего слегка сперлось вдругъ мое дыханіе.

— Клотильда лучше?—тихо, равнодушно бросилъ Бортовъ.

— Да, конечно, Клотильда лучше,—отвѣтилъ я, краснѣя и смущенно стараясь что-то вспомнить.

Теперь я вспомнилъ. Вопросъ Бортова остановилъ меня невольно на первомъ впечатлѣніи, но были и послѣдующія.

Правда, я не замѣтилъ, чтобы кто-нибудь обнялъ Клотильду или она въ кому-нибудь сѣла на колѣни. Въ этомъ отношеніи она умѣла очень искусно лавировать, сохраняя мягкость и тактъ. Но въ глаза, какъ мнѣ, она такъ же любезно смотрѣла всѣмъ, а за столъ одного краснаго, какъ ракъ, уже немолодого полковника она присѣла и довольно долго разговаривала съ нимъ.

Въ другой разъ какой-то молодой офицеръ въ порывѣ восторга крикнулъ ей, когда она проходила мимо него:

— Клотильдочка, милая моя!..

На что Клотильда ласково переспросила по-русски:

— Что значитъ „милая“?

— Значитъ, что я тебя люблю и хочу поцѣловать тебя.

— О-о-о!—ласково сказала ему Клотильда, какъ говорятъ маленькимъ дѣтямъ, когда они предлагаютъ выкинуть какую-нибудь большую глупость, и, такая же привѣтливая, мягкая, прошла дальше.

Ушла она изъ кафе-шантана подъ руку съ полковникомъ, озабоченно и граціозно подбирая свои юбки.

Случайно ея глаза встрѣтились съ Бортовымъ, и она, кивнувъ ему, улыбнулась и сверкнула своими яркими, какъ луна солнца, глазами. На меня она даже и не взглянула.

Я солгалъ бы, если бъ сказалъ, что я не хотѣлъ, чтобы она смотрѣла на меня. Напротивъ, страшно хотѣлъ, но, когда она прошла мимо меня, опять занятая своими юбками, съ ароматомъ какихъ-то пьянящихъ духовъ, я вздохнулъ сво-

бодно, и Клотильда-кокотка, развратная женщина, съ маской въ то же время чистоты и невинности, съ видомъ человѣка, который какъ разъ именно и дѣлаетъ то дѣло, которое велѣли ему его долгъ и совѣсть, — Клотильда, притворная актриса, получила отъ меня всю свою оцѣнку, и я не хотѣлъ больше думать о ней.

А мысль, что уже завтра я уѣду на ту сторону, въ тихую бухту Чингелесъ-Искелессе, обрадовала въ это мгновеніе меня, какъ радуетъ путника, потерявшаго вдругъ въ темнотѣ ночи дорогу, огонекъ жилья.

Поэтому, послѣ перваго смущенія, я и отвѣтилъ Бертову, горячо и энергично высказавъ все, что̀ думалъ о Клотильдѣ.

II.

А подъ-вечеръ того же дня съ своимъ денщикомъ Никитой я уже устраивался въ своемъ новомъ мѣстѣ на самомъ берегу бухты Чингелесъ-Искелессе. Мы съ Никитой, кажется, сразу пришлись по душѣ другъ другу.

Никита—высокій, широкоплечій, хорошо сложенный хохолъ. У него очень красивые каріе глаза, умные, немного лукавые, и, несмотря на то, что онъ всего на два года старше меня, онъ выглядитъ очень серьезнымъ. И если на мой взглядъ Никитѣ больше лѣтъ, чѣмъ въ дѣйствительности, то Никитѣ— это очевидно—я кажусь, напротивъ, гораздо моложе.

Онъ обращается со мной покровительственно, какъ съ мальчикомъ, и надо видѣть, какимъ тономъ онъ говоритъ мнѣ: „ваше благородіе“.

— Держите въ ежовыхъ рукавицахъ, — будетъ хорошъ, — сказалъ мнѣ ротный про Никиту.

Никита еще въ городѣ, какъ самая умная нянька, сейчасъ же вошелъ въ свою роль. Потребовалъ у меня денегъ, накупилъ всякихъ запасовъ, отдалъ грязное бѣлье стирать, купилъ нитокъ и иголокъ для того, чтобы починять то, что̀ требовало починки, — однимъ словомъ, я сразу почувствовалъ себя въ надежныхъ рукахъ и былъ радъ, что совершенно не придется вникать во всѣ эти мелкія хозяйственныя дрязги.

Въ то время, какъ я собиралъ въ городѣ нужные инструменты, получалъ кассу, Никита то и дѣло появлялся и добродушно, ласково говорилъ:

— Ваше благородіе, а масла тоже купить? А кастрюльку, такъ щобъ когда сунцу, а то каклетки сжарить? Три галяна тутъ просятъ.

— Хорошо, хорошо...

Сегодня же я купилъ и лошадь, и сѣдло, и всю сбрую. Лошадь, маленькая, румынская, очень хорошенькая и только съ однимъ недостаткомъ: не всегда идетъ туда, куда всадникъ желаетъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, я справился съ этимъ недостаткомъ, накидывая въ такіе моменты на голову ей свой башлыкъ: потемки ошеломляли ее, и тогда она безпрекословно повиновалась. Никита пошелъ и дальше, сшивъ моей румынкѣ спеціальный чепчикъ изъ чернаго коленкора, съ очень сложнымъ механизмомъ, движеніемъ котораго чепчикъ или опускался на глаза, или кокетливо возвышался надъ холкой румынки.

Мнѣ такъ по душѣ пришлась моя румынка, что я хотѣлъ-было прямо верхомъ и ѣхать къ мѣсту своего назначенія, но Никита энергично возсталъ, да и я самъ, впрочемъ, раздумалъ, за позднимъ вечеромъ, ѣхать по неизвѣстной совершенно дорогѣ—и поѣхали вмѣстѣ съ Никитой на катерѣ.

Когда, пріѣхавъ въ бухту, я вышелъ и вещи были вынесены, боцманъ спросилъ:

— Прикажете отчаливать?

— Ваше благородіе, пусть они хоть помогутъ намъ палатку поставить, чего же мы съ вами одни тутъ сдѣлаемъ?

— У васъ время есть?—обратился я къ матросамъ.

— Такъ точно, — отвѣтилъ боцманъ и приказалъ своимъ матросамъ помочь Никитѣ.

— Ну, гдѣ же будемъ ставить палатку? — спросилъ Никита.

Гдѣ? Это вопросъ теперь первой важности, и, отогнавъ всѣ мысли, я сталъ осматриваться.

Что за чудное мѣсто! Золотистый заливъ, глубокій тамъ вдали, слѣва городъ виднѣется, справа, на мысѣ монастырь, здѣсь, ближе, надвигаются горы, покрытыя лѣсомъ, въ пихъ теряется наша глубокая долина съ пологимъ берегомъ, съ этой теперь золотистой водой, съ этимъ воздухомъ, тихимъ, прозрачнымъ, съ бирюзовымъ небомъ, высокимъ и привольно и далеко охватившимъ всю эту прекрасную, какъ сказка, панораму южнаго вида.

Кажется, отсюда видна гостиница „Франція“, гдѣ живетъ Клотильда, или я обманываюсь? Но бинокль со мной. Конечно, видна...

— Гдѣ же, ваше благородіе?

— Да, гдѣ? Но гдѣ же, какъ не здѣсь, откуда видно...

— Здѣсь?..

Никита стоялъ въ недоумѣніи.

— Да тутъ, на самомъ берегу, насъ китъ-рыба съѣстъ, а то щикалки... Туда же лучше...

И Никита показалъ въ ущелье долины.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ.

— Ну, хоть тутъ вотъ подъ бугоркомъ, а то какъ разъ на дорогѣ.

Тамъ въ сторонѣ былъ пригорокъ, и, пожалуй, тамъ въ уголкѣ было еще уютнѣе и виднѣе. Между берегомъ и пригоркомъ образовался родъ открытой, въ нѣсколько саженъ въ ширину, террасы. Съ той стороны терраса кончалась горой и лѣсомъ. Лучше нельзя было ничего и придумать.

Матросы уѣхали.

— Ну, вотъ и готова палатка, — говоритъ Никита, дѣловито обходя со всѣхъ сторонъ мою палатку.

— Моко чаю, ваше благородіе, хотите?—спросилъ вдругъ Никита.

— Хочу, конечно, и очень хочу.

Никита принялся за самоваръ; а я на разостланной буркѣ, на своей террасѣ, въ тѣни каштановъ, лежу и любуюсь тихимъ вечеромъ.

Что за чудный уголокъ!

Черезъ мѣсяцъ-два здѣсь закипитъ жизнь, а пока, кромѣ меня и Никиты, никого, никакого жилья, никакихъ признаковъ жилья. Днемъ будутъ работать солдаты, рабочіе, но на ночь съ послѣднимъ баркасомъ будутъ уѣзжать всѣ въ городъ.

Какъ будто утомленный работой, день тихо и мирно уходитъ на покой. Послѣдними лучами золотится морская гладь, с справа, тамъ, гдѣ бухта гористымъ мысомъ граничитъ съ открытымъ моремъ, на самомъ краю мыса, на небольшомъ обрывѣ изъ-за зелени выглядываетъ бѣлый монастырь. Вечерній звонъ несется оттуда, и онъ, какъ пѣсня о дѣтствѣ, о всемъ, что было такимъ близкимъ когда-то, говоритъ мнѣ роднымъ языкомъ, ласкаетъ душу. Налѣво Бургасъ и, какъ очи, горятъ стекла его оконъ.

За моей же террасой косогоръ, затѣмъ опять терраса и спускъ въ долину. Это сзади, а сбоку косогоръ поднимается все выше и круче, и оттуда, сверху, глядятъ внизъ обрывы скалъ, тѣнистыя ущелья. Въ ущельяхъ по скаламъ лѣсъ, а въ лѣсу множество сернъ, фазановъ, дикихъ кабановъ, но еще больше шакаловъ. Они уже начинаютъ свой ночной концертъ,—ихъ крикъ тоскливый, жалобный, какъ плачъ больного ребенка. А скоро въ темнотѣ ихъ глаза загорятся по всѣмъ этимъ скаламъ, какъ звѣзды, и тамъ внизу, въ своей

бѣлой палаткѣ, я увижу уже два ряда звѣздъ, даже три, потому что третій и самый лучшій опрокинулся и смотритъ на меня изъ глубины неподвижнаго моря. Онъ такой яркій и чистый, какъ будто вымытъ фосфоричной водой моря.

Отъ какихъ цвѣтовъ этотъ ароматъ непередаваемо нѣжный, который несетъ съ собой прохлада ночи? А что за тѣни тамъ движутся и проходятъ по водѣ? Тѣни какихъ-то гигантовъ, которые тамъ вверху шагаютъ съ утеса на утесъ.

Вотъ одна тѣнь пріостановилась и точно слушаетъ и всматривается въ насъ. А въ обманчивомъ просвѣтѣ звѣздной ночи все гуще мракъ, словно движется что-то и шепчетъ беззвучно. Что шепчетъ? Слова ласки, любви, просьбы? Чьи-то руки, нѣжныя, прекрасныя, вдругъ обнимутъ и вырвутъ изъ сердца тайну. Нѣтъ этихъ рукъ. Жизнь пройдетъ такъ въ работѣ, трудѣ, въ скитаніяхъ, въ этихъ палаткахъ. Удовлетвореніе—сознаніе исполненнаго долга.

Сознаніе, которое только въ тебѣ. Для другихъ ты всегда такъ же теменъ, какъ темна эта ночь.

Сегодня полковникъ, командиръ того резервнаго батальона, который будетъ у меня работать, когда я пожималъ ему руку, извиняясь за испачканныя руки, такъ какъ считалъ казенное серебро, съ улыбочкой, потирая руки, сказалъ:

— Да, деньги пачкаютъ...

Фу, какая гадость и какъ обидно, что нельзя устроить такъ, чтобы всѣ знали, что ты честный человѣкъ.

Интересно, Бортовъ считаетъ меня честнымъ человѣкомъ? Въ немъ много, очень много симпатичнаго,—простота, скромность, но въ то же время и что-то такое, что даетъ чувствовать, что вѣритъ онъ только себѣ.

Особенно непріятенъ его смѣхъ.

Какой-то сарказмъ въ этомъ смѣхѣ, иронія и горечь. Въ эти мгновенія онъ, всегда сильный, мужественный, умный, дѣлается сразу какимъ-то жалкимъ, и что-то старческое въ немъ тогда.

Никакой начальственности въ немъ, никакого хвастовства, самодовольствія. А человѣкъ, несмотря на свои 29 лѣтъ, весь въ орденахъ, занимаетъ такое мѣсто. Хотѣлъ бы я видѣть его въ дѣлѣ,—вѣроятно, скобелевское спокойствіе. Недаромъ Скобелевъ и любитъ такъ его.

О себѣ, о своихъ дѣлахъ никогда ни слова. Все, что слышалъ я о немъ, я слышалъ отъ другихъ. Но вотъ странно: всѣ отдаютъ ему должное и всѣ въ то же время говорятъ о немъ такимъ страннымъ тономъ, какъ будто онъ уже покойникъ или кончилъ свою карьеру. Я считаю, что единственное,

что̀ опасно для него, это его любовь разсуждать, бранить свое начальство. Это можетъ серьезно повредить его карьерѣ, а иначе передъ нимъ прямо блестящая дорога.

Когда онъ стоитъ въ ряду другихъ, довольно посмотрѣть на его благородную осанку, спокойное, одухотворенное, полное благородства лицо, чтобы почувствовать, что этотъ человѣкъ выше толпы, это сила. Можетъ-быть, это тѣмъ хуже, потому что толпа—всегда толпа и всегда инстинктивно, безсознательно стремится къ нивеллировкѣ. Какой-то мечъ проходитъ, и высокія головы падаютъ. Надо умѣть во̀-время склонять ихъ.

Откуда во мнѣ эта философія? Пора спать.

— Ваше благородіе, а хотите, я вамъ голову обрею? Въ нашей ротѣ подпоручикъ Нахимовъ бувъ и рѣдкіе, рѣдкіе у него волосики були, какъ шматочки, а якъ я обривъ его, то таки космы потомъ стали...

— Но у меня, кажется, не рѣдкіе,—возразилъ я.

— А все жъ гуще будутъ, — отвѣтилъ Никита съ такой безпредѣльной увѣренностью, что поколебалъ меня.

Хорошая сторона бритья головы была въ томъ, что это окончательно прикуетъ меня къ работѣ, къ этому мѣсту.

А чего другого я желаю? Не ѣздить же съ бритой головой по кафе-шантанамъ...

И рѣшеніе мое тутъ же созрѣло.

— Хорошо: брей.

— Ну, такъ завтра я васъ обрею.

— А сегодня?

Даже Никита смутился.

— Что̀ жъ... сегодня...

Мы устроили въ палаткѣ столъ, поставили зеркало, зажгли свѣчи. Съ нѣкоторой грустью смотрѣлъ я на свои волосы, которые Никита торопливо и кое-какъ остригивалъ ножницами. Затѣмъ онъ намылилъ мнѣ голову и сталъ водить бритвой, комично высовывая языкъ.

Если не считать маленькаго порѣза возлѣ уха, послѣ котораго Никита наставительно сказалъ: „а зачѣмъ вы шевелитесь?“—все остальное кончилось прекрасно. И, оставшись одинъ, я съ наслажденіемъ осматривалъ свою теперь, какъ колѣно, голую голову.

На другой день Бортовъ, увидя меня, хохоталъ, какъ ребенокъ.

— Да что̀ это вамъ въ голову пришло?

— Пришло въ голову собственно Никитѣ.

— А что̀, развѣ не хорошо? — спрашивалъ Никита: — ей-Богу же, хорошо.

— А себя ты что̀ не обрилъ?

— А мнѣ на что?

Сегодня съ Бортовымъ мы ѣдемъ въ лѣсъ, чтобы рѣшить вопросъ о будущемъ шоссе.

Лѣсъ дубовый, невысокій, много желтыхъ листьевъ уже на землѣ и, сухіе, они пріятно хрустятъ подъ ногами лошадей. Вверху видно голубое небо, а сквозь тонкіе стволы видно далеко кругомъ. То фазанъ сорвется, то торопливо прошмыгнетъ что-то маленькое, уродливое, унылое: это шакалъ. На полянкѣ свѣжіе слѣды кабановъ,—взрытая, какъ паханная земля.

Бортовъ останавливался около слѣдовъ, внимательно всматривался и съ завистью говорилъ:

— Сегодня ночью были...

Въ одномъ мѣстѣ вдругъ шарахнулась-было лошадь Бортова, взвилась на дыбы и, повернувшись на заднихъ ногахъ, собралась-было умчаться назадъ, но Бортовъ, прекрасный ѣздокъ, скоро, несмотря на козлы, которые задала-было его лошадь, справился.

Понеси лошадь, плохо пришлось бы Бортову. Но Бортовъ только твердилъ, прыгая на лошади:

— Врешь, врешь...

Было отчего и испугаться лошади: на поворотѣ тропки, прислонившись къ дереву, сидѣлъ человѣкъ въ свиткѣ. Голова его склонилась, точно онъ задумался, руки, какъ плети, висѣли по сторонамъ, ноги протянулись. У ногъ потухшій костеръ. Изъ-подъ шапки выглядывало посинѣвшее, разложившееся уже лицо. Во впадинахъ глазъ сидѣлъ рой мухъ, своимъ движеніемъ дѣлая обманчивое впечатлѣніе странно, частями движущихся глазъ. Нестерпимый запахъ трупа говорилъ о томъ, что онъ уже давно здѣсь. Почему онъ здѣсь, какая тайна пропзошла тутъ? Что̀ пережилъ онъ въ свои послѣднія минуты?

Задумался и сидитъ, точно все еще вспоминаетъ свою далекую родину, близкихъ сердцу... Столько тоски было въ его позѣ, столько одиночества.

— Это погонщикъ, — вѣроятно, припадокъ здѣшней лихорадки, — сказалъ Бортовъ,—трехъ-четырехъ припадковъ довольно, чтобы уложить въ гробъ любого силача, а этотъ былъ и безъ того, какъ видно, изнуренъ.

Я слушалъ. Казалось, слушалъ и покойникъ—напряженно, внимательно. Слушали деревья, вѣтви, трава, голубое небо,—все слушало въ какомъ-то точно страхѣ, что вотъ-вотъ откроется то таинственное, что̀ происходило здѣсь, и узна̀ютъ вдругъ люди страшную тайну.

Но Бортовъ уже проѣхалъ дальше, бросивъ:

— Надо будетъ сказать окружному, чтобы убрали...

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Это хорошая смерть.

— Что?—переспросилъ я, занятый мыслями о судьбѣ погонщика.

— Говорю: это хорошая смерть.

Онъ такъ холодно говорилъ.

— Въ смерти мало хорошаго,—отвѣтилъ я.

— Смерть—другъ людей.

— Предпочитаю живого друга.

— Живой измѣнитъ.

И резонансъ его голоса зазвучалъ мнѣ эхомъ изъ пустого гроба. Какое-то сравненіе Бортова съ тѣмъ покойникомъ промелькнуло въ моей головѣ.

Если сильный, умный Бортовъ говорилъ такъ, что дѣлать другимъ? И почему онъ говорилъ такъ?

На той сторонѣ рѣки Мандры я остановилъ лошадь, чтобы попрощаться съ Бортовымъ.

— Ѣдемъ въ городъ,—сказалъ съ просьбой въ голосѣ Бортовъ.

Я только нерѣшительно, молча показалъ на свою голую голову.

— Да вѣдь вы въ шапкѣ, — надвиньте больше на уши,— кто замѣтитъ?

Я колебался. Солнце уже сѣло. Мертвые фіолетовые тона бороздили море и темнымъ туманомъ терялись въ отлогомъ и песчаномъ, необитаемомъ побережьѣ.

Въ городъ тянуло, — хотѣлось жизни, а тамъ назади еще сидѣлъ и словно ждалъ меня, чтобы разсказать и передать мнѣ свою смертную тоску, покойникъ.

— Ѣдемъ,—согласился я.

И послѣ этого рѣшенія и я и Бортовъ вдругъ повеселѣли, оживились. Вспоминали наше инженерное училище, учителей и весело проболтали всю остальную дорогу до города.

Въ квартирѣ Бортова насъ встрѣтилъ немного смущенный Никита.

— А я сейчасъ верхомъ хотѣлъ ѣхать: прибѣжалъ на пристань, а катеръ передъ носомъ: фьють...

— Я, значитъ, тамъ одинъ бы сегодня сидѣлъ?

— Ну, такъ какъ же одинъ?—отвѣтилъ Никита:—опять же удвохъ Богъ привелъ.

И успокоеннымъ голосомъ Никита сказалъ, какъ говоритъ возвратившаяся изъ города нянька:

— А я вамъ, ваше благородіе, турецкую шапочку купивъ, щобъ съ голой головой не ухватить якой хвори.

И Никита вынулъ изъ одного изъ свертковъ голубую феску.

— Глаза у васъ голубые и хвеска голубая.

Когда я надѣлъ и посмотрѣлъ въ зеркало, Никита сказалъ:

— Ей-Богу же, хорошо.

Бортовъ, уже опять обычный, окинулъ меня взглядомъ и сказалъ:

— Такъ и идите.

Такъ я и пошелъ въ кафе-шантанъ.

Опять пѣли, пили, кричали и стучали.

Опять Берта дурачилась и Клотильда обжигала своими глазами.

Клотильда подошла къ Бортову, пожала его руку и, присѣвъ такъ, что я очутился у нея за спиной, озабоченно спросила:

— Кто этотъ молодой офицеръ, который былъ съ вами третьяго-дня?

— Понравился?- спросилъ ее Бортовъ.

— У него замѣчательно красивые волосы,—серьезно сказала Клотильда.

Въ отвѣтъ на это Бортовъ бурно расхохотался.

Пока Клотильда смотрѣла на него, какъ на человѣка, который внезапно помѣшался, Бортовъ закашлялся и въ промежуткахъ кашля, отмахиваясь, говорилъ:

— Ну васъ... убили... вотъ...

Клотильда повернулась по направленію его пальца и увидѣла меня, вѣроятно, глупаго и краснаго, какъ ракъ, съ дурацкой голубой феской на бритой головѣ.

Въ первое мгновеніе на лицѣ ея изобразилось недоумѣніе, затѣмъ что-то въ родѣ огорченія, а затѣмъ она такъ же, какъ и Бортовъ, бурно расхохоталась, спохватилась-было, хотѣла удержаться, не смогла и кончила тѣмъ, что стремительно убѣжала отъ насъ.

Въ результатѣ весь кабакъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза, а я, злой и обиженный, ненавидѣлъ и Клотильду, и Бортова, и Никиту, виновника всего этого скандала.

Все остальное время я смотрѣлъ обиженно, молча клалъ въ тарелочку Клотильды мелочь и озабоченно торопился пить свое вино. Проходя однажды мимо насъ, Клотильда наклонилась къ Бортову и что-то шепнула ему. Я въ это время встрѣтился съ ея игравшими, какъ огни драгоцѣнныхъ камней, глазами. Взглядъ этотъ настойчиво и властно про-

никъ въ меня, въ самую глубь моего сердца, больно кольнулъ тамъ его, а Бортовъ, выслушавъ Клотильду, бросилъ ей:

— Скажите сами ему.

Клотильда разсмѣялась, кокетливо мотнула головкой, и я, переживая неизъяснимое удовольствіе, увидѣлъ, что блѣдное лицо ея вспыхнуло, залилось краской, и не только лицо, но и уши, маленькія, прозрачныя, которыя сквозили теперь, какъ нѣжный кораллъ.

Въ это мгновеніе она была прекрасна,—смущеніе придало ей новую красоту, красоту души, и когда взгляды наши встрѣтились,—все это прочла въ моихъ глазахъ. По крайней мѣрѣ, я хотѣлъ, чтобы она это прочла.

Она ушла отъ насъ и, кажется, никогда еще такъ граціозно не проходила она. Столько достоинства, благородства было во всей ея фигурѣ, лицѣ, столько какой-то свѣтящейся ласки, доброты.

— Она сказала, что ошибалась, думая, что самое красивое въ васъ—волосы: феска еще лучше идетъ къ вамъ...

— Это показываетъ,—отвѣтилъ я, краснѣя,—что она вѣжливая дѣвушка.

— Дѣвушка?..

Отъ этого переспроса я какъ съ неба свалился и убитымъ взглядомъ обвелъ весь кабакъ. Клотильда уже сидѣла съ кѣмъ-то, и тотъ шепталъ ей, чуть не касаясь губами тѣхъ самыхъ ушей, которыя только-что такъ покраснѣли.

И все такой же невинный видъ у нея...

Бортовъ, который,—я это чувствовалъ,—читалъ, какъ въ книгѣ, мои мысли, смотря мнѣ въ упоръ въ глаза, сказалъ серьезно:

— Чтобы покончить разъ навсегда со всѣмъ этимъ, поѣзжайте сегодня ужинать съ ней.

Я, какъ ужаленный, отвѣтилъ:

— Ни за какія блага въ мірѣ!

Еще слово—и, вѣроятно, я расплакался бы.

— Ну, какъ хотите,—поспѣшилъ отвѣтить Бортовъ и апатично, холодно спросилъ:

— Можетъ-быть, домой пойдемъ?

— Пойдемъ,—обрадовался я.

Клотильда увидѣла, какъ мы встали, сдѣлала-было удивленное лицо, но, встрѣтивъ мой мертвый взглядъ, равнодушно скользнула мимо и улыбнулась кому-то вдали.

Я торопливо пробрался къ выходу и жадно вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ ночи.

Прекрасная и безконечно-пустая ночь. Луна, яркая, какъ брошенный слитокъ расплавленнаго серебра, плавитъ синеву неба и тонетъ глубже въ ней, а фосфоръ моря краситъ зеленымъ отливомъ лунный блескъ, и въ фантастичныхъ переливахъ этихъ тоновъ чѣмъ-то волшебнымъ, волшебнымъ и живымъ кажется все: берегъ съ ушедшими вверхъ деревьями; пристань, ея темно-прозрачная тѣнь, серебряная зелень просвѣта между моремъ и верхомъ пристани; тамъ дальше даль моря съ полосой серебра—слѣдъ луны,—и, какъ видѣніе въ ней, въ этой полосѣ, точно прозрачные, точно ажурные корабли съ высокими бортами и мачтами, уходящими въ небо.

И тихо кругомъ, и только прибой, этотъ вѣчный разговоръ моря съ землей, будитъ тишину, и гулко несется его шумъ въ спящія улицы съ неподвижными домиками въ два этажа, съ ихъ галлереями и балконами, рѣшетчатыми окнами, черепичными высокими крышами, каменными дворами, или, вѣрнѣй, комнатой безъ потолка тамъ, внутри этихъ домовъ.

Говорятъ, болгарки красивы, но я ни одной не видѣлъ. Что мнѣ до ихъ красоты? Красива Клотильда, красива, какъ эта ночь, и такъ же, какъ ночь, обманчива, такъ же, какъ ночь, черпа ея жизнь, ея дѣла... И такая же сосущая пустота, тоска отъ нея, какъ отъ этой ночи. Волшебно, красиво, но нѣтъ живой души, и мертво все,—нѣтъ у Клотильды души чистой, чарующей, и нѣтъ Клотильды—той божественной, которая во мнѣ, въ моей душѣ, какъ видѣніе, какъ та прозрачная дымка тумана тамъ въ небѣ, — то Клотильда склонилась и смотритъ печально на красоту моря и земли. То моя Клотильда смотритъ,—не та, которая тамъ въ кабакѣ теперь ходитъ и продаетъ себя тому, кто дастъ дороже.

А!.. Но какъ ужасно сознавать свое безсиліе, сознавать, что ничего, ничего нельзя здѣсь сдѣлать, и чувство это, которое во мнѣ,—оно уже есть, зачѣмъ обманывать себя,—это что-то живое уже теперь, рождено только для того, чтобы умереть тамъ, въ тюрьмѣ моего сердца, умереть и не увидѣть свѣта, и я самъ, какъ палачъ, долженъ задушить это нѣжное, прекрасное, живое—и это неизбѣжно надо, надо, надо... И послѣ этого я стану лучше, чѣмъ былъ: стану мягкимъ, добрымъ... Странное противорѣчіе! Но о чемъ тутъ думать? Развѣ я могу къ моей матери, сестрамъ, ихъ подругамъ, наряднымъ, веселымъ, привезти Клотильду и сказать: „вотъ вамъ моя жена“. Конечно, нѣтъ. Но я привезу. Не ту, которая тамъ, въ кабакѣ; она тамъ и останется и никогда не узнаетъ, что зажгла она во мнѣ,—я привезу Клотильду, какой она могла бы быть, въ образѣ того прозрачнаго тумана

въ томъ небѣ. И будетъ она вѣчнымъ спутникомъ моимъ въ жизни, какъ Беатриче у Данте. Она будетъ звать меня, и я буду слышать ея голосъ и буду вѣчно съ ней — высшимъ счастьемъ и высшимъ страданіемъ моей жизни.

Можетъ-быть, когда-нибудь я буду самъ смѣяться надъ этимъ всѣмъ, но теперь я хочу плакать.

Мы подошли къ квартирѣ, и въ ожиданіи, пока отопрутъ, Бортовъ сказалъ апатичнымъ голосомъ:

— Я послѣзавтра устрою охоту. Я закачусь на нѣсколько дней. Вамъ придется на это время сюда переѣхать.

— Переѣду,—отвѣтилъ я.

— Вы любите охоту?

— Никогда не охотился.

— Хорошо... Нѣсколько ночей на свѣжемъ воздухѣ, спать прямо на землѣ.

— Можно простудиться.

— Война кончилась.

— Развѣ для войны живутъ?

— Мы-то? — переспросилъ Бортовъ. — Кто-то гдѣ-то сказалъ про насъ: во время войны они страшны врагамъ, а во время мира—для всѣхъ несносны.

III.

Бортовъ уѣхалъ на охоту, а я живу въ Бургасѣ, въ его квартирѣ, распоряжаюсь работами, днемъ ѣзжу въ свою бухту, и, завидя меня, Никита радостно бѣжитъ и каждый разъ спрашиваетъ: „совсѣмъ ли?“

И каждый разъ я отвѣчаю:

— Нѣтъ еще.

Я задумчивъ, сосредоточенъ, работаю много, охотно, но работа не все. Есть еще что-то, что остается неудовлетвореннымъ, ноетъ тамъ гдѣ-то внутри и сосетъ.

Вечера я провожу въ квартирѣ Бортова и читаю его книги. Онъ предложилъ мнѣ ихъ передъ своимъ отъѣздомъ такимъ же безразличнымъ, но скучающимъ голосомъ, какимъ предложилъ мнѣ почетное для меня мѣсто своего помощника. Я уловилъ эту манеру его: чѣмъ серьезнѣе услуга, которую онъ оказываетъ, тѣмъ пренебрежительнѣе онъ относится къ ней.

Въ данномъ случаѣ услуга громадная: предо мною серьезнал литература. Къ стыду моему, я мало, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не знакомъ съ ней.

Я откровенно признался въ этомъ Бортову и благодарилъ его отъ всей души. Онъ многое говорилъ тогда мнѣ. Я только

слушалъ его, кивая головой, но смыслъ понялъ только много-много позже.

Что до него, то очевидно, что онъ былъ прекрасно освѣдомленъ обо всемъ.

— Здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго, мой отецъ былъ писатель... онъ писалъ въ „Современникѣ“, потомъ въ „Русскомъ Словѣ“ подъ псевдонимомъ, теперь забытымъ, но мы росли въ его обстановкѣ... Когда онъ умеръ, мы остались безъ всякихъ средствъ, и такимъ образомъ я попалъ по заслугамъ дѣда стипендіатомъ въ корпусъ, затѣмъ въ инженерное училище, академію... Это не моя дорога. Матушка моя и сейчасъ жива: она да я — изъ всей семьи только мы и остались...

Мое отчаяніе тогда по поводу неудачной любви къ Клотильдѣ,—я уже любилъ ее, — не было такъ велико, чтобы убить мою энергію, но было достаточно, даже слишкомъ достаточно, чтобы искать забвенія въ чемъ-нибудь. Работа, чтеніе, какъ освѣжающая ванна, дѣйствовали на меня, а дѣтская, можетъ-быть, мысль, что я уѣду отсюда преуспѣвшимъ и въ своемъ искусствѣ и въ литературѣ, давала мнѣ новыя крылья.

Пусть я потерялъ здѣсь свое сердце, потерялъ навсегда,— такъ думалъ я, — но я пріѣду къ матери, сестрамъ образованнымъ человѣкомъ, знающимъ спеціалистомъ. Я поступлю въ академію, и каждый мой новый шагъ будетъ радовать ихъ... Почему Бортовъ сказалъ, что это не его дорога?

Я вспоминаю эти прекрасные вечера, когда кончались мои работы.

Усталый, какъ всѣ, я иду, чутко прислушиваясь къ замирающему шуму дня. Вотъ изумрудно-пурпурный слѣдъ лодки, вотъ послѣдніе красные лучи солнца, и сегодня, послѣ дождя и бури, море красное, какъ пурпуръ, а съ лѣвой стороны заката небо залито оранжевымъ огнемъ, и тучи тамъ кажутся грозными бастіонами, крѣпостями, рядомъ крѣпостей. Туда проходитъ теперь солнце, и за нимъ съ далекимъ грохотомъ запираются тяжелыя ворота этихъ крѣпостей. Вотъ уже заперты ворота, и только сквозитъ огненная полоска, свидѣтель того, что владыка міра еще тамъ.

Потухъ пурпуръ, и теперь фіолетовымъ, тяжелымъ и неуловимымъ налетомъ свѣтится море, верхъ волны — фіолетовый, низъ—еще пурпуръ, средина—изумрудъ, и уже горитъ серебристо-зеленымъ фосфоромъ ночи воздухъ.

Открыты окна, горитъ на столѣ подъ зеленымъ абажуромъ свѣчи, и темнота и прохлада тамъ въ окнѣ, и что-то словно

заѣзжаетъ оттуда въ мою комнату, гдѣ сижу я и читаю, какъ читаютъ лекціи, отмѣчая въ записной книжкѣ непонятное, о чемъ я спрошу Бортова, потому что я хочу все знать и все понять.

Однажды, все еще въ то время, когда Бортовъ былъ на охотѣ, подъ-вечеръ, возвращаясь по пристани съ работъ, я совершенно неожиданно встрѣтился съ Клотильдой.

Она вышла, вѣроятно, подышать и погулять, чтобы сильнѣе почувствовать свою отверженность. Тѣ, которые черезъ два часа будутъ восторженно цѣловать ея руки, проходили теперь мимо со своими дамами, не замѣчая ея.

Она стояла грустная, задумчивая и смотрѣла въ море. Собственно, даже не въ море, а въ ту сторону, гдѣ находилась моя Чингелесъ-Искелесская бухта.

Когда я проходилъ мимо нея, наши глаза встрѣтились, и она смотрѣла на меня такъ же равнодушно, не ожидая поклона, какъ и на всѣхъ остальныхъ.

Я шелъ и думалъ: „Я не пойду къ ней въ ея кафе-шантанъ, но почему мнѣ не поклониться? Я кланяюсь ей, какъ человѣку“.

Можетъ-быть, мысль, что въ этомъ обществѣ никто меня не знаетъ, придавала мнѣ храбрость. Будь здѣсь моя мать, сестры, и я такъ же, какъ и другіе, прошелъ бы, навѣрно, мимо.

Какъ бы то ни было, я поклонился и даже задержался немного, и когда она нерѣшительно сдѣлала попытку протянуть мнѣ руку, я со всѣмъ уваженіемъ, какое могъ придать своимъ движеніямъ, пожалъ ее.

— Вы теперь здѣсь въ Бургасѣ живете? — спросила она спокойно, съ тѣмъ же оттѣнкомъ грусти и задумчивости.

Я удивился, откуда она знаетъ это, и отвѣтилъ:

— Да, до возвращенія съ охоты Бортова.

— Васъ не видно.

Я смутился и отвѣтилъ:

— У меня много дѣла: днемъ на работахъ, вечеромъ за письменнымъ столомъ.

— Вы всегда такъ работаете?—спокойно спросила она.

— Нѣтъ, не всегда,—отвѣтилъ я уклончиво.

Она скользнула по мнѣ глазами и опять спокойно, задумчиво спросила:

— Бортовъ скоро возвратится?

— Я думаю, что скоро теперь.

— Онъ очень хорошій человѣкъ,—сказала она.

Меня пріятно удивляло спокойствіе ея манеръ совершенно

порядочной женщины. Я испыталъ, правда, тайное, но несомнѣнное и даже—будемъ говорить откровенно—величайшее наслажденіе стоять съ ней рядомъ, говорить и чувствовать ее, эту Клотильду, такой, какой я чувствую ее ежесекундно, всегда, даже во снѣ въ своемъ сердцѣ. Любовь—это болѣзнь своего рода. Какъ въ болѣзни каждое движеніе напоминаетъ вамъ эту болѣзнь, такъ и въ любви всякая мысль, всякое движеніе—все въ честь той, которую любишь.

Это надо сдѣлать. Почему? Потому, что я люблю. А я люблю? Такъ я сдѣлаю въ десять разъ больше ради той, которую я люблю. Въ честь ея буду жить, въ честь ея и умру.

— Вы тамъ живете?

И Клотильда указала глазами въ сторону мээй бухты.

Она и это знаетъ.

— Да, тамъ.

— Тамъ красивое мѣсто. Оно мнѣ напоминаетъ мою родину—Марсель...

То, что̀ она говорила, было совершенно ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ она говорила.

„Мою родину“, „Марсель“... какъ зарницы въ небѣ: сверкнетъ вдругъ нѣжно, грустно и опять замретъ. Родина, Марсель,—они оживали вдругъ, и я въ блескѣ зарницъ видѣлъ ихъ, видѣлъ ее въ нихъ,—видѣлъ, чувствовалъ, понималъ ее безъ словъ и, чтобы возвратить ее туда такой, какой она была когда-то, съ какимъ блаженствомъ я отдалъ бы за это всю свою жизнь.

— Какъ хорошо здѣсь, — вздохнула она послѣ паузы. — Можетъ-быть, когда-нибудь я пріѣду посмотрѣть вашу бухту,— сказала она, прощаясь:—вы позволите?

Я только поклонился, какъ умѣлъ.

IV.

Пріѣхалъ Бортовъ, усталый, блѣдный, болѣе чѣмъ обыкновенно апатичный, мертвый.

— Хорошая охота?

— Хорошая.

Послѣ осмотра всего, что̀ было сдѣлано безъ него, я показалъ ему мои работы по литературѣ, прося объясненій.

Понемногу онъ словно возвратился откуда-то, и я слушалъ его съ раскрытымъ ртомъ, удивляясь обширности его познаній, скрытой мягкости, ласкѣ, слушалъ съ буравящей мыслью, что̀ мѣшаетъ этому умному, сильному, талантливому красавцу жить и наслаждаться жизнью.

— Были въ кафе-шантанѣ? — спросилъ, мѣняя разговоръ, Бортовъ.

— Нѣтъ...

Я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Клотильдой.

— Ну, теперь на вашъ счетъ будутъ чесать языки всѣ здѣшнія кумушки,—сказалъ онъ.

— Кто меня знаетъ?

Бортовъ усмѣхнулся.

— Здѣсь всѣ знаютъ всѣхъ. Не лучше любого провинціальнаго городка.

— Мнѣ все равно.

— Это-то конечно. Клотильда что̀? Она умѣетъ, по крайней мѣрѣ, себя держать, а я съ Бертой прогуливаюсь,—вотъ посмотрите...

Бортовъ засмѣялся своимъ старческимъ и дѣтскимъ въ то же время смѣхомъ.

— Первое время всѣ эти маменьки носились со мной, какъ съ писаной торбой. Но когда потеряли надежду на меня, какъ на жениха...

Борговъ махнулъ рукой.

— Вы когда хотите ѣхать къ себѣ?

— Сегодня же,—отвѣтилъ я.

— Пообѣдаемъ хотя.

Было пять часовъ. Мы съ Бортовымъ и Бертой обѣдали въ гостиницѣ „Франція“.

Клотильда вошла въ залу, когда мы обѣдали, и, увидѣвъ насъ, радостно и даже бурно поздоровалась съ Бортовымъ, пріятельски съ Бертой и ласково со мной.

— Сегодня вечеромъ увидимся?

— Да вотъ,—отвѣтилъ Бортовъ, показывая на меня,—не удержишь ничѣмъ: ѣдетъ къ себѣ.

Клотильда посмотрѣла на меня и сказала Бортову:

— Можетъ-быть, и мы когда-нибудь проникнемъ въ тотъ таинственный уголокъ... Мы будемъ его называть монастырь святого Николая. Такъ, кажется, зовутъ молодого отшельника?

И она ушла, оставляя во мнѣ ароматъ своихъ духовъ, неудовлетвореніе, тоску, неисполнимыя, хоть весь міръ разрушь, желанія.

Въ семь часовъ отходилъ послѣдній катеръ, и съ обѣда мы съ Бортовымъ отправились прямо на пристань.

Тамъ уже стоялъ готовый паровой катеръ, и хозяйственный Никита возился, устраивая мнѣ удобное сидѣнье.

Я сѣлъ, и мы тронулись. Затѣмъ я насунулъ плотнѣе свою фуражку на лобъ и задумчиво уставился въ исчезавшій горо-

докъ... Образъ Клотильды снова охватилъ меня, опять я осязалъ ее: ея глаза, золотистыя волны густыхъ чудныхъ волосъ... Клотильда была тамъ, въ городѣ, въ каждомъ зданіи, въ каждой искоркѣ прекраснаго вечера, въ этой голубой дали и въ этомъ одинокомъ монастырѣ, и въ моемъ сердцѣ, и выше, выше головы, и, Боже мой, чего бы я ни далъ, чтобъ хоть на мгновеніе увидѣть опять ее. И вдругъ я увидѣлъ ее, и нашъ катеръ чуть не перерѣзалъ ея маленькую лодку, гдѣ сидѣла на рулѣ она, а два турка гребли. И, не обращая вниманія на опасность и на крики матросовъ, ругавшихъ ея гребцовъ, она, съ натянутыми шнурками руля, быстро, тревожно искала кого-то глазами въ катерѣ и вдругъ, увидя меня, весело, какъ ребенокъ, сверкнула своими черными глазами и закивала мнѣ головой. Въ это время катеръ мчался возлѣ самаго борта ея лодки, и я увидѣлъ ее близко, близко, ея атласную руку и взглядъ болѣе долгій, чѣмъ весь переѣздъ, взглядъ, перевернувшій все во мнѣ, охватившій меня и огнемъ и болью. Ко мнѣ долетѣлъ какой-то лепетъ ея, немного горловой, немного дѣтскій, какъ легкая, мягкая жалоба.

Все это произошло такъ быстро.

Я вскочилъ и пришелъ въ себя, когда лодка ея была уже далеко, а я все еще стоялъ съ шапкой въ рукахъ и все смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Затѣмъ я вспомнилъ, гдѣ я,—матросы и Никита все видѣли,—надѣлъ опять шапку и съ отчаяніемъ человѣка, который теперь ничего уже не подѣлаетъ, сѣлъ опять и, не смѣя ни на кого взглянуть, постарался сдѣлать самое угрюмое и безучастное лицо. Насколько это мнѣ удалось не знаю. Но, когда мы подъѣхали къ мосткамъ нашей бухты, тонъ Никиты еще усилился въ смыслѣ покровительства:

— Ваше благородіе, матросамъ дать, что ли, на водку?

— Конечно, конечно... дай имъ два рубля... Спасибо, братцы.

— Рады стараться, ваше благородіе. Проклятые турки чуть не утопили барышню.

— Да-а...

Пока приготовлялъ Никита ужинъ и чай, я ходилъ по своей террасѣ, смотрѣлъ на море и думалъ, конечно, о Клотильдѣ. Меня мучилъ теперь вопросъ: зачѣмъ она выѣхала ко мнѣ навстрѣчу? И вдругъ мнѣ пришла очень простая мысль: да выѣзжала ли она ко мнѣ или просто захотѣла покататься? Все мое праздничное настроеніе сразу исчезло: какой я наивный, однако. А немного погодя опять въ защиту Клотильды начали появляться въ моей головѣ разные

доводы. Во-первыхъ, ея взглядъ, которымъ она искала... но она могла искать, конечно, и кого-нибудь другого. Ну, а огонь въ глазахъ и радость и какія-то фразы, которыхъ я не разслышалъ? Господи, да зачѣмъ же я катера не остановилъ, чтобы переспросить?.. Она, вѣроятно, этого и хотѣла, и то, что я пронесся мимо, она не могла себѣ объяснить иначе, какъ моимъ окончательнымъ нежеланіемъ даже соблюдать съ ней вѣжливость.

Вечеръ мой пропалъ. Я упрекалъ себя и порывался въ городъ. Боже мой, когда отчаливалъ катеръ, мнѣ казалось, его винтъ буравитъ не въ морѣ, а въ моемъ сердцѣ.

А тамъ изъ-за темной синевы мелькаютъ огоньки... Тамъ въ деревянномъ зданіи будетъ пѣть сегодня Клотильда. Не та Клотильда, которая во мнѣ, а другая, съ такими же, впрочемъ, золотистыми волосами, пронизывающими, ласковыми глазами, что жгутъ меня... не знаю самъ какая...

А темный лѣсъ уже огласился милліонами ужасныхъ воплей шакаловъ.

— Го, прокляты щикалки, — говоритъ Никита, ставя ужинъ,—якъ зарѣзаны диты сковчатъ...

Какъ подходитъ это сравненіе съ зарѣзанными дѣтьми здѣсь, гдѣ такими зарѣзанными удобрена вся земля Болгаріи.

А позднѣе къ этимъ воплямъ прибавился свистъ вѣтра, глухіе, какъ пушечные выстрѣлы, удары моря, шумъ лѣса. Я лежалъ въ своей палаткѣ и подъ этотъ нестройный концертъ думалъ о Клотильдѣ.

Клотильдѣ нравится мой уголокъ: онъ напоминаетъ ей ея родину. Я люблю этотъ уголокъ, люблю ее, ея родину. Я буду здѣсь работать: я привезъ книги—буду читать.

V.

Это былъ періодъ затишья въ моей любви къ Клотильдѣ. Что мнѣ за дѣло до той позорной Клотильды? Я ее не зналъ и не буду никогда знать. Я жилъ въ своей бухтѣ среди прекрасной природы, среди работы. Все сразу пошло въ ходъ: и пристань, и домъ, и шоссе. Полковнику батальона, который будетъ работать, дали взятку: его люди записываются въ табеля съ поддѣлкой ихъ фамилій подъ турецкія и болгарскія.

Но я выговорилъ только одно: кромѣ той суммы, которая шла на улучшеніе пищи, остальное получать солдатамъ прямо на руки и беречь эти деньги, помимо полковыхъ ящиковъ.

Расчеты производились по субботамъ. При расчетахъ, по моему настоянію, должны были присутствовать старшіе унтеръ-

офицеры и батальонный офицеръ. Это я сдѣлалъ уже для себя лично: въ огражденіе отъ сплетенъ, возможность которыхъ допускалъ послѣ намека полковника.

Мнѣ по душѣ была моя кипучая жизнь. Я вставалъ въ четыре часа утра и прямо изъ палатки бросался въ море: это было вмѣсто умыванія. Затѣмъ я пилъ чай съ „буйволячьимъ“ масломъ. И масло, и молоко, и мясо буйвола—такая гадость, о которой вспомнить противно. Особенно мясо, черное, слизистое и съ отвратительнымъ вкусомъ къ тому же. Въ отношеніи ѣды вообще было худо: хлѣбъ, пополамъ съ кукурузной мукой, былъ всегда черствый, тяжелый и не шелъ въ ротъ. Никитины „каклетки“ имѣли завлекательность только на устахъ Никиты, когда онъ вкусно спрашивалъ:

— Ваше благородіе, може чего-нибудь вамъ стотовить?

— А что?

— А каклетки? На маслѣ поджарить! Скусно...

И повѣришь, а приносетъ... брр...—пахнетъ сальной свѣчой.

Зато чай, если горячій, былъ вкусный. Иногда я задумывался, и тогда чай стылъ, а я просилъ Никиту дать мнѣ свѣжаго. Но экономный Никита соглашался не сразу.

— Горячій же, бо палецъ не терпитъ.

И въ доказательство онъ опускалъ въ мой стаканъ палецъ и говорилъ:—Охъ, якой же еще!

— Никита,—говорилъ я въ отчаяніи,—развѣ ты не понимаешь, что послѣ твоихъ грязныхъ рукъ я не могу пить.

— Каклетки тѣми же руками вамъ готовлю,—отвѣчалъ смущенно Никита, разсматривая свои грязныя руки.

Выкупавшись и напившись утромъ чаю, я подходилъ къ работавшимъ на пристани, отдавалъ нужныя распоряженія саперному унтеръ-офицеру, а въ это время Никита подводилъ мнѣ мою „Румынку“. Я садился и ѣхалъ къ домику, который выводился для меня въ противоположномъ углу бухты, тоже вблизи моря и лѣса.

Этотъ домикъ мы скомбинировали изъ старыхъ досокъ въ два ряда съ заполненіемъ пространства между ними пескомъ или землей. Завѣдующій работами унтеръ-офицеръ разыскалъ вблизи кучи древеснаго угля, оставшагося, вѣроятно, послѣ обжига, и мы рѣшили, на что теплѣе будетъ, если заполнить пространство между досками этимъ углемъ. Мы такъ и сдѣлали, и вслѣдствіе этого и я и всѣ пріѣзжавшіе ко мнѣ покрывались черной пылью, въ изобиліи пробивавшейся сквозь щели досокъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, мы устранили это неудобство, обивъ стѣны холстомъ палатки.

Послѣ осмотра работъ домика я уѣзжалъ на шоссе

При огибѣ каменнаго мыса шли динамитныя работы.

Солдатики придумали себѣ и другое употребленіе изъ динамита. Зажигая фитиль, они бросали патронъ динамитный въ воду, и когда раздавался выстрѣлъ, то поверхность воды покрывалась массой оглушенной рыбы. Солдатики хватали ее, варили и ѣли. Ѣлъ и я, хотя за растрату казеннаго имущества могъ быть привлеченъ къ суду.

Этого чуть-чуть не случилось.

Въ озерѣ, въ недалекомъ разстояніи, водилось много рыбы. Солдаты, припрятавъ патроны, однажды въ одно воскресенье, когда работъ не бывало, отправились на озеро ловить рыбу.

Наловили массу и всю съѣли. Съѣли и заболѣли какой-то злокачественной лихорадкой. Нѣсколько человѣкъ меньше, чѣмъ въ полсутокъ, умерло.

Я никогда не видалъ ничего подобнаго: ихъ подбрасывало отъ земли, по крайней мѣрѣ, на полъ-аршина.

Оказалось, что въ это озеро во время тифозной эпидеміи бросали умершихъ. Рыба, вѣроятно, питалась ихъ мясомъ: рыба, дѣйствительно, была поразительно жирна.

Дѣло, впрочемъ, замяли, отнеся все къ волѣ Божіей.

Только полковникъ категорически заявилъ:

— На штаны всѣмъ солдатикамъ все-таки надо дать.

И дали, снесл расходъ на покупку досокъ.

При желаніи можно было много выводить такимъ образомъ расходовъ.

Къ обѣду, къ двѣнадцати часамъ, я возвращался домой, ѣлъ „каклетку“, пилъ чай и ложился спать. Въ два часа я опять купался и опять начиналъ свой объѣздъ работъ.

Къ семи часамъ работы кончались, и я возвращался къ себѣ. Это было лучшее время.

Жаръ спадалъ, солнце садилось; мнѣ разстилалась бурка, клалась подушка, и я ложился со стаканомъ чаю, съ книгой въ рукахъ.

Ѣду сегодня отыскивать камышъ для будущей крыши своего домика. Лѣсомъ, а тѣмъ болѣе желѣзомъ, крыть дорого. Не можетъ быть, чтобы здѣсь не было гдѣ-нибудь камыша или папороти. Я уже разспрашивалъ братушекъ, но они молчатъ, а солдаты говорятъ, что есть тутъ подальше камышъ.

Моя „Румынка“ уже въ чепчикѣ — и, напившись чаю, ѣду по прямому направленію къ югу. Поднялся лѣсомъ по какой-то тропинкѣ, наткнулся по дорогѣ на кабаньи слѣды (Бортову сказать) и выѣхалъ на водораздѣлъ. Лѣсъ исчезъ, и передъ глазами волнистая открытая мѣстность; вотъ влѣво

повернула большая долина: тамъ должна быть рѣка и камыши.

Какіе дни! Безоблачные, тихіе, ясные. О такой ясности только знаютъ тѣ, кто знаетъ южную осень. Небо, нѣжное, синее, охватило своими объятьями яркую, парядную, всю въ солнцѣ, но съ печатью какой-то неподвижной грусти, землю, и точно спитъ въ его объятіяхъ земля, и съ нею спятъ и море, и корабли, и ихъ бѣлые паруса въ синемъ морѣ, и та высокая колокольня монастыря. Спятъ или въ неподвижномъ очарованіи слушаютъ какую-то нѣжную скорбь, тихую жалобу, ту жалобу, что̀ шепчетъ красавица-земля своему возлюбленному солнцу, собирающемуся далеко-далеко уйти отъ своей милой. Все молитъ его тихо, покорно: „останься“. И стоитъ въ раздумьѣ солнце, и льетъ свои послѣдніе яркіе лучи, и нѣжнѣе замираетъ земля.

Я спускаюсь къ рѣкѣ, въ долину, на большую дорогу, на которой вижу библейскія картинки.

Вотъ идетъ красавица-болгарка: строгія правильныя черты лица, большіе черные глаза, живописный костюмъ, полуприкрытое лицо, мулъ, на немъ мальчикъ, и рядомъ съ муломъ и болгаркой низкорослый, кривоногій, исподлобья смотрящій болгаринъ.

А дальше я обгоняю арбу, запряженную парой уродливыхъ, голыхъ, черныхъ, какъ черти, буйволовъ. Увидѣли буйволы сверкнувшую рѣку и понесли и арбу и успувшаго болгарина: лягутъ тамъ, забравшись по горло въ рѣку, и уже никакими силами не выгнать ихъ оттуда, только ихъ черныя морды, какъ головы гиппопотамовъ, будутъ торчать изъ воды.

А вотъ и то, что̀ я ищу — камыши.

Еще проѣхалъ, — и маленькая дорожка свернула къ виднѣющейся вдали деревушкѣ у самой рѣчки.

Я въѣхалъ на холмикъ — и оттуда видна мнѣ и залитая солнцемъ деревушка, и яркая зеленая мурава осенняго луга, и вся осенняя даль, привольная, тихая и задумчивая въ ясномъ днѣ. Глазъ не хочетъ оторваться отъ уютной картинки; глазъ ласкаютъ и даль, и рѣчка, и мирная деревушка, а въ головѣ, какъ волны музыки, какъ звуки какого-то нѣжнаго, знакомаго мотива, просыпаются какія-то, точно забытыя мысли о чемъ-то. Точно видѣлъ уже эту деревушку гдѣ-то, въ какой-то панорамѣ, видѣлъ эти горы, что̀ вырастаютъ тамъ за ней, уходя вдаль, все выше и выше въ голубое небо. Кто-то разсказываетъ или вѣтерокъ шепчетъ какія-то сказки...

Неохотно съѣзжаю съ пригорка и, охваченный этой негой покоя и тишины, ѣду по мягкому лугу. Но „Румынкѣ“, оче-

видно, хочется поскорѣе добраться до деревни и узнать, что̀ тамъ за уголокъ, гдѣ тоже живутъ люди, живутъ, радуются, страдаютъ...

Вотъ рѣчка и мостъ, вотъ уже близки потемнѣвшіе домики и узорчатыя окна, и чистыя улицы, и поворотъ, и картинка, навсегда запечатлѣвшаяся въ памяти.

Дѣвушекъ двадцать болгарокъ — всѣ красавицы, какъ на подборъ, всѣ высокія, стройныя, всѣ гордыя, съ большими черными глазами, красивыми бѣлыми лицами, взявшись за руки, съ вѣнками на головахъ, что-то поютъ и кружатся въ хороводѣ.

Это хороводъ русалокъ. Это выставка красавицъ.

Вокругъ старухи, дѣти.

Я стою очарованный, приросъ къ сѣдлу, не могу оторвать глазъ отъ волшебнаго видѣнія, — и вдругъ крикъ, и все исчезаетъ быстро, какъ видѣніе, закрываются окна, и черезъ мгновеніе я одинъ въ глухой пустой улицѣ, и никого больше, и такъ пусто, точно вымерли всѣ или выселилась деревня.

Я долго стучусь, пока наконецъ удается вызвать мнѣ какого-то старика, немного понимающаго русскій языкъ, и я объясняю ему цѣль своего пріѣзда. И много еще времени проходитъ, пока наконецъ собирается небольшой кружокъ болгаръ, и я слышу свое имя.

— Кептенъ Саблинъ.

На меня смотрятъ уже не такъ угрюмо и киваютъ головами.

Начинается разговоръ относительно камыша. Два франка за сотню сноповъ: кажется, недорого. Я даю задатокъ. Довѣріе порождаетъ довѣріе, и на вопросъ, далеко ли турецкое селеніе, первый старикъ нехотя, опустивъ глаза, говоритъ, что чужеземцу не надо ѣздить по чужимъ селамъ, а тѣмъ болѣе къ туркамъ.

Онъ вскидываетъ на меня глаза, опять ихъ опускаетъ и кончаетъ такъ спокойно, что мнѣ дѣлается немного не по себѣ:

— Иногда рѣжутъ по большимъ дорогамъ...

Толпа стоитъ, точно слушаетъ мой приговоръ, и смотритъ мнѣ въ глаза: „ты слышалъ?“.

— Пусть рѣжутъ, — отвѣчаю я, — совѣсть моя чиста, и я ничего не хочу дурного.

— Не надо деньги возить, не надо ѣздить...

Я хочу спросить о хороводѣ, посмотрѣть костюмы дѣвушекъ, но толпа точно угадываетъ мои мысли, и никто не хочетъ смотрѣть на меня, и такъ чужды всѣ мнѣ, точно спрашиваютъ: зачѣмъ же я еще стою, когда все сдѣлано, и ко всему я не только живъ, но и получилъ ихъ добрый совѣтъ.

— Спасибо, — вздыхаю я и протягиваю руку старику.

— Поѣзжай, поѣзжай, — говоритъ облегченно старикъ.

И я ѣду, но предо мной все еще хороводъ красавицъ-дѣвушекъ, и я, отъѣзжая, даю себѣ обѣщаніе возвратиться опять, чтобы врасплохъ увидѣть прекрасныхъ болгарокъ.

И я ѣздилъ не разъ, но напрасный трудъ, — болгары уже были настороже — и такъ и не удалось мнѣ больше увидѣть, что̀ нечаянно, какъ изъ-за занавѣски, увидѣлъ разъ и то мелькомъ.

Я возвращаюсь домой, думая о болгаркахъ, думая о своихъ дѣлахъ, довольный найденнымъ камышомъ и смущаемый мыслью, что стоитъ моя работа съ мостомъ на Мандрѣ. Нѣтъ понтоновъ, а 16-я дивизія скоро-скоро уже тронется, и безъ моста не переправишь артиллерію. И вдругъ я вспоминаю: тамъ, въ углу старой пристани, у Бургаса, стоитъ нѣсколько старыхъ баржъ, очевидно, оставленныхъ за негодностью, но, негодныя для плаванія, онѣ могутъ вполнѣ годиться для понтоновъ. А если онѣ годятся, то у меня черезъ недѣлю будетъ готовъ мостъ на Мандрѣ.

И я, весь потонувъ въ деталяхъ своего проекта, совсѣмъ не замѣтилъ обратной дороги.

VI.

Былъ какой-то праздникъ, и такъ какъ въ праздники мы не работали, то я скучалъ.

Я лежалъ на буркѣ на своей террасѣ, прислушивался къ сонному плеску моря, вдыхалъ въ себя свѣжій ароматъ его, слѣдилъ за золотой пылью заката, смотрѣлъ на Бургасъ, монастырь, вдаль и скучалъ.

— Никита!

У Никиты досчатый балаганъ тамъ, на пригоркѣ: въ одной половинѣ лошадь, въ другой онъ со своимъ хозяйствомъ, а передъ балаганомъ — кухня.

Его не такъ легко дозваться.

— Ась? — отзывается наконецъ онъ и идетъ тяжелыми шагами ко мнѣ.

— Ты что̀ тамъ дѣлаешь?

— Что? Записую расходы...

Никита все время или считаетъ деньги, или записываетъ какіе-то расходы.

— Ты откуда родомъ?

— Откуда? Изъ Харьковской губерніи.

— Жена есть?

Никита задумывается, точно вспоминаетъ.

— Нѣтъ.

И, помолчавъ, уже подозрительно спрашиваетъ:

— А вамъ на что знать, ваше благородіе?

— Такъ, — отвѣчаю я.

— Ваше благородіе, а масла завтра потребуется?

— А что, нѣту?

— На утро еще будетъ... и говядины надо купить.

— Да вѣдь недавно же покупали?

Никита начинаетъ съ увлеченіемъ: конечно, недавно, и онъ былъ увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ, ея хватитъ на четыре дня. Но пріѣхалъ Бортовъ — каклетки нѣтъ, вчера я ужинать потребовалъ — опять нѣтъ...

Никита чувствуетъ, что этого мало, и лѣниво прибавляетъ:

— Такъ, шматки остались...

Но затѣмъ новая мысль приходитъ ему въ голову, и онъ опять оживляется:

— А, конечно, дорого, бо все воловье мясо. Буйволячье чуть ли не въ два раза дешевле.

Но я уже лѣзу въ карманъ, чтобы только избавиться отъ буйволячьяго мяса.

— Ваше благородіе, — довѣрчиво, тихо говоритъ Никита: — а вина тоже нѣтъ.

— Вина не надо,—огорченно говорю я, предпочитая отказаться отъ рюмки вина въ свою пользу и стакана въ пользу Никиты.

Хотя впослѣдствіи оказалось, что онъ не пилъ, а просто отливалъ и подавалъ мнѣ опять уже оплаченное разъ вино. Одинъ офицеръ, нѣкто Копытовъ, утверждалъ, что Никита увезъ отъ меня за время пребыванія, кромѣ жалованія, по крайней мѣрѣ, рублей двѣсти. Можетъ-быть, но я люблю Никиту и Никита меня любитъ, а Копытовъ и самъ ненавидитъ своего денщика и тотъ платитъ ему тѣмъ же.

Эту маленькую сплетню передалъ мнѣ самъ Никита.

— Ваше благородіе, а что вы въ городъ не поѣхали? — заканчиваетъ Никита нашу бесѣду, получивъ деньги.

— Ничего я тамъ не забылъ, — отвѣчаю я голосомъ, не допускающимъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Якъ монахъ сидите... Отъ теперь и вина ужъ не будете пить, — гости пріѣдутъ, чѣмъ поштувать станете? Чи той водой?

Никита показываетъ на море.

— А какая краля вдругъ пріѣдетъ? Я жъ на свои и то купилъ...

Никита надоѣлъ.

— Ну вотъ, Никита, плачу въ послѣдній разъ: бутылку на недѣлю — и конецъ.

— Да хоть двѣ пусть стоитъ, якъ пить не станете.

И я даю Никитѣ еще денегъ.

Но что̀ это? Мы оба съ Никитой оглядываемся и видимъ на пригоркѣ... Клотильду, Бортова и Альмова, инженера путей сообщенія.

Альмовъ милый господинъ, но шутъ гороховый. Онъ не можетъ пройти мимо какой-нибудь блестящей поверхности, чтобы не посмотрѣть въ нее свой языкъ. Начинаетъ всегда фразой:

— Послушайте, знаете, что̀ я вамъ скажу...

Но возьметъ ножъ или, въ крайнемъ случаѣ, возьметъ зеркальце, посмотритъ свой языкъ, разсмѣется добродушно, ласково и глупо, — и никогда такъ и не скажетъ ничего.

Но такъ въ общемъ Альмовъ милѣйшій господинъ, а въ этотъ моментъ я даже люблю его.

— Э...— крикнулъ онъ весело, — помогите же дамѣ!..

Мы съ Никитой такъ и стояли съ открытыми ртами.

Клотильда на своемъ золотистомъ карабахѣ, какъ воздушное видѣніе, была тамъ на пригоркѣ.

Карабахъ сдѣлалъ прыжокъ и такъ и остался на мгновеніе съ всадницей въ воздухѣ. Казалось, вотъ они оба исчезнутъ, какъ появились.

Я наконецъ опомнился и бросился къ ней. Клотильда, наклонившись, внимательно и безпокойно смотрѣла мнѣ въ глаза.

Ея глаза просили и, вѣроятно, получили, чего желали, потому что, держась за мою руку, она весело и легко соскочила на землю.

— Гопъ-ля! — сказала она, слегка сжавъ мою руку, а затѣмъ не совсѣмъ увѣренно спросила:

— Принимаютъ?

Переведя глаза на берегъ, мою палатку, море и весь видъ, она радостно вскрикнула:

— О, какъ здѣсь хорошо! М-г Бортовъ, вы знаете, что̀ это мнѣ напоминаетъ? Это мнѣ напоминаетъ, когда я росла около Марселя... А-а!.. Вотъ такой же берегъ и море, а внизу городъ, только тамъ выше... и больше море...

Она протянула руку и быстрымъ жестомъ показала необъятность ея моря.

Въ это мгновеніе глаза ея сверкнули радостно, и она съ душой, открытой ко мнѣ, остановивъ глаза на мнѣ, проговорила:

— Оставимъ мою молодость и будемъ жить настоящимъ. О, я очень рада, что m-r Бортовъ взялъ наконецъ меня съ собой. Онъ меня пугалъ, что вы разсердитесь.

Я рѣшительно не могъ ничего отвѣчать.

Бортовъ и Альмовъ ушли по работамъ, а мы съ Клотильдой остались у палатки.

Какъ шелъ къ ней костюмъ амазонки: стройная, оживленная, какъ ребенокъ.

— А-а, вы знаете, — говорила она серьезно мнѣ, — это дворецъ, которому позавидовалъ бы царь... Я буду ѣздить къ вамъ...

Глаза ея остановились и смотрѣли на меня ласково, безмятежно.

Въ общемъ мы мало, впрочемъ, говорили. Что̀ разговоръ? Мы говорили глазами. Взглядъ идетъ въ душу: онъ отвѣчаетъ сразу на множество вопросовъ и задаетъ ихъ и получаетъ отвѣты... И когда люди обмѣниваются такими взглядами, то уже имъ нѣтъ дороги назадъ. Зачѣмъ и впередъ спѣшить? Если нѣтъ и тамъ дороги, развѣ въ этомъ все не та же непередаваемая радость жизни? Вотъ берегъ, усыпанный ракушками, золотистый фазанъ вылетѣлъ изъ лѣсу, сверкнулъ на солнцѣ и исчезъ, а тамъ тѣнь и мой чертежъ на столѣ, и Никита, взволнованный, спѣшитъ съ самоваромъ. А, это Никита? Мой денщикъ? О, какой симпатичный. Надо посмотрѣть его балаганъ. И мы идемъ къ балагану. Она опять говоритъ о своей родинѣ. А-а, это и есть моя „Румынка“? Она ходитъ съ чепчикомъ? О, какая милая. И она цѣлуетъ ее въ шею, а я стою въ дверяхъ и смотрю.

Я слышу ея вздохъ, полный, сильный, и все такъ безконечно сильно и ярко, и мы уже идемъ съ ней назадъ, оба такіе удовлетворенные, счастливые, словно намъ позволили выбрать лучшій жребій и мы уже взяли его.

Навстрѣчу идутъ Бортовъ и Альмовъ.

— А это?

Она показываетъ на мою палатку.

Я долженъ показать и палатку—и я показываю, смѣюсь, извиняюсь. А Бортовъ поднимаетъ крышку моего сундука и смѣется, показывая Клотильдѣ тамъ золото и серебро, и Клотильда, недоумѣвая, говоритъ: „О...“, и опять выходимъ на террасу, гдѣ и садимся пить чай.

Она сама хозяйничаетъ—и надо видѣть удовольствіе Никиты. Онъ торжественно ставитъ бутылку вина на столъ, смотритъ на меня и спрашиваетъ глазами, „Что̀: пригодилось?“

И опять мнѣ говорятъ о томъ, какъ здѣсь хорошо, а я смотрю на Клотильду и думаю, что хорошо смотрѣть ей въ глаза, на ея волосы, на всю ее — стройную, молодую, прекрасную, какъ весна.

Она чувствуетъ, что не осталось во мнѣ ничего, что не задѣла бы она во мнѣ—и въ ея глазахъ радость.

Я не сказалъ бы, что и она любила, но она цѣнила мое чувство... Я большаго и не желалъ. Я и безъ того, мечтая о невозможномъ, получилъ его, потому что видѣлъ Клотильду, но безъ всего, что разрывало мое сердце на части. Можетъ-быть, это и иллюзія... Но кто сказалъ, что я хочу разрушать эту иллюзію? Не хочу. Поцѣловать слѣдъ ея и умереть я согласенъ сейчасъ же, но не больше. Словомъ, мы понимаемъ теперь хорошо другъ друга, безъ словъ понимаемъ, чего желаютъ святая святыхъ насъ обоихъ...

— Вы хотите, чтобы она осталась съ вами?—спросилъ Бортовъ, отводя меня въ сторону.

— Ни подъ какимъ видомъ,—отвѣчалъ я, оскорбленный.

Бортовъ еще постоялъ и возвратился къ палаткѣ.

— Ну что жъ, пора и ѣхать,—проговорилъ онъ громко:—вы проводите насъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Проводите,—попросила Клотильда.

Я не сталъ заставлять просить себя и велѣлъ осѣдлать себѣ три дня тому назадъ еще одну купленную за пятьдесятъ рублей донскую лошадь—„Казака“. Это была высокая и неуклюжая, какъ верблюдъ, горбатая, красно-гнѣдая лошадь.

— Зачѣмъ вы не хотите ѣхать на „Румынкѣ“?—спросила Клотильда.

Мнѣ просто было стыдно ѣхать съ дамой на лошади въ чепчикѣ.

— А „Казакъ“ уносной,—возразилъ Никита,—свалитъ куда-нибудь въ оврагъ.

— Не свалитъ,—отвѣтилъ я.

— Что онъ говоритъ?—спросила Клотильда.

— Онъ говоритъ глупости,—сказалъ я.

— Когда вашъ домъ будетъ готовъ?—спросилъ меня Бортовъ.

— Я надѣюсь въ четвергъ перебраться.

— Я заѣду къ вамъ на новоселье,—сказала Клотильда.

— Я буду счастливъ.

Намъ подали лошадей, мы сѣли и поѣхали.

Я съ большой тревогой слѣдилъ за своимъ донцомъ. Разъ всего я и пробовалъ его и, откровенно сказать, не чувство-

валъ себя хорошо,—слишкомъ сильная и порывистая лошадь. Особенно не нравилось мнѣ, когда она вдругъ, какъ заяцъ, прижимала уши и дергала изо всѣхъ силъ. Вѣдь у казаковъ особенная выѣздка, и не знаешь самъ, когда и какъ начнетъ лошадь продѣлывать свои заученныя штуки,—понесетъ безъ удержу, ляжетъ вдругъ, начнетъ бить задомъ или взовьется на дыбы. Гдѣ-то тронуть, гдѣ-то пощекотать—и готово.

И потому я только и старался, какъ бы не тронуть, не пощекотать. А донецъ, какъ нарочно, въ сосѣдствѣ съ другими лошадьми горячился все сильнѣе.

Горячился и карабахъ Клотильды,

— Поѣзжайте впередъ,—посовѣтовалъ намъ Бортовъ.

Мы такъ и сдѣлали.

Мы ѣхали почти молча, каждый успокаивая свою лошадь.

Такъ доѣхали мы до моста на Мандрѣ, того понтоннаго, который я выстроилъ изъ старыхъ баржъ.

За Мандрой къ Бургасу тянулся уже отлогій песчаный берегъ до самаго Бургаса.

Скалы, лѣса остались позади.

Взошедшая луна своимъ обманчивымъ зеленоватымъ блескомъ освѣтила, какъ столъ, гладкую, безмолвную равнину. Въ мертвомъ серебристомъ свѣтѣ неподвижно, какъ очарованныя, торчали поля бурьяна и колючекъ.

Тутъ было не страшно, если бъ даже и задурилъ мой донецъ.

Мы подождали Бортова и Альмова и поѣхали вмѣстѣ.

Клотильда, такъ недавно еще такая близкая мнѣ, теперь опять какъ-то не чувствовалась. Предложеніе Бортова не выходило изъ головы.

Мнѣ захотѣлось вдругъ вытянуть плеткой донца между ушами.

Когда оставалось версты три до Бургаса, Бортовъ скомандовалъ: „маршъ-маршъ“, и мы помчались. Карабахъ быстро и легко обошелъ всѣхъ лошадей. На своемъ верблюдѣ я былъ слѣдующій. Что за прыжки онъ дѣлалъ!

Впечатлѣніе такое, точно я сижу верхомъ на крышѣ двухъэтажнаго дома, и домъ этотъ тяжелыми, не эластичными прыжками мчитъ меня. Но, какъ ни мчалъ онъ, карабахъ съ Клотильдой былъ впереди. Въ первый разъ я рѣшился ударить плеткой донца.

Донецъ совершенно обезумѣлъ, рванулся и догналъ карабаха. Поровнявшись съ нимъ, я нагнулся и изо всей силы ударилъ карабаха плеткой. Это была бѣшеная скачка: свистѣлъ воздухъ, пыль слѣпила глаза; пригнувшись, мы неслись.

— Надо сдержать немного лошадей, — крикнула Клотильда,—мы подъѣзжаемъ къ городу.

Лошадь Клотильды сейчасъ же отстала отъ меня, но я ничего уже не могъ сдѣлать съ донцомъ: онъ закусилъ удила и несъ.

— Я не могу остановить лошадь,—закричалъ я въ отчаяніи.

Я слышалъ, какъ Клотильда хлестала свою, чтобы догнать меня. Я напрягалъ всѣ силы, но напрасно: донецъ уже несся по узкимъ улицамъ Бургаса.

Толстый генералъ, по своему обыкновенію, сидѣлъ посреди улицы и пилъ кофе на поставленномъ передъ нимъ столикѣ съ двумя горѣвшими свѣчами.

Вѣроятно, онъ думалъ, что я нарочно несусь такъ, чтобы потомъ лихо и сразу осадить передъ нимъ свою лошадь.

Я, дѣйствительно, и сдѣлалъ-было послѣднее отчаянное усиліе, которое кончилось тѣмъ, что правый поводъ не выдержалъ и лопнулъ, а донецъ послѣ этого еще прибавилъ, если это еще возможно было, ходу.

Я успѣлъ только сдѣлать отчаянный жестъ генералу: генералъ отскочилъ, но и столъ и все стоявшее на немъ—кофейникъ, свѣчи, приборъ—полетѣло на мостовую.

Мнѣ, впрочемъ, некогда тогда было обо всемъ этомъ думать. Счастье еще, что, вслѣдствіе поздняго времени, улицы были пусты. Но и безъ того мы съ донцомъ рисковали каждое мгновеніе разбиться въ дребезги. Въ отчаяніи я сползъ почти на его шею, ловя оборвавшійся поводъ. Мнѣ удалось наконецъ поймать его въ то мгновеніе, когда донецъ, круто завернувъ въ какія-то отворенныя ворота, влетѣлъ на дворъ и остановился сразу. Съ шеи его, вслѣдствіе этого, я въ то же мгновеніе съѣхалъ на землю и сейчасъ же затѣмъ вскочилъ на ноги, въ страхѣ оглядываясь, не видала ли Клотильда всего случившагося со мной. Но ни Клотильды ни Бортова съ Альмовымъ и слышно не было. Какой-то солдатикъ взялся доставить лошадь мою въ гостиницу „Франція“, а я самъ, сконфуженный и печальный, не рискуя больше ѣхать на донцѣ, пошелъ, оправляясь, пѣшкомъ.

Нашихъ и другихъ городскихъ знакомыхъ я нашелъ уже въ гостиницѣ. Взволнованно, чуть не плача, объясняя всѣмъ и каждому, почему я такъ мчался, я показывалъ оборванный поводъ. Но мнѣ казалось, что все-таки никто не вѣритъ мнѣ, и даже Клотильда смотрѣла на меня какая-то задумчивая и равнодушная.

Только Бортовъ мимоходомъ бросилъ мнѣ:

— Да оставьте... ребенокъ...

— Ну какъ же не ребенокъ,—говорилъ Бортовъ уже за ужиномъ, на которомъ присутствовали и Клотильда, и Берта, и Альмовъ, и Копытовъ, и еще нѣсколько офицеровъ,—оказалъ какія-то чудеса въ вольтижировкѣ, самъ донецъ ошалѣлъ, спасъ и себя и его отъ смерти, и еще извиняется.

Всѣ разсмѣялись, а Бортовъ тѣмъ же раздраженнымъ тономъ переводилъ то, что̀ сказалъ мнѣ, Клотильдѣ,

У меня уже шумѣло въ головѣ: не знаю самъ, какъ я умудрился, чокаясь, выпить уже пять рюмокъ водки.

Клотильда радостными глазами смотрѣла на меня, а я, понявъ наконецъ, что никто меня не считаетъ плохимъ наѣздникомъ, хотя я былъ дѣйствительно плохимъ, сконфуженный и удовлетворенный умолкъ.

— Выпьемъ,—протянула мнѣ свой бокалъ Клотильда.

Я чокнулся и подумалъ: „Надо однако пить поменьше“.

— Buvons sec,—настойчиво сказала Клотильда.

На что Бортовъ бросилъ пренебрежительно:

— Развѣ саперы пить умѣютъ?—три рюмки водки и готовы...

Но я, войдя вдругъ въ задоръ, отвѣтилъ:

— Не три, а пять,—и саперы умѣютъ пить, когда хотятъ, лучше самыхъ опытныхъ инженеровъ.

Всѣ разсмѣялись.

— И, если вы сомнѣваетесь,—продолжалъ я, серьезно обращаясь къ Бортову,—я предлагаю вамъ пари: мы съ вами будемъ пить, а всѣ пусть будутъ свидѣтелями, кто кого перепьетъ.

И, не дожидаясь отвѣта, я крикнулъ:

— Человѣкъ, бутылку шампанскаго!

Пока принесли шампанское, Бортовъ, пригнувшись къ столу, смотрѣлъ на меня и смѣялся.

Когда шампанское принесли, я взялъ два стакана, одинъ поставилъ передъ Бортовымъ, другой передъ собой и, наливъ оба, сказалъ Бортову:

— Ваше здоровье!

Я выпилъ свой стаканъ залпомъ.

— Благодарю,—насмѣшливо отвѣтилъ Бортовъ — и также выпилъ свой.

Я опять налилъ. Когда бутылка опустѣла, я потребовалъ другую. Послѣ двухъ бутылокъ все мнѣ представлялось съ какой-то небывалой яркостью и величественностью: Клотильда была ослѣпительна и величественна, Бортовъ величественъ,

всѣ сидѣвшіе, даже Берта, были величественны. Я самъ казался себѣ великолѣпнымъ, и все, что̀ я ни говорилъ, было величественно и умно. Я теперь, точно съ какого-то возвышенія, вижу все.

Клотильда начала-было печально:

— Господа, вы молодые, сильные и умные...

— Не мѣшайте,—спокойно остановилъ ее Бортовъ.

Я тоже счелъ долгомъ сказать:

— Клотильда! Изъ всѣхъ сидящихъ здѣсь, изъ всѣхъ вашихъ друзей и знакомыхъ никто васъ не уважаетъ такъ, какъ я.

Копытовъ фыркнулъ. Я остановился и грустно, многозначительно сказалъ:

— Если я кого-нибудь обидѣлъ, я готовъ дать удовлетвореніе.

Тутъ ужъ всѣ расхохотались.

Я посмотрѣлъ на всѣхъ, на Клотильду; она тоже смѣялась. Тогда разсмѣялся и я и продолжалъ:

— Такъ вотъ, Клотильда, какъ я васъ люблю...

Клотильда, покраснѣвъ, сказала: „вотъ какъ“; Бортовъ же серьезно и флегматично замѣтилъ:

— Вы, кажется, говорили объ уваженіи...

— Все равно,—замѣтилъ я:—не важно здѣсь то, что̀ я сказалъ, а то, что̀ есть. Я повторяю: я люблю... И пусть она прикажетъ мнѣ умереть, я съ наслажденіемъ это сдѣлаю...

— Браво, браво!

— Будемъ лучше продолжать пить,—предложилъ мнѣ Бортовъ.

— И продолжать будемъ,— отвѣтилъ я, наливая снова наши стаканы.

И мы продолжали пить. Какой-то вихрь начинался въ моей головѣ, и лица, такія же яркія, какъ и прежде, ужъ не были такъ величественны, а главное, неподвижны. Напротивъ: я уже и самъ не зналъ, съ какой стороны я вдругъ увижу теперь Клотильду.

Однажды она вдругъ наклонилась надо мной, и я вздрогнулъ, почувствовавъ прикосновеніе ея тѣла.

— Клотильда, я пьянъ, но я все-таки умираю отъ любви къ тебѣ...

Она наклонилась совсѣмъ близко къ моему лицу и шепнула мнѣ на ухо:

— Если умираешь, оставь это и пойдемъ со мной...

Ея слова были тихи, какъ дыханіе, и обжигали, какъ огнемъ.

Я собралъ всѣ свои мысли.

— Я умираю и умру,—сказалъ я громко, чувствуя, что мое сердце разрывается при этомъ,—но съ такой... не пойду...

Я крикнулъ это и, отвалившись на стулъ, изступленно, полный отчаянія, смотрѣлъ на мгновенно потухшіе прекрасные черные глаза Клотильды: ихъ взглядъ, проникшій въ самую глубь моего сердца, такъ и замеръ тамъ...

— Ну, это ужъ чортъ знаетъ что!—раздался возмущенный голосъ рыжаго интенданта:—зачѣмъ же оскорблять?

Какой-то шумъ, кажется, кто-то уходитъ. Я все сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Что-то надо было отвѣтить, кажется, но мысли и все вертѣлось передо мной съ такой стремительной быстротой, что я напрасно старался за что-нибудь ухватиться.

И вдругъ я увидѣлъ Бортова, который все такъ же сидѣлъ, пригнувшись къ столу, наблюдая меня.

Я сразу развеселился и крикнулъ ему:

— Эй, ты, Ванька Бортовъ! Шельма ты!.. Не юли, будемъ пить...

— Шампанскаго больше нѣтъ,—донеслось ко мнѣ откуда-то.

Я мутными глазами обвелъ столъ, увидѣлъ графинъ съ ликеромъ и сказалъ:

— Все равно, будемъ ликеръ пить.

И я сталъ наливать ликеръ въ стаканы.

Это вызвало взрывъ смѣха, а Бортовъ сказалъ:

— Довольно, признаю себя побѣжденнымъ.

— Ура!

И громче всѣхъ кричалъ я.

— Ура!

Насъ съ Бортовымъ заставили цѣловаться.

Мы встали, качаясь подошли другъ къ другу, обнялись и упали.

Смѣялись всѣ—и мы, лежа на полу, смѣялись.

И мы опять сидѣли за столомъ. По временамъ на меня вдругъ находило мгновенное просвѣтленіе. Я замѣтилъ, что Клотильды уже нѣтъ между нами, что-то вспомнилъ и сказалъ печально Бортову:

— Прочили мы Клотильду.

Въ другой разъ я замѣтилъ, что не только мы съ Бортовымъ, но и всѣ пьяны.

Альмовъ высунулъ языкъ передъ какимъ-то офицеромъ, увѣряя, что видитъ свой языкъ въ отраженіи мѣднаго лба офицера.

— Когда же они успѣли напиться?—спросилъ я.

И я опять все забылъ.

Я помню улицу, освѣщенную луной, мы идемъ съ Бортовымъ и постоянно падаемъ. Бортовъ смѣется и очень заботливо поднимаетъ меня.

Затѣмъ мелькаетъ передо мной какая-то комната, лампа на столѣ, на полу сѣно и рядъ подушекъ. Бортовъ все такъ же заботливо укладываетъ меня. Я лежу, какія-то волны поднимаютъ и опускаютъ меня, я чувствую, что хочу объявить про себя что-то такое страшное, послѣ чего я погибъ навсегда. Я собираю послѣднюю волю и говорю самъ себѣ:

— Замолчи, дуракъ!

И я мгновенно засыпаю, или, вѣрнѣе, теряю сознаніе, чтобы утромъ проснуться съ мучительной головной болью, изжогой, тоской, стыдомъ, всѣмъ тѣмъ, что называется катценъяммеръ.

Я узнаю, что Бортовъ, возвращаясь обратно, шагнулъ прямо съ площадки второго этажа внизъ и расшибъ себѣ все лицо.

Я иду къ Бортову.

— Пустяки,—машетъ онъ рукой и смущенно прячетъ отъ свѣта лицо,—лицо павіана съ оранжевыми, зелеными, красными и желтыми разводами.

Бортовъ смотритъ подозрительно.

Я торопливо говорю ему:

— Я ничего не помню, что вчера было.

— Было пьянство,—успокоеннымъ голосомъ говоритъ Бортовъ.—Вы съ Клотильдой свинство сдѣлали...

Бортовъ смѣется.

— Плакала, а интендантъ утѣшалъ ее... ругалъ, понятно, васъ... Нѣтъ, говоритъ, хуже этихъ идеалистовъ: они любятъ только себя и свою фантазію, а все живое тѣмъ грубѣе топчутъ въ грязь...

— Онъ хорошъ: воръ...

— Про насъ такъ же говорятъ, — кивнулъ мнѣ головой Бортовъ.

Я иду въ гостиницу „Франція“, гдѣ остановился.

На дворѣ буря, дождь реветъ и крутитъ, и ни одного клочка яснаго неба.

Въ головѣ моей и душѣ тоже нѣчто подобное и тоже никакого просвѣта. Единственный уголокъ — Клотильда, и тотъ тревожно завѣшенъ надвинувшейся рыжей фигурой отвратительнаго интенданта, который говорилъ мнѣ вчера, потирая руки: „Эхъ, и молодецъ бы вышелъ изъ васъ, если бы съ начала кампаніи къ намъ...“, а потомъ кричалъ: „Это чортъ знаетъ что...“

Надо выпросить у Клотильды прощеніе... Я выпрошу...

Я нервно взбѣгаю по деревянной лѣстницѣ второго этажа и прирастаю къ послѣдней ступенькѣ: у дверей девятаго номера, номера Клотильды, стоятъ чьи-то рыжіе, какъ голова интенданта, отвратительные сапоги.

— Мою лошадь сѣдлать! — изступленно кричу я изъ окна коридора.

И черезъ двѣ-три минуты я уже на своемъ донцѣ.

Въ какомъ-то окнѣ встревоженно кричитъ мнѣ грязная, въ поношенномъ вицъ-мундирѣ, фигура армейскаго офицера:

— Башибузуки спустились съ Родопскихъ горъ: ѣхать вамъ нельзя сухимъ путемъ.

Я вижу въ другомъ окнѣ быстро оправляющую свои волосы, въ утреннемъ костюмѣ, Клотильду, которая, перегнувшись, торопливо, растерянно лепечетъ:

— Мнѣ необходимо что-то сказать вамъ...

Сразу темнѣетъ у меня въ глазахъ отъ вспыхнувшаго или расплавившагося въ какомъ-то огнѣ сердца.

Я опять пьянъ. Я не хочу жить, я хочу мгновенно исчезнуть съ лица земли. Вотъ удобное мгновеніе вытянуть плеткой донца между ушами. И я вытягиваю его изо всей своей силы.

О, что съ нимъ сдѣлалось... Онъ такъ и вынесъ меня изъ двора на заднихъ ногахъ, свирѣпо поводя головой въ обѣ стороны, какъ бы обдумывая, что̀ ему предпринять...

Я во̀-время, впрочемъ, успѣлъ направить его въ ту сторону, куда лежалъ мой путь.

Башибузуки! Тѣ самые, которые пойманныхъ ими тутъ же сажаютъ на колъ. Но я живымъ не дамся въ руки... Но со мной оружія — только тупая шашка... Все равно: послѣ всякихъ мученій наступитъ же смерть, а съ ней и покой... Послѣ всѣхъ ужасовъ вчерашняго пьянства, этого сегодняшняго пробужденія и этого перехода изъ міра моихъ фантазій въ міръ реальный, такой отвратительный и гнусный... Я не хочу его...

И я жадно ищу глазами въ пустомъ горизонтѣ башибузуковъ...

Ихъ не было. Я пришелъ въ себя за Мандрой, гдѣ работали мои солдаты, болгары, турки.

Унтеръ-офицеръ по постройкѣ шоссе, ловкій, разбитной, красивый, по фамиліи Останенко, увидѣвъ меня, всталъ съ камня, приложивъ руку къ козырьку, и отрапортовалъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе. По шоссе все обстоитъ благополучно. Солдатъ на работахъ 117, турокъ—532...

— Болгаръ?

— Такъ что болгаръ нѣтъ...

— Надули, значитъ.

— Такъ точно.

— Такъ вотъ какъ...

Вчера явились ко мнѣ болгары и турки съ просьбой отпустить ихъ праздновать Байрамъ.

Я объяснилъ имъ, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ черезъ пять дней должна прійти 16-я дивизія, и шоссе къ тому времени нужно кончить.

Представитель рабочихъ турокъ, выслушавъ меня, мрачно отвѣтилъ:

— Мы все-таки уйдемъ.

— Тогда въ ваши казармы я поставлю солдатъ, и вы не уйдете.

— Ставьте, а безъ солдатъ уйдемъ.

Я обратился къ болгарамъ:

— И вы уйдете, если не поставить къ вамъ солдатъ?

— Нѣтъ, не уйдемъ.

— Даете слово?

— Даемъ.

Къ туркамъ поставили солдатъ, и они не ушли; болгаре ушли: вѣка рабства даромъ не прошли.

Я поѣхалъ дальше по работамъ и старался отвлекать свои мысли.

Но болѣла душа; все стояла Клотильда, растерянная, напряженная, озабоченная, въ окнѣ, и все слышалъ я ея лепетъ. Я гналъ ее, но, когда нестерпимо больно становилось, въ ней же и находилъ какое-то мучительное утѣшеніе.

VII.

Въ назначенный день мы съ Никитой перебрались въ нашъ новый домикъ.

Никита, сейчасъ же послѣ переборки, уѣхалъ въ городъ—купить скамью, два-три стула и еще кой-какихъ мелочей для нашего новаго жилья.

Я остался одинъ—пустой и скучный, въ тонъ погодѣ.

Всѣ эти дни бушевала буря, а сегодня на дворѣ дѣлалось что-то выходящее изъ ряда вонъ: море даже въ нашемъ заливѣ клокотало, какъ кипящій котелъ. Низкія мокрыя тучи въ вихряхъ урагана низко неслись надъ землей, смачивая все сразу и безъ остатка.

Пріѣзжалъ вчера Бортовъ и въ числѣ новостей сообщилъ, между прочимъ, что Берта бранитъ меня на чемъ свѣтъ.

— За что?—удивился я.

— За Клотильду.

— То-есть за что собственно?

— Не знаю хорошо: кажется, Клотильда порывается къ вамъ, а Берта... Не знаю... Собственно, Клотильда добрая душа... Берта знаетъ ея исторію: она начала эту свою дорогу, чтобы спасти свою семью отъ нищеты... И такъ обставила все, что семья же отъ нея отвернулась... Вы тогда вечеромъ и потомъ подчеркнули ей слишкомъ уже рѣзко ея положеніе... Самолюбіе страдаетъ... Можетъ-быть, и заинтересовалась вами...

— Ну...

Бортовъ уѣхалъ, а я остался смущенный и вчера и сегодня не нахожу себѣ мѣста.

Мнѣ уже только жаль несчастную Клотильду.

Вчера на ночь открылъ и прочелъ изъ Гюго:

Не клеймите печатью презрѣнья
Тѣхъ страдалицъ, которыхъ судьба
Довела до стыда, до паденья.
Какъ узнать намъ, какая борьба
У несчастной въ душѣ совершалась.
Когда молодость, совѣсть и честь, —
Все святое навѣки рѣшалась
Она въ жертву пороку принесть?

Можетъ-быть, про Клотильду и писалъ онъ это.

Сегодня какъ разъ новоселье, — тогда Клотильда хотѣла пріѣхать. Теперь не пріѣдетъ, конечно.

Въ ревѣ бури вдругъ раздается какъ будто вопль — жалобный, хватающій за сердце. Какъ будто среди осенняго рева въ лѣсу вдругъ послышался робкій, торопливый, испуганный лепетъ Клотильды... Плачетъ лѣсъ: прозрачныя, чистыя, какъ кристаллъ, капли падаютъ съ мокрыхъ листьевъ.

Не пріѣдетъ Клотильда. Въ такую бурю, послѣ того, что случилось...

Угадать, что я хочу ее, что я простилъ бы ей все, все.

. . . . . .

Я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, мокрую, вздрагивающую, съ лицомъ испуганно-прекраснымъ, полнымъ радости и счастья жизни.

О, какими ничтожными оказались вдругъ всѣ барьеры, отдѣлявшіе насъ другъ отъ друга... И развѣ не главное и не самое реальное—была она въ моихъ объятіяхъ со всей своей душой, какимъ-то чудомъ спасшаяся отъ гибели въ ничтожной лодкѣ, чудомъ, отворившимъ ей входъ въ мое сердце, къ той другой Клотильдѣ. Обѣ онѣ теперь слились въ одну; или, вѣрнѣе, та, другая, погибла въ клокочущемъ морѣ.

И, когда прошелъ первый порывъ свиданія, оба смущенные, мы направились въ мое нищенски-скромное жилище.

И Никиты даже не было.

Но какъ хорошо намъ было безъ него. Наше смущеніе быстро прошло, и она энергично принялась за хозяйство.

— Я тебѣ все, все сама устрою... Никакихъ денегъ не надо... Изъ негодныхъ тряпокъ — у меня ихъ много, — изъ простыхъ досокъ и соломы твой домикъ я украшу, и онъ не уступитъ дворцу.

Я ставилъ самоваръ, а она, засучивъ рукава и подоткнувъ платье, — это было изящно и красиво, — мыла посуду, вытирала ее, рѣзала хлѣбъ. Достала муку, масла, яицъ,—перерывъ всю кладовую Никиты,—и приготовила сама какіе-то очень вкусные блинчики. Сварила кофе, молоко, кафе-о-ле съ блинчиками, поджарила на маслѣ гренки, ароматныя, вкусно хрустѣвшія на ея жемчужныхъ зубахъ.

Вытянувъ ноги, она сидѣла и ѣла ихъ съ налетавшей задумчивостью, которая, какъ облако,—остатокъ бури въ чистомъ небѣ,—еще ярче, еще свѣжѣе подчеркивала радость и блескъ солнца, неба, моря.

Она вслухъ думала о томъ, какъ она все устроитъ въ моемъ домѣ, и новыя подробности приходили ей въ голову.

Иногда она вдругъ перебивала себя и лукаво говорила:

— Нѣтъ, теперь я не скажу тебѣ этого.

А глаза ея такъ радостно сверкали, и ей хотѣлось уже сказать, и она говорила торопливо:

— Ну, хорошо, хорошо, я скажу тебѣ...

— Но ты знаешь? Даже этотъ домъ напоминаетъ мнѣ нашъ около Марселя... Ахъ, если бы ты видѣлъ меня тогда... У меня есть младшая сестра... Она даже похожа на меня... Поѣзжай и познакомься съ ней... Если ты меня... ты влюбишься въ нее.

— Ты пустила бы меня?

— О, если бъ ты зналъ ее...

Она смущенно, кокетливо смотрѣла на меня.

— Но я, кромѣ тебя, никого не хочу.

И я обнималъ ее, я смотрѣлъ ей въ глаза, я видѣлъ, я держалъ въ своихъ объятіяхъ мою Клотильду, дивный образъ моей души, съ прибавленіемъ еще чего-то, отъ чего въ огонь превращалась моя кровь, спиралось дыханіе и голова кружилась до потери сознанія.

Я словно нашелъ двери для входа въ волшебный замокъ.

До сихъ поръ я видѣлъ его со стороны, издали. Теперь я былъ въ немъ внутри, я былъ хозяиномъ его, и вся власть колдовства была въ моихъ рукахъ.

Я могъ очаровывать себя, другихъ, Клотильду. Я могъ заставлять себя, всѣхъ и вся дѣлать то, что только я хотѣлъ.

Я хотѣлъ любить, безумно любить. И я любилъ. И былъ любимъ. Я достигъ предѣла.

Въ блескѣ луны я лежалъ и слушалъ Клотильду. Я смотрѣлъ на ея руку, какъ изъ мрамора выточенную, на которую облокотилась она, говоря и заглядывая мнѣ въ глаза; смотрѣлъ на ея фигуру, лучшаго скульптора изваяніе, и слушалъ.

Она опять говорила мнѣ о Марсели. Какъ счастливо жила она тамъ въ домѣ своихъ родныхъ, какъ называли ее за ея пѣніе веселой птичкой дома. На свое горе привлекала она всѣхъ своей красотой,—случилось несчастіе съ ея отцомъ, и должны были все продать у нихъ... ничего не продали, но она продала себя и ушла изъ родныхъ мѣстъ навсегда... А затѣмъ началась та жизнь, въ которой, за право жить, она платила своимъ тѣломъ...

И она разсказывала мнѣ эту жизнь. Какая жизнь!

— Ты понимаешь...

Она наклонилась ближе ко мнѣ, глаза ея задумчиво смотрѣли передъ собой, она еще довѣрчивѣе повторяла:

— Ты понимаешь... онъ, который такъ клялся, — онъ клялся,—благодаря которому я и попала въ больницу, — онъ бросилъ меня... Нищая, черезъ шесть мѣсяцевъ я вышла опять на улицу, чтобы въ третій разъ все, все начать сначала...

Она говорила — и завѣса опять спадала съ моихъ глазъ. Я хотѣлъ крикнуть ей: замолчи, замолчи. Но она говорила и говорила, изливая мнѣ свою накопившуюся боль.

И чѣмъ больше я слушалъ ее, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ опять ту Клотильду, которая поетъ тамъ... которая... никогда моей не будетъ... О, какъ я вдругъ созналъ это.

Напряженные нервы не выдержали,—я разрыдался неудержимо, и въ этихъ рыданіяхъ и воплякъ было все горе и боль моего разорвавшагося сердца.

— Милый, но что съ тобой? Милый...—твердила испуганно Клотильда.

Что было отвѣчать ей?

Когда я пришелъ въ себя и успокоился, я сказалъ ей:

— Это прошло.

— Но почему же ты вдругъ такъ заплакалъ?

— Потому что... я люблю тебя.

— Ты плакалъ потому, что любишь?

И Клотильда, откинувшись, смотрѣла на меня взглядомъ человѣка, который вдругъ увидѣлъ сонъ наяву.

Какъ будто даже испугъ сверкнулъ въ ея глазахъ.

Затѣмъ торопливо, судорожно она обхватила руками мою шею и осыпала мое лицо поцѣлуями. Она дѣлала это не съ обычной граціей: торопливо, жадно, каждый разъ подымая голову и смотря мнѣ въ лицо, какъ бы желая еще разъ убѣдиться, что это не сонъ.

Я отвѣчалъ, какъ могъ, подавляя въ себѣ отчаяніе, подъ страхомъ смерти боясь выдать свои чувства.

Засыпая потомъ, она сказала усталымъ, счастливымъ голосомъ:

— Мнѣ кажется, что я опять въ Марсели.

И, уже совсѣмъ засыпая, она чуть слышно прошептала:

— Это лучше...

Я лежалъ, боясь пошевелиться, такъ какъ она уснула на моей рукѣ, лежалъ, счастливый, что она уже спитъ. Лежалъ опять раздвоенный и несчастный, какъ только можетъ быть несчастенъ человѣкъ.

Я такъ и заснулъ и все помнилъ во снѣ, что что-то около меня, что-то очень хрупкое, цѣнное, и что достаточно малѣйшаго движенія, чтобы это что-то разбилось навѣки.

Мы и проснулись такъ, въ той же позѣ и чуть ли не въ одно время.

По крайней мѣрѣ, когда я открылъ глаза, сейчасъ же и она посмотрѣла на меня, и взглядъ ея былъ свѣжъ, какъ роса того яснаго утра, что̀ смотрѣло въ наше окно.

Она улыбнулась мнѣ той счастливой безсознательной улыбкой, которой улыбаются только безъ конца охваченные счастьемъ любви люди.

Она одѣвалась, напѣвая свои пѣсенки.

— Вотъ самая любимая наша пѣсня.

И она запѣла вполголоса:

Ah, monsieur, si tu n'as pas vu
Une kermès dans notre village.
Ah, monsieur, si tu n'as pas vu,
Tu n'as rien vu, ni su, ni connu.

— Ахъ, надо непремѣнно, чтобы ты когда-нибудь пріѣхалъ къ намъ!.. Ахъ, какъ тамъ хорошо! Погода всегда вотъ такая же прекрасная.

Сегодня опять былъ ясный день. Блескъ и ароматъ его наполняли всю комнату: озабоченно щебетали птицы, доносился глухой шумъ неуспокоившагося еще моря, слышны были энергичные удары сотни топоровъ, работавшихъ въ бухтѣ.

Никита возвратился изъ города.

Я стѣснялся его, но Клотильда быстро освоилась — и у нихъ съ Никитой сразу установились такія отношенія, какъ будто все это такъ и должно было быть. Никита говорилъ Клотильдѣ: „ваше благородіе“, и въ концѣ концовъ они вмѣстѣ принялись за приготовленіе завтрака.

— Будемъ завтракать подъ этимъ деревомъ, — сказала Клотильда, показывая на одно изъ каштановыхъ деревьевъ.

Мы тамъ и завтракали на виду всей, теперь оживленной бухты.

Въ бухтѣ уже нѣсколько дней какъ шла грузка.

Группы солдатъ, офицеровъ, ихъ женъ, дѣтей; у заканчивающейся пристани пароходы, барки; въ глубинѣ долины бараки для солдатъ, бараки для офицеровъ, къ которымъ вплоть подходило красиво ощебененное шоссе. Цѣлый городокъ выросъ тамъ, гдѣ еще недавно стояла только моя палатка, а въ дебряхъ сосѣдняго лѣса валялся тогда трупъ несчастнаго хохла-погонщика. Теперь и тамъ въ лѣсу, въ широкой просѣкѣ шоссе, и оживленіе и говоръ на немъ безостановочно двигающихся эшелоновъ возвращающихся въ Россію войскъ.

Во всей этой теперешней суетливой пристанской жизни чувствовалось что-то очень упрощенное, домашнее: солдаты грузились, жены офицеровъ у своихъ бараковъ, въ домашнихъ костюмахъ, укладывали или раскладывали свои вещи, возились съ дѣтьми; имъ помогали денщики, то и дѣло прибѣгавшіе ко мнѣ за молокомъ, хлѣбомъ, яйцами, котлетами, потому что, кромѣ, какъ у меня, здѣсь въ бухтѣ негдѣ было ничего достать.

— Ваше благородіе, опять прибѣгли: масла просятъ, — докладывалъ Никита.

Никита не въ убыткѣ, — онъ получаетъ щедрые „на водку“.

Пока жены укладываются, мужья ихъ, съ шапками на затылкѣ, съ разстегнутыми мундирами, въ туфляхъ, группами стоятъ на пристани, наблюдая за нагрузкой, ругаясь за проволочки, за неоконченныя еще кое-гдѣ пристанскія работы. Можетъ-быть, теперь они смотрятъ по направленію моего домика и злобно говорятъ:

— Ему что? Набилъ карманы и прохлаждается съ мамзелью...

И я былъ радъ, когда послѣ завтрака, ничего не подозрѣвавшая о теперешнемъ моемъ душевномъ состояніи, Клотильда уѣхала наконецъ.

VIII.

Мнѣ остается уже немного разсказывать.

Все подходило къ концу.

Черезъ мѣсяцъ и мы, послѣдніе, возвращались на родину.

Черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ закрылся, за отсутствіемъ публики, кафе-шантанъ.

За это время я нѣсколько разъ видѣлся съ Клотильдой, но Бортовъ былъ правъ, сказавъ когда-то, что послѣ перваго ужина все это кончится.

Это и не кончилось, но лучше бы было, если бы кончилось. Выхода не было. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе это становилось.

Не вѣрилъ я и глубокому чувству Клотильды: она все продолжала пѣть, и я не знаю, какъ она проводила свое время. Прекрасная, какъ нѣжный воздухъ южной осени, она была и вся сама только этимъ воздухомъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, такъ я думалъ, сомнѣвался, переходилъ отъ отчаянія къ вѣрѣ, и опять перевѣсь брало отчаяніе.

IX.

Нѣтъ, и окончательно нѣтъ: все это должно кончиться и кончиться завтра, потому что завтра Клотильда на частномъ пароходѣ уѣзжаетъ въ Галацъ, куда уже приняла ангажементъ.

И, конечно, это хорошо. Довольно жить въ мірѣ фантазіи: она не любитъ. Если бы она была способна на дѣйствительную любовь, если бы это была любовь, развѣ могла бы она послѣ той ночи возвратиться назадъ, пѣть въ тотъ же вечеръ...

Все равно...

Надо сдѣлать ей подарокъ на прощанье—и конецъ всему.

Что ей драгоцѣнности? Да у меня и денегъ столько нѣтъ, чтобы купить что-нибудь порядочное.

Я купилъ хорошенькій кошелекъ и положилъ туда десять золотыхъ.

X.

Утромъ сегодня я провожаю Клотильду.

Я уклонился и ночь провелъ одинъ у себя въ бухтѣ.

Чужой всему, спокойный и холодный я ѣду на катерѣ въ городъ. На пристани я уже вижу вещи Клотильды.

Вотъ и она въ окнѣ гостиницы, спокойная, задумчивая. Увидѣвъ меня, она кивнула мнѣ головой, слабо улыбнулась, все такая же равнодушная.

Я и теперь вижу ее въ этомъ окнѣ, въ блескѣ воскреснаго утра—ея прекрасное дѣтское личико въ рамкѣ чудныхъ волосъ, ея глаза, задумчивые и грустные.

Когда я вошелъ въ ея комнату, она все еще стояла въ той же позѣ.

Лѣниво оглянулась, лѣниво, какъ уронила, сказала: „пора“, машинально надѣла шляпу, машинально пошла къ двери, даже не поздоровавшись со мной.

Это обидѣло и еще болѣе расхолодило меня: на что я ей, и къ чему, конечно, играть ей теперь со мной?

Я ѣхалъ съ ней на катерѣ чужой, чопорный, деревянный.

Она сперва не замѣчала ничего, о чемъ-то задумавшись, но потомъ, оглянувшись на меня, долго смотрѣла, ловя мой взглядъ, и, не поймавъ, положила свою руку на мою.

— Матросы смотрятъ, — тихо сказалъ я, отводя ея руку.

Она покорно сложила свои руки у себя на колѣняхъ, и мы молча подъѣхали къ пароходу.

— Перейдемъ туда на корму, гдѣ эти канаты,—торопливо сказала она.

Мы прошли туда. Передъ нами, какъ на ладони, былъ Бургасъ, моя бухта: все чужое теперь, какъ чужая уже была эта Клотильда, которая черезъ нѣсколько минутъ навсегда исчезнетъ съ моего горизонта, какъ и я исчезну съ ея.

— Здѣсь никого нѣтъ...

Клотильда бросилась мнѣ на шею. Къ чему все это? Я поборолъ себя, обнялъ, поцѣловалъ ее и, съ непріятнымъ для себя напряженіемъ, сказалъ, кладя приготовленный кошелекъ ей въ руку:

— Клотильда... здѣсь немного... на твои дорожные расходы...

И только сдѣлавъ и сказавши это, я почувствовалъ всю неловкость сдѣланнаго мною, — почувствовалъ въ ней, въ ея взглядѣ, ея движеніи, которымъ она не дала мнѣ положить кошелекъ ей въ руку.

Я совершенно растерялся, положилъ кошелекъ гдѣ-то на сверткѣ канатовъ и, такъ какъ въ это время уже раздавался третій звонокъ, торопливо поцѣловавъ ее, бросился къ трапу.

Она даже не провожала меня: все кончилось и кончилось очень пошло и глупо.

Можетъ-быть, обидѣлась она, что я мало даю?.. Опытной рукой коснувшись кошелька, она, конечно, могла сразу опредѣлить, сколько тамъ. Но откуда же я могъ дать больше? Э, все равно...

Я въ лодкѣ, и пароходъ уже проходитъ мимо насъ. Вотъ мѣсто, гдѣ мы стояли съ Клотильдой... Клотильда и теперь

тамъ... она плачетъ?.. Слезы... Да, слезы льются изъ ея глазъ. Она стоитъ неподвижная, она не видитъ меня, она смотритъ туда, гдѣ моя бухта... Боже мой, неужели я ошибался, и она любитъ?

— Клотильда!..

Поздно...

Въ блескѣ дня она стоитъ тамъ на высотѣ, и все далѣше и дальше отъ меня. Только лазоревый слѣдъ винта расходится и таетъ въ безмятежномъ покоѣ остального моря.

Все недосказанное, все проснувшееся—что̀ во всемъ этомъ теперь?

И я могу еще жить, двигаться? И надо сходить съ баркаса, итти опять по этой набережной, гдѣ только-что еще лежали ея вещи,—видѣть окно, гдѣ стояла она, окно, теперь пустое, какъ взглядъ вѣчности на жалкое мгновеніе, въ которомъ что-то произошло... жило... и умерло... умерло...

— Моя мать умерла,—встрѣтилъ меня Бортовъ.

„Хорошо умереть“, — мертвымъ эхомъ отозвалось въ моей душѣ.

— Хорошо для нея,—отвѣтилъ Бортовъ, какъ будто услышавъ мою мысль. Бортовъ спокоенъ, уравновѣшенъ.

— Теперь не буду тянуть съ дѣломъ,—въ двѣ недѣли всѣ отчеты покончу.

Онъ мѣняетъ разговоръ:

— Проводили Клотильду?

— Проводилъ.

— Берта говоритъ, что она уѣхала въ долгу, какъ въ шелку. Послѣ той поѣздки къ вамъ она вѣдь всю практику бросила. Берта все время кричала ей: „дура, дура“... Зла она на васъ и говоритъ: „только я поймаю его, я ему всѣ глаза выцарапаю за то, что испортилъ бѣдную дѣвушку“.

— Да не мучьте жъ меня,—хотѣлъ я крикнуть, но не крикнулъ, стиснувъ желѣзными тисками свое сердце, чтобы не кричать, не выть отъ боли. Я только безсильно сказалъ Бортову:

— Позвольте мнѣ теперь уѣхать къ себѣ, — вечеромъ или завтра я пріѣду.

Я вышелъ, ничего не помня, ничего не сознавая.

Къ себѣ домой?.. Что̀ тамъ?!. Я не зналъ что̀... Можетъ-быть, въ томъ домикѣ я опять увижу Клотильду...

Я пріѣхалъ. Я въ своей спальнѣ, той спальнѣ, гдѣ была Клотильда, и съ ней все мое счастье, котораго я не понялъ, не угадалъ и потерялъ навсегда...

Я очнулся для того, чтобы теперь безпредѣльно понять это, чтобъ упасть на кровать, гдѣ лежала она, въ безумномъ

порывѣ стремясь къ той, которая уже не могла меня видѣть и слышать.

Что̀ мнѣ жизнь, весь міръ, если въ немъ нѣтъ Клотильды...

Пусть для всего этого міра Клотильда будетъ, чѣмъ угодно, но для меня Клотильда міръ, жизнь, все. Пусть міръ не любитъ ее, я люблю. Это мое право. И всѣ силы свои я отдамъ, чтобы защитить это мое право, мою любовь, мою святыню.

— А что̀ мѣшаетъ мнѣ?..

Я сѣлъ на кровать и, счастливый, сказалъ себѣ:

— О, дуракъ я! Это вѣдь просто устроить! Я женюсь на Клотильдѣ.

Съ какой страстной поспѣшностью я сѣлъ писать ей письмо.

Я писалъ ей о своей любви, о томъ, что поздно оцѣнилъ ее, но теперь, узнавъ все, оцѣнилъ и умоляю ее быть моей женой. Черезъ двѣ недѣли я пріѣду къ ней въ Галацъ, и мы обвѣнчаемся.

Письмо я самъ сейчасъ же отвезъ въ городъ на почту, а оттуда отправился къ Бортову.

— Что̀ за перемѣна? — спросилъ Бортовъ, увидя меня веселаго.

Я былъ слишкомъ счастливъ, чтобы скрывать, и разсказалъ ему все...

— Если хватитъ твердости наплевать на все и вся—будете счастливы, если только это все и вся не сидитъ уже и въ васъ самомъ.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь отвѣтить, влетѣла Берта, бѣшеная, какъ фурія, и, круто повернувшись ко мнѣ спиной, что-то зло заговорила по-нѣмецки Бортову.

Не отвѣчая ей на вопросъ, онъ спросилъ, показывая ей на меня:

— Знаешь, что̀ онъ сдѣлалъ?

Берта вскользь бросила на меня презрительный взглядъ, выражавшій: „что̀ эта обезьяна могла еще сдѣлать?“

— Предложеніе Клотильдѣ.

— Какое предложеніе? — переспросила такая же злая Берта.

Бортовъ разсмѣялся, махнулъ рукой и сказалъ:

— Ну, жениться хочетъ на Клотильдѣ... heiraten...

— Онъ?—ткнула на меня пальцемъ Берта.

Она еще разъ смѣрила меня и вдругъ такъ стремительно бросилась мнѣ на шею, что я чуть не полетѣлъ со стула.

— Это я понимаю,—сказала она послѣ звонкаго поцѣлуя:— это я понимаю.

Она отошла отъ меня въ другой конецъ комнаты, сложила руки и тономъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній въ аттестаціи, сказала:

— Благородный человѣкъ.

Бортовъ разсмѣялся и спросилъ ее:

— Можетъ-быть, и ты выйдешь за меня?

— Нѣтъ, — отвѣтила Берта.

— Знаю, — кивнулъ ей Бортовъ: — у нея вѣдь женихъ есть тамъ на родинѣ.

— Худого въ этомъ нѣтъ, — отвѣтила Берта.

И опять, обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Ну, я очень, очень рада. Клотильда такой добрый, хорошій человѣкъ, что никому не стыдно жениться на ней.

Затѣмъ съ нѣмецкой дѣловитостью она освѣдомилась, когда и какъ сдѣлано предложеніе и послано ли уже письмо.

Я долженъ былъ даже показать ей квитанцію. Удовлетворенно, какъ говорятъ исправившимся дѣтямъ, она сказала мнѣ:

— Хорошо.

Затѣмъ, попрощавшись, ушла совершенно въ другомъ настроеніи, чѣмъ пришла.

XI.

Послѣ подъема опять я мучаюсь. На этотъ разъ не сомнѣніями, а тѣмъ, какъ это все выйдетъ тамъ, дома. Для нихъ вѣдь это ударъ, и мать, можетъ-быть, и не выдержитъ его.

Въ сущности, нравственное рабство: цѣлая сѣть зависимыхъ отношеній, сѣть, въ которой безсильно мечешься, запутываешь себя, другихъ. И это въ самой свободной области — области чувства, на которое, по существу, кто смѣетъ посягать? Но сколько поколѣній должно воспитаться въ безпредѣльномъ уваженіи этого свободнаго чувства, сколько уродствъ, страданій, лжи, нечеловѣческихъ отношеній еще создастся пока...

Время идетъ скучно. Безъ радости думаю о свиданіи и съ Клотильдой и съ родными. Укладываюсь. Никита помогаетъ мнѣ, и я дарю ему разныя, теперь уже ненужныя мнѣ вещи.

Вчера продалъ донца—на Донъ и увели его.

„Румынка“ здѣсь въ городѣ уже возитъ воду.

Вчера съ Бортовымъ мы отправили нашъ отчетъ по начальству.

Бортовъ, чтобы расплатиться съ долгами и пополнить наличность, продалъ свой домъ, въ которомъ жила его мать. Выслалъ уже довѣренность, и деньги ему перевели.

Онъ показалъ мнѣ толстый кошелекъ, набитый золотомъ.

— Три тысячи еще осталось.

XII.

Проводили сегодня и Берту на пароходъ.

Я вошелъ къ Бортову какъ разъ въ то время, когда Бортовъ передавалъ ей тотъ самый кошелекъ, который я уже видѣлъ.

Оба они смутились.

— Можетъ-быть, я не возьму,—сказала Берта и, скорчивъ обезьянью физіономію, быстро схватила кошелекъ.

Почувствовавъ его вѣсъ, она растрогалась до серьезности.

— О-о, это слишкомъ.

— Прячь, прячь... до слѣдующей войны, можетъ-быть, и не такъ скоро еще.

— Скоро: я счастливая...

Она спрятала деньги и сказала:

— Ну, спасибо.

Берта сочно поцѣловала Бортова въ губы.

— Хорошо спряталъ мой адресъ?

— Хорошо, хорошо.

— А о томъ не думай. Слышишь: не думай и лѣчись.

— Ладно.

— Не будешь лѣчиться, сама пріѣду, слышишь?

— Ладно! Пора—пароходъ ждать тебя не станетъ.

— Allons!

Берта была въ духѣ и дурачилась, какъ никогда.

Ломая руки, какъ марширующій солдатъ, она шла по улицѣ и пѣла:

Oh ja, ich bin der kleine Postillion,
Und Postillion, und Postillion—
Die ganze Welt bereist ich schon,
Bereist ich schon, bereist ich schon...

Когда мы возвращались назадъ съ парохода, Бортовъ говорилъ:

— Каждому свое дѣло, а если нѣтъ аппетита къ нему—смерть... Берта имѣетъ аппетитъ. Годъ-два поработаетъ еще, воротится на родину, найдетъ себѣ такого же атлета, какъ и сама, женятся, будутъ пить пиво, ходить въ кирку, проповѣдывать нравственность и бичевать пороки... Творческая сила... Черезъ абсурдъ прошедшая идея годна для жизни. Для этого абсурда тоже нужна творческая сила: Берта такая сила, здоровая, съ неразборчивымъ, можетъ-быть, но хорошимъ аппетитомъ.

Бортовъ замолчалъ и какъ-то притихъ.

Онъ, по своему обыкновенію, пригнулся и смотрѣлъ куда-то вдаль.

Чувствовались въ немъ одновременно и слабость и сила. Но какъ будто силу эту, какъ доспѣхи, онъ сложилъ, а самъ отдался покою. Но и въ покоѣ было впечатлѣніе все той же силы—въ неподвижности, устойчивости этого покоя.

Я думалъ раньше объ этой его разлукѣ съ Бертой. Зная, что и мнѣ онъ симпатизировалъ, думалъ весь день провести съ нимъ. Но теперь я какъ-то чувствовалъ, что никто ему не нуженъ.

Только въ пожатіи его руки, когда я уходилъ на почту за письмомъ матери, я какъ будто почувствовалъ какое-то движеніе его души.

Я шелъ и думалъ: „онъ все-таки любилъ Берту“.

Докторъ Бортова открылъ мнѣ тайну: Берта и виновница его болѣзни. Болѣзнь, отъ которой онъ упорно не хочетъ лѣчиться. Самъ запустилъ.

Во всякомъ случаѣ, это его дѣло. Что до меня, я всей душой полюбилъ и уважалъ этого талантливаго, прекраснаго, со всѣми его странностями, человѣка.

Я шелъ и мечталъ: я женюсь на Клотильдѣ, мы будемъ жить возлѣ него или онъ у насъ будетъ жить, и мы отогрѣемъ его.

Мечтая такъ, я опять уже чувствовалъ и радость жизни и радость предстоящаго свиданія съ Клотильдой...

Уже скоро...

На почту я шелъ за письмомъ матери, а получилъ какой-то конвертъ съ незнакомымъ и плохимъ почеркомъ.

Еще больше удивился я, когда на большомъ почтовомъ листѣ, на четвертой страницѣ мелко и неразборчиво исписаннаго листа прочелъ: „вѣчно твоя Клотильда“. Я не ждалъ отъ нея письма и тутъ же на улицѣ, присѣвъ на скамью, сталъ читать. Я читалъ, понималъ и не понималъ! Клотильда отказывала мнѣ.

Вотъ выдержки изъ ея письма:

„О, если бы я встрѣтила тебя тогда, когда жила въ нашемъ домѣ около Марсели... Я дала бы тебѣ счастье,—большое счастье, клянусь тебѣ. Но теперь слишкомъ невеликодушно было бы воспользоваться твоей наивностью, мой милый, дорогой...“

„Одно время я повѣрила, несмотря на всю свою разсудительность, въ счастье съ тобой... Но съ отчаяніемъ и смертью въ душѣ я скоро поняла... поняла, что даже для меня, всенесчастной, наше сближеніе было бы вѣнцомъ всѣхъ моихъ

несчастій. Мой дорогой, это не упрекъ. Нѣтъ въ моемъ сердцѣ упрека и не за что упрекать тебя. Всегда ты останешься для меня, какимъ я знала тебя и любила...“

Вотъ конецъ письма:

„Прощай... надо кончать, а я не могу, потому что знаю, что въ послѣдній разъ говорю съ тобой. Завтра я уѣзжаю отсюда навсегда. Не пиши: міръ большой, и я затеряюсь въ немъ, какъ песчинка. О, какъ страдаю я, отнимая отъ себя самой все лучшее, о чемъ могла я только мечтать въ жизни, что̀ и дала мнѣ теперь жизнь, такъ поздно...“

— Не поздно. Завтра же я ѣду и найду тебя...

И съ письмомъ въ рукахъ я бросился къ Бортову.

— Нельзя... трохи повремените... — встрѣтилъ меня растеряпный, блѣдный Никита, заграждая своей фигурой и руками входъ.

— Почему?

— Бо маленькое несчастіе случилось: его благородіе ранили себя.

— Какъ ранилъ?!

— Такъ точно: бо вже застрѣлились они...

Никита растерянно-недоумѣвающе уставился въ меня.

Я уже стоялъ передъ постелью Бортова.

Бортовъ неподвижно лежалъ на кровати въ полъ-оборота. Изъ краснаго отверстія его праваго виска высунулась наружу какая-то алая масса, и съ подушки на полъ слилась небольшая лужа крови. На полу же валялся и револьверъ, а правая рука, изъ которой, очевидно, выпалъ револьверъ, вытянулась вдоль кровати. Бортовъ точно прислушивался къ тому, что̀ скажу я.

Я ничего не говорилъ, стоялъ ошеломленный, раздавленный. Ни письма ни записки...

Напряженіе точно слушающаго человѣка понемногу сошло съ лица Бортова, и лицо его стало спокойнымъ, какъ будто задумчивымъ.

Эта задумчивость потомъ усилилась и все становилась сосредоточеннѣе и угрюмѣе.

На другой день мы отнесли его на кладбище.

Шли войска, играла музыка, но онъ оставался все такимъ же сосредоточеннымъ и угрюмымъ, навѣки отчужденнымъ отъ всего живого.

XIII.

Два дня еще—и я уже прощался съ этими мѣстами, стоя на отходившемъ въ Галацъ пароходѣ. Въ этой умирающей

И ни одного худого слуха про бабушку не было и нѣтъ. Тверда въ старинномъ благочестіи, и безъ ея воли не то что попа — архіерея не посадятъ.

Уѣзжала бабушка и цѣлый мѣсяцъ была въ отлучкѣ: внуку невѣсту искала.

Пріѣхала, въ банѣ помылась, въ часовнѣ обѣдню отстояла, заводъ теперь осматриваетъ, обѣдать сядетъ, послѣ обѣда поспитъ, а потомъ за внукомъ пошлетъ и объявитъ ему его судьбу.

Ѳедя одѣтъ по-городскому, идетъ за бабушкой, добродушно посматриваетъ на ея старомодный костюмъ и угадываетъ, что-то скажетъ она ему.

Со вчерашней гульбы съ приказчиками голова его тяжелая, да и вообще неохота о чемъ-нибудь думать: пообѣдать да спать, а вечеромъ, когда бабушка уляжется,—къ ребятамъ... Эхъ, и весело же пожили безъ бабушки!

Подошли къ дому, остановилась бабушка на крыльцѣ, оглянула всѣхъ и сказала:

— Ну, хоть и не такъ-то въ порядкѣ, какъ надо бы, да Богъ съ вами на этотъ разъ: приходите всѣ обѣдать—икорки, да рыбки, да соленьевъ изъ далекой страны привезла.

Весело загудѣла толпа, угадывая истину.

Старшій приказчикъ сказалъ:

— Дай Богъ, Анѳиса Сидоровна, чтобы далекая да чужая сторона — близкой да родной стала.

Всѣ весело смотрѣли на Ѳедю; а онъ, какъ дѣвушка, покраснѣлъ и глаза потупилъ.

И бабушка смотрѣла на него:

— Воля Божія...

Бабушка ушла, а по заводамъ молніей разнеслось: женятъ наслѣдника. Свадьба, гулянье, женится—дѣти пойдутъ, обезпечится дѣло, а съ нимъ кусокъ хлѣба тысячамъ.

Проснувшись послѣ обѣда, бабушка позвала не внука, а няню покойнаго своего сына.

Въ низкой комнатѣ, съ большой изразцовой печкой и лежанкой, съ божницей во весь уголъ, со столомъ, покрытымъ скатертью, поверхъ которой стояли теперь самоваръ, сушки, рендели, — пахло травами, лампаднымъ масломъ, свѣчами ъ чистаго топленаго воска, — пахло старниной, милліонами, ятками милліоновъ.

Ну, садись, слушай, — все тебѣ выложу, и суди меня: ли глупо я сдѣлала дѣло. Первымъ дѣломъ въ Елабугу ла къ сводному брату. Два дня погостила, — примѣ- аго ничего, и дальше. Ну, словомъ, Каму изъѣздила,

несчастій. Мой дорогой, это не упрекъ. Нѣтъ въ моемъ сердцѣ упрека и не за что упрекать тебя. Всегда ты останешься для меня, какимъ я знала тебя и любила...“

Вотъ конецъ письма:

„Прощай... надо кончать, а я не могу, потому что знаю, что въ послѣдній разъ говорю съ тобой. Завтра я уѣзжаю отсюда навсегда. Не пиши: міръ большой, и я затеряюсь въ немъ, какъ песчинка. О, какъ страдаю я, отнимая отъ себя самой все лучшее, о чемъ могла я только мечтать въ жизни, что̀ и дала мнѣ теперь жизнь, такъ поздно...“

— Не поздно. Завтра же я ѣду и найду тебя...

И съ письмомъ въ рукахъ я бросился къ Бортову.

— Нельзя... трохи повремените... — встрѣтилъ меня растерянный, блѣдный Никита, заграждая своей фигурой и руками входъ.

— Почему?

— Бо маленькое несчастіе случилось: его благородіе ранили себя.

— Какъ ранилъ?!

— Такъ точно: бо вже застрѣлились они...

Никита растерянно-недоумѣвающе уставился въ меня.

Я уже стоялъ передъ постелью Бортова.

Бортовъ неподвижно лежалъ на кровати въ полъ-оборота. Изъ краснаго отверстія его праваго виска высунулась наружу какая-то алая масса, и съ подушки на полъ слилась небольшая лужа крови. На полу же валялся и револьверъ, а правая рука, изъ которой, очевидно, выпалъ револьверъ, вытянулась вдоль кровати. Бортовъ точно прислушивался къ тому, что̀ скажу я.

Я ничего не говорилъ, стоялъ ошеломленный, раздавленный. Ни письма ни записки...

Напряженіе точно слушающаго человѣка понемногу сошло съ лица Бортова, и лицо его стало спокойнымъ, какъ будто задумчивымъ.

Эта задумчивость потомъ усилилась и все становилась сосредоточеннѣе и угрюмѣе.

На другой день мы отнесли его на кладбище.

Шли войска, играла музыка, но онъ оставался все такимъ же сосредоточеннымъ и угрюмымъ, навѣки отчужденнымъ отъ всего живого.

XIII.

Два дня еще—и я уже прощался съ этими мѣстами на отходившемъ въ Галацъ пароходѣ. Въ этой ужа

И ни одного худого слуха про бабушку не было и нѣтъ. Тверда въ старинномъ благочестіи, и безъ ея воли не то что попа — архіерея не посадятъ.

Уѣзжала бабушка и цѣлый мѣсяцъ была въ отлучкѣ: внуку невѣсту искала.

Пріѣхала, въ банѣ помылась, въ часовнѣ обѣдню отстояла, заводъ теперь осматриваетъ, обѣдать сядетъ, послѣ обѣда поспитъ, а потомъ за внукомъ пошлетъ и объявитъ ему его судьбу.

Ѳедя одѣтъ по-городскому, идетъ за бабушкой, добродушно посматриваетъ на ея старомодный костюмъ и угадываетъ, что-то скажетъ она ему.

Со вчерашней гульбы съ приказчиками голова его тяжелая, да и вообще неохота о чемъ-нибудь думать: пообѣдать да спать, а вечеромъ, когда бабушка уляжется,—къ ребятамъ... Эхъ, и весело же пожили безъ бабушки!

Подошли къ дому, остановилась бабушка на крыльцѣ, оглянула всѣхъ и сказала:

— Ну, хоть и не такъ-то въ порядкѣ, какъ надо бы, да Богъ съ вами на этотъ разъ: приходите всѣ обѣдать—икорки, да рыбки, да солепьевъ изъ далекой страны привезла.

Весело загудѣла толпа, угадывая истину.

Старшій приказчикъ сказалъ:

— Дай Богъ, Аѳоиса Сидоровна, чтобы далекая да чужая сторона — близкой да родной стала.

Всѣ весело смотрѣли на Ѳедю; а онъ, какъ дѣвушка, покраснѣлъ и глаза потупилъ.

И бабушка смотрѣла на него:

— Воля Божія...

Бабушка ушла, а по заводамъ молніей разнеслось: женятъ наслѣдника. Свадьба, гулянье, женится—дѣти пойдутъ, обезпечится дѣло, а съ нимъ кусокъ хлѣба тысячамъ.

Проснувшись послѣ обѣда, бабушка позвала не внука, а няню покойнаго своего сына.

Въ низкой комнатѣ, съ большой изразцовой печкой и лежанкой, съ божницей во весь уголъ, со столомъ, покрытымъ скатертью, поверхъ которой стояли теперь самоваръ, сушки, крендели, — пахло травами, лампаднымъ масломъ, свѣчами изъ чистаго топленаго воска, — пахло старпной, милліонами, десятками милліоновъ.

— Ну, садись, слушай, — все тебѣ выложу, и суди меня: умно или глупо я сдѣлала дѣло. Первымъ дѣломъ въ Елабугу я поѣхала къ сводному брату. Два дня погостила, — примѣчательнаго ничего, и дальше. Ну, словомъ, Каму изъѣздила,

Вятку изъѣздила, Бѣлую,— -тамъ-то и вовсе опустѣлъ народъ,— тутъ въ Перми примѣтила одну, хотѣла ужъ было къ ней ѣхать, да все слышу то тутъ, то тамъ—про Кунгуръ мнѣ шепчутъ...

— Коренного благочестія сторона,—вздохнула нянька.

— Дочь лѣсовика. И лѣсамъ счету нѣтъ, и деньгамъ, и сама-то красавица писаная, и семья стараго благочестія, хоть ужъ не очень такъ, не до дикости: дочка, какъ мой же, по-городскому одѣвается. Бѣжимъ мы по Камѣ пароходомъ,— я ужъ, значитъ, порѣшила-было въ Пермь ѣхать, — снится мнѣ сонъ, что въ лѣсу я. Ели высокія, до неба, мохнатыя, иду я, оглядываюсь, безъ дороги...

— Страсти-то какія!—снова вздохнула нянька.

— А ты слушай, то ли будетъ еще... Вдругъ прямо на меня медвѣдь, — аграмадный, на заднихъ лапахъ, прямо на меня. Хочу я крикнуть, нѣтъ голоса, а онъ навалился на меня да мордой тычетъ въ лицо, тычетъ, а морда мохнатая да мягкая...

— Это къ добру: это свой же домовой по тебѣ соскучился...

— А тутъ человѣчьимъ голосомъ, да какъ изъ ружья: Оедю!

— Вѣщій сонъ...

— Ну вотъ: пришла я въ себя, стала соображать и проѣхала прямо въ Кунгуръ... Ну, вотъ что я тебѣ скажу: живутъ проще нашего, а капиталовъ тамъ, имущества не меньше, и одна, какъ перстъ Божій... Матрена... Дѣвка — не хуже, какъ я была...

— Ну, быть этого не можетъ...

— Сама увидишь.

— И увижу, не повѣрю: не было и не будетъ красавицы противъ тебя...

— Ну, пустое толкуешь... Высокая, статная, коса какъ канатъ якорный, шея длинная, крѣпкая, лицомъ красавица, брови дугой, глаза сѣрые, — диво, а не дѣвка. Въ баню съ ней ходила, все высмотрѣла. Бедра — во! Тройню и то не крякнетъ, родитъ... Ну, спесн маленько будетъ, нравъ есть, да вѣдь я не такая ли была? Вахлаку-то нашему только польза. Такъ ужъ во всемъ роду ведется: бабы верховодятъ. Въ одномъ только и верхъ ихъ: и мать его, и я, и мужнина мать — вѣдь все бабы какія? Шеп длинный, а перебить не можемъ ихъ родъ: какъ ни уродится, опять шея коротка... глядишь: опять къ тридцати пяти годамъ, когда только и жить бы, нальется и лопнетъ, какъ гнилой пузырь.

— Богъ милостивъ,—вздохнула нянька:—новая-то, можетъ, и перебьетъ... Вишь, медвѣдь тебя мялъ, у себя въ лѣсу — въ родѣ того, что на свою линію переворкулъ дѣло...

— Дай Богъ, дай Богъ. Ну что жъ, какъ по-твоему: хвалить или ругать меня надо?

— Ну, ругать... этакую умницу: какое дѣло сдѣлала. И своего дѣвать некуда, а тутъ столько же еще, да и нава сама при томъ... И намучилась же, поди! Устали тебѣ нѣтъ... по заводамъ пошла, туда, сюда: какъ молоденькая ровно... Фу, фу, чтобъ не сглазить только...

II.

Внукъ, хоть и зналъ, что бабка ему скажетъ, тѣмъ не менѣе извѣстіе такъ на него подѣйствовало, что не захотѣлъ онъ и къ ребятамъ итти, а прямо отъ бабки прошелъ въ свою свѣтелку, сѣлъ тамъ у окна и задумался.

И зналъ онъ, что все такъ и будетъ, и ждалъ, а какъ случилось, какъ будто и не ждалъ и не гадалъ. Все сразу перемѣнилось, и онъ самъ словно другой вдругъ сталъ.

Солнце садиться хочетъ и точно остановилось вдругъ, и все остановилось, какъ и въ немъ, и сидитъ онъ и неподвижный смотритъ, какъ блеститъ въ огняхъ рѣка, какъ загорѣлись прозрачныя тучки въ небѣ, какъ тихо стало и задумалось все вмѣстѣ съ нимъ... Пѣсню гдѣ-то запѣли... Гдѣ онъ слышалъ эту пѣсню? Онъ самъ игралъ ее... Давно. Когда готовился и жилъ у учителя.

Только тогда, когда игралъ онъ ее, былъ вечеръ. Весна была, цвѣли черемуха, сирень. Окна были раскрыты. Темно было въ комнатѣ, только мѣсяцъ свѣтилъ. Онъ игралъ, а племянница учителя Паша стояла передъ нимъ и слушала. Игралъ эту пѣсню, а потомъ свое заигралъ и все смотрѣлъ ей въ глаза, какъ въ ноты, и игралъ.

Онъ умѣлъ играть, игралъ съ дѣтства: единственное его дарованіе.

Звуки лились, наполняли маленькую комнату, вырывались черезъ открытыя окна въ садъ, гдѣ стоялъ май; свѣтлая нынь стояла надъ садомъ, и мѣсяцъ сіялъ жгучій, такой жгучій, что будто таялъ вокругъ него освѣщенный кусочекъ голубого неба.

Онъ пересталъ играть, и стало тихо, такъ тихо, что слышно было, какъ билось его сердце... Въ саду щелкалъ соловей, и, какъ пьяный, говорилъ онъ Пашѣ:

— Хорошо ли игралъ я?

Паша тихо отвѣтила:

— Хорошо.

Онъ взялъ ея руки, наклонилъ къ ней лицо и еще тише спросилъ:

— А меня любишь ты? Хочешь быть моей женой?

— Хочу,—шепнула Паша.

На другой день Ѳедя съ разсвѣтомъ укатилъ въ свою деревню и написалъ оттуда два письма: бабушкѣ и Пашѣ.

Бабушкѣ онъ писалъ:

„Дражайшая бабушка, Аноиса Сидоровна! Увѣдомляю васъ прежде всего, что молитвами вашими, слава Богу, нахожусь въ добромъ здравіи. Уѣхалъ же я въ деревню и экзамена не держалъ, такъ какъ всю грудь мою разломило, и доктора стали даже опасаться чахотки и велѣли мнѣ всѣ науки бросить, если не желаю скорой смерти. Такъ если за ученье надо въ гробъ ложиться, такъ лучше же, хоть дуракомъ, да жить на этомъ свѣтѣ. А, впрочемъ, ежели вы непремѣнно настаивать будете, то буду держать экзамены осенью. По хозяйству все благополучно. Сидорычъ орудуетъ здорово и мужикамъ въ обиду себя не даетъ. Я тоже, какъ сумѣю, буду ему помогать. Нижайше кланяюсь вамъ и прошу вашего благословенія и буду ждать здѣсь, въ деревнѣ, вашихъ дорогихъ писемъ. Вамъ извѣстный внукъ вашъ Ѳедоръ Овчинниковъ“.

Второе письмо было къ Пашѣ. Тамъ, между прочимъ, писалъ онъ: „Паша, я люблю тебя, и ничего мнѣ другого въ жизни не надо. Я уже знаю, что и ты меня любишь. А любишь, такъ мы женимся и будемъ жить здѣсь въ деревнѣ. Вѣдь черезъ два мѣсяца исполнится мнѣ 18 лѣтъ, и тогда я женюсь, и потомъ ужъ никакая бабушка ничего съ нами подѣлать не можетъ. Эти два мѣсяца надо протянуть, только храни Богъ, чтобъ не узнала бабушка. Я для отвода написалъ ужъ ей письмо: вру тамъ про чахотку и прочую канитель развожу насчетъ ученья. Какое ужъ тутъ ученье. Паша, любимая моя, дорогая, когда теленокъ кричитъ сейчасъ—мать зоветъ, а земля зоветъ, чтобъ пахать ее, а мое сердце зоветъ тебя, а въ садъ выйду, соловей спрашиваетъ: „гдѣ Паша?“. Съ горя сяду играть и забуду все“.

Написавъ письма, онъ задумался и слушалъ, какъ блеяли овцы, мычали коровы, звонко кричали бабы и ребятишки, шумѣла весенняя вода по оврагамъ, пахло вспаханной землей.

Онъ положилъ письма въ конверты и отправилъ ихъ.

И вотъ до сихъ поръ никакого отвѣта отъ Паши. Какъ будто во снѣ все это случилось.

Пропалъ и учитель и Паша: какъ въ воду канули. Ѣздилъ онъ къ нимъ и въ городъ: уѣхали... Уѣхали куда? Почему? Сначала болѣло сердце и плакалъ онъ, а потомъ изжилось. Бабушка не настаивала больше на ученьи, стала исподволь къ дѣлу пріучать его; началъ онъ съ молодыми приказчиками гулять,—такъ и пошло все своимъ чередомъ, день за днемъ,

до сегодняшняго дня, до этой минуты, когда сидитъ онъ и смотритъ въ окно, какъ тамъ за деревьями сада загорается вечерними огнями небо, сверкаетъ красная, точно пожаромъ охваченная рѣка, и стоятъ на далекой горѣ одинокія, будто черныя деревья. Смотритъ онъ, и щемитъ сердце сладко и больно.

III.

Свадьбу сыграли веселую. Денегъ бабушка не пожалѣла, и зажили молодые.

Даже нянька признала, что другой такой красавицы не сыщешь.

Не только нянька, весь городъ кричалъ о красотѣ молодой.

Ея богатство, брильянты, наряды еще сильнѣе подчеркивали эту красоту. И вездѣ она была желанной гостьей, щедрой благотворительницей, замкнутая въ себѣ, загадочная. Рядомъ съ нею шагалъ добродушный, толстый, молодой увалень, ниже ея ростомъ—ея мужъ.

Какъ относилась она къ нему? Онъ благоговѣлъ передъ ней,—это всѣ видѣли, а что она къ нему чувствовала, того никто, даже сама бабушка не знала.

Бабушка, пытливо наблюдавшая свою невѣстку-внучку и дома и въ обществѣ, качала головой и говорила своей наперсницѣ:

— Умная, загадка-дѣвка, недотрога. И думаю: Ѳедюшкѣ за ней горя не вѣдать.

Третій годъ проходилъ, а дѣтей у молодыхъ не было. Бабушка тоскливо думала: „еще нѣсколько лѣтъ, и лопнетъ Ѳедюшка—тогда что жъ? Конецъ всему? Всѣ эти фабрики, заводы, все, что столѣтнимъ трудомъ наживалось, копилось,—пойдетъ прахомъ... Чужимъ достанется? И само имя ея унесетъ время, какъ вѣтеръ уноситъ засохшій листъ“. И эта мысль буравила бабушку и холодомъ могилы охватывало ее. Всѣ средства, какія знала, испробовала она; съ кѣмъ ни совѣтовалась—ничего не помогало. Жаловалась она нянькѣ:

— Эхъ, захватило меня всю это дѣло. И чую: либо я его сломлю, либо оно меня въ гробъ загонитъ. Какія, казалось, дѣла были, шутя распутывала, а съ этимъ, что больше думаю, то больше запутываюсь!

— Вижу, вижу, что сохнешь ты,—тяжело вздыхала нянька.

Еще прошло нѣкоторое время, и бабушка рѣшилась.

Она позвала къ себѣ невѣстку, усадила ее въ кресло, заперла плотно дверь и заговорила:

— Слушай, дѣвка, полюбила я тебя, какъ дочку. Всѣмъ ты взяла, всѣмъ ты угодила мнѣ,—всего моего богатства наслѣдница — ты. Но что жъ ты внука мнѣ не даешь? Внука хочу... Хочу внука! Откуда хочешь, бери! Поѣзжай съ мужемъ на богомолье, поѣзжай, куда хочешь... Внука, внука мнѣ! Слушай: ты дѣвка умная. Вотъ какое дѣло стряслось разъ. Разскажу тебѣ то, что и попу на исповѣди не разсказывала. Запутался мой покойный мужъ. И не велики деньги, да къ сроку,—банковъ всякихъ не было еще тогда,—выходило полное разореніе. На восемьсотъ тысячъ векселей, завтра платить, а платить нечѣмъ. А была я въ свое время не хуже тебя, дѣвка, и знала себѣ цѣну, и того старика знала, у котораго тѣ векселя. Вечеръ пришелъ, ничего не придумали, значитъ, позоръ. Вотъ передъ этими самыми образами упала я на колѣни, помолилась, накинула платочекъ, да, никому ни слова не сказавъ...

Бабушка наклонилась къ молодой женщинѣ и шопотомъ прохрипѣла:

— Всѣ векселя и сейчасъ вонъ въ томъ комодѣ... Вотъ какъ я спасла состояніе роду... а теперь самый родъ надо спасать. Ужъ такъ, видно, на этомъ роду и написано, чтобы онъ бабами держался.

Бабушка кончила, а невѣстка, неподвижная, съ опущенными глазами, какъ статуя, слушала и молчала. Отъ ея молчанія бабушкѣ стало жутко и холодно.

— На богомолье поѣду,—наконецъ сказала она, встала и вышла.

Бабушка растерянно сметала крошки со стола, подходила къ образамъ, оправляла лампадки, смотрѣла изъ окна на рѣку, на которую больше полувѣка смотрѣла, и мучительно рылась въ своихъ мысляхъ. Лучше или хуже вышло, и что тамъ въ скрытной душѣ ея внучки таится?

IV.

Большой волжскій пароходъ готовился къ отплытію внизъ по рѣкѣ. Въ рубкѣ перваго класса сидѣла бабушка, провожавшая своихъ молодыхъ въ дорогу. Забрались на пароходъ спозаранку. У молодыхъ былъ попутчикъ: ѣхалъ въ свое имѣніе товарищъ внука, Петръ Маркеловичъ Саножковъ. Тоже изъ купцовъ, изъ богатыхъ, на своихъ ногахъ уже,—веселъчакъ и кутила, которому бабушка потому многое спускала, что росъ онъ вмѣстѣ съ Ѳедюшкой и въ дѣтствѣ, бывало, не выходилъ изъ ея дома.

Съ Саножковымъ ѣхали еще двое, тоже попутчики: актеръ

и актриса. Актриса ушла въ каюту, а актеръ разговаривалъ съ Сапожковымъ. Бабушка какъ увидала актера, такъ и впилась въ него глазами: такого молодца еще и не видывала она.

Бритый актеръ, высокій, статный красавецъ, одѣтый съ иголочки, съ римскимъ носомъ, красиво изогнутымъ ртомъ, говорилъ Сапожкову снисходительно-мягкимъ баритономъ:

— Ойми же: совершенно невозможно...

— Нѣтъ, ужъ если ты пріятель, — настаивалъ Сапожковъ, —то ты прямо говори, почему не можешь заѣхать ко мнѣ въ имѣнье?

Актеръ съ высоты своего роста снисходительно смотрѣлъ на красиваго, но не вышедшаго ростомъ Сапожкова и, усмѣхаясь, говорилъ:

— Чудакъ ты, и между пріятелями не все говорится.

— Почему не все? —Сапожковъ замѣтилъ пытливый взглядъ бабушки, обращенный на актера, скорчилъ лукавую физіономію и сказалъ вполголоса актеру:

— Видишь эту старушку: эта молодая за ея внукомъ... Теперь два капитала ихъ соединились, — всего милліоновъ шестьдесятъ.

Актеръ потерялъ на мгновеніе свое величіе и даже пригнулся къ Сапожкову:

— Не можетъ быть? Что жъ они дѣлаютъ съ деньгами?

— Ты думаешь,—глаза имъ протираютъ?

— Ты за правило, любезный, разъ навсегда возьми себѣ: думать только за себя. Я спрашиваю тебя: что они съ деньгами дѣлаютъ?

— Что дѣлаютъ? Они сами по себѣ, а деньги сами по себѣ. Деньги работаютъ. Фабрики, заводы, имѣнья, лѣсное дѣло: оборотъ большой, денегъ много надо.

— М-да, это значитъ, не наличными?

— И наличными нѣсколько милліоновъ найдется

Актеръ вздохнулъ и равнодушно отвѣтилъ:

— И это недурно.

— Ты бы ихъ живо пристроилъ?

— М-да... въ сторожа къ своимъ деньгамъ во всякомъ случаѣ не нанялся бы...

— Ха-ха-ха... Актеръ, такъ актеръ и есть: сразу такое слово скажетъ, что какъ бритвой... Чикъ — и нѣтъ бороды, чикъ еще—и усовъ нѣтъ, третій чикъ —и милліоны туда же.

И Сапожковъ заливался веселымъ смѣхомъ.

Актеръ смотрѣлъ на него снисходительно, смѣялся мелкимъ „хе-хе-хе“ и говорилъ:

— Веселый ты человѣкъ, —ей-Богу..

— Нѣтъ, нѣтъ, ты смотри, какъ бабушка тебя мѣряетъ: я къ ней побѣжалъ.

Онъ съ эффектомъ опустился въ кресло около бабушки, ушелъ совсѣмъ въ кресло и даже ногу за ногу заложилъ.

Ѳедя съ женой сидѣли поодаль. Ѳедя робко, съ слегка открытымъ ртомъ, почтительно слѣдилъ за товарищемъ и старался угадать, о чемъ онъ говоритъ съ бабушкой.

— Что̀ за человѣкъ будетъ?—спрашивала бабушка Сапожкова, указывая на актера.

— Столичныхъ театровъ артистъ, Анѳиса Сидоровна, и талантъ! Цвѣтами его засыпали. Сколько подарковъ...

— Ну, это тамъ его дѣло. Онъ, что̀ жъ, по облику ровно не русскій: темный съ лица?

— А не знаю я... Да можно самого его спросить... Эй, Александръ Николаевичъ, пожалуйста, — а на движеніе бабушки Сапожковъ успокоительно отвѣтилъ кивкомъ головы и шопотомъ прибавилъ:—мы съ нимъ дружки, на „ты“.

Въ это время подошелъ Александръ Николаевичъ Сильвинъ.

— Вотъ, позволь тебѣ представить... это — бабушка моего товарища; Анѳиса Сидоровна интересуется, откуда ты родомъ.

— Вамъ угодно знать мою родословную?

Въ это время вышла миловидная актриса Марья Павловна Львова, и Сапожковъ, бросивъ скороговоркой Сильвину: „садись на мое мѣсто“, побѣжалъ къ ней.

Сильвинъ, сѣвъ въ кресло, какъ актеры сидятъ на сценѣ, когда изображаютъ воспитанныхъ изъ общества людей, говорилъ бабушкѣ:

— Э-э... изволите ли видѣть, моя фамилія, сударыня, собственно: Сильва... Э-э, — онъ выдвинулъ нижнюю губу: — я происхожу изъ венеціанской семьи маркизовъ Сильва... Вы изволили быть въ Венеціи?

Бабушка сдвинула брови:

— Это гдѣ же?

— Это далеко отсюда, не въ русской землѣ... Можетъ-быть, изволили слышать: венеціанскія кружева?

— Однимъ ухомъ слыхала.

— Ну вотъ... кромѣ кружевъ, тамъ есть дворецъ Дожей, въ немъ портреты всѣхъ дожей... Вотъ одинъ изъ моихъ предковъ и виситъ тамъ...

— Его за что же это?

— Э-э... онъ велъ очень удачную войну... съ маврами...

— Въ этомъ городѣ какой же народъ живетъ?

— Итальянцы.

— Вы изъ нихъ и будете?

— Собственно, мать моя изъ старинаго русскаго рода.. Э-э... И ростомъ съ меня... сейчасъ жива, бабушка еще жива... Я, конечно, уже русскій. Крестилъ меня русскій попъ. Ну, самъ я хоть въ церковь и не хожу, но все-таки православный.

— Что жъ? Въ той сторонѣ все такой же, какъ вы, народъ?

— То-есть какъ?

— Такой же крупный?

— Э-э, какъ вамъ сказать... Тутъ, знаете, много значитъ разная порода. Такія дѣти всегда будутъ и здоровѣе и крѣпче.

Бабушка вспомнила о своихъ коровахъ, выписанныхъ изъ Англіи, объ отличномъ приплодѣ отъ нихъ, который продавала по сто рублей за трехмѣсячнаго теленка, и сказала:

— Это ты вѣрно говоришь... А далеко изволишь ѣхать?

— Въ Ростовъ. Но хочу по Волгѣ прокатиться.

— Вотъ и мои тоже внизъ бѣгутъ.

— А... По дѣлу?

— На Илекъ—къ старцамъ... по дѣтскому дѣлу... не даетъ Богъ дѣтей.

— Гм... Странно: молодые, красивые люди...

— Вотъ поди ты... Не даетъ Господь... Не помогутъ ли старцы.

Александръ Николаевичъ покосился на бабушку, хотѣлъ было сказать какую-то пошлость, но только вздохнулъ и замѣтилъ:

— Жалѣю, что я не старецъ.

— А что?

— Тоже молился бы, чтобъ такой красавицѣ Богъ дѣтей далъ... Вотъ зоветъ меня Петръ Маркеловичъ къ себѣ въ имѣніе. Имѣніе у него хорошее?

— Плохо ли имѣніе: въ одномъ паркѣ заблудиться можно, оранжереи, персики, ананасы свои.

— Хорошо бы и вашимъ молодымъ заѣхать передъ богомольемъ повеселиться.

— Ихъ дѣло, — сухо отвѣтила бабушка, — если позоветъ Петръ Маркелычъ, да надумаются они...

Петръ Маркеловичъ ушелъ на корму съ Марьей Павловной, гдѣ ихъ и нашелъ Сильвинъ.

— Вы ужъ извините, Марья Павловна, если мы васъ оставимъ на минутку,—проговорилъ Сильвинъ, отводя Сапожкова въ сторону.

— Я ужъ все заказалъ и шампанское велѣлъ заморозить,—началъ-было Сапожковъ.

— Не въ этомъ дѣло, — перебилъ его Сильвинъ, — я бабушкѣ сказалъ, что ѣду къ тебѣ; тутъ молодые подошли, и,

по-моему, какъ-то неловко выйдетъ, если ты и ихъ не пригласишь.

— Ахъ, я телятина! Бѣгу...

— Постой. Видишь: ты тогда спрашивалъ меня, почему я не могу заѣхать... Я не хотѣлъ было говорить... Дѣло въ томъ, что у меня въ Саратовѣ назначено свиданіе съ однимъ господиномъ, который долженъ мнѣ передать двѣ тысячи... Э... э... ты понимаешь: человѣкъ онъ ненадежный, — сегодня есть у него деньги, а завтра не будетъ. Не пріѣду я въ назначенный срокъ,—рискую остаться безъ денегъ.

— Такъ тебѣ дать ихъ, что ли?

— Въ такомъ случаѣ, дай.

— Ты бы и сказалъ: дамъ, конечно. На какой срокъ?

— Ну, полгода.

— Идетъ... Побѣжалъ я звать молодыхъ.

Сильвинъ же подсѣлъ къ Марьѣ Павловнѣ, положилъ свою широкую руку на ея и сказалъ:

— Моя дорогая, вы мнѣ можете очень и очень помочь... Э... э... дѣло въ томъ, что этотъ Сапожковъ соглашается ссудить меня двумя тысячами... Эта сумма дала бы намъ возможность послѣ Ростова побывать за границей. Какъ вамъ улыбается эта перспектива?

— Очень.

— И прекрасно. Но для этого оказывается необходимымъ заѣхать къ нему въ деревню, такъ какъ онъ, какъ настоящій сынъ своего народа, деньги, очевидно, въ кубышкѣ держитъ или въ какомъ-нибудь старомъ голенищѣ. Что дѣлать! Потеряемъ сутки... Имѣніе, говорятъ, у него къ тому же прекрасное.

Сильвинъ ласково сжалъ руку Маріи Павловны и, глядя куда-то вдаль, бросилъ:

— Будьте съ нимъ поласковѣе.

Но Марья Павловна такъ энергично спросила, что̀ это значитъ?—что Сильвинъ поспѣшилъ прибавить обиженно:

— О, Господи, да рѣшительно ничего не значитъ... Ну, вниманіе, разрѣшеніе поцѣловать руку, ну, э-э... создать иллюзію человѣку...

И уже совсѣмъ тихо и брезгливо прибавилъ:

— Не будемъ же хоть мы изображать изъ себя мѣщанскій типъ мужа и жены: кому надо знать о нашихъ отношеніяхъ? Вы знаете, какого я мнѣнія объ этомъ: всякая огласка только пошлитъ, это должно быть такъ же сокровенно, какъ человѣческая мысль. А такой флиртъ только отвлечетъ...

— Ну, согласна...

Онъ поцѣловалъ ей руку и всталъ, потому что сверху неслся уже третій свистокъ.

Бабушка, грустная, уже сходила на конторку.

— Не хотятъ мои ѣхать,—пожаловалась она Сильвину.

— Можетъ-быть, еще уговоримъ. Во всякомъ случаѣ, прощайте, милая бабушка, я буду очень радъ и счастливъ когда-нибудь еще разъ встрѣтиться съ вами... Я простой человѣкъ и откровенно вамъ скажу, что въ первый разъ вижу такой типъ... э-э... такой типъ человѣка старыхъ устоевъ... Ну, дай же Богъ вамъ всего хорошаго: чтобы ваши заводы работали безъ перерыва и вдвое; коровы давали молока... ну, бочками тамъ, что ли; чтобы радовали васъ ваши внуки, правнуки, праправнуки...

— Ну, этакъ ты меня заговоришь, и я останусь на пароходѣ. Хорошимъ людямъ и мы рады, хоть ты тамъ и вышелъ не изъ русской земли...

— Вездѣ Богъ и вездѣ люди,—говорилъ своимъ ровнымъ баритономъ Сильвинъ въ догонку бабушкѣ.

Бабушка стояла уже на конторкѣ, и напряженная неотступная мысль буравила ея голову. Она глубоко вздыхала.

— О чемъ еще можетъ вздыхать эта женщина?—говорилъ Сильвинъ, обращаясь въ это время къ Сапожкову.—Все судьба дала ей. Воображаю ее въ молодости.

— Вотъ такая же была, какъ теперь внучка.

— О, внучка — это прямо чудо природы. Какое сочетаніе величія, женственности, красоты. И кто бъ могъ думать, что изъ этихъ дикихъ лѣсовъ можетъ выйти такая фея. Я смотрю на нее и чувствую запахъ, ароматъ, свѣжесть этого лѣса... (онъ возвысилъ голосъ) въ майское ясное утро, когда еще роса сверкаетъ на листьяхъ, и нѣга кругомъ, и лучи золотой пылью осыпаютъ тамъ дальше непроходимую чащу, полную чаръ, манящихъ, невѣдомыхъ, полныхъ таинственной загадочности. О, съ ума можно сойти!

Онъ повернулся къ Матренѣ Карповнѣ и сказалъ восторженно:

— Я удивительно люблю ваши лѣса, я обожаю ихъ! Я готовъ дни, ночи напролетъ ходить тамъ, думать, Богъ вѣсть о чемъ, мечтать. Удивительно! Вамъ не совсѣмъ хорошо видно: съ тѣхъ мостковъ вы лучше увидите.

Матрена Карповна поднялась съ Сильвинымъ по мосткамъ. Тамъ, на верхней палубѣ стояли они одни, высоко надъ всѣми, надъ всей рѣкой, спокойной и плавной, надъ маленькой конторкой, уже исчезавшей за поворотомъ, гдѣ была еще бабушка и крестила ихъ двуперстнымъ крестомъ.

V.

Обѣдали, шампанское пили, тосты провозглашали.

Александръ Николаевичъ былъ въ ударѣ: декламировалъ, разсказывалъ въ лицахъ и, по обыкновенію, овладѣлъ общимъ вниманіемъ.

Разошлись до того, что послѣ обѣда Сильвинъ и Сапожковъ стали прыгать черезъ стулья. Сперва прыгали черезъ одинъ, а потомъ поставили стулъ на стулъ. Сильвинъ перепрыгнулъ, а Сапожковъ вмѣстѣ со стульями полетѣлъ на полъ.

Пока обиженный Сапожковъ, растирая себѣ ногу, стоялъ у окна, Марья Павловна упрекала Сильвина.

— Но откуда же я зналъ?—говорилъ онъ съ своей обычной интонаціей.—Онъ же говорилъ, что бралъ уроки гимнастики.

Это обстоятельство на время разстроило компанію. Сапожковъ ушелъ къ себѣ въ каюту, ушла и Марья Павловна, а Ѳедя сѣлъ за роялъ. Стоило ему только дотронуться до клавишей, какъ полились звуки, и Ѳедя по обыкновенію забылъ все на свѣтѣ.

— Какой, однако, онъ у васъ артистъ, — замѣтилъ Сильвинъ, присаживаясь возлѣ Матрены Карповны.

Вышла Марья Павловна. Сапожковъ появился, и всѣ вмѣстѣ съ Матреной Карповной и Сильвинымъ ушли на палубу.

Ровно, усыпляя, шумѣлъ пароходъ и мчалъ внизъ по теченію. Проносились берега, покрытые лѣсомъ; гористыя, далекія поля, какъ шахматныя доски съ черными, зелеными, бѣлыми и желтыми шашечницами. Въ высокой синевѣ парилъ орелъ, а изъ открытыхъ оконъ рубки неслись нѣжные звуки мелодичной фантазіи молодого артиста.

Онъ игралъ и машинально смотрѣлъ въ окна, какъ вдругъ глаза его остановились и дыханіе захватило въ груди.

Онъ увидѣлъ Пашу.

Паша, живая, стояла передъ нимъ и смотрѣла, какъ смотрѣла тогда, въ тотъ вечеръ.

Руки задрожали у Ѳеди, онъ сбился-было, но, пригнувшись къ роялю, опять заигралъ, не отрывая больше своихъ глазъ отъ клавишей.

А мысли, воспоминанія бурно, съ необычной быстротой проносились въ его головѣ.

Паша... Откуда она взялась? И какъ смотрѣла! Какъ бы съ ней хоть словомъ-другимъ перекинуться, узнать, по крайней мѣрѣ, что̀ такъ и осталось для него навсегда загадкой?

Пароходъ между тѣмъ уже подходилъ къ пристани, гдѣ надо было сходить Сапожкову, и они вдвоемъ съ Сильвинымъ усердно уговаривали Матрену Карповну согласиться и поѣхать въ имѣнье.

— Ну, вотъ что̀,—настаивалъ Сапожковъ, — хоть на минуту заѣзжайте: пароходъ два часа стоитъ, а усадьба отъ города и версты не будетъ, да до города не больше трехъ. Вотъ и лошади, — на этой тройкѣ тридцать верстъ въ часъ уѣдешь. Ну, ради Бога, ну, я на колѣни стану, Матрена Карповна, голубушка. Царица милостивая!

Сапожковъ дѣйствительно упалъ на оба колѣна и обѣ руки поднялъ къ небу.

— Я тоже готовъ умолять. — И Сильвинъ картинно уже опускался на одно колѣно, когда Матрена Карповна милостиво изъявила свое согласіе. Сапожковъ со всѣхъ ногъ бросился къ Ѳедѣ.

Сапожковъ возвратился скоро и принесъ удивившій всѣхъ отвѣтъ: „Поѣзжайте сами, играть хочу“.

— Что̀ жъ, господа,—сказалъ Сильвинъ, оглядывая всѣхъ:— не будемъ безжалостны; надо войти въ положеніе артиста: эти муки и радости,—то, чѣмъ живемъ мы,—онъ такъ чудно передаетъ звуками, что ему грѣхъ мѣшать.

VI.

Ѳедя остался одинъ на пароходѣ и, играя, опять смотрѣлъ въ окно. Но Паша больше не подходила.

Онъ пересталъ играть и всталъ.

Солнце сѣло. День кончился, но свѣтъ электрическихъ лампочекъ еще борется съ послѣдними отблесками вечерней зари. Въ противоположномъ зеркалѣ отражается берегъ рѣки, охваченный блѣднымъ замирающимъ просвѣтомъ запада, но изъ окна на югъ уже глядитъ синяго бархата темный вечеръ, теплый, мягкій.

Ѳедя вышелъ на палубу.

Онъ шелъ и внимательно всматривался въ сидящихъ на скамейкахъ. Онъ издали узналъ Пашу и долго стоялъ, не рѣшаясь подойти.

— Здравствуйте, — чуть слышно раздалось надъ ухомъ Паши.

Она повернулась къ нему, онъ подсѣлъ, и такъ же, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, они опять сидѣли вмѣстѣ и, казалось, никогда не разлучались.

Ѳедя узналъ то, что̀ было для него до сихъ поръ загадкой. Онъ перепуталъ тогда письма: бабушкино получила

Паша, а Пашино — бабушка. На другой же день тогда къ нимъ пріѣхала сама бабушка, долго говорила съ дядей, и черезъ два дня, когда они уѣхали изъ города, дядя сказалъ Пашѣ, что Ѳедя отказался отъ нея.

Ѳедя слушалъ, наклонивъ голову, и, когда Паша кончила, онъ не зналъ, о чемъ говорить... Все сдѣлано, онъ женатъ уже, — и такой далекой казалась Паша въ своей скромной шляпкѣ, темномъ платьѣ. Къ тому же каждую минуту могла пріѣхать жена...

— Эта высокая красавица — ваша жена? Дай Богъ вамъ счастья.

Но что̀ это? Пароходъ уже отходитъ. Онъ бросился въ рубку, въ каюту — жены нѣтъ. Онъ выбѣжалъ опять на палубу: знакомые голоса кричали ему съ конторки.

Это они: жена, Сапожковъ, актеры. Они кричали ему, что опоздали; кричали, чтобы со слѣдующей пристани онъ ѣхалъ назадъ и тогда къ четыремъ часамъ ночи пріѣдетъ, что лошади будутъ ждать его у пристани, что захватилъ бы вещи актеровъ; еще что-то кричали, но онъ не слышалъ, потому что колеса уже хлопали по водѣ, а махина-пароходъ съ сотнями разноцвѣтныхъ глазъ въ мягкой синевѣ ночи уже уползалъ на средину рѣки.

VII.

Компанія на берегу опять сѣла въ экипажи и уѣхала назадъ въ усадьбу. Тамъ ждали ихъ съ ужиномъ, съ иллюминаціей; горѣли въ саду и въ паркѣ фонари, жгли костры, и громадная усадьба, казалось, поднялась на воздухъ и качалась тамъ, въ волнахъ свѣта и дыма.

— Но это очаровательно, это волшебно, — говорилъ Сильвинъ, стоя въ красивой позѣ на террасѣ.—Господи, какъ живутъ здѣсь люди! Боже, какъ живутъ! Даже страшно подумать.—И онъ сдѣлалъ страшные глаза и картинно поднялъ руки.

Тутъ же на террасѣ и ужинали.

За ужиномъ снова пили шампанское и говорили тосты.

Говорилъ все тотъ же Сильвинъ.

— Я уже сказалъ двадцать тостовъ и, право, не знаю, милостивыя государыни и милостивые государи, что̀ еще сказать, чего еще можно пожелать счастливому обладателю этого волшебнаго замка... Я желаю развѣ, господа, чтобы настало наконецъ время, чтобы въ такихъ же замкахъ жила вся Русь.

— Ура, ура! — кричалъ захмелѣвшій Сапожковъ. — Уважилъ... Спасибо тебѣ! Спасибо: русскаго человѣка не за-

былъ! Господа, еще разъ за здоровье высокоталантливаго артиста!

Онъ обнималъ за шею Сильвина, и тотъ, снисходительно мыча, наклонялся къ нему и лобызался.

— А теперь, Александръ Николаевичъ, благодѣтель, еще что-нибудь разскажи,—приставалъ къ нему Сапожковъ.

— Кажется, все уже...

— Ну, все! Сто лѣтъ будешь говорить—всего не перескажешь...

— Гм... Ты думаешь?..

Сильвинъ задумался...

— Ну, уважь, пожалуйста!

— Изволь... Но я впередъ прошу извиненія у дамъ. Можетъ-быть, онѣ извинятъ меня, принявъ во вниманіе количество выпитаго; можетъ-быть, если будутъ терпѣливы и дослушаютъ до конца, убѣдятся въ чистотѣ моихъ намѣреній. Во всякомъ случаѣ, я разсчитываю на снисхожденіе... Я разсчитываю на то, наконецъ, что завтра мы разстанемся и, можетъ-быть, навсегда. При такихъ условіяхъ люди иногда охотнѣе открываютъ другъ другу свои души. Душа — та же книга... Раскрыть ее, перелистать нѣсколько страницъ... Если собранію не наскучило, я предлагаю разсказать одну изъ такихъ страницъ моей жизни, безъ лжи, а такъ, какъ это дѣйствительно случилось. Это вѣдь только и интересно, а не фантазія писателя: самая яркая изъ нихъ ничего не стоитъ передъ оригиналомъ всякой фантазіи — жизнью... Я ѣхалъ однажды на пароходѣ. Я не старикъ, господа, нѣтъ: я клеветалъ бы на себя, если бы утверждалъ противное, но тогда я былъ еще моложе... Подъ вечеръ на одной изъ пристаней сѣла дама, — молодая, интересная. Это вѣдь сразу чувствуется. Въ эту даму я влюбился мгновенно, послѣ перваго взгляда. Влюбился безумно, и вотъ почему я всегда смѣюсь, когда читаю, что влюбиться можно, во-первыхъ, не иначе, какъ исписавъ нѣсколько печатныхъ листовъ, и, во-вторыхъ, только послѣ выясненія всѣхъ вопросовъ по части этики, политики и соціологіи. Человѣчество, конечно, всегда создавало и будетъ создавать барьеры для любви, а любовь всегда брала и будетъ брать эти барьеры, и я тоже влюбился, не справляясь, какъ это тамъ понравится маменькѣ, пріятелю, наукѣ или религіи. Мнѣ помогъ познакомиться съ ней случай. А можетъ-быть, и что-нибудь другое: я фаталистъ,—вѣрю въ предопредѣленіе... Вѣтромъ сдуло ея шляпу въ рѣку, и я, не долго думая, если не вру, кинулся за этой шляпой, да, да... Это было ужасно, я выкупался, но шляпу поймалъ, хотя

едва-едва не утонулъ. Послѣ этого ей нельзя было не познакомиться со мной: я переодѣлся, и мы провели одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые, какъ и переживаемый нами, не забываются: чудный вечеръ... И вотъ чѣмъ еще былъ замѣчателенъ тотъ вечеръ: онъ подтвердилъ то, что̀ тогда было для меня только предположеніемъ, а теперь фактомъ. Дѣло въ томъ, что общеніе людей идетъ двоякимъ путемъ: путемъ нашихъ словъ, жестовъ,—внѣшнимъ путемъ, и другимъ, внутреннимъ, въ которомъ мы невольны. И вотъ, до чего эти внутри насъ сидящіе договорятся, это мы узнаёмъ по нашимъ непроизвольнымъ дѣйствіямъ. Такъ, когда мы разошлись въ тотъ вечеръ, я ушелъ къ себѣ и долго сидѣлъ, смотря въ окно. А потомъ какая-то сила вдругъ подняла меня, и я пошелъ: я зналъ, что дверь ея каюты не будетъ заперта... Я прошу извиненія: я слишкомъ долго говорилъ и неудачно—это я самъ чувствую, — но цѣль всего этого разсказа та, чтобы предложить, милостивые государыни и государи, еще одинъ тостъ, — тостъ, которымъ я всегда кончаю тѣ пиршества, гдѣ участвую. Господа, я предлагаю тостъ за женщину!

— Ура! Ура!—кричалъ Сапожковъ.

— А затѣмъ, повторяя слова Пруткова: если у тебя фонтанъ, то заткни и его, потому что и ему надо отдохнуть, — я умолкаю и не скажу больше ни слова, — объявилъ Сильвинъ.

— Да, пора спать,—сказала Марія Павловна.

— Ну, такъ рано, — запротестовалъ было Сапожковъ, но Сильвинъ перебилъ его:

— Дамы, дѣйствительно, устали. А мы съ тобой проводимъ дамъ до ихъ апартаментовъ и воротимся назадъ.

Такъ и сдѣлали.

Сапожковъ настоялъ, чтобы Сильвинъ на прощаніе продекламировалъ еще что-нибудь. Послѣ долгихъ отказовъ Сильвинъ задумчиво сталъ тереть лобъ рукой.

— Чудную вещь я собираюсь поставить въ свой бенефисъ... Не помню только...

— Что̀ помнишь!

— „Но, Беатриче, что̀ жъ я дамъ тебѣ?..“ Нѣтъ, забылъ...

— Ну, ради Бога!

—...Случится, можетъ-быть, что у тебя родится сынъ.
Такъ знай же: коль это счастье улыбнется намъ,
Ему я все завѣтное отдамъ.
О, да! О, Боже мой, чѣмъ глубже погружусь
Я взоромъ въ тайну прелести твоей...

— Нѣтъ, не могу.

Сильвинъ быстро поцѣловалъ руку Матрены Карповны, такъ быстро, что она не успѣла отдернуть свою и только вспыхнула вся, и такъ же быстро ушелъ на террасу.

За нимъ пришелъ и Сапожковъ.

Разговоръ не клеился.

— Деньги мнѣ сегодня дашь?—спросилъ Сильвинъ.

— Нѣтъ, ужъ завтра: у приказчика надо взять, а онъ, пожалуй, спитъ уже.

— Вексельный бланкъ у тебя найдется?

— Найдется.

— Ну, прощай, отведи меня въ мою комнату.

Сапожковъ проводилъ и на прощанье еще разъ расцѣловался съ Сильвинымъ.

— И засну же я сладко,—говорилъ Сильвинъ, потягиваясь и провожая глазами идущаго по коридору хозяина.

— Охъ, и я!—весело отвѣтилъ Сапожковъ и, поворачивая за уголъ, послалъ рукой поцѣлуй Сильвину:—прощай!

Проснувшись на другой день, Сильвинъ долго лежалъ съ закрытыми глазами.

Затѣмъ онъ сталъ ждать, не придетъ ли кто-нибудь, не принесутъ ли ему кофе, которое онъ привыкъ пить, лежа въ кровати, и въ это время думать о чемъ придется. Но никто не являлся, и приходилось вставать безъ кофе.

Отъ вчерашняго шампанскаго немного болѣла голова.

Умывальникъ былъ очень плохой, съ тоненькой трубочкой, изъ которой едва выбивалась слабая струйка воды.

Вода пахла, и ея оказалось очень мало. Мыло тоже не пришлось по вкусу Сильвину: яичное. И платье не было вычищено. Замѣнял щетку рукой и ворча, Сильвинъ кое-какъ одѣлся, вышелъ въ коридоръ и, подойдя къ комнатѣ Маріи Павловны, постучался.

— Вы?

— Я.

Замокъ щелкнулъ, и Сильвинъ вошелъ.

— Вообразите, сегодня ночью кто-то подходилъ къ моей двери, трогалъ ручку...

— Н...да...—неопредѣленно промычалъ Сильвинъ и, уныло оглядываясь, прибавилъ:—ну, я боюсь, что кофе намъ сегодня не придется пить... Во всякомъ случаѣ, надо повидать хозяина.

Сильвинъ вышелъ въ коридоръ и оттуда прошелъ въ комнату хозяина.

Сапожковъ лежалъ въ кровати, пилъ содовую воду и думалъ о чемъ-то.

Гость и хозяинъ поздоровались сухо.

— Я хотѣлъ бы съ Маріей Павловной уѣхать по желѣзной дорогѣ: поѣздъ, кажется, черезъ два часа уходитъ?

— Кажется. Что жъ, лошадей?

— Пожалуйста, кстати то, что ты вчера обѣщалъ?

Сапожковъ не сразу отвѣтилъ. Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ, посмотрѣлъ въ окно, нехотя зѣвнулъ и сказалъ:

— Да вотъ получилъ телеграмму: дѣло, на которое разсчитывалъ, не вышло. А пока не вышло, и я дать не могу, потому что могутъ понадобиться и самому деньги.

Сильвинъ всталъ и, угрюмо сдвинувъ брови, сказалъ:

- Но мнѣ вчера было дано опредѣленное обѣщаніе: я же объяснялъ, въ чемъ дѣло.

— Что жъ дѣло? Росли бы у меня въ саду деньги, какъ цвѣты,—пошелъ бы да нарвалъ. Дѣло коммерческое,—не вышло, о чемъ говорить?

Сильвинъ помолчалъ.

— Такъ нельзя ли, по крайней мѣрѣ, распорядиться насчетъ лошадей?

Сильвинъ пошелъ къ двери.

— Сегодня не вышло, завтра, можетъ, выйдетъ, до завтра подожди.

— Я сегодня ѣду и сейчасъ же,—ледянымъ голосомъ, не останавливаясь, отвѣтилъ Сильвинъ.

Онъ заглянулъ къ Марьѣ Павловнѣ:

— Поторопитесь одѣваться: мы сейчасъ ѣдемъ на вокзалъ.

— А вещи?

— Вещи пріѣхали.

Когда Сильвинъ съ Маріей Павловной вышли на подъѣздъ, они увидали плетушку, запряженную парой клячъ.

— Это что?

— Экипажъ для васъ

— Э-э... не нужно... Вотъ что, любезный, вотъ тебѣ рубль, сбѣгай на село, найми тамъ лошадей, пусть полежатъ эти вещи и догонятъ насъ: мы пѣшкомъ пойдемъ къ вокзалу. Дорога та, по которой пріѣхали?

— Та...

Они подъ руку пошли пѣшкомъ.

Они шли наркомъ. Было утро,—ароматное, свѣжее. Солнце играло уже на дорогѣ, пробиваясь сквозь листву деревьевъ, и дальше туда, гдѣ на лужайкахъ, покрытыхъ сочной зеленой травой, еще была тѣнь и прохлада.

Марья Павловна прижималась къ своему спутнику и восторженно говорила:

— Какое чудное утро, какъ хорошо здѣсь: рай!

— Да, и этотъ рай принадлежитъ какому-нибудь острому мысли и чувства, а мы съ тобой, которымъ рукоплещетъ и поклоняется толпа—мы, какъ Адамъ и Ева, выходимъ изгнанниками.

— Маленькая разница на этотъ разъ: Ева, изгоняемая до вкушенія запрещеннаго плода, но результатъ, впрочемъ, тотъ же: изгнали.

— Сами изгоняемъ себя...

Наемная пара начала ихъ у самаго города.

Когда Сильвинъ и Марья Павловна сѣли, ямщикъ съ веселымъ лицомъ, вздернутымъ носомъ обратился къ нимъ:

— У Саложкова въ гостяхъ, видно, были?

— Н-да...

— Ужъ такой негодяй,—сплюнулъ ямщикъ, подбирая вожжи!—такой сквалыга, не накажи Господь. На вокзалъ, что ль?

— На вокзалъ.

— Но!.. Деньги въ срокъ за землю ему не принесешь, сейчасъ къ земскому,—неустойку, да судебныя издержки... Скотина ступитъ на его землю,—опять три рубля штрафу... Такой негодяй...

Онъ помолчалъ.

— А ужъ насчетъ дѣвокъ... гдѣ только застукаетъ...

— Ну, дальше можешь не распространяться. Негодяй: хорошо получишь.

VIII.

Три мѣсяца ѣздили молодые.

И хоть, возвратившись, Матрена Карповна скрывала свою беременность, но всевидящая бабушка сразу сообразила, въ чемъ дѣло.

Она и радовалась, и въ то же время новыя мучительныя мысли не давали ей покоя: „мальчикъ, дѣвочка, съ короткой шеей или длинной?“

Невѣстка была, какъ могила.

При всей своей неустранимости, и бабушка не рѣшалась заговорить съ ней.

„Узнаю все,—утѣшала она себя,—когда придетъ время...“

И, дѣйствительно, когда пришло это время, все узнала бабушка.

Она смотрѣла съ безумной радостью на эту, вдругъ таинственно выглянувшую изъ безформенной массы среди стопокъ и коплей головку, и руки ея дрожали, когда она творила крестное знаменіе.

Она бросилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ томился внукъ, и, притащивъ его за руку, изступленно говорила ему:

— Въ брата моего, весь въ брата: такой же темный, съ длинной шеей, и глаза его... и мальчикъ, мальчикъ... Охъ, умница моя!.. Благодари, благодари! Земнымъ поклономъ! Такъ!.. Ноги ея мыть, воду ту пить долженъ!

IX.

Бабушка еще двѣнадцать лѣтъ жила послѣ этого.

Какъ-то, незадолго до смерти, она призвала къ себѣ пяньку и призвала утромъ, что̀ не было у нея въ обычаѣ.

— Сонъ мнѣ приснился,—сказала бабушка.—Третій такой сонъ вижу въ жизни. Первый передъ смертью мужа, второй, какъ ѣздила тогда за Матреной, а третій нынче ночью. Сижу я вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, и жду чего-то: вотъ сейчасъ растворится дверь, и узнаю я все. И тихо, такъ тихо сами двери растворяются, и тьма за ними непроглядная, и, гляжу я, изъ тьмы выходитъ мой мужъ покойный, и знаю я, что умеръ онъ, и знаю уже, зачѣмъ онъ пришелъ. И говорю ему: „за мной, что ли?“. А онъ этакъ головой мнѣ киваетъ. А черный котъ на окнѣ сидитъ... помнишь, который еще при покойникѣ извелся... поднялъ шерсть, окрысился на меня, а глаза, какъ угли, и растетъ онъ, растетъ... И проснулась я... Ну... вѣщій сонъ?

Няня молчала, смотрѣла въ полъ, и мутныя слезы текли по ея лицу. Бабушка вздохнула:

— То-то же... Ну, и будетъ плакать: негоже это... Пожила, потрудилась, какъ умѣла, пора и въ дорогу...

Стала бабушка готовиться. Хотѣла-было церковь строить, да побоялась, что не поспѣетъ: отказала въ духовной на церковь, а для единовѣрческой церкви заказала колоколъ, какой только можетъ поднять колокольня.

— Чтобы его мѣдный языкъ напоминалъ обо мнѣ, недостойной, передъ престоломъ Всевышняго.

Послѣднее желаніе бабушки было своими ушами услышать первый звонъ колокола.

Она уже лежала, когда провезли его по улицамъ.

— Охъ, доживу ли? Позволитъ ли Господь дожить, приметъ ли мою грѣшную жертву?—металась бабушка и на это время забыла обо всемъ земномъ.

Всю ночь уставляли снасти, натягивали канаты, къ утру все было готово, и послѣ ранней обѣдни начали поднимать колоколъ.

Радостное весеннее утро сверкало надъ землей.

И площадь, и улица, все вплоть до окна, гдѣ лежала бабушка, набилось народомъ съ одной мыслью у каждаго: успѣютъ ли навѣсить колоколъ, приметъ ли Господь бабушкину жертву?

Изъ устъ въ уста сообщали бабушкѣ все, что дѣлалось около церкви. Ужъ дѣло подходило къ полудню. Надвигалась гроза. Въ послѣдній разъ изъ-подъ темной тучи выглянуло солнце, какъ грозное око Творца, а подъ нимъ еще сверкала безмятежная даль золотистыхъ небесныхъ полей. Въ это мгновеніе раздался первый протяжный ударъ колокола. Вздохъ облегченія пронесся въ многотысячной, обнажившей головы толпѣ, и стало тихо, такъ тихо, какъ бываетъ только во снѣ, и всѣ взгляды устремились въ окно, гдѣ вдругъ показалось мертвенно-блѣдное лицо вставшей бабушки, съ громадными черными глазами, съ протянутыми руками туда, гдѣ сверкало еще изъ-подъ тучъ послѣдними яркими лучами солнце, и губы ея вдохновенно шептали просившимъ ее лечь:

— Онъ Самъ, Онъ, Творецъ нашъ, здѣсь,—могу ли я лежать...

Безмолвно, страшно и радостно все смотрѣла она. Черныя тучи уже охватили небо, закрыли солнце, сразу стало темно, а колоколъ гудѣлъ, и лились его мѣдные звуки, торопясь и догоняя другъ друга. Навстрѣчу имъ уже неслись сверху раскатистые мощные удары грома: точно съ высотъ съ грохотомъ само небо валилось на землю...

Громъ гремѣлъ, и молнія бороздила небо, словно разрывая на части надъ самой землей опустившіяся тучи.

Полилъ дождь, какъ изъ ведра, сплошной, сѣрой массой укрывшій все, и сразу потекла рѣка грязной воды по опустѣвшей улицѣ; все выше поднималась она и кипѣла, покрытая пузырями.

А бабушка лежала удовлетворенная и смотрѣла на всѣхъ окружающихъ.

— Еще разъ хочу исповѣдаться.

Передъ исповѣдью бабушка подзывала всѣхъ, просила прощенія, прощалась по очереди и каждому говорила: „мою волю узнаешь“.

Сейчасъ же послѣ причастія бабушка прошептала:

— Тоска подступаетъ... уходите всѣ...

И когда выходили, она провожала всѣхъ долгимъ взглядомъ. Невѣстку она удержала послѣднюю, погладила ее по головѣ и тихо проговорила:

— Умница моя,—тебѣ передаю домъ... Какъ уберутъ меня, зайди въ мою горницу и тамъ въ комодѣ, въ ларцѣ, убери, что не надо.

Къ вечеру бабушка уже лежала на столѣ со сложенными руками, строгая, навсегда чужая всему живому, укрытая той самой парчой, которую выбрала для себя.

Наверху, въ ея комнатѣ, исполняя волю покойной, сидѣла у комода ея невѣстка.

Въ особомъ ларцѣ лежали векселя, о которыхъ говорила ей бабушка. Чернила пожелтѣли, и уже съ трудомъ можно было разобрать неуклюжую подпись: „Иванъ Овчинниковъ".

А подъ этими старыми векселями лежалъ свѣжій, сравнительно, переводной купонъ на двадцать пять тысячъ рублей отъ какого-то Иванова изъ Москвы въ Петербургъ.

Матрена Карповна нагнулась ниже и прочла имя того, кому переводились эти деньги. И вдругъ лицо ея,—какъ лицо человѣка, котораго неожиданно поймали надъ тѣмъ, что считалъ онъ только своей тайной,—покрылось густымъ румянцемъ, и, быстро вставъ, она подошла къ открытому окну.

Дождь прошелъ, солнце садилось и послѣдними лучами золотило даль. Только тамъ, далеко за рѣкой, какъ островерхія крѣпости, выдвинулись и застыли на горизонтѣ синія тучи. Едва слышно, какъ грохотъ отъѣзжающаго экипажа, доносились раскаты грома.

1904.

ПРАВДА.

Утренній воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. Стояли послѣдніе золотые дни осени. Маленькій городокъ спалъ надъ рѣкой, спалъ въ сверкающемъ утрѣ, въ прозрачномъ воздухѣ осени, охваченный голубымъ, какъ эмаль, небомъ.

Городской паркъ отливалъ послѣдними осенними красками: желтымъ, краснымъ, бурымъ. Въ паркѣ по дорожкамъ, покрытымъ, какъ коврами, влажными мягкими листьями, было тихо, уютно, пахло свѣжей листвой. Звонкое чириканье какой-то птички мелодично и нѣжно говорило о чемъ-то неизвѣданномъ, нескопченномъ еще, о негѣ, о гармоніи жизни.

Вдругъ гулкій выстрѣлъ рѣзко нарушилъ эту гармонію.

Сторожъ, бросившійся на выстрѣлъ, нашелъ у одной изъ скамеекъ парка свѣжій трупъ молодой женщины.

Мертвая лежала на землѣ въ уродливой позѣ, говорившей безъ словъ о всемъ ужасѣ послѣднихъ мгновеній, о томъ напряженіи, которое сдѣлала она, чтобы взять верхъ надъ жизнью.

Чувствовалось, что въ паркѣ утромъ грубо и быстро сведенъ какой-то счетъ съ жизнью.

На мертвомъ, запрокинутомъ лицѣ молодой женщины еще лежала печать судороги, омерзѣнія, злобы. Но тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ чертъ этого темнаго мясистаго лица, въ опущенныхъ углахъ полныхъ губъ, въ густыхъ мягкихъ каштановыхъ волосахъ, прилипшихъ на вискѣ, гдѣ виднѣлась ранка и струя застывшей крови, чувствовалось что-то иное, что-то болевое, дѣтское; ощущеніе оскорбленнаго ребенка, у котораго грубо, по праву сильнаго, кто-то отнялъ его лучшую игрушку, отнялъ всю его радость,—и теперь спитъ этотъ ребенокъ на груди матери. И во снѣ все та же обида и боль и тѣ же безнадежно опускающіеся углы губъ.

Явилась полиція, слѣдователь, докторъ; нашли письмо, два письма,—одно ко всѣмъ, съ просьбой никого не винить, другое къ мужу.

Слѣдователь, замѣтивъ, что „за послѣднее время какая-то эпидемія пошла на самоубійства молодыхъ дамъ“, составилъ протоколъ, а письмо на имя мужа покойной отправилъ къ мужу.

Мужъ, напряженный, взвинченный, похожій на безумнаго или осужденнаго, рѣшившагося дорого продать свою жизнь, выслушалъ страшную новость и ушелъ съ письмомъ въ свой кабинетъ. Еще полчаса тому назадъ, раздраженный, давно уже больше не сдерживавшій себя, по поводу возмущавшихъ его раннихъ уходовъ жены изъ дому, сдѣлалъ ей отвратительную обычную сцену. Выскочивъ, какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, на улицу, онъ кричалъ ей вдогонку, — кричалъ на всю улицу, чтобы она не смѣла больше показываться въ его домѣ.

Но онъ и прежде такъ же кричалъ на нее. И она такъ же, какъ и прежде, вдругъ повернувшись, издали отвѣтила, не повышая голоса, но съ тѣмъ загадочнымъ выраженіемъ, которое всегда его такъ смущало

— Нѣтъ, нѣтъ, не приду!

И приходила...

Извѣстіе о смерти свалилось на него, какъ лавина льда и снѣга въ пылающее пожарище. Онъ заперъ дверь и, присѣвъ на стулъ, дрожащими руками распечаталъ письмо. Письмо отъ той, которой уже не было теперь, но она еще жила, когда писала это письмо. И въ послѣдній разъ вся она, живая, вдругъ встала передъ нимъ, стояла и требовала теперь отъ него отчета, правды...

Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку стула. Думалъ о ней, зная, что теперь никто его не видитъ, что теперь не нужно больше борьбы, оружія, маски,—теперь онъ лицомъ къ лицу только самъ передъ собой, и даже она, еще живая въ этомъ письмѣ и уже мертвая тамъ въ паркѣ, была теперь все тотъ же онъ, самъ онъ, ея убійца.

И онъ былъ похожъ на убійцу. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, слабость до обморока, до тошноты, охватила все его тѣло, онѣмѣли пальцы, и, въ безсиліи, онъ уронилъ письмо. Безсмысленными глазами, блѣднѣе мертвеца, онъ сидѣлъ, растерянный, и смотрѣлъ передъ собой. Только въ жесткихъ волосахъ его, въ бородѣ и усахъ, съ красноватымъ металлическимъ блескомъ, чувствовалась все та же животная сила, все тотъ же онъ, какимъ былъ и будетъ,—

грубый, жестокій, себялюбивый, несправедливый, ничѣмъ не ограниченный въ своемъ желаніи. Ахъ, если бъ она была жива, если бы она вдругъ ожила. О, какъ отомстилъ бы онъ ей за все теперь пережитое!

И злорадная мысль проскользнула въ его головѣ:—„И это мать... бросившая своихъ дѣтей“.

Онъ провелъ рукой по лбу и уже съ инымъ чувствомъ поднялъ письмо и началъ читать его.

„Отбросьте ненависть и злобу ко мнѣ и терпѣливо прочтите до конца это письмо. Можетъ-быть, многое въ моемъ поведеніи выяснится вамъ хоть теперь. Я хочу сказать правду и не хочу обличать или упрекать, такъ какъ увѣрена, что зло, вами причиненное мнѣ, неумышленное, и не въ васъ одномъ оно: и во мнѣ и во всѣхъ... Я хочу теперь разсказать вамъ о всемъ моемъ душевномъ состояніи за все время нашего злосчастнаго супружества, съ самаго перваго его мгновенія. Вы скажете, что это опять та же старая пѣсня. Правда, она стара, эта пѣсня, но она—и начало и конецъ всему, и она никогда не была допѣта до конца.

„Вѣдь я не виновата, что родилась такой,—съ пылкимъ воображеніемъ, горячимъ сердцемъ. А судьба меня свела съ практикомъ, матеріалистомъ, расчетливымъ до скупости и циничнымъ въ своихъ отношеніяхъ. Можетъ-быть, съ другой и вы были бы другимъ,—вѣдь считаютъ же васъ и общественнымъ дѣятелемъ и хорошимъ товарищемъ, — но со мной, кромѣ первыхъ мгновеній нашей жизни, вы такимъ не были. И то, что вы давали мнѣ въ первое мгновеніе, вы такъ грубо отняли потомъ и даже какъ бы считали себя въ правѣ вымѣщать на мнѣ за эти мгновенья... И такъ жестоко и такъ настойчиво! Иногда мнѣ казалось, что вся злость ваша происходитъ отъ воспоминанія объ этихъ первыхъ мгновеніяхъ, которыя вы точно хотѣли совсѣмъ, совсѣмъ уничтожить въ своей и моей памяти. И только въ минуты животныхъ порывовъ въ васъ просыпалось чувство... Но какое чувство? О, вы были въ этомъ талантливы! Вы умѣли заставить меня выслушивать разсказы объ отвратительныхъ сценахъ развратной жизни другихъ и о возможномъ моемъ развратѣ съ этими другими. Это васъ возбуждало! О, Боже мой! Умолял васъ молчать, я задыхалась: въ мучительномъ униженіи просыпалось и во мнѣ грязное чувственное ощущеніе! И вы угадывали его и мстили потомъ, грубо, цинично ревнуя меня ко всѣмъ, слѣдя за каждымъ моимъ взглядомъ и словомъ, запрещая мнѣ говорить, мѣшая мнѣ чувствовать себя съ людьми по-человѣчески. И подъ конецъ я дошла до того,

что чувствовала себя такъ, точно съ меня сняли всѣ платья, и стою я обнаженная, напрасно закрывая свое голое тѣло. Жизнь наша была хуже тюремной: тамъ хоть ясно все, а у насъ съ вами все было скрыто подъ лоскомъ культуры! О, какая гнусная культура! Часто, когда у насъ собиралось общество или когда мы бывали въ обществѣ, мнѣ хотѣлось вдругъ встать и сказать, крикнуть, что все это ложь, обманъ, что всѣ эти нарядные мужчины—только маски, что всѣ ихъ веселыя, ласковыя слова о любви и свободѣ, равноправіи женщинъ—только слова! Они пріѣдутъ домой и снимутъ свои маски и покажутъ каждый по-своему свои страшныя лица палачей и палачей, каждый въ своей тюрьмѣ, каждый на свой ладъ. Палачей неограниченныхъ, не сознающихъ и не чувствующихъ, что палачи они, злящіеся даже на то, что эти рабы, эти ихъ жертвы стонутъ.

„Разъ, только разъ проснулся во мнѣ свободный человѣкъ, и я не захотѣла быть имъ. Изъ всѣхъ вашихъ грязныхъ подозрѣній одно имѣло основаніе, но грязнаго ничего тутъ не было! Въ первый и послѣдній разъ я полюбила, и въ первый разъ только вамъ теперь и говорю объ этой своей любви. Отъ меня все зависѣло, и тяжкій мой грѣхъ передъ собой только въ томъ, что не была я вольна своему чувству тогда. Я принесла его въ жертву дѣтямъ. И это была громадная ошибка, потому что этимъ я потушила огонь своей души: гдѣ горѣло и свѣтило, тамъ стало темно и холодно, и остывшій пепелъ этого чувства только ѣлъ глаза и грязнилъ все окружающее. Я тогда хотѣла итти на курсы, отдаться общественной дѣятельности, не найдя ничего въ личной жизни. И вы убѣдили, а я согласилась, что поздно, что нельзя уходить отъ дѣтей, — и я осталась. Для чего? Чтобъ все-таки уйти тѣмъ ужаснымъ выходомъ, который одинъ у меня теперь остался?! Потому что въ томъ состояніи, въ какомъ я была за послѣднее время, что я могла дать дѣтямъ? Съ разбитыми нервами, съ разстроеннымъ здоровьемъ, раздраженная и озлобленная, я начинала и ихъ ненавидѣть, какъ васъ, ихъ—невинныхъ виновниковъ всѣхъ моихъ, но пыт ненужныхъ жертвъ. Боже мой, что я говорю?! Но я говорю правду! Развѣ я, теперешняя, могла воспитывать своихъ дѣтей?! Вы—воспитатель?!.. Да развѣ въ интересахъ нашихъ дѣтей намъ обоимъ не слѣдовало бы убѣжать отъ нихъ на край свѣта и никогда ихъ не видѣть и никогда не заражать ихъ чистыхъ душъ тѣмъ смрадомъ, въ которомъ мы сами живемъ? Вѣдь мы же съ вами больны, больны самой ужасной, самой заразительной болѣзнью, и неизбѣжно передадимъ эту

болѣзнь и дѣтямъ нашимъ. И если ужъ нельзя обоимъ намъ оставить нашихъ дѣтей, то все-таки лучше пусть одинъ изъ насъ ихъ броситъ! Вамъ, конечно, вамъ надо ихъ бросить, оставить меня съ ними! Но вѣдь вы не уйдете? Въ крайнемъ случаѣ вы весь свой либерализмъ отбросите, прибѣгнете къ суду и къ полиціи, чтобы только удержать ихъ у себя. А о матеріальныхъ средствахъ и говорить нечего! Ихъ у меня нѣтъ, и моя мать, сама такъ же въ свое время страдавшая, никогда не подумала дать мнѣ ремесло въ руки... И вотъ теперь!.. Куда мнѣ дѣваться? У васъ право на моихъ дѣтей и дѣловая, общественная жизнь, а у меня ничего. Была одна моя внутренняя жизнь, но и она отнята у меня: въ моемъ храмѣ взломали двери и ворвались въ мое святое-святыхъ злые, раздраженные люди, бьютъ и ломаютъ все и гонятъ меня. Куда, куда же уйти мнѣ? Превратиться въ вашу экономку, съ которой вы будете взыскивать каждый грошъ, каждую копейку? Въ воспитательницу вашихъ дѣтей, выслушивать приказы такъ и такъ воспитывать ихъ? Смотрѣть и видѣть, какъ вы ищете ласки вашихъ горничныхъ? Переносить всѣ грубости циничнаго развратника со мной, не смѣть и не имѣть возможности сорвать съ васъ маску и крикнуть вамъ: кто вы? Но могу ли я посмѣть на это? Не могу, потому что у меня нѣтъ свидѣтелей, а нѣтъ свидѣтелей, и ничего нѣтъ у меня! И я осталась одна со своимъ самочувствіемъ, и мое право только умереть, если это самочувствіе выше моихъ силъ.

„И я умираю. И все примиряется въ моей душѣ. Пусть мое тѣло не возвратится домой! Пусть дѣти не знаютъ правды и пусть думаютъ, что я исчезла на время и когда-нибудь опять возвращусь.

„О, если бы вы могли исполнить мою просьбу! У французовъ, у англичанъ уже есть, говорятъ, воспитательные дома не только для незаконнорожденныхъ... отдайте же и нашихъ дѣтей на воспитаніе Аннѣ Николаевнѣ? Она чужая имъ, но она хорошій и просвѣщенный человѣкъ. Она воспитательница по природѣ, хотя и никогда не была матерью. Она сдѣлаетъ ихъ людьми, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Она вырветъ ихъ изъ эгоистичной скорлупы этого гнуснаго „я, я, я“. Она осмыслитъ имъ ихъ самихъ,—осмыслитъ во-время, и этимъ дастъ имъ силы бороться за лучшее существованіе.

„О, если бъ вы исполнили эту мою послѣднюю просьбу, мою предсмертную молитву, если бъ вы поняли всю правду ея?.. Я вѣрю, я хочу вѣрить, что вы поймете меня и исполните. Я всю жизнь вѣрила, можетъ-быть, отъ этого, и умирая, все-таки вѣрю! Вѣрю!

„О, простите меня! Вѣдь и я кругомъ неправа, — когда люди заѣлись,—оба неправы. Я виновата, — простите мнѣ все злое, что̀ сдѣлала я вамъ, можетъ-быть, не понявъ васъ! Вѣдь все зло въ этомъ, въ томъ, что чужія мы души, что не понимали мы другъ друга.

„Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ, давно понявъ это, не разошлись мы, спасая себя и отдавъ дѣтей нашихъ той же Аннѣ Николаевнѣ? Умоляю же васъ, сдѣлайте это теперь, хотя бы во имя того, что я уступаю вамъ дорогу, разъ уже жизнь такова, что намъ двоимъ тѣсенъ міръ Божій?

„Кончаю письмо и думаю: вотъ сейчасъ я допишу его, спрячу его въ карманъ, одѣнусь и выйду, чтобъ никогда больше не возвращаться, и такъ хотѣлось бы въ это послѣднее мгновеніе, выходя, сохранить миръ души! Я такъ боюсь встрѣчи съ вами, такъ хочу избѣгнуть, хоть на этотъ разъ, всего того, что̀ опять перевернетъ и озлобитъ всю мою душу...“

Ниже была приписка карандашомъ, сдѣланная нервно, судорожно:

„... И встрѣтила въ это послѣднее мгновеніе, и это послѣднее мгновенье было отнято, отравлено, уничтожено, осквернено... Ненавижу себя, васъ, дѣтей, которыхъ вы не отдадите Аннѣ Николаевнѣ и которыя въ свое время будутъ такими же, какъ вы, палачами, такими же членами этого общества, общества, создавшаго и поддерживающаго весь этотъ адъ жизни...

„О, Боже мой, что̀ же я пишу?! Что̀?! Да проститъ мнѣ Господь,—я пишу правду!“

1901.

ДВОРЕЦЪ ДИНА.

Рождественскій разсказъ.

Посвящается тебѣ, другу дѣтей моей дорогой дочери Дорѣ

I.

Лужайка, которая виднѣлась съ балкона изъ-за деревьевъ, была усыпана, какъ бисеромъ, полевыми цвѣтами. Ближе къ балкону росли большія деревья, всѣ въ листьяхъ, сочныхъ, свѣтло-зеленыхъ. Листья шумѣли, и вершины деревьевъ гнулись отъ вѣтра.

На балконѣ подъ навѣсомъ вѣтра не было; грѣло солнышко и пахло цвѣтами. Въ креслѣ около стола сидѣлъ маленькій мальчикъ, лѣтъ семи, желтый и сгорбленный, какъ старикъ. Его большая голова, какъ бы отъ тяжести, свѣсилась къ нему на грудь, и исподлобья смотрѣли большіе, черные глаза мальчика. Взглядъ ихъ былъ жгучій, напряженный.

Мальчикъ смотрѣлъ на лежавшій передъ нимъ красный, прозрачный отъ солнца тюльпанъ, на мушекъ, которыя черными точками шевелились внутри него, и думалъ. Онъ думалъ о томъ, что, можетъ-быть, это вовсе не тюльпанъ, а заколдованный замокъ, а тѣ черныя мушки—рыцари и дамы: придетъ ночь, загорятся огни въ замкѣ, оживутъ рыцари и дамы. Мальчикъ скосилъ немного свои уставившіеся въ тюльпанъ глаза и подумалъ, снисходительно улыбаясь: „а если заглянутъ въ тюльпанъ, ничего тамъ, кромѣ мушекъ, и нѣтъ“.

Какъ шумятъ деревья, какой сильный вѣтеръ! деревья большія, а вѣтеръ сильнѣе,—онъ гнетъ деревья, хотя и не хочется имъ гнуться. Развѣ деревьямъ можетъ хотѣться?

Мальчикъ сталъ смотрѣть въ небо и задумался, вѣжливъ

небѣ бѣгутъ бѣлыя облака, — все тотъ же вѣтеръ, который качаетъ эти деревья, гонитъ и тѣ облака.

Мальчикъ закрылъ глаза, и ему показалось, что и онъ качается, что и деревья, и опъ, и облака несутся куда-то далеко-далеко.

Мальчику стало страшно, и онъ опять открылъ глаза: какимъ желтымъ все вдругъ стало. Давно уже не пріѣзжалъ дядя. Дядя такъ рѣдко бываетъ. Онъ больше всѣхъ дядю любитъ. Мама говоритъ, что, когда у дяди кончатся дѣла, то онъ не будетъ тогда уѣзжать; тогда онъ всегда, всегда будетъ съ дядей. Ахъ, если бъ дядя пріѣхалъ!

И вдругъ дядя пріѣхалъ. Онъ вошелъ съ мамой и сказалъ:

— Здравствуй, Димъ.

— Дядя!—крикнулъ Димъ и бросился къ нему.

О, какое счастье! Такое счастье, какъ будто Диму подарили что-то такое хорошее, съ чѣмъ никогда бы онъ не разстался, всегда держалъ въ рукахъ.

Большіе глаза его горѣли, какъ черные алмазы, какъ горитъ солнце изъ-подъ нависшей уже черной, страшной тучи, а маленькое сердце такъ сильно билось, какъ будто торопилось поскорѣе отсчитать побольше ударовъ: сильныхъ, яркихъ, больныхъ.

— Пойдемъ въ садъ, дядя,—сказалъ Димъ.

— А ты не устанешь?

Онъ устанетъ?!

Димъ за руку съ дядей спустился съ лѣстницы и пошелъ по дорожкамъ сада.

Въ саду немного сыро, но солнце горячо грѣетъ, ароматно пахнетъ тополемъ, пахнетъ распаренной травой, гдѣ-то въ листьяхъ звонко щелкаетъ какая-то птичка.

Какъ хорошо, только кружится голова, и Димъ просительно говоритъ:

— Не такъ скоро, дядя.

— Прости, мой мальчикъ,—хочешь, сядемъ на скамейку?

— Хочу,—говоритъ Димъ.

И они садятся на скамейку. Вотъ теперь хорошо. Димъ смотритъ на дядю, и лицо его опять выражаетъ радость, и ему хочется поскорѣе разсказать что-то дядѣ, но отъ радости онъ все забылъ и напряженно старается вспомнить.

— Знаешь, дядя...—тихо начинаетъ Димъ.—Я люблю спать, когда въ другой комнатѣ горитъ свѣчка. А если свѣчка потухнетъ, я такъ боюсь...

Димъ оборвался, истонувъ въ тяжелыхъ ощущеніяхъ ночного страха.

— Чего же ты боишься?—ласково обнялъ его дядя.

— И самъ не знаю.

Мальчикъ пожалъ плечами.

— Привидѣній, можетъ-быть, боишься?

— Ну, привидѣній?

И мальчикъ, оттопыривъ губки, скосивъ весело глаза, уставился передъ собой: кто вѣритъ въ привидѣнія?

— Я, знаешь, — заговорилъ опять Димъ, — сижу сегодня, дядя, смотрю на тюльпанъ и думаю: можетъ, это не тюльпанъ, а дворецъ, въ немъ живутъ рыцари, дамы... Отчего мнѣ это показалось?

— Ты, вѣроятно, читалъ какую-нибудь сказку про рыцарей и дамъ?

— Нѣтъ... Ахъ, да, читалъ... Мама мнѣ читала давно, давно мнѣ мама читала про цвѣточную фею: я, вѣрно, и вспомнилъ, и все перемѣшалось въ моей головѣ.

И Димъ, облокотившись на колѣни, снисходительно кивалъ головой.

— И ты знаешь, Димочка,—сказалъ дядя,—вѣдь сегодня пріѣдутъ къ намъ цѣлыхъ три доктора лѣчить тебя.

— Они узнали, что я заболѣлъ, и пріѣдутъ? Они позволятъ мнѣ бѣгать? Они добрые?

Ахъ, какъ все хорошо. И лучше всего то, что дядя съ нимъ. Ахъ, какой секретъ знаетъ Димъ. Но онъ его никогда не скажетъ дядѣ. Онъ, какъ скряга, прячетъ его въ своей душѣ. Егоръ ему его сказалъ: онъ похожъ на дядю. Неужели похожъ и будетъ такой же, какъ дядя, съ густыми волосами, маленькой бородкой, большими задумчивыми глазами? Какое счастье, что онъ похожъ какъ разъ на того, кого больше всѣхъ любитъ. Только отчего дядя всегда такой грустный?

А отчего вдругъ что-то какъ будто остановилось въ груди у Дима, и дядя такъ испуганно смотритъ на него?!

А Димъ сидитъ блѣдный, неподвижный, безъ дыханія, съ широко раскрытыми глазами.

Въ это время подошла мама, и испуганно замерли—и мама и дядя.

И такъ стихло кругомъ, какъ будто на мгновеніе въ этотъ зеленый уголокъ вдругъ заглянуло страшное лицо смерти, и всѣ увидѣли его.

Мальчикъ наконецъ тяжело вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Я усталъ, дядя...

— Хочешь, Димъ, милый... я тебя отнесу въ кроватку?

Димъ кивнулъ головой, и дядя, осторожно поднявъ, понесъ его въ спальню.

Тамъ онъ положилъ Дима на кровать и самъ сѣлъ возлѣ него.

— Мнѣ показалось,—сказалъ Димъ,—что я куда-то вдругъ провалился... А я никуда не проваливался.

Димъ держалъ руку дяди, смотрѣлъ на него и думалъ, какое счастье, что дядя съ нимъ. И мама съ нимъ, но мама всегда съ нимъ, а дядя такъ рѣдко бываетъ, что кажется ему, что и теперь все это только во снѣ: вотъ сейчасъ онъ проснется и не будетъ больше дяди, — будетъ темная ночь, и свѣчка въ другой комнатѣ потухнетъ, и такъ страшно ему станетъ.

Пріѣхали доктора, осмотрѣли Дима, выстукали и повторили то, что уже всѣ знали,—что у Дима порокъ сердца. Въ дѣтствѣ иногда это и проходитъ: не надо бѣгать, не надо волноваться, надо принимать лѣкарства.

II.

Уѣхали доктора, уѣхалъ дядя, и опять Димъ сидѣлъ на балконѣ и думалъ о дядѣ.

„Ахъ, — думалъ Димъ, — если бы у меня были братья и сестры. Какъ бы я любилъ ихъ!“

А вдругъ и у него будутъ когда-нибудь они? Вдругъ выйдутъ изъ-за деревьевъ, подойдутъ къ нему и скажутъ:

— Мы твои братья и сестры.

И они обнимутъ Дима, и такъ хорошо ему будетъ, и никогда больше онъ не разлучится съ ними.

И вотъ разъ, когда такъ думалъ Димъ, вдругъ въ саду изъ-за деревьевъ показалась маленькая дѣвочка въ свѣтломъ платьицѣ, съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосами.

Она тоже увидѣла Дима и остановилась удивленная.

Потомъ она подошла ближе и спросила Дима:

— Ты лѣшій?

Димъ самъ испугался-было и не зналъ, что подумать, — онъ уже подумалъ даже, не дочь ли ужъ она какой-нибудь волшебницы, но, когда дѣвочка заговорила, онъ улыбнулся и спокойно сказалъ:

— Нѣтъ, я Димъ. А ты кто?

— Я Наташа... Нѣтъ, а ты лѣшій: въ чужомъ саду всегда сидитъ лѣшій.

— Это въ томъ саду,—серьезно сказалъ Димъ и показалъ рукой на сосѣдній садъ.

— А у тебя есть папа и мама?—спросила Наташа.

— У меня только мама.

— А у меня и мама, и папа, и дяди, и тети... А братики и сестрички у тебя есть?

— Нѣтъ.

Наташа ближе подошла и сказала:

— И у меня нѣтъ... У меня есть двоюродные... А у тебя есть?

— Нѣтъ.

Наташа еще ближе подошла и грустно спросила:

— Ты совсѣмъ бѣдный?

— Отчего?—спросилъ Димъ.

Наташа подумала и сказала:

— Ты сиди здѣсь, а я пойду къ мамѣ.

И Наташа важно ушла назадъ.

А Димъ долго не могъ прійти въ себя отъ удивленія и радости. Наташа была совсѣмъ похожа на ангеловъ, какихъ Димъ видалъ на картинахъ: голубые, какъ кусочекъ неба, глаза, вьющіеся свѣтлые волосы. А можетъ-быть, у нея и крылья есть? Маленькія крылья сзади? На ней былъ надѣтъ бѣленькій съ кружевами фартучекъ, и сзади на плечахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всегда растутъ крылья, этотъ фартучекъ, кажется, немного даже отдувался такъ, какъ будто подъ нимъ и были крылья. Въ слѣдующій разъ, какъ придетъ Наташа, Димъ непремѣнно такъ, совсѣмъ незамѣтно, загляпетъ и увидитъ, есть ли у Наташи крылья.

Наташа пришла на другой день; на этотъ разъ поднялась по лѣстницѣ на балконъ, сѣла на верхнюю ступеньку и сказала:

— Вотъ я и пришла.

Потомъ Наташа спросила:

— Зачѣмъ ты все сидишь? Будемъ бѣгать...

— Я не могу бѣгать,—мнѣ можно только ходить,—я хожу съ Егоромъ каждый день, знаешь, гдѣ большая аллея?

— А я могу бѣгать... Я могу бѣгать, качаться на качеляхъ, и я не хочу больше съ тобой сидѣть.

Наташа встала и быстро пошла къ себѣ домой. Пройдя нѣсколько шаговъ, она крикнула:

— Я не люблю мальчиковъ, которые не могутъ бѣгать!

Но скоро она опять пришла, подошла вплоть къ Диму, долго смотрѣла въ его обрадованные глаза и строго сказала:

— Можетъ, ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нѣтъ, я очень радъ, что ты пришла.

— У тебя какая кроватка, съ рѣшетками? У меня съ рѣшетками. А когда я выросту большая, я буду писать стихи и книги, какъ дядя Коля... Зачѣмъ ты такъ сидишь, какъ горбатый? Если ты будешь такъ сидѣть, я отъ тебя уйду.

Наташа строго и медленно погрозила Диму пальчикомъ и опять заговорила:

— А сегодня одинъ дядя пальчикъ въ носъ засунулъ; я говорю ему: „а мама сказала, что не надо пальчика въ носъ класть“, а мама меня въ уголъ поставила, и я плакала, потому что я гадкая дѣвочка... Ты опять горбишься, Димъ, я тебѣ все говорю, а ты меня все не слушаешься? Ну, я уйду.

Димъ разсмѣялся и сказалъ:

— Ну, я больше не буду.

— Ну, смотри... И ты тоже не играйся съ мальчиками, которые грязные. Ихъ папа и мама мужики, они всегда пьяные и такъ кричатъ: а-а! и растрепываютъ свои волосы. У нихъ нѣтъ духовъ и кареты нѣтъ: они на козлахъ ѣздятъ. А теперь я пойду, а ты сиди здѣсь... Сиди!

Наташа строго погрозила пальчикомъ Диму.

Такъ Наташа познакомилась съ Димомъ и каждый день по нѣсколько разъ приходила къ нему.

III.

Зимой Егоръ топилъ печи, а лѣтомъ возился въ саду.

Егоръ—маленькій, рябой, съ козлиной бородкой, съ оттопыренной нижней губой, благодаря которой онъ имѣетъ видъ человѣка, которому все нипочемъ. Но такъ бывало только въ рѣдкихъ случаяхъ. Когда онъ выпивалъ, тогда онъ начиналъ разсуждать, жаловался, обижался. И тогда Егора укладывали спать, а на другой день снова Егоръ становился тихимъ и безотвѣтнымъ. Выпивалъ Егоръ рѣдко и большею частью тогда, когда мать Дима уѣзжала въ городъ.

Разъ послѣ обѣда, когда мать Дима какъ разъ уѣхала въ городъ, Егоръ былъ выпивши. Онъ съ Димомъ, по обыкновенію, отправился гулять. Егоръ, взволнованный и потный, жаловался Диму на дворника, кухарку, горничную. Потомъ онъ перешелъ на свои дѣла.

— Пять лѣтъ, — говорилъ онъ, — своихъ не видалъ: кто тамъ, что тамъ, — жена, дѣти, посылаешь, посылаешь эти деньги... Все равно, какъ и прежде люди въ рабство на чужую сторону себя продавали... Ну, такъ тамъ хоть кучка денегъ сразу на руки приходила, — продалъ себя и знаешь за что,—а здѣсь такъ по двугривенному весь разойдешься: на послѣдній двугривенничекъ только выпить и пахъ,—лопнулъ гнилой пузырь!

Димъ шелъ и думалъ: бѣдный Егоръ,—онъ оттого и пьетъ, что пять лѣтъ не видалъ жены и дѣтей.

Они проходили въ это время мимо маленькой деревянной церкви. Двери церкви были раскрыты, и шла вечерняя служба.

Димъ любилъ вечернюю службу, любилъ, когда поютъ „Свѣте тихій“, и сказалъ:

— Зайдемъ въ церковь, Егоръ.

И они вошли.

Въ церкви было мало народу. Что-то у алтаря читалъ дьяконъ, любительскій хоръ пѣвчихъ пѣлъ, по стѣнамъ церкви стояли старушки, старики, а ближе къ алтарю небольшая толпа изъ женщинъ, дѣтей, изрѣдка мужчинъ.

У Дима было свое мѣсто у иконы Христа съ дѣтьми. Спаситель въ голубой ризѣ, окруженный дѣтьми, ласково смотритъ и держитъ руку на головѣ одного изъ мальчиковъ. Надъ иконой по-славянски было написано: „Не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ“.

Димъ любилъ эту картину и, сидя на стулѣ, который приносилъ ему сторожъ, разсматривалъ ее.

Запѣли „Свѣте тихій“, и полились звуки, какъ лился въ окна вечерній свѣтъ: тихій, мирный, и стало тихо въ церкви, и только вздрагивало кадило въ рукахъ дьякона, да въ длинныхъ лучахъ солнца играли волны кадильнаго дыма, да мигали лампадки въ углахъ образовъ, то замирая, то ярче вспыхивая.

Какъ волны дыма, плыли мысли Дима и уносились куда-то.

Онъ смотрѣлъ на икону и думалъ, и брови его сдвигались, и черные глаза упорно и жгуче смотрѣли. Онъ думалъ: гдѣ Христосъ теперь, видитъ ли Онъ теперь его, Дима, увидитъ ли онъ. Димъ, когда-нибудь Его, и какъ будетъ тогда смотрѣть на него Христосъ? Ласково, какъ на той иконѣ, или разсердится? Разсердится, если онъ, Димъ, будетъ говорить неправду. Но зачѣмъ ему говорить неправду? Если онъ съѣстъ два куска хлѣба, а скажетъ одинъ? Чѣмъ больше онъ съѣстъ, тѣмъ больше обрадуется мама.

Димъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и весело скосилъ глаза.

А Егоръ молится, облизается потомъ и все, какъ во снѣ, твердитъ, вздыхая:

— О, Господи, Господи...

Вотъ и кончилась служба, и быстро разошлись всѣ, и никого уже нѣтъ въ маленькой, глухой церковной оградѣ, куда послѣ службы вышли Егоръ и Димъ.

Диму еще не хочется уходить, хочется побыть еще въ оградѣ, посидѣть на уютной, зеленой, недавно выкрашенной скамейкѣ.

Тихо кругомъ, никого нѣтъ, и кажется Диму, что никого, кромѣ Егора и его, больше и нѣтъ на свѣтѣ.

— Ты хотѣлъ бы, — спрашиваетъ Димъ Егора, — чтобы у тебя было столько братьевъ и сестеръ, сколько на той иконѣ въ церкви?

Егоръ повернулся, пригнулся къ Диму и посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто въ первый разъ его видѣлъ. Глаза его стали большіе, лицо красное, и въ каждой мокрой ямочкѣ лица блеститъ крупная капля пота. И губы у него мокрыя, а нижняя отвисла, и дышитъ Егоръ прямо въ лицо Диму, и несетъ отъ него водкой.

— А я хотѣлъ бы, — продолжалъ Димъ: — знаешь, мнѣ всегда кажется, что у меня есть и братики и сестрички.

— А можетъ, и есть, — сказалъ Егоръ: — можетъ, чуетъ ангельская душа родную душу?

Егоръ закрылъ глаза и сталъ качать головой.

Димъ подумалъ и сказалъ:

— Я не понимаю, что ты говоришь, Егоръ.

Егоръ мутными глазами смотрѣлъ на Дима.

— Охъ, сказалъ бы я вамъ... сказалъ бы, да вы разскажете мамѣ и дядѣ, а Егора прогонятъ...

— Я не скажу, Егоръ.

— Нѣ-ѣтъ, — мотнулъ головой Егоръ, — вы побожитесь, тогда я повѣрю вамъ, — вы скажите: пусть мнѣ царствія не будетъ Божьяго, если я выдамъ Егора.

Диму и страшно, и хочется узнать, что скажетъ Егоръ, и онъ испуганно говоритъ:

— Пусть мнѣ царствія не будетъ Божьяго, если я выдамъ Егора.

Какія страшныя вещи разсказываетъ Егоръ. Онъ говоритъ, что его дядя не дядя ему, а папа, что у него есть и братья и сестры.

— Вотъ теперь, — кончаетъ Егоръ, — Егоръ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что сказалъ правду, а правда всего дороже на свѣтѣ.

„Да, правда дороже всего на свѣтѣ“, — думаетъ и Димъ и радостно говоритъ:

— Егоръ, вѣдь это хорошо, что дядя — папа, что у меня есть и братья и сестры. Знаешь, я всегда думалъ, что у меня есть братья и сестры... Егоръ, а отчего же дядя не хочетъ сказать мнѣ, что онъ мой папа?

— Да вѣдь какъ же ему это сказать, — развелъ руками Егоръ, — онъ съ вашей мамой не въ законѣ.

— Не въ законѣ? — переспросилъ Димъ.

— То-то не въ законѣ, — ему и нельзя.

Димъ еще подумалъ, вздохнулъ и спросилъ:

— Егоръ, а много у меня братьевъ и сестеръ?

— Два брата да три сестрицы.

— А гдѣ же они живутъ?

— Лѣтомъ вонъ тамъ, версты три отсюда, — и Егоръ показалъ пальцемъ.

— Егоръ, а зачѣмъ же они ко мнѣ не приходятъ?

— Да вѣдь какъ же? Откуда они знаютъ? Имъ, все равно, какъ и вамъ, не говорятъ.

— Отчего же не говорятъ?

— Да какъ же сказать, когда дѣло-то не въ законѣ.

Димъ подумалъ и спросилъ:

— Законъ страшный, Егоръ?

— Да вѣдь законъ, извѣстно, законъ...

Егоръ тяжело вздохнулъ.

— Охо-хо,—сказалъ онъ,—вотъ гдѣ грѣхъ-то.

— Какой грѣхъ, Егоръ?—испуганно спросилъ Димъ.

Егоръ угрюмо сказалъ:

— Не вашъ грѣхъ.

Димъ какъ будто вдругъ все, что̀ имѣлъ, потерялъ и теперь опять находилъ что-то другое, новое, но все это новое было хорошее: отецъ, братья и сестры... И во всемъ этомъ было и что-то неясное, такое неясное, что, какъ ни напрягался Димъ, — онъ никакъ его понять не могъ и не зналъ, какъ и что̀ спросить еще Егора, чтобы все стало ему яснымъ... Какая-то тревога или неудовлетвореніе охватывали Дима, и онъ напряженно вдумывался, стараясь проникнуть въ какой-то полусвѣтъ, окутавшій вдругъ всю его жизнь.

— Егоръ,—сказалъ Димъ,—а нельзя хоть потихоньку посмотрѣть мнѣ на моихъ братиковъ и сестричекъ?

Егоръ сначала не хотѣлъ и слушать, потомъ сталъ отговариваться разстояніемъ, но Димъ такъ просилъ, что Егоръ наконецъ согласился.

Они взяли извозчика и поѣхали. Не доѣзжая до мѣста, они отпустили извозчика и пошли пѣшкомъ.

Какъ сильно билось сердце Дима, когда они съ Егоромъ подкрадывались къ рѣшетчатой оградѣ.

Тамъ за оградой, на лужайкѣ передъ домомъ, играло много дѣтей. Егоръ шопотомъ объяснялъ ему, что это все его родные и двоюродные братья и сестры.

„Это хорошо, — думалъ радостно Димъ, — вотъ сколько у него родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. То-то онъ разскажетъ Наташѣ“.

Какіе они всѣ хорошенькіе и добрые!

Вотъ сидятъ и строятъ что-то изъ песка двѣ дѣвочки и маленькій мальчикъ въ латахъ. А вотъ эти бѣгаютъ и гопл-

ются другъ за другомъ. Два мальчика, какъ онъ, обнялись и ходятъ взадъ и впередъ, не обращая ни на кого вниманія, а къ нимъ все пристаетъ дѣвочка съ задорными, черными глазками, а они говорятъ ей:

— Ну, оставь же насъ, Нина.

— Не оставлю,—говорила Нина,—не говорите секретовъ.

Одна маленькая дѣвочка сидитъ спиной ко всѣмъ и возится съ куклой. Длинные, мягкіе, какъ шелкъ, волосы то и дѣло падаютъ ей на глаза, и то и дѣло она, оставляя куклу, покорно двумя ручонками откидываетъ свои волосы назадъ. Но они опять падаютъ.

Нина отошла отъ мальчиковъ и подсѣла къ маленькой дѣвочкѣ.

— Вотъ умница, Тото, ты любишь куклу?

Тото подняла головку, оправила волосы и, радостно показывая на куклу, сказала счастливымъ голосомъ:

— Пупе...

Она только и знала одно слово: пупе.

— Ахъ, ты, пупе,—сказала Нина и поцѣловала Тото.

— А ты знаешь, Нина, — подходя, озабоченно заговорила дѣвочка немного постарше Тото, — няня говоритъ, что, если мы будемъ хорошо играть съ куколками, онѣ полюбятъ насъ и сдѣлаютъ насъ тоже куколками.

— А ты хочешь быть куколкой?

У дѣвочки загорѣлись глаза, и она счастливо сказала:

— Хо-очу...

— А кто эта большая дама въ шляпѣ, которая вышла изъ дома и идетъ къ дѣтямъ?

Егоръ шепчетъ, что это его, Дима, тетя.

Всѣ дѣти увидѣли тетю и закричали:

— Тетя Маша, тетя Маша...

Тетя Маша, здоровая, веселая, полная, идетъ, и руки у нея заложены назади, но Димъ видитъ, что она прячетъ, — она держитъ въ рукахъ повозочку съ лошадкой и кучеромъ.

— А кто,—весело, громко говоритъ тетя Маша,—изъ васъ рожденникъ сегодня?

Маленькій мальчикъ въ латахъ покраснѣлъ и всталъ.

— Ахъ, это ты, Женя? — сказала тетя Маша: — твое рожденье? Ну, поцѣлуй тетю.

Тетя Маша присѣла къ землѣ, подставила Женѣ свою щеку и, когда Женя поцѣловалъ ее, она спросила:

— А ты тетю Ману любишь?

— Люблю, —сказалъ Женя.

— А ну-ка, покажи—какъ?

Женя обнялъ изо всей силы шею тети Маши.

— А Бозенькѣ ты молишься?—продолжала тетя Маша.

— Молюсь.

— Тетя Маша, тетя Маша,—вмѣшалась Нина, и глаза ея загорѣлись, какъ огоньки:—Женя такъ Богу молится: пошли, Господи, здоровье папѣ, мамѣ, братьямъ, сестрамъ, дядямъ, тетямъ и потомъ всему, что̀ увидитъ, и такъ говоритъ: сапогамъ, которые стоятъ подъ кроватью...

— Ну, ужъ ты,—говоритъ тетя Маша,—всегда все подмѣтишь, не мѣшай намъ...

И, обратившись опять къ Женѣ, тетя Маша спросила:

— А молочко ты пьешь?

— Пью.

— Ну, умница, вотъ же тебѣ...

И тетя Маша дала Женѣ повозочку съ лошадкой и кучеромъ.

— Вотъ я тоже подмѣтила,—говоритъ Нина,—что ты, тетя Маша, всегда подаришь какъ разъ то, что̀ больше всего нравится.

Тетѣ Машѣ было это пріятно, и она разсмѣялась.

Какъ разъ въ это время Димъ увидѣлъ въ одномъ изъ оконъ того, кого онъ привыкъ называть своимъ дядей.

— Дядя!—сказалъ онъ удивленно Егору,—развѣ онъ здѣсь живетъ?

— Такъ вѣдь гдѣ же ему жить?—сказалъ Егоръ.

Что-то точно обожгло Дима, и онъ забылъ и о братьяхъ своихъ, и о сестрахъ, и о большой тетѣ Машѣ, которая вдругъ, увидѣвъ прильнувшее къ оградѣ желтое лицо и большіе, черные глаза мальчика, сказала нарочно громко:

— Зачѣмъ чужія дѣти подходятъ къ оградѣ?

И всѣ дѣти оглянулись и стали смотрѣть на Дима.

Но Димъ ничего не слышалъ и не видѣлъ: сердце его билось такъ, какъ будто кололо и говорило: здѣсь, здѣсь живетъ дядя.

А Егоръ въ это время уже тащилъ его по дорожкѣ, приговаривая испуганно:

— Какъ же это можно такъ дѣлать, а если бы дядя увидѣлъ?

— Егоръ, не такъ скоро... я не могу... сядемъ...

И Димъ сѣлъ, бѣлый, какъ стѣнка, потому что что-то жгло и разрывало ему грудь; его тошнило...

— Ахъ, если бы немножко воды...

„Что̀ говоритъ Егоръ? Да, надо уходить...“

И Димъ, пересиливая себя, озабоченно опять поднялся на ноги, и они торопливо пошли дальше. Испарина выступила

на всемъ его тѣлѣ, непріятная, липкая; желтое лицо его вдругъ осунулось, и подъ глазами сильнѣе обрисовывались темные круги, и глаза казались еще больше. Кололо въ боку, и, согнувшись, Димъ шелъ черезъ силу, прижимая рукой то мѣсто, гдѣ кололо... Точно буря неслась надъ нимъ, и все тонуло въ вихрѣ нескладныхъ мыслей, тяжелыхъ ощущеній. И такъ больно было, точно вдругъ что-то острое, чужое глубоко вошло въ его сердце и осталось тамъ, и замерло сердце въ нестерпимой боли.

Потомъ они сѣли на извозчика и поѣхали. Легче стало Диму, и, чужой себѣ и всѣмъ, онъ сидѣлъ, сгорбившись, рядомъ съ Егоромъ.

А кругомъ въ садахъ такъ радостно щебетали птички, садилось солнце и въ золотой пыли свѣтились деревья, кусты. Вотъ открылась даль, вся въ блескѣ заката съ золотымъ небомъ, тамъ, гдѣ садится солнце, гдѣ какъ будто туманъ горитъ надъ землей. Или то еще тоже земля, невидимая, призрачная, съ невѣдомой въ ней жизнью?

Егоръ говоритъ что-то о смерти. А что̀ значитъ смерть и жизнь послѣ смерти? Можетъ-быть, это значитъ, что послѣ смерти всѣ уходятъ туда, въ ту даль, гдѣ собираются теперь всѣ вмѣстѣ: и земля, и небо, и солнце, гдѣ такъ свѣтло, вонъ въ той точкѣ... Умрутъ всѣ: и онъ, и мама, и папа, и всѣ братья, и сестры, и тети, и всѣ пойдутъ туда.

„Ахъ, хорошо тогда будетъ, — скорѣй бы только умирать всѣмъ“,—думаетъ Димъ.

— Когда я умру, мнѣ можно будетъ бѣгать, Егоръ?

— Можно.

Онъ быстро-быстро тогда побѣжитъ вонъ туда, къ тому свѣтлому.

— Охъ, Боже мой, Боже мой,—говоритъ, подъѣзжая къ дому, Егоръ:—лица на васъ нѣтъ... и что̀ только будетъ, что̀ только будетъ!

— Ничего не будетъ, Егоръ,—отвѣчаетъ Димъ:—я скажу, что мнѣ сдѣлалось дурно—вотъ и все, и мы взяли извозчика.

Но напрасно волновался Егоръ: мать Дима не пріѣзжала еще, такъ и спать легъ Димъ, не дождавшись ея. Въ первый разъ онъ былъ радъ этому. Онъ такъ усталъ, что, какъ легъ, такъ и заснулъ. Онъ крѣпко и хорошо спалъ всю ночь и утромъ, проснувшись, лежалъ въ своей кроваткѣ свѣжій и бодрый, ни о чемъ не думая.

Но, когда къ нему вошла мама, онъ вдругъ сразу все вспомнилъ, что̀ было вчера, и ему стало такъ непріятно и неловко, что онъ закрылъ глаза.

— Ты спишь, Димъ?

Сердце Дима стучало, въ ушахъ шумѣло, и онъ никакъ не могъ отвѣтить: ему не хотѣлось отвѣчать. Ему было на кого-то за что-то обидно, хотѣлось жаловаться, упрекать въ чемъ-то. Хотѣлось разсказать все вчерашнее, но онъ такъ страшно поклялся Егору.

Онъ сдѣлалъ усиліе и открылъ глаза.

— Какіе у тебя сегодня мутные глаза, — сказала мама, наклоняясь и цѣлуя его.

И онъ поцѣловалъ маму, но ему показалось, что онъ цѣлуетъ не маму, а кого-то другого. Онъ быстро отвелъ глаза и тихо спросилъ:

— Гдѣ Егоръ?

— Егоръ въ саду.

Значитъ, Егора не прогнали. Димъ облегченно вздохнулъ. Онъ вспомнилъ, что вчера цѣлый день не видалъ маму, и хотѣлъ-было спросить ее, гдѣ она была, но подумалъ, что мама теперь не скажетъ уже ему правду. И онъ не можетъ мамѣ правду сказать. И такъ скучно и пусто стало на душѣ у Дима, и онъ опять вздохнулъ и подумалъ: „Ахъ, скорѣе бы уже всѣ умирали“. А мама все смотритъ на него, наклонившись къ нему, и грустно говоритъ:

— Бѣдный мой мальчикъ, можетъ, ты сердишься на свою маму за то, что она тебя вчера на цѣлый день бросила?

Въ отвѣтъ Димъ порывисто обнялъ ее за шею и, прижимаясь, сразу смочилъ ей все лицо своими слезами.

— Милый мой, милый мой, дорогой...

И мама горячо, испуганно цѣловала лицо Дима, ручки его и грудь.

Слезы облегчили Дима, онъ опять смотрѣлъ на маму и улыбался ей сквозь слезы. И все, что было вчера, показалось вдругъ Диму такимъ далекимъ. „Только ничего не надо говорить мамѣ“, — подумалъ онъ.

Онъ озабоченно одѣлся, напился молока и вышелъ на балконъ.

Вонъ Егоръ копаетъ грядку. Егоръ угрюмый, озабоченный копаетъ и ни на кого не смотритъ. Позвать его? Нѣтъ.

Мама сѣла играть. Ахъ, скорѣе бы приходила Наташа. Только онъ и ее заставитъ поклясться, что она не скажетъ ничего ни его мамѣ ни дядѣ.

А вотъ и Наташа. Она подошла близко-близко къ Диму и, кивая у него подъ самымъ носомъ головой, сказала:

— Ну, здравствуй, здравствуй!

Потомъ она сѣла и заговорила:

— Дядя Коля пріѣхалъ... Я плакала, а онъ мнѣ сказочку разсказалъ. Я тебѣ разскажу ее. Есть такой дворецъ—знаешь? И садъ, и ангелы — и тамъ дѣти. А когда дѣти плачутъ — знаешь — ангелы собираютъ ихъ слезы въ такія маленькія чашечки,—вотъ такія, и потомъ поливаютъ цвѣточки въ саду: хорошенькіе цвѣточки, нигдѣ такихъ нѣту... А тѣ слезы, которыя не попадаютъ къ ангелу въ чашечку, тѣ падаютъ — на полъ падаютъ,—вотъ такъ,—и дѣлаются жемчугами... Понимаешь? Ангелы собираютъ этотъ жемчугъ и строятъ изъ него дѣтямъ дворецъ.

Наташа наклонилась къ самому уху Дима и, кивая головой, грубо сказала:

— А у мамы моей много, много жемчуга... Хорошая сказочка?

— Очень хорошая! — сказалъ Димъ.

— А гдѣ этотъ дворецъ? — спросила Наташа.

Димъ вдругъ вспомнилъ то свѣтлое, что̀ видѣлъ онъ тамъ, гдѣ садится солнце, и сказалъ:

— А я знаю, гдѣ онъ, — я его вчера даже видѣлъ: тамъ, гдѣ солнце, небо и земля сходятся вмѣстѣ, и тамъ все прозрачное, — я вчера его видѣлъ. Его можно видѣть каждый день, когда садится солнце... Но слушай, Наташа, это послѣ, а теперь я тебѣ что-то скажу, но только побожись, что ты не скажешь моей мамѣ и моему дядѣ.

И Димъ такъ строго уставился въ Наташу, что даже скосилъ глаза.

— Только я не хочу, если страшное,—сказала Наташа:— я не люблю страшнаго,—я потомъ ночью всегда кричу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не страшное...

И Димъ, понижая голосъ, сказалъ:

— Ты знаешь: у меня есть братики и сестрички.

— Родные или двоюродные?

— Родные! И родные и двоюродные.

Наташа подумала и строго сказала:

— Ты, значитъ, меня обманывалъ?

— Нѣтъ, я и самъ не зналъ,—мнѣ Егоръ вчера сказалъ; и знаешь, мой дядя не дядя, а папа мой... И знаешь? Я даже видѣлъ вчера всѣхъ братиковъ и сестричекъ... Мы потихоньку съ Егоромъ подошли и все видѣли черезъ ограду...

Димъ хотѣлъ-было разсказать Наташѣ, какъ онъ и папу увидѣлъ въ окнѣ, но ему стало такъ непріятно, что онъ ничего не сказалъ.

Наташа пригрозила Диму пальчикомъ и сказала:

— Ну, смотри... А ты кого больше любишь: меня или братиковъ и сестричекъ?

Димъ смутился.

— Наташа,—сказалъ онъ,—я тебѣ правду скажу: одинаково.

— А я такъ не хочу,— сказала Наташа.—Ты меня люби больше, а если не будешь любить, я не буду къ тебѣ ходить... Не буду, не буду, никогда не буду...

Наташа говорила и уже уходила, пятясь задомъ къ лѣстницѣ.

— Ну, Наташа... Ну, хорошо, слушай: они мои братики и сестрички, а ты будешь... моей женой...

Наташа быстро подошла къ Диму и сказала:

— Знаешь, мы ихъ всѣхъ возьмемъ и пойдемъ въ тотъ дворецъ...

— Только, Наташа, въ тотъ дворецъ можно попасть послѣ смерти...

Наташа подумала сперва, а потомъ нѣсколько разъ ласково хлопнула его по головѣ, приговаривая:

— Неправда... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ...

И она убѣжала, а Димъ кричалъ ей:

— Скорѣй приходи!

IV.

Наташа ничего не сказала Диминымъ мамѣ и дядѣ, но она сказала своей мамѣ.

— И больше ты къ Диму не ходи,—сказала ей ея мама.

Но Наташа продолжала ходить къ Диму.

— Если ты не будешь меня слушаться и будешь продолжать ходить къ Диму, я тебя высѣку,—сказала опять Наташина мама.

Наташа пошла къ Диму, принесла куклу и сказала:

— Ты будешь папа, а я мама, и это наша дочка: она непослушная, и теперь надо ее высѣчь.

Наташа сѣла на стулъ, положила себѣ на колѣни куклу, подняла ей платьице и стала бить ее, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ... А теперь мы ее поставимъ на колѣни и лицомъ въ уголъ.

Наташа торопливо слѣзла со стула и понесла куклу въ уголъ балкона.

— Нѣтъ,— сказала она,— здѣсь она будетъ видѣть садъ: надо, чтобы она ничего не видѣла.

Наташа отнесла куклу въ уголъ, гдѣ балконъ примыкалъ къ дому, и, поставивъ ее лицомъ къ стѣнѣ, сказала:

— У, противная!..

Потомъ Наташа возвратилась къ Диму и, сѣвъ на стулъ, проговорила:

— Мнѣ ни капельки ея не жалко, и мы не будемъ даже на нее смотрѣть, и пусть наша дочка цѣлый день такъ стоитъ на колѣняхъ, потому что мнѣ ни капельки не жалко ея: она гадкая... гадкая... и ты гадкій, гадкій, гадкій, и я никого не люблю...

И Наташа вдругъ заплакала.

Она плакала, а Димъ испуганно говорилъ ей:

— Наташа, милая, не плачь... Я никогда не буду тебя обижать, и куколка больше не будетъ... И я и она, мы очень тебя любимъ... Не плачь же, Наташа.

И Димъ, нагнувшись къ Наташѣ, спросилъ:

— Можно тебя поцѣловать?

— Нѣтъ, — сказала Наташа, продолжая плакать, — меня нельзя цѣловать,—никто не можетъ меня цѣловать, только папа и мама могутъ меня цѣловать, потому что всѣ другіе—больные, и я тоже сдѣлаюсь тогда больная... Поцѣлуй меня въ лобикъ.

Димъ поцѣловалъ ее, но Наташа все продолжала плакать.

— Отчего же ты еще плачешь?

— Потому что мама меня высѣчетъ, потому что я гадкая... я очень гадкая...

И Наташа, плача, слѣзла со стула и ушла, а Димъ съ ужасомъ думалъ: неужели высѣкутъ Наташу?! О, какъ стыдно, нехорошо и больно, когда сѣкутъ такую маленькую дѣвочку.

Когда Наташа пришла домой, мама спросила ее:

— Ты опять была у Дима?

— Была,—сказала Наташа.

— Что я сказала, что я сдѣлаю съ тобой, если ты пойдешь къ Диму?

— Ты высѣчешь меня,—сказала Наташа.

— За что я тебя высѣку?—спросила ея мама.

— За то, что я нехорошая дѣвочка: я не слушаюсь.

Мама встала, взяла за руку Наташу и сказала:

— А теперь, когда ты знаешь, пойдемъ, и я тебя высѣку, и сегодня я высѣку тебя линейкой.

— Мнѣ будетъ очень больно?—спросила Наташа.

— О, да, очень больно.

Когда онѣ подошли къ той комнатѣ, гдѣ мама сѣкла Наташу, Наташа вдругъ вырвала свою руку и быстро пошла прочь, но мама догнала ее и повела назадъ.

Лицо Наташи надулось, сдѣлалось испуганнымъ, и она закричала:

— Я не хочу!

— Теперь поздно,—крикнула Наташина мама и изо всей силы дернула Наташу за собой.

Мама высѣкла Наташу.

Наташа пошла въ дѣтскую и написала на бумажкѣ:

„Меня высѣкла мама за то, что я хожу къ тебѣ, потому что я гадкая, и я не буду больше къ тебѣ ходить, а на елку я умру, и мы будемъ жить въ нашемъ дворцѣ, и я напишу тебѣ стихи".

Наташа взяла свое письмо и пошла къ Диму.

У Дима захватило дыханіе, когда онъ увидѣлъ Наташу,—Наташа была такая печальная и, когда подошла къ Диму, она протянула ему письмо и сказала:

— Вотъ тебѣ письмо,—я теперь пойду, и ты не читай: ты читай, когда я уйду. Я скоро умру...

Изъ глазъ Наташи потекли слезы; она медленно пошла назадъ и, вытирая слезы, оглядывалась на Дима: читаетъ ли онъ ея письмо? Но Димъ не читалъ и все только смотрѣлъ на нее большими, удивленными глазами.

Въ послѣдній разъ Наташа остановилась и долго, грустно глядѣла на Дима. Потомъ она ушла, и только свѣтлое ея платьице мелькало между деревьями. Потомъ ужъ и платья не было больше видно, а Димъ все сидѣлъ съ письмомъ Наташи въ рукахъ.

Онъ прочелъ это письмо и долго плакалъ.

И всю ночь ему снилась Наташа,—гдѣ-то онъ съ ней въ темныхъ проходахъ, все хочетъ спрятать ее такъ, чтобъ не нашли ея и не высѣкли.

А потомъ онъ куда-то такъ спряталъ ее, что и самъ уже не могъ найти ее, и онъ все искалъ, и такъ темно и страшно было ему.

Утромъ онъ проснулся желтый, горячій и сейчасъ же вспомнилъ весь свой сонъ, и такъ мучительно билось въ груди его сердце.

V.

Все пошло опять своимъ чередомъ, только Наташа не приходила больше, и Димъ совершенно уже одинъ сидѣлъ на своемъ балконѣ и думалъ о своихъ братьяхъ и сестрахъ, о Наташѣ, думалъ о томъ, отчего никому нельзя съ нимъ играть.

Дядя еще рѣже сталъ ѣздить: Димъ знаетъ, гдѣ дядя проводитъ свое время.

Иногда ему такъ хочется все сказать дядѣ. Но Димъ молчитъ и только, сдвинувъ брови, исподлобья смотритъ и смотритъ на дядю...

Опять дуетъ вѣтеръ, опять бѣгутъ облака по небу и качаются деревья.

Сидитъ ворона на вершинѣ дерева и качается съ нимъ. Вѣтеръ нагнулъ вѣтку, на которой сидитъ ворона, — ворона замахала крыльями и слетѣла на балконъ. Потомъ она, переваливаясь, смѣло пошла прямо къ Диму, остановилась, посмотрѣла на него и клюнула его за сапогъ. Такъ осторожно клюнула и улетѣла.

Димъ все чувствовалъ то мѣсто, куда его клюнула ворона, и такъ пріятно было ему. Можетъ-быть, онъ понравился воронѣ, и она хотѣла его поласкать. Можетъ-быть, ворона опять прилетитъ? И Димъ сидѣлъ и ждалъ ворону. Но ворона не прилетала.

Вотъ и лѣто прошло. Димъ не сидѣлъ больше на балконѣ; укутанный, онъ ходилъ по запущеннымъ дорожкамъ сада и смотрѣлъ на балконъ, усыпанный желтыми листьями.

Много желтыхъ листьевъ и на балконѣ, и на дорожкахъ, и на деревьяхъ—желто-золотисто-прозрачные тамъ вверху, въ яркой синевѣ осенняго неба.

Пустой балконъ, пустой садъ, и нѣтъ больше Наташи, а все кажется, вотъ-вотъ мелькнуло ея платьице, и выйдетъ вдругъ она изъ-за деревьевъ, какъ прежде, бывало, выходила, и скажетъ:

— Ты искалъ меня, и я пришла... А можетъ-быть, ты уже не хочешь? Ты скажи, и я уйду.

И Наташа внимательно, строго посмотритъ на Дима, а потомъ сядетъ и начнетъ разсказывать ему, какъ прежде.

Нѣтъ Наташи, нѣтъ вороны, — можетъ-быть, ворона еще прилетитъ, можетъ-быть, сейчасъ прилетитъ и сядетъ, и начнетъ ходить передъ Димомъ.

И вдругъ нашлась ворона. Она лежала мертвая на землѣ подъ деревомъ.

Димъ смотрѣлъ на мертвую ворону своими большими глазами, и такъ жаль ему было вороны. Навѣрно, ворона любила его, но ей тоже не позволяли играть съ нимъ, и она скучала и умерла.

Пошли дожди, всѣ листья упали на землю, и когда-то такіе красивые, нѣжно-золотистые, теперь грязные и мокрые, они уже гнили на землѣ.

Черезъ потное стекло окна Димъ смотрѣлъ на нихъ изъ своей комнаты. Иногда подъ вечеръ прорывалось сквозь тучи солнце и красными лучами освѣщало садъ, далекія дачи, и такъ ярко горѣли ихъ окна, какъ будто въ нихъ еще жили, какъ лѣтомъ.

Пришла зима, и снѣгъ упалъ.

Димъ не могъ больше ходить: онъ лежалъ въ своей кроваткѣ и думалъ.

О чемъ?

Его пальчики озабоченно перебирали край одѣяла, большіе, черные глаза смотрѣли передъ собой.

Онъ думалъ о своихъ братьяхъ и сестрахъ, о Наташѣ. Всѣ они теперь далеко въ городѣ играютъ веселые и счастливые. Когда-нибудь и онъ будетъ съ ними, и всѣ вмѣстѣ они будутъ въ томъ дворцѣ, гдѣ небо, и солнце, и земля сходятся.

Какъ обрадуется онъ имъ, когда опять увидитъ ихъ. Они возьмутъ его за руки, и они пойдутъ въ тотъ садъ, гдѣ ангелы поливаютъ прекрасные цвѣты дѣтскими слезами.

И Димъ лежалъ въ кроваткѣ, оттопыривъ губки, и кивалъ своей больной головкой.

О, какъ онъ любилъ своихъ братьевъ и сестеръ. Какъ будетъ весело тогда, и онъ скажетъ тогда дядѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не обманывай,—я уже узналъ, что ты мой папа. Ты, вѣрно, думалъ, что я не буду тебя любить.

И онъ бросится къ отцу на шею и станетъ такъ радостно, какъ прежде, цѣловать его.

Какъ жаль, что окна комнатки его выходятъ на востокъ и онъ не можетъ видѣть, какъ садится солнце, не можетъ видѣть своего дворца.

А можетъ-быть, дворецъ виденъ и при восходѣ солнца?

И на зарѣ иногда, потому что онъ плохо спалъ, онъ поднималъ штору и смотрѣлъ въ окно, какъ въ розовой дымкѣ разсвѣта тамъ далеко-далеко въ нѣжно-аломъ небѣ загорался день.

Показывалось солнце, загорались первые лучи, счастливые, радостные прилетали воробьи къ его окну и чирикали ему что-то веселое.

Кажется, немного виденъ дворецъ, но онъ не могъ долго смотрѣть въ окно, и, усталый, онъ опускалъ штору и опять ложился и думалъ. Только непремѣнно надо, чтобъ братики и сестрички хоть разъ увидали его, чтобъ могли потомъ узнать въ томъ дворцѣ Дима. Разъ Егоръ пришелъ и обѣщалъ, что на сочельникъ привезетъ къ нему братьевъ и сестрицъ. Когда бы скорѣе приходилъ сочельникъ!

VI.

Раннія сумерки спускались на землю.

Егоръ былъ выпивши и, набирая дровъ для печки Диминой комнаты, говорилъ на кухнѣ:

— Развѣ это люди? Я сегодня прихожу къ этой толстой—выбѣжали дѣтки. Я говорю имъ: „А братикъ вашъ Димъ умираетъ: попросите маму, чтобъ ради праздничка отпустила васъ къ нему“. А она какъ выскочитъ: „И какъ ты смѣешь?.. И пошелъ вонъ. Нѣтъ и нѣтъ,—кричитъ,—дѣтки, у васъ никакого братика“. — „Какъ нѣтъ? говорю: грѣхъ, говорю, и чужую вещь украсть да спрятать, а вы душу дѣтскую крадете да прячете, — Богъ душу жить послалъ, славить Его имя велѣлъ, а вы нѣтъ...“

— Такъ и сказалъ? — пасмѣшливо сплюнулъ дворникъ съ большой бородой.

— А мнѣ что? На тебѣ. У тебя, можетъ, нѣтъ. Не надо тебѣ, — назадъ возьметъ Свою душу Господь, а не пропадетъ же у Бога она... И не пошелъ къ другимъ... Что они? Въ церковь придутъ, на всю церковь кресты кладутъ, поклоны бьютъ, а черному поклоняются они.

— Ладно, ладно, будетъ,—дрова неси,—простынутъ.

— Понесу,—отвѣтилъ Егоръ.

И Егоръ понесъ дрова въ комнату Дима.

— Егоръ, ты говорилъ,—спросилъ его Димъ,—что на сочельникъ ко мнѣ придутъ братики и сестрички? А когда будетъ сочельникъ?

Угрюмо говорилъ Егоръ:

— Сегодня сочельникъ.

— Сегодня? Отчего же нѣтъ елки и никто не пріѣхалъ?

Егоръ машетъ рукой: никто не пріѣдетъ, и елки не будетъ.

— Потому что умрешь ты, мой голубчикъ, умрешь...—говоритъ и плачетъ Егоръ.

— Егоръ, страшно умирать? — глухимъ голосомъ спрашиваетъ Димъ.

— Нѣтъ,—говоритъ Егоръ,—я знаю такую молитву, что ни одинъ черный не тронетъ, и свѣтлые ангелы возьмутъ душу и унесутъ ее въ рай..

„Въ нашъ дворецъ,—думаетъ Димъ.—Только бы не былъ Егоръ пьянъ и не забылъ читать молитву, когда я буду умирать“.

— Не умирать страшно,—говоритъ опять Егоръ,—мертвымъ хорошо, а вотъ жить какъ? Люди собакъ злѣе.

— Отчего злѣе, Егоръ?

— Да какъ не злѣе? Собака маленькаго щенка никогда не тронетъ, а его, Дима, свои же кровные гонятъ и знать не хотятъ.

— Какіе кровные, Егоръ?

— Какіе? Тетки да дядьки...

Чьи-то шаги, и Егоръ испуганно говоритъ:

— Тише, идутъ!

— Тише!

Сжалъ губки Димъ, и напряженно-строго смотритъ его большіе глаза. Что-то движется словно или несется надъ нимъ и заволакиваетъ его, или самъ онъ уходитъ, и издалека теперь уже доносятся къ нему голоса. Вотъ дяди голосъ.

Дядя говоритъ Егору:

— Ты пьянъ?

— Я пьянъ,—отвѣчаетъ Егоръ.

— Пошелъ вонъ,—говоритъ дядя, и лицо дяди наклоняется и смотритъ на Дима: большое лицо, и каждый волосъ такъ ясно видно.

Зачѣмъ выгоняютъ Егора? Нѣтъ, нѣтъ, онъ не выдастъ Егора. Онъ только скажетъ, и Димъ уже говоритъ, и такъ страшно ему: развѣ это его голосъ? Это разбитый, чужой голосъ, который говоритъ:

— Папа, когда я умру, пусть придутъ посмотрѣть на меня мои братики и сестрички, а то не узнаютъ меня они тамъ во дворцѣ...

Плотно опять сжались запекшіяся губки Дима, желтый лобъ какъ будто больше сталъ, и смотрятъ неподвижно большіе, черные глаза.

И кажется Диму, идетъ онъ по темной улицѣ и крѣпко держитъ за руку Егора. И много еще дѣтей идутъ, и говоритъ ему Егоръ: „Все это твои братья и сестры идутъ. А вонъ тамъ, гдѣ свѣтъ, тамъ и есть твой дворецъ“. Какой прекрасный, свѣтлый дворецъ изъ жемчуга! Какъ горитъ онъ весь въ огняхъ, какъ ярко сверкаютъ свѣтлыя залы его! Ихъ поддерживаетъ множество колоннъ, и по ту сторону колоннъ, сколько видятъ глаза, прозрачная, свѣтлая даль садовъ и полей. Нѣжная музыка играетъ гдѣ-то, множество дѣтей въ свѣтлыхъ платьяхъ ждутъ и уже протягиваютъ руки Диму. О, какъ хорошо ему, какъ онъ счастливъ теперь...

А надъ его кроваткой стоятъ и плачутъ: думаютъ, что Димъ умеръ. Они ничего не знаютъ о дѣтскомъ дворцѣ, чудномъ дѣтскомъ дворцѣ изъ жемчуга, куда уйдутъ всѣ дѣти, надъ входомъ котораго огнемъ любви горитъ:

„Отведите отъ себя ложь, и правда свѣтлая, чистая, источникъ вашей силы, приведетъ васъ сюда“.

И ниже:

„Но не войдутъ и не прикоснутся къ чистымъ душамъ дѣтей дыханія лживыхъ и злобствующихъ, лицемѣровъ и суетныхъ, палачей, буквой ученія калѣчащія и убивающія души живыя“.

1899.

ИСПОВѢДЬ ОТЦА.

Изъ міра дѣтей.

Посвящается О. А. Боратынской.

Я, слава Богу, въ своей практикѣ никогда не прибѣгалъ къ розгѣ. Но, признаюсь, ставъ отцомъ довольно-таки капризнаго своего перваго сына, Коки, я пришелъ втупикъ, что̀ мнѣ предпринять съ нимъ.

Представьте себѣ сперва грудного, затѣмъ двух- и трехлѣтняго тяжелаго мальчика съ большой головой, брюнета, съ черными глазками, которыми онъ въ упоръ исподлобья внимательно смотритъ на васъ. Это напряженный, раздраженный, даже, можетъ-быть, злой или упрямо-капризный взглядъ. Это вызовъ, взглядъ, какъ бы говорящій: „А вотъ ничего же ты со мной не подѣлаешь!“

И, дѣйствительно, подѣлать съ ребенкомъ ничего нельзя было: если онъ начиналъ капризничать, то вы могли терпѣть, могли раздражаться, упрекать няньку, свою жену за то, что онѣ распустили ребенка такъ, что хоть бѣги изъ дому; могли, дѣйствительно, убѣгать и, проносясь мимо оконъ дѣтской, уже съ улицы видѣть все тотъ же упрямый, но съ какимъ-то напряженнымъ интересомъ провожающій васъ взглядъ, — лицо все съ тѣмъ же открытымъ ртомъ, изъ котораго въ это мгновеніе несется все тотъ же надрывающій душу вой. Хотя вы теперь его, этого воя, уже не слышите, но вся фигура ребенка говоритъ объ этомъ всѣмъ вашимъ издерганнымъ нервамъ.

Конечно, прогулка васъ успокоитъ. Къ вамъ подведутъ вашего утихшаго наконецъ сына съ тѣмъ, чтобы вы оказали ему какую-нибудь ласку. И, гладя, можетъ-быть, сперва и насилуя себя, его по головкѣ, вы думаете, смотря въ это желто-зеленое напряженное лицо и черные глаза: „Можетъ-быть, и дѣйствительно первы“.

А если мальчикъ въ духѣ и глаза его искрятся тихо, удовлетворенно, и если тогда онъ вдругъ подойдетъ къ вамъ и, довѣрчиво приложивъ головку къ вашему рукаву, спроситъ, довольный и ласковый: „А такъ можешь?“, и покажетъ вамъ какой-нибудь несложный жестъ своей маленькой ручкой,— вамъ и совсѣмъ жаль его станетъ, и вы почувствуете, что и онъ васъ и вы его очень и очень любите.

Но опять и опять эти вопли!.. Все та же однообразная, безконечная нота!..

— Милый Кока, скажи, у тебя болитъ что-нибудь?

— Ты чего-нибудь хочешь?

— Вотъ ты плачешь, а папѣ жалко тебя и такъ жалко, что папа заболѣетъ, умретъ, если ты не перестанешь...

— Ты, значитъ, совсѣмъ не любишь папу?

Вой сразу поднимается на нѣсколько нотъ выше.

— Ну, такъ перестань...

Въ отвѣтъ успокоенная прежняя ровная нота.

Няня держитъ ребенка, растерянно гладитъ складки его рубашки, смотритъ внизъ; жена, сама не своя, зайдетъ то съ одной стороны, то съ другой.

— Дай мнѣ ребенка!

— Да, баринъ...

— Глупая женщина! Я отецъ этого ребенка, люблю его больше, чѣмъ вы, и знаю, что дѣлаю.

Слова эти для жены. И, разъ такъ поставленъ вопросъ, рѣчь уже не о капризѣ Коки, а кабинетный, своего рода, вопросъ о довѣріи.

Я съ ребенкомъ одинъ въ столовой. Весь ея, жены, протестъ въ томъ, что она не идетъ за мной: какъ бы слагаетъ отвѣтственность на одного меня. О, я не боюсь отвѣтственности!

— Перестань!

Мой голосъ спокойный, ласковый даже, но рѣшительный. Я не унижусь, конечно, до нѣсколькихъ энергичныхъ шлепковъ: я только прижалъ къ груди малютку, можетъ-быть, немного сильнѣе обыкновеннаго, и быстро, очень быстро и очень рѣшительно шагаю съ нимъ по комнатѣ. О, радость: средство дѣйствуетъ! Ребенокъ ошеломленъ и стихаетъ. Я, конечно, насторожѣ и голосомъ спокойнымъ, какъ будто все такъ и должно быть, говорю:

— Хочешь, я дамъ тебѣ эту куклу?

И я передаю ему съ этажерки фарфоровую игрушку. Онъ беретъ игрушку и спрашиваетъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— А зачѣмъ она не идетъ?

Я такимъ же топомъ отвѣчаю:

— Потому что она глупенькая...

Нашъ разговоръ продолжается, и я продолжаю его и тогда, когда входятъ повеселѣвшія смущенныя воспитательницы. Мой авторитетъ установленъ настолько, что разъ, проходя, слышу нянинъ голосъ:

— А я папу позову!

— Няня, я вовсе не желаю быть пугаломъ своихъ дѣтей: я запрещаю вамъ стращать ребенка моимъ именемъ...

Но разъ сталъ на почву авторитета...

Я уже бѣгалъ съ сыномъ по комнатѣ и прижималъ изо всѣхъ силъ его; но это больше, увы, не помогало: онъ еще громче кричалъ.

Однажды, потерявъ терпѣніе, я вдругъ внесъ его въ переднюю, поставилъ тамъ на ноги и, сказавъ: „кричи“, быстро заперъ за собой дверь, оставивъ его одного.

Опять побѣда,—онъ боялся одиночества.

Затѣмъ и это средство перестало дѣйствовать. Слѣдующее средство былъ уголъ.

Идя дальше и дальше по пути отцовскаго авторитета, однажды... ну, однимъ словомъ, я далъ волю рукамъ... далъ ему нѣсколько шлепковъ.

И онъ опять покорился сразу, вдругъ, но уже не разговаривалъ со мной, а, озабоченный, торопился уйти отъ меня. Я слышалъ, какъ онъ, войдя въ дѣтскую, сказалъ возбужденно, почти весело нянѣ:

— Няня, пойдемъ...

— Куда, милый?

— Уйдемъ и возьмемъ братика.

У насъ только-что родился тогда второй сынъ—Гаря.

— Куда?

— Я возьму братика, и мы уйдемъ отъ папы.

Онъ говорилъ возбужденно, съ удовольствіемъ, по своему обыкновенію смакуя, точно въ это время ротъ его набитъ былъ чѣмъ-то сладкимъ и вкуснымъ.

Я никогда не забуду этой подслушанной сцены. Этотъ порывъ уйти отъ меня, этотъ безсильный протестъ малютки, сознаніе въ немъ неравенства борьбы со мной, великаномъ... Мнѣ стало совѣстно, жаль его первой надорванной вѣры въ свои силы. Мнѣ захотѣлось вдругъ быть не отцомъ его, а другомъ, который могъ бы только любить, не неся отвѣтственности за его воспитаніе. Но эта отвѣтственность...

Дальнѣйшимъ, впрочемъ, моимъ воспитательнымъ опытамъ положила конецъ сама судьба.

Пріѣхалъ къ намъ сверстникъ Коки, мой племянникъ, Володя, и заболѣлъ корью.

Заболѣваніе было легкое, и докторъ посовѣтовалъ въ виду неизбѣжности для всякаго такой болѣзни, какъ корь, заразить и сына.

Въ одно веселое утро, когда мальчикъ сидѣлъ въ столовой на полу, мы съ женой пришли, чтобы вести его въ комнату больного.

— Кокочка, хочешь видѣть Володю?

Володя лежалъ теперь въ противоположной сторонѣ дома, одинъ въ большой комнатѣ.

Кока полюбилъ своего худенькаго вертлявого двоюроднаго брата Володю и съ его пріѣздомъ перемѣнился до неузнаваемости: почти пересталъ капризничать, смотрѣлъ влюбленными глазами на Володю и даже рычалъ отъ удовольствія.

Нелюдимка, угрюмый, онъ теперь по цѣлымъ часамъ говорилъ что-то Володѣ, тяжело ворочая языкомъ, смотря на Володю своими сверкавшими радостью глазами.

А когда капризы его все-таки настигали, Володя трогательно-нѣжно ухаживалъ за нимъ и все стоялъ около него, терпѣливый, и съ болью и лаской смотрѣлъ ему въ глазки. И Кока смотрѣлъ на него пытливо, любяще, продолжая выть и выть, и все растиралъ слезы, мѣшавшія ему смотрѣть на своего Володю.

И вдругъ этотъ Володя заболѣлъ. Кока только и спрашивалъ о Володѣ.

Когда жена спросила его, хочетъ ли онъ итти къ Володѣ, лицо его расцвѣло, — онъ что-то держалъ въ рукахъ и бросилъ, легко всталъ и сразу протянулъ обѣ ручки мнѣ и женѣ.

Мы такъ и повели его, и, Боже мой, какое безконечное счастье было на его лицѣ! И всѣ трое мы шли такіе веселые, счастливые, и если бы намъ сказали тогда, что мы ведемъ этого малютку съ большимъ любящимъ сердцемъ на смерть...

Это было такъ. У Володи корь прошла легко, а у Коки осложнилась, — развилась бугорчатка легкихъ, бугорчатка перешла на желудокъ, на мозгъ, и въ три мѣсяца нашъ Кока сгорѣлъ.

За нѣсколько минутъ до смерти онъ пожелалъ, чтобы его поднесли къ окну.

Мы жили тогда для него на дачѣ у моря. Тихій, спокойный догоралъ день, золотилось море. Послѣдній вѣтерокъ едва шевелилъ деревья, и они, словно вздыхая отъ избытка счастья, еще сильнѣе подчеркивали красоту земли и моря. Надъ окномъ пѣла какая-то птичка, точно прощаясь, выкрикивая нѣжно-нѣжно какую-то чудную ласку.

Кокѣ было почти три года, но онъ такъ выросъ за время болѣзни, точно ему было вдвое. Онъ такъ сознательно, такъ грустно смотрѣлъ своими черными глазками, положивъ головку на мое плечо. Онъ тихо, какъ птичка, если можно это назвать пѣніемъ, запѣлъ:

Папа хорошій,
Мама хорошая,
Я хорошій,
И птичка хо...

Онъ не кончилъ своей пѣсенки: онъ такъ и уснулъ у меня на плечѣ своимъ вѣчнымъ сномъ, тихій, задумчивый, среди огней догорающаго дня, вспыхнувшаго моря, вечернихъ ароматовъ сада... Птичка смолкла и, вспорхнувъ. утонула въ небѣ...

Мы стояли неподвижные, осиротѣлые, я съ дорогой ношей на плечахъ, съ ужаснымъ сознаніемъ непоправимости.

Кому нужно теперь мое убѣжденіе, что ему же на пользу я дѣйствовалъ? И гдѣ эта польза?!

Этотъ крошка приходилъ сюда, на землю, чтобы спѣть свою маленькую, очень коротенькую пѣсенку любви. Ты могъ этому пѣвцу дать все счастье, — оно отъ тебя зависѣло. Ты далъ ему?

Ты отнялъ у него это счастье. За отнятое счастье мстятъ... Чѣмъ онъ отомстилъ тебѣ? Онъ пѣлъ, онъ умеръ съ пѣсней любви къ тебѣ — онъ, маленькій страдалецъ, который спитъ теперь вѣчнымъ сномъ на твоемъ плечѣ!

А помнишь, какъ онъ судорожно, весь напряженный, торопливо собирался тогда съ няней и братикомъ уйти отъ тебя, какъ говорилъ онъ возбужденно:

— Уйдемъ и возьмемъ братика у папы...

Онъ никуда не ушелъ, онъ здѣсь, у тебя на плечѣ...

О, какими пророческими словами были его слова относительно брата его, Гари! Когда Гаря плакалъ такъ же, бывало, какъ тотъ, котораго уже не было больше съ нами, я не Гарю слышалъ, — я слышалъ того, по комъ болѣло такъ сердце. Слышать его опять въ своемъ домѣ, слышать и казниться, слышать и искупать свою вину — не было большаго для меня удовлетворенія.

Гаря могъ плакать, — и онъ плакалъ, видѣлъ Богъ какъ, и видѣлъ Богъ, какъ не раздражались больше мои нервы. О, я научился владѣть ими. Они не смѣли раздражаться больше. И когда я подходилъ къ нему, у меня не было больше мысли о авторитетѣ, а только страдалъ и любилъ, какъ любилъ

Коку его двоюродный братъ, терпѣливый Володя. Онъ, Гаря, могъ смотрѣть на меня съ бѣшенствомъ, съ раздраженіемъ. Но онъ не смотрѣлъ такъ: онъ смотрѣлъ такъ, какъ Кока когда-то смотрѣлъ на Володю, растирая слезы, чтобы видѣть меня, и выль и выль мнѣ тоскливую пѣсню своего больного тѣла, своихъ больныхъ нервовъ.

Нѣтъ, ни съ кѣмъ маленькому Гарѣ не плакалось такъ легко, какъ со мной, сидя въ креслѣ, у меня на колѣняхъ, и смотря мнѣ въ глаза.

Теперь моему мальчугану уже пять лѣтъ.

Онъ уже выплакалъ всѣ свои слезы и сталъ такимъ веселымъ, какъ и всѣ дѣти.

Здоровье его съ каждымъ днемъ улучшается; голова у него большая, да онъ и самъ бутузъ, сбитый и твердый.

И его звонкій, басомъ, смѣхъ разносится по комнатамъ, и хотя слышится въ немъ еще какая-то больная нотка, но Гаря знаетъ, что никто не коснется грубой, неумѣлой рукой его больныхъ нервовъ.

У него бонна-нѣмка. Въ теченіе года онъ перемѣнилъ грехъ и не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ языкѣ; третью, совсѣмъ молоденькую, любящую, тихую, онъ полюбилъ и въ два мѣсяца заговорилъ съ ней по-нѣмецки. Теперь онъ думаетъ на этомъ языкѣ.

Я это вывожу изъ того, что онъ съ собаками, напримѣръ, говоритъ по-нѣмецки.

И надо видѣть, какіе они друзья со своей бонной!

У нихъ свои разговоры, свои секреты и самая чуткая, нѣжная любовь другъ къ другу: они товарищи.

Но больше всѣхъ онъ все-таки любитъ меня.

Когда мои занятія требуютъ отлучекъ изъ дому, то тяжелѣе всѣхъ раздука со мной для него. Зато и радость его, когда я пріѣзжаю...

Въ послѣдній разъ я пріѣхалъ домой утромъ.

Жена еще спала, и я прошелъ къ нему въ дѣтскую.

Онъ былъ тамъ со своей бонной. Что-то случилось: на полу лежалъ разбитый стаканъ, стояли надъ нимъ онъ и бонна. Бонна добродушно, по-товарищески, голосомъ равнаго отчитывала его.

Гаря стоялъ со смущенной полу-улыбкой и недовѣрчиво слушалъ бонну.

Дверь отворилась, и вошелъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня, — не удивился, точно ждалъ, и съ той же улыбкой, съ какой онъ слушалъ бонну, пошелъ ко мнѣ.

Я схватилъ его, началъ цѣловать, сѣлъ на стулъ, посадилъ его на колѣни и все цѣловалъ.

Онъ казался совершенно равнодушнымъ къ моимъ поцѣлуямъ.

Онъ разсѣянно гладилъ мои щеки и говорилъ, и языкъ его, какъ и у Коки, тяжело поворачивался во рту, точно тамъ было много чего-то очень вкуснаго. Онъ говорилъ мнѣ о томъ, что только всплывало ему въ голову.

Но вдругъ, нѣжно сжимая ручонками мои щеки, встрепенувшись весь сразу, онъ спросилъ:

— Ты пріѣхалъ?

Какимъ-то кружнымъ тамъ путемъ сознанье, что я пріѣхалъ, стало у него теперь въ соотвѣтствіе съ радостью его сердца, и онъ повторялъ, все нѣжнѣе сжимая ручонками мои щеки:

— Ты пріѣхалъ?!

Онъ забылъ все: онъ помнилъ теперь только, что я пріѣхалъ; онъ видѣлъ меня и сознавалъ, понималъ, чувствовалъ, что я пріѣхалъ.

— Ты пріѣхалъ?! — повторялъ онъ голосомъ музыки, голосомъ дѣтскаго счастья.

А глазки его сверкали огнемъ, какимъ не сверкаютъ никакіе драгоцѣнные камни земли, потому что это былъ чудный огонь счастливой дѣтской души, — онъ проникалъ въ мое сердце, будилъ его, заставлялъ биться счастьемъ, радостью искупленія, заставлялъ забывать нѣжный упрекъ печальныхъ черныхъ глазокъ того, который спѣлъ уже свою пѣсенку любви, который сдержалъ свое слово, когда говорилъ:

— Я возьму моего братика у папы...

Онъ, дѣйствительно, отнялъ у меня несвободнаго, чувствующаго отцовское иго сына. Но онъ далъ мнѣ другого: вольнаго, какъ сердце, свободнаго, какъ мысль, дарящаго меня счастьемъ самой высшей на свѣтѣ любви, свободной любви.

1896—1898.

ВЪ КОНКѢ.

Былъ холодный октябрьскій вечеръ. Дождь уныло и однообразно барабанилъ въ окна вагона невской конки, стоявшаго у Адмиралтейства.

Къ сидѣвшимъ прибавилась дама. Она вошла, угрюмо оглядѣлась и сѣла у входа.

Это была, лѣтъ 35, интеллигентная женщина, большая, съ усталымъ, апатичнымъ лицомъ. Она сѣла тяжело и безцѣльно, никого, очевидно, не замѣчая, и уставилась въ полъ.

Кондукторъ дернулъ звонокъ и отвинчивалъ тормозъ, когда вошла еще одна дама, худенькая, быстрая, весело оглянула всѣхъ и весело вскрикнула, увидѣвъ полную даму:

— Марья Львовна!

Та, къ которой относилось это восклицаніе, точно разбуженная, подняла голову, нѣкоторое время разсѣянно смотрѣла на вошедшую и, сухо кивнувъ ей головой, равнодушно сказала:

— Здравствуйте.

Вошедшая, очевидно, смущенная такимъ привѣтствіемъ, робко присѣла возлѣ своей знакомой. Послѣ нѣкоторой паузы, большая дама неохотно, съ какимъ-то раздраженіемъ въ голосѣ бросила:

— А вы все попрежнему міръ спасаете? Не надоѣло?

Маленькая дама съежилась и робко, но въ то же время обидчиво отвѣтила:

— Было время, и васъ, Марья Львовна, это интересовало.

— Было время... были мы молоды...

Марья Львовна не докончила и только махнула рукой.

— И что же мнѣ другое дѣлать? — тихо, недоумѣвая, спрашивала маленькая.—У меня никого и ничего нѣтъ,— мнѣ и Богъ велѣлъ чужими дѣлами заниматься. Хорошо, вы вотъ своей семьей обзавелись.

Марья Львовна съ горечью подумала: „да, вотъ я своей семьей обзавелась“, но ничего не сказала и попрежнему устало продолжала смотрѣть въ полъ.

Ея собесѣдница вдругъ пристально посмотрѣла на нее и быстро спросила:

— Да что съ вами?

— Ничего... Валя умеръ у меня.

Лицо большой дамы нервно передернулось.

— Марья Львовна, дорогая! Вашъ маленькій Валя?

Марья Львовна въ отвѣтъ только могла кивнуть головой, въ глазахъ ея задрожали крупныя капли слезъ.

— Да съ чего же?

Марья Львовна быстро вынула платокъ и нѣкоторое время вздрагивала, плотно прижимая его къ глазамъ. И много безутѣшнаго горя было въ этой плачущей женщинѣ.

— Господи, вотъ несчастіе!— растерянно шептала ея знакомая.

Тускло освѣщенный вагонъ уныло громыхалъ по рельсамъ, промозглый сѣрый воздухъ стоялъ въ вагонѣ, а снаружи все сильнѣе барабанилъ дождь, крупнымъ бисеромъ унизывая стекла оконъ.

Марья Львовна перестала плакать, быстро отерла слезы и спокойно, слегка даже оживляясь, заговорила:

— Это такой поразительный былъ ребенокъ: ему и четырехъ еще не было, а соберутся вдвое старше его, и онъ всегда во главѣ всѣхъ. Гдѣ онъ, тамъ и жизнь, тамъ и возня... И добрый, добрый... Кто плачетъ, или тамъ обидѣли—все свое отдастъ, всегда сумѣетъ такъ утѣшить, что самый капризный перестанетъ... И всегда ему же доставалось: всѣ непремѣнно хотятъ дѣлать то же, что и онъ... Отнимутъ у него всѣ игрушки, бывало; онъ обидится, сядетъ гдѣ-нибудь на стулъ, а черезъ минуту, смотришь, онъ уже этотъ самый стулъ таскаетъ за собою по комнатамъ и хохочетъ, и кричитъ. что это его лошадка; и всѣмъ уже ничего больше не хочется, всѣ бѣгутъ за нимъ и кричатъ и хохочутъ, какъ и онъ. Вы знаете дочку брата, Моку, ровесницу Вали? Она вѣдь тоже была при смерти. Она осталась жива, а Валя вотъ... За день или за два до ея болѣзни они съ Валей и съ другими дѣтьми играли. Валя, по обыкновенію, остался безъ игрушекъ, а Мока и говоритъ: „Валя, я подалю тебѣ мою сталую коляску“. Вотъ и подарила: сама выздоровѣла, а Валя уѣхалъ въ ея колискѣ...

Марья Львовна опять прижала платокъ къ глазамъ и долго плакала.

— Но скажите, что же за болѣзнь? — спросила ея подруга.

Она перестала плакать и опять спокойно заговорила:

— Мокочка заболѣла скарлатиной, осложненной дифтеритомъ, а Валя—кто его знаетъ—такъ въ одинъ день сгорѣлъ. Всегда былъ такой огненный, быстрый и такъ же быстро и исчезъ. Никого не захотѣлъ затруднять. Конечно, слава Богу, что хоть Мокочка жива осталась; но Валя всегда былъ ея кавалеромъ и такъ и пошелъ за нее... туда... Еще въ обѣдъ онъ былъ совершенно здоровъ... Я пришла отъ Лозовыхъ, знаете, у нихъ дѣвочка,—мой Валя все ее невѣстой зоветъ, ну и та его тоже... Прислала Валѣ коробочку... Я вхожу, знаете, въ дѣтскую, даю Валѣ коробочку и говорю ему: „Это твоя невѣста..“ А тотъ глупенькій...—Марья Львовна быстро смахнула слезу:—говоритъ: „А моя гдѣ невѣста?“ У меня было нѣсколько цвѣточковъ въ рукахъ. Я даю ему и говорю: „Вотъ твоя невѣста“... Онъ схватилъ цвѣточки и побѣжалъ по комнатамъ: „Цвѣточки моя невѣста, цвѣточки моя невѣста...“ — Слезы обильно текли по большому лицу Марьи Львовны,—она уже не вытирала ихъ.—А на другой день онъ уже лежалъ въ гробу съ этими самыми цвѣточками... Точно спитъ... Все сперва успокаивалъ меня: „прошло, прошло“, а потомъ все только: „мама, мама!..“

Послѣ долгой паузы спутница Марьи Львовны повторила вопросъ:

— Да отчего же онъ умеръ?

Марья Львовна пожала плечами:

— Рвота, рвота и ужъ подъ самый конецъ, за четверть часа, можетъ-быть, страшный жаръ, судороги—и конецъ...

— Отравленіе?

— Нѣ-ѣтъ... Доктора называли—я забыла... какой-то органическій недостатокъ въ строеніи желудка. Это еще хуже, чѣмъ болѣзнь... Ну, мнѣ пора...

Марья Львовна тяжело встала, пожала руку своей знакомой и, продолжая говорить, двигалась къ выходу.

— Теперь вотъ, какъ этотъ вагонъ качается, такъ и подо мной все качается... ничего прочнаго. Можетъ-быть, и Дима съ Мирой... И такъ страшно, страшно, такая тоска... А онъ какъ живой передо мной: „мама, мама!..“

Она говорила это, уже подходя къ площадкѣ, какими-то слѣпыми глазами горя смотря передъ собой.

Дверь захлопнулось за ней; на мгновеніе въ потномъ стеклѣ окна, выходившаго на площадку, обрисовалась ея большая тѣнь и исчезла въ сѣрой дождливой мглѣ холоднаго вечера.

1899.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Море сверкаетъ въ прозрачномъ воздухѣ даль берега, льетъ солнце свои лучи на море, горы, сады уже покрыты желтой и красно-бурой листвой осени. Только высокіе тополи еще не тронуты, да кипарисы вѣчно-зеленые, насторожившись, смотрятъ въ свѣжее, только умытое небо.

Городъ раскинулся у самаго берега. Изъ тѣсной, запруженной татарскими можарами улицы базара несутся нестройный говоръ, шумъ и крики. Смѣшанный запахъ зелени, чеснока, и постнаго масла жареной рыбы. Цвѣтными пятнами лежатъ груды капусты, баклажановъ, помидоровъ, дынь, арбузовъ, разныхъ фруктовъ.

Выше надъ базаромъ сѣрыя скалы поднялись до самаго неба и замерли въ пѣкномъ узорѣ.

На одномъ изъ выступовъ прижалась къ скалѣ бѣлая мазанка съ плоскою крышею, маленькій дворъ, заполненный весь выпряженными роспусками.

Утро. У раскрытаго окна мазанки сидятъ хозяева — Анна и Андрей Суворовы. Андрей угрюмо пьетъ чай, — крупный, тяжелый, сгорбившійся отъ собственной силы, лѣтъ сорока, весь заросшій черной съ просѣдью бородой.

Анна, полная, сырая, растерянная, съ недоумѣвающими глазами пьетъ и вздыхаетъ, и все думаетъ и думаетъ объ умершей своей трехлѣтней Асѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерла Ася, и лошадь купили, и биндюгъ,—и сталъ Андрей самъ хозяиномъ, а отъ всего этого еще тяжелѣе на душѣ. Пока жила Ася, бѣда за бѣдой наквасилась, нужда такая была, что иной день и сухому куску рады были. Жила Ася и не знала ни одного радостнаго дня,—такъ и ушла къ Богу, и никогда не порадовала ее ни [illegible] ни ярлыкомъ.

Передъ самой уже смертью захотѣлъ татарчонокъ съ красными пѣтушками. погладить одинъ Асѣ и говоритъ Анѣ.

— Куни больной.

Схватила тоненькими прозрачными пальчиками пѣтушка Ася и радостно смотритъ на него.

Мать говоритъ ей:

— Отдай, дитятко, пѣтушка. Вотъ отецъ заработаетъ, лучшаго купитъ.

Ася держитъ, будто и не слышитъ.

— Отдай, родная.

Вздохнула— отдала.

Пьетъ чай Анна, а мутныя слезы капаютъ въ блюдечко: слава Богу, хоть не видитъ Андрей.

Видитъ.

И горько разсердился на жену:

— Что̀ ужъ это за треклятая моя жизнь такая, что должонъ я вѣкъ свой только видѣть твои слезы? Можно развѣ такъ жить?! Камень на шею и въ омутъ, и то лучше же...

Испугалась жена. Голосъ хриплый, всталъ изъ-за стола, закорузлыми руками размахиваетъ и пошелъ запрягать лошадь.

Вдоль моря свѣтлой лентой вьется шоссе. То подвинется къ самому обрыву, гдѣ тамъ внизу, между острыхъ скалъ, безпокойное море плещетъ, то уйдетъ въ горы и исчезнетъ въ пыльной листвѣ садовъ.

Медленно̀, грохоча и подпрыгивая, ѣдутъ роспуски. Лошадь лѣниво, шагъ за шагомъ тянетъ ихъ въ гору, отбиваясь отъ невидимаго врага — какой-то маленькой, но злой мушки: машетъ хвостомъ, трясетъ гривой и головой, а то пріостановится и энергично топнетъ ногой.

Бокомъ, спустивъ ноги съ роспусковъ, такъ что онѣ то и дѣло касаются пыльной дороги, сидитъ угрюмый Андрей. Громадная фигура его, какъ пнемъ, одѣта мѣшкомъ. Глаза Андрея машинально смотрятъ на море, ограды садовъ, скалы, на покрытый сѣрой пылью щебень, правильными призмами выложенный вдоль дороги.

Думаетъ онъ, что вотъ прежде, бывало, въ праздникъ съ кумомъ рыбу ловилъ. Наловятъ бычковъ, а то и камбалу поймаютъ, уху сварятъ, камбалу скарятъ, уксусомъ польютъ, водки выпьютъ и съѣдятъ. А передъ тѣмъ выкупаются, а послѣ ѣды заснутъ тутъ же подъ шумъ моря подъ теплымъ солнышкомъ. И спятъ они, спитъ съ ними съ открытыми глазами золотой день, синее море, сѣрыя скалы. А къ вечеру домой: ужинать, Ася...

Да, вотъ Ася... Ему-то полъ-горя, а вотъ то, что баба точно потеряла себя,—это ужъ бѣда, отъ которой никуда не уйдешь. Нѣтъ, не уйдешь... Были бы молоды, другую бы Асю нажили... А теперь ходи, пожалуй, послѣ времени по малину. Такъ вотъ, жизнь вся позади и мотаетъ ужъ вѣтромъ, какъ посохшую, никому ненужную траву... Ночью, бывало, проснется Ася и начнетъ трясти за бороду:

— Тато, тато...

И не было гнѣва. Поцѣлуетъ ее, погладитъ жесткой рукой по головкѣ, а какъ охватитъ она его ручонками за шею, да какъ прижмется, такъ и обольетъ сердце радостью, какъ теплой водой. Такъ и заснутъ отецъ съ дочкой. И пускай завтра дождь и каторжная работа, нужда и долги...

Эхъ, все свое теперешнее богатство отдалъ бы онъ, чтобы опять воротить то время... Э-эхъ!

Силюнулъ Андрей, тяжело отхаркнувъ набившуюся въ ротъ пыль, и поднялъ глаза.

Стоитъ передъ нимъ на крутомъ поворотѣ женщина съ чѣмъ-то завернутымъ въ тряпки, стоитъ такъ, какъ будто горячій уголь у нея подъ ногами, и голоситъ, не помня себя:

— Дяденька, а дяденька... гдѣ тутъ балка и камень большой?

Платокъ сдвинулся у нея, волосы торчатъ, а глаза, какъ рыбки на полу, прыгаютъ, и бьются, и замираютъ въ страшной истомѣ. А изъ тряпокъ дѣтскій писк несется. Впился Андрей глазами въ женщину, и замерло вдругъ въ немъ все, и не онъ, а другой кто-то, какъ во снѣ, пытаетъ ее очарованнымъ голосомъ:

— А большой камень надо?

И рыдаетъ ея голосъ, и дрожитъ она вся:

— Охъ, большой, дяденька, большой...

— И скоро надо?

— Ой-ой, скоро! Скоро!

И страшно стало.

— Садись!..

Посадилъ, повернулъ и погналъ домой.

Только и спросилъ дорогой:

— Мальчикъ, дѣвочка??

— Дѣвочка.

— Крещеная?

— Нѣтъ.

Пріѣхалъ, отворилъ дверь. Стоитъ посреди комнаты его толстая сырая Анна и смотритъ на него, на еле живую чужую женщину.

Протянулъ Андрей руку къ кровати:

— Ну! Вотъ тебѣ камень...

И съ безумнымъ воплемъ радости и горя бросилась женщина къ кровати, положила свою ношу и, не оглядываясь, выскочила и исчезла тамъ, въ блескѣ праздничнаго дня.

— А тебѣ Богъ новую Асю послалъ...

Кинулась Анна къ кровати.

— Го-го-го!—голоситъ она надъ развернутыми тряпками.

Говоритъ Андрей:

— И что̀ за народъ эти бабы? Съ горя воютъ, съ радости воютъ.

А Анна уже передъ нимъ на колѣняхъ, цѣлуетъ его руки:

— Голубчикъ ты мой, голубчикъ! Съ виду неласковый, а все-то ты видишь, понимаешь... Го-го-го!!

Въ тотъ же день окрестили, назвали Асей. Весь базаръ сбѣжался на крестины, всѣ дѣла бросили, полную пашку денегъ на крестикъ собрали.

Успѣлъ Андрей и кума разыскать и на рыбную ловлю съ нимъ отправиться.

И счастливый день выдался: наловили бычковъ, камбалу коймали.

Пока варилась уха, друзья пили водку, и Андрей говорилъ своему другу:

— Какъ это она спросила меня про балку да камень, такъ точно темная вода съ глазъ моихъ сошла. И сталъ я видѣть все нутро у нея и все, что̀ она задумала и на что ей камень большой. И страшно мнѣ, и радостно, и — Господи Боже мой!—что̀ за день вышелъ... Вѣдь ты считай: одна душа отъ смерти спасенная — разъ; другая отъ гибели вѣчной своей жизни — два; третья — жена моя опять нашла, что̀ душѣ ея надо было—это три; а я? Опять будетъ кому и меня за бороду по ночамъ таскать... И все сразу! Однимъ днемъ вся жизнь перевернулась наново! Ой, и напьюсь же я сегодня!

А кумъ отвѣчалъ:

— Если при такомъ случаѣ не напиться, такъ когда же напиться?

И оба друга, дѣйствительно, такъ напились, что добрая часть ночи ушла, пока наконецъ они поплелись домой.

Какъ при этомъ не свалились они въ оврагъ, не разбились о скалы, — объяснить можно развѣ только тѣмъ, что малаго да пьянаго Богъ бережетъ.

1898.

МАЯ *).

Посвящается моей милой дорогой дочкѣ.

По прекрасной набережной въ Іокогамѣ шла маленькая,— всѣ японки маленькія,- японка въ своемъ халатикѣ, немного согнувшись, потому что за спиной у нея сидѣла трехлѣтняя Мая.

Мая, обхвативъ, по обыкновенію, ручонками шею своей няни, что-то весело болтала по-японски, какъ настоящая японочка...

И не могла слушать безъ слезъ ее няня, потому что уѣзжала Мая, и въ послѣдній разъ несла она такъ свою Маю на пароходъ.

Лились слезы по щекамъ няни, и два года, которые прожила она съ Маей, казались ей какимъ-то сномъ. Уѣзжала ея дѣвочка съ золотыми, какъ лучи солнца, волосами, уѣзжала ея Мая—восторгъ и удивленіе всѣхъ японокъ. И гдѣ найдешь такую другую? Не будетъ больше она носить Маю у себя за спиной, не будутъ обвивать ея шею ручонки Маи, не будетъ щебетать у нея за спиной ея птичка. И не будетъ больше цѣловать ее Мая въ голову, въ уши, пока такъ идетъ и несетъ она свою бѣлокурую Маю.

Никто не остановитъ и не спроситъ ее больше:

— Откуда этотъ ангелъ съ свѣтлыми волосами?

И не скажутъ ей:

— Внеси же ее и въ нашъ домъ, чтобы и въ нашемъ домѣ сверкнула, какъ солнце, ея головка, чтобъ и въ нашу занесла она радость жизни.

. . . . . .

*) Въ основу разсказа взято истинное происшествіе во время китайскихъ безпорядковъ въ 1900 году. — *Прим. автора.*

И, гордая своей дѣвочкой, няня входила тогда, садилась съ Маей на цыновку и говорила пѣвучимъ голоскомъ своимъ Маѣ:

— Теперь тихо-тихо сиди и слушай, какъ будутъ пѣть маленькія-маленькія птички. Тихо-тихо сиди.

И, насторожившись, лукаво, прислушивалась Мая и смотрѣла на золотую клѣточку, поютъ ли тамъ птички? И пѣвчія насѣкомыя пѣли,—такъ тихо, такъ нѣжно, какъ будто капельки воды падали и тихо звенѣли.

И не могла больше удерживать своего восторга Мая и смѣялась, и звенѣлъ ея смѣхъ, какъ серебряный колокольчикъ, и разносился по застланной цыновками маленькой, чистенькой, прохладной комнаткѣ съ лакированными ширмочками, на которыхъ летѣли серебряные аисты.

Смѣялась Мая и смотрѣла въ открытую дверь на розовый персикъ, что̀ цвѣлъ, облитый солнцемъ. И смотрѣла няня на Маю, смотрѣли всѣ и радовались.

И вотъ прошло все это, и уѣдетъ ея Мая на большомъ черномъ пароходѣ.

Уйдетъ пароходъ и унесетъ съ собой и Маю, какъ унесъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ея возлюбленнаго на войну съ китайцами. Какъ любила она! Знала, что не воротится: не возвращаются герои. Мертвая ходила и ждала страшной вѣсти, когда сказали наконецъ ей:

— Умеръ.

Только спросила:

— Смертью героя?

— Героя.

— Гдѣ могила героя?

Могила? Въ сердцѣ ея могила героя. И, пока бьется это сердце, оно будетъ напоминать людямъ о героѣ.

Уже отходитъ пароходъ отъ лодки, гдѣ стоитъ она, маленькая няня-японка, и горькія слезы льются по ея щекамъ.

Съ горькимъ отчаяніемъ обиды, стоя тамъ на палубѣ, ухватившись ручонками за сѣтку, закричала Мая, когда поняла, что увозятъ ее отъ няни:

— Няня, няня!

Весь міръ наносилъ ей эту первую обиду, первую рану прямо въ сердце. И такъ болѣло сердце.

— Няня, няня!

Все дальше и дальше уходятъ берега. Яркій день, синее море, паруса лодокъ, далекимъ узоромъ бѣлѣютъ горы. До самаго неба поднялась бѣлоснѣжная вершина Фузи-Ямы и замерла въ безмятежномъ покоѣ.

Выплакала всѣ свои слезы Мая и только вздыхаетъ тройными вздохами да смотритъ въ ту сторону, гдѣ осталась ея няня...

Такъ и уснула, сломанная первымъ своимъ горемъ. Во снѣ опять она видѣла свою няню, дѣтей, съ которыми играла она, и всѣхъ тѣхъ, которые такъ любили ее, которые научили ее радоваться и звонко смѣяться при встрѣчѣ.

Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ, переѣхавъ изъ Японіи, отецъ и мать Маи поселились въ Манчжуріи...

Мая уже научилась говорить по-китайски и говорила такъ же свободно, какъ когда-то по-японски. И выговоръ у нея былъ настоящій китайскій: гдѣ надо—въ носъ, гдѣ надо —горломъ...

Ея няней былъ бой, китайскій мальчикъ, съ длинной косой, въ голубой кофтѣ, въ широкихъ голубыхъ панталонахъ, въ черныхъ мягкихъ туфляхъ на толстыхъ изъ войлока подошвахъ.

Мая любила его, цѣловала его лицо, руки. Цѣловала всѣхъ китайцевъ.

Китайцы, которые любятъ безъ ума дѣтей и никогда ихъ не наказываютъ, обожали Маю. Когда она съ своимъ боемъ уходила въ городъ, то всегда возвращалась съ полнымъ фартукомъ сладостей и фруктовъ.

И она кричала еще издали отъ восторга. Мать брезгливо говорила:

— Фу, какая гадость!

Но Мая съ наслажденіемъ ѣла китайскія лакомства на жирномъ маслѣ.

Все такіе же золотистые волосы были у нея—длинные, вьющіеся, такой же звонкій смѣхъ, такой же радостный и сплошной порывъ любви ко всѣмъ.

Мать сердилась за то, что Мая убѣгала иногда безъ спросу, и разъ поставила ее за это въ уголъ.

Горько плакала Мая и говорила:

— Вотъ ты ставишь меня въ уголъ, а я все равно буду ходить. А когда я умру, у тебя не будетъ больше Маи, и тогда ты тоже будешь плакать. Очень-очень плакать...

И Мая заливалась слезами. И бой плакалъ и кричалъ:

— Лучше меня убейте, только не наказывайте Маю.

— Да, да, — всхлипывая, соглашалась Мая: — убей лучше насъ обоихъ и потомъ подари намъ игрушки...

И вдругъ все сразу перемѣнилось. Китайцы больше не приходили; Маю никуда не пускали. Бой все плакалъ; Мая приставала къ нему, но онъ молчалъ и наконецъ сказалъ по секрету матери Маи:

— Я плачу потому, что васъ всѣхъ убьютъ китайцы. Они приказали и мнѣ уйти отъ васъ.

Мая проснулась, и, вмѣсто боя, ея мама пришла одѣвать ее.

— Гдѣ бой?

— Бой ушелъ.

— Куда?

— Совсѣмъ ушелъ: онъ никогда больше не воротится.

— Воротится.—упрямо крикнула Мая.

Мая горько плакала.

— Вотъ няня отъ меня ушла, теперь бой: если онъ не воротится, я никого больше не буду любить. Онъ воротится!

И дѣйствительно, бой возвратился.

Однажды большая толпа китайцевъ подошла къ ихъ дому. У нихъ въ рукахъ были ружья, сабли, алебарды.

Блѣдные, въ смертельномъ страхѣ обитатели дома выглядывали осторожно изъ оконъ...

Вдругъ среди подходившихъ Мая увидѣла своего боя. Не долго думая, черезъ форточку она спустилась, прежде чѣмъ ее замѣтили, на улицу и съ протянутыми руками побѣжала къ нему.

Она бѣжала и уже издали весело кричала бою по-китайски:

— Я говорила, я знала, что ты опять вернешься.

И, добѣжавъ, она бросилась къ нему на шею и цѣловала его, всѣхъ китайцевъ.

И некогда было всѣмъ этимъ хунхузамъ стрѣлять, воевать: всѣ хотѣли опять по-старому цѣловаться съ своей любимицей, бѣлокурой Маей...

А потомъ состоялся военный совѣтъ, и Мая была парламентеромъ.

Кончилось тѣмъ, что папа Маи далъ хунхузамъ немного денегъ, и они, позволивъ бою продолжать свою службу, ушли съ обѣщаніемъ больше не приходить.

Какъ рада была Мая, какъ радъ былъ бой.

И опять Мая, держась за руки, гуляла по городу съ своимъ боемъ и радостно говорила ему:

— Когда мы вырастемъ, мы поѣдемъ къ моей нянѣ и будемъ жить тогда всѣ вмѣстѣ.

1903.

КАРТИНКА.

Изъ дѣтской жизни.

Былъ страстной четвергъ. Весна только начиналась. Въ прозрачныхъ сумеркахъ далеко вырисовывались загородные домики. На западѣ еще догорала красная полоска заката, и небо казалось прозрачнымъ, и въ немъ четко темными силуэтами отражались застывшія на холмѣ деревья. Ближе къ шоссе можно было разсмотрѣть молодую зелень деревьевъ, тонкую и нѣжную, какъ паутина.

По шоссе шло въ церковь цѣлое семейство: трое дѣтей, фрейлейнъ и горничная. Дѣвочка, гимназистка-подростокъ, худенькая и настороженная; немного поменьше мальчикъ-гимназистъ, черномазый и быстрый и пользующійся всякимъ удобнымъ случаемъ залѣзть въ канаву, перепрыгнуть черезъ лужу, что-то поискать въ кустахъ, а то и порыться въ землѣ. Третій былъ тоже мальчикъ лѣтъ четырехъ. Онъ шелъ съ открытымъ ртомъ, держась за руку фрейлейнъ, и шагалъ въ какомъ-то забытьѣ, какъ автоматъ. Фрейлейнъ то и дѣло по-нѣмецки окрикивала его.

— Смотри же, Гаря, куда ты идешь? Прямо въ грязь.

— Когда же я не видѣлъ! — отвѣчалъ ей мальчикъ тоже по-нѣмецки, какъ будто ротъ его былъ набитъ кашей.

— Ахъ, глупый! Ты развѣ слѣпой?

Мальчикъ не удостаивалъ отвѣтомъ.

— О чемъ ты думаешь?

— Я думаю о той собакѣ, которую, помните, мы видѣли въ оврагѣ. У ней щенки были.

— Въ какомъ оврагѣ? Какая собака?

Мальчикъ не торопясь отвѣтилъ:

Помните, въ деревнѣ, когда мы ѣхали въ гости къ Карповымъ.

Фрейлейнъ только вскрикнула. „Ахъ“ и залилась веселымъ смѣхомъ. Она даже выпустила руку мальчика и всплеснула руками.

— Это, знаете, онъ вспомнилъ, когда прошлымъ лѣтомъ мы ѣхали къ Карповымъ. И дѣйствительно, мы видѣли въ оврагѣ собаку съ щенками. И какъ онъ все помнитъ? И какъ будто ничего не замѣчаетъ, а потомъ черезъ годъ вдругъ вспомнитъ. И все, все помнитъ. Ахъ, ахъ, ахъ!

И фрейлейнъ еще звонче засмѣялась, а съ нею вмѣстѣ смѣялась такая же, какъ она, маленькая горничная Тина, смѣялись и дѣвочка, и старшій мальчикъ. Только Гаря оставался все такимъ же, какъ будто онъ былъ въ состояніи какого-то забытья, и шелъ съ слегка открытымъ ртомъ и съ напряженной складкой на лбу.

— Фрейлейнъ, фрейлейнъ! а щенки теперь выросли и забыли свою мать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вы знаете, что онъ со мной сегодня въ магазинѣ сдѣлалъ? Прихожу я съ нимъ въ магазинъ, и вдругъ входитъ батюшка. И глупый мальчикъ, развѣ онъ мало видѣлъ священниковъ въ церкви, а тутъ схватилъ меня за руку и кричитъ на весь магазинъ. „Фрейлейнъ, фрейлейнъ, смотрите, смотрите! Это мальчикъ или дѣвочка?“. Я просто не знала куда мнѣ дѣваться. Приказчики всѣ фыркаютъ, а я ему скорѣе говорю на ухо: „мальчикъ, мальчикъ“. А онъ опять: „А зачѣмъ у него длинные волосы? Онъ стричься не давался? Ха-ха-ха!“. Всѣ въ магазинѣ такъ начали смѣяться надъ Гарей, а я его схватила за руку и убѣжала.

Смѣялся всѣ, а Гаря даже присѣлъ отъ смѣха.

— Ахъ, глупый, глупый!—говорила фрейлейнъ:—ты развѣ никогда не видѣлъ батюшку? У всѣхъ батюшекъ всегда длинные волосы.

— А у пастора короткіе,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Вотъ, значитъ, замѣтилъ, а самъ всегда въ киркѣ спитъ.

— А въ церкви спать нельзя, — отвѣтилъ Гаря,—потому что тамъ надо стоять.

— А куда ты любишь больше ходить?—спросила его дѣвочка.

Мальчикъ отвѣтилъ:

— Я не знаю.

И, подумавъ, съ самодовольствомъ въ голосѣ сказалъ.

— Въ киркѣ удобнѣе.

И опять всѣ долго смѣялись. Дѣвочка, переставъ смѣяться первая, сказала:

— Ну, Гаря, ты такъ насъ совсѣмъ уморишь отъ смѣха. Мы и до церкви съ тобой не дойдемъ.

Въ это время старшій мальчикъ перепрыгнулъ черезъ лужу и попалъ ногою въ другую.

Общее: „Ахъ“ забрызганной компаніи было ему отвѣтомъ. А затѣмъ фрейлейнъ и дѣвочка стали его отчитывать и стыдить за шалости. Мальчикъ смущенно оправдывался твердя:

— Чортъ, кто же зналъ, что тамъ еще лужа!

Гимназистка досадливо отвѣтила:

— Да ну тебя! Кажется, ужъ началось, идемъ скорѣй.

На поворотѣ дороги въ темнотѣ показались ярко освѣщенныя окна церкви.

Всѣ пошли быстро, и только фрейлейнъ немного отстала, буквально таща за руку неуклюжаго Гарю.

— Ахъ, Боже мой! — оглянулась на нихъ гимназистка и крикнула:—Ляленька, разбудите его!

Затѣмъ сама бросилась къ нимъ и, схвативъ Гарю за другую руку, любовно-грубо поволокла его впередъ, приговаривая:

— Ну, ты, однобокій, просыпайся!

Когда всѣ они подошли къ самой церкви, гимназистка опять заволновалась:

— Ай, сколько народу! Ни за что не проберемся впередъ!

— Ну, не проберемся, такъ не проберемся,—отвѣтилъ гимназистъ.

— Хоть бы къ прилавку со свѣчами пробраться.

Въ концѣ концовъ въ церкви оказалось вовсе не такъ тѣсно, и всѣ наши путники легко пробрались къ прилавку и прошли впередъ до самой рѣшетки.

Между старшими рѣшено было Гарѣ свѣчки не покупать, такъ какъ это легко могло бы кончиться тѣмъ, что онъ не только бы могъ закапать платье, но, пожалуй, еще и сжегъ бы своихъ сосѣдей.

Когда Гаря увидѣлъ у всѣхъ въ рукахъ горящія свѣчи, онъ, по обыкновенію, громко спросилъ брата:

— Сережа, Сережа, отчего у меня нѣтъ свѣчки?

Гимназистъ на мгновеніе задумался, затѣмъ наклонился и прошепталъ брату на ухо:

— Денегъ не хватило тебѣ на свѣчку.

Гаря на минуту задумался и потомъ обратился къ сестрѣ:

— Дюся, Дюся, у тебя есть деньги?

Дюся быстро наклонилась къ брату и сказала громкимъ шопотомъ:

— Не кричи въ церкви: у меня нѣтъ денегъ!

Гаря опять задумался и тѣмъ же голосомъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ Ляленькѣ.

Раскраснѣвшаяся Лялька съ золотистыми волосами наклонилась и что-то долго шептала Гарѣ.

Гаря внимательно выслушалъ, подумалъ и обратился къ Танѣ:

— Таня, Таня, у тебя есть деньги?

Всѣ фыркнули, а Таня, смущенная и ласковая, наклонилась и прошептала:

— Нѣту, дорогой Гаричка...

Затѣмъ вышелъ на амвонъ батюшка и началъ читать Евангеліе. Молящіеся внимательно слушали чтеніе священника, и въ церкви царила благоговѣйная тишина. Вдругъ на всю церковь раздался у придавка, гдѣ продавались свѣчи, густой для его лѣтъ голосъ Гари:

— Дайте мнѣ свѣчку безъ денегъ!

Ему немедленно дали свѣчку, и немного погодя торжествующій Гаря стоялъ около своихъ съ такой же, какъ и у всѣхъ, свѣчкой въ рукахъ.

Онъ никого изъ сосѣдей не сжегъ, даже не заманалъ платья— ни своего ни чужого, и, какъ и другіе, въ фонарикѣ, сдѣланномъ изъ бумажки, принесъ свѣчку домой.

Дома за чаемъ, умирая со смѣху, фрейлейнъ, братъ и сестра разсказывали исторію съ Гарей, а сестра тормошила его при этомъ и кричала надъ его ухомъ:

— Ну какъ тебя только хватило сообразить такую штуку!

ДВА ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Зашелъ разговоръ о томъ: страшно или нѣтъ умирать?

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ энергичнымъ нервнымъ лицомъ, умными глазами, заговорилъ:

— Какъ когда. Вотъ какъ въ промежуткѣ всего нѣсколькихъ дней, въ тѣхъ же почти внѣшнихъ условіяхъ, я видѣлъ два раза подъ-рядъ смерть въ глаза. Я съ своей партіей жилъ тогда въ Батумѣ. Собственно, не въ Батумѣ, а въ окрестностяхъ его,—дѣлалъ развѣдки. Недѣлю всю мы проводили на работахъ, а въ воскресенье ѣздили въ Батумъ на отдыхъ. И первый годъ былъ тогда женатъ только, и вы понимаете, какое для меня было удовольствіе въ этихъ поѣздкахъ. Мы проводили въ городѣ все воскресенье, ночевали и на другой день возвращались на работы. Былъ мартъ. Весна уже начиналась. Цвѣли деревья, листья деревьевъ, какъ нѣжная вуаль, едва сквозили на фонѣ безоблачнаго неба... Солнце, изумрудное море... Тамъ вдали кремовыя горы съ вѣчнымъ снѣгомъ... Чудное утро, лошади поданы, чтобы ѣхать въ городъ, потому что было это какъ разъ въ воскресенье. Если вы бывали въ Батумѣ, то, можетъ-быть, помните, что берегъ тамъ описываетъ большой полукругъ: тамъ въ глубинѣ Батумъ, почти напротивъ скалистые, дикіе берега Цихидзирскихъ горъ. И такимъ образомъ кратчайшая дорога отъ этихъ Цихидзиръ, гдѣ мы и работали, было море,—верстъ семь всего, а берегомъ верстъ пятнадцать. Подъѣхалъ грекъ на лодкѣ и предложилъ намъ парусомъ добхать въ четверть часа. Мы согласились, отправили лошадей и поѣхали. Море, воздухъ, солнце—праздникъ въ природѣ, праздникъ отдыха въ насъ,—мы были въ рѣдкомъ настроеніи, когда вся жизнь кажется такой же чудной и прекрасной, какъ этотъ волшебный уголокъ земли. И вдругъ шквалъ. Что такое шквалъ? Черное море—очень

капризное море. Весной и осенью явленіе тамъ обычное этотъ шквалъ. Неожиданная буря вихрь, какая-то сѣрая стѣна съ стремительной быстротой несется, и впереди этой стѣны тишь и гладь, а за ней море уже мгновенно закипаетъ, бурлитъ, свиститъ буря и въ сѣрой кипящей мглѣ такъ часто гибнутъ такія лодки, какъ наша.

Блѣдный лодочникъ успѣлъ только крикнуть:

— Ложись!

Сперва разсмѣялись всѣ, но на лицѣ лодочника прочли что-то такое страшное, что мгновенно всѣ, кромѣ меня, легли на дно лодки. Почему я не легъ — я не знаю. Какая-то глупая гордость! Шквалъ налетѣлъ. Что-то страшное заварилось мгновенно кругомъ; откуда взялись волны, куда исчезло солнце,— что это клокочетъ, кипитъ и бросаетъ нашу лодку? Нѣтъ, нѣтъ, спасенья быть не можетъ въ этомъ адѣ. Какой-то ужасъ, дикій ужасъ сковываетъ и сознанье въ то же время работаетъ съ непередаваемой ясностью. Шагъ за шагомъ, съ неумолимой послѣдовательностью, приближается это невозвратимое мгновеніе. Вотъ изъ-подъ лодки точно выросла страшная сѣдая зелено-прозрачная волна, заглянула въ лодку и тяжело обвалилась. Головы смоченныхъ, лежащихъ тамъ внизу быстро поднимаются, мгновеніе тому назадъ они еще смѣялись, на ихъ лицахъ отвратительный ужасъ смерти. Еще волна и глаза судорожно ищутъ, гдѣ съ той или вотъ этой, что вдругъ раскрывается и куда летитъ бѣшено лодка, бездна, конецъ всему. Неизбѣжный конецъ, и мысль о женѣ, уже случайная, равнодушно оставляетъ уже мертвую душу: думай не думай, ей равно кончено все, и отъ всего живого міра мы уже отрѣзанные ломти, и некому даже передать будетъ этихъ послѣднихъ мгновеній. Словомъ, я струсилъ такъ постыдно, какъ никогда не могъ и предположить. А этотъ ужасъ сознанія страха и безсиліе совладать съ нимъ? О, какъ это ужасно, когда человѣкъ познаетъ вдругъ предѣлы своихъ силъ, своего я, когда онъ уже можетъ самъ на себя посмотрѣть вдругъ съ сожалѣніемъ, сознаніемъ слабости, сверху внизъ... Насъ выбросило на берегъ... Какая-то животная радость охватила насъ: мы, мокрые до послѣдней нитки, со слѣдами, можетъ быть, еще этого ужаса въ жилахъ, танцовали какъ дикари, на берегу, поднимали вверхъ ноги, злорадно вмѣстѣ понимали и скалили зубы другъ другу.

Шквалъ пронесся, опять мирное солнце, песчаный берегъ, дорога, ждутъ два гурза, везутъ молодыхъ [illegible]. Молодые [illegible], [illegible], радость жизни, [illegible] этой жизни... Я, конечно, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] семь

верстъ, все время счастливый, несъ ихъ—этотъ залогъ весны, возвращенной жизни.

Даже униженіе было источникомъ радости: что же, я такой же, какъ всѣ, а думалъ, что выше ихъ. Милые мои, всѣ вы друзья, и я меньше васъ, но я живъ, я счастливъ.

Да, это былъ хорошій день съ ужаснымъ мгновеніемъ, и такого дня я не переживалъ, можетъ-быть, но мгновеніе было лучшее, и я его пережилъ всего черезъ нѣсколько дней.

Опять тѣ же Цихидзири, то же небо, море, солнце... Мы завтракаемъ. А тамъ по морю плыветъ плотъ, и четыре турка на немъ. Десятникъ Вдовиченко, хохолъ, молодой, говоритъ:

— Ишь, подлецы, а если шквалъ?

Рабочій, по фамиліи Копейка, саженнаго роста, тоже хохолъ, лѣниво жуетъ свой хлѣбъ и разсказываетъ, не спѣша, какъ подъ Акъ-Паланкой ихъ кавалерія прыгала съ такой же кручи, какъ эта, прямо въ рѣку. Я смотрю съ нашихъ высотъ туда, гдѣ безпокойно ласкается къ берегу море, голова невольно кружится, и я тяжело переживаю и это ощущеніе необходимости летѣть туда внизъ, и сознаніе, что мои нервы не выносятъ никакихъ кручъ. Я побораю, конечно, себя, но что это мнѣ стоитъ всегда?

И вдругъ шквалъ и уже раздирающій душу крикъ четырехъ турокъ на плоту. Какая-то лодка тамъ внизу снѣлитъ пристать къ берегу: пристала и выгружаетъ мѣшки съ мукой. А плотъ уже разбитъ, и четыре турка, каждый обхвативъ два бревна, ныряютъ тамъ среди разорваннаго плота, цѣлаго лѣса поднимающихся и опускающихся бревенъ. И на насъ, сидящихъ на берегу, налетѣлъ уже шквалъ, какъ ножомъ, рѣзкимъ вѣтромъ срѣзалъ наши шляпы, завтракъ, свистъ бури, грохотъ моря и, заглушая все, нечеловѣческій крикъ о помощи оттуда, изъ кипящаго котла. Я уже ничего не сознаю. Чей-то голосъ:

— Нельзя, вы—отецъ семейства!

Но этотъ ревъ бури, вопли тѣхъ?!

— Не сюда, не сюда,—убьетесь!!

Развѣ я могу убиться?.. Ноги мои, нервы мои—сталь, и я стремглавъ несусь внизъ по кручамъ, куда заглянуть было страшно за мгновеніе. Я уже внизу, за мной сыплется щебень, камень, за мной летятъ другіе. Мы уже въ лодкѣ и отплываемъ. Вотъ Вдовиченко, Копейка. Лодка плыветъ, поворотъ, мы каждое мгновеніе вотъ-вотъ опрокинемся... Что жъ, опрокинемся!.. И мнѣ весело, и я беззаботно напѣваю какую-то веселую пѣсенку. Я вижу, что мое веселье льетъ огонь въ жилы этихъ... Я-то, я-то знаю, чего хочу, но этотъ Вдовиченко

и Копейка и на веслахъ сидящіе, безвѣстные работники, васъ какая сила двигаетъ? Э, въ вашихъ глазахъ я вижу Бога, вы избранники Его, и честь быть съ вами, честь сознавать себя равнымъ вамъ, безвѣстнымъ геройнъ... честь, великая честь быть равнымъ тамъ, гдѣ человѣкъ равенъ Божеству...

Бревна, бревна! Вверхъ и внизъ,—держи лодки,—разобьетъ! Ха-ха! Мимо!..

Какой-то турокъ съ перепугу топоръ свой суетъ, когда каждое мгновеніе дорого. Вдовиченко съ азартомъ бросаетъ топоръ въ воду — уже за волосы тащитъ ошеломленнаго въ лодку. Они уже всѣ тутъ, и мы мчимся назадъ...

Разсказчикъ смолкъ, вздохнулъ всей грудью:

— О, если бы въ такое мгновеніе умереть!

1896—1901.

ИЦКА И ДАВЫДКА.

I.

Въ одномъ изъ тѣхъ кварталовъ Одессы, въ которыхъ дома съ верху до низу набиты евреями, жили два друга — Давыдка и Ицка.

Домъ, въ которомъ жили друзья, выходилъ на улицу длиннымъ глухимъ заборомъ. Самое жилье — грязное и сѣрое, съ навѣсомъ — было расположено внутри двора, въ заднемъ углу его. Дворъ утопалъ въ грязи, и только рядъ кое-какъ положенныхъ гдѣ досокъ, гдѣ камней, спасалъ обитателей отъ риска по поясъ завязнуть въ непролазной, покрытой какимъ-то зеленоватымъ слоемъ грязи.

Но ни эта грязь, ни это зловоніе не отравляли существованія друзей. Какъ истые философы, они даже не замѣчали ея, какъ не замѣчали такой же грязи ни въ своихъ квартирахъ, ни на своихъ тѣлахъ, какъ не замѣчали того пуху, который въ изобиліи покрывалъ ихъ грязную одежду, бороду, волосы, шапки...

Ицка былъ мужской портной, Давыдка — дамскій.

Ихъ квартиры были одна противъ другой. Въ каждой, состоявшей изъ двухъ комнатъ, всякаго населенія, начиная съ коростой покрытыхъ дѣтей и кончая подслѣповатыми, съ загноившими глазами, старухами, было биткомъ набито.

Въ передней комнатѣ каждаго изъ друзей была мастерская, т.-е. столъ, стулъ, на которомъ сидѣлъ Ицка самъ, а за Давыдку старшій подмастерье. Самъ Давыдка хотя и держалъ въ рукахъ все нужное для работы, а именно матеріалъ, нитку и иголку, хотя и сдвигалъ самымъ энергическимъ образомъ свою шапку на затылокъ, но, въ сущности, ничего не дѣлалъ, и его звонкій голосъ ни на минуту не уступалъ всему остальному хору голосовъ обитателей его квартиры.

Со стороны можно было бы подумать, по соединенному гвалту, что идетъ ссора на смерть, но благодушныя, удовлетворенныя лица обитателей свидѣтельствовали, что это только свойственная этой расѣ манера говорить.

Въ квартирѣ Ицки, напротивъ, царила какая-то гнетущая тишина. Ицка былъ нѣмъ, какъ рыба, и съ утра до вечера, не разгибая спины, корпѣлъ надъ работой: только и видно было, какъ мелькала усердная иголка, то пришивая новую яркую латку на затасканное сукно, то возстановляя согласіе между двумя половинками разссорившихся штановъ.

Въ сущности, и Ицка и Давыдка ничего не имѣли, кромѣ изобильнаго количества грязныхъ, гнилыхъ подушекъ и пуховиковъ, изъ которыхъ, при малѣйшемъ прикосновеніи, пухъ разлетался во всѣ стороны. Тѣмъ не менѣе Давыдка считалъ себя въ сравненіи съ Ицкой богачомъ. И Ицка признавалъ это, благоговѣлъ передъ могуществомъ Давыдки и былъ твердо убѣжденъ, что безъ Давыдки онъ бы совсѣмъ пропалъ, хотя изъ страха возможнаго злоупотребленія и скрывалъ тщательно это свое убѣжденіе отъ друга подъ непроницаемымъ покровомъ своего молчанія. Но Давыдка и безъ Ицки понималъ значеніе своей дружбы съ Ицкой и нерѣдко запускалъ безцеремонную руку то въ Ицкину табакерку, то въ Ицкинъ карманъ за 2 копейками на свѣчку, безъ которой вечеромъ работа совсѣмъ стала бы. Ицка кряхтѣлъ, но терпѣлъ, какъ терпѣлъ онъ все, что только кому-нибудь угодно было, чтобы онъ терпѣлъ.

Однажды, когда Давыдка, по обыкновенію, все собирался приняться наконецъ за работу, а Ицка безъ устали работалъ, вошелъ [illegible] —[illegible] угрюмый, [illegible] хохолъ Андрій.

Андрій сперва заглянулъ къ Давыдкѣ, осторожно кашлянулъ и тогда уже вошелъ въ комнату.

Кивнувъ дважды головой, Андрій проговорилъ: „здоровенькы булы“, пожалъ руку Давыдки и сѣлъ на скамью.

— Здравствуй, Андрій,—сказалъ не безъ достоинства Давыдка, и хотя его очень подмывало поскорѣе узнать, зачѣмъ пришелъ Андрій къ нему, но, зная, что отъ Андрія все равно раньше, чѣмъ его часъ придетъ, ни одного слова не выудишь, рѣшилъ заполнить этотъ мертвый промежутокъ чѣмъ-нибудь такимъ, что немного бы, какъ колесамъ дегтемъ, легче повертиться языку Андрія.

— Горилки хочешь?

Андрій подумалъ, заглянулъ въ дальній уголъ, вздохнулъ, [illegible] на Давыдку и, увидѣвъ, что нѣтъ ему [illegible] выпить, отвѣтилъ утвердительно.

— Та хіба жъ що вынить?

Давыдка досталъ темный отъ грязи графинъ, такую же рюмку и, помѣстившись передъ Андріемъ такъ, чтобы ароматъ горилки попадалъ ему прямо въ носъ, сталъ осторожно цѣдить, придерживая пальцемъ какой-то выбивавшійся изъ графина мусоръ.

Андрію никакого дѣла не было ни до грязной рюмки ни до пальца Давыдки, зато ароматъ горилки Андрій съ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя, смакуя заблаговременно предстоящее удовольствіе.

То, что Давыдка наливалъ тихо, не спѣша, съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой, не только не раздражало Андрія, но, напротивъ, убѣждало его, что Давыдка хорошій и толковый жидъ, который знаетъ обхожденіе съ людьми, съ которыми можно пріятно и не спѣша помолчать, подумать, а то даже и обмолвиться какимъ-нибудь словомъ.

Всѣ эти мысли черепашьимъ шагомъ ползли въ головѣ Андрія, пока Давыдка цѣдилъ, а Андрій водилъ глазами вокругъ, причемъ начальной точкой окружности были глаза Андрія, а противоположной—губы Давыдки, которыя онъ такъ аппетитно подбиралъ въ себя, что у Андрія отъ предстоящаго удовольствія уже начинало печь въ серединѣ.

Когда Давыдка наконецъ налилъ, онъ и тутъ еще не сразу подалъ, а проговоривъ: „почикай трошке, я оботру рюмку“, началъ вытирать подозрительное мѣсто краемъ фалды своего не менѣе подозрительнаго сюртука.

Это вниманіе очень польстило и тронуло Андрія, и онъ уже заерзалъ и прокашлялся, чтобы попросить Давыдку не утруждать себя излишними безпокойствами, и даже начало фразы уже стало сползать съ его языка:

— Та вже...

Но Андрій во-время сообразилъ, что, во-первыхъ, Давыдку онъ все равно не остановитъ отъ желанія оказать ему любезность, а во-вторыхъ, всѣмъ и безъ того было совершенно ясно, что̀ въ такихъ случаяхъ должно говориться.

Одной рюмки оказалось недостаточно, впрочемъ, чтобъ раскачать Андрія, и Давыдка терпѣливо повторилъ пріемъ.

Послѣ этого Андрій сообщилъ, что Давыдку и Ицку требуетъ приставъ, и, посидѣвъ „еще трохи“, поднялся наконецъ нехотя съ насиженнаго уже мѣста, на которомъ онъ засѣдалъ такимъ „чоловікомъ“, какимъ самъ себя считалъ.

Выйдя отъ Давыдки, Андрій прежде всего вспомнилъ, что „заборився“ *), что приставъ „якъ скаженный“ напустится на него за это.

*) Замѣшкался.

„Не покладая рукъ роблю,—размышлялъ разогрѣтый водкой Андрій, идя по улицѣ,—хотъ ты що... Якъ тый скажений лае, лае... неначе ни чоловікъ, а собака... Тьфу! Бодай тобе гадюка сьила!“

И Андрій, плюнувъ, такъ энергично зачесалъ свой затылокъ, что шапка его совсѣмъ съѣхала ему на глаза.

— Дядьку Андрію!—весело взвизгнула у кабака съ подобраннымъ подоломъ краснощекая Оксана.

И Оксана, хлопнувъ ладонями, взявшись въ боки, застучала ногу за ногу, прибѣвая съ повернутой къ Андрію головой:

Напилася горилочки,
Наілася маку,—

ловко прошлась предъ Андріемъ.

— О-то-жъ бисова баба,—проговорилъ Андрій, въ пріятномъ недоумѣніи продолжая почесывать затылокъ и соображая, что̀ изъ всего этого можетъ выйти.

Оксана не долго держала его въ неизвѣстности.

— Ходы-жъ мо!—энергично заворотила она и, толкнувъ Андрія въ двери кабака, сама скрылась за нимъ.

II.

Давыдка, выпроводивъ Андрія, накинулъ пальто и юркнулъ въ квартиру Ицки.

Друзья горячо заговорили на своемъ жаргонѣ. Собственно говорилъ Давыдка, а Ицка только вставлялъ слова, не переставая шить.

Когда Давыдка наконецъ смолкъ, Ицка, положивъ свою работу на столъ, всунулъ иголку въ бортъ своего сюртука и всталъ.

У Ицки была длинная талія и были очень короткія ноги, такъ что, пока онъ сидѣлъ, онъ производилъ впечатлѣніе высокаго человѣка, когда же всталъ, то превратился въ такого же маленькаго человѣка, какъ и Давыдка, но съ тою существенною разницею, что Ицка былъ мѣшковатъ и несуклюжъ, а Давыдка былъ проворенъ и сложенъ безукоризненно. Лицомъ друзья тоже не были похожи. Ицка былъ грязный брюнетъ съ сѣдѣющими прямыми волосами. Давыдка былъ кучерявый, съ массою русыхъ нечесаныхъ волосъ, блондинъ неопредѣленныхъ лѣтъ. У Ицки была черная густая борода лопатой, у Давыдки—рыжая, жидкая, торчавшая клиномъ. Глаза Ицки, черные, мрачно и безжизненно смотрѣли въ себя; глаза Давыдки, голубые, какіе-то безцвѣтные, мало занимались собою, сверкали жизнью, практической сметкой,

хотя въ то же время и не лишены были нѣкоторой мечтательности и доброты.

Ицка натянулъ свое продыравленное пальто, и друзья вышли.

Мимоходомъ Давыдка еще разъ юркнулъ къ себѣ, причемъ сразу вызвалъ цѣлый гвалтъ, который только тогда затихъ ему вслѣдъ, когда онъ исчезъ за калиткой.

На улицѣ Давыдка весело шелъ, безпечно предаваясь наблюденіямъ празднаго туриста. До всего ему было дѣло. Онъ заглядывалъ въ каждую встрѣчную телѣгу, останавливалъ каждаго еврея, и громкое „гиръ-гиръ“ неустанно неслось по улицѣ.

Ицка шелъ сосредоточенно, молчалъ и все думалъ, думалъ и думалъ.

О чемъ?

Вѣроятно, о чемъ-нибудь такомъ, что не поддавалось никакому ясному опредѣленію, но что не радовало, а угнетало, и что тоскливо и неясно замирало въ его удрученномъ взглядѣ.

— Шарлатанъ ты, сволочь!

Такъ разразился Давыдка, получивъ увѣсистый толчокъ отъ пробѣгавшаго мимо подростка.

— Ахъ, ты, жидюга проклятая!

И подростокъ, уже отбѣжавшій-было, повернулъ опять назадъ съ самыми рѣшительными намѣреніями.

— Гвалтъ! — закричалъ Давыдка и, распустивъ фалды своего пальто, съ поднятыми руками пустился отъ подростка наутекъ.

Подростокъ давно уже прекратилъ преслѣдованіе и исчезъ, продолжая свою дорогу, а Давыдка все еще не могъ прійти въ себя отъ нервнаго возбужденія и все оглядывался, все повторялъ:

— Шарлатанъ.. сволочь...

Пустивъ наконецъ еще одно звонкое ругательство, Давыдка сразу предалъ все дѣло забвенію и, успокоившись, опять „загиргиркалъ“ съ Ицкой.

Друзья повернули въ большую чистую улицу и скоро подошли къ красивому дому.

Они вошли черезъ калитку въ чистый дворъ, гдѣ сейчасъ же на нихъ бросилась цѣпная собака, и хотя она была на крѣпкой цѣпи, но у нея были такіе бѣлые длинные зубы, такой красный языкъ, она такъ прямо въ голову лаяла „гавъ-гавъ“, что друзья невольно задрожали, а Ицка, вѣроятно, на всякій случай, сталъ за Давыдку.

Въ такомъ видѣ друзья, но [illegible] [illegible] въ сѣняхъ, при-

брались осторожно къ черному ходу, гдѣ и скрылись, поспѣшно захлопнувъ за собою дверь.

Въ большой столовой, куда ввели Ицку и Давыдку, благодушно сидѣли послѣ обѣда толстый приставъ, его толстая жена и двое подростковъ-дѣтей: гимназистъ и гимназистка.

На сосѣднемъ столѣ лежали матеріи: трико стального цвѣта и шерстяная, свѣтло-желтаго.

— Послушай, Давыдка, и ты, Ицка, — проговорилъ приставъ и остановился, чтобы выпустить со свистомъ сквозь зубы пріятную отрыжку отъ гуся съ кислой капустой:—вотъ это и это,—причемъ приставъ небрежно ткнулъ пальцемъ,—на платье къ Пасхѣ сыну и дочкѣ.

— Къ Пасхѣ-ѣ? — озабоченно спросилъ Давыдка и сталъ что-то тихо соображать.

Ицка покосился на Давыдку и тоже, поднявъ голову, вперивъ глаза въ потолокъ, сталъ шевелить губами.

— Мало времени,—проговорилъ Давыдка.

— Мало времени,—повторилъ Ицка.

— Какъ мало? Двѣ недѣли?

И приставъ, нагнувъ немного голову, опять съ легкимъ свистомъ пропустилъ сквозь зубы новую отрыжку.

Давыдка, не отвѣчая, обратился на родномъ нарѣчіи къ Ицкѣ.

— Ну только, пожалуйста, вы ужъ свои разговоры оставьте. Меня вѣдь не проведешь.

Брови пристава внушительно чуть-чуть сдвинулись

— Хорошо, можно...—поспѣшилъ Давыдка.

— Можно,—кивнулъ головой Ицка.

Начался торгъ.

Мать съ дочерью атаковали Давыдку, а отецъ съ сыномъ — Ицку.

Давыдка стойко выдерживалъ натискъ. Прежде всего онъ началъ, съ видимымъ удовольствіемъ, съ того, какое это должно быть платье.

— Изъ этой матеріи можно сдѣлать такое платье-е...

Давыдка отъ умиленія нѣжно поднялъ руки и показалъ слушавшимъ его дамамъ свои ладони. И хотя на маленькихъ грязныхъ рукахъ Давыдки, ладонями впередъ, ничего особеннаго, кромѣ скромно выглядывавшихъ длинныхъ грязныхъ ногтей, не было, тѣмъ не менѣе сладкія пріятныя перспективы охватили 14-лѣтнюю кокетку...

— Такое платье-е... У губернаторской дочки такого не будетъ...

Такъ какъ чего-то въ родѣ этого именно и желалось за-

сверкавшимъ глазкамъ кокетки, то Давыдка и хотѣлъ продолжать въ томъ же родѣ и уже открылъ-было ротъ, но приставша безцеремонно перебила его:

— Ну, тамъ какое будетъ, еще увидимъ... Говори цѣну?

— Цѣну?—быстро спросилъ Давыдка и задумался.

— Вамъ какъ, барышня? Гладко, чи можетъ складки тутъ?— Давыдка цѣломудренно потрясъ рукой около своей груди.— Складки дороже...—убѣжденно кивнулъ головой Давыдка.— Тце! Что я вамъ скажу-у? Сдѣлаемъ мы самую послѣднюю моду... Вы думаете, Давыдка не знаетъ послѣднюю моду? Давыдка все знаетъ...

— Все? А гдѣ Сандвичевы острова?—весело разсмѣялась гимназистка.

Давыдка смотрѣлъ на барышню лукавыми глазами.

— Барышня ученая... умная... Дай Богъ ей ученье хорошо кончить... хорошаго мужа найти...

— Не все, значитъ, знаете?

— Что Давыдка? У Давыдки свѣтъ закрытый... Давыдка знаетъ свое дѣло, покамѣстъ его за ноги не потащутъ на кладбище...

Въ то время, какъ такъ легко и весело искусный Давыдка достигалъ цѣли и успѣлъ настоять, почти ничего не спустивъ съ назначенной цѣны, и оставить дамъ въ пріятномъ убѣжденіи, что хоть дорого, да хорошо будетъ, Ицка совершенно не сумѣлъ удержать своей позиціи.

Онъ рѣшительно не могъ противиться натиску грозно собиравшихся бровей пристава. Онъ соображалъ, что если помириться на цѣнѣ, предложенной приставомъ, то, за вычетомъ прикладa и подкладки, ему почти ничего не остается за трудъ. Собравшись съ духомъ, онъ уже собирался развести руками и сказать убѣжденно: „Никакъ невозможно“, какъ вдругъ гимназистъ, глядя на его растерянную фигуру и вспоминая постоянныя неудачи Ицки фасонисто сшить, тоскливо проговорилъ:

— Опять испортитъ все.

Это замѣчаніе повергло Ицку въ такой страхъ, что отберутъ уже находившуюся въ рукахъ работу, что онъ, забывъ всѣ расчеты, тоскливо проговорилъ: „Ей-Богу же, паничку, не испорчу“, и поспѣшно согласился на цѣну пристава.

Но даже и эта блѣдная попытка успокоить возымѣла свое дѣйствіе: мечты гимназиста окрылились, и предъ нимъ весело засверкалъ предстоящій праздникъ, а на немъ онъ въ своемъ нарядномъ костюмѣ.

Когда портные ушли, напутствуемые строжайшимъ внуше-

нисмъ не опоздать къ назначенному сроку, приставъ, барабаня пальцами по столу, проговорилъ, обращаясь къ нему:

— Чортъ ихъ знаетъ! Только жидъ можетъ такъ дешево работать! Какъ они умудряются...

Приставъ поднялъ плечи, опустилъ ихъ назадъ, всталъ и, вздохнувъ, отправился къ себѣ.

Приставша не могла похвалиться, что скрутила Давыдку, и въ душѣ была недовольна и собой и Давыдкой, и утѣшалась только тѣмъ, что на будущее время подыщетъ болѣе дешеваго портного.

Дома Ицку ждало непріятное осложненіе.

Маленькому Гершкѣ, сго старшему отъ второй жены сыну (съ первой Ицка былъ въ разводѣ), влѣпилъ въ самый глазъ камень какой-то мимобѣжавшій сорванецъ.

Теперь вмѣсто глаза у Гершки торчалъ уродливо вздутый волдырь, за которымъ самый глазъ такъ спрятался, какъ будто его никогда и не бывало.

На Ицку грустно смотрѣлъ единственный глазъ лежавшаго почти въ обморокѣ Гершки.

Сердце Ицки тоскливо сжалось.

— Что дѣлать шарлатанъ?! — только и проговорилъ онъ, мрачными глазами уставившись въ сына.

Онъ осторожно попробовалъ раздвинуть опухоль, чтобъ убѣдиться, цѣлъ ли глазъ, но Гершка запищалъ такъ жалобно, что Ицка оставилъ свой осмотръ, ничего не выяснивъ.

Покачавъ еще разъ головой, вздохнувъ отъ глубины души, Ицка молча принялся за работу.

Добрую половину ночи Ицка шилъ, постоянно прислушиваясь къ Гершкѣ, который все метался и стоналъ въ лихорадочномъ снѣ. И каждый разъ Ицка отрывался отъ работы, мрачно и вскользь мгновеній смотрѣлъ предъ собой, качалъ головой и тяжело вздыхалъ.

— Шарлатанъ, — тоскливо шептали его губы.

Наконецъ усталость взяла свое, и Ицка, потушивъ свѣчку, не раздѣвался, прилегъ возлѣ своей Хайки на свободный клочокъ грязнаго пуховика. Онъ долго еще ворочался, — его кусали несносныя блохи, клопы и еще какіе-то потайные звѣрьки. Руки, не успѣвая, проворно перебѣгали съ одного мѣста тѣла къ другому. Наконецъ онъ уснулъ такъ же, какъ и Давыдка, который давнымъ-давно видѣлъ третій сонъ, застывъ надъ нимъ съ блаженной безпечной физіономіей, съ широко раскрытымъ ртомъ.

III.

Друзья недѣлю провозились надъ заказомъ и, опоздавъ ровно вдвое противъ обѣщаннаго, понесли наконецъ свои образцы искусства къ приставу. Оба шли далеко не съ спокойнымъ духомъ. Такъ же почтительно, какъ и всегда, пробрались они мимо собаки и вошли въ домъ.

Началась примѣрка. Платье Давыдки оказалось далеко не тѣмъ, что наобѣщалъ тороватый мастеръ. Въ первый моментъ разочарованіе было полное. Но, смущенный до этого, Давыдка быстро воспрялъ духомъ и началъ энергично отстаивать дѣло своихъ рукъ. Природное краснорѣчіе выручило его. Раздраженіе понемногу улеглось, въ концѣ концовъ разочарованіе смѣнилось даже самодовольнымъ скрытнымъ убѣжденіемъ, что въ сущности платье хорошо сидитъ. Когда Давыдка высыпалъ нѣмый ворохъ остатковъ, то это окончательно успокоило и мать и дочь и вызвало даже нѣкоторый эффектъ.

— Единственное, за что я тебя терплю, — проговорила жена пристава,—это за то, что ты честный человѣкъ.

Честь—это была тщеславная гордость Давыдки.

— Давыдка чужого не надо,—отвѣтилъ онъ удовлетворенно.—Положите золотую гору червонцевъ и скажите: Давыдка, стерегись!—Давыдка червонца не тронетъ, жидъ Давыдка...—прибавилъ онъ, тыкая въ себя пальцемъ, и въ голосѣ его зазвучала не то горечь, не то другая какая-то нотка, которая еще больше поворотила къ нему сердце Зарыни.—И знаете, что я вамъ скажу?—протянулъ Давыдка своимъ характернымъ акцентомъ.—Не надо Давыдкѣ червонцевъ! Господинъ бога-атый смотритъ на Давыдку и не считаетъ Давыдку за человѣка, потому что Давыдка бѣдный, а онъ богатый. А не знаетъ господинъ богатый, что и у Давыдки есть богатое только у своего, что послѣдній передъ смертью обѣдъ, который въ нашемъ животѣ понесутъ съ нами въ могилу!

— Ну, только безъ подробностей.

— Глупый не понимаетъ это, а какъ смерть придетъ, и глупый догадается, что Давыдка умнѣй его былъ.

Кончилось тѣмъ, что Давыдка не только получилъ сполна за работу, но получилъ разрѣшеніе взять и закурить папироску, но выпросилъ еще и 3 рубля аванса въ счетъ будущихъ работъ.

Но дѣло обошлось совсѣмъ иначе. Онъ такъ упалъ духомъ отъ перваго же замѣчанія, что совершенно растерялся и сталъ подъ вліяніемъ убѣжденія, что хуже того, что онъ сдѣлалъ, ничего въ мірѣ не могло быть. Ясно, какъ это

отношеніе портного къ своему произведенію дѣйствовало на молодого заказчика: костюмъ показался ему еще отвратительнѣе, и всѣ мечты о блескѣ праздника въ новомъ костюмѣ разлетѣлись и замѣнились унынiемъ и раздраженiемъ. Раздраженiе это передалось и приставу, и онъ сначала спокойно, но потомъ все сильнѣе и сильнѣе кипятясь, разразился слѣдующей энергичной тирадой:

— Э, да что съ тобой говорить! Я на твой счетъ, каналья, отдамъ передѣлать! Давай остатки!!

Это было самое ужасное. Ицка полѣзъ въ карманъ и вытащилъ два жиденькихъ обрѣзка.

— Все?!

Ицка растерянными, даже какъ будто повеселѣвшими вдругъ глазами смотрѣлъ въ лицо пристава.

— Укралъ, мерзавецъ?!

У Ицки духу не хватило отпираться, такъ было очевидно, что онъ укралъ.

Одинъ, два, три, и удары посыпались по обѣимъ щекамъ Ицки.

„Бьетъ“,—тоскливо промелькнуло въ головѣ Ицки.

А въ то же время лицо его подъ ударами пристава, точно по командѣ, послушно поворачивалось то въ ту, то въ другую сторону.

— Вонъ!!

Ицка не сталъ ждать приглашенiя и вылетѣлъ въ дверь.

Давыдка съежился и точно не замѣчалъ, что происходитъ съ его другомъ. Когда приставъ, наругавшись досыта и проклиная всю жидовскую нацiю, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, жена его проговорила укоризненно Давыдкѣ:

— Какъ же, Давыдка, ты честный человѣкъ, а дружишь съ воромъ?

Давыдка только вздохнулъ и съ непривычнымъ угрюмымъ видомъ началъ складывать свою простыню.

Ицка, выйдя на улицу, остановился подъ аркой запертыхъ воротъ и уныло смотрѣлъ предъ собою. Обрывки мыслей вертѣлись въ головѣ.

„Нѣтъ денегъ... праздники... что сказать ожидавшей семьѣ?“

И все это, какъ огнемъ кипящiй горшокъ, ожигалось горькимъ чувствомъ обиды отъ ощущенiя битаго лица...

Въ калиткѣ показался Давыдка.

„Гиръ-гиръ, гиръ-гиръ“,—и друзья оживленно обмѣнялись мыслями.

Давыдка еще подумалъ и медленно пошелъ назадъ въ домъ, а Ицка, попрежнему, остался ждать.

Давыдка, рѣшительно войдя въ домъ, осторожно, съ таинственной физіономіей подкрался къ женѣ пристава.

— Господи, какъ ты меня испугалъ! Чего тебѣ надо?!

Давыдка лукаво подмигнулъ въ сторону кабинета пристава.

— Да говори толкомъ!

Давыдка на этотъ разъ далеко не краснорѣчиво попросилъ приставшу похлопотать у пристава за Ицку.

— Я тебя совсѣмъ не понимаю, Давыдка... какой же ты честный, когда ты самъ видишь, что человѣкъ укралъ...

— Тце!..

Но Давыдка за этимъ, такъ энергично сорвавшимся восклицаніемъ, перебившимъ рѣчь приставши, напрасно собиралъ свои слова для новаго приступа.

— Нѣтъ, нѣтъ, Давыдка, и не проси... Я не пойду къ мужу... Да онъ меня и не послушаетъ... ты не знаешь еще, какой онъ, когда разсердится...

— Тце!

— Да что, тце да тце—я не пойду

Давыдка вздохнулъ.

— Что за нахальство, право? Ужъ, кажется, все дали, и деньги и впередъ,—нѣтъ, еще лѣзетъ... Да еще за кого просить...

— Эхъ...

— Ну, уходи,—вспыхнула окончательно приставша.

— Сударыня... Вы добрый человѣкъ... Слушайте, что я вамъ скажу...

— Ничего не хочу слушать.

Глаза Давыдки напряженно перебѣгали съ лица приставши въ пространство.

Приставша случайно взглянула на Давыдку и вдругъ проговорила:

— Иди самъ къ мужу.

Давыдка нерѣшительно посмотрѣлъ, быстро взвѣсилъ рискъ быть битымъ и проговорилъ съ отчаянной огорченной рѣшимостью:

— Хорошо...

Приставъ только было-собирался прилечь послѣ обѣда.

— Тебѣ чего?!—рѣзко остановилъ онъ вошедшаго Давыдку.

Душа Давыдки ушла въ пятки.

— Ваше высокоблагородіе... вы важный баринъ... Давыдка, можетъ, не смѣетъ смотрѣть на такого господина, какъ вы... Другой, можетъ, сказалъ бы: пошелъ вонъ, Давыдка, ты вонючій пархатый жидъ, а ваше высокоблагородіе жалѣете бѣднаго человѣка, потому что вы знаете, что Давыдка бѣдный, но честный человѣкъ...

Прпставъ сдвинулъ брови.

— Ты это адвокатомъ за Ицку?!

— Ваше высокоблагородіе...—затоптался онъ на мѣстѣ:— позвольте мнѣ, глупому человѣку, сказать два слова... Вы помните, и я и Ицка пришли торговаться... Вы знаете.... что грѣхъ тутъ прятать... я прямо настоящую цѣну назначилъ. Вы сами ученый человѣкъ... Ицкѣ противъ меня надо вдвое взять бы... Ну, считайте сами: подкладка...

— Да мнѣ какое дѣло, что онъ дуракъ...—проговорилъ приставъ, все ближе надвигаясь на Давыдку.

— Онъ дуракъ, онъ совсѣмъ глупый... онъ глупѣй свиньи,— быстро проговорилъ Давыдка и еще быстрѣе, не смотря, продолжалъ:

— Ваше высокоблагородіе, пошлите сына узнать, чи правду я говорю... Онъ въ лавку занесъ остатокъ, а взялъ подкладки... Ваше высокоблагородіе, вы человѣкъ справедливый... Васъ царь отличаетъ передъ всѣми... Ицка бѣдный жидокъ... ваши праздники и наши праздники... Вамъ все Господь далъ... на столѣ у васъ много будетъ...—Давыдка вспомнилъ окорокъ, и въ его головѣ пронеслась брезгливая мысль: „хай тебѣ съ твоимъ столомъ“,—кругомъ васъ ваша жена, дѣти ваши будутъ... У Ицки куска мацы не будетъ безъ тѣхъ денегъ... У Ицки девять человѣкъ голодныхъ сядетъ за пустой столъ... Его жена, его маленькія дѣти ругать и смѣяться станутъ надъ нимъ, что онъ къ такому празднику ничего не припасъ имъ... Вамъ все далъ Господь, еще дастъ... Пожалѣйте бѣднаго человѣка...

Приставъ слушалъ, чувствуя пустоту въ томъ мѣстѣ, гдѣ ужъ былъ приготовленъ отпоръ нахальному жидку. Вошедшая жена пристава присѣла на стулъ и, не глядя на мужа, угрюмо проговорила:

— Да отдай ужъ ему...

Приходилось сдаваться.

— Будь я собака и прохвостъ, если я еще когда-нибудь его позову!—взбѣшенно проговорилъ въ утѣшеніе себѣ приставъ, вытаскивая бумажникъ.

„Позовешь!“—промелькнуло въ головѣ Давыдки.

— Хай ему мама мордовала,—я и самъ съ нимъ не пойду больше...—отвѣтилъ Давыдка, ловя брошенныя деньги.

— И только потому даю, что ты честный человѣкъ...

Давыдка вспыхнулъ и кивнулъ головой отъ удовольствія имѣть право быть честнымъ человѣкомъ. Какъ упругая поверхность отражаетъ ударяющіяся о нее тѣла, такъ живое воображеніе Давыдки быстро отразило брошенное ему крылатое слово.

— Вы большой баринъ... Давыдка паршивый маленькій жидокъ, а Давыдка стоитъ рядомъ съ такимъ большимъ барномъ на одной доскѣ, и вамъ не стыдно съ нимъ стоять. А почему вамъ не стыдно съ нимъ сто-я-ять? Потому что вы знаете, что Давыдка честный человѣкъ... Пра-а-вда?

Приставъ кивнулъ головой

Но фантазія Давыдки разыгралась. Его вдругъ охватило непреодолимое желаніе еще нагляднѣе почувствовать свое право честнаго человѣка.

— Ваше высокоблагородіе... — Давыдка протянулъ свою грязную маленькую руку и замеръ на мгновеніе отъ страха.— Ваше высокоблагородіе... Никогда чужого эта рука не взяла... Никогда мнѣ такой важный баринъ...

Давыдка остановился, собралъ всѣ силы и, рѣшительно, чуть-чуть даже нахально кивнувъ головой, проговорилъ:

— Пожмите мнѣ эту руку!

Растрепанный, съ грязной помятой манишкой, весь въ пуху, распространяя вокругъ себя тонкій ароматъ чесноку, съ двумя когда-то бѣлыми кисточками, живописно торчавшими изъ-подъ жилетки, Давыдка держалъ въ воздухѣ протянутую руку и вдохновенно смотрѣлъ на пристава.

— Что жъ,- -растерялся приставъ:—я пожму,—и онъ дѣйствительно какъ-то быстро-сконфуженно пожалъ руку Давыдки.

Давыдка побагровѣлъ, и на лицѣ его отъ напряженія надулись жилы. Онъ важно, подавленнымъ отъ избытка чувствъ голосомъ, рѣшительно проговорилъ, отчаянно махнувъ рукой:

— Сына въ солдаты отдамъ,- -пехай царю служитъ!

И, принеся эту высшую жертву на алтарь отечества, Давыдка, уже съ полнымъ апломбомъ протянувъ руку приставу и двумъ подросткамъ, которымъ подалъ свою маленькую грязную руку даже съ какимъ-то покровительственнымъ снисхожденіемъ, вышелъ изъ кабинета.

Отецъ будущаго солдата даже и предъ собакой почувствовалъ свое достоинство и, почти не поворачиваясь къ ней, гордо прошелъ мимо. Только у самой калитки онъ какъ-то совершенно безсознательно ускорилъ послѣдній шагъ и, выпрыгнувъ, неожиданно очутился передъ Ицкой.

Ицка все въ той же позѣ тревожно впился глазами въ Давыдку.

Давыдка молча вынулъ деньги и передалъ ихъ Ицкѣ.

Ицка облегченно вздохнулъ, пересчиталъ деньги и быстро спряталъ ихъ въ карманъ.

Друзья пошли домой.

Давыдка, сдвинувъ совсѣмъ на затылокъ свою шапку, не спѣша выступалъ по улицѣ съ заложенными въ карманы

штановъ руками, весь погруженный въ пріятныя ощущенія всего происшедшаго.

Проходя мимо старой еврейки, разложившей маковники, Давыдка пренебрежительно остановился и, перебравъ почти весь товаръ выбралъ, по числу дѣтей, семь самыхъ лучшихъ тяжелыхъ маковниковъ. Такъ какъ слѣдовало за нихъ 3½ копейки, а съ данныхъ Давыдкой 4 копеекъ полкопейки сдачи не оказалось, то Ицка, переговоривъ съ другомъ, взялъ тоже одинъ маковникъ для Гершки

Черезъ нѣсколько минутъ, тихо отворивъ дверь, Ицка осторожно вошелъ въ свою квартиру и, окинувъ всѣхъ своими потухшими глазами. остановился на поправлявшемся и уже сидѣвшемъ Гершкѣ. Осторожно шагая черезъ дѣтей, онъ подошелъ къ его кровати и, присѣвъ на корточки, внимательно осмотрѣлъ поврежденный глазъ сына

Лицо Ицки освѣтилось тихой, яской радостью: далеко-далеко, въ раздѣлѣ двухъ опухолей, цѣлый и невредимый глазъ Гершки уже сверкалъ привычнымъ выраженіемъ отца.

Ицка облегченно вздохнулъ и подумалъ: „будетъ портнымъ“.

Гершка ничего не подумалъ, но съ удовольствіемъ схватилъ худенькой ручкой маковникъ, жадно сталъ ѣсть его, причемъ каждый кусочекъ сопровождался завистливыми и внимательными взглядами, въ безмолвномъ созерцаніи столпившихся вокругъ него, братьевъ и сестеръ.

Давыдка побѣдителемъ, съ шапкой на затылкѣ, сидѣлъ на рабочемъ столѣ, болталъ ногами, а кругомъ него веселый, дружный „гиръ-гиръ“ звонче, чѣмъ когда бы то ни было, оглашалъ спертый тяжелый воздухъ двухъ маленькихъ грязныхъ комнатъ.

Пятнадцатилѣтняя дочка Давыдки, молодая невѣста, съ черными большими глазами, придерживая сваливавшуюся косу, вытянувъ шею, веселыми блестящими глазами смотрѣла и жадно вслушивалась въ обобщеніе отца, который, махнувъ рукой, какъ то небрежно, весело закончилъ:

— И свиньей я его назвалъ, и мнѣ вдвое больше онъ далъ, и спередъ далъ, и руку пожалъ, а Ицку по мордѣ...

Даже пятилѣтній Лейба съ живописно торчащимъ сзади хвостикомъ грязной рубахи, обсасывая свой маковникъ, ловя интонацію звуковъ, весело кричалъ:

— Гвултъ!

И прыгалъ на одной ногѣ.

1892.

СТАРЫЙ ЕВРЕЙ.

Дождь мелкій, осенній. Пріударитъ сильнѣе и опять сѣетъ, какъ сквозь рѣшето, застилая даль мокрымъ туманомъ. Сильный вѣтеръ захватитъ въ охапку деревья и гнетъ ихъ, и летятъ полужелтые мокрые листья.

Грязныя поля, мокрыя скирды хлѣбовъ на потемнѣвшемъ жнивьѣ.

Дождь льетъ и льетъ, разсказывая злую сказку хозяевамъ всѣхъ этихъ скирдъ, какъ ничего не останется отъ богатыхъ нѣкогда надеждъ.

— Ничего не останется. — И старый еврей, тяжелый и большой, грязный и старый, съ сѣдой бородой, пригнувшись, ѣдетъ и смотритъ изъ-подъ зонтика однимъ глазомъ.

Пара лошадей легкой рысцой тащитъ перегнувшуюся на бокъ плетушку, азямъ ямщика, промокшій уже насквозь, блеститъ отъ воды, какъ шелковый, и вода съ шапки непрерывной струйкой льетъ за спину ямщику, — но онъ сидитъ неподвижный, какъ изваяніе.

— Охо-хо,—вздыхаетъ старый еврей и опять погружается въ туманы своей души.

Осень и тамъ,—идутъ дожди, и все уже охвачено мокрой пылью осенняго покрова. Старая, никому ненужная жизнь подходитъ къ концу. Только и осталось отъ нея, что соблюдалъ законы, не ѣлъ того, что̀ не положено, справлялъ шабашъ...

Было худо, думалъ, хуже не можетъ быть, и стало совсѣмъ худо. И когда стало? Когда бросилъ даже на проценты деньги давать... Дѣти настояли, — ученыя дѣти, — хо-хо,—говорятъ, что неловко.... Ну, купилъ землю... До сената доходило дѣло: имѣетъ ли право ссыльный еврей въ мѣстѣ своей ссылки покупать землю? Утвердилъ сенатъ купчую. Какъ и не утвер-

дить? Надо же жить гдѣ-нибудь человѣку. Ну, былъ виноватъ—сослали. Болѣло сердце за старой родиной, — другое солнце тамъ, другіе люди,—переболѣло. Двадцать пять лѣтъ прошло, и привыкъ: новыя мѣста новой родиной стали. Жилъ, маклеровалъ при продажѣ имѣній, на проценты деньги давалъ... А развѣ русскіе не даютъ? Русскій хуже еще: еврей трефного не ѣстъ, а русскій всего сразу и съ сапогами проглотитъ... Семенъ Иларіоновичъ четвертую часть въ губерніи земли дворянской проглотилъ и не подавился: двѣсти тысячъ десятинъ... Вырубилъ лѣсъ, уничтожилъ усадьбы, сады, какъ Мамай прошелъ по землѣ, тройную аренду за землю назначилъ крестьянамъ, всѣхъ нищими сдѣлалъ, въ кандалы заковалъ, всѣ проклинаютъ его... А кто проклинаетъ его, стараго еврея? За что проклинать? Что купилъ тамъ золотую брошку у барыни, которую удалось ей спасти, когда Семенъ Иларіонычъ описывалъ ея имѣніе и всю движимость? А когда случалось передъ самыми торгами уже найти вдругъ покупщика по вольной цѣнѣ, Семенъ Иларіонычъ разорвать готовъ былъ стараго еврея и кричалъ: — „Пропадаемъ отъ жидовъ!“.

А жидовъ-то всего десять человѣкъ на всю губернію, и богатства — всѣхъ за одну селедку купить можно, а губернія разорена... А скажешь,—правды не любятъ!

— Ты еще разсуждать: погоди, дай срокъ, жидюга проклятая...

А тутъ дѣти выросли, выучились, писать стали въ газетахъ: еще хуже озлились, а все на его старую голову...

Бросилъ все, купилъ землю, хотѣлъ хозяйновать, какъ дѣдъ когда-то на Волыни, когда держалъ имѣніе въ посессіи.

Хорошо тогда было жить. Бывало, по непаханой землѣ заскородятъ только землю, и родитъ хлѣбъ, какого нѣтъ больше. Взрослый работникъ — двадцать копеекъ... Можно было хозяйничать... Перемѣнились времена: все дорого стало, и паханая не родитъ теперь больше земля.

Другіе люди пришли, другіе порядки, и не зналъ онъ ихъ... То къ нему ходили за деньгами, а теперь самъ ищетъ ихъ, и нѣтъ денегъ: пропали всѣ деньги, убѣжали изъ глазъ и не видно ихъ, нигдѣ больше не видно.

— Охо-хо...

Такъ все переворачивается...

Двадцать пять лѣтъ прошло, зоветъ предсѣдатель казенной палаты:

— Милость вамъ: манифестъ,—прощеніе...

— Ну что жъ, благодарю. Я старался, все бросилъ, землю купилъ...

— Вы больше не ссыльный, вамъ возвращены всѣ права.

— Очень даже радъ я.

— Поэтому вы должны возвратиться въ черту вашей осѣдлости.

Смѣется.

А всѣ деньги въ землѣ, въ хозяйствѣ. Кто купитъ землю по вольной цѣнѣ, когда всѣ знаютъ, что дойдетъ дѣло до торговъ?

А полиція гонитъ: уѣзжай.

Въ первую гильдію хотѣлъ записаться, чтобы получить права: былъ подъ судомъ,—нельзя.

Пошелъ къ Семену Иларіоновичу.

— Семенъ Иларіонычъ, приставъ въ вашемъ домѣ живетъ: онъ васъ послушаетъ, скажите ему, чтобы позволили мнѣ лишнее остаться, пока устрою дѣла.

— Я ничего не могу здѣсь, — сказалъ Семенъ Иларіоновичъ,—а и могъ бы, не сдѣлалъ. Какъ пишетъ твой Соломонъ? Врага бей. А ты мнѣ не другъ,—не былъ и не будешь.

Что дѣлать? Дѣти разлетѣлись, кто куда: одинъ за границей, другой въ Сибири: новыя времена, новыя пѣсни...

Уѣхалъ...

Нанялъ приказчика. Воруетъ приказчикъ. Не терпитъ сердце, и ѣдетъ теперь тайкомъ, какъ воръ, въ свое имѣніе старый еврей. Какъ снѣгъ на голову, накроетъ сразу и все узнаетъ, самъ хлѣбъ соберетъ и продастъ, — пусть воруетъ тогда на пустомъ мѣстѣ... Какъ собрать только, какъ продать, когда все, можетъ-быть, сгніетъ. А можетъ-быть, его приказчикъ и успѣлъ все собрать, чтобы поскорѣе набить свои карманы? Можетъ, продалъ уже все или продаетъ, сегодня вечеромъ продастъ, въ ту минуту, когда онъ будетъ входить въ свой домъ?

Ой-ой... Поѣзжай же скорѣе, что же ты ѣдешь, какъ не живой... И кони твои худые, и плетушка твоя хуже телѣги трясетъ.

Трясетъ и болитъ печень, и опять пойдутъ черезъ все камни: докторъ запретилъ ѣздить, приказалъ лѣчиться, брать теплыя ванны. И ванну купилъ, и такъ и стоитъ въ деревнѣ: теперь гдѣ брать ванны? Въ семьдесятъ четыре года новая ссылка вышла, а за что?

Поздно пріѣхалъ старый еврей и совсѣмъ больной. Не ругалъ приказчика, не позвалъ даже и сейчасъ же приказалъ согрѣть ванну. Принялъ ванну, но идутъ тамъ, въ почкахъ,

камни, и стонетъ отъ боли старый еврей въ холодномъ каменномъ мрачномъ домѣ. Подъ высокіе потолки уходятъ его стоны, свѣчка едва прерываетъ мракъ большой и пустой комнаты.

Когда-то съ торговъ купилъ онъ это имѣніе и клялъ владѣльца, когда, пріѣхавъ, не нашелъ никакой мебели. Хотѣлъ купить новую, да такъ и не собрался.

— Ой, какъ болитъ тамъ въ печени.. И зачѣмъ купилъ онъ тогда это имѣніе? Давали отсталого, зачѣмъ не взялъ?

Такъ и заснулъ онъ, вздыхая и охая: старый, тяжелый, рыхлый...

Спитъ, и снится ему нехорошій сонъ: кто-то ломится къ нему въ двери, чтобы обокрасть его. Проснулся отъ страха старый еврей и не спитъ уже, а слышитъ: стучатъ къ нему въ двери.

— Кто тамъ?

— Отворите: полиція, урядникъ.

— Что такое? Зачѣмъ урядникъ?

Дверь отворена: толпа людей, урядникъ.

— Позвольте ваше разрѣшеніе на пріѣздъ.

— Что такое? Какое разрѣшеніе? Я хозяинъ здѣсь и имѣю право...

— Одѣвайтесь.

— Что такое одѣваться? Зачѣмъ одѣваться?

— Чтобъ ѣхать назадъ: лошади поданы.

— Что?.. Вонъ. Не поѣду.

— Тогда этапнымъ порядкомъ отвезутъ,—вотъ понятые.

— Какіе понятые? Я больной. Какъ вы смѣете?.. Я губернатору буду жаловаться, я буду телеграфировать министру... Да что вы себѣ думаете?

— Насильно одѣнемъ,—хуже будетъ...

— Что же это?.. Ну, на, возьми...

Старый босой еврей пошелъ къ кровати тяжелой разбитой походкой, вытащилъ изъ-подъ подушки большой грязный кошелекъ, досталъ рублезку и протянулъ ее уряднику.

— Будьте свидѣтелями,—подкупаетъ,—обратился урядникъ къ понятымъ.

— Что жъ это, — растерянно оглянулся кругомъ старый еврей. Онъ заговорилъ упавшимъ голосомъ: — Я больной, я старый... Господи, за что же?

Онъ присѣлъ на стулъ, толпа понятыхъ и самъ урядникъ молча потупились:

— Что мы можемъ? Законъ.

Въ дверяхъ показался въ это время рыжій плутоватый приказчикъ.

Видъ этого приказчика сразу вызвалъ бѣшеный гнѣвъ.

— А, это ты, ты... Тебѣ это надо... Монхъ денегъ не берутъ: у тебя больше, чтобъ подкупать.

И брань, проклятія посыпались на вошедшаго.

— И всѣ вы мошенники, кровопійцы, разбойники, — кричалъ изступленно еврей.

— Одѣвайте его, — скомандовалъ потерявшій терпѣніе урядникъ.

Стараго еврея одѣли и на рукахъ снесли въ плетушку.

Шелъ дождь, завывалъ вѣтеръ, колыхалось пламя фонарей, вѣтеръ рвалъ старую, сѣдую бороду, рвалъ и уносилъ послѣднія слова уѣзжавшаго стараго еврея:

— Хуже послѣдней собаки... И той можно издохнуть въ своей берлогѣ.

Но уже больше ничего не было слышно.

1901.

ГЕНІЙ *).

I.

Всѣ въ городѣ знали стараго громаднаго еврея съ длинными, всклокоченными, какъ львиная грива, волосами, съ бородой, которая отъ старости была желта, какъ слоновая кость.

Онъ ходилъ въ лапсердакѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ и только тѣмъ развѣ и отличался отъ остальныхъ евреевъ, что смотрѣлъ своими громадными на выкатѣ глазами не внизъ, какъ, говорятъ, смотрятъ всѣ евреи, а куда-то вверхъ.

Проходили годы, поколѣнія смѣнялись поколѣніями, неслись съ грохотомъ экипажи; озабоченной вереницей торопились мимо прохожіе, мальчишки, смѣясь, бѣжали,—а старый еврей, торжественный и безучастный, все такъ же двигался по улицамъ съ устремленнымъ взглядомъ туда, вверхъ, точно онъ видѣлъ тамъ то, чего другіе не видѣли.

II.

Единственный человѣкъ въ городѣ, котораго старый еврей удостаивалъ своего вниманія, былъ учитель математики одной изъ гимназій.

Каждый разъ, замѣтивъ его, старый еврей останавливался и долго, внимательно смотрѣлъ ему вслѣдъ. Можетъ-быть, и учитель математики замѣчалъ стараго еврея, а можетъ-быть, и нѣтъ, потому что это былъ настоящій математикъ, — разсѣянный, маленькій, съ физіономіей обезьяны, который ничего, кромѣ своей математики, не зналъ, не видѣлъ и знать не хотѣлъ. Засунутъ въ карманъ, вмѣсто платка, губку, ко-

---

*) Въ основаніе разсказа взятъ истинный фактъ, сообщенный автору М. Ю. Гольдштейномъ. Фамилія еврея—Пастернакъ. Авторъ самъ помнитъ этого еврея. Подлинная рукопись еврея у кого-то въ Одессѣ. *Прим. авт.*

торою вытираютъ доску, явиться на урокъ безъ сюртука, — стало для него настолько обычнымъ дѣломъ, а глумленіе учениковъ дошло до такихъ размѣровъ, что учитель наконецъ вынужденъ былъ оставить преподаваніе въ гимназіи.

Съ тѣхъ поръ онъ весь отдался своей наукѣ и выходилъ изъ дому только для того, чтобы пообѣдать въ кухмистерской. Жилъ онъ въ своемъ собственномъ, доставшемся ему отъ отца, большомъ домѣ, съ верху до низу набитомъ квартирантами. Но почти никто изъ квартирантовъ ничего не платилъ ему, потому что все это былъ неимущій, бѣдный людъ.

Домъ былъ грязный, многоэтажный. Но грязнѣе всего дома была квартира изъ двухъ комнатъ въ подвальномъ этажѣ самого учителя, вся заваленная книгами, исписанной бумагой, съ такимъ толстымъ слоемъ пыли на нихъ, что если бы поднять ее всю въ разъ, то, пожалуй, можно было бы и задохнуться.

Но ни учителю ни старому коту, другому обитателю этой квартиры, никогда и въ голову не приходила такая мысль: учитель неподвижно сидѣлъ за своимъ столомъ и писалъ выкладки, а котъ безъ просыпу спалъ, свернувшись клубкомъ на подоконникѣ съ желѣзными рѣшетками.

Пробуждался онъ только къ обѣду, когда наступало время встрѣчать учителя изъ кухмистерской. И онъ встрѣчалъ его улицы за двѣ — старый, облѣзлый. Долгимъ опытомъ котъ зналъ, что изъ тридцатикопеечнаго обѣда полпорціи отрѣзывалось для него, завертывалось въ бумагу и выдавалось ему, когда онъ возвратится домой. И, предвкушая наслажденіе, котъ съ высоко поднятымъ хвостомъ, изогнутой спиной, весь въ клочкахъ слежавшейся шерсти, шагалъ по улицамъ впереди своего хозяина.

III.

Дверь въ квартиру учителя отворилась однажды, и въ нее вошелъ старый еврей.

Старый еврей, не спѣша, вынулъ изъ-за жилетки грязную, толстую, всю исписанную по-еврейски тетрадь и передалъ ее математику.

Математикъ взялъ тетрадь, повертѣлъ ее въ рукахъ, задалъ нѣсколько вопросовъ, но старый еврей, очень плохо говорившій по-русски, почти ничего не понялъ, но математикъ понялъ, что въ тетради рѣчь идетъ о какой-то математикѣ. Понялъ, заинтересовался и, найдя переводчика, занялся изученіемъ рукописи. Результатъ этого изученія былъ необычный.

Черезъ мѣсяцъ еврей былъ приглашенъ въ мѣстный университетъ въ отдѣленіе математическаго факультета

Въ залѣ засѣдали математики всего университета, всего города, засѣдалъ и старый еврей, такой же безучастный, со взглядомъ вверхъ, и черезъ переводчика давалъ свои отвѣты.

— Сомнѣнія нѣтъ,—сказалъ еврею предсѣдатель,—вы, дѣйствительно, сдѣлали величайшее изъ всѣхъ въ мірѣ открытій: вы открыли дифференціальное исчисленіе... Но, къ несчастью для васъ, Ньютонъ уже открылъ его двѣсти лѣтъ назадъ. Тѣмъ не менѣе вашъ методъ совершенно самостоятельный, отличный и отъ Ньютона и отъ Лейбница.

Когда ему перевели, старый еврей спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Его сочиненія написаны на еврейскомъ языкѣ?

— Нѣтъ, только на латинскомъ,—отвѣтили ему.

IV.

Старый еврей пришелъ черезъ нѣсколько дней къ математику и кое-какъ объяснилъ ему, что желалъ бы учиться математикѣ и латинскому языку. Въ числѣ квартирантовъ учителя нашлись и студентъ-филологъ и студентъ-математикъ, которые за квартиру согласились учить еврея, одинъ—латинскому языку, другой- основамъ высшей математики.

Старый еврей ежедневно съ учебниками приходилъ, бралъ уроки и уходилъ учить ихъ на домъ. Тамъ, въ самой грязной части города, по темной, вонючей лѣстницѣ взбирался онъ среди коростливыхъ дѣтей на свой чердакъ, пожертвованный ему еврейскимъ обществомъ, и въ сырой, грибами поросшей конурѣ, присѣвъ у единственнаго окна, училъ заданное.

Теперь, въ часы отдыха, старый еврей, на вящшую потѣху ребятишекъ, часто шагалъ рядомъ съ другимъ уродомъ города—маленькимъ, съ лицомъ обезьяны, учителемъ. Молча шли они, молча разставались и только на прощаніе пожимали руку другъ другу.

V.

Прошли три года: старый еврей могъ уже прочитать въ подлинникѣ Ньютона. Онъ прочелъ его разъ, другой, третій. Сомнѣнія не было. Онъ дѣйствительно, онъ, старый еврей, открылъ дифференціальное исчисленіе. И, дѣйствительно, оно было уже открыто 200 лѣтъ тому назадъ величайшимъ геніемъ земли. Онъ закрылъ книгу, и все было кончено. Все было доказано. Это зналъ онъ одинъ. Чуждый волновавшейся

вокругъ него жизни, ходилъ старый еврей по улицамъ города съ безконечной пустотой въ душѣ.

Застывшимъ взглядомъ онъ смотрѣлъ на небо и видѣлъ тамъ то, чего другіе не видѣли: величайшаго генія земли, который могъ бы подарить міръ новыми величайшими открытіями и который пригодится только для того, чтобы быть посмѣшищемъ и забавой дѣтей.

Однажды нашли стараго еврея мертвымъ въ его конурѣ. Въ застывшей позѣ, онъ, какъ изваяніе, лежалъ, облокотившись на руки. Густыя пряди цвѣта пожелтѣвшей слоновой кости волосъ разсыпались по лицу и плечамъ. Глаза его смотрѣли въ раскрытую книгу, казалось, послѣ смерти еще читали ее.

1901.

ВАЛЬНЕКЪ-ВАЛЬНОВСКІЙ.

I.

Вальнекъ-Вальновскій былъ...

Кѣмъ не былъ на своемъ вѣку Вальнекъ-Вальновскій? Все его прошлое представляло собой пеструю груду какого-то хлама. Да, вы встрѣчали Вальнекъ-Вальновскаго не разъ въ своей жизни.

Встрѣчали молодымъ въ блестящей формѣ, беззаботно спѣшащимъ, не желающимъ чувствовать гнета жизни на своихъ 20-лѣтнихъ плечахъ.

Позднѣе вы его видѣли въ свадебной каретѣ своего богатаго тестя.

Вы, можетъ-быть, слыхали потомъ о какой-то непріятной исторіи въ полку изъ-за картъ.

Теперь вы не узнаете Вальнека въ этомъ сутуловатомъ, истаскашномъ, съ брюшкомъ, господинѣ, въ пыльныхъ дырявыхъ сапогахъ, въ истасканной крылаткѣ, въ бѣлой, грязной отъ пальцевъ фуражкѣ.

Его носъ сдѣлался мясистымъ и краснымъ, появилась колючая щетина; его голубые глаза полиняли и жадно бѣгаютъ по лицамъ прохожихъ. Но память сохранила воспоминаніе о быломъ, сохранилась ненавистная жажда жизни.

И свой послѣдній рубль онъ спускаетъ такъ же, какъ нѣкогда спустилъ все.

Сколько было этого всего?

100... 200... 700 тысячъ, — больше или меньше, — право давности и парастающихъ процентовъ за Вальнекомъ, и всѣ онѣ его, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ меньше цѣны послѣднему рублю...

Есть еще что-то молодое и сильное во всей этой потасканной фигурѣ.

Всмотритесь въ эту массу подвижныхъ складокъ на лбу,— онѣ движутся, шевелятся, онѣ — откликъ мыслей Вальнека, придающія всему лицу его какую-то неопредѣленную, но живучую подвижность. Всмотритесь въ его густую щетину, грязную, рыжую Всѣ онѣ, эти щетины, каждая отдѣльно, торчатъ, лѣзутъ впередъ, точно также хотятъ говорить, энергично говорить... о чемъ? Все о томъ же, о сохранившейся силѣ своего хозяина...

Да, сила есть, и съ ней надо считаться... Она сама сочтется.

II.

На сорокъ шестомъ году жизни Вальнека, капризная судьба пожелала испытать свою закабаленную жертву въ новой специальности, — желѣзнодорожной, въ скромной роли десятника по изысканіямъ.

III.

Мѣсто въ 60 рублей въ мѣсяцъ на нѣсколько мѣсяцевъ обезпечено, 100 рублей подъемныхъ получены и уже съѣдены. Изъ нихъ ни копейки не отправлено женѣ и 7 дѣтямъ, изъ которыхъ старшей 16, а младшій еще ползаетъ въ грязи немытаго пола.

Въ гостиницѣ за три недѣли съѣдено и выпито... Вальнекъ не считалъ сколько,—сочтутъ и безъ него.

Надо еще доѣхать до мѣста работъ на эти же деньги. На какія деньги? Вальнекъ рѣшительно ничего не понималъ. Это мѣсто, о которомъ онъ мечталъ, какъ о какомъ-то недосягаемомъ блаженствѣ, хуже, чѣмъ ничего.

Тамъ хоть поймалъ кусокъ, съѣлъ и мыслей нѣтъ. А здѣсь эти мысли шевелятся, жгутъ и не даютъ покоя.

Но сколько же надо Вальнеку денегъ?! Много, очень много... Сперва для себя... Завтра тоже для себя... а для семьи? Нѣтъ, еще для себя...

Сколько же?! Нѣтъ дна въ алчныхъ глазахъ Вальнека, нѣтъ счета его щетинамъ, и каждая торчитъ, каждая шевелится, каждая хочетъ—эта стомилліонная жадная гидра.

Чтобъ выѣхать къ мѣсту работъ и расплатиться, надо сейчасъ же еще 100 рублей. Гдѣ ихъ взять?

Есть выходъ. Техникъ получаетъ 100 рублей въ мѣсяцъ. Лишнихъ 40 рублей не много... Лишнихъ 500 было бы лучше, конечно, эти 500 больше принадлежатъ Вальнеку, ему, на всѣ руки способному, Вальнеку, чѣмъ кому бы то ни было; но что дѣлать?

Было время, и онъ сидѣлъ за роскошнымъ столомъ, думалъ вѣкъ сидѣть... Теперь приходится хоть крохи отъ роскошнаго стола подбирать. А здѣсь ли еще не столъ, когда милліоны собираются посыпаться, какъ изъ дыряваго мѣшка.

Только умѣть подставить руки, знать, гдѣ стать.

О, Вальнекъ спокоенъ за себя! Отъ него не спрячутся, онъ сыщетъ и накроетъ всѣхъ этихъ грѣющихъ руки, и они раздвинутся, должны будутъ волей-неволей раздвинуться и дать мѣсто за этимъ столомъ Вальнеку.

Все придетъ и никуда не дѣнется! Теперь пока ступенька за ступенькой надо перейти изъ десятниковъ въ техники.

Для этого нужно знать, какъ ему сказали, нивеллировку.

Что̀ такое нивеллировка?

Вальнекъ не зналъ, что̀ такое нивеллировка, но, судя по плюгавой физіономіи техника, сообщавшаго ему о ней, Вальнекъ невысокаго мнѣнія былъ объ этой нивеллировкѣ, — настолько невысокаго, что онъ уже заявилъ на всякій случай своему инженеру:

— Я не имѣю обыкновенія кричать о себѣ; господинъ начальникъ самъ увидитъ на дѣлѣ и не захочетъ обидѣть и безъ того обиженнаго жизнью человѣка.

— Я предложилъ вамъ все, что̀ могъ предложить человѣку, знающему только нивелировать. Если бъ вы умѣли нивеллировать...

— Я умѣю,—скромно отвѣтилъ Вальнекъ.

— Если окажется, что вы умѣете...

— Я надѣюсь на себя и твердо вѣрю, что оправдаю довѣріе.

Было, конечно, рискованно такъ обнадеживать свое начальство; но Вальнекъ зналъ правило: кто не рискуетъ, тотъ не выигрываетъ; а чего другого желалъ Вальнекъ, какъ не выиграть?

Что̀ выиграть? Все, все... весь міръ. Да и что̀ такое вся жизнь, какъ не одинъ сплошной рискъ?

IV.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, — изъ нихъ первый Вальнекъ,—но кто другой, который къ тому же подѣлился бы съ нимъ своими свѣдѣніями по нивеллировкѣ?

Плюгавый техникъ?

О, какъ наивно и легкомысленно было бы со стороны Вальнека ввѣрить свою тайну этимъ потнымъ рукамъ, этому ничтожеству, сытому ошибками и промахами другихъ. Нѣтъ, гордый Вальнекъ не унизитъ себя! Да и глупость это была бы и большая глупость. Вся сила Вальнека въ своихъ надеждахъ на мѣсто техника кроется прежде всего въ соблюденіи стро-

жайшей тайны о томъ, что Вальнекъ не техникъ. Пока эта тайна въ надежныхъ рукахъ. И ужъ, конечно, не онъ, Вальнекъ, ее выболтаетъ. Другое дѣло тамъ на мѣстѣ, что будетъ...

Шелъ разъ по улицѣ Вальнекъ, заложивъ руки назадъ, и думалъ, гдѣ бы найти добрую душу, которая выучила бы его нивеллировкѣ.

Поднялъ глаза Вальнекъ и видитъ въ окнахъ чертежные столы, а у самаго окна стоитъ маленькій человѣчекъ, точно съ заспанными глазами, и смотритъ на Вальнека. Подумалъ Вальнекъ, повернулъ къ подъѣзду и позвонилъ.

Дверь отворилась, и передъ Вальнекомъ стоялъ тотъ самый маленькій человѣчекъ, котораго онъ видѣлъ въ окно.

Маленькій человѣчекъ какъ-то нехотя посторонился и тихо проговорилъ, пропуская Вальнека:

— Прошу.

Вальнекъ не заставилъ себя просить два раза.

Снявъ свою крылатку, шапку и держа ее въ одной рукѣ, другой оправить свою щетину, прійти сразу въ самодовольное настроеніе, проговорить вторично, шаркнувъ ногой, какъ старому знакомому, такъ свое „Вальнекъ-Вальновскій“, чтобы хозяинъ пригласилъ его, Вальнека, въ свой кабинетъ,—было дѣломъ привычнымъ для Вальнека. И хозяинъ не успѣлъ оглянуться, какъ Вальнекъ сидѣлъ уже въ креслѣ передъ хозяиномъ и жадно осматривалъ его, какъ цѣлящійся охотникъ, отыскивая болѣе вѣрное мѣсто своей жертвы,—жертвы потому, что все и ничего было девизомъ Вальнека — ничего и все; и гдѣ это все, тамъ или здѣсь, — въ этомъ хозяинѣ, въ этомъ, можетъ-быть, ужъ ему принадлежащемъ кабинетѣ...

Хозяинъ только непріятно морщился отъ этой грязной, сутуловатой фигуры своего неожиданнаго гостя.

Вальнекъ началъ-было издалека, но хозяинъ, очевидно, зналъ хорошо этотъ сортъ людей и повтореннымъ вопросомъ о цѣли прихода поставилъ Вальнека въ необходимость приступить къ дѣлу.

Вальнекъ огорченно съ упрекомъ на мгновеніе уставился въ человѣка, который не хочетъ ничего знать, кромѣ того, что касается лично его. Но тутъ же Вальнекъ подумалъ: „не хочешь, и чортъ съ тобой“, и приступилъ къ дѣлу.

Онъ, Вальнекъ, приглашенъ на предстоящія изысканія. Онъ имѣлъ основаніе отдать предпочтеніе именно этому приглашенію, хотя не можетъ не признаться, что теперь раскаивается немного. Но что дѣлать? слово дано...

Меньше всего, конечно, Вальнекъ думалъ въ эту минуту, что разговариваетъ онъ съ лицомъ, тоже прикосновеннымъ къ дѣлу предстоящихъ изысканій.

По словамъ Вальнека выходило, что онъ приглашенъ на какую-то должность, очень большую.

— Вы, собственно, на какую должность приглашены?

Вальнекъ уклонился отъ прямого отвѣта и опять принялся путать.

Хозяинъ послушалъ еще и поставилъ болѣе опредѣленный вопросъ.

— Кто васъ пригласилъ?

Вальнеку ничего не оставалось, какъ назвать фамилію одного изъ начальниковъ партій.

Этимъ отвѣтомъ рѣшалось все.

— Вы десятникъ?—спросилъ хозяинъ, опуская глаза. Вальнекъ остановился такъ, какъ останавливается вдругъ съ разбѣгу человѣкъ. Онъ широко раскрылъ глаза и, вздохнувъ тихо, покорно проговорилъ;

— Десятникъ...

Вальнекъ опять заговорилъ, и на этотъ разъ голосъ его звучалъ скромно той искренностью, какою говоритъ пацiентъ своему доктору, когда тотъ докопался наконецъ до причины, которая упорно не хотѣла сходить съ языка пацiента. Фигура Вальнека потеряла свою напыщенность, грязная щетина опустилась, тѣло осунулось, и, всматриваясь своими мутными глазами, которые уже ничего не искали въ собесѣдникѣ, кромѣ жалости къ нему — Вальнеку, онъ разсказалъ весь ужасъ своего положенiя.

Онъ—семейный человѣкъ. У него жена и семь душъ дѣтей. Дѣти безъ воспитанiя. Онъ бросилъ ихъ и жену въ Кiевѣ, и какъ они тамъ живутъ—онъ и представить себѣ не можетъ. Онъ былъ богатъ, теперь нищiй. Нѣтъ ужаснѣе этого перехода отъ роскоши къ неумолимой нуждѣ, когда неспособныя голова и руки отказываются отъ непривычной работы, а тѣло привыкло къ негѣ и удобствамъ. Жить такой жизнью и не видѣть выхода,—что̀ можетъ быть ужаснѣе? Умереть, лишить семью послѣдней поддержки? Легче умереть, чѣмъ жить, пережившi самого себя. Вальнекъ смахнулъ слезу, которая появилась на его рѣсницѣ.

— Я не могу понять, чѣмъ я могу быть полезенъ...

Вальнекъ на мгновенiе остановился.

„Ты можешь понять, какъ засунуть въ свое сытое брюхо еще одинъ лишнiй кусокъ, но человѣка въ несчастьѣ ты, конечно, не можешь понять, сытое быдло!“

Но Вальнекъ громко ничего этого не сказалъ и, вздохнувъ, заговорилъ равнодушнымъ, упавшимъ голосомъ...

— Я могъ бы быть техникомъ, если бъ зналъ нивеллировку... Я знаю ее,—жадно и поспѣшно проговорилъ онъ, видя вытянувшееся лицо хозяина, — но я забылъ.. Это давно было... Я никогда не думалъ, что мнѣ опять придется возвратиться... Мнѣ надо освѣжить въ памяти... Я увидѣлъ въ окнѣ чертежные столы, васъ— и подумалъ, что добраго человѣка посылаетъ мнѣ Господь на моемъ ужасномъ пути... и вотъ, отдавшись своему порыву, я вошелъ къ вамъ просить указать мнѣ лицо, которое могло бы помочь мнѣ вспомнить...

Хозяинъ внимательно всматривался въ гостя. Вальнекъ понялъ, что опять не убѣдилъ хозяина. Онъ почувствовалъ вдругъ всю горечь своего обнаженнаго униженія, обнаженнаго для того, чтобы вдобавокъ не повѣрили.

Сердце Вальнека закипѣло, и въ какой-то безсильной тоскѣ онъ уставился въ полъ.

— Подождите немного...

Хозяинъ всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

Немного погодя онъ возвратился съ молодымъ конфузливымъ человѣкомъ, который, быстро пожавъ руку Вальнеку, проговорилъ съ польскимъ акцентомъ:

— Я могу вамъ дать нужныя объясненія, но у меня нѣтъ ниведлира

— Нивеллиръ я могу достать,—радостно отвѣтилъ Вальнекъ.

— Въ такомъ случаѣ завтра, въ одиннадцать часовъ утра...

— Ахъ, я не могу передать вамъ...

И воспрявшій Вальнекъ, разсыпавшись въ благодарностяхъ, радостно выскочилъ на улицу и быстро зашагалъ въ квартиру своего начальника. Надо достать нивеллиръ. У Вальнека сложился по этому поводу цѣлый планъ... Онъ пойдетъ къ начальству и попроситъ нивеллиръ съ цѣлью сдѣлать будто бы одну работу въ сосѣдствѣ... Это была очень ловкая мысль. Вальнекъ, не говоря ни слова, такимъ образомъ уже превращался въ глазахъ начальства въ техника.

Но начальникъ Вальнека, выйдя къ нему въ переднюю, какъ только узналъ, за чѣмъ пришелъ Вальнекъ, какъ замахалъ руками и, проговоривъ: „у меня правило казенныхъ вещей не давать никому“, ушелъ совсѣмъ изъ передней, оставивъ Вальнека одного.

Вальнекъ только растерянно развелъ руками и вышелъ на улицу.

— Ну, чортъ его знаетъ, что̀ за человѣкъ?! Ну, что̀ это за люди?! Ну, ну, ну... Тьфу!

Вальнекъ плюнулъ отъ всего сердца и, совсѣмъ напыжившись, красный какъ ракъ, поползъ по улицѣ.

— Пся кревъ! Тьфу!— и Вальнекъ опять плюнулъ.

— Ну, что ему?! Ну, ну, ну...

Горькая обида, досада коробили, возмущали и волновали Вальнека—его, Вальнека-Вальновскаго, Вальнека, который въ свое время не пустилъ бы на порогъ къ себѣ этого хама! Сколько тебѣ? пять, десять, пятнадцать тысячъ?—Дай и гони въ шею!

Вальнекъ бросилъ взглядъ въ сторону. Взглядъ попалъ на далекую спокойную рѣку, освѣщенную яснымъ лѣтнимъ закатомъ, и въ мозгу Вальнека шевельнулось воспоминаніе о деревенскомъ домѣ тестя. Такой же былъ веселый вечеръ...— „Прочь!“—Вальнекъ прибавилъ шагу, уходя отъ тяжелыхъ непріятныхъ воспоминаній. Онъ пришелъ въ свою гостиницу, отперъ номеръ и нажалъ электрическій звонокъ. Вошелъ номерной.

— Никто не спрашивалъ?

— Никто.

Кто могъ его спрашивать? Вальнекъ угрюмо посмотрѣлъ въ окно, подумалъ, сбросилъ крылатку и спустился въ буфетъ.

Буфетчикъ вопросительно взялся за англійскую, Вальнекъ молча кивнулъ головой Буфетчикъ налилъ. Вальнекъ залпомъ выпилъ и началъ закусывать, жадно ловя вилкой какую-то гущу и набивая ею свой ротъ. Онъ выпилъ вторую, чѣмъ-то другимъ закусилъ и, сѣвъ за столъ, потребовалъ карточку. Съѣвъ два блюда и запивъ ихъ двумя бутылками пива, Вальнекъ, задумавшись, молча, сосредоточенно ковырялъ въ зубахъ.

Мимо окна прошла женщина улицы, остановилась и внимательно осматривала фигуру Вальнека Вальнекъ, встрѣтившись съ ней глазами, тоже сосредоточенно опершись о локоть, съ видомъ знатока уставился въ нее. Одинъ глазъ Вальнека прищурился, и голова склонилась на бокъ. Затѣмъ Вальнекъ всталъ и, кивнувъ головой въ знакъ согласія на вопросъ записать на номеръ, вышелъ въ прихожую, куда съ улицы въ то же время уже входила женщина, приглашенная имъ.

Ничего не говоря другъ съ другомъ, они молча стали подниматься по лѣстницѣ.

V.

— Вальнеку вы приказали отпустить нивеллиръ?—спрашивалъ въ конторѣ главный техникъ у своего начальника.

— Какъ приказалъ? Я запретилъ ему.

— Онъ взялъ его.

— Ну, слава Богу, я сегодня эту дрянь выгоню, я рѣшительно не въ силахъ выносить его. Вы знаете, онъ затѣялъ торговлю казенными инструментами.

Инженеръ разсказалъ всѣмъ, для чего Вальнеку понадобился нивеллиръ.

Вальнекъ только-что возвратился съ урока нивеллировки и веселый вошелъ въ пріемную.

Въ комнатѣ толпилось много разнаго народа.

— Нивеллиръ?!

Глаза инженера впились въ Вальнека.

— Тамъ нивеллиръ,—и Вальнекъ показалъ пальцемъ на переднюю.

— Вы позволили себѣ моимъ именемъ взять его изъ кладовой?!

Вальнекъ развязно, съ своей обычной манерой, собрался было что-то отвѣчать.

— Вы совершенно достаточно обнаружили, что̀ вы за личность! Вы больше не служите у меня!! Я васъ выгоню вонъ...

— Ихе!—сдѣлалъ только Вальнекъ и, растерянно разведя руками, медленно пошелъ изъ комнаты.

— Гадость! — кричалъ вдогонку инженеръ. — Не успѣлъ вступить, уже развелъ мерзость!

Вальнекъ быстро повернулся.

Ну, пропалъ техникъ, ну, выгонятъ совсѣмъ, но онъ ничего не сдѣлалъ такого, за что его можно такъ съ грязью мѣшать.

— Але жъ я прошу снисхожденія у пана...—началъ-было Вальнекъ, но инженеръ такъ раскричался, что Вальнекъ мгновенно опять повернулся къ двери и еще мгновеннѣе скрылся за нею.

— О, то жъ пся кревъ!—проговорилъ Вальнекъ, захлопнувъ за собою дверь и въ недоумѣніи разводя руками:—что̀ теперь дѣлать?

Маленькій господинъ съ сонными глазами, случайный свидѣтель всей этой сцены, разсказалъ инженеру о своемъ знакомствѣ съ Вальновскимъ и для чего нуженъ былъ ему нивеллиръ.

— Здѣсь,—кончилъ маленькій господинъ,—здѣсь вовсе не нажива, какъ видите... Тамъ, въ Кіевѣ, семь человѣкъ,—во, во, во... и способная только любить женщина. Нѣтъ, ужъ строгость вашу. бросьте.

Инженеръ не былъ человѣкомъ злымъ. Это былъ просто влюбленный въ себя, въ свою аккуратность, въ свою точность,

человѣкъ, видящій только себя, очень чуткій ко всему тому, что̀ могло оскорбить или задѣть его ненасытное я. Теперь ему стало жаль Вальнека.

— Послушайте, почему вы не сказали прямо, чего вы хотите?—выскочилъ инженеръ въ переднюю, гдѣ уныло сидѣлъ Вальнекъ и тупо смотрѣлъ передъ собою.

Вальнекъ всталъ и, сдвинувъ брови, молча слушалъ длинную рѣчь инженера о томъ, что первое и основное правило въ ихъ дѣлѣ—не стараться быть больше того, что̀ на самомъ дѣлѣ представляешь собою. Это и безполезно и опасно для живого дѣла, въ которомъ каждая ошибка неминуемо откроется и повлечетъ за собой крупныя траты.

— У насъ бьютъ не за незнаніе, а за скрываніе своего незнанія,—кончилъ инженеръ.

Вальнекъ слушалъ и понялъ только одно, что его простили.

Когда, кончивъ занятія, инженеръ одѣлся и вышелъ на улицу, Вальнекъ пошелъ за нимъ, смотрѣлъ ему вслѣдъ, и всѣ складки его подвижнаго лба устремлялись за инженеромъ.

— Господинъ начальникъ,—нагналъ его Вальнекъ у самаго его дома,—я васъ покорнѣйше прошу, позвольте мнѣ денегъ...

— Я не могу... вы уже все взяли...

И инженеръ, прибавивъ шагу, быстро ушелъ отъ Вальнека.

— Тьфу!—плюнулъ вдогонку ему Вальнекъ и угрюмо повернулъ назадъ.

VI.

— Господинъ начальникъ!—пришелъ къ инженеру передъ самымъ отъѣздомъ Вальнекъ.—Я не могу ѣхать безъ денегъ.

— Вы останетесь.

— Но я не могу возвратить вамъ взятые уже сто рублей.

— Что̀ жъ дѣлать? Я заплачу ихъ изъ своего кармана за науку.

Наступило молчаніе.

— Все, что̀ я могу вамъ сдѣлать, — проговорилъ инженеръ,—это приказать взять вамъ билетъ третьяго класса.

— Изъ гостиницы не выпускаютъ.

— Ну, ужъ тутъ я ничего не могу.

— Если я дамъ имъ расписку и попрошу вашу контору высылать имъ деньги изъ моего жалованья?..

— Вы хозяинъ вашихъ денегъ.

— Я хотѣлъ просить васъ поручиться.

— Нѣтъ.

— Семьѣ хоть что-нибудь выслать...

— Изъ жалованья за этотъ мѣсяцъ, если вы дадите адресъ, контора вышлетъ.

— За этотъ мѣсяцъ... чѣмъ же я жить буду? Чѣмъ заплачу за проѣздъ?

— Я ничего не могу больше сдѣлать.

— Господинъ начальникъ! ну, хоть вотъ что... Вамъ люди въ контору нужны—у меня есть племянница... здѣсь... возьмите ее чертежницей.

Инженеръ уже слышалъ объ этой племянницѣ, найденной на улицѣ, и быстро, возмущенно отвѣтилъ:

— Ни въ какомъ случаѣ.

Вальнекъ отъ инженера отправился въ контору.

Тамъ уже шла предотъѣздная сутолока: закупоривали инструменты, заколачивали ящики. Младшій инженеръ съ большими ногами бѣгалъ по комнатѣ, кричалъ и ругался.

Техники и десятники, разсѣвшись на стульяхъ и ящикахъ въ пріемной, вели веселые разговоры людей, которые завтра, послѣзавтра бросятъ этотъ чуждый для нихъ городъ съ тѣмъ, чтобъ никогда, вѣроятно, больше не возвратиться въ него.

Что-то сбродное, цыганское, безшабашное, а съ нимъ и веселое чувствовалось во всей этой группѣ случайно столкнувшихся между собою людей.

Вальнекъ, потерявъ надежду на то, чтобъ урвать денегъ у инженера, поднялся на новую комбинацію. У кого пять, у кого десять, а у кого и рубль—Вальнекъ насобиралъ около 50 рублей у своихъ товарищей съ клятвеннымъ обѣщаніемъ возвратить ихъ немедленно послѣ первой получки.

VII.

Наконецъ все было уложено и свезено на пароходъ, и инженеры, и техники, и десятники — всѣ поѣхали, и въ моментъ отъѣзда всѣ сбились въ одну кучу на палубѣ, и всѣ замахали шапками провожавшей ихъ толпѣ.

Махалъ и Вальнекъ, хотя единственный знакомый ему человѣкъ въ этомъ городѣ, отысканная имъ племянница, ѣхала съ нимъ. Но ужъ таковъ обычай, и Вальнекъ не хотѣлъ отступать отъ него.

Послѣ первой минуты общаго какъ будто сближенія, наступило быстрое разобщеніе.

Инженеры ушли въ первый классъ, гдѣ играли въ карты, ухаживали за дамами и рѣдко, развѣ посмотрѣть на закатъ, показывались на палубѣ.

Техники почти все время сидѣли на палубѣ второго класса, разговаривали, курили и сообщали другъ другу разные случаи изъ своей жизни.

Десятники ѣхали въ третьемъ классѣ, пили, курили, пле-

вались, играли въ карты, заводили постоянныя ссоры съ пассажирами и врали имъ всякую ерунду о томъ, кто они.

Высокій, въ большой студенческой шляпѣ, въ высокихъ сапогахъ, нахальный молодой десятникъ толковалъ десятнику Еремину о порядочности и воспитанности.

— Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю.

Низкаго роста, съ прямыми волосами, безцвѣтный десятникъ Ереминъ ничего не имѣлъ противъ и усиленно угощалъ своего воспитаннаго товарища. Но однажды, напившись, онъ устроилъ такую неприличность, что воспитанный десятникъ надавалъ ему пощечинъ и пошелъ еще съ жалобой къ хозяину Еремина—молодому инженеру съ большими ногами.

Онъ нашелъ инженера на палубѣ.

— Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашимъ десятникомъ Еремнымъ, — такъ началъ десятникъ, подходя къ инженеру.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю,—фыркнулъ молодой инженеръ.

— Не съ чѣмъ... Я имѣлъ удовольствіе нахлестать ему морду-съ...

— Удовольствіе небольшое...

— За невоспитанность...

— Именно за что же?

— Это ужъ его спросите.

И, поднявъ свою студенческую шляпу, воспитанный десятникъ величественно поклонился инженеру и проговорилъ:

— Еще одна негодная тварь затесалась къ намъ... Господинъ Вальнекъ со своей племянницей... Онъ тоже не минуетъ пощечины... Вы его предупредите: если онъ не желаетъ...

— Я предупрежу вашего инженера, чтобъ онъ вамъ внушилъ держать себя прилично, — вспыхнулъ молодой инженеръ. — Ступайте въ третій классъ!

Долговязый десятникъ озадаченно посмотрѣлъ на инженера и зашагалъ внизъ по трапу.

На другой день, сверхъ всякаго ожиданія, вышло совершенно обратное: Вальнекъ далъ пощечину долговязому, о чемъ долговязый съ всемъ пришелъ доложить уже своему инженеру.

— Помилуйте, здѣсь бьютъ-съ... здѣсь нельзя ѣхать... здѣсь люди ѣдутъ Богъ знаетъ съ какими женщинами... Я лучше уѣду совсѣмъ...

— Ну и уѣзжайте, куда хотите, только убирайтесь вонъ, — проговорилъ презрительно „его“ инженеръ, занятый въ это время шахматнымъ ходомъ.

Когда десятникъ ушелъ, инженеръ, его хозяинъ, обратился къ товарищамъ и сказалъ:

— Положительно, разбойничья банда... А вашъ Еремикъ это ужъ совсѣмъ что-то невозможное...

— А вы вотъ посмотрите этого Еремина на работѣ...

— Господа, кто избавитъ меня отъ Вальнека? — спросилъ начальникъ.

Всѣ разсмѣялись, и никому не хотѣлось его брать въ свою партію.

— Я не буду стѣснять... не годится, — хоть въ первый день гоните...

— Брать не стоило, — проговорилъ, помолчавъ, пожилой инженеръ, заглянувъ въ окно.

— Давайте мнѣ, — согласился младшій съ большими ногами инженеръ. — У меня разговоръ короткій...

Инженеръ разсмѣялся.

— Слушайте, батюшка, только вы ужъ его хоть немного...

— Э, нѣтъ!.. не вмѣшиваться, такъ ужъ не вмѣшиваться... Да и нельзя же: можетъ, такъ можетъ; а не можетъ, кто жъ за него будетъ работать?

Всѣ энергично поддержали младшаго инженера.

На другой день Вальнекъ узналъ свой приговоръ и не обрадовался.

Нехорошо было вообще на душѣ у Вальнека.

Даже десятники, и тѣ сторонились. Техники еще больше драли носъ, а инженеры даже издали не подпускали къ себѣ.

Вальнекъ, стоя у борта со своей племянницей, возмущался этой лѣстницей человѣческаго тщеславія, даже здѣсь, въ этой скромной каплѣ жизни, и разсказывалъ ей о томъ времени, когда всю эту „сволочь“ онъ купилъ бы за 10, за 15 тысячъ и дальше порога не пустилъ бы къ себѣ.

VIII.

Пріѣхавъ на мѣсто, инженеры день-два походили по новому городу, пока техники разбирали инструменты, а на третій день уже всѣ выѣхали къ мѣстамъ своихъ назначеній.

Линія младшаго инженера съ большими ногами начиналась тутъ же, по ту сторону рѣки.

Въ пять часовъ утра инженеръ, техникъ, Вальнекъ, Еремкинъ и 15 рабочихъ усѣлись въ лодку и поѣхали на противоположный берегъ рѣки къ синѣвшему тамъ сосновому бору.

Весла мѣрно рѣзали свѣжую воду, свѣжія капли искрились на утреннемъ солнцѣ, туманъ таялъ и исчезалъ въ голубой дали пепельнаго неба.

Вальнекъ ежился отъ холода, смотрѣлъ въ бѣгущія струйки и уныло искалъ въ нихъ близкаго рѣшенія своей участи.

Лодка пристала къ берегу.

Инженеръ выскочилъ и, увязая своими большими ногами въ тяжелыхъ юхтовыхъ сапогахъ, зашагалъ по берегу.

Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ остановился на выбранномъ мѣстѣ и крикнулъ:

— Вѣшку!

Неопытный народъ продолжалъ смотрѣть, сбившись въ кучу, и только Еремин, не спѣша взявъ нѣсколько вѣшекъ, подошелъ къ инженеру.

Схвативъ одну, инженеръ воткнулъ вѣшку, поправилъ ее и тяжело зашагалъ къ лѣсу. Пройдя шаговъ тридцать, онъ опять остановился, взялъ новую вѣшку у слѣдовавшаго за нимъ Еремина и, еще разъ прицѣлившись на блиставшій издали городъ, воткнулъ ее въ землю.

— Вѣшки дальше, — обратился онъ къ Еремину.

Еремин не спѣша пошелъ впередъ и, отойдя саженей десять, поставилъ, быстро прицѣлившись, по направленію первыхъ двухъ, третью вѣху.

— Рубн, — проговорилъ онъ, ударивъ по дорогѣ дерево.

Топоры застучали въ лѣсу.

— А, проклятый! — схватился рукой инженеръ, растирая на шеѣ перваго присѣвшаго комара. — Вальнекъ, ступайте некитаремъ... Начальный пунктъ у воды...

Инженеръ покосился въ сторону техника, но тотъ и самъ зналъ свое дѣло и уже устанавливалъ нивеллиръ, давая въ то же время нужныя объясненія неопытнымъ носильщикамъ рсекъ.

— Живѣй, ребята, живѣй! — тихо раздавалась уже въ лѣсу собранная ласковая команда Еремина. — Ты что, — съ укоромъ обратился онъ къ одному изъ рубщиковъ: — бабу гладишь?

Еремин взялъ у него топоръ и, не спѣша, началъ ловко работать имъ. Рабочіе, убѣдившись, что онъ знаетъ свое дѣло, оживились, и топоры весело заговорили въ лѣсу.

— Вотъ это работа, — проговорилъ, подходя, инженеръ, съ удовольствіемъ втягивая въ себя свѣжій смолистый воздухъ утра.

— За день-то помаешься этакъ, что и руки не подымешь, — отвѣтилъ ему одинъ изъ рабочихъ.

— Я вотъ тебѣ разскажу, какъ стрѣлки и колеса въ часахъ между собой перессорились...

И инженеръ разсказывалъ, а время незамѣтно шло, работа

быстро подвигалась впередъ и только останавливалась, когда инженеръ, дѣлая поворотъ, устанавливалъ инструментъ и снималъ уголъ.

Рабочіе въ это время стояли, вытирали потъ, били комаровъ и говорили тихо другъ другу:

— Ай-ай! Ушли!

— Ай-ай? — насмѣшливо отзывался инженеръ. — Посмотрите вы, какъ пойдете у меня дальше.

— Неужто не настоящая еще работа?

— А вотъ я васъ съ версты съ завтрака поставлю... Какъ въ день-то придется рублика по два на человѣка, тогда, небось, интереснѣе будетъ.

— Неужто по два придется?

— Неужли врать стану? Въ нашемъ дѣлѣ хоть лопатой греби деньги: только умѣй...

— Это ничего бы...

Прибѣжалъ техникъ и тихо сообщилъ инженеру, что Вальнекъ и вретъ немилосердно, да и вообще никакого представленія о дѣлѣ не имѣетъ.

— Ерминъ, веди линію такъ, примѣрно, на сотенный подъемъ, на поворотахъ я потомъ сниму углы.

— Да чего же? и я сниму, — угрюмо отвѣтилъ Ерминъ.

— Только не ошибись...

Ерминъ не удостоилъ отвѣтомъ уходившаго инженера.

Вальнекъ совершенно растерянно шелъ за цѣпью, кричалъ до хрипоты, былъ весь въ поту, отмахивался руками и книжкой отъ комаровъ, смотрѣлъ съ ужасомъ на свои окровавленныя руки отъ раздавленныхъ, напившихся его же кровью комаровъ, щупалъ волдыри и путалъ, путалъ и путалъ.

— Стойте! — грубо остановилъ его инженеръ.

Голосъ Вальнека, оравшаго на рабочаго, оборвался на получотѣ.

Рабочіе съ любопытствомъ положили цѣпь, бросили колья, смотрѣли на инженера и вполголоса, такъ, чтобъ онъ слышалъ, дѣлились впечатлѣніями о безтолковыхъ распоряженіяхъ Вальнека.

— Зѣваетъ, зѣваетъ, а ничего по дѣлу не растолкуетъ... Точно съ цѣпи сорвался.

— Сбилъ на вовсе... Вишь, народъ точно не свой сталъ...

— Разыскалъ же этакого...

И рабочій равнодушно сплюнулъ.

Вальнекъ озабоченно-ласково, съ затаеннымъ страхомъ смотрѣлъ на инженера.

— Послушайте! Что жъ это у васъ такое, — говорилъ инже-

церъ, всматриваясь въ линію зигзагами набитыхъ кольевъ: — это, по-вашему, прямая?

Вальнекъ всталъ около инженера, внимательно уставился въ линію и проговорилъ:

— Вотъ тотъ колъ надо вправо подвинуть.

— Кой чортъ тотъ, — заоралъ инженеръ. — Тутъ ни одного кола нѣтъ вѣрнаго!

Вальнекъ мрачно смотрѣлъ на ряды своихъ кольевъ.

— Да вы даже не понимаете, что̀ такое прямая линія?!

— Господинъ инженеръ, я понимаю, что̀ такое прямая линія, но я не вижу... у меня глаза плохи стали.

— Такъ на что же вы надѣялись?.. Я вамъ, что ли, свои глаза дамъ?!

— Але не вы, но я разумѣлъ...

— Что̀ вы разумѣли?! Что вамъ позволятъ здѣсь валять дурака?!

Вальнекъ усердно давилъ насѣдавшихъ на него комаровъ.

— Вы не можете работать...

— Господинъ инженеръ, — взмолился Вальнекъ.

— Послушайте, г. Вальнекъ, идіотъ вы окончательный, или что-нибудь, наконецъ, понимаете?! Вы понимаете, что то, что̀ вы дѣлаете — ерунда, безсмысленная ерунда, бол-ва-нъ вы!

— Але-то зачѣмъ же такъ панъ инженеръ передъ рабочими...

— Да какъ же тебя не ругать?! Вѣдь ты ѣдешь за три тысячи верстъ и врешь, что знаешь свое дѣло. Мало того, что ты денегъ стоишь, ты время отнялъ, понимаешь ли ты, глупая твоя моо-о рда, понимаешь?!

Инженеръ дрожалъ отъ бѣшенства и совалъ свои кулаки Вальнеку подъ самый носъ.

— Животное! Гдѣ я теперь здѣсь въ трущобѣ буду искать вмѣсто тебя человѣка?!

Вальнекъ быстро отошелъ и сѣлъ на срубленный пень.

Инженеръ постоялъ нѣсколько мгновеній и проговорилъ упавшимъ голосомъ технику:

— Ведите пекитажъ, — я пойду съ нивеллиромъ.

— Съ начала?

— Да, конечно.

Рабочіе, техникъ и инженеръ возвратились назадъ.

Работа быстро закипѣла въ искусныхъ рукахъ.

Техникъ со своимъ отрядомъ уже прошелъ мимо все сидѣвшаго Вальнека.

Показался и инженеръ.

— Господинъ инженеръ... простите... не сердитесь... Я самъ вижу, что, дѣйствительно... Ну, я думалъ, что мои глаза еще

могутъ... ну что же, ну, я самъ вижу, что ослѣпъ... ну что жъ? ну, несчастье... Позвольте мнѣ нивеллировать...

— Да вѣдь вы не умѣете же.

— Умѣю, господинъ инженеръ...

Инженеръ, установивъ нивеллиръ, павелъ его на рейку и проговорилъ, обращаясь къ Вальнеку:

— Прочтите.

Вальнекъ прочелъ.

Инженеръ повернулъ трубу къ другой рейкѣ. Вальнекъ опять прочелъ.

— Десять лѣтъ нивеллировалъ.

— Не совсѣмъ вѣрно, — сморщился инженеръ, повѣряя чтеніе Вальнека, но, подумавъ, проговорилъ, пожимая плечами:

— Попробуйте.

Инженеръ ушелъ, крикнувъ:

— Завтракать!

Совершенно разбитый и усталостью, и комарами, и нравственнымъ потрясеніемъ, Вальнекъ съ наслажденіемъ пошелъ къ своей корзинѣ, въ которую племянница уложила ему хлѣбъ, жареный кусокъ говядины, соль и бутылочку съ водкой.

Но каковъ былъ ужасъ Вальнека, когда на говядинѣ, къ которой онъ наклонился съ такимъ аппетитомъ и чуть было не схватилъ уже ее руками, онъ вдругъ разглядѣлъ свернувшуюся гадюку.

Отскочить, толкнуть ногой корзину съ проклятой гадюкой, разсыпать оскверненную провизію по землѣ — было дѣломъ одного мгновенія, конечно, со стороны Вальнека, но завтракъ пропалъ, и Вальнекъ въ угрюмомъ молчаніи, вмѣсто завтрака, все время просидѣлъ на пнѣ, ни на мгновеніе не переставая хлопать на себѣ назойливыхъ комаровъ.

Три оставшихся при немъ рабочихъ молча ѣли хлѣбъ свой и лукаво переглядывались.

Наконецъ гнѣвъ Вальнека прошелъ, аппетитъ заговорилъ громче прежняго, и Вальнекъ, скрѣпя сердце, потянулся за хлѣбомъ, на которомъ не лежала гадюка. Водка разбилась отъ неосторожнаго толчка, и Вальнекъ, жуя хлѣбъ и посыпая его солью, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на валявшіеся осколки.

Передніе партіи позавтракали, и ужъ давно затихъ въ отдаленіи и говоръ ихъ и стукъ топоровъ, а Вальнекъ все еще не подымался, потому что его всего разломало отъ непривычной работы, да и хотѣлось ему быть какъ можно подальше отъ проклятыхъ инженера и его прислужника техника.

Наконецъ Вальнекъ всталъ и разбито, тяжело зашагалъ къ инструменту. Каждый шагъ въ неприспособленныхъ тя-

желыхъ сапогахъ бъ этомъ лѣсу, въ этомъ царствѣ комаровъ былъ тяжелою пыткою для Вальнека. Онъ, гнавшійся только за деньгами, ненавидѣлъ ужъ всю эту каторжную должность свою.

Установивъ кое-какъ инструментъ, Вальнекъ навелъ трубу на рейку, крикнулъ: „держи“, приказалъ рабочимъ отмахивать вѣткой комаровъ и нагнулся къ трубѣ.

Вальнекъ смотрѣлъ, рабочій махалъ, махалъ... Рабочему надоѣло уже махать, когда, совершенно красный, Вальнекъ поднялся, растерянно оглянулся и опять сейчасъ же снова прильнулъ къ трубѣ...

Произошла какая-то непонятная исторія: волоски въ трубѣ, безъ которыхъ невозможно чтеніе дѣленій рейки, исчезли куда-то.

Все еще не вѣря исчезновенію волосковъ, Вальнекъ пригласилъ и рабочаго убѣдиться въ томъ же.

Рабочій присѣлъ, прицѣлилъ свой глазъ и съ нѣкоторымъ страхомъ заглянулъ въ трубу, а Вальнекъ замахалъ надъ нимъ

— Ну что, видишь волоски?

— Ничего не вижу.

— Не видишь потому, что инженеръ порвалъ ихъ.

— Порвалъ?—спросилъ рабочій и хлопнулъ руками себя по ляжкамъ.

— Порвалъ, потому что молокососъ,—проговорилъ авторитетно Вальнекъ.—Кричать умѣетъ, але самъ съ инструментомъ обращаться не умѣетъ.

— Что за оказія,—проговорилъ рабочій и разсмѣялся.—Тотъ тебя коритъ, а теперь ты его. Кто же васъ разсудитъ?

— Старшій разсудитъ. Вечеромъ разборъ будетъ. Ты слышалъ, какъ онъ меня ругалъ?

— Всѣ, чать, слышали!

— Вечеромъ разберутъ.

— Т-а-а-къ. А теперь что дѣлать станемъ

— Да что жъ теперь? За нимъ бѣжать, онъ вѣдь тоже волосковъ не придѣлаетъ.

— Знамо, не придѣлаетъ... Эй-эй! Клади рей-й-ку! Машина изгадилась.

Реечники положили рейки и пришли къ инструменту. Еще разъ заглянули.

— Да нѣту, нѣту,—проговорилъ авторитетно Вальнекъ.—Хоть всѣ глаза просмотри.

— Что за оказія!—удивились рабочіе.—Теперь чего жъ ему за это будетъ?

— Будетъ доволенъ, За все будетъ... Я вдвое противъ него старше и то смолчалъ, чтобъ примѣръ не подавать дурной, а онъ не можетъ? Ему надо ругаться?

— Неловко-то неловко,—ужъ и мы копили.

— Вы вѣдь слышали?

— Когда не слышали. Эхе-хе! Вотъ они дѣла-то какія. Чего жъ теперь дѣлать станемъ?

— Да чего жъ?—развелъ руками Вальнекъ.—спать.

— Ну?!

— Ну, а чего жъ?

— Да ничего, конечно,—согласился рабочій.—Хоть смотри, хоть не смотри. Нѣтъ, такъ нѣтъ. Эко дѣло-то...

— А какъ ёнъ-то придетъ,—проговорилъ другой рабочій:—да увидитъ, что мы спимъ, да вмѣсто денегъ въ зашей насъ?

— Это мой отвѣтъ,—важно отвѣтилъ Вальнекъ.

— Знамо, его,—поддержалъ Вальнека первый рабочій,—намъ что? Что велитъ, то и дѣлай. Что ёнъ, что хоть ему прикажетъ,—хоть палку поставь,—велитъ слушать,—чего жъ тутъ? Слушай...

— Извѣстно,—согласился другой рабочій,—какъ ни зови, только корми... Такъ чего жъ? Спать, такъ спать...

IX.

Уже солнце книзу пошло, когда возвратившійся за 6 верстъ назадъ инженеръ, напрасно поджидавшій Вальнека, наткнулся на мирно почившую группу. Часовой, поставленный Вальнекомъ отмахивать комаровъ, и тотъ, свалившись на плечо Вальнека, укрывъ и его и себя вѣткой, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Грубо растолкавъ ногами спящую „сволочь“, инженеръ молча наблюдалъ, какъ подымался ошалѣвшій Вальнекъ, весь вздувшійся отъ сплошныхъ волдырей, съ лицомъ и затылкомъ, покрытымъ насосавшимися кровью, прилипшими и застывшими комарами, торчавшими грязно-кровянымъ пупырышками на вздутой поверхности.

Ничего не понимавшій, все забывшій, Вальнекъ сперва вытянулъ отекшія руки въ воздухъ, точно хотѣлъ поддержать какую-то навалившуюся на него тяжесть, потомъ быстро провелъ ими по чесавшемуся немилосердно лицу, безсмысленно уставился на полосы крови, появившіяся на рукахъ, тупо осмотрѣлся, остановился на инженерѣ и наконецъ все вспомнилъ и окончательно пришелъ въ себя отъ крика инженера съ большими ногами.

— Вонъ, мерзавецъ!

Вальнекъ со сна такъ равнодушно сдвинулъ брови, какъ будто ругали не его, а кого-то другого.

— Да, ругаться вы умѣете, але же и волоски рвать умѣете...

— Какіе волоски?

Вальнекъ только величественнымъ жестомъ показалъ на нивеллиръ и принялся равнодушно растирать новыхъ насѣвшихъ на шею комаровъ.

— Да какъ я могъ порвать волоски, когда ихъ нѣтъ... когда они на стеклѣ нарисованы...

— Пхе! ну такъ стекло разбили...

Рабочіе даже наклонились впередъ, когда инженеръ прильнулъ къ трубѣ.

Вальнекъ и тотъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи и въ полъ-оборота съ накипѣвшимъ злорадствомъ слѣдилъ за инженеромъ.

Рука инженера поднялась и что-то тронула у трубы.

— Пожалуйте,—проговорилъ инженеръ, обращаясь къ Вальнеку.

Вальнекъ лѣниво и нехотя подошелъ къ трубѣ и нагнулся.

Вальнекъ смотрѣлъ, смотрѣлъ...

— Ну?!

Вальнекъ поднялся наконецъ, растерянно оглянулся, развелъ руками, сдѣлалъ свое „пхе!“ и ничего не понялъ: вертикальный и горизонтальный волоски были на своемъ мѣстѣ.

— Десять лѣтъ нивеллировали?!—спросилъ инженеръ съ непередаваемой интонаціей.

У Вальнека воздухъ захватило въ груди.

Все это вмѣстѣ,—и полное фіаско, и комары, и кошмарный сонъ, и разбитое тѣло, и болящія ноги, и весь этотъ проклятый лѣсъ, и воздухъ, точно пропитанный тонкими, колючими иглами, и наконецъ этотъ взглядъ, пронизывающій и рѣжущій безъ ножа,—все сразу раздавило ослабѣвшую волю Вальнека.

— Не мучьте... отпустите меня.

— Вечеромъ въ контору... Отвезите его на тотъ берегъ...

О, съ какимъ наслажденіемъ зашагалъ Вальнекъ за рабочими изъ этого ада...

X.

Вальнеку выдали на обратный проѣздъ сто рублей и шестьдесятъ жалованья за текущій мѣсяцъ, взявъ съ него расписку, что расчетомъ онъ доволенъ и претензій имѣть не будетъ.

— Нѣтъ, не будетъ! Будьте вы всѣ прокляты.

Вальнекъ вышелъ на улицу и вздохнулъ полною грудью.

— Ситецъ, полотно голландское, носки,—такъ обратился приказчикъ, останавливая лакомые взгляды на желѣзнодорожникѣ Вальнекѣ.

Единственное непріятное чувство, которое испытывалъ Вальнекъ—это была мысль о племянницѣ, которой надо еще объяснить неожиданную перемѣну, постигшую его, а слѣдовательно и ее. Вальнеку жаль было огорчать эту племянницу съ улицы, уже успѣвшую укрѣпиться въ мысли, что завтрашній день ея обезпеченъ.

Вальнекъ вошелъ въ магазинъ и съ достоинствомъ, ему присущимъ, набралъ разныхъ утѣшеній своей спутницѣ на сто пятьдесятъ рублей.

— Деньги двадцатаго... Расписку...

— Очень хорошо-съ...

Приказчикъ быстро написалъ счетъ и ловко положилъ его передъ невозмутимо сидѣвшимъ Вальнекомъ.

Вальнекъ отстранился, сдвинулъ брови и спросилъ оторванно-равнодушно:

— Гдѣ?

Приказчикъ указалъ пальцемъ.

Вальнекъ обмакнулъ перо, посмотрѣлъ на него на свѣтъ и расписался: Инженеръ-технологъ Вальнекъ-Вальновскій.

— Кстати, у васъ кокарда и знакъ на шапку есть?

— Пожалуйте...

— Это ужъ такъ запомнимъ,—проговорилъ Вальнекъ, выходя къ нагруженному извозчику въ шапкѣ съ кокардой и знакомъ.

— Пожалуйста, не безпокойтесь...

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, маленькій пароходъ отвалилъ отъ берега. Единственныхъ три пассажира: Вальнекъ, племянница и какой-то молодой господинъ—сидѣли на палубѣ.

Пріятная прохлада потянула съ рѣки отъ задвигавшагося парохода.

На душѣ у Вальнека было легко и спокойно.

Его племянница суетилась около чая, сервированнаго на чистой скатерти.

Вальнекъ давно уже не ощущалъ того удовлетворенія отъ семейной обстановки, такого отдыха души и тѣла, какой испытывалъ теперь.

И впереди пять-шесть дней, и всѣ такіе же, всѣ съ правомъ забыть вся и все и чувствовать полное удовлетвореніе сытой, довольной жизни. А тамъ...

Вальнекъ отогналъ мрачныя мысли и оглянулся на свою спутницу. А какое удовлетвореніе у нея?!

Какъ преобразилась она и какъ стала похожа и она на счастливую, довольную женщину.

И Вальнекъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свою племян-

ницу, судьба уже слѣпила эти два оторванныхъ листка своей мастикой.

„А тамъ въ Кіевѣ?!“—мелькнуло въ головѣ Вальнека.

„Все будетъ хорошо!“ — подумалъ строго - вдохновенно Вальнекъ и перевелъ глаза на молодого человѣка.

Молодой человѣкъ почтительно смотрѣлъ на племянницу.

„О, люди, люди!—подумалъ Вальнекъ.—Давно ли съ этой самой племянницей не хотѣли говорить, а теперь этотъ, вѣроятно, будетъ счастливъ, если я представлю его...“

Вальнекъ встрѣтился глазами съ молодымъ человѣкомъ и, сдѣлавъ нерѣшительное движеніе, подошелъ къ нему.

— Инженеръ, графъ Вальнекъ-Вальновскій,—прошу пана...

Вальнекъ величественно пожалъ руку и жестомъ пригласилъ къ чайному столу молодого человѣка.

— Графиня Вальнекъ-Вальновская—племянница... Прошу пана...

Хорошо засыпалъ Вальнекъ въ этотъ вечеръ подъ убаюкивающій говоръ воды и однообразный стукъ машины...

Нехорошіе сны только снились Вальнеку.

Снилось ему, что сидитъ у него на колѣняхъ оборванный десятилѣтній грязный сынъ его, Владекъ. Сидитъ и плачетъ, такъ плачетъ, и такъ болитъ его, Вальнека, сердце.

Ахъ, Боже мой, его ли то сынъ, его ли то Владекъ, котораго, когда-то чистаго, въ шелковыхъ башмачкахъ, держалъ онъ на своихъ колѣняхъ и цѣловалъ его маленькія, нѣжныя ножки... Э-эхъ, какіе грязные, дырявые, вонючіе сапоги теперь на тѣхъ ножкахъ...

Ахъ, какъ плачетъ Владекъ, какъ сжимается сердце Вальнека.

— Не плачь, Владекъ, не плачь, мой сынъ любимый... Сжалится надъ нами Господь... Вырастешь какъ-нибудь... Матка Бозка пошлетъ тебѣ богатую невѣсту...

Ахъ, плачетъ маленькій Владекъ, плачетъ потому, что ѣсть хочетъ. И тяжело такъ Вальнеку: знаетъ онъ, какъ накормить сына, знаетъ, что есть у него, Вальнека, на груди завѣтный мѣшочекъ, куда зашилъ онъ свои деньги.

Уже не Владекъ, самъ Вальнекъ плачетъ и воетъ, и бьется его тѣло подъ гнетущимъ кошмаромъ.

Проснулся молодой человѣкъ и смотритъ на Вальнека сквозь просвѣтъ свѣтлой ночи. Всталъ тихо, подошелъ и опять смотритъ и видитъ, какъ выбился мѣшочекъ съ деньгами изъ-подъ рубахи и танцуетъ на бьющейся груди у Вальнека.

Подумалъ молодой человѣкъ, вынулъ ножъ и, отрѣзавъ

осторожно шнурочекъ, положилъ деньги Вальнека въ свой карманъ.

Приснилось Вальнеку, что отдалъ-таки сыну онъ деньги— отдалъ, хоть и жаль было. И опять заснулъ Вальнекъ такъ крѣпко, точно въ бездну какую провалился.

Тихо кругомъ, стала машина, и вода не говоритъ больше: ночуетъ пароходъ у пристани.

Неясная тѣнь молодого человѣка скользнула по трапу и скрылась на берегу въ селѣ въ предразсвѣтномъ туманѣ.

Вотъ звякнулъ почтовый колокольчикъ, залился и потонулъ въ сонномъ воздухѣ: на лошадяхъ поѣхалъ дальше молодой человѣкъ.

Все спитъ: и вода, и берегъ, и пароходъ, и другой пароходъ тамъ въ неясномъ отраженіи воды, и Вальнекъ.

Такъ хорошо тянетъ свѣжій воздухъ изъ отворенной двери, такой прохладой обдаетъ его истрепавшееся тѣло...

1898.

НА ПРАКТИКѢ.

I.

Южное лѣто. Жара невыносимая. Точно изъ раскаленной печи охватываетъ пламенемъ. Сгорѣлъ воздухъ, степь, горятъ всѣ эти зданія громаднаго вокзала.

Полдень.

На запасломъ пути, на площадкѣ раскаленнаго чернаго паровоза въ одномъ углу на перилахъ сидитъ унылая фигура съ большимъ краснымъ носомъ машиниста.

Пропитанный саломъ картузъ съѣхалъ на затылокъ и точно приклеенъ къ головѣ. Куртка, штаны когда-то иного, а теперь такого же, какъ окружающій уголь, чернаго цвѣта, тоже пропитаны и лоснятся саломъ. Запахъ этого сала тяжелый, одуряющій. Масло и сало вездѣ: въ машинкахъ, на площадкахъ, на стойкахъ, на рукахъ. Пучки пакли, родъ утиральника—тоже въ салѣ, и вытиранье рукъ—только самообманъ. Этой паклей я—другая фигура на площадкѣ паровоза, въ другомъ углу, виновато и безполезно, чтобы только что-нибудь дѣлать—тру свои руки.

Я—студентъ-практикантъ.

Первый день моей практики. Только-что кончили маневры и полчаса-часъ мы будемъ стоять такъ: на припекѣ, съ полупотухшимъ паровозомъ, который, какъ какое-то громадное, грязное, замученное животное, теперь отдыхая, тяжело сопитъ.

Машинистъ Григорьевъ мрачно смотритъ внизъ. Вся его фигура судьи краснорѣчиво говоритъ: „ну, что жъ теперь будемъ дѣлать?“

Я понимаю и самъ, что дѣло изъ рукъ вонъ плохо.

Насъ на паровозѣ всего двое: онъ—машинистъ и я—кочегаръ.

Но, собственно, это „я—кочегаръ“ одинъ звукъ. Я даже

лопаты въ рукахъ держать не умѣю. Этой лопатой надо перебросить изъ тендера въ топку до трехсотъ пудовъ угля въ сутки. Кромѣ лопаты, много другихъ инструментовъ, которыми тоже надо умѣть владѣть и систематично поспѣвать дѣлать накопляющуюся работу.

Рѣзакъ, напримѣръ. Добрыхъ полторы сажени, чуть ли не пудовый металлическій стержень съ загнутымъ остреемъ на концѣ.

Лежа на животѣ подъ паровозомъ, держа одинъ конецъ этого рѣзака въ рукахъ, надо другимъ, пропуская его между колосниками топки, подрѣзать накопляющійся тамъ шлакъ.

Подрѣзать для того, чтобы проходилъ воздухъ, иначе горѣть не будетъ, а тогда не будетъ и пара, какъ не будетъ его, если не умѣть бросать въ печку уголь такъ, какъ его надо бросать, къ краямъ потолще, къ серединѣ тоньше.

А я бросаю какъ разъ наоборотъ. И кажется вотъ-вотъ хорошо и опять на середину, и опять мрачно говоритъ Григорьевъ:

— Могила!

И онъ раздраженно опять вырываетъ изъ моихъ рукъ лопату.

Ловко летитъ съ лопаты уголь, и бѣлое пламя топки почти не краснѣетъ, а у меня отъ одной лопаты и дымъ и красное пламя, — все признаки неполнаго сгоранія. И сейчасъ же манометръ падаетъ и работать нечѣмъ, а тутъ какъ разъ надо воду качать, надо сало спускать въ масленкахъ, надо новое наливать, надо чинить расхлябавшіеся подшипники, тормозить паровозъ, кричать составителямъ и зорко слѣдить, чтобы не стукнуть другъ съ другомъ тѣ задніе, гдѣ-то въ безконечномъ отдаленіи вагоны. Все это надо дѣлать мнѣ, и все это дѣлаетъ, кромѣ всѣхъ своихъ другихъ обязанностей, Григорьевъ и послѣ каждой сдѣланной за меня работы онъ все тѣмъ же безнадежнымъ, долбящимъ голосомъ говоритъ:

— Такъ, такъ... А кто жъ работать будетъ?

И какъ разъ въ это время гдѣ-то тамъ сзади: бухъ-тахъ-тарарахъ, съ какой-то всеразрушающей силой стукаются вагоны и, кажется, въ щепки летятъ. Григорьевъ хватается за регуляторъ, штайеръ кричитъ дико: „Тормозъ“. Я бросаюсь къ тормозу, отчаянно верчу, но не въ ту сторону—я растормаживаю, вмѣсто того, чтобы затормозить.

— А-а-а!

Въ этомъ „а-а-а“, въ этой поднятой ногѣ, въ рукахъ, схватившихся за голову, все безсиліе, вся злоба, все бѣшенство несчастнаго. Каторга, изъ которой какимъ-то порывомъ

онъ хотѣлъ бы унестись и сразу забыть этотъ проклятый паровозъ, роковые выстрѣлы стукающихся вагоновъ, дурацкую фигуру оторопѣвшаго, никуда негоднаго своего помощника.

И опять кричитъ онъ въ отчаяніи:

— Да что жъ это наконецъ?.. Шутки шутить, что ли, мы будемъ?

Тошно. Провалиться. Убѣжать сейчасъ и не возвращаться. Да, вотъ... Ѣхалъ на практику, выбралъ самую тяжелую, былъ гордъ сознаніемъ предстоящаго чернаго труда.

Унылая фигура Григорьева скрючилась и застыла. Я все такъ же тру руки паклей. Лучше бы ужъ ругался.

— Нагортайте угля.

И, не дожидаясь, пока я соображу новое, непонятное для меня распоряженіе, Григорьевъ уже хватаетъ лопату, взбирается на задній край тендера и начинаетъ оттуда подбрасывать уголь къ топкѣ.

И я взбираюсь за нимъ и, понявъ, чего отъ меня хотятъ, говорю смиренно:

— Позвольте мнѣ.

Боже мой, съ какимъ колебаніемъ передается мнѣ эта лопата! Какое презрѣніе ко мнѣ! Точно это фельдмаршальскій жезлъ, а я презрѣннѣйшій изъ трусовъ.

Когда около топки образуется порядочная горка, Григорьевъ черезъ силу говоритъ:

— Ну... Ступайте обѣдать.

Я спускаюсь съ паровоза на землю и робко спрашиваю:

— Вы не можете сказать мнѣ, гдѣ здѣсь можно пообѣдать?

Григорьевъ говоритъ, отвернувшись:

— Направо изъ воротъ: написано на вывѣскѣ. Да не сидите тамъ три часа.

Я шагаю. Новенькая парусиновая блуза уже вся въ пятнахъ, слой угольной пыли на ней, на лицѣ, волосахъ. Потъ струйками пробиваетъ въ ней дорожку по щекамъ. Я стираю этотъ потъ и чувствую, что размазываю на лицѣ грязь. На зубахъ хруститъ уголь, но ѣсть хочется, такъ хочется, что отъ мысли, что сейчасъ буду ѣсть, всѣ невзгоды перваго дня отступаютъ на задній планъ. Какое-то смутное утѣшительное сознаніе: перемелется—мука будетъ. Въ воротахъ молодой кочегаръ Ивановъ, съ которымъ я познакомился сегодня утромъ въ конторѣ глухого и грязнаго начальника депо.

Кочегаръ, засунувъ руки въ карманы, ждетъ меня, насвистывая какую-то пѣсенку.

— Ну?—весело спрашиваетъ онъ, когда я подхожу.—Григорьевъ не побилъ?

— Только-что не побилъ, — отвѣчаю я, и сразу мы оба чувствуемъ себя старыми товарищами.

Мы идемъ направо по площади, туда, гдѣ надъ маленькой дверью харчевни нарисована какая-то большая птица, проткнутая вилкой и ножомъ.

— Да вотъ, — говоритъ мой товарищъ, — ругатель Григорьевъ, конечно, а вотъ насчетъ этого, только онъ да мой— своихъ кочегаровъ впередъ себя обѣдать пускаютъ.

Въ темной, обширной, съ невысокими потолками харчевнѣ много народа: машинисты, слесаря, кузнецы. Лица черныя, закоптѣлыя, у машинистовъ важныя, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ больше нашивокъ изъ галуна на шапкѣ. Съ какимъ сосредоточеннымъ важнымъ видомъ ѣстъ одинъ съ тремя нашивками, еще молодой, съ русой бородкой, съ умными, твердыми, голубыми глазами.

Тамъ, дальше группа уже поѣвшихъ. Въ центрѣ большой, толстый, отвалившись, улыбается, слушая сосѣда, и, прищурившись, смотритъ начальственно на насъ. Рядомъ съ нимъ высокій, худой, съ жидкой бородкой, съ тремя нашивками веселый нѣмецъ, что-то говоритъ, и всѣ кругомъ хохочутъ.

— Это Альбрандъ изъ Вѣны,—все вретъ, но такъ, что животики надорвешь,—говоритъ мой спутникъ.

Какой-то машинистъ за другимъ столомъ, мрачный, желчный, стучитъ кулакомъ и грозно говоритъ:

— Я своего паровоза не дамъ... Расплююсь, уйду, а не дамъ.

Небрежно откинувшись, куря сигару, слесарь читаетъ газету.

Намъ дали борщъ съ большимъ кускомъ говядины, на столѣ хрѣнъ съ уксусомъ, гора ломтей темнаго пшеничнаго хлѣба, одинъ запахъ котораго уже вызываетъ усиленный аппетитъ. На второе дали тушеную говядину съ густымъ чернымъ сокомъ, съ поджареннымъ картофелемъ.

Я, всегда смотрѣвшій на ѣду, какъ на какую-то скучную формальность, здѣсь ѣлъ, ѣлъ, и чѣмъ больше ѣлъ, тѣмъ больше хотѣлось. Ѣлъ и съ наслажденіемъ представлялъ себѣ родныхъ, знакомыхъ барышенъ. Если бы онѣ увидали теперь меня здѣсь? Моя мать, которая въ отчаяніи отъ моего обычнаго ничегонеядѣнья, всегда говорила:

— Твой желудокъ дамочка, и самая капризная изъ всѣхъ.

А осенью у меня будетъ въ карманѣ аттестатъ машиниста.

Я заплатилъ за свой обѣдъ 20 копеекъ, и мой товарищъ говоритъ мнѣ:

— Григорьевъ! Я его, зуду, хорошо знаю, я тоже началъ съ нимъ ѣздить,—ему всѣхъ новичковъ даютъ, потому что

другіе, вотъ эти всѣ, такого кочегара, какъ вы, въ шею бы погнали съ паровоза, а онъ беретъ,—онъ теперь нѣсколько дней, пока вы не пріучитесь, и обѣдать не будетъ ходить. А вы ему бутылочку водки купите и отнесите: онъ это любитъ, помягче станетъ съ вами.

— Такъ, можетъ-быть, и обѣдъ ему снести?

— Ну, такъ худо ли было бъ!

Нашлись и судки: щи, жаркое, огурецъ, хлѣба ворохъ; бутылка водки.

— Ну, ужъ валяйте ему и пива,—пусть старичина повеселится. Вмѣстѣ попесемъ.

— Дядя, Григорій Ивановичъ!—кричалъ еще издали мой товарищъ,—мы къ вамъ съ поклономъ и повинной.

— Ну, какіе тамъ еще... Ничего не надо!

И Григорьевъ, какъ тѣ игрушечные медвѣди, что заводятъ и они возятся и ворчатъ, завозился въ своемъ углу, вытаскивая грязный платокъ съ провизіей.

Мой товарищъ, очевидно, успѣвшій изучить бывшее начальство, сломилъ однако упрямство Григорьева, и немного погодя, энергично хрустя зубами, онъ уже уничтожалъ все принесенное нами.

Онъ сидѣлъ на корточкахъ, открывал, какъ пасть, свой широкій ротъ, и говорилъ въ промежуткахъ, обращаясь исключительно къ своему бывшему помощнику:

— Все это лишнее,—онъ тыкалъ на борщъ, жаркое,—ну, вотъ это,—онъ указалъ на водку,—пожалуй, что и полезное—когда за двухъ приходится работать,—гдѣ же силы взять,—она вотъ и помогаетъ...

И онъ бралъ бутылку и опять осторожно наливалъ въ свою съ отбитымъ донышкомъ рюмку.

— Вотъ это,—онъ показалъ на пиво,—тоже по-настоящему дрянь: это нѣмцамъ, а нашъ братъ...

— Водка, конечно, тверже,—соглашался мой товарищъ.

— Ну, такъ какъ же!—пренебрежительно говорилъ, кивая головой и прожевывая новый кусокъ, Григорьевъ.

Такъ говорилъ онъ, пока все полезное и безполезное было уничтожено. Завидѣвъ уже бѣгущаго составителя, Григорьевъ, поднимаясь, бросилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Ну, теперь и терпѣть можно!

И мы опять принялись за работу и работали до заката.

Тогда намъ снова дали передышку на полчаса.

Григорьевъ полѣзъ въ свой сундучокъ, вынулъ оттуда грязный платокъ съ провизіей, развернувъ его, досталъ колбасу и хлѣбъ. Молча, отрѣзавъ кусокъ колбасы и хлѣба, онъ

передалъ ихъ мнѣ, и я, уже опять голодный, принялся за нихъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Водки хотите?

Я отказался. Въ бутылкѣ ея уже оставалось немного, и Григорьевъ былъ доволенъ, очевидно, моимъ отказомъ, хотя и отвѣтилъ:

— Въ нашемъ дѣлѣ безъ водки не проживешь.

Послѣ этого мы молча ѣли, каждый въ своемъ углу: Григорьевъ около рычага, я около тормоза—отдѣленіе кочегара.

Отъ этого тормоза ломило руки, и на ладоняхъ были уже большія водяныя, красныя по краямъ мозоли.

Но въ общемъ я чувствовалъ себя прекрасно. Худо ли, хорошо ли я выполнялъ свои обязанности, но старался я на совѣсть и усталъ такъ, какъ, кажется, еще никогда не уставалъ. И въ то же время я чувствовалъ себя такимъ свѣжимъ. И все кругомъ гармонировало съ моимъ настроеніемъ.

День стихалъ неподвижный и ясный. Откуда-то изъ города доносился замиравшій, словно утомленный шумъ.

Солнце опускалось за горизонтъ, плавя его въ золото, сквозь которое свѣтилось тамъ гдѣ-то далеко зеленовато-бирюзовое нѣжное небо, несся со степи запахъ свѣжаго сѣна, слышалась пѣсня возвращающихся съ работы косцовъ.

Хохлацкая пѣсня—задумчивая, нѣжная, такъ много говорящая, такъ трогающая самые сокровенные уголки сердца.

Казалось, паровозъ и тотъ проникся настроеніемъ, стихъ и только тихо, жалобно посвистывалъ.

Бѣдняга! Онъ былъ уже старый, очень старый ветеранъ, сданный послѣ всѣхъ долгихъ походовъ на станціонные маневры. Живого мѣста, какъ говорится, не было на немъ: хлябали подшипники, стучали цилиндры, золотниковая коробка сработалась въ конецъ, а сальники, масленки парили, какъ не парятъ взятые вмѣстѣ сорокъ паровозовъ линейныхъ. И мы всегда вслѣдствіе этого носились въ облакахъ пара, и въ тактъ главному дыханію паровоза вторили нѣсколько второстепенныхъ изъ сальниковъ, цилиндровъ, коробокъ.

А что̀ дѣлалось, когда приходилось тащить тяжелый составъ—вагоновъ 40—50. Тогда со всѣхъ концовъ нашего паровоза вылетало столько пара, что казалось, что онъ унесетъ туда, вверхъ и насъ и нашъ паровозъ Д—34.

Мы поѣли и ждемъ составителя.

Григорьевъ, сидя, манитъ пальцемъ меня и говоритъ ласково, насколько это возможно для него, конечно:

— Подите сюда, молодой человѣкъ!

Я подхожу.

— Вы что̀ жъ, изъ лòкіевъ, что ли? У господъ служите?— поясняетъ онъ, замѣчая мое недоумѣніе.

Еще вчера я былъ увѣренъ, что произведу страшный эффектъ, когда сообщу своему машинисту, что я ни болѣе ни менѣе, какъ студентъ института инженеровъ путей сообщенія.

Теперь я объ этомъ больше не думаю и возможно скромнѣе стараюсь объяснить Григорьеву, кто я. Григорьевъ —машинистъ изъ слесарей, ни въ какихъ школахъ не бывавшій, и поэтому всѣ ранги ученическіе для него китайская грамота: ученикъ приходской школы, студентъ—все тотъ же ученикъ, и беретъ онъ вопросъ по существу.

— Чему жъ въ 4—5 мѣсяцевъ научитесь? Если вы хотите научиться, вамъ надо итти въ мастерскія сперва. Года черезъ четыре вы будете слесаремъ и даже механикомъ—тогда поступайте въ кочегары, года три поѣздите, получите испытаннаго кочегара. Будете тогда человѣкомъ. А теперь что̀ жъ?! Ну, дадутъ вамъ паровозъ,—сломается что-нибудь въ дорогѣ; такъ и будете стоять?

Я опять объясняю, что это только практика для меня, что я не буду ѣздить машинистомъ, что мнѣ нуженъ только аттестатъ машиниста. Еще меньше Григорьевъ понимаетъ.

— На что же такой аттестатъ?

Но уже бѣжитъ составитель. Григорьевъ берется за регуляторъ и продолжаетъ, разсуждая самъ съ собой, пожимать плечами.

II.

Уже мѣсяцъ прошелъ съ начала моей практики.

Я уже выгляжу настоящимъ кочегаромъ: такой же черный, какъ весь окружающій насъ уголь. Попрежнему, какъ ни брошу въ топку—все могила, т.-е. бугоръ по серединѣ, по, когда подходятъ къ намъ другіе машинисты и весело спрашиваютъ, кивая на меня:

— Ну, какъ онъ?

Григорьевъ снисходительно отвѣчаетъ:

— Ничего,—пойдетъ дѣло!

Со всѣми этими машинистами, кочегарами, слесарями, кузнецами я—пріятель, и мы трясемъ руки другъ другу такъ, что надо еще удивляться, какъ еще не оторвана моя рука и не раздавлены пальцы.

Всѣ на станціи знаютъ меня, студента-практиканта.

— Что̀, баринъ,—говоритъ добродушно стрѣлочникъ, около котораго мы стоимъ въ ожиданіи составителя,—видно, не на бѣлой землѣ хлѣбъ растетъ?

— Да, тяжелый трудъ!

Чтобы поспѣть къ 8 часамъ утра на смѣну и имѣть хотя 30 ф. пара, надо начать растапливать паровозъ съ четырехъ часовъ утра. Можно, конечно, и скорѣй растопить, если не жалѣть дровъ на растопку, но за экономію дровъ самая большая премія, и слѣдовательно прямой убытокъ и Григорьеву и мнѣ.

Когда разгорятся дрова, я бросаю кардифъ въ брикетахъ,— родъ кирпичей, — пока не набросаю его въ уровень съ топкой. Кардифъ даетъ жаръ, а пламя даетъ ньюкестль, черный, блестящій, мелкій уголь, который разбрасывается тонкимъ слоемъ по кардифу.

Ровно въ восемь часовъ утра на другой день мы кончаемъ дежурство. Но это еще далеко не конецъ. Мы отправляемся на угольную станцію взять запасъ угля на будущія сутки, затѣмъ ѣдемъ за дровами и часамъ къ 12, наконецъ, въѣзжаемъ въ паровозное зданіе.

И тутъ еще до конца далеко. Надо потушить паровозъ, перемѣнить набивки въ сальникахъ и вычистить машину, пока она еще горяча. Часамъ къ 2 все кончается. Надо еще обмыться, и мы идемъ въ ванную, моемся, чистимся и все-таки черные и грязные идемъ обѣдать.

Часа въ три дня я попадаю на квартиру: напиться чаю и спать, потому что въ три часа ночи уже опять вставать на работу. И вотъ изъ 48 часовъ—12 часовъ отдыха. По шести часовъ въ сутки. Все остальное время въ работѣ, и въ какой работѣ!

— Тормозъ! Тормозъ!

— Угля!

— Поддувало!

О, это поддувало! Съ этимъ проклятымъ рѣзцомъ я лежу подъ паровозомъ, держа его за одинъ конецъ, а другимъ на вѣсу пробиваю шлакъ тамъ, въ слившейся подъ одно съ колосниками огненной массѣ.

Жаръ, пепелъ захватываетъ дыханіе, отъ напряженія стучитъ въ вискахъ, нѣмѣютъ руки. Охъ, какъ часто, бросивъ въ изнеможеніи рѣзецъ, я лежалъ трупомъ тамъ, подъ паровозомъ, и думалъ: пусть онъ меня раздавитъ, разрѣжетъ, но я не двинусь больше съ мѣста.

Но уже кричитъ Григорьевъ откуда-то сверху:

— Ну, что жъ вы тамъ уснули, что ли?

И опять убѣжавшія куда-то силы возвращаются, и снова слышатся глухіе удары изъ моего склепа.

— Ну, скорѣй назадъ,—кричитъ Григорьевъ.

Вылетаетъ сперва изъ-подъ паровоза рѣзецъ, а затѣмъ между двумя колесами пролѣзаю и я въ то мгновеніе, когда колеса уже трогаются. Меньше даже мгновенія, но этого все-таки достаточно, чтобы я успѣлъ выпрыгнуть. А не успѣю, что-нибудь вдругъ случится—судорога, зацѣпится нога?

Григорьевъ не увидитъ. Онъ на той сторонѣ и точно и забылъ о моемъ существованіи. Я подбираю рѣзецъ и уже на ходу вскакиваю на подножку паровоза. Вскочить, выскочить при скорости въ тридцать верстъ — все это я уже продѣлываю съ искусствомъ обезьяны.

Я сказалъ: Григорьевъ не увидитъ.

Но онъ всегда и все видитъ.

Разъ еще въ началѣ какъ-то я соскочилъ неловко съ двигавшагося уже паровоза и упалъ на откосъ бугра земли, приготовленнаго для полотна дороги. Откосъ былъ слишкомъ крутой, чтобы удержаться на немъ, и я сталъ медленно сползать внизъ къ полотну, прямо подъ проходившій рядъ вагоновъ, которые тащилъ нашъ паровозъ № 34.

Это были ужасныя мгновенія. Сверхъестественной волей стараясь удержаться и въ то же время все сползая, я все смотрѣлъ туда внизъ, на бѣгущія мимо меня колеса вагоновъ, угадывая, которое изъ нихъ разрѣжетъ меня.

Такъ бы и случилось, потому что я, въ концѣ концовъ, упалъ прямо подъ колеса... остановившагося вдругъ поѣзда. То Григорьевъ остановилъ.

По моему ли прыжку, по мелькнувшей между стойками фигурѣ, уже лежавшей на землѣ, по верхнему ли простому чутью,—отъ Григорьева я такъ и не добился,—но Григорьевъ мгновенно закрылъ регуляторъ, далъ контръ-паръ и цѣлый рядъ тревожныхъ свистковъ. Ни свистковъ, ни стука щелкавшихся другъ о друга вагоновъ, стука, похожаго на залпы изъ пушекъ, — я не слыхалъ. Все, кромѣ зрѣнія и сознанія неизбѣжнаго конца, было парализовано во мнѣ.

Еще бо́льшую находчивость и быстроту соображенія обнаружилъ съ виду неповоротливый Григорьевъ въ другой разъ.

Какъ извѣстно, паровозъ соединенъ съ тендеромъ какъ бы на шарнирахъ для того, чтобы дать возможность самостоятельно двигаться въ извѣстномъ предѣлѣ какъ паровозу, такъ и тендеру.

Это нужно на такихъ крутыхъ кривыхъ, какъ стрѣлки, гдѣ соединенные неподвижно паровозъ и тендеръ не смогли бы проходить.

Соединеніе это прикрываетъ выпуклая чугунная крышка, неподвижно прикрѣпленная къ тендеру и свободно двигаю-

щаяся по площадкѣ паровоза. Когда паровозъ идетъ по прямой, тогда между стойкой паровоза и этой крышкой разстояніе такъ велико, что свободно помѣщается нога. При проходѣ же по стрѣлкамъ разстояніе это уменьшается и доходитъ почти до нуля.

Я зазѣвался и замѣтилъ, что нога моя попала между крышкой и стойкой тогда, когда выдернуть ее оттуда уже больше не могъ.

Все это произошло очень быстро, а дальнѣйшее происходило съ еще большей, непередаваемой быстротой. Я тихо сказалъ:

— Мнѣ захватило ногу.

Если бы Григорьевъ повернулся, чтобы сперва посмотрѣть, какъ именно, чѣмъ захватило, то время уже было бы упущено и я остался бы безъ ступни. Но Григорьевъ въ одно мгновеніе, не закрывая регулятора, далъ контръ-паръ.

Сила для этого нужна неимовѣрная. Малосильнаго рычагъ такъ бросилъ бы впередъ, что или убилъ, или изувѣчилъ бы, и былъ бы достигнутъ какъ разъ обратный результатъ—паровозъ въ томъ же направленіи, но только съ гораздо большей силой помчался бы впередъ.

Я отдѣлался разрѣзаннымъ сапогомъ, ссадиной и болью, а главное—испугомъ.

— Будете въ другой разъ воронъ ловить? — ворчалъ Григорьевъ, устремляя опять паровозъ впередъ, — только время съ вами теряешь да паровозъ портишь. Вотъ хорошо, что старый все равно паровозъ, никуда не годится. А если бъ новый былъ, да сталъ бы я такъ рычагъ перебрасывать: да пропадайте вы и съ вашей ногой.

И, такъ какъ мы въ это время подходили къ вагонамъ, онъ рѣзко крикнулъ:

— Тормозъ!

Я крутилъ изо всѣхъ силъ тормозъ и смотрѣлъ на Григорьева. Въ этой маленькой сгорбленной фигурѣ съ краснымъ большимъ носомъ обнаружилась вдругъ такая сила, такая красота, о которой подумать нельзя было. А потомъ, кончивъ составлять поѣздъ, въ ожиданіи другого, онъ опять сидѣлъ на своей перекладинѣ маленькій, сгорбленный, угрюмый, сосредоточенно снимая ногтемъ со своего краснаго носа лупившуюся кожу и угрюмо говоря:

— Лупится, проклятый, хоть ты что!..

III.

Такъ шло наше время. Весь міръ, всѣ интересы его исчезли, скрылись гдѣ-то за горизонтомъ, и, казалось, на свѣтѣ

только и были: Григорьевъ, я, да паровозъ нашъ. Отъ поры до времени я бѣгалъ за водкой Григорьеву, чтобы онъ поменьше ругался. И всегда онъ ругался, и въ то же время я чувствовалъ какую-то ласку его, постоянную, особенную, по существу деликатность, которой онъ точно самъ стыдился.

Ночью, напримѣръ, когда я, уставъ до послѣдней степени, держась за тормозъ, спалъ стоя, онъ вдругъ раздраженно крикнетъ:

— Ну, что̀ посомъ тычете: все равно никакой пользы нѣтъ отъ васъ—ступайте спать.

Вотъ блаженство! Я взбираюсь на тендеръ и, выискавъ тамъ подальше отъ топки мѣстечко, чтобы Григорьевъ какъ-нибудь и меня вмѣстѣ съ углемъ не проводилъ въ топку, укладываюсь въ мягкій нью-кестль, кладу подъ голову кирпичъ кардифа, одно мгновеніе ощущаю свѣжій ароматъ ночи, еще вижу надъ собой синее темное небо, далекія, яркія, какъ капли росы, звѣзды и уже сплю мертвымъ сномъ.

Никогда потомъ, на самыхъ мягкихъ сомье, я уже не спалъ такъ сладко, такъ крѣпко.

IV.

— Сегодня мое рожденье,—сказалъ какъ-то въ іюнѣ Григорьевъ, когда наступила обѣденная пора,—въ харчевню мы не пойдемъ, а будемъ свой пирогъ ѣсть и другое что̀.

А въ это время, испуганно оглядываясь на насъ, ужъ подходила съ судкомъ худенькая, лѣтъ пятнадцати дѣвочка.

Она была въ свѣтломъ платочкѣ, отъ чего маленькое загорѣлое лицо ея казалось еще темнѣе, рельефнѣе выдѣлялись только ея большіе, горящіе какъ уголь глаза.

Наблюдая, какъ она подходила, Григорьевъ, сегодня благодушный, причесанный, ворчалъ:

— Вишь, востружа, а оробѣла здѣсь, — и, усмѣхнувшись, добавилъ:

— Моя дочка... Мать только вотъ померла. Надо бы жениться, да вотъ не хочетъ... Да и я не хочу... Ну ихъ...

Онъ повернулся къ дочери и крикнулъ:

— Вотъ, если бы дома Маруся да такая тихоня — охъ, хорошо бы было!..

Маруся уже подавала отцу судки, а затѣмъ и сама быстро взобралась на паровозъ, однимъ взглядомъ осмотрѣвъ сразу все и меня въ томъ числѣ.

— Ну, знакомьтесь, да будемъ обѣдать всѣ трое, чѣмъ Богъ послалъ.

Я поклонился, назвалъ свою фамилію, пожалъ ея руку.

— Ишь, какимъ кобелькомъ,—усмѣхнулся Григорьевъ.

Когда за ѣдой я, обращаясь къ ней, назвалъ ее по отчеству, Григорьевъ угрюмо замѣтилъ:

— Какая тамъ еще „Марья Григорьевна“, да еще „вы“,— вбиваете ей въ голову, и такъ огонь дѣвка, сладу нѣтъ,— Маруська, ты, да за вихры, чтобъ понимала...

Маруська только носомъ потянула да бросила на меня вызывающій веселый взглядъ.

Впечатлѣніе чего-то еще находящагося въ работѣ, и закончены пока только эти чудные, живые, все говорящіе глаза.

Эти глаза остались въ памяти. Мы уѣхали на пристань дѣлать тамъ маневры. Предъ нами было море, гыпуклое, полное напряженія, все въ блесткахъ, и чувствовались въ немъ глаза Маруси.

Ночь пришла, шумъ моря волновалъ и опять глаза Маруси, овладѣвшіе вдругъ моей душой.

Въ этотъ день я сдѣлалъ подарокъ Григорьеву.

Какъ-то раньше, во время отдыха, сидя, по обыкновенію, на перилахъ, Григорьевъ, поманивъ меня пальцемъ, спросилъ:

— Вы читали Лермонтова? Помните?

И онъ началъ декламировать: „Отецъ, отецъ, оставь угрозы“... Декламировалъ онъ такъ быстро, такъ незвучно, что если не знать, что̀ именно онъ говоритъ, — понять ничего нельзя было бы.

Оборвавшись на какой-то строчкѣ, онъ съ горечью проговорилъ:

— Дѣвчонка, баловница негодная, выдрала съ полкнижки и вотъ не знаю, гдѣ бы достать, чтобы переписать выдранное.

Я купилъ тогда же сочиненія Лермонтова, отдалъ ихъ переплести въ красивый переплетъ съ вытисненнымъ именемъ, отчествомъ и фамиліей Григорьева и все не рѣшался передать книгу Григорьеву.

День его рожденья былъ очень удобный случай.

Послѣ обѣда я отпросился на минуту домой и принесъ Лермонтова.

Григорьевъ сидѣлъ, что-то напѣвая. Когда я подалъ ему книгу, онъ прочелъ названіе и, радостно встрепенувшись, сказалъ:

— Ну, вотъ такъ спасибо, такое спасибо,—ночи спать не буду, пока все, что̀ вырвано, не перепишу.

— Списывать не надо, вотъ, прочтите, чья это книжка.

Григорьевъ, понявъ, въ чемъ дѣло, растрогался до слезъ. Вытирая ихъ жесткимъ рукавомъ, онъ говорилъ:

— Никто мнѣ за всю мою жизнь такого баловства не дѣлалъ... И какъ разъ въ такой день, точно знали вы...

И, успокоившись, бережно завернувъ книгу, онъ, усѣвшись опять на перила, заговорилъ:

— Эхъ, милый, милый, не сладка вся жизнь моя вышла. Я вѣдь такъ и выросъ безъ отца и матери — кто они? Кто скажетъ? Вотъ такъ, сколько помню, и жилъ на улицѣ и дни и ночи... Сколько разъ замерзалъ совсѣмъ... А сколько били и какъ били... Былъ и сапожникомъ, и лавочникомъ, и шапочникомъ, и кузнецомъ... Тутъ вышло въ родѣ замиренія у меня,—женился я... Былъ уже кочегаромъ... Вотъ такъ же все не дома да не дома. Женщина молодая, да и во мнѣ-то какая сласть: снюхалась съ однимъ тутъ... такъ, прощелыга. Пріѣхалъ разъ съ поѣзда, никого и дверь не заперта,—иди кто хочешь, бери что хочешь... И остался я сразу одинъ опять: тутъ я и сталъ вотъ этой самой бутылочкой ушибаться... А года черезъ два вдругъ объявилась: еле живая приволоклась вотъ съ этой самой дѣвочкой. Черезъ мѣсяцъ и Богу душу отдала... Такъ убивалась передъ смертью... да ужъ и я былъ медвѣдемъ: хоть и опоскуженная, хоть и не за мной убивается, а изъ сердца не вырвешь, да и чѣмъ дитю-то несчастное виновато, что должно оно безъ матери и отца остаться... Что мнѣ врать? Была бы воля,—легъ бы за нее въ гробъ и сейчасъ даже...

А черезъ нѣсколько дней Григорьевъ, счастливый, какъ ребенокъ, принесъ мнѣ грязную съ подшитой тетрадью книгу и сказалъ:

— Переписалъ-таки! Эта книга будетъ мнѣ на будни, а вашу по праздникамъ стану читать.

V.

Однажды, когда, окончивъ дежурство, мы подъѣхали, по обыкновенію, къ депо, глухой начальникъ сказалъ Григорьеву:

— Вы съ вашимъ кочегаромъ назначаетесь въ поѣзда: конецъ маневрамъ. Сегодня отдыхайте, а завтра сдавайте свой и получайте новый паровозъ.

На другія сутки, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, мы уже выходили со станціи съ нашимъ первымъ поѣздомъ.

Я волновался. Григорьевъ былъ торжественъ.

Моросилъ дождикъ, Григорьевъ спросилъ:

— Сухого песку не забыли насыпать въ песочницу?

Я обмеръ, вспомнивъ только теперь о злополучномъ пескѣ, но отвѣтилъ:

— Насыпалъ!

Сейчасъ же за станціей начинался подъемъ, колеса паровоза забуксовали на мокрыхъ рельсахъ, и Григорьевъ озабоченно крикнулъ мнѣ изъ своего угла:

— Песокъ!

Я задергалъ ручку песочницы, и пустая песочница звонко затрещала.

— Игрушки, что ли,—крикнулъ Григорьевъ, какъ давно не кричалъ:—знаете сами, что нѣтъ песку. Сейчасъ съѣдемъ назадъ и перебьемъ весь поѣздъ,—ступайте передъ паровозомъ и посыпайте рельсы балластнымъ пескомъ.

И вотъ я иду передъ паровозомъ, беру съ пути песокъ, сыплю его на рельсы, и чудовище-паровозъ со всѣмъ своимъ длиннымъ хвостомъ, злясь и пыхтя, готовое каждую секунду, споткнись только я, раздавить меня—и все-таки покорное, укрощенное, тихо тянется за моей рукой. Точно я самъ, гигантъ Самсонъ, тащу весь этотъ поѣздъ.

— Ну, будетъ, садитесь!

Паровозъ прибавляетъ ходу, я вскакиваю, и мы ѣдемъ.

Темная ночь охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, брызги дождя летятъ въ лицо, вѣтеръ рветъ шапку, раздуваетъ блузу, мы оба, высунувшись, во всѣ глаза смотримъ впередъ въ непроглядную тьму.

Смотримъ, чтобы во-время увидѣть неисправность пути, лежащій на рельсахъ какой-нибудь предметъ, переходящую черезъ путь лошадь, человѣка.

И вдругъ изъ-за крутого закругленія передъ мостомъ фонари паровоза освѣщаютъ дикую, полную ужаса картину: табунъ спутанныхъ лошадей, бѣшено скачущихъ по полотну.

И въ одно мгновеніе все остальное: Григорьевъ открываетъ полный регуляторъ, и мы на полномъ ходу врѣзываемся въ эту живую массу,—впечатлѣніе, точно поплыли вдругъ мы, съ моста летятъ лошади, трескъ, и уже опять мы несемся, охваченные снова только безмолвіемъ и мракомъ ночи.

Григорьевъ крестится, я все еще держусь двумя руками за стойку, точно это помогло бы чему-нибудь, если бы и мы слетѣли туда внизъ вмѣстѣ съ лошадьми.

— Счастье, что еще съ разбѣга, да регуляторъ успѣлъ открыть... А вотъ, если бы шпалы лежали на пути,—тутъ, что тише проскочишь, то меньше бѣды. А лошади тамъ, коровы, люди—ужъ если нельзя остановить, что рѣзче, то лучше... Бѣда, что было бы: десять саженъ мостъ, а поѣздъ вонючій.

Пріѣхавъ на станцію, мы заявили, и насъ осмотрѣли. Колеса паровоза были въ крови, въ волосахъ отъ гривъ и хвостовъ, оторванная голова лошади такъ и осталась и страшно торчала изъ-за колесъ паровоза.

— Вотъ такъ крещенье,—повторялъ, осматривая, Григорьевъ.

Я ходилъ, смотрѣлъ и думалъ: мыть-то, мыть сколько придется,—всѣ три часа отдыха въ оборотномъ депо уйдутъ на это.

И обычнымъ путемъ пошла наша линейная работа.

Пріѣдешь на оборотное депо, и черезъ сутки дежурство. То есть время отдыха стоять подъ парами, всегда готовые дѣлать маневры.

Движеніе усиленное и маневровъ много. Пріѣдешь домой,—двѣнадцать часовъ отдыху—и назадъ. Когда движеніе усилилось, мы отдыхали шесть часовъ и не въ очередь стояли на парахъ.

Однажды, когда мы пришли съ поѣздомъ на оборотное депо, оказалось, что очередной паровозъ испортился, и насъ безъ передышки погнали дальше...

Мы прошли еще сто пятьдесятъ верстъ. Тамъ насъ заставили дѣлать маневры и погнали назадъ въ наше оборотное депо. А оттуда, безъ всякаго отдыха, опять мы поѣхали съ новымъ поѣздомъ домой.

Шли третьи сутки работы безъ остановки, и у меня было впечатлѣніе, что я давно уже вылѣзъ изъ своего тѣла,—я его совершенно не чувствовалъ, кромѣ глазъ, глаза оставались тѣлесными, но ничего больше не видѣли,—что-то ихъ выпячивало изнутри, что-то тяжелое налѣзало сверху, такое тяжелое, что силъ уже не было удерживать его.

Кончилось тѣмъ, что и Григорьевъ и я стоя заснули.

Такъ въ сонномъ видѣ мы проскочили двѣ станціи. Намъ кричали, бросали камнями, перебили всѣ стекла въ будкѣ, но мы ничего не слыхали.

На третьей станціи наконецъ смѣльчакъ составитель вскочилъ на полномъ ходу на паровозъ и привелъ къ жизни двѣ застывшія, какъ статуи, фигуры.

Мы возвратились на станцію, гдѣ, признавъ насъ невмѣняемыми, ссадили насъ, отцѣпивъ поѣздъ съ экстренно вызванными машинистомъ и кочегаромъ.

Чтобы проѣхать двѣ станціи, надо было и воду качать и подбрасывать отъ поры до времени и уголь. Очевидно, значитъ, Григорьевъ иногда просыпался, подбрасывалъ уголь, качалъ воду.

Что до меня, то, держась двумя руками за стойку, я стоялъ и спалъ, какъ убитый.

Все дѣло кончилось тѣмъ, что Григорьева, снисходя къ усталости его, оштрафовали на пятнадцать рублей, а меня на десять.

VI.

Конецъ практики.

Я въ вагонѣ, ѣду обратно въ свой институтъ, опять одѣтый въ форму, умытый, причесанный, но еще съ чернымъ цвѣтомъ лица. Микроскопическія крупинки угля забились въ кожу, проникли въ поры, и, какъ говорятъ опытные люди, мой обычный цвѣтъ лица возвратился ко мнѣ не раньше полугода.

Аттестатъ, о которомъ я мечталъ вначалѣ, я не взялъ, но я везъ съ собой болѣе цѣнное: я узналъ, что̀ такое трудъ, и я везъ масштабы этого труда. Мѣрило на всю дальнѣйшую жизнь.

И когда въ жизни находили иногда, что я могу напряженно работать, я думалъ: чего сто̀итъ всякая другая работа въ сравненіи съ каторжной работой тѣхъ невѣдомыхъ тружениковъ?

Чего сто̀итъ война съ ея героями, усиліями въ теченіе полугода, года въ сравненіи съ этой постоянной войной, постоянной опасностью, напряженнѣйшей работой въ мірѣ?

Пятнадцать лѣтъ такой работы—и машина человѣческаго организма вся разбита: отъ постояннаго стоянья и тряски ноги отказываются служить; слѣпнутъ глаза отъ постояннаго контраста бѣлаго огня топки и темной ночи; ревматизмъ развивается отъ рѣзкаго перехода отъ жара котла къ стужѣ снаружи. И никуда негодный работникъ выбрасывается безъ пенсіи, безъ всякихъ средствъ, съ отобраннымъ въ штрафъ послѣднимъ жалованьемъ, выбрасывается на улицу, на церковную паперть.

И, завидуя, вспоминаетъ такой выброшенный товарищей: убитыхъ, изувѣченныхъ, съ отрѣзанными руками, ногами. Ихъ семьямъ или имъ самимъ послѣ торга и всякихъ угрозъ даютъ тысячу-другую. Вспоминаетъ и горько плачется на свою безталанную долю.

Можетъ-быть, когда-нибудь терпѣливый статистикъ подсчитаетъ, какой процентъ убитыхъ и раненыхъ на желѣзныхъ дорогахъ приходится на всѣхъ этихъ машинистовъ, кочегаровъ, составителей, сцѣпщиковъ, кондукторовъ.

О, навѣрно, ни одна война не дастъ такого процента!

Сколько при мнѣ во время лѣтней практики было этихъ случаевъ. Составителя, который вскочилъ къ намъ тогда на

полномъ ходу, впослѣдствіи перерѣзало паровозомъ. При сцѣпкѣ вагоновъ онъ упалъ между рельсами, а составъ шелъ заднимъ ходомъ. Пока катились вагоны съ высокими осями, онъ свободно могъ лежать, но когда надвинулся паровозъ, со своей низко сидящей топкой, когда выяснилась ему перспектива быть раздавленнымъ поддуваломъ, онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе проскочить между послѣдними передъ топкой двумя колесами. Его разрѣзало пополамъ, и я видѣлъ этотъ трупъ съ застывшими, широко раскрытыми отъ ужаса глазами.

Другому составителю, когда онъ проскакивалъ между буферами, захватило голову. Выскочивъ и кружась, онъ нѣсколько разъ быстро проговорилъ:

— Ничего, ничего, ничего...

И упалъ мертвый.

Кочегаръ какъ-то упалъ, и ему отрѣзало ногу.

Машинистъ и кочегаръ погибли, налетѣвъ на разобранный мостъ. Кочегара убило на мѣстѣ, а машинисту, тому, что̀ такъ весело вралъ въ харчевнѣ, обварило паромъ лицо и руки.

Когда онъ слѣзалъ съ паровоза, держась за стойку, кожа съ руки, какъ перчатка, осталась на стойкѣ.

Пока везли его въ больницу, пока помощь подали... Послѣ трехъ дней сплошного мученья онъ умеръ, оставивъ большую семью.

Другой машинистъ... Но что̀ перечислять? Чуть не каждый день читаемъ мы объ этомъ въ газетахъ.

Наше прощанье съ Григорьевымъ было очень трогательное. Провожать меня собрались всѣ свободные кочегары и машинисты. Я угостилъ ихъ, мы выпили, расцѣловались, и я уѣхалъ.

— Когда будете большимъ человѣкомъ, не забывайте насъ, маленькихъ людей.

— И Богъ васъ не забудетъ!

— Не забывайте же, что хлѣбъ не на бѣлой землѣ растетъ!

— И будьте всегда и прежде всего человѣкомъ!

Такъ провожали меня и кричали мнѣ, когда отходилъ поѣздъ, и изо всѣхъ оконъ смотрѣли пассажиры съ недоумѣвающими лицами: о чемъ кричитъ вся эта пьяная компанія черныхъ людей, мѣсто которыхъ гдѣ угодно, но не на глазахъ чистой публики?

VII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я былъ назначенъ строителемъ части строившейся линіи. Было утро. По обыкновенію, толпа народа находилась въ конторѣ, и я, весь поглощенный работой, спѣшилъ удовлетворить нужды всѣхъ этихъ людей.

— Ну, здравствуйте,—раздался вдругъ грубый голосъ надо мной, и черная мозолистая рука безцеремонно протянулась ко мнѣ.

Я уже успѣлъ со дней моей практики отвыкнуть и не жалъ больше такихъ рукъ.

Этотъ грубый перерывъ моей работы, эта нахально протянутая рука покоробили меня, и я поднялъ раздраженные глаза.

Передо мной стоялъ сутуловатый, угрюмый, грязный господинъ съ большимъ краснымъ носомъ.

Спокойнымъ, слегка пренебрежительнымъ голосомъ, онъ спросилъ:

— Не узнали?

Узналъ, конечно, Григорьевъ.

Такой же, хотя постарѣлъ и горечь въ лицѣ.

— Какъ поживаете?

— Да вотъ носъ... все лупится.

— Какъ вы попали сюда? Какъ меня разыскали?

— Услыхалъ и пріѣхалъ. Разыщешь, когда ѣсть нечего: выгнали меня изъ кочегаровъ,—больше не надо,—ученые пошли.

— Найдемъ работу.

И я устроилъ Григорьева машинистомъ при водокачкѣ.

Онъ поселился въ чистомъ маленькомъ домикѣ. Съ нимъ поселилась его дочь, красавица Маруся, съ черными, какъ брильянты, глазами. Ея мужъ поселился, молодой красивый кузнецъ.

Проѣзжая, я иногда видѣлъ ее на порогѣ съ ребенкомъ на рукахъ и вспоминалъ празднованье рожденья. Тогда я мечталъ: можетъ-быть, въ жизни я встрѣчусь и женюсь на ней. Потомъ я смѣялся, вспоминая свои юношескія мечты.

А теперь я жалѣлъ и завидовалъ счастливцу кузнецу.

VIII.

Григорьевъ вотъ какую услугу оказалъ мнѣ.

Въ одинъ прекрасный день всѣ кочегары и машинисты не вышли на работу, заявивъ, что, противъ всѣхъ законовъ, ихъ заставляютъ работать вдвое.

Я телеграфировалъ своему начальству и получилъ распоряженіе немедленно разсчитать всѣхъ.

Не берусь судить, чѣмъ бы это кончилось, если бъ не Григорьевъ.

Во главѣ всѣхъ Григорьевъ говорилъ мнѣ:

— Мы не спорить пришли съ вами, и новаго вамъ говорить намъ нечего: помните, тогда на паровозѣ, когда спали

мы оба? И здѣсь люди до одурѣнія дошли,—лошадь и та отдыхаетъ. Вамъ говорить мнѣ не надо: мы вѣдь люди, и вы знаете это.

И Маруся стояла тутъ же съ другими, съ ребенкомъ на рукахъ, ея глаза смотрѣли въ мои,—спокойные, полные довѣрія, полные сознанія своей правоты, не допускающіе и мысли, чтобы не сознавалъ этого и я.

А вызванныя войска уже шли, и кто знаетъ? Можетъ-быть, завтра...

— Господа, я не хозяинъ, что̀ я могу сдѣлать?

И опять говоритъ Григорьевъ:

— А вы поѣзжайте къ своему начальству и разскажите имъ все, что̀ вы знаете.

— Хорошо, я поѣду.

И, обращаясь къ толпѣ, Григорьевъ заговорилъ:

— Ну, я же говорилъ вамъ. Дѣло теперь въ шляпѣ... Человѣкъ на своей шкурѣ испыталъ. А покамѣстъ ѣздитъ, станемъ на работу и будетъ ждать его пріѣзда.

На томъ и порѣшили, и я уѣхалъ.

Я мало надѣялся на успѣхъ, и большого труда стоило снять вопросъ съ почвы потачки и перенести его на почву денежной выгоды: отъ переутомленія происходитъ столько несчастій, столько матеріальныхъ потерь, что выгоднѣе, увеличивъ штатъ, уменьшить работу дня.

Мнѣ помогъ начальникъ тракціи, подтвердивъ цифрами мою мысль.

И убѣдили начальство.

— Но какъ тамъ, въ Петербургѣ, въ управленіи на это посмотрятъ?

Начальникъ тракціи угрюмо замѣтилъ:

— И тамъ люди, и ихъ же карманы оберегаемъ.

— Ну, что̀ будетъ.

Я далъ телеграмму своему помощнику и, счастливый, возвратился назадъ. О, какая толпа меня встрѣтила! Какую рѣчь сказали!

И мы жали руки другъ другу, такъ жали, какъ со времени моего отъѣзда тогда съ практики ни разу мнѣ не жали.

А довольный Григорьевъ твердилъ, обращаясь то къ тому, то къ другому въ толпѣ:

— Ну, такъ какъ же? Я жъ говорилъ! Вѣдь это не то, что̀... Въ два слова дѣло понять можетъ: не большая мудрость...

ВАРІАНТЪ *).

Зима подходила къ концу. На одномъ изъ участковъ новостроящейся дороги шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящему весной открытію работъ.

Начальникъ участка Кольцовъ, уже послѣ окончательныхъ изысканій, закончившихся предыдущимъ лѣтомъ, затѣялъ измѣнить направленіе линіи. Это измѣненіе обѣщало серьезныя сбереженія, и Кольцовъ съ двумя молодыми инженерами, проработавъ всю зиму въ полѣ, напрягалъ всѣ усилія закончить всѣ работы къ предстоящей черезъ двѣ недѣли сдачѣ подрядовъ. Торопиться нужно было для того, чтобы успѣть провести и утвердить варіантъ до торговъ и этимъ впослѣдствіи избавиться отъ претензій подрядчиковъ на тему, что ихъ подвели, что они понесли убытки вслѣдствіе уменьшенія работъ, и результатомъ такихъ претензій была бы неизбѣжная приплата подрядчикамъ казной 20% сбереженной противъ подрядовъ суммы.

Дни въ усиленной полевой работѣ, вечера за вычерчиваніемъ плановъ и профилей, короткій отдыхъ,—въ послѣднее время три-четыре часа въ сутки,—изнурили и утомили Кольцова и двухъ его товарищей. Особенно подался Стражинскій. Онъ такъ похудѣлъ, что жена Кольцова говорила, что у Стражинскаго остались одни глаза. Стражинскій за зиму нажилъ себѣ страшный ревматизмъ; въ послѣднее время еще простудился, кашлялъ и производилъ крайне ненадежное впечатлѣніе. Несмотря на двадцать семь лѣтъ, волоса его замѣтно стали сѣдѣть. Его изящная, стройная фигура сгорбилась, красивое лицо осунулось, и только большіе выразительные глаза выиграли,—они то зажигались лихорадочнымъ, раздраженнымъ огнемъ, то грустно-безнадежно смотрѣли на окружающихъ. Спо-

*) Посмертный разсказъ. Напечатанъ въ 1910 г.

койный, воспитанный, онъ теперь едва сдерживалъ свое безпричинное раздраженіе.

— Вася, не мучь ты Стражинскаго, — говорила Кольцову, въ рѣдкія минуты отдыха, его жена: — право, по временамъ плакать хочется, глядя на него.

— Ну что же дѣлать,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Мнѣ назначено девять человѣкъ, изъ нихъ прислали только двухъ, а остальныхъ оставили пока при управленіи. Вотъ скоро кончимъ, тогда дамъ ему хоть на мѣсяцъ отдыхъ. Вѣдь и я и Татищевъ такъ же работаемъ,

— Ты и Татищевъ здоровые, а онъ совсѣмъ не вашего поля ягода.

— А я тутъ при чемъ, — возражалъ Кольцовъ.—Не вводить же казну въ милліонные убытки оттого, что Стражинскій не на своемъ мѣстѣ. Вотъ скоро кончимъ, тогда...

И Кольцовъ опять убѣгалъ въ контору. Тамъ, въ сырой, осенью только отдѣланной комнатѣ, служившей прежде кладовой, занимались Стражинскій, Татищевъ и Кольцовъ.

Въ сыромъ накуренномъ воздухѣ было угарно и тяжело. Стражинскій работалъ молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздраженіе.

Татищевъ работалъ свободно, безъ напряженія.

— Экое отвратительное помѣщеніе, — ворчалъ Татищевъ, водя рейсфедеромъ по бумагѣ и безпрестанно отбрасывая шнурокъ пенснэ.

— Да, гадость,—согласился Кольцовъ.

— Гораздо лучше было нанять домъ Мурзина, — ворчалъ опять Татищевъ.

Немного погодя Татищевъ опять заговорилъ:

— Невозможный рейсфедеръ, линейки порядочной нѣтъ. Вотъ этимъ рейсфедеромъ я уже второй милліонъ экономіи дочерчиваю. Хоть бы рейсфедеръ новый.

— Невозможные инструменты!—вставилъ Стражинскій.

— Хоть бы въ пикетъ сыграть, — продолжалъ Татищевъ, помолчавъ.

— Некогда, некогда,—отвѣчалъ Кольцовъ. — Кончимъ варіантъ, тогда и будемъ играть, сколько хотите.

— Никогда мы его не кончимъ, — отвѣчалъ Татищевъ и вдругъ весело, по-дѣтски расхохотался.

— Вы чего?—поднялъ голову Кольцовъ.

Татищевъ продолжалъ хохотать.

— Мнѣ смѣшно...

И Татищевъ опять залился веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Кольцовъ, привыкшій къ его безпричинному смѣху, только рукой махнулъ, проговоривъ:

— Ну, завелъ!

— Что мы никогда не кончимъ, — докончилъ Татищевъ свою фразу и залился новымъ припадкомъ смѣха.

Кольцовъ и Стражинскій не выдержали и тоже разсмѣялись.

Татищевъ кончилъ наконецъ смѣяться и снова принялся за рейсфедеръ.

Наступило молчаніе. Всѣ погрузились въ работу.

— А вы помните, Василій Яковлевичъ, ваше обѣщаніе?— началъ опять Татищевъ.

— Какое?—спросилъ, не отрываясь, Кольцовъ.

— Въ отпускъ меня пустить.

— Да, пущу,—отвѣчалъ Кольцовъ.

— Какъ въ прошломъ году?

— Вѣдь вы же знаете, что въ прошломъ году помѣшалъ варіантъ.

— То-то помѣшалъ,—самодовольно отвѣтилъ Татищевъ.— А какъ вы еще какой-нибудь варіантъ выдумаете?

— Нѣтъ, ужъ это послѣдній.

Татищевъ лукаво посмотрѣлъ на Стражинскаго.

— Да больше времени нѣтъ, да и работы скоро начнутся.

Татищевъ недовѣрчиво молчалъ. Стражинскій опустилъ голову на руку и безцѣльно уставился въ стѣнку. Изможденное лицо его выражало страданіе.

— Что, голова болитъ?—спросилъ Кольцовъ.

— Немножко,—отвѣтилъ нехотя Стражинскій.

— Вамъ, Станиславъ Антоновичъ, необходимъ отпускъ,— проговорилъ Кольцовъ.

— Ну, ужъ извините,—загорячился Татищевъ.—Я больше Станислава Антоновича просидѣлъ въ этой трущобѣ.

— Да вы посмотрите на себя и Станислава Антоновича,— отвѣчалъ Кольцовъ.—Вы кровь съ молокомъ, а онъ совсѣмъ высохъ.

— Я тоже боленъ,—отвѣчалъ Татищевъ:—у меня горловая чахотка начинается.

Кольцовъ и Стражинскій улыбнулись.

— Смѣйтесь, — обидчиво отвѣчалъ Татищевъ. — Вы слышите, какъ я охрипъ.

— Ну, полно, Павелъ Михайловичъ, — махнулъ рукой Кольцовъ.

— Вотъ и полно!

— Я не поѣду въ отпускъ, — сказалъ Стражинскій.— Мои финансы въ такомъ безпорядкѣ, что мнѣ и думать нечего.

Стражинскій жилъ на жалованье 125 рублей въ мѣсяцъ и

своихъ средствъ не имѣлъ. При безалаберной кочевой жизни, при неумѣньи обращаться съ деньгами, ему не хватало, и онъ былъ весь въ долгу. Окончательно его запуталъ Татищевъ, богатый человѣкъ, любившій хорошо поѣсть. Онъ умудрялся тратить на кухню до двухсотъ рублей въ мѣсяцъ.

— Я рѣшилъ, знаете, Павелъ Михайловичъ,—продолжалъ Стражинскій,—уѣхать отъ васъ, а то съ вами кончу тѣмъ, что все у меня продадутъ за долги.

— Я вовсе не много трачу,—обидѣлся Татищевъ:—вотъ поживите сами и узнаете.

— Ну, господа, пойдемъ спать,—сказалъ Кольцовъ, вставая.—Два часа.

Кольцовъ ушелъ наверхъ. Татищевъ скоро собралъ инструменты и торопилъ Стражинскаго.

Стражинскій медленно отрывался отъ работы.

— Скорѣе,—торопилъ Татищевъ.—Оставьте такъ, кто тутъ возьметъ. Ѣсть хочется, спать хочется. Ну и жизнь!

Стражинскій раздраженно молчалъ, продолжая собирать вещи.

Татищевъ, одѣтый въ шубу, усѣлся на табуретку и слѣдилъ глазами за Стражинскимъ.

— Измучитъ насъ Кольцовъ,—началъ онъ, помолчавъ.—Я понимаю, поработать и отдохнуть, но этакая каторга изо дня въ день, и изъ-за чего, спрашивается? Я второй годъ съ нимъ. На двухъ линіяхъ надѣлалъ варіантовъ, измучилъ себя, другихъ, истратилъ своихъ уйму денегъ и въ концѣ концовъ, кромѣ непріятностей, до сихъ поръ ничего не получилъ. Обѣщалъ выхлопотать награды.

— Э,—досадливо проговорилъ Стражинскій.—Какая тутъ награда! Кто ему ее разрѣшитъ? Экономія! Кому нужна эта экономія? Для казны экономія, c'est bien original.

Стражинскій воспитывался за границей и любилъ французскій языкъ.

— Ну, положимъ, это наша обязанность,—отвѣчалъ Татищевъ.—Но вѣдь всему должна быть мѣра, а вѣдь мы живемъ такъ, какъ будто черезъ годъ намъ ничего не надо будетъ. Истратить всѣ силы въ два-три года, а тамъ что жъ? Истаскаешься, куда ты тогда дѣнешься?

— И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя,—отвѣтилъ Стражинскій, укладывая послѣдній циркуль.

Онъ заперъ коробку, положилъ ее въ столъ, постоялъ нѣсколько секундъ, тупо глядя передъ собой, потомъ досадливо махнулъ рукой и началъ одѣваться.

— Это жизнь!—продолжалъ онъ себѣ подъ носъ.—Мечтаетъ о преміяхъ, себя и другихъ морочитъ. Э! Все равно! Идемъ.

— Вотъ, опъ говоритъ, на концессіонныхъ постройкахъ премін давали, ну, тамъ и можно было работать, — продолжалъ Татищевъ, идя съ Стражинскимъ по соннымъ улицамъ завода, гдѣ они жили, — по пзъ-за чего здѣсь надрываться? Я не понимаю.

Стражинскій молчалъ.

— Васька, скорѣй ужинать!—кричалъ Татищевъ, входя въ квартиру.

Сонный Васька побѣжалъ на кухню, принесъ на блюдѣ аппетитный кусокъ жареной телятины.

— Опять подливки мало, — замѣтилъ Татищевъ, подходя къ опрятно накрытому столу. — А закуску почему не поставилъ? Тебѣ сколько разъ я говорилъ, чтобы ставилъ по два стакана къ прибору. И бѣлаго вина нѣтъ. Перчатки не надѣлъ. Я тебѣ сколько разъ говорилъ, что я терпѣть не могу, чтобы голыми руками подавалъ. Трогаешь ими Богъ знаетъ какую гадость, а потомъ хлѣбъ ими же подаешь.

Когда все было приведено въ порядокъ, Татищевъ удовлетворенно сѣлъ за столъ, аккуратно завязалъ себя салфеткой, снялъ пенснэ и обратился къ Стражинскому:

— Станиславъ Антоновичъ, пожалуйста.

Сонный Васька стоялъ поодаль съ вытянутыми руками въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Платокъ посовой,—приказалъ Татищевъ.

Васька бросился въ другую комнату.

— Да ты что̀ кидаешься, какъ сумасшедшій,—остановилъ его Павелъ Михайловичъ.—Потише не умѣешь? Развѣ ты не понимаешь, что это неприлично.

Черезъ минуту Васька беззвучно подалъ Татищеву нѣсколько платковъ.

Татищевъ взялъ платокъ, посмотрѣлъ его номеръ (всѣ его платки были занумерованы), посмотрѣлъ номеръ слѣдующаго платка, оставилъ себѣ первый по порядку, остальные отдалъ Васькѣ, сказавъ:

— Положи аккуратно на мѣсто.

Татищевъ уже совсѣмъ было-приготовился къ ѣдѣ, но, взглянувъ на руки, проговорилъ:

— Нѣтъ, не могу,—потребовалъ умываться.

Стражинскій, раздраженно наблюдавшій Татищева, потерявъ терпѣніе, сказалъ:

— О, mon Dieu,—легъ на кровать и закрылъ глаза.

Съ четверть часа фыркалъ Татищевъ въ сосѣдней комнатѣ. Слышались его возгласы:

— Лей сюда, ниже, ниже... Экій ты, Васька, безтолковый!

Наконецъ, умывшись, съ расчесанной бородой, въ чистой ночной рубахѣ и туфляхъ, Татищевъ окончательно усѣлся за столъ. Онъ опять завязалъ салфетку, опять пригласилъ Стражинскаго и приступилъ къ нарѣзыванію телятины. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложились одна на другую. Широкая бѣлая рука Павла Михайловича красиво водила большой ножъ, другая держала громадную вилку, воткнутую въ телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

— Да, вотъ, подите-ка, нарѣжьте такъ аккуратно. Это вовсе не такъ просто, какъ кажется. Тутъ все нужно разсчитать, чтобы вышла такая ровная пластинка. И ножъ надо именно вотъ такъ держать, и вилку на извѣстномъ разстояніи. Вотъ теперь надо вынуть ее—поставить дальше.—И Татищевъ, вынувъ вилку, воткнулъ ее въ другомъ мѣстѣ.

И опять все его лицо говорило:

— Именно вотъ въ этомъ мѣстѣ. Теперь опять пойдутъ правильные ломтики.

И ломтики, дѣйствительно, пошли одинъ правильнѣе другого.

— Ну, довольно,— досадливо проговорилъ Стражинскій, раздраженно наблюдая Татищева.

— Теперь, пожалуй, и довольно,— согласился Татищевъ, когда половина блюда покрылась изрѣзанными ломтиками.

— Кто это съѣстъ?—замѣтилъ Стражинскій.

— Не безпокойтесь, съѣмъ,— обидчиво замѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Ужинъ начался. Стражинскій ѣлъ безъ всякаго аппетита. Съѣвъ ломтикъ телятины, онъ потребовалъ себѣ стаканъ молока.

Павелъ Михайловичъ только головой соболѣзнующе покачалъ, аппетитно уплетая кусокъ за кускомъ.

— Извините,— проговорилъ Стражинскій, кончивъ свой стаканъ молока:—я встану, я такъ усталъ.

— А чайку? — встрепенулся Павелъ Михайловичъ. — Неужели не выпьете стаканчика горячаго въ кровати? Пока-мѣстъ вы будете раздѣваться, чай будетъ готовъ. Васька, живо чаю!

Добродушное настроеніе Татищева подѣйствовало наконецъ и на Стражинскаго.

Онъ съ наслажденіемъ вытягивался въ кровати, говоря:

— Охъ, какъ я усталъ! Мнѣ каждый разъ кажется, какъ я ложусь, что я ужъ не въ силахъ буду никогда встать.

— Да, это безобразіе,— согласился Павелъ Михайловичъ, оканчивая свой ужинъ и запивая стаканомъ вина.

Татищевъ, окончивъ ужинъ, быстро раздѣлся и бросился въ кровать. Черезъ пять минутъ легкій посвистъ извѣстилъ Стражинскаго, что Татищевъ благополучно прибылъ въ царство Морфея.

Стражинскій долго еще ворочался на постели. Онъ съ завистью и раздраженіемъ прислушивался къ свисту Татищева. Нѣсколько разъ онъ то тушилъ, то зажигалъ свѣчку, отыскивая кусавшихъ его клоповъ. Его ноги ныли отъ ревматизма, онъ то вытягивалъ ихъ, то подбиралъ подъ себя, напрасно отыскивая положеніе, при которомъ боль не была бы такъ чувствительна. Тяжелыя мысли бродили въ его головѣ. Полученное письмо изъ дому вызвало цѣлый рядъ непріятныхъ воспоминаній. Дѣла по имѣнію у матери, нѣкогда очень богатой, были въ страшномъ разстройствѣ; второй братъ, гимназистъ 6-го класса, заболѣлъ скоротечной чахоткой, младшій 12-ти-лѣтній мальчикъ и въ этомъ году не попалъ въ гимназію. „Ты одна моя радость и надежда“,—заканчивала его мать свое письмо. Стражинскій горько усмѣхнулся при мысли, если бы увидѣла она, что̀ осталось отъ этой „радости“.

Наконецъ и надъ нимъ сжалился сонъ, хотя не крѣпкій, тревожный, заставлявшій его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часовъ, когда уже порядочно разсвѣло, Кольцовъ съ Татищевымъ и Стражинскимъ взбирались по крутому откосу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ остановилась ихъ работа.

Кольцовъ первый взошелъ наверхъ и, въ ожиданіи товарищей, осматривалъ мѣстность. Въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлала такой острый заворотъ, что приходилось пересѣкать ее на протяженіи 50 саженъ два раза, вслѣдствіе чего получалось два громадныхъ моста.

Вдругъ у Кольцова мелькнула мысль, отъ которой ему сдѣлалось и холодно и жарко.

„Что̀, если обойтись безъ мостовъ и рѣчку отвести туннелемъ подъ этой горой?—Мурашки пробѣжали у него по спинѣ.—Что̀ это, не схожу ли я съ ума? Здравая или сумасшедшая это мысль?—Кольцовъ снялъ шапку и провелъ рукой по горячему лбу.—Надо спокойно обдумать“,— рѣшилъ онъ и сталъ шагами мѣрять длину горы. Длина туннеля получалась около 30 саженъ; считая по 2 т. пог. саж., выходило всего 60 т., тогда какъ 10 саж. высоты моста стоили до 250 т. р. Кольцовъ радостно обернулся къ товарищамъ.

— Господа!—крикнулъ онъ имъ возбужденнымъ голосомъ.

— Новый варіантъ,—съ отчаяніемъ проговорилъ Стра-

жинскій Татищеву. Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованныя движенія Кольцова.

— Знаете,—кричалъ имъ навстрѣчу Кольцовъ:—мы безъ мостовъ здѣсь пройдемъ.

— Il finira par devenir fou, — сказалъ себѣ подъ носъ Стражинскій.

Сообщеніе Кольцова было выслушано недовѣрчиво, но, когда онъ подтвердилъ его, Стражинскій и Татищевъ не нашли возраженій.

— Только когда же мы все это сдѣлаемъ?—спросилъ Татищевъ.

— Я самъ это сдѣлаю. Вы пробивайте намѣченную по плану линію, а я сейчасъ назначу магистраль и разобью профиля. Булавинъ,—обратился онъ къ десятнику,—ты будешь ихъ ватерпасить, и если завтра къ вечеру кончишь, десять рублей награды.

— Будетъ готово,—отвѣчалъ весело Булавинъ.

Работа была тяжелая. Въ глубокомъ снѣгу вязли ноги.

Къ обѣду Кольцовъ кончилъ свою работу и нагналъ товарищей.

— Не пора ли закусить?—спросилъ онъ Татищева.

— Давно пора,—отвѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Подъ деревомъ былъ разведенъ костеръ, для котораго рабочіе натаскивали сухого хвороста; установили два камня—родъ очага, поставили на нихъ чайникъ и стали разворачивать провизію. Хлѣбъ замерзъ, говядина, пирожки тоже; пришлось все, кромѣ водки, отогрѣвать. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ аккуратно и не спѣша Татищевъ.

Зная, что нарушеніе установленной дисциплины испортитъ расположеніе духа Татищева, Кольцовъ и Стражинскій терпѣливо ждали конца. Когда наконецъ все было установлено на чистой скатерти, Татищевъ любезно пригласилъ Кольцова и Стражинскаго завтракать.

— Къ вечеру кончите обходъ Герасимова утеса?—спросилъ Кольцовъ.

— Я думаю,—отвѣтилъ Стражинскій.—Только выемка немножко будетъ больше, чѣмъ получилась по горизонталямъ. Шельма Лука навралъ, вѣрно, въ профиляхъ.

— Какая досада, что нельзя завернуться радіусомъ въ 150 саженъ вмѣсто 200; вся бы почти выемка исчезла,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Да, тогда почти вся исчезла бы,—согласился Стражинскій

— Вѣдь это 12 т. кубовъ скалы по 11 р.—132 тысячи

рублей. Какая это рутина—радіусъ! При соотвѣтственномъ уклонѣ вѣдь не прибавляется сопротивленія отъ болѣе крутого радіуса.

— За границей на главныхъ путяхъ давно введенъ радіусъ даже въ сто саженъ, только тамъ вагоны на телѣжкахъ,—вставилъ Стражинскій.

— А что мѣшаетъ у насъ ихъ устраивать?—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вѣдь вы понимаете, какую экономію далъ бы такой радіусъ въ нашей горной мѣстности?

— Громадную.

— На всю линію нѣсколько милліоновъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.

Наступило молчаніе.

— Чортъ возьми,—заговорилъ Кольцовъ:—давайте, знаете, сдѣлаемъ обходъ Герасимова на радіусъ 200 и 150,—чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ-быть, и разрѣшатъ? А?

Татищевъ и Стражинскій успѣли уже переглянуться, и послѣдній тихо пробурчалъ:

— Поѣхалъ!

— Никогда не кончимъ,— проговорилъ Татищевъ, заливаясь смѣхомъ и опрокидываясь на снѣгъ.

Кольцовъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Страшный вы человѣкъ, Павелъ Михайловичъ, вѣдь интересно же сдѣлать такъ дѣло, чтобы не стыдно было на него посмотрѣть. Вѣдь обидно же даромъ бросать сотни тысячъ. Вы представьте себѣ, куда мы съ вами дѣнемся, когда дорога будетъ выстроена, и кому-нибудь изъ комиссіи придетъ мысль въ голову о радіусѣ 150? Вѣдь тогда это будетъ, какъ на ладони.

— Да я ничего не возражаю противъ этого,— отвѣчалъ Павелъ Михайловичъ:—я вполнѣ всему сочувствую, но гдѣ же время, вѣдь вы хотите поспѣть къ торгамъ?

— И поспѣю,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Тутъ вѣдь на день всего работы.

— Здѣсь на день, тамъ на день, гдѣ жъ этихъ дней набрать?—раздраженно отвѣтилъ Татищевъ.

— Ну, я самъ это сдѣлаю,—огорченно сказалъ Кольцовъ.

— Да я не къ тому,—началъ-было Татищевъ, но Стражинскій перебилъ его:

— Положимъ, мы какъ-нибудь успѣемъ; но только, по правдѣ сказать, мало вѣры, чтобы изъ всего этого вышелъ толкъ. Вѣдь это значитъ перемѣнить технической условія, когда они утверждены начальникомъ работъ временнаго управленія, министромъ. Пропасть работы вышло бы, начиная отъ насъ.

— Но вѣдь это все пустяки, тутъ о сотняхъ тысячъ идетъ рѣчь.

— Ну да, но когда ихъ никто признавать не хочетъ.

— Но они существуютъ. Что̀ намъ за дѣло до другихъ, лишь бы мы исполняли то, что̀ должны.

— Ну да, конечно,—согласился Стражинскій.—Я только хочу сказать, что можно какое хотите пари держать, что радіусъ сто пятьдесятъ не пройдетъ.

— Надеждъ, конечно, мало,—согласился Кольцовъ.

— Вотъ, если бъ это было возлѣ станціи, гдѣ понѣволѣ скорость должна быть меньшая.

— А вѣдь это идея; почему бы намъ не расположить станцію вообще въ той лукѣ?—Кольцовъ схватилъ профиль и сталъ внимательно ее разсматривать.—Станція помѣстится,—проговорилъ онъ.—Поздравляю васъ, м-сье, ваша идея блестящая.

Стражинскій покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Но вѣдь тогда разстояніе между станціями не выйдетъ, близко слишкомъ будетъ.

— А мы одну уничтожимъ—еще экономія,—быстро отвѣтилъ Кольцовъ.—Нѣтъ, положительно, сегодня, господа, у васъ геніальныя мысли.

У Татищева остановилось въ горлѣ замѣчаніе, что это опять новая работа.

— А обратили вы вниманіе, Василій Яковлевичъ,—заговорилъ Стражинскій,—что при радіусѣ 150 линія залѣзетъ въ рѣку; что̀ скажетъ на это заводъ?

— Какое мнѣ дѣло до завода?

— Какъ какое дѣло? Они по этой рѣкѣ спускаютъ баржи, они говорятъ уже теперь о томъ, что камни, которые будутъ падать въ воду изъ выемокъ, должны быть вынуты; а если вся линія пойдетъ по рѣкѣ, я не знаю, что̀ они скажутъ.

— Ничего они не посмѣютъ сказать,—больше въ утѣшеніе себѣ сказалъ Кольцовъ и задумался.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ заводъ, надѣлаетъ онъ намъ бѣды. Все, кромѣ воздуха, имъ принадлежитъ. Несчастный человѣкъ будетъ подрядчикъ!

— Они его разорятъ,—сказалъ Стражинскій.

— А знаете, что̀ мнѣ пришло въ голову?—сказалъ Татищевъ.—Что̀, если ихъ самихъ затянуть въ подрядъ?—И Татищевъ лукаво-добродушно подмигнулъ.

Кольцовъ широко раскрылъ глаза.

— Павелъ Михайловичъ, голубчикъ, да вы геніальный человѣкъ!—закричалъ онъ.—Вѣдь эта идея такая же блестящая, какъ и со станціей!

Татищевъ добродушно-весело смѣялся.

— Ахъ, чортъ побери,—заволновался Кольцовъ.—Въ воскресенье же иду къ управляющему уговаривать.

— Не согласится,—сказалъ Стражинскій.

— Отчего не согласится?—возразилъ Татищевъ.

Кольцовъ, по свойству своей натуры, весь отдался новой идеѣ затянуть заводъ въ подрядъ. Вопросъ, дѣйствительно, былъ серьезный: на десятки и сотни верстъ во всѣ стороны отъ линіи тянулась земля крупнаго заводчика. Земля, вода, лѣсъ, камень, песокъ,—все было монополіей владѣльца. Уже при постройкѣ временной больницы Кольцовъ видѣлъ, какъ разыгрывается аппетитъ завода. За лѣсъ была назначена цѣна дороже городской. Только случаемъ Кольцову удалось дешево отдѣлаться: онъ купилъ готовый домъ, а для пристроекъ запасся за дешевую цѣну нѣсколькими срубами у мѣстныхъ крестьянъ. Заводское управленіе на такой пріемъ Кольцова отвѣтило приказомъ къ мѣстному населенію, по которому жителямъ строго-настрого воспрещалось продавать лѣсъ агентамъ желѣзной дороги, подъ страхомъ навсегда лишиться права пріобрѣтать его по уменьшеннымъ цѣнамъ изъ заводскихъ дачъ.

Предстоящія работы и въ другихъ отношеніяхъ ставили строителей въ зависимость отъ заводовъ. Съ утвержденіемъ новаго варіанта Кольцова, когда приходилось бы работать въ водѣ, заводъ, по желанію, могъ бы нанести неисчислимые убытки однимъ тѣмъ, что не во-время сталъ бы выпускать излишнюю воду изъ своихъ прудовъ. Претензіи на захватъ рѣки тоже могли легко повліять на неутвержденіе новаго варіанта. Казна ничего такъ не боится, какъ возможности дать поводъ вчинать иски, зная по горькому опыту, чѣмъ они кончаются. Наконецъ, еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участія заводовъ въ подрядѣ. Администрація заводовъ состояла, по преимуществу, изъ горныхъ инженеровъ. Всѣ они въ большинствѣ были поляки по происхожденію, но, если можно такъ выразиться, примиренные, не чуждались общенія съ русскими, отличались гостепріимствомъ и радушіемъ, но, по свойству всѣхъ людей, имѣли склонность заниматься чужими дѣлами. Кольцова осаждали вопросами о направленіи линіи: почему тамъ, почему не здѣсь, почему такая цѣна, а не такая. Какъ это всегда бываетъ, они не такъ искали положительной стороны дѣла, какъ отрицательной. Объясненія Кольцова ихъ мало удовлетворяли, они смотрѣли на него, какъ на человѣка, заинтересованнаго умышленно утаивать истину, и старались сами найти отвѣтъ на

неясные для нихъ вопросы. Почва, такимъ образомъ, была изъ такихъ, на которой легче всего вырастаютъ всякіе нелѣпые и несправедливые слухи. Кольцовъ чувствовалъ, что, перервись онъ пополамъ, ему не повѣрятъ и все объяснятъ по-своему. Единственная возможность заставить ихъ правильно посмотрѣть на дѣло заключалась такимъ образомъ только въ томъ, чтобы ихъ самихъ втянуть въ это дѣло, поставить ихъ въ такое положеніе, чтобъ у нихъ волей-неволей раскрылись глаза на истину.

„Ахъ, если бъ мнѣ удалось этихъ вольныхъ критиковъ запрячь, заставить ихъ на своей спинѣ убѣдиться въ томъ, что всѣ гадости, въ которыхъ они считали тамъ инженеровъ повинными, сидятъ только въ ихъ воображеніи“, — думалъ Кольцовъ, вылѣзая изъ саней передъ домомъ главнаго управляющаго заводами (самъ владѣлецъ въ заводѣ не жилъ и никогда въ жизни въ немъ не былъ), горнаго инженера Пшемыслава Ѳаддеевича Бжезовскаго.

Бжезовскій пользовался большимъ уваженіемъ въ горномъ мірѣ,—онъ организовалъ рельсовое производство, прекрасно его поставилъ, пользовался репутаціей даровитаго и способнаго инженера, слылъ за прекраснаго человѣка, его домъ отличался гостепріимствомъ и радушіемъ. Громадный двухъэтажный домъ, занимаемый Бжезовскимъ, былъ настоящій дворецъ. Прекрасная мебель, масса картинъ, электрическое освѣщеніе, громадныя комнаты напоминали собою давно-давно забытую роскошь временъ крѣпостничества. Нѣсколько прекрасныхъ охотничьихъ собакъ привѣтствовали громкимъ лаемъ появленіе Кольцова въ обширной передней.

Несмотря на несошедшій еще снѣгъ и холодъ, отовсюду несся нѣжный запахъ свѣжихъ цвѣтовъ. Точно какой-то волшебной силой изъ царства тьмы и неуютной зимы Кольцовъ былъ вдругъ перенесенъ въ волшебное царство весны.

На него, жителя юга, пахнуло чѣмъ-то далекимъ и милымъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя этотъ ароматъ весны, пока лакей снималъ съ него валенки, доху и сибирскую съ ушами шапку.

Не успѣлъ онъ оправиться, какъ въ дверяхъ показались Бжезовскій и его жена. Бжезовскій, высокій, пожилой господинъ съ окладистой бородой, худощавый, съ безукоризненными манерами, привѣтливо, но съ чувствомъ собственнаго достоинства, поздоровался съ Кольцовымъ, проговоривъ радушно:

— Добро пожаловать.

Жена Бжезовскаго, маленькая, полная женщина лѣтъ 40,

съ добрыми чистыми глазами, какъ у ребенка, ласково поздоровалась съ Кольцовымъ и сейчасъ же засыпала его вопросами, не озябъ ли онъ, не усталъ ли, не желаетъ ли умыться, не хочетъ ли чаю, и когда Кольцовъ сказалъ, что чаю хочетъ, она весело ударила въ ладоши и сказала, что они какъ разъ пьютъ чай.

Въ большой столовой, за чайнымъ столомъ, Ольга Андреевна (она была урожденная русская), пока настаивался чай, нѣсколько разъ еще переспросила, не хочетъ ли Кольцовъ ѣсть. Кольцовъ увѣрилъ наконецъ ее, что сытъ. Тогда она перешла къ подробнымъ разспросамъ о женѣ и дѣтяхъ Кольцова.

— Какой вы недобрый, зачѣмъ же Анну Валеріевну съ собой не привезли?

Кольцовъ извинился, сказавъ, что пріѣхалъ по дѣлу.

— Ого, по дѣлу!—разсмѣялся Бжезовскій.

Въ это время вошелъ плотный высокій господинъ, помощникъ Бжезовскаго, горный инженеръ Малинскій.

— Василій Яковлевичъ къ намъ по дѣлу,—обратился къ нему Бжезовскій.

— О!—произнесъ Малинскій и сѣлъ возлѣ налитаго для него стакана.

Кольцовъ началъ издалека. Онъ изложилъ въ короткихъ словахъ предстоящую картину постройки, наплывъ рабочихъ, возвышеніе цѣнъ на рабочія руки, на перевозочныя средства, указалъ на затрудненія, какія испытаетъ заводъ отъ этого, коснулся неизбѣжныхъ столкновеній съ подрядчиками и рядчиками.

— Ну, съ этими-то господами намъ не трудно будетъ справиться,—увѣренно перебилъ его Малинскій.—Одинъ хорошій наводокъ сразу приведетъ ихъ въ христіанскую вѣру.

— Вещь обоюдуострая,—отвѣтилъ сдержанно Кольцовъ.—Людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человѣкъ, не такъ легко запугать. Одинъ неосторожно разведенный костеръ въ вашихъ сосновыхъ лѣсахъ надѣлаетъ всѣмъ больше убытковъ, чѣмъ всѣ ваши наводки. Этого, конечно, не будетъ, какъ и съ вашей стороны не будетъ умышленнаго нарушенія интересовъ подрядчиковъ.

— Конечно,—поспѣшилъ согласиться Бжезовскій, недовольный, что его пылкій помощникъ выболталъ видимо обсуждавшіяся уже между ними соображенія будущихъ отношеній.

— Опасная сторона дѣла та, что подрядчики станутъ пользоваться вашимъ населеніемъ для своихъ работъ.

— Пусть пользуются,—отвѣтилъ Малинскій: — а мы имъ откажемъ въ землѣ, лѣсѣ, дровахъ; у нихъ ничего вѣдь нѣтъ,

они все получаютъ отъ насъ, при условіи работать въ заводѣ, а не хотятъ—мы имъ ничего не дадимъ.

— По-моему, этимъ вы ихъ не испугаете,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Они отлично знаютъ, что ваши заводы безъ нихъ ничего не стоятъ, и что вамъ ничего не останется дѣлать, какъ вновь ихъ принять, когда они явятся къ вамъ.

Бжезовскій все время молча слушалъ Кольцова. Малинскій открылъ-было ротъ, но Кольцовъ перебилъ его.

— При такихъ условіяхъ единственная возможность не отрывать мѣстное населеніе отъ заводскихъ работъ заключается въ томъ, чтобы самъ заводъ взялъ на себя подрядъ. Тогда заводу стоитъ только не принимать мѣстный элементъ на желѣзнодорожную работу, и дѣло въ шляпѣ.

Глаза Бжезовскаго сверкнули, но опять приняли спокойное, безстрастное выраженіе. Онъ продолжалъ молчать, какъ бы приглашая Кольцова говорить дальше.

— Въ денежномъ отношеніи, — продолжалъ, помолчавъ, Кольцовъ,—дѣло это тоже представляется крайне выгоднымъ. Если подрядчикъ пришлый зарабатываетъ на такомъ дѣлѣ барыши, то мѣстный контрагентъ, имѣющій весь даровой матеріалъ, заработаетъ, конечно, несравненно больше.

— Положимъ, этотъ матеріалъ мы можемъ выгодно продать пришлому контрагенту, — первый разъ возразилъ Бжезовскій.

— Не всегда,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Въ случаѣ слишкомъ дорогихъ цѣнъ, дорога ограничится крайне необходимымъ, а остальное привезетъ по временному пути изъ мѣстъ болѣе дешевыхъ.

Бжезовскаго непріятно передернуло, но это было очень быстрое движеніе, и онъ молча поспѣшилъ кивнуть головой въ знакъ согласія.

— Размѣры подряда,—продолжалъ Кольцовъ, — настолько велики, что они стоятъ того, чтобы такимъ дѣломъ заняться. Вашъ годовой оборотъ, если не ошибаюсь, достигаетъ милліона, двухлѣтній подрядъ дастъ оборотъ до $2^1/_2$ милліоновъ. Барышъ отъ него будетъ крупнымъ подспорьемъ для завода, давъ ему возможность не только легко перенести кризисъ, но и заработать на немъ. Въ виду того, что дорога только разъ строится, казалось бы, не слѣдовало упускать такого удобнаго случая,—закончилъ Кольцовъ свою рѣчь.

Наступило молчаніе.

Ольга Андреевна, Малинскій и Кольцовъ смотрѣли на Бжезовскаго. Послѣдній не торопился съ отвѣтомъ.

Послѣ долгой паузы онъ наконецъ спросилъ:

— А какъ великъ можетъ быть барышъ?

— Какъ повести дѣло. Принимая во вниманіе ваши условія, я думаю—не менѣе 25% со всей суммы.

— Какой оборотный капиталъ для этого нуженъ?

— 10% отъ всего, т.-е. 250 тысячъ рублей, — отвѣчалъ Кольцовъ.

— Бѣда въ томъ, что съ этимъ дѣломъ мы мало знакомы,—замѣтилъ Бжезовскій.

— Это я имѣлъ въ виду. Вамъ необходимо пригласить въ руководители опытное въ этомъ дѣлѣ лицо. Я могу указать вамъ на такого. Это Яковъ Петровичъ Нельтонъ. Онъ тоже собирается принять участіе въ подрядахъ, но самъ имѣетъ слишкомъ мало денегъ и ищетъ компаньоновъ. Онъ, между прочимъ, былъ представителемъ компаніи строителей на 5-мъ участкѣ смежной съ вами дороги, которая только-что закончилась, и далъ своимъ компаньонамъ до 7% на затраченный капиталъ. Точныя свѣдѣнія вы получите какъ отъ его компаньоновъ, такъ и отъ начальника работъ.

— Надо подумать,—задумчиво проговорилъ Бжезовскій.

Разговоръ перешелъ на текущую жизнь.

Кольцовъ разсказалъ о новыхъ своихъ варіантахъ, о радіусѣ 150, о замѣнѣ мостовъ туннелемъ. Малинскій пришелъ въ ужасъ, что цѣна погонной сажени туннеля обойдется 2.000 руб.

— Помилуйте, вся цѣна такого туннеля 600 руб. погонная сажень.

— А вотъ берите подрядъ,—улыбнулся Кольцовъ, — и гребите деньги.

— Но что же вы такъ дорого цѣните въ туннелѣ?

— Я вамъ укажу только на тотъ фактъ, что дешевле 2.000 руб. ни одинъ туннель въ мірѣ не выстроенъ, — отвѣтилъ Кольцовъ.

— Значитъ, дѣло неправильно поставлено,—отвѣтилъ Малинскій.

— Ну, вотъ вамъ и случай поставить его правильно.

— Какъ вы работаете туннель?

— Есть нѣсколько способовъ, но всѣ они сводятся къ тому, что пробивается сперва небольшое отверстіе, которое называется направляющей штольней, а затѣмъ разрабатывается все отверстіе.

— А почему сразу не разрабатывается все отверстіе?

— Невыгодно, какъ работа цѣльной среды. Чѣмъ меньше направляющая штольня, тѣмъ это выгоднѣе.

— Конечно, мнѣ трудно возражать, но я познакомлюсь съ

вопросомъ и черезъ мѣсяцъ буду съ вами спорить. Какое лучшее сочиненіе по туннелямъ?

Кольцовъ не могъ отвѣтить.

— По-русски почти ничего нѣтъ, а за границей, навѣрно, есть.

— Я знаю сочиненіе Ржиха. Но недавно вышло, кажется, въ Англіи, новое сочиненіе.

— Вы видѣли Ржиха?—спросилъ Малинскій.

— Не видалъ,—отвѣтилъ Кольцовъ

— Если хотите, я вамъ покажу.

И Малинскій повелъ Кольцова въ свою комнату. Онъ былъ очень начитанный человѣкъ и обладалъ способностью примѣнять начитанное къ дѣлу. Въ требникѣ завода и постановкѣ рельсоваго дѣла онъ ввелъ массу нововведеній,—между прочимъ, бессемеровскій способъ литья стали прямо изъ чугуна. Но было и нѣсколько промаховъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ дѣлѣ.

Масса книгъ и журналовъ лежала на нѣсколькихъ столахъ въ комнатѣ Малинскаго. Были тутъ и нѣмецкія, и французскія, и англійскія, и американскія: меньше всѣхъ было русскихъ.

Онъ снялъ съ этажерки двѣ громадныхъ книги и тяжело бросилъ ихъ на столъ.

— Неужели это все объ однихъ туннеляхъ? — спросилъ Кольцовъ. — У насъ въ институтѣ о туннеляхъ читалось ровно двѣ страницы. Только нѣмецъ можетъ столько написать,—говорилъ Кольцовъ, перелистывая книгу.

Малинскаго непріятно покоробили слова Кольцова.

— Обстоятельно,—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Къ сожалѣнію, я не понимаю по-нѣмецки, — сказалъ Кольцовъ, закрывая книгу: — а то бы попросилъ у васъ почитать.

— Вы какіе журналы выписываете по вашей спеціальности?

Кольцовъ покраснѣлъ.

— Кромѣ журнала нашего министерства,—никакихъ.

Наступило неловкое молчаніе.

— Наше дѣло такъ налажено,—замѣтилъ Кольцовъ,—что врядъ ли что-нибудь новое узнаешь, да притомъ я только французскимъ съ грѣхомъ пополамъ владѣю.

— Можетъ-быть, пойдемъ въ столовую? — спросилъ Малинскій.

— Знаете, что мнѣ улыбается въ вашемъ подрядѣ, Василій Яковлевичъ? — встрѣтила Кольцова Ольга Андреевна. —

Я давно на лѣто мечтаю выстроить себѣ маленькій домикъ, въ которомъ я могла бы чувствовать, что и я существую, а то въ этихъ громадныхъ комнатахъ чувствуешь себя такой маленькой. Если бы мужъ взялъ подрядъ, ему пришлось бы выстроить себѣ какое-нибудь пристанище, вотъ и я бы къ нему пристала.

И она, склонивъ голову на плечо, своими дѣтскими ласковыми глазами посматривала на мужа.

Бжезовскій ласково разсмѣялся.

— Ну, ужъ если она охотится, то вы можете считать, что половину дѣла сдѣлали,—обратился онъ къ Кольцову.

— Эта сторона меня страшно радуетъ,—и все лицо Бжезовской показывало искреннюю радость.—Если бы вы знали, какъ я хочу этой тихой простой жизни въ маленькихъ уютныхъ комнаткахъ!—И опять ея чистые глаза заискрились весельемъ ребенка, которое невольно заставляло всѣхъ веселѣе смотрѣть на свѣтъ Божій.

Несмотря на возможный успѣхъ, расположеніе духа Кольцова было испорчено. Разговоръ съ Малинскимъ, необходимость, вынудившая его признаться въ незнакомствѣ съ теоретической стороной своего дѣла, непріятно мучили его. Онъ поспѣшилъ попрощаться съ Бжезовскимъ и, условившись свидѣться съ нимъ на-дняхъ у себя, уѣхалъ домой. Всю дорогу онъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго чувства. Онъ не могъ не признать, что Малинскій ловко попалъ въ его слабое мѣсто. Кольцовъ никогда не любилъ теоріи и, будучи еще студентомъ, принадлежалъ къ партіи такъ называемыхъ „облыжныхъ студентовъ“, т.-е. такихъ, для которыхъ вся наука сводилась къ экзаменамъ. Выдержалъ экзаменъ—и долой весь лишній хламъ изъ головы. Въ первые годы практической дѣятельности отсутствіе правильной теоретической подготовки мало чувствовалось: во-первыхъ, изученіе практической стороны дѣла требовало не мало времени; во-вторыхъ, и роль была все больше исполнительная. Теперь, черезъ 12 лѣтъ, Кольцову приходилось выступать уже въ такой роли, гдѣ требовалось много иниціативы, путь открывался для широкаго творчества, и на каждомъ шагу онъ чувствовалъ все больше и больше свое слабое мѣсто—недостаточную теоретическую подготовку. Та масса новыхъ оригинальныхъ идей, которыя сидѣли въ его головѣ и которыя онъ стремился провести въ жизнь, требовала для надлежащей авторитетности научной формы. Кольцовъ чувствовалъ, что безъ этого онъ никого не убѣдитъ, что всѣ отнесутся къ его идеямъ съ обиднымъ недовѣріемъ.

Онъ считалъ, что сегодняшній его разговоръ съ Малинскимъ подрываетъ его авторитетъ, какъ человѣка науки, не только въ глазахъ самого Малинскаго, но и всего кружка горныхъ инженеровъ, между которыми Малинскій признавался авторитетомъ.

Унылымъ и подавленнымъ пріѣхалъ онъ домой.

— Неудача?—встревоженно встрѣтила его жена.

— Нѣтъ, кажется, полная удача, — отвѣтилъ Кольцовъ, входя въ свой скромный кабинетъ и опускаясь въ кресло.

Жена сѣла возлѣ него и пытливо заглядывала ему въ глаза. Кольцовъ старался избѣгнуть встрѣчи съ ея глазами.

— Воздухъ спертый,—проговорилъ Кольцовъ.

— Квартира сырая, комнаты маленькія. Сегодня у Коки за кроватью на стѣнѣ я нашла грибъ. Меня такъ безпокоитъ, какъ бы эта сырость не отразилась на здоровьѣ дѣтей. Они такъ поблѣднѣли за зиму.

— Надо почаще вентилировать,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Каждый день вентилируемъ, — отвѣтила жена. — Когда бы ужъ скорѣе весна началась, стану ихъ по цѣлымъ днямъ на воздухѣ держать.

Кольцовъ облокотился и задумался.

— Ты не въ духѣ?—помолчавъ, спросила его жена.

— Такъ, немножко непріятно,—нехотя отвѣтилъ Кольцовъ, рѣшивъ ничего не говорить женѣ.

Черезъ полчаса однако онъ уже все ей разсказалъ.

— Что жъ тутъ такого, что могло тебя такъ огорчить?—успокаивала его жена.—Во-первыхъ, большая разница между имъ и тобой: онъ ведетъ осѣдлую жизнь, дѣла у него сравнительно съ тобой почти нѣтъ, онъ наконецъ любитъ теорію, ты любишь практику. Профессоръ, можетъ-быть, изъ тебя не выйдетъ, но вѣдь ты и не желаешь имъ быть. Вашъ же министръ и вовсе не инженеръ, а все-таки министръ.

— Ну, это, положимъ, не доводъ. Я не знаю, что нашего министра вывело въ люди, но знаю, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ искать во мнѣ причинъ, которыя дали бы оружіе моимъ противникамъ. Слабая теоретическая подготовка будетъ мнѣ въ жизни громадной помѣхой.

— Но, если и такъ, что тебѣ мѣшаетъ пополнить пробѣлъ: тебѣ 35 лѣтъ—твое время не ушло.

— Вотъ именно я думалъ, что, когда начнется постройка, время будетъ посвободнѣе. Я повторю всю теорію и займусь литературой. Вѣдь не то, чтобъ я ее забылъ, а такъ забросилъ. Пристань ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, я и теперь сумѣю разсчитать любой мостъ.

— Миленькій мой, я ни капли въ этомъ не сомнѣваюсь,— отвѣтила жена, обнимая и цѣлуя его.

Кольцовъ повеселѣлъ и началъ разсказывать женѣ, какъ хорошо у Бжезовскихъ. Какъ у нихъ пахнетъ весной, какъ вспомнился югъ.

Анна Валеріевна,—сама южанка,—понимала мужа, жалѣла, что не поѣхала съ нимъ къ Бжезовскимъ.

— Ахъ, Вася, Вася, чего бы я ни дала, чтобъ жить тамъ, на югѣ,—страстно проговорила она.—Какъ бы расцвѣли тамъ Дюся и Кока.

— Что дѣлать!—вздохнулъ Кольцовъ. Онъ всталъ.

— Неужели заниматься?—спросила испуганно жена.

— Нужно бы, очень нужно, но усталъ и мысли въ разбродѣ. Пойду только отдамъ распоряженіе на завтра. Не знаешь, Татищевъ и Стражинскій...

— Цѣлый день занимались,—перебила его жена, — и теперь, кажется, въ конторѣ... Отпусти ты ихъ или приходи съ ними чай пить. Я буду васъ ждать.

— Хорошо,—отвѣтилъ Кольцовъ, уходя въ контору.

Татищевъ и Стражинскій приготовили Кольцову сюрпризъ. Онъ засталъ ихъ усердно работавшими.

— Господа, вы меня стыдите,—проговорилъ Кольцовъ, весело съ ними здоровался.—Бросьте работу, вѣдь не каторжные же мы въ самомъ дѣлѣ.

— Скоро конецъ, — весело проговорилъ Татищевъ. — Ну вотъ, смотрите, кончили мы то мѣсто, гдѣ вы хотите туннель дѣлать вмѣсто мостовъ

— Ужъ вычертили?—удивился и обрадовался Кольцовъ.

— Да, надо же когда-нибудь кончать, — разсмѣялся Татищевъ.

Кольцовъ растрогался и горячо пожималъ руки Татищева и Стражинскаго. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не прикинуть, какъ ляжетъ туннель. Мало-по-малу всѣ трое такъ увлеклись, что и не замѣтили, какъ пробило два часа.

Анна Валеріевна напрасно нѣсколько разъ звала ихъ пить чай.

Горничная каждый разъ приносила все тотъ же стереотипный отвѣтъ: „сейчасъ“. И Анна Валеріевна снова посылала разогрѣвать самоваръ, снова заваривала свѣжій чай. Горячія ватрушки давно уже простыли, поданный въ пятый разъ самоваръ опять сталъ совершенно холоднымъ; Анна Валеріевна съ книгой въ рукахъ такъ и заснула на диванѣ въ ожиданіи, когда наконецъ Кольцовъ вошелъ въ столовую. Онъ тихо подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее.

— Миленькій мой, какъ ты опоздалъ,—сказала она, просыпаясь.—А гдѣ же Стражинскій и Татищевъ?

— Спать пошли: два часа.

— Два часа? — переспросила Анна Валеріевна и замолчала.

Ей стало досадно, что и этотъ вечеръ ушелъ отъ нея.

— Ты мнѣ ни одного вечера не подарилъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, — тихо проговорила она, и слезы обиды закапали изъ ея глазъ.

Кольцовъ горячо обнялъ ее и началъ утѣшать.

— Скоро, скоро ужъ конецъ. Тогда опять всѣ вечера твои.

Онъ разсказалъ ей, какой сюрпризъ ему устроили его товарищи, какъ незамѣтно они увлеклись проектировкой и какъ опомнились, когда уже было два часа.

Бжезовскій пріѣхалъ къ Кольцову въ назначенное время и изъявилъ свое согласіе на участіе въ подрядѣ. Нужно было торопиться ѣхать на торги. Кольцовъ давалъ ему всякія инструкціи.

— Главное, не набирайте большого штата. Если бъ даже мой варіантъ и не поспѣлъ къ торгамъ, будетъ строиться все-таки онъ, а не прежній, поэтому не спѣшите набирать большую администрацію, такъ какъ теперешняя линія на 40 процентовъ дешевле прежней.

Бжезовскій уѣхалъ. Окончилъ и Кольцовъ свои варіанты.

— Что бы вы сказали, Павелъ Михайловичъ, если бы я васъ командировалъ съ проектами? — спросилъ онъ какъ-то у Татищева.

Татищевъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Я съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Стражинскій наотрѣзъ отказался ѣхать въ отпускъ, а вы принимаете?

— Я съ удовольствіемъ,—повторилъ Татищевъ.

— А сумѣете вы защищать нашу красавицу — новую линію?

— Она не нуждается въ защитѣ,—съ несвойственной ему горячностью и увѣренностью отвѣтилъ Татищевъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ Кольцовъ. — Вашъ отвѣтъ показываетъ убѣжденность, а когда человѣкъ убѣжденъ, онъ все сдѣлаетъ.

Татищевъ пріѣхалъ въ городъ за два дня до торговъ

Первымъ дѣломъ онъ явился къ начальнику работъ.

Его потребовали не въ очередь.

Въ небольшомъ, скромно меблированномъ кабинетѣ, изъ угла въ уголъ ходилъ лѣтъ 50-ти главный инженеръ Елецкій, средняго роста, хорошо сложенный, съ сохранившимися красивыми чертами лица.

Татищевъ вошелъ и поклонился.

— Здравствуйте, — медленно проговорилъ Елецкій, протягивая руку Татищеву.—Что скажете хорошенькаго?

— Варіантъ привезъ, — весело-почтительно отвѣтилъ Татищевъ.

Легкая улыбка сбѣжала съ лица Елецкаго. На лбу появились складки, и онъ раздраженнымъ голосомъ переспросилъ:

— Варіантъ? Опять варіантъ? Да такъ же нельзя, господа!

Татищевъ потупился и не нашелся ничего отвѣтить.

Елецкій нѣсколько секундъ постоялъ, сердито махнулъ рукой и заходилъ по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ тянулось тяжелое для Татищева молчаніе. Елецкій забылъ о Татищевѣ и весь погрузился въ свои мысли. Татищевъ слегка кашлянулъ.

— Извините, пожалуйста, — спохватился Елецкій. — Присядьте.

И онъ опять зашагалъ по комнатѣ.

— И всѣ эти варіанты—прекрасная вещь, но все въ свое время, — заговорилъ Елецкій успокоеннымъ голосомъ. — Вы, господа, совершенно забыли о постройкѣ, а мы два года уже дѣлаемъ изысканія. Мнѣ проходу нѣтъ въ Петербургѣ, когда я наконецъ начну постройку, а я въ отвѣтъ то и дѣло вижу все новые и новые варіанты. „Послѣдній?“ спрашиваютъ. — Послѣдній, — и черезъ три мѣсяца опять совершенно новая линія. Вѣдь наконецъ кончится тѣмъ, что насъ всѣхъ прогонятъ,—остановился онъ передъ Татищевымъ.

Татищевъ смущенно ерзалъ на стулѣ.

— Когда же конецъ будетъ? — наступалъ на него между тѣмъ Елецкій.—Черезъ три мѣсяца вы мнѣ опять привезете новый варіантъ, когда же мы строить будемъ, что же я скажу въ Петербургѣ, когда только-что пріѣхалъ оттуда, давъ чуть ли не честное слово, что изысканія окончены?

—... Два года идутъ изысканія, а линіи нѣтъ,—помолчавъ, продолжалъ Елецкій. — Варіанты, варіанты, безъ конца варіанты.

— Живое дѣло,—робко замѣтилъ Татищевъ:—одно хорошо, другое лучше.

— Но вѣдь такъ же безъ конца можетъ продолжаться, —

вспыхнулъ Елецкій.—Гдѣ же конецъ? Наши изысканія сумасшедшихъ денегъ стоятъ.

— Но каждый лишній рубль, истраченный на изысканія, даетъ тысячныя сбереженія въ дѣлѣ,—замѣтилъ Татищевъ.

— Такъ вѣдь это мы съ вами знаемъ, а подите вы разскажите это въ Петербургѣ, что вамъ отвѣтятъ? Отвѣтятъ, что дороже нашихъ изысканій еще не было.

— Но экономія...—началъ-было Татищевъ.

— Да что вы все о своей экономіи. Не говорите о вещахъ, о которыхъ понятія не имѣете. Я тридцать лѣтъ строю и знаю эту экономію на изысканіяхъ. Дешево, хорошо, пока не начали строить, а чуть началось—и пошла потѣха! Тамъ неожиданно оказалась скала вмѣсто глины, тамъ плывунъ, тамъ приходится вмѣсто простого котлована кессонъ опускать, смотришь—вмѣсто экономіи перерасходъ. Знаю я эту экономію.

Елецкій зашагалъ опять по комнатѣ.

— Теперь вы мнѣ за два дня до торговъ привозите новый варіантъ. Мы вотъ уже мѣсяцъ, сломя голову, подготовляемъ данныя, и что жъ—теперь опять все сначала? Торги откладывать? Да попробуй я дать объ этомъ телеграмму въ Петербургъ—завтра же меня не будетъ и никого изъ васъ.

Опять наступило молчаніе.

— Во всякомъ случаѣ, и думать нечего разсматривать новый варіантъ до торговъ,—заключилъ Елецкій, останавливаясь передъ Татищевымъ. Послѣдній поднялся и началъ откланиваться.

— До свиданія. Послѣ торговъ я дамъ знать.

У Татищева вертѣлось въ головѣ сказать Елецкому, съ какой цѣлью Кольцовъ торопился поспѣть до торговъ со своими варіантами, но онъ подумалъ, что это безполезно и только вызоветъ новую бурю.

Татищевъ вышелъ въ пріемную съ чувствомъ школьника, хотя и получившаго незаслуженную головомойку, но утѣшеннаго тѣмъ, что пострадалъ не за себя, а за Кольцова. Мысль, что на три дня онъ совершенно свободенъ, привела его въ веселое настроеніе.

Черезъ рядъ комнатъ онъ направился въ техническое отдѣленіе провѣдать товарищей.

Въ чертежной онъ столкнулся съ начальникомъ техническаго отдѣленія, пожилымъ уже инженеромъ, Иваномъ Осиповичемъ Залѣскимъ.

Залѣскій слылъ за тонкаго дипломата, но, въ сущности, былъ добрый человѣкъ. Девизъ его по службѣ былъ: „моя хата съ краю, ничего не знаю“.

— Павелъ Михайловичъ,—радушно поздоровался Залѣскій съ Татищевымъ. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Что Кольцовъ?

— Ничего, варіантъ прислалъ, кланяется.

— Опять?—спросилъ Залѣскій и весело разсмѣялся.

— Николай Павловичъ недоволенъ.

— А вы ужъ видѣлись съ нимъ?.. Недоволенъ?—встревоженно спросилъ Залѣскій и, не дожидаясь, сказалъ:

— Да, знаете, у него много непріятностей по поводу изысканій. Дорого стоятъ.

— Но что же дѣлать? — на этотъ разъ смѣло спросилъ Татищевъ: — вѣдь это гроши по сравненію съ той пользой, какую они приносятъ.

— Конечно,—согласился Залѣскій. — Ну, что, надолго къ намъ?

— Въ отпускъ хочу.

— Можетъ, жениться?

— Куда тутъ жениться,—махнулъ рукой Татищевъ и разсмѣялся.

Залѣскій тоже разсмѣялся и пошелъ въ свой кабинетъ. А Татищевъ поворотилъ направо, прошелъ коридоръ и очутился въ большой комнатѣ.

Тамъ сидѣли за отдѣльнымъ столомъ три инженера.

— Павелъ Михайловичъ!—раздались привѣтствія на разные голоса.

Татищевъ поспѣшно здоровался, его широкое лицо сіяло добродушіемъ и весельемъ. Окончивъ, онъ сѣлъ на табуретъ и, ни къ кому особенно не обращаясь, началъ:

— Ну, и вздули меня. Опять варіанты! — говорилъ онъ, представляя Елецкаго: — вы что же, хотите, чтобъ насъ совсѣмъ вонъ прогнали? — и Татищевъ покатился со смѣху. Припадокъ смѣха, по обыкновенію, продолжался у Татищева довольно долго. Онъ умолкалъ, потомъ опять начиналъ.

Бѣльскій, Дубровинъ и Денисовъ сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, но кончили тѣмъ, что и сами начали смѣяться.

— Да будетъ!—остановился наконецъ Бѣльскій. — Говорите толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Да варіантъ привезъ,—едва могъ проговорить Татищевъ и залился новымъ смѣхомъ.

На этотъ разъ дружный хохотъ четырехъ здоровыхъ молодыхъ голосовъ слился чуть ли не въ ревъ.

Татищевъ кое-какъ, наконецъ, разсказалъ про варіантъ и про пріемъ Елецкаго.

— Большой варіантъ?—спросилъ Бѣльскій.

— Тысячъ шестьсотъ сбереженія.

Бѣльскій только свистнулъ.

— Молодецъ Кольцовъ,—горячо сказалъ Дубровинъ.

— Молодчина!—подтвердилъ Денисовъ.

Бѣльскій, нервный и раздражительный, занимавшій должность старшаго инженера въ техническомъ отдѣленіи, разразился ругательствами.

— А, скоты! Варіантъ въ 600 тысячъ, и чуть не съ площадной бранью встрѣчаютъ. Подлая казенщина!

— Это, батюшка, еще цвѣточки,— сказалъ Дубровинъ. — Попомните меня, кончатъ тѣмъ, что выгонятъ Кольцова.

— Ну, положимъ, не посмѣютъ,—задорно отвѣтилъ Бѣльскій.

— Именно, что не посмѣютъ,—расхохотался Дубровинъ.

— Понятно, не посмѣютъ,—разсердился Бѣльскій.—Общественное мнѣніе не позволитъ.

— Ну, еще что?—насмѣшливо спросилъ Дубровинъ.

— Случись что-нибудь подобное, и никто изъ порядочныхъ не захочетъ оставаться у нихъ. Вы останетесь?

— Это другой вопросъ, батюшка. Не мы тамъ съ вами сила. Мы уйдемъ, другіе явятся.

— Не явятся, не то время.

— Да, испугаете вы ихъ,—отвѣтилъ Дубровинъ.

Денисовъ молча слушалъ и, когда споръ кончился, спокойно проговорилъ:

— Конечно, уйдемъ, если бъ прогнали Кольцова, только этого не будетъ. Елька посердится и приметъ варіантъ.

— А я убѣжденъ. что не приметъ,—возразилъ Дубровинъ.

— Не приметъ,—согласился Татищевъ.

— Приметъ,—сказалъ Бѣльскій,—Кольцовъ настоитъ. Варіантъ съ вами?

Татищевъ принесъ варіантъ.

Компанія начала его внимательно разсматривать. Каждый дѣлалъ свои замѣчанія, поднялся споръ, который чуть было не кончился ссорой между Дубровинымъ и Бѣльскимъ.

Помирилъ ихъ Денисовъ, выругавъ обоихъ.

— Вы, господа, право, какъ мальчишки, привязываетесь къ каждому слову другъ друга. Въ сущности, споръ у васъ изъ-за выѣденнаго яйца и общаго съ варіантомъ ничего не имѣетъ. Передъ вами варіантъ Кольцова: одобряете его, или нѣтъ?

— Конечно, одобряемъ,—отвѣтилъ Бѣльскій.

— И я одобряю,—съ важной физіономіей сказалъ Дени

совъ,—а потому предлагаю послать Кольцову привѣтственную телеграмму. Согласны?

— Молодецъ, Васька,—весело сказалъ Вѣльскій и взъерошилъ волосы Денисову.

— Безъ нахальства,—тѣмъ же тономъ продолжалъ Денисовъ.—Я составлю телеграмму. Я беру карандашъ, я беру бумагу. Дальше...

Началось совѣщаніе. Окончательная телеграмма получилась такого содержанія:

„Поздравляемъ, прекрасный варіантъ. Да здравствуютъ даровитые честные инженеры. Желаемъ успѣха и дальнѣйшаго саморазвитія“.

На послѣднемъ словѣ настоялъ Дубровинъ.

— Онъ пойметъ,—говорилъ онъ,—на что ему намекаемъ.

Кольцовъ очень обрадовался телеграммѣ и нѣсколько разъ перечитывалъ ее.

— Это насчетъ моей теоріи они, мошенники, намекаютъ,—добродушно объяснялъ онъ своей женѣ.—Ну, зима пройдетъ, займусь теоріей.

Теперь Кольцовъ всѣ вечера проводилъ дома. Жена его повеселѣла и оживилась.

Кольцовъ, охладѣвшій-было за время работъ къ дѣтямъ, теперь опять привязался къ нимъ. По цѣлымъ часамъ разсказывалъ своему 3-хъ-лѣтнему сыну все ту же сказку.

Любимымъ его занятіемъ было отыскивать сходство между собой и сыномъ. Эти изслѣдованія приводили Кольцова не къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Сегодня Кока, какъ двѣ капли воды, походилъ на отца, завтра только носъ лопаточкой былъ въ него, а остальное чужое.

— Ну, глаза еще твои,—обращался онъ къ женѣ,—а остальное чужое.

— На кого ты похожъ?—спрашивала мать сына.

— На папу,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Слышите, неблагодарный. Вашъ сынъ знаетъ больше васъ.

— Отличное доказательство. Кока, кто умнѣе, папа или ты?

— Я.

— Кто умнѣе, папа или аргамакъ?

— Аргамакъ.

— Кого ты больше любишь, папу или аргамака?

— Кока,—перебила его мать,—кого ты больше любишь, аргамака или папу?

— Папу.

У мальчика была страсть къ лошадямъ. Лошадь была для него недосягаемымъ идеаломъ, къ которому онъ всѣми си-

лами стремился. Бѣжать, какъ лошадь, ѣсть, какъ лошадь. Если онъ упадетъ, то стоило ему сказать, что онъ упалъ, какъ лошадь, и, несмотря на боль, онъ вскочитъ и весело побѣжитъ объявлять всѣмъ, что упалъ, какъ лошадь.

— Папа, я упалъ, какъ лошадь! — кричитъ онъ еще изъ другой комнаты, усердно работая своими маленькими ножками.—Вотъ такъ!—и для примѣра еще разъ падаетъ.

— Глупенькій ты мой мальчикъ,—подхватывалъ его съ полу Кольцовъ и высоко подымалъ вверхъ.

— Я не плакалъ,—лепеталъ Кока.—Я мужчина.

Кольцовъ приходилъ въ восторгъ и начиналъ теребить сына.

— Папа,—снисходительно говорилъ мальчикъ, стараясь вырваться изъ рукъ отца.

— Ну, говори про козла.

Мальчикъ принималъ сосредоточенное выраженіе лица и начиналъ медленно, наставительнымъ тономъ, декламировать:

— Смотрѣлъ козелъ въ воду и говоритъ: какой я козельчикъ, какая у меня борода и престрашные рога. Если волкъ придетъ, я его убью. А волкъ слушаетъ и говоритъ: что ты, Васька, говоришь? А Васька говоритъ: я ничего, ваше благородіе.

Послѣднее время постоянный кашель изнурилъ и разстроилъ жизнь ребенка. Забѣгается ли слишкомъ, начинается сильный приступъ кашля. Мальчикъ кашляетъ, кашляетъ и вдругъ тихо и горько заплачетъ. Столько безсилія и страданія, столько горя слышалось въ этомъ маленькомъ плачѣ, что жена Кольцова сама начинала плакать, а Кольцовъ готовъ былъ все на свѣтѣ отдать, чтобы только облегчить его страданія.

— Уходъ плохой,—приставалъ онъ къ своей женѣ.—Я не знаю, чего нельзя на свѣтѣ сдѣлать, если захочешь. Растирай его, парнымъ молокомъ пои, давай малину, пригласи еще изъ города доктора—вотъ что надо дѣлать, а не плакать.

Кольцовъ горячился, приставалъ къ нимъ и, по своему обыкновенію, чѣмъ больше горячился, тѣмъ больше былъ неправъ. Дѣлалось, что можно было дѣлать, но средства были безсильны. Докторъ, впрочемъ, успокаивалъ и говорилъ, что съ весной все пройдетъ... Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась весна въ домѣ Кольцова. Прошла недѣля со дня полученія телеграммы Бѣльскаго и товарищей. Кольцовъ поѣхалъ на линію провѣрить разбивки. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, уложивъ инструменты, онъ поѣхалъ домой. Дорога шла

по рѣкѣ. Зима подходила къ концу, но ледъ былъ еще крѣпкій. Всплыла луна и мало-по-малу залила своимъ волшебнымъ свѣтомъ округу. Силуэты оборванныхъ скалъ сплошной стѣной тянулись по обѣимъ сторонамъ рѣки. Прежняя линія, вслѣдствіе обманчиваго свѣта луны, казалась гдѣ-то въ недосягаемой высотѣ; новая, пользуясь естественными уступами, шла невдалекѣ отъ саней. Кольцовъ съ гордостью любовался дѣломъ своихъ рукъ.

„Та, прежняя, — думалъ онъ, — какъ вѣдьма, скачетъ тамъ гдѣ-то въ небѣ съ утеса на утесъ. Я разыскалъ мою красавицу въ этой бездиѣ скалъ и утесовъ, вырвалъ ее у природы, какъ Руслань вырвалъ у Черномора свою Людмилу“.

И фантазія перенесла Кольцова въ далекое прошлое.

„Сюда приходили, — думалъ онъ, — наши предки искать себѣ славы. Только въ такихъ мѣстахъ, подъ впечатлѣніемъ этой дикой природы, могли сложиться наши чудныя сказки, только здѣсь могла появиться та дикая, непреклонная воля, какою одарилъ народъ своихъ героевъ. Здѣсь пролагали себѣ путь въ панцыряхъ и шлемахъ богатыри русской земли. Здѣсь пропли орлы Всеволода III, здѣсь Ермакъ нечеловѣческими усиліями проложилъ себѣ путь къ славѣ. Прошли вѣка, и вотъ мы пришли докончить великое дѣло. Проведеніемъ дороги мы эти необъятные края сдѣлаи реальнымъ достояніемъ русской земли. Это будетъ второе завоеваніе края. И, какъ Ермакъ нѣкогда съ ничтожными силами пріобрѣлъ его, такъ и мы должны употребить всѣ силы, чтобъ уменьшить стоимость постройки дороги. Нельзя строить дорого, у насъ нѣтъ средствъ на такія дороги, а намъ онѣ необходимы, какъ воздухъ, какъ вода. Востокъ гибнетъ оттого, что не имѣетъ дорогъ. Общество право въ своемъ раздраженіи на насъ, инженеровъ. Оно не выяснило себѣ еще причины, ищетъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, но исторія выяснитъ именно причины въ нашемъ неумѣньи дешево строить. Мы, какъ заимствовали 30 лѣтъ тому назадъ способъ постройки у нашихъ дорогихъ сосѣдей, такъ при немъ и остались. Развѣ наша бѣдная русская жизнь можетъ сравниться съ богатой западной? Если бы русскій изобрѣлъ желѣзныя дороги, а не Стефенсонъ, развѣ дошли бы мы до той роскоши, какая царитъ на нашихъ дорогахъ? И что бы его могло вдохновить на бархатъ, зеркала, дворцы-будки, дворцы-вокзалы? Наши перекладныя? Наши бывшія почтовыя станціи, наши нищія деревни? Наши грязные города съ гостинницами-клоповниками? Именно здѣсь, когда мы приступаемъ къ этому

великому пути, когда все окружающее, вся исторія должна напоминать намъ, что мы русскіе, мы, инженеры, обязаны поставить на совершенно новую почву постройку дороги, мы должны показать Западу, что мы, русскіе инженеры, способны не только воспринимать его великія идеи, но и культивировать ихъ въ условіяхъ русской жизни. А это, въ свою очередь, покажетъ на достаточную подготовку къ самостоятельному творчеству. И, какъ нѣкогда Ермакъ искупилъ свою и товарищей своихъ вину, такъ и мы, инженеры, дешевой постройкой должны искупить нашу невольную вину передъ родиной...“

Кольцову стало жарко. Онъ снялъ шапку и провелъ рукой по лбу. Его глаза горѣли и усиленно смотрѣли въ даль. Онъ точно видѣлъ себя лицомъ къ лицу со всѣми обитателями своей необъятной родины.

„Да, нѣтъ выше счастья, какъ работать на славу своей отчизны и сознавать, что работой этой приносишь не воображаемую, а дѣйствительную пользу. Это—жизнь, это напряженіе. Пусть проходитъ молодость съ ея радостями любви; что жалѣть о нихъ, когда радости эти смѣняются болѣе высшими наслажденіями, сознаніемъ приносимой пользы, сознаніемъ, что заслужилъ право на жизнь!“

Мысль, что заслугъ инженера путей сообщенія въ обществѣ не признаютъ, непріятнымъ диссонансомъ пронеслась въ его головѣ. Но, по свойству своей оптимистической натуры, Кольцовъ подавилъ въ себѣ непріятное чувство, разсуждая, что заслуга останется заслугой, а какъ непризнанная, она имѣетъ двойную цѣну.

Да, если бъ удалось провести въ жизнь все задуманное. Но какъ провести? Гдѣ найти то ухо, которое захотѣло бы услышать истину? Одни погрязли въ рутинѣ, другіе преслѣдуютъ корыстныя цѣли, третьи устарѣли, четвертые просто ничего не понимаютъ. Что толку, что Бѣльскій, Дубровинъ, Денисовъ—сторонники взглядовъ Кольцова? Не въ нихъ сила. Какъ обратить вниманіе тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса?

„Время не ушло еще,—думалъ дальше Кольцовъ.—Я одинъ ничего не сдѣлаю. Вотъ развѣ въ компаніи съ Бѣльскимъ, Дубровинымъ, Денисовымъ составить докладную записку на имя начальника работъ о возможныхъ сокращеніяхъ расходовъ при постройкѣ нашей линіи? Если эта записка опоздаетъ для нашего участка, то время не ушло для другихъ. Экая досада, что раньше не пришло въ голову. Что дѣлать? Лучше поздно, чѣмъ никогда. Надо будетъ разбить

эти вопросы по главной расцѣночной вѣдомости. Я предложу каждому изъ нихъ взять по 2 главы и разработать все и съ практической и съ теоретической стороны, а самъ займусь составленіемъ общей записки. Не примутъ—мы будемъ спокойны, что свое дѣло сдѣлали, а если примутъ..."

И горячая фантазія Кольцова унесла его въ такую заоблачную даль, что намъ съ вами, читатель, слѣдовать за нимъ не стоитъ.

Дома Кольцова ожидалъ весьма непріятный сюрпризъ, который сразу спустилъ его на землю.

— Миленькій мой,—встрѣтила его жена.—Придется вамъ мечты ваши о славѣ на время отложить,—она точно подслушала Кольцова:—вотъ телеграмма Татищева. Варіантъ не принятъ.

Телеграмма была слѣдующаго содержанія:

„Варіантъ окончательно забракованъ. О радіусѣ 150 и туннелѣ слушать даже не хотятъ".

Для Кольцова это было полнымъ сюрпризомъ.

— А, чортъ съ ними!—проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и уныло замолчалъ.

— И Татищевъ тоже хорошъ. Телеграфируетъ, точно его зарѣзали. Пойдутъ теперь силетни по заводу.

— Что же дѣлать?—утѣшала его жена.—Ты, что могъ, сдѣлалъ, тамъ уже не твое...

— А, чортъ съ ними!—еще разъ апатично проговорилъ Кольцовъ.

Онъ всталъ, нѣсколько разъ прошелся и, скороговоркой проговоривъ: „я спать пойду",—ушелъ въ спальню.

На вопросъ жены:

— А обѣдать?

Онъ, уходя, принужденно отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Жена Кольцова знала натуру своего мужа. Всякое серьезное огорченіе вызывало въ немъ полный упадокъ силъ и потребность продолжительнаго сна.

Не знавшій усталости, Кольцовъ, раздѣваясь, почувствовалъ себя такимъ усталымъ, такимъ разбитымъ, что едва могъ стащить свои тяжелые сапоги. Онъ почти мгновенно заснулъ и едва слышалъ, какъ жена, наклонившись надъ нимъ, поцѣловала его, прошептавъ:

— Не огорчайся, мое счастье, все, Богъ дастъ, будетъ хорошо.

„Хорошо"—машинально пронеслось въ его головѣ. „Вѣ-

ствительно хорошо“—промелькнуло въ послѣдній разъ въ засыпающемъ мозгу, и чувство сладкаго успокоенія разлилось по его членамъ. Въ то же мгновеніе крѣпкій, здоровый сонъ безъ сновидѣній сковалъ Кольцова. Онъ проснулся только на другой день, проспавъ 14 часовъ.

Мысль о варіантѣ только въ первый моментъ непріятно кольнула его.

— Надо самому ѣхать,—думалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

Жена, услышавъ шумъ въ спальнѣ, вбѣжала съ телеграммой въ рукахъ.

— Отъ Елецкаго,—проговорила она, цѣлуя мужа.

Кольцовъ жадно схватилъ телеграмму:

„Изъ вашихъ варіантовъ останавливаюсь на линіи прошлаго лѣта. О радіусѣ и туннелѣ при теперешнихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи“.

Вѣжливый тонъ телеграммы успокоилъ Кольцова.

— Ну, вотъ это отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, никакой пищи нѣтъ досужимъ сплетникамъ. Ясно, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ двухъ линій сразу нельзя выбрать, а такъ какъ обѣ мои, то ничего и обиднаго нѣтъ. За эту деликатность я ужасно люблю Елецкаго,—говорилъ Кольцовъ повеселѣвшимъ тономъ.

Жена Кольцова тоже просіяла, увидѣвъ, какое дѣйствіе произвела телеграмма на мужа.

За чаемъ Кольцовъ сказалъ ей, что рѣшилъ самъ ѣхать.

— Безъ разрѣшенія?—спросила, испугавшись, жена.

Кольцовъ не отвѣтилъ, такъ какъ и самъ не зналъ, какъ быть. Съ одной стороны, нужно было торопиться, а разрѣшеніе затягивало отъѣздъ, да и сомнительна была возможность его полученія въ данный моментъ, съ другой—ѣхать безъ разрѣшенія было невѣжливо и, пожалуй, рискованно.

— Могу испортить все дѣло. Онъ самъ такой деликатный и терпѣть не можетъ неделикатности въ другихъ.

Рѣшено было такъ. Кольцовъ телеграфировалъ Бѣльскому, чтобъ тотъ дѣйствовалъ въ смыслѣ вызова его, Кольцова, для личныхъ объясненій. Елецкому Кольцовъ послалъ телеграмму въ 250 словъ. Тонъ телеграммы мало было бы назвать горячимъ; страстные доводы Кольцовъ закончилъ слѣдующими словами: „Прошу извинить за настойчивость, но необходимость варіанта настолько очевидна, что не можетъ пройти незамѣтно. Во избѣжаніе справедливыхъ нареканій въ будущемъ, вынужденъ безпокоить васъ просьбой разрѣшить лично пріѣхать“.

Къ вечеру Кольцовъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Ваша телеграмма не перемѣнила моего рѣшенія. Если считаете необходимымъ, пріѣзжайте".

Кольцовъ выѣхалъ въ ночь.

Оставлялъ онъ семью съ тяжелымъ чувствомъ. Кашель у Коки становился все сильнѣе. Въ самый моментъ выѣзда сильный припадокъ такъ ослабилъ мальчика, что онъ весь посинѣлъ и впалъ въ легкій обморокъ. Такого припадка еще не было.

Тяжелое предчувствіе недобраго конца этой болѣзни первый разъ закралось въ душу Кольцова. Всѣмъ существомъ рванулся его къ сыну, онъ забылъ все на свѣтѣ, схватилъ его на руки, прильнулъ къ его исхудалому личику, и горькія слезы полились изъ глазъ. Прощанье было подавляющее и тяжелое. Никогда еще Кольцовъ не оставлялъ семью съ такимъ угнетеннымъ чувствомъ тоски и сознанія своего безсилія что-нибудь измѣнить изъ предназначеннаго судьбой. Первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ рука его поднялась, чтобъ осѣнить своего маленькаго сына крестомъ.

— Да хранитъ тебя Господь! — съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ онъ.

Кольцовъ остановился въ квартирѣ Бѣльскаго, Дубровина и Денисова.

Компанія разсказала ему, что „Елька" страшно взбѣшенъ и противъ варіанта. На торгахъ линія осталась за Бжезовскимъ, и распорядителемъ работъ былъ приглашенъ Делорм. Послѣдній тоже высказался противъ варіанта, указывая на слабую его сторону захвата рѣки, и немало содѣйствовалъ тому, что варіантъ Кольцова былъ забракованъ.

— Послушайте, Кольцовъ, — говорилъ ему Бѣльскій на другой день, идя вмѣстѣ въ управленіе: — главное, не горячитесь Помните, что съ Елькой можно работать, онъ человѣкъ честный и дѣйствуетъ по убѣжденію. Доказать ему всегда можно, но это надо сдѣлать спокойно, разсудительно и толково. И вы это можете, если захотите. Смѣшно же, въ самомъ дѣлѣ, всю жизнь изображать изъ себя лошадь, которой чуть попадетъ вожжа подъ хвостъ — и пошла потѣха. Вспомните только, что, двѣнадцать лѣтъ работая, вы еще ни одного дѣла не довели путно до конца Начнете блистательно, потомъ по поводу выѣденнаго яйца появляется на сцену вопросъ о довѣріи, и — Кольцовъ за бортомъ. А кончается тѣмъ, что все сыграется въ руку прохвостамъ. У васъ дѣло правое, и стойте за него до смерти,—пусть васъ по суду гонятъ, если хотятъ, но съ такой же благодати губить дѣло изъ-за личнаго самолюбія?

— Правда есть въ вашихъ словахъ,— отвѣчалъ Кольцовъ.— Личнаго, болѣзненнаго самолюбія у меня больше, чѣмъ надо, но я вамъ скажу одно. Четыре раза уже я бросалъ дѣло и уходилъ со скандаломъ. Временно мнѣ были заперты всѣ двери въ нашемъ министерствѣ, но никогда я не жалѣлъ, что поступалъ такъ. При тѣхъ условіяхъ не было другого выхода. Теперь иное дѣло. Во всякомъ случаѣ, я не буду горячиться. Спасибо вамъ.

— Васъ уже прозвали трубадуромъ, но, если вы изъ теперешняго положенія дѣла опять сдѣлаете министерскій вопросъ, я буду называть васъ безтолковымъ трубадуромъ.

— Не сдѣлаю,—отвѣчалъ Кольцовъ.

Въ передней правленія они разстались. Бѣльскій прошелъ въ техническое отдѣленіе налѣво, Кольцовъ — въ кабинетъ начальника работъ направо.

Въ ожиданіи пріѣзда начальника работъ Кольцовъ заглядывалъ во всѣ комнаты правленія, отыскивая знакомыхъ. Всѣ здоровались съ нимъ радушно, но какъ-то обидно-снисходительно Всѣ знали про его неудачный варіантъ, и общее мнѣніе было, что Кольцовъ, что̀ называется, заранортовался.

Выразителемъ общаго мнѣнія былъ Щегловъ, правитель канцеляріи.

— Что̀, батюшка, сорвалось?—встрѣтилъ онъ Кольцова.— Ну, что̀ жъ дѣлать? Не всякое лыко въ строку. Надо васъ и осадить немножко, а то этакъ вы черезъ годъ и до министра доберетесь.

— Руки коротки для осадки, — строптиво возразилъ Кольцовъ.

— Будто коротки? — спросилъ Щегловъ, добродушно подмигивая своему помощнику. И ласково прибавилъ:

— Ну, ну, ладно. Богъ съ вами. Гдѣ вы сегодня вечеромъ?

Пришелъ швейцаръ и доложилъ, что начальникъ работъ пріѣхалъ и проситъ Кольцова.

Кольцовъ вскочилъ, застегнулъ пуговицу и, не прощаясь, быстро пошелъ за швейцаромъ.

— Будетъ баталія, — сказалъ Щегловъ, закуривая папироску.—Надо послушать.

И онъ, собравъ для подписи нужныя бумаги, послушной походкой направился къ Елецкому.

Когда онъ вошелъ въ рабочую комнату начальника работъ, изъ кабинета донесся до Щеглова взбѣшенный, громкій голосъ Елецкаго:

— Да что̀ же это наконецъ такое!.. Слова нельзя сказать какъ онъ свою отставку суетъ.

На этотъ возгласъ не замедлилъ взволнованный отвѣтъ Кольцова:

— Варіантъ необходимъ. Вопросъ въ томъ, что я, можетъ-быть, не сумѣлъ доказать вамъ его необходимость, вотъ почему я долженъ буду оставить свое мѣсто, чтобы уступить его болѣе способному доказать это.

Щегловъ постоялъ нѣсколько мгновеній нерѣшительно, махнулъ рукой и возвратился въ свой кабинетъ.

Кольцовъ продолжалъ:

— Николай Павловичъ, повѣрьте мнѣ, что я прекрасно знаю всѣ тѣ непріятности, которыя вы испытываете; но чѣмъ же виновато дѣло, что во главѣ его стоятъ люди, не понимающіе его? И наконецъ то, что̀ сегодня не ясно, будетъ какъ на ладони, когда дорога выстроится. Огорченія теперешнія будутъ пустяками въ сравненіи съ тѣми, которыя мы съ вами испытаемъ тогда. Вы говорите, что насъ выгонятъ. Для васъ уступка невѣжеству непринятіемъ моего варіанта, можетъ-быть, имѣетъ полный смыслъ, — вы этимъ спасаете все дѣло, но гдѣ же утѣшеніе для меня? Все мое дѣло заключается въ этомъ варіантѣ, и мое неумѣніе провести его въ жизнь есть уже тяжелое сознаніе своего безсилія, и неужели же мнѣ, сверхъ этого, въ теченіе двухъ лѣтъ постройки еще мучиться изо дня въ день при мысли, что я строю не то, что̀ должно, и что строится это только благодаря моей неспособности доказать, что бѣлое — бѣлое, а черное — черное? Вотъ что̀ побуждаетъ меня заявить о своей отставкѣ. Это не взбалмошное чувство оскорбленнаго самолюбія. Я отлично знаю, что̀ теряю, оставляя службу, — лучше поставленнаго дѣла я не видалъ еще, да и врядъ ли гдѣ-нибудь найду.

Кольцовъ замолчалъ.

Елецкій мрачно ходилъ по комнатѣ. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Кончится тѣмъ, что мнѣ самому придется уйти, — проговорилъ Елецкій, махнувъ раздраженно рукой.

И, обратившись къ Кольцову, сердито спросилъ:

— Гдѣ варіантъ?

Кольцовъ быстро развернулъ чертежи и взволнованно началъ излагать идею новаго варіанта.

Черезъ четыре часа Кольцовъ вышелъ изъ кабинета начальника работъ, и по его счастливому лицу не трудно было угадать, въ чемъ дѣло.

Елецкій вышелъ немного спустя и прошелъ въ кабинетъ своего помощника.

Инженеръ Стороженко, около 50 лѣтъ, плотный, средняго

роста, съ гладко выбритымъ лицомъ, густыми усами, большими выразительными глазами, производилъ при первомъ взглядѣ впечатлѣніе человѣка слегка грубоватаго, но добродушнаго и прямого. Тѣмъ не менѣе это былъ дипломатъ въ своемъ родѣ, какъ вообще всѣ хохлы. Будучи безукоризненно честнымъ, онъ личную инициативу проявлялъ только въ томъ направленіи, о которомъ зналъ, что оно будетъ одобрено. Въ вопросахъ сомнительныхъ онъ, хотя и выражался рѣшительно, но такъ, что изъ его словъ ничего нельзя было вывести.

Елецкій вошелъ и сѣлъ на диванъ.

— Что за молодецъ Кольцовъ! Три-четыре такихъ инженера—и можно хоть всю Сибирскую дорогу взяться строить.

— Онъ пріѣхалъ?

— Только-что отъ меня. — Елецкій помолчалъ. — Прекрасный варіантъ,—сказалъ онъ.—Только время упущено. Теперь въ Петербургѣ опять пойдутъ разговоры.

Наступило молчаніе.

— Да,—неопредѣленно проговорилъ Стороженко.

— Семьсотъ тысячъ экономіи. Татищевъ напуталъ, совсѣмъ не такъ доложилъ: молодой. Возьму Кольцова съ собой— пусть самъ сдѣлаетъ докладъ. Я тамъ самъ не былъ, ѣхать некогда, а на засѣданіи могутъ подняться такіе вопросы, на которые можетъ отвѣтить только работавшій на мѣстѣ.

— Конечно.

— Всю зиму работалъ въ полѣ, Стражинскаго чуть не въ чахотку вогналъ.

Стороженко кивнулъ головой. Въ переводѣ это означало: „такъ и запишемъ“.

— Черезъ недѣлю надо ѣхать,—сказалъ Елецкій, подымаясь.

Послѣ ухода Елецкаго вошелъ Залѣскій.

— Ну, что варіантъ Кольцова?

— Принятъ,—отвѣтилъ Стороженко.

— Принятъ?—переспросилъ выжидательно Залѣскій.

— Семьсотъ тысячъ сбереженія. Прекрасный варіантъ. Татищевъ напуталъ: молодой. — И, помолчавъ, прибавилъ: — Дѣльный работникъ Кольцовъ.

— Ахъ, какая энергія!—подхватилъ Залѣскій.

— Стражинскаго, кажется, въ чахотку вогналъ.

— Огонь, весело разсмѣялся Залѣскій.

Въ такой редакціи и по городу пошла новая волна. Блестящій варіантъ, неутомимый Кольцовъ, Татищевъ напуталъ, Стражинскій въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

Инженеръ Косяковскій въ обществѣ дамъ доступнымъ языкомъ излагалъ положеніе дѣла:

— Кольцовъ самъ дѣльный человѣкъ. Сдѣлалъ, дѣйствительно, прекрасный варіантъ, но выказалъ полное неумѣніе выбирать подходящихъ людей. Татищеву поручилъ дѣлать докладъ. Я понимаю — поручить ему организацію пикника.

Веселый хохотъ прервалъ оратора.

— Кольцовъ — это прелесть, — сказала Марья Павловна Звиницкая.—Я въ прошломъ году ѣхала съ нимъ въ поѣздѣ и, право, если бы еще нѣсколько часовъ поѣздка продлилась, я за себя не поручилась бы.

Звиницкая покраснѣла при воспоминаніи того вечера.

А Кушелевъ, отецъ Маріи Павловны, управляющій сосѣдней дорогой, на другой день добродушно говорилъ Елецкому:

— Придется, Николай Павловичъ, вамъ самому подобрать помощниковъ Кольцову, а то онъ окружитъ себя такими, какъ Татищевъ.

— Да, непремѣнно,—убѣжденно отвѣтилъ Елецкій.

— Павла Николаевича надо къ нему. Это человѣкъ, который сумѣетъ позаботиться объ остальномъ, когда Кольцовъ, по свойству своей натуры, чѣмъ-нибудь увлечется.

Павелъ Николаевичъ Звиницкій, мужъ Марьи Павловны, тоже инженеръ, былъ однимъ изъ кандидатовъ на должность начальника дистанціи на предстоящую постройку.

Елецкій промолчалъ на слова Кушелева.

Выборъ инженеровъ de jure зависѣлъ отъ временнаго управленія, de facto — отъ начальника работъ. По традиціи начальнику участка предоставлялось право выбора между имѣющимися инженерами.

Павелъ Николаевичъ, на другой день послѣ описаннаго разговора, былъ у Кольцова и выразилъ желаніе служить у него начальникомъ дистанціи. Кольцовъ обѣщалъ, такъ какъ свободныя мѣста у него были. Штатъ Кольцова состоялъ изъ четырехъ начальниковъ дистанціи, одного помощника и одного техника. На роль помощника онъ имѣлъ въ виду Татищева, на роль техника Стражинскаго, на остальныя мѣста еще никого не имѣлъ въ виду.

— Что, если я буду проситься къ вамъ? — спросилъ его Бѣльскій.

Кольцовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ.

— Неужели пойдете?—радостно спросилъ онъ.

— Къ вамъ пойду.

— Серьезно говорите?

— Конечно, серьезно.

— Я буду счастливъ.

— А меня возьмете?—спросилъ Дубровинъ.

— И вы?

— Съ наслажденіемъ.

— А вы?—обратился онъ къ Денисову.

— Цѣть, я больной человѣкъ, на линію нельзя мнѣ.

Стали строить планы ближайшаго будущаго. Выходило очень хорошо.

— Только Елька не пуститъ, — сказалъ вдругъ Бѣльскій упавшимъ голосомъ.

— Почему не пуститъ?—спросилъ Кольцовъ.

— Не пуститъ, — отвѣтилъ Бѣльскій. - Соединитъ насъ втроемъ, что же это выйдетъ? Все вверхъ ногами поставимъ и его не пустимъ на участокъ.

— Да какъ объ можетъ не пустить, — возражалъ Кольцовъ. — Это мое право выбрать начальниковъ дистанцій.

Бѣльскій въ тотъ же день закинулъ удочку и разсказалъ свой планъ Залѣскому.

При докладѣ Залѣскій, между прочимъ, сказалъ Елецкому:

— Бѣльскій и Дубровинъ хотятъ проситься къ Кольцову.

— Дураки! — отвѣтилъ добродушно Елецкій. — Къ этакому хитрику, какъ Кольцовъ, прибавить двухъ такихъ говоруновъ — они всю линію разнесутъ. Кольцову не пару подбавлять, а тормоза нужны.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Надо съ этимъ кончить. Сегодня вечеромъ приходите, составимъ списки на участки, и ночью надо ихъ отпечатать. Съ конченнымъ дѣломъ и разговоровъ не будетъ, а сегодня мнѣ придется уже дома заниматься, чтобы избавиться отъ этихъ просьбъ... Скажите, что я заболѣлъ.

Кольцову такъ и не удалось въ тотъ день поговорить съ Елецкимъ о своемъ штатѣ, а на другой день въ управленіи уже былъ отпечатанъ приказъ начальника дороги о назначеніяхъ.

Переговоры Кольцова съ Елецкимъ на эту тему оборвались на первой фразѣ Елецкаго:

— Я заваленъ просьбами о назначеніяхъ. Начальники участковъ все однихъ и тѣхъ же приглашаютъ, остальныхъ никто не желаетъ Начальники дистанцій почти всѣ къ одному просятся, къ остальнымъ не желаютъ. Чтобы избавиться отъ безконечныхъ просьбъ, я рѣшилъ на этотъ разъ измѣнить способъ назначеній и самъ всѣхъ назначилъ. Такъ какъ вашъ участокъ самый трудный, то вамъ я назначилъ лучшія силы: Звиницкій, Штоморъ, Мартино, Коловичъ и ваши прежніе Татищевъ и Стражинскій.

— Я хотѣлъ было просить с Бѣльскомъ и Дубровинъ.

— Съ кѣмъ же я останусь?—вспыхнулъ Елецкій.

Черезъ недѣлю Елецкій и Кольцовъ выѣхали въ Петербургъ.

Докладъ сошелъ благополучно и, сверхъ ожиданія, былъ встрѣченъ очень милостиво. Радіусъ 150, излюбленное дѣтище Кольцова, пришелся какъ нельзя кстати.

Въ Петербургѣ, въ высшихъ служебныхъ сферахъ уже былъ возбужденъ вопросъ объ уменьшеніи радіуса.

На сожалѣніе предсѣдателя временнаго управленія о томъ, что не употребленъ при изысканіяхъ радіусъ 150, Елецкій съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Я привезъ варіантъ съ радіусомъ 150.

Передавая объ этомъ Кольцову, Елецкій сказалъ:

— Вотъ и толкуйте съ ними. Въ прошломъ году на засѣданіи мое предложеніе насчетъ радіуса было единогласно отвергнуто, а въ этомъ году они готовы меня же упрекнуть за то, что я не ввелъ его!

И, помолчавъ, пренебрежительно бросилъ:

— Флюгера!

1888.

НА НОЧЛЕГЪ.

Короткій зимній день подходилъ къ концу. Потянулись темныя тѣни, выросъ точно оголенный лѣсъ, бѣлымъ снѣгомъ занесенныя поля стали еще сиротливѣе, еще неуютнѣе.

Я въ послѣдній разъ пригнулся къ трубѣ теодолита, но уже ничего не было видно. Рабочіе лѣниво ждали обычнаго приказанія.

— Баста.

Складываютъ геодезическіе инструменты, топоры, побѣжали за санями.

Я и мой помощникъ совѣщаемся, гдѣ ночевать намъ. Рѣшаемъ ночевать въ только-что пройденномъ поселкѣ.

Въ Ярославской губерніи почти въ каждой деревнѣ вы встрѣтите нѣсколько богатыхъ домовъ, владѣльцы которыхъ, разнаго рода подрядчики (маляры, столяры), живутъ сами съ семьей въ Питерѣ, а дома оставляютъ на какую-нибудь старую родственницу.

Дома хорошіе, двухъэтажные, родственница живетъ гдѣ-нибудь въ подвалѣ, въ кануркѣ, и на совѣсть стережетъ хозяйское добро. Добро оригинальное и разностороннее: какой-нибудь старинный подсвѣчникъ или рѣдкіе бронзовые часы рядомъ съ самодѣльнымъ диваномъ; какая-нибудь ненужная здѣсь изъ богатаго дома бездѣлушка и громадная, половину комнаты занимающая печь. Все это достаточно некрасиво, безвкусно, ярко и неуютно. И все на показъ.

На ночевку впускаютъ охотно, не хотятъ рядиться съ вечера, а утромъ требуютъ столько, сколько стѣснились бы спросить даже въ столичной гостиницѣ.

Но въ выбранномъ нами поселкѣ ни одного такого дома не оказалось.

Мы за день достаточно продрогли и потому, не теряя вре-

мени, остановились передъ первой, ничѣмъ не лучше, не хуже другихъ, старенькой избой.

Мы вошли въ нее. Посреди избы стоялъ прядильный станокъ,—онъ работалъ, шумѣлъ, и во всѣ стороны разлеталась отъ него пыль. Крупныя частицы ея тутъ же опускались на полъ, на столъ и скамьи, на платье, а мелкая такъ и стояла въ воздухѣ, погружая избу, несмотря на горѣвшую лампочку, въ удушливый полумракъ.

Казалось сперва, что въ избѣ никого не было, но на вопросъ: „А что, можно у васъ переночевать?“—поднялись сразу нѣсколько фигуръ, и маленькій корявый крестьянинъ спросилъ, бодрясь:

— А вы чьи?

— Мы изысканія дѣлаемъ: линію наводимъ.

Этого было достаточно.

Крестьянинъ, успокоенный, скрывая даже удовольствіе, отвѣтилъ съ напускнымъ равнодушіемъ:

— Что жъ?.. Милости просимъ... Самовара только нѣтъ... Окромя писаря и во всей деревнѣ нѣтъ.

— А попросить у писаря?

Крестьянинъ почесалъ затылокъ, подумалъ, опять почесалъ и рѣшительно проговорилъ:

— Не пойду!

— Чего не пойдешь?—спросила спокойно, въ упоръ, пожилая, изможденная, высокая женщина, оставляя работу у станка.

И, помолчавъ немного, она бросила мужу укоризненное восклицаніе и начала торопливо натягивать на себя тулупъ.

Въ дверяхъ, накидывая уже платокъ, она сказала намъ: „Будетъ самоваръ!“, и исчезла.

Мы раздѣлись, внесли наши вещи, достали свѣчи, хлѣбъ, закуски и, присѣвъ за столъ, принялись за свой обѣдъ.

За день ходьбы аппетитъ нагуливается хорошій, и, хотя и мерзлое, мы ѣдимъ усердно, жуемъ, глотаемъ и въ то же время знакомимся съ окружающимъ.

Корявый крестьянинъ,—глава,—оставался и при болѣе яркомъ освѣщеніи все такимъ же корявымъ.

Всклоченный и напряженный, онъ напоминалъ собой загнаннаго пѣтуха, совершенно помятаго, но готоваго, несмотря на это, отстаивать и дальше свою позицію.

Эта взвинченность—явленіе заурядное въ теперешней обстановкѣ деревни: нужда лѣзетъ во всѣ щели, и вконецъ обезцѣненной работой не заткнуть этихъ щелей.

Старшая дочь сѣла за станокъ. Такое же испитое, зеленожелтое лицо.

Остальные обитатели одинъ другого меньше, до пятилѣтняго, и у всѣхъ тотъ же болѣзненный, изнуренный видъ.

Впечатлѣніе какого-то походнаго, гдѣ-нибудь на войнѣ, лазарета выздоравливающихъ тифозныхъ.

Еще бы: такой ужасный воздухъ!

— Зачѣмъ вы этотъ станокъ въ избѣ держите?

— А куда же его?

— Въ пристрой.

— Пристрой—постройка,—обидчиво бросилъ крестьянинъ и завозился съ такимъ рѣшительнымъ видомъ надъ кускомъ кожи, что я на время оставилъ его въ покоѣ.

Онъ заговорилъ самъ нехотя и раздраженно:

— Въ этой не знаю, какъ усидѣть,—того и гляди свалитъ велятъ...

— Кто?

— Кто?.. Міръ... Вишь, не по планту изба, а что̀ такое не по планту? Только и всего, что мѣсто пригляпулось у кого мошна потуже... Тебѣ ни строить ни чинить не даютъ: какъ развалится—уходи...—Хозяинъ нервно хватаетъ руками и опять складываетъ ихъ.—Да... вотъ такъ и уйду: ночью и выхожу на починку... такъ и тянемъ. Да, вотъ такъ и ушелъ тебѣ: небойсь.

Хозяинъ жаловался на міръ, порядки, а я слушалъ.

Кто знакомъ съ деревней, тотъ знакомъ съ такого рода жалобами. И нельзя не признать основательности такихъ жалобъ, конечно

Я сижу и вспоминаю...

Человѣкъ двадцать лѣтъ платилъ выкупные за надѣлъ: умеръ—и семья его нищая. Съ вдовы міръ торопится сорвать все, что̀ можетъ, и пускаетъ по міру ее и дѣтей. Когда дѣти вырастутъ (только мальчики), они сядутъ опять на землю, но до тѣхъ поръ они могутъ умереть и съ голоду...

Страховку фабричнаго получитъ семья, состоящіе въ остальныхъ сословіяхъ—частная собственность; только крестьяне лишены ея. Неравенство въ сравненіи съ другими, говорящее громко за себя. Игнорировать его грѣхъ и тяжелый.

Это примѣръ изъ имущественныхъ отношеній. Я не говорю уже о круговой порукѣ. Не лучше живется въ деревнѣ и въ другихъ отношеніяхъ.

Мальчикъ-пастухъ научился грамотѣ, сдѣлался миссіонеромъ и сдалъ наконецъ экзаменъ на священника.

Кто знаетъ деревню, знаетъ, какую страшную волю нужно, чтобы въ глухой, безъ школы, деревушкѣ продѣлать все это...

Трудъ Ломоносова блѣднѣетъ передъ этимъ трудомъ.

Я спалъ этого человѣка. Сколько стадной ненависти встрѣтилъ онъ на своемъ пути.

— А, ты умнѣе отцовъ хочешь быть?! Врешь, не будешь!

И добились своего: не пустили въ попы. Шестьсотъ рублей недоимки насчитали на его семью.

— Уплатишь,—иди.

Уплатить было нечѣмъ, и теперь этотъ выдержавшій на попа пьетъ горькую, валяется по кабакамъ, а деревенская мораль, въ лицѣ своихъ представителей, показываетъ на пегодпаго пьяницу:

— Хотѣлъ умнѣе насъ быть!

Станокъ стучитъ однообразно и мѣрно, летитъ пыль, дѣвушка раскорякой сидитъ, работаетъ ногами, высоко поднявъ ихъ и перегибаясь то въ ту, то въ другую сторону, то и дѣло бросая челнокъ. Сколько быстрыхъ движеній и какихъ разнообразныхъ и неудобныхъ: одна нога такъ, другая иначе, перегнулась въ одну сторону, что-то дѣлаетъ рукой, а другой, неудобно занесенной, ловитъ челнокъ.

И все это быстро-быстро.

— И дѣти работаютъ?

— Какъ же можно дѣтямъ? Только эти трое.

Хозяинъ показалъ на трехъ дѣвушекъ.

— Этой сколько?—спросилъ я, указывая на младшую.

— Тринадцатый,—бойко отвѣтила бѣлокурая съ рыбьимъ, некрасивымъ лицомъ дѣвка.

— Такъ что жъ, — огрызнулся хозяинъ: — въ невѣсты глядитъ.

Стукъ утомлялъ, пыль раздражала.

— А когда вы кончаете работу?

— Никогда и не кончаемъ.

— Какъ? День и ночь?

— Вѣдь дежурятъ: ихъ съ матерью четыре смѣны.

Дверь отворилась, клубы морознаго пара задвигались по избѣ, а за ними показалась и хозяйка съ самоваромъ подъ мышкой.

— Дали?!—усмѣхнулся вдругъ повеселѣвшій хозяинъ.

— Ну, вотъ и чайку напьемся,—сказалъ я.

Хозяйка принялась ставить самоваръ, а хозяинъ вышелъ во дворъ.

— Для кого вы ткете?

— На фабрику, купцу,—отвѣтила хозяйка.

— Много зарабатываете?

Хозяйка не сразу отвѣтила:

— Полтора рубля въ недѣлю.

— Это сколько же въ день? Въ воскресенье не работаете?

— Въ праздникъ дѣвушки на себя работаютъ.

— Въ сутки, значитъ, двадцать пять копеекъ, по копейкѣ за часъ.

— Этакъ.

— На работника по шести копеекъ.

— А привезти да отвезти пряжу? Еще два дня съ мужикомъ да съ лошадью прикинь.

— И тяжелая работа?

— Нѣтъ ея тяжелѣе.

— А воздухъ какой? Отъ него вѣдь не долго проживешь на бѣломъ свѣтѣ.

— Вотъ въ Абрамовскомъ самъ купецъ особый домъ выстроилъ,- у всякаго свой станокъ... Тамъ хорошо... И челночокъ самолетъ устроилъ: самъ челночокъ перепрыгиваетъ, а здѣсь видишь какъ—изломаться пять разъ на минуту всѣмъ тѣломъ надо... И проворная работа: въ три раза скорѣе противъ нашей.

— Что жъ у себя не заведете такого самолета?

— Гдѣ завести? Десять рублей такой челнокъ стоитъ— гдѣ ихъ взять?

— Десять рублей? А сколько лѣтъ уже работаетъ самолетъ?

— Лѣтъ сорокъ работаетъ.

— А вы давно работаете?

— Я-то?

У нея умное, длинное бѣлобрысое лицо. Она поднялась отъ самовара, спрятала руки подъ мышки и съ удовольствіемъ вспоминаетъ.

— Тридцать второй годъ.

Она опять быстро наклоняется къ самовару, и я снова вижу только ея костлявую, длинную спину въ грязномъ сарафанѣ.

Я начинаю подсчитывать.

Челнокъ-самолетъ въ три раза быстрѣе: въ недѣлю на три рубля больше, въ мѣсяцъ двѣнадцать рублей, въ годъ сто сорокъ четыре. Въ тридцать лѣтъ 4.500 рублей. Въ пятнадцать лѣтъ капиталъ удваивается—итого до девяти тысячъ рублей сбереженія.

Я совершенно ошеломленъ и дѣлюсь впечатлѣніемъ съ хозяйкой.

Она бросила совсѣмъ самоваръ, подсаживается ко мнѣ, и начинается провѣрка моихъ вычисленій. Мы по нѣскольку разъ возвращались назадъ, она вплась въ меня, и когда, наконецъ, снова получается девять тысячъ сбереженій, она замираетъ и такъ и сидитъ недоумѣвающая, огорченная.

— У васъ была бы такая пенсія, такое состояніе...

Она напряженно думала и вдругъ, вставъ, равнодушно сказала:

— Суета безкорыстная...

— Какъ вы сказали?

— Говорю: суета безкорыстная вся наша работа.

Она отошла къ самовару и то разсѣянно, то убѣжденно все повторяла:

— Суета безкорыстная.

Хорошее выраженіе.

А отъ станка все такъ же несется пыль, забиваясь плотнѣе въ углы старой избы, и въ грохотѣ и стукѣ его, точно эхо, по слогамъ, кто-то повторяетъ въ душной, смрадной избѣ:

— Суета, суета, суета.

Съ разсвѣтомъ мы покинули избу въ тотъ моментъ, когда за станокъ усаживалась новая заспанная очередная, и, уже за окнами, я все слышалъ еще знакомое:

— Суета, суета, суета...

И долго еще я не могъ отдѣлаться отъ мысли и объ этомъ станкѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ выдуманномъ, съ его стопмостью въ десять рублей, и объ этой семьѣ, пристегнутой еще къ деревнѣ и уже тяжело и грубо отрываемой отъ нея иной жизнью.

1898.

СОЧЕЛЬНИКЪ ВЪ РУССКОЙ ДЕРЕВНѢ.

(Посвящается Н. В. Михайловской).

I.

Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ запаздывать къ празднику, а особенно къ такому, какъ сочельникъ. У насъ, у южанъ, елка всегда въ сочельникъ, и съ ранняго дѣтства связаны съ этимъ вечеромъ воспоминанія тихаго семейнаго кружка, радостей елки, этихъ свѣтлыхъ радостей, не потерявшихъ и теперь своей прелести и, главнымъ образомъ, потому, вѣроятно, что источникъ ихъ — не „я“ и не эгоистическіе инстинкты борьбы за существованіе, а радость и удовольствіе другихъ.

Какъ ни опутываетъ тебя эта сѣть мелкихъ, пошлыхъ дрязгъ будничной жизни, а въ такой вечеръ все-таки отбросишь ихъ и поживешь другою жизнью.

Сердце точно отходитъ, дѣлается теплѣе, отзывчивѣе и сильнѣе тянетъ къ людямъ.

Судьба забросила меня на сѣверъ, гдѣ ни кутьи ни елки нѣтъ въ сочельникъ, но въ своей семьѣ я продолжаю строго придерживаться обычаевъ юга, и сочельникъ для меня дороже всѣхъ вечеровъ въ году. Если къ этому прибавить, что я везъ съ собою все нужное для елки, что мое сердце тоскливо сжималось отъ мысли, что дѣти напрасно прождутъ сегодня дорогого гостя, тревожно угадывая его въ каждомъ шорохѣ извнѣ, что такъ и спать лягутъ разочарованные, грустные... Если прибавить, что я ѣхалъ изъ Петербурга, изъ этого равнодушнаго міра холодной абстракціи, и рвался душой въ тѣсный кругъ любящихъ людей, то, можетъ-быть, понятно будетъ все мое огорченіе.

Уже начинались сумерки великаго вечера, уже первая звѣзда блеснула въ потемнѣвшемъ небѣ, когда тройка дымя-

ищихся лошадей, завидѣвъ станцію, подхватила опять и понесла мой полукрытый возокъ какимъ-то надорваннымъ карьеромъ.

— Тирррру...

Это была предпослѣдняя станція. Я не хотѣлъ вылѣзать, сидѣлъ въ облакахъ пара, ждалъ смѣны и отдавался своимъ впечатлѣніямъ, зажавшись въ уголъ возка.

Какая-то обаятельная сила для меня въ сочельникѣ! И здѣсь, даже въ этой обстановкѣ, онъ ощущался.

— Христа ради...

Предо мною стояла сморщенная старуха, и ея большіе сѣрые глаза какъ-то покорно-вымученно ждали отвѣта.

Я далъ ей и слѣдилъ, какъ она пошла отъ меня сгорбленная, присѣдая на правую, очевидно, больную ногу.

Она исчезла въ неясныхъ сумеркахъ темнѣвшей улицы, а еще дальше вырисовывалась другая фигура, мальчика, переходившаго дорогу, тоже съ котомкой, очевидно, не замѣтившаго ни меня ни сцены подачи милостыни.

Меня, отъ-нечего-дѣлать, заинтересовалъ вопросъ: укажетъ ли старуха мальчику на меня, или эгоистично пройдетъ мимо.

Старуха встрѣтилась, остановила мальчика и тихо, медленно пошла съ нимъ назадъ ко мнѣ. Мальчикъ довѣрчиво, послушно шелъ возлѣ старухи. Въ сочетаніи ихъ фигуръ было что-то и простое и сильное, невольно тянувшее къ себѣ.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ полѣзъ въ карманъ.

— Праздничекъ, батюшка, — удовлетворенно произнесла старуха, наблюдая, какъ мальчикъ принялъ деньги и спокойно и аккуратно положилъ ихъ въ маленькую торбочку, привязанную къ поясу.

— Сиротка... ни отца ни матери... А ихъ-то, дѣточекъ, самъ-пятъ... Кормилецъ...

Тепло, ласково, точно любуясь, старуха приподняла руку на мальчика.

— И-п! Горе-то, горе... Спасибо, родимый... въ этакій праздникъ...

И умиленно, растроганно повторивъ: „великій, батюшка, праздникъ“,—старуха зашагала дальше.

Мальчикъ еще разъ взглянулъ на свою сумочку-котомку, еще разъ аккуратно оправилъ ее, вскинулъ на меня своими большими глазами и зашагалъ дѣловитой, увѣренной походкой взрослаго человѣка, у котораго спорится дѣло.

Дѣло?! Конечно, дѣло, къ которому онъ и относится аккуратно, добросовѣстно и даже съ любовью. А если это гадкое, скверное дѣло съѣстъ въ немъ, со временемъ, все то лучшее, чѣмъ надѣлила его природа, то ужъ это не его вина.

Опустѣла улица. Тихо, неподвижно. И я вспомнилъ невольно оживленіе въ этотъ вечеръ въ малороссійскихъ деревняхъ: на улицахъ толпы паробковъ и дивчатъ, пѣсни, колядки.

Степенный хозяинъ налаживалъ возокъ, разбиралъ вожжи, аккуратнѣе закрутилъ концы ихъ за выступъ облучка, распоряжался двумя сыновьями, выносившими сбрую, и, кончивъ все, еще разъ оправивъ вожжи и потрогавъ для чего-то оглобли, подошелъ, почесываясь, ко мнѣ.

— Овсеца лошадкамъ засыпалъ... побѣгутъ лучше... Въ избу бы, покамѣстъ что... самоварчикъ...

— Самоваръ готовъ?

— Самоваръ—дѣло минутное.

Я тяжело выбрался изъ возка и съ наслажденіемъ вытянулся, разминая окоченѣвшіе отъ двухсуточной ѣзды члены.

Отвратительное ощущеніе отъ такой ѣзды—точно какая-то ледяная кора нарастаетъ, и вы все глубже и глубже уходите куда-то внутрь этой коры. Точно и не вы ужъ, а кто-то другой и сидитъ и смотритъ остановившимися глазами. Временами не то сонъ, не то дрема вдругъ спустится, захватитъ васъ и сразу оторветъ и мысль и сознаніе, и опять выпуститъ. И сидишь, прижатый, и смотришь въ эту блѣдную, мутно-молочную ночь. Льются и звенятъ колокольчики, разливаются и дрожатъ въ мерзломъ воздухѣ, и ужъ, кажется, несутся изъ этой прозрачной, тамъ, глубже, розовой мути. И въ этомъ розовомъ блескѣ чудится цѣлый городъ, многоэтажные дома съ рядами теплыхъ оконъ. И вдругъ мелькнетъ въ нихъ огонекъ и потянетъ къ себѣ... Смотришь: нѣтъ, это не городъ,—это волны холоднаго тумана, и не огонь въ окнѣ: это звѣздочка сверкнула съ недосягаемой выси небесъ на бѣлую, въ саванѣ, даль. И еще скучнѣе, еще неуютнѣе станетъ: лежишь, какъ мертвецъ, парализованный, и только въ какомъ-то отвлеченіи сознаёшь, что живешь.

Зато хорошо въ теплой, свѣтлой избѣ. Ласковыя привѣтливыя лица. Хозяйка-старуха стоитъ и снисходительно смотритъ, подложивъ плотно руки, какъ меня раздѣваютъ. Другая баба-молодуха у перегородки, съ печки глядитъ третья съ блѣднымъ, испитымъ лицомъ, а за ней куча ребятишекъ выглядываетъ.

Это не радушіе хохловъ,—сдержанность проглядываетъ въ каждомъ движеніи; но привѣтливость чувствуется.

Въ избѣ идетъ какой-то разговоръ. Чувствуется во всѣхъ какое-то особое удовлетвореніе и особенно въ хозяйкѣ. Она то разведетъ руками, то плотно-плотно прижметъ ихъ и задумается, и опять, точно вспомнивъ что-то, какъ-то удовлетворенно оживится, разведетъ руками и заговоритъ.

Я все вспоминаю Малороссію, колядки, оживленіе, и еще блѣднѣе вырисовывается этотъ великій вечеръ въ этой прозаичной избѣ И опять я слушаю. Все тотъ же неинтересный, будничный разговоръ и все то же удовлетвореніе и интересъ и въ говорящемъ и въ слушающихъ. Всѣ смотрятъ, слушаютъ; дѣти подперлись и свѣсили свои головки съ печки, и у всѣхъ глаза такъ оживленно, такъ мягко смотрятъ на говорящаго.

Точно говорится не о томъ, что я слышу, а о чемъ-то другомъ, чего я не знаю. А они знаютъ и понимаютъ. Я одинъ не знаю, и они знаютъ, что я не знаю, и отъ этого ихъ лица свѣтлѣютъ такъ, точно, кромѣ этой лампы, еще льетъ откуда-то свѣтъ, мягкій, ровный, спокойный. Точно что-то скрытое, неуловимое разливается, охватываетъ всѣхъ и сливается въ одно цѣлое

А-а! Я начинаю улавливать слѣды блѣднаго праздника. Мальчишка съ печки выдаетъ секретъ. У него такъ блеститъ его курчавая головка, такъ сверкаютъ глазки, такъ усердно онъ, то и дѣло, оправляетъ свою красную рубаху, что я наконецъ замѣчаю. Вонъ и на старухѣ темный, но новый платокъ. И сарафанъ цвѣтной. У молодухи—красный, яркій и бѣлая, чистая рубаха. Даже у бабы на печкѣ, несмотря на старый костюмъ, видъ нарядный: изъ-подъ платка блеститъ проборъ и гладко причесанные волосы. Полъ вымытъ и выскобленъ столъ, и не видно таракановъ.

Все-таки праздникъ.

Подали самоваръ. Я проголодался, развернулъ провизію и принялся за ѣду.

— Кусочекъ!—протянулъ съ печки бутузъ, соблазненный моей ѣдой.

Старуха неохотно поглядѣла на ящикъ стола, гдѣ лежалъ хлѣбъ.

— Не слѣдъ бы въ этакій праздникъ по два раза... ну, да малъ еще... отрѣжь, что ль.

Молодуха взяла ножъ, достала хлѣбъ и, отрѣзавъ кусочекъ, отнесла бутузу.

— У насъ, у хохловъ,—проговорилъ я,—въ этотъ вечеръ пѣсни, парни, дѣвки ходятъ по улицамъ, кутью ѣдятъ.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ этого заведенія...—отвѣтила въ полъ-оборота хозяйка и обратилась къ бабѣ, лежавшей на печкѣ:

— Намедни Власьиха приходила.

Съ печки раздался тяжелый вздохъ

— Плакали ужъ мы съ ней, плакали.

Хозяйка вытерла носъ, помолчала и промолвила:

— Не смотрѣла бы.

Она еще помолчала и прибавила;

— Послѣднее, кажись, отдала бы, чтобъ слезъ не видать.

— У нихъ что жъ? Нужда?

— Чего не нужда? У людей праздникъ, а у нихъ въ избѣ, ты скажи, ни кусочка, ни полѣна, ни свѣта Старикъ-то вовсе развалился,—повернулась старуха къ бабѣ на печкѣ.—Такъ, тычутся по избѣ. Ахъ, ты, Господи!

— Страсть, страсть, — судорожно встрепенулась баба на печкѣ.—И не приведи ты, Господи!

— Что жъ они, одинокіе?

— Дѣтные... Дѣтей-то еще съ осени услали Христовымъ именемъ кормиться, а сами ужъ тутъ какъ-нибудь. И отъ тѣхъ-то ни письмеца ни вѣсточки, а холода-то вишь какіе... одежонка какая... долго ль...

— Храни Господь.

— Ужъ не такъ нуждой, какъ вотъ этимъ, что вѣсточки нѣтъ, убиваются. Родительскому сердцу каково терпѣть?

Вошедшій, лѣтъ 19, парень присѣлъ на кровать.

— Ночь-то до-о-лгая... на пустое брюхо-то чего-чего не передумаешь...

— Эхъ, нужда...—отозвалась баба съ печки. — Семеновъ, солдатъ... прилила къ нему, а онъ муку просѣваетъ. А кругомъ-то восемь ихъ, да все малъ-мала меньше. Болтушечку-то замѣсто хлѣбца.

— Ахъ, ты...—вздохнула хозяйка.

— Гляжу это я,—такъ просто сердце во мнѣ переворачивается. А онъ сѣетъ, сѣетъ. А тутъ, какъ стукнетъ ситомъ по столу. „Только, говоритъ, разбѣжаться да въ воду“...

— Ахъ, ты, Господи, Господи!

— Что жъ, у васъ неурожаи, что ли?

— Настоящаго это неурожаю нѣтъ...—заговорилъ вошедшій хозяинъ.—А такъ идетъ да идетъ: и земля вспахалась, да и сѣять—хуже купли хлѣбъ приходится; купить его если, денегъ негдѣ добиться. Такъ и колотится народъ, а нужда гонитъ; глядишь, кой-какой хлѣбушекъ смоталъ, а тамъ опять его назадъ покупай. Продалъ втридешева, купилъ втридорога, а купить-то не на что. А тутъ еще хворь пошла... Вотъ и дѣла тутъ наши мужицкія всѣ.. Лопади готовы.

Я всталъ, вынулъ изъ кармана деньги, подошелъ къ хозяйкѣ и попросилъ ее передать старикамъ и солдату.

Хозяйка нерѣшительно взяла деньги и не сразу отвѣтила.

— Спаси тебя Христосъ,—долетѣлъ ко мнѣ ея взволно-

ванный голосъ въ то время, когда я исчезалъ въ своихъ шубахъ.

Въ голосѣ ли старухи, во всей ли этой обстановкѣ было что-то приподнятое; но какая-то волна и меня подняла, и, чтобъ успокоиться, я еще сосредоточеннѣй занялся своимъ одѣваніемъ.

Когда я кончилъ и поднялъ глаза, я смутился отъ того, что̀ увидѣлъ: и лежавшая на печкѣ съ испитымъ лицомъ баба плакала, и хозяйка вытирала глаза, смотря въ то же время радостно, серьезно впередъ; ребятишки притихли, пригнули головы, и въ избѣ воцарилась какая-то особенная, торжественная тишина.

Еще сильнѣе меня охватилъ великій праздникъ этой свѣтлой избы, и, взволнованный, я подумалъ, что былъ неправъ, унижая силу впечатлѣнія русскаго крестьянскаго сочельника передъ малороссійскимъ.

II.

Я вышелъ; меня усадили, укутали, и мы понеслись. Меня везъ младшій сынъ хозяина. Звѣзды ярко сверкали въ небѣ; было темно; предо мною мелькали огни темныхъ, точно нахохлившихся избъ; я сидѣлъ, полный свѣжихъ, сильныхъ ощущеній.

— Эй, вы-ы, васка-а-сы-ы!—несся веселый, возбужденный голосъ молодого ямщика, и въ отвѣтъ ему, еще веселѣе разливаясь, говорила пара серебряныхъ колокольчиковъ.

— Погляды-ы-ва-ай!

Мы летѣли, возокъ мягко перебрасывало; я сидѣлъ, и меня все сильнѣе и сильнѣе охватывала какая-то жажда продолженія впечатлѣній праздничной избы.

Здѣсь, въ этихъ избахъ, еще продолжается этотъ великій вечеръ. Когда я пріѣду домой, его ужъ смѣнитъ ночь, и остатокъ этого, съ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ начавшагося вечера пропадетъ въ скучномъ переѣздѣ.

— У Анисимовыхъ лошадь ѣдятъ, — повернулся ко мнѣ мой ямщикъ.—Ира-а! Староста съ десятскимъ идетъ, этта, а онъ свѣжуетъ ее, неначе быка. Чтой-то, — они думаютъ, значитъ, промежъ себя, — дѣлаетъ онъ? Надо узнать. Къ нему: „Ты что̀?“ — „Да я, говоритъ, ѣсть ее буду!..“ Ира-а! Вотъ изба-то его!

— Подъѣзжай къ избѣ.

Невзрачная, покривившаяся изба; свѣтъ изъ бокового окна помогаетъ мнѣ нащупывать тѣсный темный проходъ въ маленькія сѣнцы. Отыскавъ дверь, я отворяю и вхожу.

Маленькій ночникъ освѣщаетъ нищенскую избу. Тяжелый, спертый воздухъ, слѣды бѣлой штукатурки на печкѣ, еще болѣе подчеркивающіе неопрятную нищету; дѣтскія головы съ печи, съ палатей, раскидавшійся подъ тулупомъ на кровати лѣтъ шести мальчикъ, очевидно, больной, съ тонкими чертами лица, съ тонкими полузакрытыми вѣками голубыхъ неподвижныхъ глазокъ; длинная растерянная фигура крестьянина съ непріятнымъ лицомъ, не то испуганно, не то нехотя поднявшагося съ лавки...

Да, онъ ѣлъ лошадиное мясо.

Равнодушные глазки смотрѣли съ печей, съ палатей, а онъ вытаскивалъ грязный котелъ съ какою-то зеленою накипью сверху. Онъ поставилъ котелъ и ткнулъ пальцемъ въ слизистую кучу, и не то улыбка, не то гримаса тоски, отвращенія, презрѣнія скривила его губы. Точно онъ самъ сомнѣвался и не вѣрилъ.

— Чего станешь дѣлать? Ушелъ бы куда глаза глядятъ... Малыя-то дѣти чѣмъ повинны?

Я посмотрѣлъ въ его лицо: нѣтъ, оно не было непріятно, потому что на немъ было сильно оттиснуто чувство любви къ этимъ малымъ неповиннымъ дѣтямъ. Онъ, конечно, могъ бы уйти: третья часть избъ на селѣ стоитъ заколоченная.

— Хозяйка твоя гдѣ?

— Хозяйка померла,—угрюмо собрался онъ.

— Давно?

— Не такъ что... прошлымъ мѣсяцемъ.

— Тоже ѣла?

— Не стала ѣсть...—потупился крестьянинъ.

— Съ чего померла?

— Господь ее знаетъ.

— Мамка,—заговорила быстро съ печки дѣвочка лѣтъ 10,—все сбирала, все сбирала... А тутъ залѣзла на печку, баетъ: „отъ, дѣточки, устала я“...

Дѣвочка остановилась, точно забыла, что̀ дальше было.

— Больше и не слѣзала?—подсказалъ я ей.

— Нѣтъ, не слазила,—грустно отвѣтила дѣвочка:—померла.

Я далъ денегъ, дѣтямъ далъ лакомства и видѣлъ, какъ съ равнодушно-напряженныхъ лицъ сбѣжала ихъ неподвижность: видѣлъ ожившаго, воспрявшаго духомъ крестьянина.

— Эхъ, бывало, жили прежде... Праздникъ придетъ... уберетъ этта... Весе-о-лая была... Печку выбѣлитъ; гдѣ какой кусочекъ найдетъ, къ стѣнѣ приклеитъ... вишь понаклеила? Любила...

По стѣнамъ смотрѣли на меня слѣды той, которая теперь,

оторванная отъ семьи, лежала въ своей холодной могилѣ и ни въ чемъ не нуждалась.

Кусокъ красной афиши и оторванныя слова: „танцовальный“, и ниже: „въ пользу“...

Охъ, какой тоской сжалось сердце: не въ пользу ли голодающихъ?

Голько маленькому мальчику не принесъ я утѣшенія. Онъ еще строптивѣе лежалъ на своей кроваткѣ, все такъ же были полузакрыты голубенькіе глазки, и только изрѣдка взмахивалъ онъ своими тонкими ручками, которыя опять безсильно падали на подушку.

— Больной?—спросилъ я.

— Схватило чтой-то... Все за мамкой убивался... Жалѣла она, вишь, его все, бывало... вотъ и манитъ.

Сколько мягкой, теплой тоски! Я смотрю въ это, показавшееся мнѣ непріятнымъ, лицо и съ грустью думаю весь онъ олицетворенная любовь, и каждое его слово, каждая потка такъ и дышитъ этой тоской любви, этой потребностью любить.

Дѣвочка довѣрчиво, какъ съ равнымъ, дѣлится съ нимъ впечатлѣніемъ подарка, показываетъ картинку, конфеты. Онъ ласково гладитъ своимъ заскорузлымъ пальцемъ по картинкѣ и, счастливый ея радостью, говоритъ:

— Илъ ты!

Онъ провожаетъ меня въ сѣни и твердитъ:

— Все бы претерпѣть можно. Такъ нередъ тобой, какъ на духу, вотъ покаюсь... Свелъ я лошадь эту самую, что вотъ ѣли... прямо сказать, на отчаяніе было-пошелъ, а все такъ считаю, меньше того грѣхъ, что ѣлъ ее — и свою и дѣтскія утробы погадилъ... Слава тебѣ, Господи, что въ этакій-то день сохранилъ-то Христосъ. Чуяло точно сердце... Совсѣмъ, совсѣмъ надумаюсь, а тутъ назадъ опять: „не ѣшьте, дѣточки... что будетъ до утра“... Послалъ милость Христосъ: пожалѣлъ насъ несчастныхъ. Въ этакій бы день согрѣшить— пропалъ бы навѣки... Спаси тебя Христосъ и Царица Небесная... съ праздникомъ насъ сдѣлалъ... Сегодня же я эту окаянную птицу, чтобъ и духу ея не было... Людямъ въ глаза не смотрѣлъ бы вѣдь... Тошно, родимый... Эхъ, хозяйку-то жаль... Баба какая: горя не зналъ! Пѣсни поетъ, уберется, бывало... въ полѣ тамъ ли, по дому... Износу ей не было. Все бы ничего... все дѣло погубилъ управитель: померъ сегодня, царство ему небесное, не тѣмъ будь помянутъ... скрутилъ ренду. Чего дѣлать? Пошелъ я было по сбору... Отшатился къ святой сторонѣ... Есть хлѣбушекъ — опять нашего брата съ голодной стороны набилось... видимо-невидимо... такъ

кучей и ходимъ... Совѣстно инда. А тутъ еще батюшка знакомый, у насъ, значитъ, допрежъ того былъ... зналъ меня за настоящаго мужика. Не глядѣлъ бы... Такъ подумалъ да назадъ и пошелъ. Пришелъ домой: хуже да хуже... точно петлей захлестывать; сошлось все: нѣтъ ходу... Тутъ и хозяйка не годиться стала. Тутъ вотъ я и надумалъ на отчаянность пойти... Шелъ на другое, правду сказать, дѣло, — на лошадь попалъ. На базаръ ее?—какъ разъ пропадешь... Тутъ и вступило въ голову... Хотѣлъ въ ночь убраться, дня прихватилъ... Тутъ староста, десятскій: „Ты что?“ — „Что жъ, братцы, глядите: ѣсть стану“. Чего жъ тутъ дѣлать? Такъ они отъ меня, точно отъ проклятаго, какъ шарахнутся и спрашивать не стали—откуда, что... Съ той поры вотъ мимо да мимо, какъ отъ заразы. И хозяйка коритъ... не ѣсть... Тутъ, какъ померла ужъ, пришли... Старецъ есть у насъ—древній человѣкъ... на костыляхъ пришелъ. Читаетъ псалтирь, а самъ такъ и терпѣть не можетъ: жалость, значитъ... Бросилъ это читать. „мать,— говоритъ,— встань! иди къ дѣтямъ меня, стараго, пусти въ гробъ“... Чего ужъ тутъ слезъ было... Онъ плачетъ, народъ воемъ-воетъ... Такъ я думалъ, что нутро мое все оторвется... Инда такъ вотъ жаль, такъ... Эхъ, не жилъ бы!

Лицо мужика дрогнуло, скривилось, и тяжелыя, крупныя слезы медленно поползли по щекамъ.

— Кто здѣсь бѣдный?—спросилъ я своего ямщика.

И, по его указанію, я поѣхалъ по избамъ.

Я видѣлъ этого умершаго управителя шестинистый, старый, съ большимъ синимъ носомъ онъ лежалъ засыпавшійся въ своемъ гробѣ. Его усы какъ-то страшно торчали. Онъ лежалъ и точно думалъ какую-то крѣпкую думу.

Старуха сидѣлка разсказывала, а онъ вставалъ предо мною живой этотъ озабоченный, собравшійся старикъ. Онъ служилъ много и долго своему хозяину-купцу. Чрезъ его руки прошелъ столбъ денегъ выше его. Онъ стоялъ за хозяйское добро, жалъ, донималъ мужиковъ штрафами и даже въ этомъ году собралъ съ никъ аренду. Его били. Разъ въ лѣсу его посадили въ муравейную кучу; въ другой разъ поймали въ лѣсу и привязали руками къ длинной-длинной жерди. И смотрѣлъ въ его лицо, и предо мною вставала эта фигура, распятая на жерди, бокомъ неуклюже пробирающаяся тихо, осторожно, въ густомъ лѣсу. Его называли скупымъ, боялись, ненавидѣли, смѣялись надъ нимъ. Онъ получалъ 8 руб. въ мѣсяцъ, жилъ въ бѣдной лачугѣ, несмотря на то, что управлялъ нѣсколькими тысячами десятинъ земли и слѣдовательно могъ воровать много.

Онъ умеръ, бичъ всѣхъ, на своей должности и въ запискѣ на имя священника просилъ собранные имъ 117 руб. раздать нищимъ его прихода.

Старуха качала своей старой головой и говорила, что люди толкуютъ, будто деньги его проклятыя, что онъ душу чорту продалъ и проку не будетъ отъ его денегъ добрымъ людямъ.

Онъ не слышалъ разсказовъ старухи; его усъ торчалъ; онъ лежалъ и думалъ свою крѣпкую думу.

Въ маленькой, тѣсной избѣ лежали мужикъ, баба и пять душъ дѣтей—всѣ въ горячкѣ.

— Кто въ избѣ?—спросилъ я, ощупываясь въ темнотѣ.

— Люди, батюшка, люди,—отвѣтилъ встрепанный мужской голосъ.

— Люди, люди,—подхватилъ возбужденный горячимъ бредомъ, точно веселый женскій голосъ.

Спичка на мгновеніе освѣтила закоптѣлыя въ курной избѣ стѣны, покрытыя, точно блестками, сажей; освѣтила неясный силуэтъ мужика на печи и изъ-за него выглядывавшую, въ какой-то грудѣ цвѣтныхъ тряпокъ, блѣдную физіономію бабы. Спичка потухла, и осталось впечатлѣніе не то склепа съ заживо погребенными, не то какого-то дикаго, веселаго въ своемъ безуміи маскарада.

— Всѣ больны?

— Всѣ, батюшка... Я послѣдній сегодня.

— Всѣ, всѣ...—взвизгнула баба.

— Кто ходитъ?

— Нѣтъ, никто,—лежимъ, да и ладно.

— Лежимъ, лежимъ...—подхватила баба.—Колобами лежимъ.

— Хлѣбъ есть?

— Нѣту хлѣба; не ѣмши лежимъ.

— Не ѣмши, не ѣмши!—истерично взвизгнула баба.

Даже вручить помощь некому было.

Я вышелъ и посовѣтовался съ ямщикомъ.

— Старецъ тутъ, въ келійкѣ, рядомъ... самъ-то недужный, а умственный... распорядится...

Я зашелъ къ старцу Перегнувшись, я спустился въ его келійку и при слабомъ мерцаніи восковой свѣчки у иконы оазглядѣлъ и сидѣвшаго старца и нищенскую чистоту его обстановки.

Мнѣ бросился въ глаза контрастъ, странное сочетаніе ветхаго, разрушеннаго тѣла съ силой его горящихъ молодыхъ глазъ.

Онъ точно ждалъ меня и, грустный, удовлетворенный, опираясь на свои костыли, смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Смолоду думалъ звѣзды съ неба достать... Умъ мнѣ неспокойный вложилъ Господь, сердце горячее... Не терпѣлъ неправды... точно жгло... Все до предѣла хотѣлъ достигнуть... корень зла искалъ. И не сыскалъ, не сыскалъ, отецъ мой... Въ безднѣ погибъ и наказаніе пріялъ... Люди мимо прошли, себѣ смѣхъ и озлобленіе пріялъ. Ушелъ бы — куда уйдешь отъ міра?.. Надѣялся дни свои кончить на святой горѣ: не приняли старцы: „трудись на своей землѣ“... Вернулся, задумалъ-было скить... собралъ нѣсколько такихъ же горемыкъ бездомныхъ, упалъ владыкѣ въ ноги... Благословилъ. „ищите“... Искали, батюшка, искали... нѣтъ, ничего не нашли. Много земли и пустой, а угла не сыскали... Просили у міра, — міръ-то самъ лапами своими по пустому мѣсту царапать... Купцу кланялись: не далъ, батюшка... Такъ и остался... ни міру поддаться, а въ міру у пустого стойла только пропадать.

Старикъ смолкъ.

— Смирился, батюшка, и не ропщу... Смирилъ Господь. Милости одной прошу: смерти прошу. Смерть косить молодой цвѣтъ и не хочетъ смахнуть меня—старый посохшій бурьянъ... Старъ, батюшка... по частямъ отхожу... гляжу вотъ на ноги свои сухія и точно не вѣрю: я ли, не я... И вся жизнь-то: такъ, сонъ какой-то приснился... Смирилъ Господь... Смирилъ духъ... Слава Его пресвятой волѣ... Вотъ и праздничекъ великій на дворѣ. Онъ-то, Отецъ нашъ, и во тьмѣ и въ ясляхъ пріялъ жизнь, да и кончилъ ее на крестѣ; намъ ли, грѣшнымъ, роптать еще?

Онъ покорно опустилъ голову и повторилъ:

— Смирилъ... Только плоть вотъ живая: пищи требуетъ...

Онъ тоскливо, униженно оборвался и замолчалъ.

Узнавъ, съ какой я просьбой пришелъ къ нему, старикъ встрепенулся, растерялся, умилился и дрожащими руками то хватался за свои костыли, то опирался на скамью, чтобы встать.

— Иду, батюшка, иду... Эхъ, ноги-то, ноги... Ничего, батюшка, ничего — справимся. Я вотъ сейчасъ тутъ къ старушкѣ пройду, а ужъ съ ней... справимся, батюшка, справимся... Спаси тебя, Господи...

Это было и трогательно и невыносимо тяжело смотрѣть, какъ справлялся духъ съ своимъ парализованнымъ тѣломъ; какъ, волоча костыли и свои ноги, ползъ старикъ по своей лѣстницѣ, какъ, выбравшись, дрожа и хватаясь за косяки, опираясь на костыль, онъ привелъ наконецъ себя въ равновѣсіе и заковылялъ къ знакомой старухѣ.

Въ темной избѣ лежала мертвая женщина, и ея блѣдное лицо въ блескѣ звѣздъ было еще блѣднѣе.

У окна, на колѣняхъ старухи, сидѣлъ маленькій мальчикъ. Я присѣлъ возлѣ нихъ.

Мальчикъ покосился на меня и еще плотнѣе прижался къ старухѣ.

— Мамка спитъ? — спросилъ, смотря въ окно, не поворачиваясь, мальчикъ.

— Спитъ, внучекъ,—отвѣтила старуха и заплакала.

— Плачешь?

Старуха молча вытирала слезы.

— Что молчишь?

— Молюсь, внучекъ... Часъ великій... Христосъ идетъ на землю...

— Гдѣ идетъ?—спросилъ охваченный мальчикъ.

— Съ неба идетъ.

— Куда идетъ?

— На землю, къ намъ, грѣшнымъ, къ убогимъ, несчастнымъ, къ дѣткамъ малымъ, сиротамъ...

Голосъ старухи оборвался и смолкъ.

— Христосъ какой?—понижая голосъ, спросилъ мальчикъ.

— Вонъ, какъ звѣздочки тѣ, сіяетъ Христосъ, нашъ Царь Небесный.

Мальчикъ поднялъ глубокіе, раскрывшіеся глаза и смотрѣлъ въ темное звѣздное небо.

— Онъ къ намъ придетъ?

— Придетъ, дитятко, придетъ, — вдохновенно охваченная, проговорила старуха. — Люди не идутъ, люди забыли, Онъ не забудетъ...

Голосъ старухи, надрывающійся, страстный, рыдалъ въ темной избѣ.

— Идетъ, идетъ...—метнулся мальчикъ и судорожно протянулъ руку къ серебряному слѣду летѣвшей и разсыпавшейся милліонами искръ звѣзды.

Мои нервы не выдержали. подавленный, я рыдалъ въ этой нищей избѣ, охваченный непередаваемымъ чувствомъ. И когда, выплакавъ свои слезы, отдавъ послѣднее, что было у меня, я вышелъ на улицу, — меня охватила рождественская ночь. Звѣзды живыя смотрѣли на меня. Ночь, рождественская ночь - волновалась живая и охватывала меня своей могучей силой. Я жилъ однимъ чувствомъ съ необъятной русской деревней. я вмѣстѣ съ ней переживалъ эту рождественскую ночь.

1893.

КАРТИНКИ ВОЛЫНИ.

I.

Лѣсистая Волынь вся спряталась отъ глазъ въ своихъ обширныхъ лѣсахъ. Гдѣ-то тамъ ютятся бѣлые домики, сверкнетъ рѣчка, и опять лѣса и лѣса. Но не дикіе лѣса Сибири, тайга, непроходимый складъ стоячаго и лежачаго гнилья. Это и не лѣса Уфимской губерніи, — запущенные, испорченные, поросшіе всякой дрянью,—урманъ, какъ называетъ такой лѣсъ башкиринъ, истребитель его. Это, наконецъ, не южные лѣса Кавказа, переплетенные всякими вьющимися растеніями, дѣлающими его совершенно непроницаемымъ. Лѣса Подоліи—это, въ большинствѣ случаевъ, расчищенные парки, и владѣльцы ихъ щеголяютъ другъ передъ другомъ своимъ порядкомъ въ лѣсахъ и уходомъ за ними. Длинныя прямыя просѣки идутъ черезъ каждую версту и тонутъ на горизонтѣ въ просвѣтѣ куска голубого неба. Иногда въ нихъ мелькнетъ стройная фигура огненно-желтаго дикаго козла или задумчиво съ понуренной головой пробредетъ тоже дикій кабанъ. Лаконическая вывѣска извѣщаетъ о запрещеніи посторонннимъ охотиться. Здѣсь еще царство охоты. Красивая форма охотниковъ: куртки, перо за шляпой, видны ихъ домики съ дороги. Звѣрей кормятъ и ведутъ имъ счетъ. Но не всякаго звѣря холятъ, – волка, напримѣръ истребителя козъ, совсѣмъ нѣтъ: случайно забѣжавшаго ждетъ быстрая и вѣрная смерть.

Я ѣду. Дорога лѣсомъ. Шляхтичъ Владекъ на козлахъ, пара голыхъ лошадокъ въ дышло съ нитяными шлейками на шеѣ, шарабанъ, на немъ сидѣнье. Дождикъ, грязно. Навстрѣчу карета, четверка въ рядъ, на выносъ еще двѣ, шлеи, бичъ, головки лошадокъ, украшенныя перьями. Такъ и вспоминаются картинки изъ былыхъ временъ польскихъ дворовъ.

Въ окнѣ кареты дама со слѣдами поблекшей красоты умнаго польскаго лица, сѣдой, съ усами, гордый господинъ и все вмѣстѣ—впечатлѣніе остатка какой-то изъ цѣннаго фарфора игрушки. Это первое впечатлѣніе. Затѣмъ является сознаніе, что здѣсь это еще дѣйствительность. Невольный интересъ заглянуть въ эту жизнь. И вотъ я въ охотничьемъ домикѣ здѣшняго магната. Въ глухой части лѣса простой одноэтажный деревянный домикъ. Владѣлецъ гдѣ-то въ Индіи, въ погонѣ за тиграми. Здѣсь же вдоль оконъ и на стѣнахъ металлическія пластинки съ выбитой исторіей каждаго убитаго тетерева. Гдѣ, когда, на какомъ деревѣ, въ которомъ году, и кто герой. Счетъ ведется съ конца шестидесятыхъ годовъ. Такія же таблицы на деревьяхъ. Одинъ изъ героевъ, убившій семнадцать глухарей, уже переселился въ лучшій міръ. Семнадцать глухарей! Всякому времени свои трофеи.

И мнѣ невольно рисуется картина далекаго прошлаго: пышные похороны польскаго короля -его трофеи. И эти похороны его потомка—такіе же пышные, съ той же сохранившейся формой, и трофеи жизни—семнадцать жетоновъ убитыхъ тетеревей.

А вотъ и памятникъ изъ гранита на томъ мѣстѣ, гдѣ дикій кабанъ поранилъ двухъ солдатъ, которые въ числѣ другихъ, поощряемые княжеской наградой, бросились на кабана въ надеждѣ захватить его живьемъ. Стоишь надъ этимъ красивымъ памятникомъ, хочешь его осмыслить, поймать здѣсь какой-нибудь порывъ, штрихъ, духъ, все то, что создало этотъ памятникъ: но съ какимъ-то туманомъ въ головѣ, съ пустымъ сердцемъ уходишь отъ этого, имѣющаго, очевидно, прочностью своею цѣль пережить много поколѣній, памятника.

— Расползаются паны, якъ тараканы передъ пожаромъ.

— Куда?

— Господь ихъ знаетъ,—въ Польшу чи що подаются. А кто на службѣ, а то и такъ изведется.

Продажа земель идетъ энергично—отъ семидесяти до ста рублей за десятину.

— Хоть и дорого, а мусимо браты, бо дорожэ буде.

Это говоритъ стройный красивый шатэнъ, въ бѣлой рубахѣ, бѣлыхъ штанахъ, подкатанныхъ до колѣнъ, босой. На рукѣ у него виситъ топоръ, онъ небрежно и граціозно покачивается и идетъ рядомъ со мной.

— Мы отъ роду крѣпостными не были.., мы изъ дворянъ,— говоритъ онъ.

Признаюсь откровенно, этотъ дворянинъ пришелся по душѣ мнѣ. Вотъ истинно лафонтеновскій типъ голоднаго, но свободнаго дворянина. Чувствуется увѣренность и удовлетворенность. Дворянинъ, который самъ себя кормитъ; дворянинъ, который самъ пашетъ свою землю; дворянинъ, которому не дано образованіе, но достались въ наслѣдство независимость и гордость, которыя побуждаютъ его свалиться съ шеи себѣ подобныхъ и стать, какъ умѣетъ онъ, на свои собственныя ноги. Такого дворянина можно отъ всего сердца привѣтствовать и кричать съ нимъ:

— Да здравствуетъ независимость!

II.

Своимъ послѣднимъ днемъ май хочетъ наверстать всѣ дожди и оставить впечатлѣніе, какое подобаетъ ему. Чудный день съ утра. Вѣтерокъ ласкаетъ, и ароматъ сирени, ландыша и милліоновъ неизвѣстныхъ цвѣтовъ нѣжно щекочетъ ноздри.

Обезпеченное прекраснымъ днемъ, все кругомъ такъ празднично и нарядно, какъ только можетъ быть природа. Кукушка гдѣ-то кому-то отсчитываетъ остающіеся ему годы жизни, удодъ подаетъ вѣсточку изъ лѣсу, множество птицъ оглашаетъ воздухъ своимъ щебетаніемъ, чириканіемъ, вскрикиваніями.

Самые задумчивые философы изъ нихъ, не любящіе подавать голоса, и тѣ отзываются какимъ-то непривычнымъ басомъ.

Трава сверкаетъ вся въ разноцвѣтныхъ огняхъ росы, и легкій утренній вѣтерокъ манитъ на просторъ, туда, гдѣ въ нѣжной дали спятъ въ ясномъ утрѣ лѣса, деревни, мельницы съ своими неподвижными крыльями, пруды зеркальные. Все замерло, отогрѣваясь въ веселыхъ лучахъ майскаго солнца. Ароматъ воздуха—нѣтъ возможности передать: млѣющій, онъ бросаетъ въ лицо то нѣжный запахъ фіалокъ, то травы, то потянетъ сосной, ландышемъ, заберется далеко внутрь, въ самую глубину сердца, вольетъ въ него радость сознанія чуднаго дня, освѣжитъ, разгладитъ складки души и заставитъ и внутри въ себѣ прибраться въ тонъ этой майской природѣ.

Ровная, какъ ладонь, мѣстность. Рядъ деревень, рѣчка между ними: на горизонтѣ лѣса. Хохлушки и хохлы, запахъ дегтя, —здѣсь Волынь во всей своей красѣ, въ вѣнкѣ изъ майскихъ цвѣтовъ, — красные, желтые, лиловые, бѣлые, разноцвѣтный коверъ, а тамъ дальше сѣдая рожь въ сажень, яро-

вый выбираются буйно и обѣщаютъ небывалый урожай. Солнце, счастливое радостью земли, льетъ съ неба свѣтъ и ласку на землю, а земля изнываетъ въ блаженствѣ и замерла въ чудной прелести своего наряда. Это какой-то чудный храмъ природы, и идетъ здѣсь торжественная служба, и самъ замеръ въ восторгѣ сознанія своего бытія. Въ этой бездиѣ зелени, воздуха и неба послѣдними штрихами манятъ къ себѣ высокіе, стройные, одинокіе тополи, то здѣсь, то тамъ разбросанные по деревнямъ. Непередаваема прелесть этихъ тонкихъ зеленыхъ пирамидъ и рядомъ съ ними бѣлыхъ чистенькихъ хатокъ, съ аккуратными оконцами, съ высокими, соломой подъ лопату крытыми крышами, съ гнѣздами аистовъ на нихъ, съ садочкомъ и огородомъ, въ которомъ и макъ, и конопля, и капуста, и дыни, и арбузы, и чего-чего нѣтъ.

Хлопочетъ тамъ стройная хохлушка, въ своей красивой повязкѣ на головѣ, спускающейся на плечи вышитой рубахѣ и червоной сподницѣ, а лѣнивый хохолъ, въ бѣлыхъ штанахъ и бѣлой рубахѣ, босой стоитъ, куритъ люльку и смотритъ на свѣтъ Божій такъ, какъ будто хочетъ сказать:

— Та не морочьте вы моей головы.

Ужасно дорожитъ своей головой хохолъ, и пока жинка або „жидъ“ не встряхнетъ его, какъ мѣшокъ, до тѣхъ поръ не высыплется изъ хохла ничего.

Еще ныряетъ парная повозка съ голыми лошадками въ волнахъ хлѣба, травы, ныряютъ лѣса и вся даль, но вотъ и деревня, сырая корчма временъ Дмитрія Самозванца съ низкой большой комнатой, съ темными длинными столами, большимъ шкапомъ, потайной дверью куда-то. Старый котъ сидитъ и таинственно мурлычитъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ здѣсь на своемъ вѣку.

Вынесли мнѣ столъ подъ навѣсъ, — прохлада; прозрачное озеро, поросшее рѣдкимъ камышомъ, передъ глазами, дальше даль со своею прелестью.

Оригинальная корчма безъ водки и всякихъ крѣпкихъ напитковъ. Хозяинъ „жидъ“, конечно, и имѣетъ свою „жидовку“.

Знакомство наше завязалось еще при въѣздѣ въ село, когда мы напрасно искали себѣ пріюта. Передъ каждымъ встрѣчнымъ хохломъ мы останавливались, говорили, объясняли,—онъ смотрѣлъ, „слухавъ“, потомъ, когда убѣждался, что мы отъ него не отстанемъ, звалъ жинку. И послѣ короткаго совѣта и мужъ и жена выпроваживали насъ мягкимъ, но упорнымъ отказомъ.

— Вотъ идетъ еврей, надо его спросить, а то съ этими каши не сваришь,—говоритъ мой возница Владекъ.

Оказавшійся хозяиномъ корчмы, еврей шелъ въ своемъ длинномъ кафтанѣ, съ той легкой походкой и быстрымъ взглядомъ, которые такъ мало вяжутся и съ основательными движеніями хохла, и съ его глубокомысленнымъ, но безрезультатнымъ для видимаго общенія взглядомъ.

— Скажите, гдѣ здѣсь остановиться?

Молодое лицо еврея уставилось въ насъ, большіе выразительные глаза на мгновеніе заглянули въ глубь, и онъ проговорилъ съ соболѣзнованіемъ, пожимая плечами и вытягивая свои длинныя руки:

— Гдѣ же для васъ тутъ будетъ помѣщеніе, кромѣ какъ у пана помѣщика?

— Нѣтъ, мы къ помѣщику не поѣдемъ.

— Отчего?—быстро спросилъ еврей,—помѣщикъ нашъ будетъ за честь для себя считать принимать у себя такихъ „пожондныхъ“ (порядочныхъ) гостей.

— Нѣтъ, нѣтъ—мы къ помѣщику не заѣдемъ: денегъ онъ не возьметъ...

— Де-е-негъ? Что вы? Какъ можно! Онъ просто такъ, такъ радъ будетъ...

— Ну, а безъ денегъ къ незнакомому человѣку мы не поѣдемъ...

— Тутъ развѣ долго познакомиться!..

— Нѣтъ, не поѣдемъ. Такъ гдѣ-нибудь...

Мечтательные глаза еврея раздумчиво уставились въ пространство, онъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Я ужъ не знаю.

— Отчего насъ крестьяне не пускаютъ?

Онъ энергично вздрогнулъ.

— Охъ! ну, и что вы хотите? Мужикъ себѣ сейчасъ въ думку возьметъ и то и се, и самъ себѣ такъ раздумаетъ, что ничего ужъ не сдѣлаешь съ нимъ... Я бы свою корчму вамъ съ удовольствіемъ далъ, только не годится она для васъ.

— Отчего не годится?

— Извѣстно, грязь... Бѣдно-живемъ... комната одна.

Но такъ какъ выбора не было, то мы и остановились въ корчмѣ.

У еврея жена молодая еще женщина, начинающая полнѣть, съ черными и мягкими и строгими глазами, красавица типичная, сочная и свѣжая, какъ поспѣвшая слива. Маленькій грудной ребенокъ-мальчикъ веселый, черноглазый въ мать, откинется отъ груди, смѣется веселый, счастливый... Что-то ждетъ его въ жизни?

Лицо хозяина уже помято этой жизнью, исторія его простая, обыкновенная и изъ очень невеселыхъ. Былъ солдатомъ въ Самаркандѣ. Изучилъ тамъ ремесло — выдѣлку ватныхъ полотнищъ изъ хлопка. Пока служилъ, имѣлъ право жить, кончилъ — предложили въ двадцать четыре часа оставить и возвращаться на старое пепелище. Пріѣхалъ съ женой и ничего ужъ не засталъ здѣсь. Отецъ и мать умерли, братья и сестры разбрелись кто куда, въ погоню за кускомъ хлѣба. Теперь онъ сидитъ здѣсь караульщикомъ могилъ близкихъ.

— Отчего же вы водкой не торгуете?

— Не позволено... Огорода нельзя развести... Да и водкой торговать расчетовъ нѣтъ: если разбавлять, мы не желаемъ.

— Что же, ваше ремесло кормитъ васъ?

— Плохо... Новое это здѣсь дѣло совсѣмъ.

Красивые глаза еврейки смотрятъ мимо и при моемъ вопросѣ съ выраженіемъ, далеко не лестнымъ для ихъ спеціальности.

— Плохо живется?—спрашиваю я.

— Плохо... жидъ... извѣстно.

— Отчего же вы не уйдете куда-нибудь?

— Куда жъ, вездѣ много... привычка, тутъ и отецъ жилъ, и я... съ дѣтства... какъ пришелъ съ солдатчины, сѣлъ вотъ тутъ, — корчма запертая, никого нѣтъ, такъ и заплакалъ... извѣстно... родныя мѣста...

Разсказъ еврея и вся его обстановка до глубины души захватили меня. Въ самомъ дѣлѣ, ремесленникъ, онъ предпочитаетъ жить своимъ ремесломъ, чѣмъ эксплоатировать людей. Очевидно, онъ даже не умѣетъ эксплоатировать, потому что находитъ невыгоднымъ то, изъ чего другіе наживаютъ громадныя состоянія. Ни злобы ни раздраженія онъ не имѣетъ права имѣть — ихъ и нѣтъ. Онъ любитъ. Что любитъ? Чужой видъ, чужую корчму, общее презрѣніе... Онъ сидитъ и плачетъ отъ счастья, что опять видитъ родныя мѣста, отъ счастья, на которое не помѣняется съ нимъ любая собака деревни.

Въ корчму то и дѣло заглядываютъ крестьяне и крестьянки.

Я спросилъ еврея, зачѣмъ они приходятъ?

— Вѣрно, слухъ прошелъ,—говоритъ еврей,—что вы землю имъ пріѣхали намежевать... Теперь на деревнѣ у нихъ такой разговоръ пойдетъ: отбирать отъ пановъ землю пріѣхалъ.

Та же исторія вездѣ, значитъ: довольно показать носъ въ деревню русскую, татарскую, польскую, малороссійскую, въ Поволжьѣ, въ центрѣ, въ Крыму, на Волыни—и волненіямъ, ожиданіямъ нѣтъ конца.

Здѣсь, если что̀ интересно, такъ то, что флегматичный хохолъ, не выпуская, впрочемъ, люльки изъ зубовъ, далъ себѣ трудъ прійти и лично убѣдиться, въ чемъ дѣло.

— Ну идыть, вже идыть,—слышу голосъ хозяйки, выслушивавшей и дававшей имъ какія-то разъясненія.

— Слухай, що я тобѣ скажу...

Я вижу, какъ старый хохолъ отводитъ ее въ сторону, она внимательно слушаетъ, затѣмъ машетъ рукой и энергично что-то объясняетъ. Хохолъ небрежно слушаетъ, сплевываетъ молча, а въ это время остальная группа крестьянъ опять залучаетъ хозяйку и начинаетъ что-то объяснять ей. Опять выслушиваетъ и на этотъ разъ идетъ ко мнѣ.

— Хохлы, хохлы, а якъ що до чего, та впдкеля и умъ берется.

— Въ чемъ дѣло?

— Просятъ, чтобъ станцію не дѣлать на ихнемъ выгонѣ, бо мало земли у нихъ, скотину стѣснитъ.

Я иду къ крестьянамъ и успокаиваю ихъ. Благодарятъ, отходятъ и опять о чемъ-то совѣтуются. Опять подзываютъ хозяйку.

Хозяйка перѣшительно идетъ ко мнѣ.

— Кажутъ, якъ постановите станцію на панской землѣ, то они васъ чѣмъ благодарить станутъ.

Проще — предлагаютъ взятку.

Когда я объясняю имъ, чтобъ и безъ взятки были спокойны, хозяйка говоритъ:

— Вотъ вы хохлы, такъ хохлами и помрете... Вамъ что̀ инженеръ, что̀ приставъ, або кто тамъ, то все едно... Ну, идыть, идыть...

Хохлы чешутся, поглядываютъ другъ на друга,—они недовольны; отошли и угрюмо смотрятъ въ мою сторону. Нѣсколько бабъ насторожились, стоятъ бокомъ, слушаютъ съ поджатыми губами и съ руками, спрятанными подъ передники.

— А тотъ другой зачѣмъ приходилъ?—спрашиваю я.

— Э! — хозяйка пренебрежительно машетъ рукой. — винъ проситъ написать ему прошеніе, бо якъ винъ шешшевикъ, то опоздавъ и съ другими не досѣвъ.

— Это все равно,— говорю я,— выйдетъ тѣмъ рѣшеніе, и съ нимъ будетъ такъ же поступлено.

Одна изъ бабъ подобралась и слушаетъ.

— А яке рѣшеніе буде, ваше благородіе, чи кто вы?

— Не знаю. Можетъ-быть, предложатъ переселиться въ Сибирь.

— А за якую провинность?— спрашиваетъ баба раздра-

женно:—не убыли никого, шкоды ни якои не зробыли, да за що жъ въ Сибирь?

Я объясняю.

— Кто виноватъ, тотъ пусть и иде,—упрямо отвѣчаетъ мнѣ на мои объясненія баба:—кому надо може... отакички...

Баба презрительно машетъ рукой и отходитъ отъ меня, какъ отъ человѣка, съ которымъ о серьезныхъ вещахъ и говорить-то неприлично.

Я смущенъ, а хохлы довольны и, вѣроятно, острятъ, какъ баба отбрила меня. Киваютъ головами одобрительно, сплевываютъ и наконецъ расходятся.

Я остаюсь одинъ и сажусь за обѣдъ. Подъ навѣсъ входитъ старуха съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати-тринадцати. Она садится и зъ упоръ смотритъ на меня.

— Съ города?—подсаживается къ ней хозяйка.

— Та съ города.

Баба усиленно вздыхаетъ. Вздохъ посылается, очевидно, мнѣ; но я ѣмъ и дѣлаю физіономію человѣка, который занятъ однимъ своимъ дѣломъ. Хозяйка уходитъ, входитъ хозяинъ.

— Отказалы...—односложно объявляетъ и ему старуха.

Еврей качаетъ головой.

— Отъ она и правда,—продолжаетъ старуха:—а волость и судъ... а тый проклятый писарь все дiло обернувъ, якъ тильки ему надо было... Нема правды!

— Это ужъ пропащее дѣло, если въ волости правды не будетъ,—говоритъ уклончиво еврей.

— Та нема же.

Еврей качаетъ головой и скрывается, старуха внимательно въ упоръ продолжаетъ смотрѣть на меня. Внимательно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ и вообще изучаетъ. Затѣмъ встаетъ и скрывается въ корчмѣ. Я слышу энергичный протестъ хозяйки и изъ нѣсколькихъ долетѣвшихъ словъ соображаю, что старуха рѣшила искать во мнѣ защиты.

Еврейка доказываетъ, что я не причастенъ всей этой исторіи и всякая просьба съ ея стороны безполезна. Старуха разбито возвращается назадъ и устало, уже настоящей старухой, опускается на свое мѣсто. Она все продолжаетъ такъ же внимательно слѣдить за мной, за каждымъ моимъ кускомъ, но уже унылымъ, безнадежнымъ взглядомъ. Я встрѣчаюсь съ ней глазами, и мнѣ дѣлается жаль старуху.

— Устала, бабушка?

— Ваше высокоблагородіе!—быстро, стремительно вскочила старуха и въ одно мгновеніе очутилась подлѣ меня. Она

ловила мою руку, чтобы приложиться къ ней, и говорила, охваченная надеждой:

— Смилуйтесь, ваше высокоблагородіе, а може якъ выше еще... Не дайте въ обиду бідной сироты!

Она указала на внучка. Дорвалась несчастная до человѣка, который выслушаетъ ее. Какая-то безъ конца путаная исторія. Она Дороха Меленьчукъ, это внукъ ея—Остапъ Меленьчукъ. Ея мужа „якись-то вороги убыли", сынъ сосланъ въ Сибирь, остался внукъ. Отъ дѣда и отца ему осталась десятина и домъ. Кто-то вступился теперь въ наслѣдство и отбираетъ и домъ и землю. Появилась какая-то расписка въ продажѣ. Опекуны Артемій Яцигъ и Іосифъ Щемчуга стары, „да и байдуже имъ, бо писарь и ихъ повернулъ на свій бикъ". Она подала прошеніе, и ей отказали, что ой теперь дѣлать?

— За что сына сослали?

— По злости пана... Нема уже его и въ живыхъ того пана, а шкоду зробилъ...

Опять путаный разсказъ о какой-то будто бы украденной сыномъ ея у пана свиньѣ.

— А то що панъ его батогами... штаны сдягнулъ, одинъ на нози, другой на голову, а третій бье,—то ничего, да еще въ арестантскія роты на годъ... Я тутъ осталась, кажутъ мнѣ люди: „Дороха, свинья сыскалась въ Крутомъ Яру, бо блудлива була, скаженная"... Тутъ около хаты, де жилъ, може, знаете, понамарь Галишевичъ? Чи знали?

— Слышалъ.

— Теперь царство ему небесное, а разумный былъ человѣкъ. Бывало, каже мнѣ, шуткуе: ой, бабо, бабо, волосъ довгій, а вумъ короткій: съ богатымъ не судысь. И вправду казавъ, даромъ, что померъ нехорошей смертью... А усе-таки поховали по порядку, бо богатый бувъ чоловікъ.

— За что же сына въ Сибирь сослали?

— Та хиба жъ я знаю? Панъ да писарь укрутили дѣло якъ знали, такъ и пропавъ чоловікъ—громадой постановили.

Мой взглядъ случайно упалъ на мальчика: охъ, не добромъ горѣли его глаза. Онъ смотрѣлъ на меня съ ненавистью.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ кончитъ хуже дѣда и отца

— Писалъ изъ Сибири?

— Нѣтъ, такъ и не писавъ... жинка померла... И остался сирота на моихъ рукахъ... двухъ внучекъ выдала замужъ, а вотъ этого хотятъ вовсе обидѣть люди. Господинъ мой милосливый, что мнѣ теперь дѣлать?

Кончила она свой разсказъ.

Господинъ милостивый могъ только выслушать, вздохнуть и развести руками.

Кончился обѣдъ, и мы укладываемся, навсегда оставляя корчму. Пришла старуха, которая варила обѣдъ намъ, и привела маленькую внучку. Дѣвочка засмотрѣлась на сына хозяйки, тотъ весело протянулъ ей ручонку, и дѣвочка, схвативъ ее, трясла, а мальчикъ заливался отъ восторга.

Я думалъ: въ жизни они не будутъ такъ жать другъ другу руки. Этотъ жизнерадостный мальчикъ, протягивающій всѣмъ свои ручонки, счастливый и веселый, вырастетъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ расти, будетъ расти и пропасть между нимъ и обществомъ. Преждевременный старикъ, сгорбленный, съ глазами въ землю, онъ явится на арену жизни уже приговореннымъ преступникомъ и такимъ пройдетъ весь свой жизненный путь.

— Прощайте, хозяйка! Дай Богъ, чтобъ вашъ сынъ дожилъ до лучшихъ временъ!—все, что я могъ пожелать...

— Все отъ Бога, — отвѣтила она съ глубокой вѣрой, чувствомъ и достоинствомъ, которому позавидовали бы многіе.

Я повернулся на мосту. Хозяинъ и хозяйка продолжали стоять подъ своимъ навѣсомъ. Я еще разъ отъ души кивнулъ имъ и, вмѣсто радушнаго привѣта, на лицѣ хозяйки прочелъ спокойную, холодную горечь. Она качала головой, какъ бы говоря: „Ты метеоромъ пролетѣлъ, бросилъ туманную искру возможности иной жизни и лучше бы совсѣмъ не являлся, мгновенная спичка въ сыромъ подвалѣ жизни“.

III.

Пересѣченіе рѣки Случь сложное, и я пропутался, выбирая удобное мѣсто для линіи, весь день—и ничего не вышло.

Хватило бы работы еще дня на два, если бы не выручилъ въ этой новой деревнѣ хохолъ. Утромъ еврей, у котораго въ корчмѣ остановились мы, говоритъ, что хохолъ хвалится, что проведетъ насъ по такому мѣсту, гдѣ ни одной горки не встрѣтится. Зову хохла. Старый хохолъ съ рѣдкой бородкой, голубыми, безпокойными слегка глазами. На мой вопросъ отвѣчаетъ равнодушно:

— Та вже жъ могу.

Глупость это, невѣжество или инстинктъ генія? Откуда взялся, сообразилъ то, чего никогда не видѣлъ, и берется выручить?

— Та, дурный, куда полѣзъ?—дергаетъ его сзади баба.

Хохолъ только безпомощно оглядывается, какъ большая кобролунная собака, когда ее вдругъ атакуетъ маленькій

несикъ. Окружающіе смѣются. Веселѣе всѣхъ смѣется жена молодого корчмаря, которой, впрочемъ, никакого дѣла нѣтъ ни до хохла ни до моей работы. Зато ее интересуетъ мой маленькій чемоданъ съ мыломъ, одеколономъ, разныя принадлежности туалета. Она вся живая, впечатлительная, уже обрызгала себя одеколономъ, смѣется и смотритъ на насъ.

Ея глаза, глаза какой-то птицы, красивые, свѣжіе, каріе.

Тоненькая, стройная, она постоянно смѣется, и смѣхъ ея и она вся тоже напоминаютъ птицу. Разсмѣется и смотритъ, точно спрашиваетъ Вся огонь, непосредственность. Маленькій мальчикъ двухъ мѣсяцевъ. не насмотрится и на него — тормошитъ и требуетъ, чтобы и окружающіе радовались ея молодой радости Я знаю, чѣмъ пріобрѣлъ ея симпатію. Вчера вечеромъ, когда я пріѣхалъ, она сперва даже не взглянула на меня, занятая своимъ сыномъ. Когда поднялся вопросъ о томъ, гдѣ меня устроить на ночь, мой возница, выбравъ ихъ спальню уже сталъ-было распоряжаться и приказалъ, чтобъ она съ сыномъ убиралась. Сара—ея имя—недружелюбно, испуганно озиралась и, покорная, уже стала-было забирать нужныя ей вещи, но я наотрѣзъ отказался, узнавъ въ чемъ дѣло. Молодой, робкій мужъ ея (повидимому, онъ тайно торгуетъ водкой) въ длинномъ сюртукѣ, блондинъ, съ вьющимися волосами и бородкой, прижавъ руки къ груди, сказалъ, подлаживая моему возницѣ:

— Ну что жъ, уйдемъ—это ничего.

Сара, стоя спиной, внимательно слушала и, когда я окончательно уперся, она сразу повеселѣла, подарила меня сверкнувшимъ взглядомъ, и мы стали друзьями. Она разспрашивала меня о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, какіе города есть, какіе театры, и глаза ея горѣли, какъ брильянты, она весело смѣялась своимъ гортаннымъ „кар“ и смотрѣла мнѣ въ глаза...

Я рѣшаюсь потерять день и поѣхать съ хохломъ. Лошади поданы Равнодушная толпа смотритъ на насъ съ хохломъ выжидательно, съ одинаковымъ недовѣріемъ и ко мнѣ и къ хохлу.

— Наложитъ тобі въ шею панъ, щобъ не морочивъ, старый дурню, — вдогонку посылаетъ намъ его супруга.

Но старый дурень уже сидитъ рядомъ со мной на хохлацкомъ возу, запряженномъ парой маленькихъ коней, такъ какъ сегодня экипажъ Владека въ починкѣ Старый дурень чувствуетъ себя удобно и въ безопасности отъ своей половины и съ затаеннымъ удовольствіемъ щурится на синѣющій лѣсъ. Его половина отлично понимаетъ его состояніе и сердится еще больше. Но уже мы не слышимъ, что она намъ кричитъ.

Не слышу я и Сары, ея „кар“, ее ея взглядъ еще въ моей душѣ, зажигающій и веселый.

Цѣлый рядъ нѣмецкихъ поселеній. Я выматываю изъ своего хохла всякія свѣдѣнія. Старый панъ этого имѣнія, мимо усадьбы котораго съ старымъ садомъ мы ѣдемъ, живетъ въ своемъ домѣ и никакимъ хозяйствомъ не занимается

Только и заботы у него, что садъ. Землю отдаетъ чиншевикамъ за третій снопъ. Есть какой у него навозъ—бери, остальной доставай, гдѣ хочешь. Лѣсъ частью расчищаютъ нѣмцы, остальной въ порядкѣ, и доступу въ него ни кошому ни нѣшему нѣтъ.

— Богатый?

— Какъ же не богатый. Сколько земли на одну душу. Одинъ онъ, какъ перстъ, старый, лѣтъ шестидесяти ужъ.

— Хозяйства не ведетъ?

— Цѣлесенькій годъ таскаютъ деньги, сколько нѣмцевъ, сколько насъ, жидовъ сколько, оси и поляки тутъ... все ему, ему...

О нѣмцахъ заговорили.

— Весь грунтъ (землю) скупаютъ нѣмцы... Умный народъ, богатый народъ, пріятный народъ... дуже „свычливый“. Здѣсь на моей памяти болота были еще да лѣсъ, а они какое поле устроили, хлѣбъ какой. Въ десять разъ умнѣе мужика, и слова худого отъ нихъ никому нѣтъ. Со всякимъ разговариваютъ, совѣтъ дадутъ, а бѣдному и помогаютъ. Нѣмецъ одно слово: маты съ батькой не надо. Съ нѣмцами, хоть до смерти, и то жить можно... „обычливый“ народъ, разумный народъ, онъ тебѣ своего не дастъ, а и твоего ему не нужно, а въ каждомъ дѣлѣ совѣтъ да помощь.

— А поляки?

— Та що жъ поляки? Хорошій человѣкъ вездѣ хорошій, а якъ дурный, то никому его не треба... Хорошій народъ... Гордый народъ, пышный народъ... тильки віру полякъ мае таку, що вона его кортыть донимать чоловіка...

Хохолъ подумалъ.

— Одно слово, великолѣпный народъ...

— Это поляки?

— Та хто жъ, якъ не воны...

Молчимъ и оба смотримъ на прекрасныя поля.

— Ото все съ третьей части, все пану.

— Добрый панъ?

— Когда добрый, а когда и недобрый. Поважаешь ему, то добрый, а чуть тронешь что въ лѣсѣ или, оборони Богъ, въ саду, то лучше и не родиться. Мы вчера все глядѣли да думали, что его садомъ выйдетъ линія... вотъ-то штука бъ

була. Смѣялись, что онъ разорвется отъ злости. Злой, якъ въ сердце войде, а якъ въ добромъ „гомору“, то привѣтливый и слово каже... Що къ осени паволокутъ ему... то нѣмцы, тутъ опять мы, тутъ жиды, тутъ поляки потянутся... А одинъ, якъ перстъ Божій.

Мнѣ рисуется красивая, спрятанная въ зелени усадьба стараго пана, большое окно, которое одно выглядываетъ изъ-за деревьевъ; рисуется корчма и робко выглядывающій изъ ея дверей ея долгополый владѣлецъ. Одинъ властной рукой беретъ свою львиную долю, другой робко протягиваетъ руку къ крохамъ; одинъ спитъ на деньгахъ и въ деньгахъ, другой счастливъ, если къ шабашу заработалъ фаршированную щуку; одному почетъ, уваженіе, подобострастный поклонъ, другому— презрѣніе и ненависть...

Переходъ рѣки Случь по указаніямъ стараго хохла оказался идеально-хорошимъ, и я далъ ему три рубля награды. Тутъ же у пересѣченія Случа корчма на большой дорогѣ; я заѣхалъ туда поѣсть. Корчму держитъ полякъ. Поляки имѣютъ правo торговать водкой и постепенно замѣняютъ здѣсь евреевъ. Короткая вывѣска „колбасы“. Полдень, прохладно, потому что вчера былъ градъ, большія круглыя облака съежились въ небѣ и холодно, безучастно смотрятъ на землю. Въ кабакѣ два забулдыги и оба подъ хмелькомъ. Босой солдатъ временъ Николая I, маленькій, старенькій, съ закисшими глазами, съ сѣдой щетиной на лицѣ, въ бѣлой рубахѣ и штанахъ; другой какой-то косноязычный увалень, съ круглыми глазами. Ѣстъ хлѣбъ, держа его въ своей увѣчной рукѣ, и изъ обросшей физіономіи только два большихъ глаза съ большими бѣлками сверкаютъ и неопредѣленно, беззаботно смотрятъ, пока хозяинъ ихъ слушаетъ болтовню солдата да ѣстъ свой хлѣбъ. Солдатъ раздраженъ, и при моемъ появленіи раздраженіе его усиливается. Его пріятель, съ громаднымъ кускомъ хлѣба во рту, смотритъ на него и толкаетъ его подъ бока, кивая на меня.

— А мнѣ что̀? Я хиба жъ що кажу?!—говоритъ солдатъ:— кажу що босый, бо це тильки и заслуживъ отъ Бога. Отесенько що е, то и е, а больше нема ничо̀го... Ничо̀го нема! Ну, извинить... Що заслуживъ, то все туточки...

Солдатъ стоялъ уже передо мной и билъ себя энергично въ грудь.

— Чего же я кажу? Ну панъ, та може и я панъ!? Що я босой? Та матерь всѣхъ насъ босыхъ на цій свитъ выпускае... Ну, служилъ бѣлому царю, служилъ, ну...

Хозяйка-полька, какая-то не то озабоченная, не то растерянная, толкаетъ старика и говоритъ:

— Ну, чего тамъ присталъ еще къ пану?

— Пани?!—кричитъ солдатъ и ежомъ становится передъ ней въ позицію.

Пани равнодушно, не обращая вниманія, автоматично проходитъ мимо. Мужъ ея, такой же растерянный, блондинъ, длинный, съ громадными кистями рукъ, тоже какъ-то мотался, ничего не соображая. Солдатъ опять подсѣлъ къ пріятелю, тотъ мычитъ, ѣстъ хлѣбъ и по временамъ самымъ плутоватымъ образомъ усмѣхается. Солдатъ энергично шепчетъ ему что-то, онъ только скептически благодушно мотаетъ головой.

— А я тебѣ кажу.

— Ну?—таинственно въ блаженномъ восторгѣ сверкаетъ своими глазами увалень.

— Только бъ моя воля,—угрюмо-настойчиво шепчетъ солдатъ.—О!

Лукавые, веселые, осмысленные глаза увальня, удовлетворенная физіономія. Что Діогенъ и Сократъ передъ этимъ косноязычнымъ и сухорукимъ философомъ-хохломъ? Узнавъ, что я инженеръ, солдатъ обратился ко мнѣ со слѣдующей просьбой:

— Отъ чего, панъ: може ты и панъ, може и... ось чего: ужъ когда ты тутъ, то покажи мнѣ планъ... покажи мнѣ, куда дѣвалась моя десятина... Стой, въ плану все какъ есть прописано... прямо у столба Андрей Остарчукъ... О! я планъ добре знаю... О! и давай его сюда... и ходыли до писаря, нехай сбирае, собачій сынъ, громаду!

Объяснялъ я, объяснялъ, что у меня ничего подобнаго нѣтъ, слушалъ-слушалъ солдатъ и говоритъ:

— Слухай, панъ! Ты може думаешь, что я сутяга? Вотъ тебѣ крестъ, що только правды ищу...

Косноязычный не на шутку испугался за пріятеля. Ковыляя, онъ рѣшительно подошелъ къ нему, дернулъ его за рукавъ и, когда тотъ обернулся на него, энергично махнулъ рукой и сдѣлалъ соотвѣтствующую рожу: дескать—„брось, дуракъ“.

— Ну, ось що,—быстро поворачивается ко мнѣ солдатъ,—только покажи, вотъ тебѣ святой крестъ, что и словомъ не обмолвлюсь.

— Да нѣтъ же у меня.

— Нѣтъ? — съ горечью переспросилъ онъ и опускаетъ голову.

Черезъ мгновеніе онъ торжествующе поворачивается къ пріятелю:

— Бачишь?!

Тотъ только киваетъ головой.

— Бачишь!? Загнувъ ему сразу таку закорюку, що якъ ракъ на мелю выползъ.

Косноязычный только съ наслажденіемъ сверкаетъ своими бѣлками. Солдатъ садится рядомъ съ нимъ и по временамъ, точно просыпаясь, спрашиваетъ:

— Загнувъ?

Я далъ двадцать копеекъ солдату, далъ косноязычному двадцать. Пріятели остались очень довольны, и солдатъ съ убѣжденіемъ проговорилъ:

— Ото панъ! Богъ ему дастъ панство надъ панами.

Но косноязычный, боясь за пріятеля только махнулъ ему рукой Презрѣнный металлъ внесъ дружбу въ паши отношенія, даже содержатели корчмы, мужъ и жена, оживились Вынесли столъ мнѣ на улицу, и тутъ подъ окномъ на большой дорогѣ, въ тѣни я сижу, пью чай и наблюдаю.

Слышу голосъ солдата; онъ кричитъ своему пріятелю, что „тый панъ отъ самого Бога приповъ“ Философъ корчитъ ему, вѣроятно, при этомъ соотвѣтствующую физіономію.

Подошло нѣсколько хохловъ, рабочихъ съ фабрики. Это уже не шикъ крестьянина-хохла Завязался между ними разговоръ, зашла рѣчь о томъ, какъ разжился содержатель фабрики и сколько именно нажилъ, и хохлы не по обычаю горячатся и очень точно подсчитываютъ доходы арендатора. Зависть, неудовлетвореніе, огорченіе на всѣхъ лицахъ

Только изъ окна несутся счастливые возгласы пріятелей: солдата и косноязычнаго.

Выскочилъ какой-то хохолъ изъ заднихъ дверей корчмы, споткнулся и, упавъ, такъ и остался на улицѣ Поднялъ-было голову, заляпулъ что-то жалобное, но потребность покоя взяла верхъ. Я слышу уже его храпъ. Идутъ прохожіе крестьяне, каждый смотритъ и обязательно проговоритъ: „спитъ себѣ“.

Подошла женщина съ ребенкомъ и заговорила на польскомъ языкѣ какую-то ерунду. Глаза черные, смотритъ строго куда-то въ вѣчность, золотистые волосы и слѣды рѣдкой красоты. Это безумная, кто-то сдѣлалъ ее матерью, и носитъ она своего несчастнаго ребенка.

— Изъ Польши привезъ сюда ее мужъ, самъ умеръ, а она ходитъ,—меланхолично объясняетъ мнѣ хозяйка.

Безумная что-то говорила, слышны слова: „але тэнъ можно“, „каждый хлопецъ шкоду робитъ“, „панъ Богъ велитъ“.

Я далъ ей денегъ, она взяла, кивнула головой и грустно проговорила:

— Панъ добрый... мало добрыхъ... много шкоды... каждый шкоду робитъ... але такъ можно... панъ Богъ видитъ...

Прелестные выразительные глаза, убитая мысль въ нихъ, бездна мрака и тоски.

Этотъ маленькій ребенокъ, прелестный и тихій, внимательно смотритъ и приникъ къ груди матери.

На противоположной сторонѣ отъ меня стоитъ какая-то старая баба: облокотилась и смотритъ на корчму, какъ голодная собака смотритъ—не бросятъ ли чего.

— Что она?—спрашиваю я.

— Мужа караулитъ, солдата того стараго: буйный во хмелю, вотъ она и стережетъ.

— А подойти не смѣетъ?

— Забьетъ, даромъ что полтора вершка весь.

Въ это время показался въ дверяхъ солдатъ.

— Вишь, напился,—проговорилъ онъ, важно подходя къ спавшему на дорогѣ хохлу.—Э-ге-ге! Вотъ такъ назюзюкался!

Солдатъ, подойдя, сталъ, покачиваясь, надъ спавшимъ и говорилъ:

— Ты какъ же, голубчикъ, напився? Кто же теперь за тебя отвѣчать будетъ? А?! Исправникъ будетъ ѣхать, подумаетъ, что это за свинья лежитъ?! А?!

Солдатъ заговорилъ по-русски:

— Ахъ, ты, мерзавецъ?! Какъ же ты смѣешь! Палокъ!! Бей!! Разъ... разъ!

И солдатъ изо всей силы сталъ отсчитывать рукой удары по спинѣ пьяному. Эта цѣль временъ вдохновилась и вошла такъ въ роль, что ему позавидовалъ бы любой отецъ-командиръ.

Старый пьяный хохолъ подумалъ, вѣроятно, что возвратилось доброе старое время. Съ хохлацкой покорностью,—возвратилось, такъ возвратилось,—онъ, вспомнивъ вдругъ нужное въ такихъ случаяхъ слово, завопилъ безпомощно:

— Помилосердствуйте!

Но солдатъ еще болѣе вошелъ въ роль и, учащая удары, гремѣлъ на всю дорогу:

— Вставать, мерзавецъ!!

Кричалъ онъ и билъ до тѣхъ поръ, пока длинная фигура хохла не встала на свои пьяныя ноги, и я съ удивленіемъ узналъ въ ней своего проводника, уже успѣвшаго напиться.

Старый солдатъ услужливо помогалъ ему, удовлетворенно, добродушно повторяя, пока тотъ вставалъ:

— Встаетъ, скотина.

Хохолъ, вставъ, качался, началъ-было всматриваться въ

того, кто ему приказывалъ. Но психологія отца-командира старому солдату была, очевидно, знакома до тонкости: жертвѣ не надо дать время опомниться. И потому, принявъ опять рѣшительный видъ, солдатъ повелительно крикнулъ:

— Ну, маршъ, мерзавецъ, маршъ! Ну?! Палокъ!!

Хохолъ, только-что принявшійся-было что-то соображать, только махнулъ рукой и, заплетаясь, пошелъ прочь.

А солдатъ кричалъ вдогонку:

— Маршъ, маршъ!!

И хохолъ, низко опустивъ голову, маршировалъ дальше.

Съ нимъ маршировала вся его глубокая философія о народахъ, весь его инженерный геній, а плѣсень временъ молодецки, когда хохолъ останавливался въ раздумьѣ, не довольно ли ему маршировать, встрепанно выкрикивалъ ему вдогонку:

— Пшелъ, пшелъ!!

И изрѣдка, какъ трескъ бича:

— Палокъ!!

Я возвращаюсь на ночлегъ.

Солнце сѣло, и западъ весь залитъ прозрачнымъ краснымъ заревомъ. Рѣдкія сосны на далекомъ горизонтѣ замерли въ немъ очарованныя, неподвижныя, въ нѣжномъ узорѣ волшебной фантазіи. А тамъ вверху, въ зеленовато-золотистомъ небѣ повисъ тонкимъ слѣдомъ прозрачно-блѣднаго серебра молодой мѣсяцъ. Что за чудный видъ, и будитъ онъ что-то былое, и такъ отчетливо звенитъ въ ушахъ какой-то мотивъ,—звенитъ тамъ, въ потухающемъ небѣ, въ далекихъ соснахъ...

А вотъ и одинокая корчма, въ окнѣ мелькнула Сара, я слышу ужъ ея веселый голосъ, ея „кар“. Я смотрю въ послѣдній разъ на огни чуднаго заката, вспоминаю безумную съ ея ребенкомъ, солдата, стараго хохла...

IV.

Мой возница Владекъ—небольшой человѣчекъ, желтый блондинъ, съ тонкой бородой, которая перегнулась, и видна его худая, высохшая, въ мелкихъ морщинкахъ, загорѣлая шея. Съ виду ему можно дать минутами тридцать, сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ. Въ дѣйствительности ему было больше. Плоскіе глаза безъ формы, просто двѣ дырочки, смотрятъ на васъ съ выраженіемъ умной дворовой собаки изъ тѣхъ, которыхъ крестьяне, замѣтивъ ихъ смышленость, пріучаютъ къ охотѣ.

По національности онъ полякъ, по религіи католикъ, по положенію бѣдный шляхтичъ, который, послѣ разныхъ мытарствъ, сколотилъ себѣ пару лошадей, домъ съ комнатами

для дачи, имѣетъ полтора морга земли и несомнѣнно не всегда имѣетъ необходимое. Но шляхетская „noblesse oblige“—и онъ тянется,—тянется семья, хотя и не къ чему-нибудь особенному, къ чему не имѣлъ бы права тянуться даже крестьянинъ,—чай, мясо, болѣе тонкая одежда, установленное этикетомъ обхожденіе: „всѣ такъ“, а это, какъ извѣстно, законъ самый суровый изъ всѣхъ.

Требовательнѣе всѣхъ къ исполненію этого этикета крестьяне. Если панъ, такъ онъ и долженъ быть паномъ Подпанъ (чиновникъ) опять имѣетъ свое положеніе. Шляхта—третье сословіе; нѣмцы-колонисты—четвертое, евреи пятое.

Можетъ быть хорошій „жидъ“, хорошій нѣмецъ, хорошій шляхтичъ, хорошій панъ. Исключеніе составляетъ только „подпанъ“—онъ не можетъ быть хорошимъ, потому что, собственно, идеалъ „подпана“—неподкупность, но здѣсь въ нее не вѣрятъ. Они и названы „подпанами“ вслѣдствіе того, что исполняютъ безпрекословно волю пановъ.

И вотъ мой шляхтичъ тоже всѣ силы употребляетъ, чтобы быть хорошимъ шляхтичемъ. А хорошій шляхтичъ долженъ быть добрымъ католикомъ, долженъ умѣть добыть копейку, долженъ умѣть сказать свое слово на разные современные вопросы. Вопросъ добыванія копейки очень трудный для шляхтича, не опредѣленный, не обезпеченный и осложненный тѣмъ, что католикъ здѣсь, какъ извѣстно, лишенъ нѣкоторыхъ существенныхъ правъ. Такъ, между прочимъ, онъ не имѣетъ права служить въ правительственныхъ учрежденіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ. Уже этимъ однимъ онъ обрекается на жизнь не на готовомъ. Онъ, какъ и еврей, всегда долженъ ловить моментъ, всегда искусно, всегда во-время, всегда съ новымъ своеобразнымъ пріемомъ, обусловленнымъ конкуренціей. Но у евреевъ многовѣковый опытъ, а эти только начинаютъ свою работу.

Слышишь:

— Нѣтъ, жидъ это, дѣйствительно, зло, и мы, русскіе, погибли, если дадимъ ему волю.

Илл:

— Нѣтъ, поляка надо прижать, иначе сѣдятъ они насъ.

Я не больше другихъ имѣю шансы пробить брешь въ стѣнѣ современныхъ понятій общества, и интересуетъ меня здѣсь чисто-художественная сторона. Въ лицѣ моего шляхтича передо мной встаетъ прообразъ того еврея, котораго впервые коснулась рука исторической неумолимой судьбы. Это растерянность ребенка, потерявшаго своихъ родителей, это состоя-

ніе семьи, которую пришелъ описывать неумолимый кредиторъ. Надо приспособляться къ новой жизни.

Въ сущности, шляхтичъ мой не кто иной, какъ факторъ, ставшій съ 63 года въ положеніе еврея въ краѣ. Для систематическаго труда, который удовлетворялъ бы потребностямъ, нѣтъ средствъ, нѣтъ кредита, нѣтъ правъ. Въ силу этого, ни сельское хозяйство ни служба не могутъ быть источникомъ жизни.

Источникъ жизни случайный: сегодня онъ извозчикъ; завтра выгодно купитъ, выгодно продастъ. И всегда онъ зорко слѣдитъ за случаемъ — „счастьемъ“, и въ погонѣ за этимъ „счастьемъ“ некогда разбирать средства.

Здѣсь необходимы мирныя отношенія со всѣми властями: и съ папомъ и съ „подпаномъ“, нужна извѣстная суровость, чтобъ у другого вырвать кусокъ изо рта, сдѣлать это послѣднее усиліе, которое-де, все равно, кто-нибудь да сдѣлаетъ. И при всемъ этомъ потребность натуры чувствовать около себя хоть иллюзію добра, правды. Если наконецъ къ этому прибавить крайнюю путаницу понятій о томъ, что такое правда, добро, то сумбуръ и проза такой жизни станутъ вполнѣ ясными.

Владекъ возитъ мирового посредника, станового, возитъ всякій народъ, такъ или иначе имѣющій соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, — возитъ, разговариваетъ съ ними, самъ сообщаетъ и выслушиваетъ.

Выслушиваетъ и, зная вся и все, заботится съ возможно меньшими затратами получить тотъ кусокъ хлѣба, который нуженъ ему и его семьѣ.

Поворачиваясь съ козелъ, онъ продолжаетъ какой-то разсказъ:

— Ну, — говоритъ становой, — я буду бить мужика — не смотри.

Владекъ пожимаетъ съ еврейской манерой плечами.

— Что жъ, я ему помѣшать не могу! Хочетъ бить — побьетъ, а заступлюсь, меня ужъ не возьметъ.

Владекъ начинаетъ новый разсказъ:

— Ну, Владекъ, хочешь меня въ сосѣди къ себѣ?—спрашиваетъ мировой посредникъ.

Владекъ всегда въ оглучѣ, у него фруктовый садъ, сосѣдство посредника—гарантія для его сада, и Владекъ всѣ силы напрягаетъ помочь посреднику въ его стремленіи купить новый домъ сосѣда.

Посредникъ любитъ продавать дорого, но покупать дешево. Каждый человѣкъ что-нибудь да любитъ, и увидать, что

именно любитъ нужный человѣкъ, и, угадавъ, угодить — все для Владека.

Съ печальной добросовѣстностью выжидаетъ онъ плохого момента въ жизни своего сосѣда, и обоюдными усиліями его и мирового посредника дѣло сдѣлано.

Владекъ стогаетъ лошадь и опять, пожимая плечами, кончаетъ разсказъ неопредѣленно:

— Прислалъ мнѣ два фунта чаю.

Онъ дѣлаетъ гримасу и поднимаетъ плечо.

Мы ѣдемъ полями. Тучки набѣгаютъ. Точно шерсть какого-то сѣдого звѣря, волнуется, куда глазъ только хватаетъ, вплоть до самаго лѣса, высокая рожь и сердится, сверкая своей щетиной, на вѣтеръ, который гуляетъ по ней.

А тамъ, далеко-далеко ужъ вытянулся цѣлый рядъ высокихъ тополей надъ селомъ; прижались къ нимъ бѣлыя хатки и точно и онѣ слушаютъ, что говоритъ мнѣ словоохотливый Владекъ:

— Я съ пятнадцати лѣтъ все вотъ такъ, вотъ какъ вѣтромъ меня колышетъ: такъ, такъ,—а все вотъ держусь какъ-нибудь съ самаго 63 года... Теперь вспомнишь, такъ страшно станетъ, а тогда, не приведи Господи: сегодня польское войско, а завтра опять русское. Помню вотъ какъ сегодня: только-что мы выѣхали подъ жито парить въ два плуга: братъ, я, работникъ и еще мальчикъ,—мы-то съ мальчикомъ погонялыщики, а они—плугатари, какъ вдругъ изъ лѣсу поляки верхомъ. Непремѣнно, если увидятъ, вербовать станутъ. Работникъ говоритъ: „что жъ, я пойду“, а старшій братъ подъ плугъ галѣзъ, и закидали мы его свитками.

— А работникъ хохолъ былъ?

— Полякъ.

— А хохлы были въ польскомъ войскѣ?

— Были... Имъ, какъ война началась, объявили, что гдѣ отъ деревни хоть одинъ человѣкъ будетъ, той деревнѣ вся панская земля навѣчно отойдетъ. Одинъ, два, а ужъ поэтому шли... Хоть тамъ, конечно, и не надѣялись, а все-таки такое бы дѣло вышло, что, значитъ, польское войско взяло бы верхъ... ну и посылали.

— Что жъ, ловило ихъ русское войско?

— Гдѣ ловили? Поймаютъ,—скажетъ: силой увели, а ужъ послѣ войны, такъ ужъ мужикамъ такая вѣра пошла: на кого укажетъ, тотъ и виноватъ, а на него укажи—наговоръ по злобѣ, значитъ. Мужикъ хитрый, якъ чортъ. Онъ самъ про себя присказку говоритъ, откуда онъ, значитъ, вышелъ. Слыхали, вѣрно?

Я слыхалъ, но сказалъ, что не слыхалъ: мнѣ интересенъ былъ разсказъ въ передачѣ Владека.

Владекъ усмѣхнулся.

— Это шла будто свинья... Ну, и вырыла тамъ ямку. Летѣла ворона, увидала ямку и яйцо снесла. Шелъ чортъ, видитъ, что̀ такое? Свинячья ямка и воронье яйцо: сѣлъ и высидѣлъ мужика. И вышелъ мужикъ глупый, какъ ворона, хитрый, какъ чортъ, и прямой, какъ свинья. Бо свинья какъ бѣжитъ, та и бѣжитъ: прямо да прямо, а мужикъ себѣ знаетъ свою землю, онъ себѣ одну думку и держитъ.

— Ну такъ что̀ жъ, показались поляки изъ лѣса?

— Да... подъѣхали: „хлопцы, кто хочетъ за нами?“ Работникъ сейчасъ: „я“, говоритъ. — „О-то молодецъ“. Дали ему сейчасъ саблю, лошадь. Сѣлъ и готовъ. „А гдѣ же у васъ еще работникъ?“ спрашиваютъ. — „На деревню ушелъ“. — „Ну, а ты что̀ жъ не идешь?“ Это меня спрашиваютъ. Я говорю: „Какой же я вамъ воинъ, когда мнѣ всего пятнадцать лѣтъ“. — „Ничего“. — „Нѣтъ, говорю, господа, такъ нельзя,—это ужъ неволя выходитъ“. А у самого такъ и похолонуло все. Имъ тоже, конечно, неволить не приходится, меня возьмутъ, слухъ пойдетъ,—отстали, съ тѣмъ и уѣхали. А на другой день какъ разъ русскіе. И меня взяли и брата. Охотно шли всѣ—тутъ ужъ, по крайней мѣрѣ, живой останешься и послѣ не повѣсятъ. Потомъ въ солдаты я попалъ на Кавказъ. Кончилъ службу, пріѣхалъ домой: никого нѣтъ,—родители померли безъ меня; братъ только двоюродный остался, и тотъ калѣка. Колотится, сердечный, двое дѣтей, ни угла, ничего... Подумалъ я, подумалъ и отдалъ ему, значитъ, домъ отцовскій и землю—четыре морга, живи: ужъ, хоть Богъ тебя обидѣлъ, чтобъ отъ брата не было обиды. Тутъ сперва у однихъ стариковъ поселился: дочка у нихъ молоденькая была,—увидѣли они, что по вкусу мнѣ пришлась, надѣялись, что женюсь, ну и сперва и такъ и сякъ, и хорошій, и все тамъ, а ужъ какъ увидѣли, что я на попятный, ну и прогнали.

— Отчего же на попятный?

— Да вотъ отчего. Дѣвушка, дѣйствительно, всѣмъ взяла и такъ просто по вкусу мнѣ пришлась, но одно... Такъ, я замѣтилъ, что не проживетъ она долго. И черезъ годъ всего послѣ этого, скоро тутъ вышла замужъ и померла... И такъ мужъ ея разогорчился послѣ этого, такъ разогорчился... и тоже досталъ себѣ чахотку... и отъ нея же... и померъ.

— Ну, потомъ что̀?

— Потомъ женился я, дѣти пошли, вотъ и колочусь такъ: когда хорошо, когда худо, а все Господь. Наше дѣло такое:

сдѣлали тебѣ худо—не ругайся. Только и скажи: пускай тебя Богъ, какъ знаетъ, такъ и судитъ. И это вѣрно: чѣмъ больше вотъ живешь, тѣмъ оно и виднѣе. Разъ досталъ я себѣ такое дѣло: пріѣхалъ баринъ какой-то. Ничего не сказываетъ, тихій этакій; вышелъ съ вокзала, глянулъ на извозчиковъ и прямо ко мнѣ. „Ты, говоритъ, можешь меня отвезти до Корчика? сколько?“—„Три рубля“. Пошелъ назадъ, вынесъ чемоданчикъ, сѣлъ, и поѣхали. Молчитъ тотъ, я молчу „А дальше Корчика повезешь?“—„Куда?“—„Куда я скажу, расчетъ поверстно“.—„Извольте“, говорю. Поѣхали. Пять дней ѣздилъ съ нимъ. Въ планъ смотритъ, чего-то запишетъ тамъ въ книжку, дальше опять.

— Кто же онъ такой?

— Не знаю, — онъ не говоритъ, спросить тоже не приходится.

— Можетъ, шпіонъ?

— Дѣйствительно, что на лбу не написано: его грѣхъ... Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ, какъ въ воду канулъ. Привезъ я его назадъ на вокзалъ, далъ мнѣ пятнадцать рублей, кормилъ, поилъ меня, лошадей,—слава Богу, заработалъ.

V.

За Случомъ мѣстность сразу, какъ по волшебному мановенію жезла, измѣняется.

Это ужъ болотистая Волынь; еще сто верстъ, и начнутся топкія болота—лѣса.

Точно и небо ниже стало и природа блѣднѣе. Но культурная рука уже работаетъ: много еще болотъ, подмокшій хлѣбъ, но много уже остатковъ только отъ бывшихъ лѣсовъ. Остатки, разбросанные по засѣяннымъ полямъ, а гдѣ еще торчитъ лѣсокъ, тамъ и эта трудолюбивая рука спѣшитъ, судорожно спѣшитъ покончить съ нимъ Періодъ междупарья, и вездѣ идетъ корчевка. И вездѣ нѣмцы, нѣмцы и нѣмцы. Земля перегорожена заборами, дренажными канавками. Аборигены страны — полѣщуки, нѣчто въ родѣ зубровъ — тоже единственные въ своемъ родѣ и производятъ сильное, оригинальное впечатлѣніе.

Вотъ ѣдутъ они въ телѣгѣ, и мужъ, и жена, и вся ихъ семья. Сидитъ съ маленькимъ острымъ лицомъ человѣчекъ въ шапкѣ безъ козырька, изъ толстаго сукна, покроя—не то какія носятъ ксендзы, не то наши арестанты. Въ такомъ же родѣ халатъ — длинный, неуклюжій, въ которомъ маленькая фигурка полѣщука выглядываетъ на свѣтъ Божій, какъ укутанная обезьянка. Зато голова его бабы представляетъ со-

бою окружность, діаметръ которой—средней величины колесо. Это мѣстная прическа, мѣстные шиньоны. Дамы Полѣсья неприхотливы: матеріаломъ для шиньона служитъ... солома. Солому эту въ изобиліи набиваютъ онѣ себѣ подъ волосы, въ волосы, въ платокъ, а искусный мѣстный куафёръ придаетъ всему этому пышный видъ колеса, обмотаннаго громаднымъ платкомъ. Прическа, вслѣдствіе своей сложности, дѣлается разъ на всю недѣлю: отъ бани до бани. Свѣжему человѣку страшно и подумать, что̀ сдѣлалось бы съ его головой, если бы нацѣпить на нее такую тяжесть, заставивъ его при этомъ работать, и какъ работать — и въ дождь и въ жару, когда и безъ того кровь молотомъ бьетъ въ голову, когда, и безъ грязи въ головѣ, эта голова чешется отъ выступающей испарины, а тутъ еще и почесать рукою нельзя, а тѣмъ болѣе нельзя достать того звѣря, которому такъ на руку нечистоплотная голова.

Ѣду мимо, смотрятъ на насъ и смѣются.

— Чему они смѣются?

Владекъ смущенно машетъ рукой и говоритъ:

— А дикій народъ, — палецъ ему покажи, смѣяться станетъ...

Однако этотъ дикій народъ почти до послѣднихъ мгновеній сохранилъ въ цѣлости строй, который и до сихъ поръ еще для многихъ является идеаломъ народной жизни.

Да, полѣщукъ гордится, а съ нимъ гордятся и его друзья, что онъ, вѣка вываривaясь въ своемъ тѣсномъ общинномъ соку, сохранилъ всю свою старину, весь свой бытъ и до сихъ поръ, какъ и при святомъ Владимирѣ, ничего не продастъ, ничего не покупаетъ. И до сихъ поръ денежнаго рынка почти для него не существуетъ. Эта шапка, сапоги, пышный уборъ— все, все свое.

Донималъ-было безхитростнаго полѣщука полякъ, еврей, но болѣе сильная рука взяла его подъ опеку, и полякъ и еврей сидятъ теперь на цѣпи и скалятъ голодные, но безвредные уже зубы на недосягаемаго полѣщука.

Если случайно попалъ бы, да еще съ женой, такой полѣщукъ въ болѣе культурныя мѣста, тамъ будутъ хохотать, конечно, надъ этими выходцами изъ прошлой, вездѣ въ другихъ мѣстахъ уже отлетѣвшей жизни. Но вѣдь и полѣщукъ умѣетъ хорошо смѣяться надъ тѣмъ, кто и къ нимъ забредетъ.

Забрели нѣмцы вѣжливые, тихіе, въ диковинныхъ платьяхъ. И много смѣялись тогда въ Полѣсьѣ... Но когда эти нѣмцы стали предлагать за болота, въ которыхъ только черти да лѣшіе водились, утаскивая въ эти болота пьяныхъ, добро-

душныхъ полѣщуковъ, и стали давать за десятицу этихъ болотъ сто-двѣсти рублей, безумныя деньги, то отъ смѣха все Полѣсье задрожало. Продали нѣмцамъ и болота и лѣса и съ интересомъ дикарей ждали, что будутъ дѣлать нѣмцы дальше.

Это было давно, и теперь дѣло рукъ нѣмцевъ на виду: болота высушены, лѣса выкорчеваны, и желѣзнымъ кольцомъ охвачены разросшіеся въ своихъ деревняхъ полѣщуки.

Тѣсно полѣщуку задыхается онъ въ своемъ нарядѣ, въ своемъ уборѣ, въ желѣзномъ кольцѣ сильнаго своей культурой народа. Это ужъ не слабосильный полякъ и еврей.

Мы остановились въ селѣ, и я слушаю печальную, раздраженную повѣсть о томъ, что было и что стало. И земли нѣтъ, и то, что есть, отъ рукъ отбилось.

Выбивается изъ силъ на своей нивѣ пахарь, выбивается изъ силъ его изнуренная кляча, безнадежно вытягиваясь за нѣмецкимъ плугомъ, шутя увлекаемымъ четверкой сытыхъ лошадей

У полѣщука земля старая, истощенная, пашня мелкая, у нѣмца—земля новая, тщательная, да еще навозомъ сдобренная.

И бросаетъ полѣщукъ землю.

Но какъ же быть? Какъ возвратить полѣщуку его утерянный рай? Нѣтъ времени полѣщуку думать надъ этимъ: за лѣскомъ ужъ синѣетъ дымокъ — время обѣда кончилось, пора итти на заводъ, и онъ укладываетъ въ торбу свой недоѣденный кусокъ. Это дымъ изъ трубы желѣзнаго завода. Есть такія же трубы у стеклянныхъ, бумажныхъ и разныхъ другихъ фабрикъ. Есть сахарные заводы, рафинадные, и я, вашъ покорный слуга, уже дѣлаю изысканія для желѣзной дороги.

Проклятіе! Три проклятія! Что же дѣлать? Отнять у нѣмцевъ землю, уничтожить фабрики, заводы, не строить желѣзныя дороги? Что дѣлать? Не признавать всей этой жизни, или признавать, что жизнь идетъ не по тому или иному желанію, а по своимъ вѣчнымъ, неумолимымъ, какъ сама природа, законамъ? Что дѣлать? Упрямо вѣрить въ свою утопію и этимъ, ставъ въ противорѣчіе со всей жизнью, съ самимъ собою, выбросить себя изъ строя живыхъ, или заняться изученіемъ этихъ вѣчныхъ законовъ движенія впередъ и, понимая ихъ, работать ужъ не какъ геній-самоучка, а во всеоружіи великой постигнутой науки—законовъ движенія впередъ человѣческой жизни? Я размышляю, а въ это время мой возница Владекъ выясняетъ съ полѣщуками какой-то заинтересовавшій его вопросъ. Я прислушиваюсь. Дѣйствительно ни-

тересно,—какъ-то такъ выходитъ, что даже эти готовые изъ своего матеріала костюмы стоятъ на рынкѣ дешевле, чѣмъ сырой матеріалъ, изъ котораго они дѣлаются. Вся тяжелая работа бабы, такимъ образомъ, не только ничего не стоитъ, но убавляетъ даже первоначальную стоимость товара.

— Мусите поэтому старую одежу бросаты, а вотъ такую уже заводить —показываетъ на свою фабричную мой возница Владекъ.

Но некогда обѣдавшимъ съ нами полѣщукамъ отвѣчать. Бѣлый паръ опять и свистокъ, и пока въ своихъ еще костюмахъ—уродика-арестантика — полѣщуки спѣшатъ, точно погоняемые какой-то невѣдомой роковой силой, туда, гдѣ вздымѣется изъ-за лѣса дымокъ...

13/7.

МОИ СКИТАНІЯ.

I.

Тамъ, гдѣ сплошные необозримые лѣса безъ жилья укрыли землю и шумятъ въ непогоду, какъ море въ бурю; гдѣ рыщутъ въ нихъ волки, рыси, лисицы, барсуки — всѣ питающіеся за счетъ все того же всеотдувающагося зайца; гдѣ царитъ неповоротливый съ виду Мишка; тамъ, гдѣ протекаетъ Керженецъ, гдѣ снились чудныя сказки Печерскому,—короче, въ лѣсахъ и дебряхъ Костромской губерніи—я дѣлалъ недавно изысканія.

Рѣдкія деревушки, попадавшіяся на пути и ни на какихъ картахъ не значащіяся,—деревушки, сообщеніе съ которыми поддерживается только по зимамъ, или какимъ-нибудь кружнымъ на сотни верстъ водянымъ путемъ — были поистинѣ въ идеальныхъ условіяхъ опрощенія, и для изслѣдователя капитальнаго вопроса нашихъ дней: что̀ больше развращаетъ человѣчество, культура или некультура, — предоставляли богатый матеріалъ.

Въ одну изъ такихъ деревень я попалъ однажды подъ вечеръ, когда золотившаяся пыль вечерняго солнца осыпала лѣсъ и онъ свѣтился на синемъ фонѣ неба, какъ прозрачный, а въ воздухѣ было тихо и чирикала звонко какая-то птичка; кавалькада человѣкъ тридцать пасъ, изыскателей, появилась вдругъ невидимо откуда на опушкѣ лѣса передъ маленькой деревушкой, лѣниво раскинувшейся между оторѣлыми пнями съ кое-какъ вышахашными между ними кулигами.

Наше появленіе не замедлило обратить на себя вниманіе обитателей. Первыми бѣжали ребятишки и дѣвчонки, за ними болѣе взрослые, вплоть до самыхъ ветхихъ стариковъ. Такихъ стариковъ въ городахъ не встрѣтишь.

Вся толпа, сбившись у изгороди, смотрѣла на странное, невиданное зрѣлище.

Было на что посмотрѣть!

Впереди ѣхали мы, старшіе, въ нашихъ американскихъ съ двумя козырьками шляпахъ, съ револьверами за поясомъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. За нами слѣдовали волокуши. Это — двѣ оглобли съ перекладинкой посреди, на которую кладутся вещи; въ оглобли впрягается лошадь, на лошадь садится кучеръ, и такой экипажъ, только такой, можетъ безнаказанно прыгать съ пенька на пенекъ той просѣки, которая прорубается для него и для линіи. Наконецъ сзади этихъ волокушъ шло пѣшее войско съ соотвѣтственнымъ вооруженіемъ. высокія рейки колыхались, какъ знамена; вѣшки, какъ пики; нивеллиры, теодолиты и гоніометры, звукъ цѣпей...

Большій контрастъ культуры и некультуры трудно было и представить: съ одной стороны—піонеры послѣдней цивилизаціи, съ другой—типы, нѣкоторымъ образомъ, первобытныхъ временъ, внуки Даждь-бога, окруженные своими болотами, лѣшими и русалками. И все это на прекрасномъ вечернемъ фонѣ догорающаго дня, тишины, аромата, безмятежнаго синяго неба съ освѣщенными облаками, такими же причудливыми, какъ и вездѣ, — гдѣ-нибудь въ Парижѣ или на южномъ берегу Крыма...

Но здѣсь глушь, тайга, сырость и комары, и лѣсъ, какъ кладовая стараго скряги, таитъ въ себѣ больше негоднаго хлама, вѣками гніющаго, чѣмъ полезнаго строевого матеріала. Пройдутъ вѣка, и, конечно, культурный обильный лѣсъ смѣнитъ этотъ хламъ вѣковъ, но пока это только хламъ, и мы въ немъ изъѣденные комарами, слѣпнями, оводами, мошкарой. И такъ отдыхаетъ взглядъ послѣ недѣльнаго перехода даже на такомъ слабомъ намекѣ на поле, какъ это, которое съ обгорѣлыми пнями разстилается теперь передъ нами.

Некультурная сила, въ лицѣ дѣвчонокъ и ребятишекъ, дрогнула и пустилась въ бѣгство при нашемъ приближеніи. Впрочемъ, въ позахъ взрослыхъ было столько сомнѣнія, что, сдѣлай наши рабочіе какой-нибудь воинственный звукъ, и вся толпа обратилась бы въ такое же бѣгство. Такъ же бывало и раньше, но съ тѣхъ поръ былъ отданъ разъ навсегда строжайшій приказъ — не ставить впередъ мѣстное населеніе въ унизительное для него положеніе. И вотъ рабочіе, на величайшій соблазнъ и охватившую ихъ радость при видѣ жилья, двигаются молча, а бородатые представители здѣшнихъ мѣстъ и грязныя, неряшливыя представительницы безъ головныхъ

повязокъ, въ синихъ нестрядиныхъ сарафанахъ, продолжаютъ смотрѣть, вотъ-вотъ готовыя бѣжать безъ оглядки.

Мы ровняемся, и крестьяне торопливо стаскиваютъ свои домашней работы шляпы, а бабы такъ и замерли, впившись въ насъ глазами.

— Какъ называется деревня?—бросаю я съ высоты своего рослаго коня.

— Свѣтлинькая,—раздается нѣсколько человѣческихъ старческихъ голосовъ.

Нѣкоторые изъ парней съ удивленіемъ смотрятъ въ лица крикнувшихъ отвѣтъ,—можетъ-быть, и для нихъ новость, что деревня называется „Свѣтлинькой".

Впечатлѣніе дикости этой толпы такъ въ насъ велико, что въ первое мгновеніе во мнѣ является что-то въ родѣ удивленія по поводу того, что я слышу членораздѣльную рѣчь.

— Здравствуйте, старики!

— Здравствуйте и вы!

— Въ гости приглашайте!

Молчаніе

— А что же?—лепечетъ какой-то ветхій-претхій маленькій старикъ:—коли не супостаты да со знаменьемъ Божіимъ — милости просимъ.

Мой помощникъ, черногорецъ, инженеръ, пренебрежительно, безъ разсужденія беретъ тонъ человѣка, привыкшаго властвовать.

— Староста гдѣ?

Черногорецъ невысокаго мнѣнія о моемъ умѣньи авторитетно поставить себя; онъ считаетъ, что я удивительный мастеръ распускать всѣхъ, не исключая и его.

Я, въ свою очередь, невысокаго мнѣнія о его умѣньи: быть грубымъ, вспыльчивымъ, грозить то и дѣло, дать въ морду, а иногда переходить и отъ слова къ дѣлу — пріемы плохого унтеръ-офицера или бурбона изъ кантонистовъ. Но онъ талантливъ, прекрасно знаетъ свое дѣло, любитъ его, неутомимъ въ работѣ и слѣдовательно вполнѣ годится для своей роли—піонера послѣдней цивилизаціи. Иногда онъ безцеремонно, съ клокотаніемъ и болью Отелло, раздраженно машетъ рукой и съ налившимися глазами рычитъ на меня:

— Вы, Николай Георгичъ, ей-Богу, какъ... бить ихъ надо!..

— Послушайте, даже обидно слышать это,—возражаю я:— представьте себѣ, я явлюсь въ вашу Черногорію и начну вамъ доказывать, что надо бить черногорцевъ. У васъ не заболитъ сердце, что гость вашей страны такъ возмутителенъ со своими хозяевами?

— Черногорецъ не доведетъ до этого, а русскій доведетъ...

— Что жъ, черногорецъ культурнѣе?

— Никакого сравненія!.

— Кулачная расправа тоже, въ числѣ культурныхъ пріемовъ, заимствована вами?

— Когда иначе нельзя, то надо бить.

— Но я же никого не бью?

— А кто васъ боится?

— Мнѣ этого и не надо, — мнѣ надо, чтобы ввѣренное мнѣ дѣло шло успѣшно; дѣло и хозяинъ, а вы, я, всѣ мы — нуль.

— Все разговоры... Ей-Богу, вы умный человѣкъ, а такія вещи говорите...

Староста неохотно, бокомъ протискался изъ толпы. Это былъ свѣтлобородый, густобородый, лѣтъ пятидесяти, крестьянинъ съ холодными сѣрыми глазами, смотрѣвшими твердо, увѣренно и безъ смущенія.

— Ты староста?

— Мы.

— Какой здѣсь самый лучшій домъ?

Староста слегка прищурился, кашлянулъ въ руку, переступилъ съ ноги на ногу и не торопясь спросилъ:

— А вамъ на что?

Черногорецъ такъ и вскипѣлъ. Замахнувшись нагайкой, онъ бѣшенымъ шопотомъ прошипѣлъ:

— Да какъ вытяну я тебя, мерзавца, — научишься разговаривать, скотина!

Дикій видъ черногорца, его черные глаза безъ зрачковъ и синіе бѣлки смутили невозмутимаго старосту. Но я не могъ больше оставаться равнодушнымъ и сказалъ нѣсколько французскихъ фразъ черногорцу, послѣ которыхъ онъ плюнулъ, отъѣхалъ и сталъ безнадежно смотрѣть на синюю полосу окружавшихъ насъ лѣсовъ. Я продолжалъ переговоры.

Лучшій домъ оказался принадлежащимъ старостѣ, и, послѣ нѣкотораго колебанія и съ возстановившимся достоинствомъ, староста изъявилъ согласіе взять насъ, начальство, къ себѣ.

Странный человѣкъ черногорецъ: самъ онъ, какъ и вся его нація, полны чувства собственнаго достоинства. Вся кровь, вѣками пролитая въ войнѣ съ турками, сводилась къ поддержанію, въ сущности, только этого достоинства. А въ другихъ ничто его такъ не раздражаетъ, какъ именно это достоинство. Я давно знаю своего черногорца. Когда онъ былъ помоложе и печень его была нормальна, онъ былъ и мягче и жизне-

радостнѣе, былъ занимательнымъ и изобрѣтательнымъ, какимъ можетъ быть только молодой медвѣжонокъ: онъ игралъ на губахъ, пилилъ, подражая звуками пилѣ, острилъ, зналъ множество фокусовъ и хлопалъ пальцемъ изо рта, какъ самая настоящая пробка шампанскаго. Дамы ласкали его, мужья смотрѣли глазами своихъ женъ, и дѣла черногорца шли, какъ по маслу. Онъ и теперь далеко не старъ, но ужъ очень тяжелъ, болѣетъ печенью и потому раздражителенъ, не нуждается больше въ снисхожденіи, потому что знаетъ свое ремесло и ищетъ хорошихъ заработковъ. Въ рѣдкія мгновенія онъ становится прежнимъ веселымъ и беззаботнымъ черногорцемъ, для котораго море по колѣно, котораго когда-то австрійское правительство приговорило къ разстрѣлу за боснійское возстаніе, и онъ,—австрійскій инженеръ, — съ потерею всѣхъ правъ, бѣжалъ въ Россію, гдѣ пришлось начинать съ самаго начала, съ самыхъ первыхъ ступеней.

Мы ѣдемъ къ дому старосты, и насъ провожаетъ вся толпа. Толпа, какъ толпа: есть богатые, есть и бѣдные, очень бѣдные... Лица простыя, довѣрчивыя и свободно-покорныя судьбѣ. Даже у самыхъ бѣдныхъ это есть. Какая-то патріархальность, незлобіе, покорность и ясность. Смотрятъ на насъ, смотришь на нихъ. Дѣти и мудрецы въ одно и то же время: они слышатъ ростъ травы. Это, конечно, первые естествовѣды своихъ лѣсовъ. Но женщины неказисты, малорослы и съ глупымъ выраженіемъ кроткой овцы. Ихъ сестры, наши культурныя дамы, даже мѣщанки пригородныхъ мѣстъ, выглядятъ лучше. Въ этихъ женщинахъ, въ сущности, съ моей испорченной точки зрѣнія, ничего и женскаго нѣтъ. неуклюжія маленькія самки. Зато у мужчинъ бороды густыя, какихъ у жидкаго интеллигента не встрѣтишь, и требовать къ себѣ уваженія за бороду имѣетъ свой большой смыслъ.

Мы двигаемся по улицѣ среди бѣдныхъ и богатыхъ избъ, наваленнаго лѣса, дровъ, всякаго хлама. Солнце золотитъ деревню и лѣсъ; тамъ и сямъ на горизонтѣ, въ неподвижномъ ароматномъ воздухѣ, какъ свѣчки, поднимаются къ небу бѣлые паровые столбы. То горятъ лѣса, и безъ вѣтра это—только свѣчка, а подымается вѣтеръ, и широкой волной разольется море огня, и побѣгутъ отъ него медвѣди, волки рыси, барсуки и лисицы, и—народъ ихъ лѣсной—зайцы, слившись иногда всѣ въ одну дружную, сплоченную семью. Бываетъ, примыкаетъ къ нимъ и человѣкъ со своими отрядами: овечками, лошадками, коровками и свинками. Надо хорошо знать лѣсъ, и его знаютъ его граждане, и знаютъ, куда и какъ спасаться имъ отъ огня. Кончится пожаръ, установится не-

ремиріе, и снова каждый станетъ на своемъ посту. Человѣкъ капканы будетъ разставлять, Мишка—мять овецъ, а всѣ остальные звѣри будутъ рвать на части глупыхъ зайцевъ. Зайцы будутъ кричать благимъ матомъ, будутъ жаловаться на судьбу, но съ изумительной постепенностью будутъ все расти и расти въ своемъ количествѣ. Но пройдутъ вѣка, и не станетъ зайцевъ, а съ ними и хищныхъ звѣрей, жившихъ за ихъ счетъ. Звѣрей замѣнитъ человѣкъ, потерявшій свои разительныя свойства звѣря...

А пока мы въ новомъ деревянномъ двухъэтажномъ съ мезониномъ домѣ старосты. Въ нижнемъ этажѣ—лошади, скотъ, солома и сѣно. Сквозь щели пола ихъ видно и слышно аромать навоза. Въ свѣтелкѣ наверху душно и тѣсно. Въ старой избѣ клопы, мухи, комары. Съ новыхъ сосновыхъ стѣнъ такъ и капаетъ желтая смола. А какая высокая лѣстничка въ свѣтелку, и все это—и домъ, и сарай, и свѣтелка—подъ одной крышей, странно отдѣленной отъ стѣнъ, но соединенной плотно между собой. Все сбито и прочно, и зимой не попадетъ сюда ни одна снѣжинка, но зато упадетъ искра огня въ щель изъ верхняго жилья въ сарай, и всесокрушающій пожаръ неизбѣженъ. Хорошо, если пожаръ лѣтомъ, успѣютъ отстроиться, а осенью, да дружный, и пропала деревня.

И вы иногда слышите:

— Здѣсь когда-то жилье было...

— Куда же оно дѣлось?

— А Господь это знаетъ.

— Что жъ жители—вымерли, сгорѣли, замерзли или такъ разбрелись по бѣлу свѣту?

— Кто узнаетъ? Кругомъ на сотни верстъ лѣсъ и лѣсъ, кого спросишь? Ушли и ушли.

И вы смотрите на старое пепелище:

Временъ отъ вѣчной суеты,
Быть-можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья.

Въ этихъ глухихъ мѣстахъ Вологодской и Костромской губерній обитатели какъ-то мѣняютъ слова и говорятъ: пецка, вмѣсто печка, хотитё, вмѣсто хотите, и т. д. Что-то съ непривычки странное, наивное и безконечно простое и не спорное. Птица поетъ одну свою арію, и если человѣкъ начинаетъ съ пѣнія свою рѣчь, то нельзя и отъ него требовать на первыхъ же шагахъ сложныхъ рѣчей. Поетъ и твердо знаетъ одну, слышанную мною, излюбленную поговорку:

„Мужикъ да овца, и опять съ конца“.

II.

Удивительный человѣкъ этотъ черногорецъ. Не успѣлъ расположиться, а у него ужъ въ комнатѣ женщина, молодая и, невпримѣръ другимъ, даже красивая: средняго роста, съ худощавымъ румянымъ лицомъ, карими, какъ у молодой матки, смѣлыми глазами.

— Это кто?—спросилъ я у сидѣвшаго, какъ молодой паша, черногорца.

Тотъ только фыркнулъ.

— Вамъ не надо знать...—и онъ указалъ на мое обручальное кольцо.

Матка уходила и возвращалась, а черногорецъ двигался все веселѣе. Моя комната рядомъ, перегородка не доходитъ до верху, и, лежа на кровати, я слышу разговоръ въ комнатѣ черногорца.

Она говоритъ:

— Куры-то у насъ напились... Теперь съ этимъ рублемъ что жъ дѣлать?

Черногорецъ, понизилъ голосъ, съ легкимъ смущеніемъ, прикрытымъ, впрочемъ, пренебреженіемъ, отвѣчаетъ:

— Возьми себѣ.

Мой расчетливый черногорецъ!

— Ну, спасибо.

Какой-то странный звукъ въ родѣ поцѣлуя.

Черногорецъ, смущенный и довольный, руки въ карманы, лѣниво входитъ ко мнѣ.

— Странный обычай: далъ ей рубль, цѣлуется...

Сообразилъ, что я услышалъ, и идетъ навстрѣчу моимъ предположеніямъ!

— Обычай всеобщій.

— Это—честная женщина... Дочь хозяина, и мужъ у пол... Такъ просто...

Черногорецъ дернулъ плечомъ.

— Охотно вѣрю...

У черногорца свои правила относительно женщинъ. Онъ говоритъ:

— Честныхъ женщинъ нельзя соблазнять, ухаживать за женами друзей нельзя!

Онъ растопырилъ свои толстые пальцы и убѣжденно возражаетъ на свое положеніе:

— А нечестныхъ и соблазнять нечего!

Онъ говоритъ своимъ твердымъ выговоромъ и машетъ рукой и головой:

— А за кѣмъ же ухаживать, какъ не за женой друга? Къ врагу вѣдь не пойдешь же въ гости?

Опять стучитъ своими каблуками молодая матка въ комнатѣ черногорца, и онъ озабоченно уходитъ.

Я беру шапку и спускаюсь внизъ, во дворъ.

На крыльцѣ уже стоитъ толстый, пока еще холодный, какъ ледъ, самоваръ, уже налитый водой. Дымъ валитъ изъ трубы. По двору гуляетъ разная домашняя скотинка. Изъ-подъ сарая выглянула красавица пѣгая кобыла: высокая, широкая, на тонкихъ твердыхъ ногахъ, съ широкой грудью, съ большими широкими губами, которыя держитъ такъ же пренебрежительно и спокойно, какъ и самъ ея хозяинъ.

Я осматриваю пѣгашку и, чѣмъ больше смотрю, тѣмъ больше проникаюсь красотой этого животнаго.

— А что, хозяинъ, хороша лошадь?

Хозяинъ, заложивъ руки за поясъ рубахи, медленно подходитъ:

— Гляди!

Я смотрю и говорю:

— Хороша!

— Плоха ли лошадь?..

Хозяинъ потянулъ воздухъ, мотнулъ головой и смотритъ на лошадь.

— Своя?

— Вотъ мать, вотъ отецъ,—указывалъ онъ рукою.

Мать—такая же пѣгая, съ отвислой губой, съ толстымъ брюхомъ, съ выгнутой спиной—уродъ передъ дочкой. Отецъ—мухортый съ толстыми ногами, густо обросшими шерстью, твердый, степенный, солидный жеребецъ. Онъ безостановочно машетъ головой вверхъ и внизъ, внизъ и вверхъ, и не обращаетъ никакого вниманія ни на насъ ни на кобылъ.

— Такъ и ходитъ?

— А что не ходитъ?

— Къ кобыламъ не пристаетъ?

— Ихъ дѣло.

Я опять смотрю на пѣгашку. Мнѣ нужна лошадь. Она смотритъ на меня, сложила свои широкія губы, слегка оттопырила ихъ—точно слушаетъ пренебрежительно, о чемъ здѣсь толкуетъ этотъ откуда-то изъ лѣсу выбѣжавшій чужестранецъ.

— И въ ѣздѣ хороша?

Во дворѣ масса чужого народа; ребятишки, дѣвочки, бѣдненькій людъ: съ клюками, согбенные калѣки и убогонькіе; старичокъ въ рубашкѣ, подпоясанной, какъ у мальчика. И всѣ и старичокъ, прежде чѣмъ хозяинъ ротъ открылъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ кричатъ:

— Батюшка, да какъ же, въ кого быть ей плохой въ ѣздѣ? Первая лошадь не то что въ деревнѣ: весь лѣсъ изойди, такой не сыщешь. Плоха ли лошадь?

— Молода?

— Молода, молода: три, четыре, пять лѣтъ.

— Сколько жеребятъ имѣла?

— Да что? Двоихъ.

— Троихъ, батюшка, всего и имѣла,—говоритъ вышедшая въ это время во дворъ хозяйка.

— Тебя, дуру, кто звалъ?—осаживаетъ ее свѣтлобородый супругъ.

Хозяйка виновато смотритъ въ глаза повелителя.

— Бабы и бабы... только и всего: ступай!..

Баба смущенно уходитъ и ворчитъ:

— Вишь, натискался полный дворъ, только сбиваютъ въ рѣчахъ!..

— Правда, матушка, правда твоя,—говоритъ старичокъ.

Старики и старухи соболѣзненно качаютъ головами: дескать, и вправду набились, только сбиваемъ хозяевъ

— Ты, батюшка, не сумлѣвайся,—шамкаетъ мнѣ старикъ,—кладъ, а не лошадь...

— А цѣна какая?

— Цѣна?

И хозяинъ пускаетъ столько воздуху изъ своей груди, сколько и рѣдкій мѣхъ выпуститъ. Думаетъ, думаетъ и говоритъ:

— Непривычное дѣло... говори самъ цѣну!

Оригинально!

— Неужто, Парфеній Егорычъ, и вправду рѣшился смотать?—спрашиваетъ изъ толпы одинъ.—Племя-то, племя какое...

Хозяинъ, Парфеній Егорычъ, молча чешетъ затылокъ. Затѣмъ энергично машетъ рукой и говоритъ:

— Нѣтъ, не продамъ!

Наступаетъ молчаніе. У меня сразу до температуры кипѣнія усиливается желаніе пріобрѣсти лошадь.

Въ толпѣ тихо. Убѣдительно запѣваетъ одинъ:

— А почто и не продать? Были бы деньги—какую захочешь, такую и купишь.

Другой, третій, четвертый говорятъ, указываютъ на то, что почему-де барину и не уважить?

Хозяинъ слушаетъ, твердо уставившись въ землю. Начинаю и я убѣждать хозяина. Онъ слушаетъ и меня и молчитъ. Опять выходитъ хозяйка.

— Слышь, женское, продавать, что ли? — бросаетъ ей хозяинъ.

„Женское“ прирастаетъ къ мѣсту, дѣлаетъ большіе комичные глаза, замираетъ, качаетъ головой и наконецъ отвѣчаетъ:

— А твое дѣло... Ты—большой!

— А, знаю,—равнодушно пускаетъ сквозь зубы хозяинъ.

— Гляди...—отвѣчаетъ ему хозяйка.

— То-то гляди, — презрительно сплевываетъ хозяинъ,— только мѣшать бы вамъ...

Хозяйка, испуганная, быстро скрывается.

— Ну что жъ? Не хочешь, такъ не хочешь.

Я тоже собираюсь уходить въ комнату. Подходитъ нашъ макордомъ—Кузьма.

Онъ разводитъ руками и тихо, довѣрчиво говоритъ:

— Просто приступу ни къ чему нѣтъ. Яицъ десятокъ двадцать копеекъ, курица—пятьдесятъ... Московскія, прямо московскія цѣны...

Кузьма помолчалъ и говоритъ:

— Надо у этихъ поразспросить.

— Спроси,—говорю я.

— Эй, вы, старички, нѣтъ ли у васъ продажныхъ яичекъ, куръ?..

Толпа внимательно слушаетъ, смотритъ со страхомъ на хозяина и молчитъ. Вызывается старичокъ.

— Курочка, батюшка, у меня есть.

— А цѣна?

— А что дадите.

— А ты свою говори.

Старикъ думаетъ, чешетъ голову и наконецъ нерѣшительно, со страхомъ говоритъ:

— Двадцать копеекъ дашь, что ли?

— Пятнадцать.

Какой-то бѣлокурый парнишка подвернулся подъ ноги хозяину и полетѣлъ, получивъ отъ него здоровенную затрещину.

— Шляются подъ ногами! Чего не видѣли? Весь дворъ запрудили. Вонъ!

И старые и малые посыпали со двора, а съ ними и старикъ, продававшій курицу. Тотъ самый, который отозвался на мой вопросъ, примутъ ли насъ въ гости, тотъ самый, который уговаривалъ хозяина продать намъ лошадь.

Все-таки Кузьма разыскалъ его и курицу за пятнадцать копеекъ купилъ.

— Ну,—сообщаетъ Кузьма подробности продажи. — „Теперь,—говоритъ старикъ,—пропала моя головушка... Парфеній Егорычъ до смерти не проститъ мнѣ, что перебилъ дорогу его курамъ“. Я ему говорю „А тебѣ что̀ такое Парфеній Егорычъ?“—„Какъ что̀, батюшка? Парфеній Егорычъ у насъ всему дѣлу голова. Хочетъ—и живъ человѣкъ, не хочетъ—стаялъ, какъ снѣгъ въ печи“...

Кузьма вздыхаетъ, думаетъ и прибавляетъ:

— Извѣстно, денежный человѣкъ, сильный!.. Въ одномъ лѣсу какія поставки держитъ... Голодный годъ пришелъ... Куда?.. Только спъ и есть!.. Взялъ теперь зятя себѣ, такъ, бѣдненькій вовсе, — охота, чтобы изъ воли его, значитъ, не выходилъ... А дѣтей все-таки не даетъ Богъ дочкѣ: третій годъ ужъ живутъ, а внуковъ нѣтъ. И, слышь, гнѣвается на зятя; въ черномъ тѣлѣ его, такъ, работникомъ содержитъ, а къ дѣлу не допускаетъ вовсе, все самъ, самъ...

Все это мой Кузьма уже разузналъ, выспросилъ.

— Вы насчетъ пѣгашки оставьте,—онъ теперь самъ пусть начинаетъ...

Дѣйствительно, когда вторично я вышелъ во дворъ, хозяинъ, смягчивъ свое суровое и презрительное выраженіе, обратился ко мнѣ:

— Капиталъ-то въ избу, али ладно здѣсь?

— Какой капиталъ?

— Да вотъ струментъ, вѣшки.

— Развѣ тронетъ кто?

— Да вѣдь какъ говорится: замокъ для добрыхъ людей.

— А то и стащатъ?

— Обнаковенно... иной и глупъ для этого, пожалуй, подкладывай ему.

— А если бы я деньги положилъ на улицѣ?

Хозяинъ съ презрѣніемъ покосился на меня и едва удостоилъ сквозь зубы:

— Пожалуй, попробуй!

— Это въ городѣ порченый народъ, а здѣсь у васъ—простота.

— Это... — отвѣтилъ хозяинъ и усиленно замигалъ глазами.

Кузьма, слушавшій на крыльцѣ, усмѣхнулся и проговорилъ:

— Какъ говорите: простота? Хуже воровства живетъ!

Хозяинъ опустилъ глаза въ землю, молчалъ, слушалъ и о чемъ-то думалъ. Лицо его опять смягчилось, и онъ вдругъ добродушно и довѣрчиво обратился ко мнѣ:

— Ну, такъ думаю, что ль, лошадку-то вамъ купить у насъ?

— Что жъ, пожалуй, а цѣна какая?

— Ужъ и не знаю... Двѣ катеньки не обидно?

— Что ты, что ты!—закричалъ на него Кузьма:—языкъ-то какъ поворачивается?

Хозяинъ опять насупился, покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Такъ говорится, за спросъ денегъ не берутъ... Вашу цѣну скажите.

— Да ты въ Петербургъ привези ее, и то больше сотенной не возьмешь,—отвѣтилъ ему Кузьма.

— Нѣтъ, за сотенную и толковать не о чемъ, — махнулъ рукой хозяинъ.

— Да мы тебѣ сотенной и не даемъ!—отвѣтилъ насмѣшливо Кузьма.

— Да ты что?—окрысился хозяинъ на Кузьму:—суешься тутъ!.. Постарше, чать, тебя есть!

Кузьма замолчалъ. Очередь говорить была за мной...

— Я далъ бы,—нехотя началъ я и запнулся: — ну... сто двадцать рублей.

— Вотъ чего, баринъ... Сто пятьдесятъ и бери, покамѣстъ не раздумалъ...

— Нѣтъ.

— Сто сорокъ!

— Сто тридцать!

— Нѣтъ!

Уперся хозяинъ, уперся и я. Опять на дворѣ собрался народъ.

— Хороша лошадь... Племя какое... Отъ нея же вотъ купецъ купилъ въ городу, и то первая лошадь...

— Давно купилъ?—спросилъ я.

— Да что ты путаешь,—крикнулъ въ сердцахъ хозяинъ:—отъ старой купилъ. И кой лядъ тутъ васъ носитъ?

— Знамо, отъ старой,—подхватили дружно въ толпѣ,—что говорить, когда не знаешь?

— Али отъ старой?—съ веселой и глуповатой физіономіей посмотрѣлъ на всѣхъ провинившійся.

Давешній старикъ, продавшій курицу, не смѣетъ уже входить во дворъ и стоитъ на улицѣ у воротъ.

— Кузьма, посмотри лошади въ зубы,—говорю я.

Кузьма смотритъ, выворачиваетъ ей губы, заглядываетъ на верхнюю челюсть, пока пѣгашкѣ не надоѣдаетъ все это и она такъ вздергиваетъ головой, что сразу высвобождаетъ свою морду изъ рукъ Кузьмы. Кузьма молча вытираетъ э

колы руку. Пѣгашка опять вытянула свои широкія губы и смотритъ равнодушно и сонно, точно и не съ ней все это было.

— Сколько жъ лѣтъ?

Кузьма еще думаетъ и нерѣшительно отвѣчаетъ:

— Лѣтъ восьми будетъ.

Поднимается страшный вопль.

— Трехъ, четырехъ, пяти! Своя прирожденная, на глазахъ выросла, племя какое, сейчасъ и то бережая!

— Да мнѣ это все равно, — говорю я, — мнѣ тащила бы возъ и конецъ.

— Ну, лучше этой лошади и нѣтъ, хоть весь свѣтъ обойти! — кричитъ кто-то изъ толпы.

— Хороша-то хороша,—говоритъ Кузьма,—ну и цѣна!..

— А ты не объ цѣнѣ думай, а какую лошадь берешь!— учитъ его голосъ изъ толпы.

Старикъ у воротъ качаетъ головой и со скучнымъ, убитымъ лицомъ уходитъ прочь. Въ толпѣ смѣются, перебрасываются тихо словами и забыли уже о томъ, что я торгую лошадь. Хозяинъ тоже съ равнодушнымъ лицомъ уходитъ въ избу.

— Ну, Богъ съ тобой, — говорю я, — бери сто сорокъ рублей.

Въ толпѣ наступаетъ мгновенная мертвая тишина. Смотрятъ, раскрывъ рты, на меня, на хозяина, лѣниво возвращающагося назадъ. Я вынимаю деньги и отдаю. У нѣкоторыхъ въ толпѣ выраженіе такое, какъ если бы гдѣ-нибудь въ Сахарѣ съ мучительной жаждой они смотрѣли на счастливца, урвавшаго глотокъ воды.

Вышелъ и черногорецъ, засунувъ руки въ карманы и выворачивая большими ногами.

Онъ былъ въ духѣ, подошелъ къ пѣгашкѣ, заглянулъ ей подъ ноги, толкнулъ въ животъ и пренебрежительно отошелъ.

— Рублей шестьдесятъ стоитъ, — бросилъ онъ снисходительно.

— Денегъ-то, денегъ куча, ахъ, ты, Господи!.. — качали головами въ толпѣ.

Даже хозяинъ, и тотъ покраснѣлъ отъ напряженія и отъ удовольствія, какъ ни старался сохранить спокойствіе.

— Ты, баринъ, на деньги не гляди, а на кобылу,—отвѣтилъ онъ черногорцу:—племя!..

— Племя? — переспросилъ черногорецъ и пригнулся съ своей обычной манерой, дѣлаясь похожимъ на быка, когда онъ собирается подбросить рогами.

— Племя первое дѣло, — вздохнулъ какой-то мужикъ изъ толпы.

Черногорецъ опустилъ голову, задумался.

— А вотъ у дочки твоей и нѣтъ племя, — проговорилъ онъ на прощанье, обращаясь къ хозяину, и ласково разсмѣялся.

Хозяинъ, какъ человѣкъ, которому попали въ самое больное мѣсто, безнадежно, покорно, грустно отвѣтилъ:

— Наказалъ Господь... Одна распроединственная, и то нѣтъ.

— То-то нѣтъ... А вотъ дождался бы насъ, не выдавалъ дочку, я бы и взялъ ее за себя!.. А у меня, братъ, столько племя, сколько волосъ у тебя на головѣ.

— И повѣрить можно,—съ почтеніемъ развелъ руками хозяинъ, почтительно оглядывая, хотя и тяжелую, но внушительную фигуру черногорца.

Черногорецъ поглубже заглянулъ ему въ глаза, точно отыскивая что-то,—нашелъ и весело направился къ себѣ въ комнату.

— Господинъ серьезный!—съ почтеніемъ аттестовалъ хозяинъ моего черногорца.

— Ну-съ, цѣгашку ставьте къ корму, завтра въ работу,— обратился я къ кучерамъ.

— Обмѣняться надо,—заявили кучера.

Обмѣнялись черезъ полу поводомъ: обычай одинъ, куда ни иди по крещеной землѣ русской. Пришлось еще рубль дать— поводъ обмыть.

— Да вѣдь у нихъ, поди, и водки нѣтъ?—съ соболѣзнованіемъ проговорилъ-было одинъ изъ кучеровъ.

— Пьемъ же,—добродушно кивнулъ головой хозяинъ, и въ толпѣ пошелъ хохотъ.

— Пьютъ! — воскликнулъ Кузьма: — шельмецы, свою водочку курятъ! Какъ ненастье придетъ, что ужъ знаютъ, нѣтъ къ нимъ дорогъ, и разведутъ каждый свой заводикъ; пьютъ да добрыхъ людей поминаютъ.

— Безакцизную, значитъ?.. Цѣна поэтому подешевле...

— Одна цѣна,—равнодушно отвѣтилъ хозяинъ.

— Вишь, народецъ!

— Такъ неужели такъ ужъ и за труды не пользоваться?— разсмѣялся кто-то въ толпѣ.

— Больно ужъ много пользы берете...

— А намъ что, не жаль, давай хоть всѣ...

— Не надо ли еще лошаденки? — подошелъ и спросилъ какимъ-то заплетающимся языкомъ бѣлокурый, скошенный съ большимъ лбомъ мужичокъ.

— Нѣтъ, батюшка, не надо!..

— Э!..

Мужикъ подумалъ.

— А то возьмите, я бы дешево отдалъ?.. Деньги нужны.

— Да на что вамъ деньги здѣсь? — бросилъ кто-то изъ моихъ рабочихъ.

— Э, батюшка, какъ же безъ денегъ? Намъ-то, лѣснымъ медвѣдямъ, и нужны деньги... Что ни схватишь — нѣтъ; желѣзо ли, косы, соль—все купи... Подати, свадьбу и на попа достань-ка. Меньше красненькой и не поглядитъ, а помретъ человѣкъ, глушь, въ недѣлю не управиться, потому сейчасъ шестьдесятъ верстъ вези упокойника до села...

— Зачѣмъ же вы его возите?

— Да какъ же иначе, на кладбище доставишь... не такъ же его: бахъ въ землю, какъ собаку...

— Да-а.

— А то возьмите лошаденку?..

— Нѣтъ, батюшка, не надо.

— Не надо, такъ не надо!—осадилъ бѣлобрысаго мужика нашъ хозяинъ.—Не за горло же хватать?

— Никто не хватаетъ,—огорченно отвѣтилъ бѣлобрысый и отошелъ.—Такъ спросилъ...

Мнѣ жаль стало бѣлобрысаго: думаю, купить бы что-нибудь и у него.

— Вотъ овцу, если есть, на мясо продай...

Бѣлобрысый собрался что-то отвѣтить, но хозяинъ авторитетно перебилъ:

— Найдется и у насъ овца.

И, спохватившись, что опять народъ нагрудился во дворѣ, хозяинъ закричалъ:

— Ну, опять поналѣзли! Что, ей-Богу, за народъ? Чего не видали? Ай-да-те!..

Такъ я и не дождался отвѣта отъ бѣлобрысаго.

Толпа выходила въ ворота, и я слышалъ вздохи; разводили руками и говорили:

— Его счастье...

— При капиталѣ-то у всякаго счастье, — диссонансомъ общей покорности раздался чей-то рѣзкій, раздраженный голосъ.

Хозяинъ мой не подарилъ отвѣта.

— Въ чужой-то дворъ зашелъ и охальничаешь?..

— Я, что ли, охальничалъ? — уже смущенно отвѣтилъ виноватый.

— Въ правѣ я тебя,—не спуская тона, продолжалъ хозяинъ,—и въ загривокъ поэтому...

И такъ какъ виноватый молча спѣшилъ выбраться со двора, то хозяинъ поласковѣе кончилъ:

— Потолкуй тутъ...

— Крутъ же,—тихо мотнулъ головой Кузьма въ сторону хозяина.

И между моими рабочими хозяинъ чувствовалъ себя такимъ же хозяиномъ, какъ и съ остальными деревенскими, только голосъ немного поласковѣе.

— Ну, чего сидите? Налаживайте пока что скамьи.

— А лѣсу гдѣ?—покорно поднялся одинъ.

— Вотъ хоть изъ-подъ навѣса возьми.

Онъ распоряжался дѣловито, безапелляціонно, и, къ моему удивленію, рабочіе, разсуждая со мной совершенно свободно, съ нимъ чувствовали себя какъ-то покорно, испытывали тотъ родъ страха, какъ будто существовала такого рода зависимость, что вотъ возьметъ и вытолкаетъ онъ ихъ всѣхъ въ шею.

— И вытолкаетъ, и ничего не подѣлаешь! — какъ бы говорили недружелюбныя, но покорныя лица рабочихъ.

Высыпали звѣзды на синемъ небѣ, шумитъ лѣсъ и сильнѣе напоминаетъ шумъ моря.

Сорвется звѣзда и полетитъ и разсыплется серебрянымъ слѣдомъ надъ тайгой.

Тихо и темно. На дворѣ прохладно, а въ избѣ душно: комары, клопы.

Я уже легъ, а черногорецъ все еще возится. Молока захотѣлъ и кричитъ, чтобы дали ему. Слышу шаги по лѣстницѣ, знакомые, звонкіе шаги дочери хозяевъ. Принесла ему и поставила горшокъ на столъ. Звукъ поцѣлуевъ. Опять, вѣроятно, благодаритъ его. Молчаніе, и началась какая-то возня.

— А ты будетъ!—слышу упрямый голосъ молодой женщины.

Опять.

— Ну, что жъ ты? Оставь!

Возня и энергичный рѣшительный возгласъ.

III.

Я вышелъ за ворота на улицу и пошелъ вдоль деревни.

Дѣти, старики, старушки, бабы и парни, бородатый народъ—все потянулось за мной.

— Ну что жъ, овцу продавай?—обратился я къ крестьянину, который навязывался съ лошадью.

Крестьянинъ подумалъ, почесался и заговорилъ своимъ заплетающимся языкомъ:

— Такъ вѣдь того, Парфеній Егорычъ посулился вѣдь.

— Что Парфеній Егорычъ? Я у тебя хочу купить.

Крестьянинъ подумалъ, почесался и проговорилъ:

— Оно, конечно, продать можно, да, вишь, дѣло сошлось какъ: Парфеній Егорычъ посулился... у него ужъ, видно...

— Что жъ, Парфеній Егорычъ разсердится, если ты продашь?

— Ну, такъ какъ же не разсердится?.. Нѣтъ, ужъ того...

Вотъ старичокъ, продававшій курицу, стоитъ. Избенка ветхая, старенькая. Два стекла въ окнѣ всего, а остальныя рамы пузырями затянуты.

Подошелъ я къ нему.

Маленькій, сѣденькій, кудрявый.

— Ну что жъ, старикъ, въ гости пришелъ къ тебѣ! Веди въ избу.

— Батюшка!..—заволновался старикъ, — а какъ мнѣ тебя принять?!. Гостя этакого...

Мы вошли въ темную, закоптѣлую избу.

Пять маленькихъ дѣтей, забитая, бѣдная женщина.

— Твои, что ли, дѣти?

— Внуки, батюшка, отъ сына... Сына Богъ взялъ, жена его эта, невѣстка мнѣ, значитъ, и живемъ... Такъ, батюшка, такъ. Живемъ, Христа славимъ...

Разсказалъ кое-что старикъ про свое житье. На словахъ не передашь: надо изжить всю нужду, все горе-горькое, надо всмотрѣться въ эти неживые отъ нужды глаза и въ эту кожу лица, въ лица дѣтей, измученную, безъ кровинки, женщину,— всмотрѣться и что-то, не поддающееся никакому описанію, почувствовать. Можетъ-быть, и тронетъ тогда сердце и почувствуется живьемъ, какая-такая жизнь написана была на роду этого семидесятилѣтняго старика. Жалобы на судьбу никакой. Славитъ свою долю. Найдутся охотники восторгаться чудными качествами души: ихъ дѣло. Замѣчу только, что особенно на руку это качество всякому міроѣдству.

Душно, грязно въ избѣ; комары и тараканы; запахъ овчины, навоза и еще какой-то тяжелый, удушливый запахъ. Вышелъ во дворъ, сѣлъ на завалинкѣ. Огородикъ передъ глазами: посажены капуста, картофель, лукъ... Пониже къ рѣкѣ виднѣется маленькая безъ крыши баня. Вышелъ изъ бани человѣкъ лысый, съ подстриженной бородой и усами, въ какомъ-то халатѣ. Маленькое лицо, сморщенное, на видъ лѣтъ пятьдесятъ. Вышелъ, постоялъ и пошелъ мимо насъ, не удостоивъ насъ вниманіемъ. Остановился, сталъ на колѣни и началъ громко вычитывать какія-то заупокойныя молитвы.

— Это что̀ за человѣкъ?

— Такъ... простенькій...

И старикъ нехотя, съ особой сборкой на губахъ разсказываетъ о немъ. Съ дѣтства такой. Былъ крѣпостнымъ, пріучали къ дѣлу: били и били, пороли и пороли: ничего. Такъ и отбился. Все смѣшкомъ да шуткой, — посадятъ ли тамъ пшеницу изо ржи выбирать, куръ ли пасти. Воля пришла, сталъ на волѣ ходить. Сперва около города жилъ, обмолвился словомъ...

— Какимъ словомъ?

— Да такъ и сказалъ: „жарко будетъ городу“. А глядь, городъ и горитъ уже. Начальство подумало, не онъ ли; въ острогъ засадили. Анъ и острогъ съ угла загорѣлся. Ну, выпустили и приказали къ городу на выстрѣлъ не подходить. Осерчалъ и онъ. Ушелъ. Вотъ такъ и прибился къ намъ и живетъ у меня въ банькѣ.

1899.

ВЪ УСАДЬБѢ ПОМѢЩИЦЫ ЯРЫЩЕВОЙ.

I.

Воскресный лѣтній день собирался быть особенно жаркимъ. Солнце какъ-то сразу показалось на безоблачномъ небѣ и скучно, безъ предразсвѣтной прохлады, уставилось въ оголенные берега большой извилистой рѣчки. Тамъ, выше рѣчки, раскинулось большое торговое село, грязное и сѣрое, подъ цвѣтъ остальной округи.

У базарныхъ лавокъ сидѣли и стояли толпы жнецовъ изъ татаръ въ ожиданіи найма.

Это былъ первый базаръ и первая наемка на жнитво въ это лѣто. Урожай былъ хорошій, и цѣны на работы ожидались высокія. На площади показался, присѣдая и смѣшно оглядываясь, словно за нимъ гнались, Кириллъ Архиповичъ, приказчикъ одной маленькой экономіи барыни Натальи Ивановны Ярыщевой. Опросилъ цѣны на жнитво и, услышавъ про пятнадцать рублей, убѣжалъ безъ оглядки. Татары-жнецы проводили его съ базара свистками, улюлюканьемъ и смѣхомъ. Кириллъ Архиповичъ, съ мягкой курчавой бородой, съ громадной лысой головой и мелкими чертами лица, прибѣжалъ самъ не свой на дворъ, куда заѣхалъ-было, и обратился къ хозяину, хлопнувъ руками:

— Бѣда! Пятнадцать рублей.

Хозяинъ двора катилъ въ это время бадью по двору и, остановившись, равнодушно отвѣтилъ:

— Вотъ какъ хлещутъ!

— Чего жъ теперь дѣлать?—спросилъ приказчикъ.

— И не знаю.

— Ѣхать надо домой,—вздохнулъ приказчикъ.

Крестьянинъ покатилъ бадью дальше подъ навѣсъ.

— Аль раздумали брать?

— Да какъ брать-то?—Кириллъ Архиповичъ почесалъ затылокъ.—И не соображусь теперь... Жать двадцать десятинъ, а всѣхъ денегъ сто двадцать рублей всего-то у насъ: половину не сожнешь на эти деньги.

— Не сожнешь поэтому.

— А вѣдь поколь жнешь, да когда еще молотить тамъ, да въ городъ продавать, а ихъ разсчитывать надо, ждать не станутъ.

— Не станутъ.

— Ахъ, ты, грѣхъ! Ѣхать надо посовѣтоваться... Думалъ, пораньше выбѣгу на базаръ, поколь цѣна не разыгралась, а вотъ...

— Дешевле не будетъ нынче...

— Ѣхать надо...

Кириллъ Архиповичъ еще поохалъ и сталъ запрягать. Запрягъ, разсчитался, попрощался, сказавъ съ какимъ-то придыханіемъ: „Ахъ, ну до увиданья“, сдѣлалъ съ обычнымъ присѣданіемъ еще для чего-то кругъ возлѣ своей плетушки, усѣлся и тронулъ.

Онъ уже проѣхалъ почти всю улицу, все смотря куда-то въ сторону, какъ вдругъ воскликнулъ, освобождаясь отъ задумчивости.

— Ахъ, кулекъ-то!

Онъ внимательно осмотрѣлъ сидѣнье, заглянулъ подъ козлы, приподнялъ тонкій слой находившагося въ плетушкѣ сѣна, но кулька нигдѣ не оказалось. Кириллъ Архиповичъ еще нерѣшительнѣе нѣсколько разъ оглянулся, вѣроятно, въ надеждѣ, не догадается ли самъ кулекъ прибѣжать къ нему, но, не дождавшись, вдругъ засуетился и поворотилъ назадъ.

Хозяинъ квартиры, увидѣвъ его, отворилъ ворота, и Кириллъ Архиповичъ въѣхалъ опять во дворъ.

— Здравствуйте опять,—сказалъ онъ растерянно, сойдя съ плетушки.

— Здравствуйте и вы,—отвѣтилъ равнодушно крестьянинъ.

Кириллъ Архиповичъ снова поздоровался съ нимъ, а также съ вышедшей хозяйкой. На мгновеніе онъ замеръ въ сладостной истомѣ и сообщилъ:

— А я вѣдь кулекъ-то забылъ. Гляжу, гдѣ онъ? Ахъ, назадъ ѣхать надо!

— Недалеко пахнулись еще...

— Недалеко... вотъ тутъ на углу—противъ лавки... Какъ его?

— Аксенова?

— Она... Гляжу: нѣтъ кулька... Ахъ, ты, грѣхъ!

Кириллъ Архиповичъ постоялъ еще, подумалъ, покачалъ головой и, присѣдая, пошелъ въ избу за кулькомъ.

— А я тоже гляжу на кулекъ,—провожала его хозяйка,—думаю, что онъ, молъ, оставилъ его? Мнѣ бы скричать, а я, вишь, не смекнула тоже...

— И я тоже не догадался... Ну, до увиданья еще разъ.

И, еще разъ попрощавшись съ хозяйкой, Кириллъ Архиповичъ съ кулькомъ въ рукахъ вышелъ изъ избы во дворъ.

— Ахъ... не надо бы заѣзжать было во дворъ, — спохватился онъ.

— Поэтому не надо бы,—согласился и хозяинъ,—я гляжу, ѣдете, ну отворилъ ворота.

— Я вѣдь только вотъ за кулькомъ...

— Извѣстно, не оставлять же...

— Какъ же теперь? Не поворотишься вѣдь... выпрягать?

— Не знаю... Такъ, что ль, попробовать? Айда-те такъ попробуемъ. Я лошадь заводить стану, а вы задокъ-то относите.

Общими усиліями дѣло обошлось безъ перепряжки, и, повернувъ лошадь, приказчикъ барыни Ярыщевой покатилъ наконецъ съ базара, сопровождаемый напутствіемъ хозяина: „Ну, съ Богомъ!“

Кириллъ Архиповичъ, склонившись на бокъ, ѣхалъ и ломалъ голову, какъ ему быть. Но пятнадцати рублей — двадцать десятинъ обойдутся триста рублей. Ста восьмидесяти не хватитъ. Главное то, что самъ же онъ и подбилъ свою барыню усилиться посѣвомъ на эти лишнія двадцать десятинъ. Обыкновенный порядокъ въ имѣніи былъ таковъ, что въ экономіи сѣялось столько, сколько можно было урвать, такъ сказать, не въ счетъ, безъ денегъ. Сдается, напримѣръ, крестьянину десятина земли подъ посѣвъ; цѣна—какъ у людей, а одинъ рабочій день выговаривается не въ счетъ. Одну десятину взялъ—пѣшій рабочій, двѣ — съ лошадью. Часть земли снимала своя деревня и не въ счетъ убирала пять десятинъ.

Конечно, это было немного, но и деревня барыни только и жила тѣмъ, что занималась нищенствомъ. Такъ и въ земской статистикѣ въ рубрикѣ промысловъ она значилась: „занимается нищенствомъ“. Какъ дадутъ повѣстку. чтобы подать взносили, и разбредется деревня. Насобираетъ и взнесетъ. И всегда исправно. За эту исправность и заботливость и мѣстное начальство уважало деревню и задолго обыкновенно до сбора ее первую извѣщало: готовьтесь, дескать.

— Что жъ! и умно, — говорила про крестьянъ своей де-

ревни старая барыня: — сами видятъ свою слабость и спасаются!.. А другой вѣдь только и догадается, что въ кабакъ послѣднее снести.

Но зато, когда ея крестьяне попробовали-было поторговаться съ ней насчетъ дарового посѣва, она отвѣтила:

— Ну, ужъ, батюшки, кому другому, а ужъ вамъ-то не грѣхъ и потрудиться на меня старуху: за васъ люди по дать-то платятъ...

— Нынче гдѣ ужъ!—говорили крестьяне.—Дѣйствительно, значитъ, когда цѣна живетъ на хлѣбъ, такъ будто и ладно, а теперь ничего не стоитъ, хоть и наше дѣло: день-денской маешься, плечи отъ тяготы оборвешь, хлѣбъ собираючи, а продай его, и гривенника не выручишь за день.

Въ нынѣшнемъ урожайномъ году промыселъ крестьянъ барыни Ярыщевой, дѣйствительно, былъ не изъ очень доходныхъ.

Крестьяне другихъ деревень, видя, какъ трудятся нищіе, только лукаво подмигивали на нихъ и говорили:

— Обижаются же... въ убытокъ работа приходитъ.

Жалѣла и барыня Ярыщева крестьянъ своей деревни.

— Нынче ужъ, конечно, не вашъ годъ,—говорила она: — ну, такъ вѣдь надо же и людямъ.

— Извѣстно,—вздыхали покорно нищіе.

Въ общемъ дарового посѣва у барыни Ярыщевой набиралось десятинъ до тридцати. Сѣнокосъ ли продавался, лѣсъ ли, во всемъ было установлено правило вырядить не въ счетъ извѣстное количество работниковъ. Конечно, крестьяне-арендаторы торговались, но старушка-помѣщица добродушно уговаривала и шамкала своимъ беззубымъ широкимъ ртомъ:

— И-и, батюшка мой! Что тебѣ услужить старухѣ? Доходовъ у меня мало, а расходовъ-то выше головы... Самъ знаешь вѣдь, батюшка.

— Извѣстно.

— Я сама вѣдь вашъ хлѣбъ да щи только и ѣмъ... Не мотущая, не картежница.

— Спаси Господь...

— Только что вотъ внуки... Ну, такъ вѣдь, батюшка, и ихъ безъ образованія нельзя оставить... И имъ вѣдь расходу больше моего еще будетъ.

— Какъ можно...

— Ну, такъ вотъ, батюшка, и самъ видишь... У меня же и тихо, спокойно: чтобъ вотъ тебѣ я сдала землю, а тамъ другому передала, — вонъ какъ у панковъ, — у меня этого нѣтъ, батюшка. У меня какъ въ амбарѣ—все въ сохранности.

— Что говорить! Изъ-за этого ужъ, прямо сказать, и платимъ будто лишки.

— Такъ не жалѣй, батюшка, не жалѣй... Земля моя хорошая, дай тебѣ Богъ засыпаться хлѣбомъ отъ моей земли.

И, видя, что крестьянинъ убѣждается, старуха спрашивала:

— Ну что жъ, надумался?

— Да, видно... Что же станешь дѣлать?

— Ну и съ Богомъ... А вотъ, не дай Богъ, лихоманка тебя схватитъ или животъ,—приходи, батюшка... Приходи—безо всякаго.

— Спасибо...

— Ну, спасибо, батюшка, и тебѣ, я за тебя Богу помолюсь... Что тебѣ день? Ты—день, другой—день, а мнѣ, старухѣ, помощь. Съ міру по ниткѣ — голому рубашка. Я, батюшка, прямо... Мнѣ что таиться? Что было вотъ наслѣдственнаго, то вѣдь и осталось... А отъ мужа да зятя долги одни остались... Всѣ, батюшка, сплатила, всѣ — до копейки! Внучатамъ-то,—старуха радостно понижала голосъ,—чистенькое, какъ яичко облупленное, достанется имѣнье-то.

— Ну, до увиданья, Наталья Ивановна, — подымался со стула крестьянинъ.

— Ну, прощай, батюшка, прощай...

Барыня жала руку и провожала гостя.

— Хоть ужъ дорого, да уважительная, — говорили окружные крестьяне. И если спрашивали ихъ: „что за человѣкъ барыня Ярыщева?“ — отвѣчали въ одинъ голосъ: — „Одно слово—не было такой и не будетъ... Уважительная барыня!“...

А Кириллъ Архиповичъ все подвигался съ базара ближе къ усадьбѣ и все думалъ. Уже показалась церковь сосѣдняго села Дмитріевскаго, когда вдругъ въ его головѣ мелькнула счастливая мысль. Въ Дмитріевскомъ онъ повернулъ свою невзрачную лошаденку въ ту улицу, гдѣ жилъ староста Матвѣй Ѳедоровичъ, и остановился у воротъ просторной, въ три окна срубленной избы. Изба и всѣ постройки на дворѣ имѣли аккуратный видъ той зажиточности, при которой какъ-то само собой хозяинъ не лѣнится и гнилое бревно своевременно замѣнить новымъ и свѣжей соломой крышу укрыть, а то замѣнить эту опасную крышу и глиняной, которая не вспыхнетъ, какъ костеръ, отъ одной случайной искры.

Былъ праздникъ, и хозяинъ избы сбирался въ церковь. Въ ожиданіи благовѣста, староста, въ новой синяго сукна поддевкѣ, ходилъ по двору и заглядывалъ отъ-нечего-дѣлать то въ тотъ, то въ другой уголъ своего двора.

— Ахъ, здравствуйте, — привѣтствовалъ его со своимъ

обычнымъ растеряннымъ видомъ Кириллъ Архиповичъ, появлялся въ калиткѣ:—а я вѣдь къ вамъ.

Матвѣй Ѳедоровичъ видѣлъ и самъ, что приказчикъ пріѣхалъ къ нему, и въ это мгновеніе его занималъ лишь вопросъ: насчетъ чего могъ бы пріѣхать этотъ приказчикъ?

— Заходите,—флегматично пригласилъ староста.

— А я вѣдь на лошади.

— Ну такъ что? Во дворъ заѣзжайте, а то такъ привязать можно.

— Такъ привязать, что ль? Не уйдетъ, чать.

— Куда ей уйти? Не рысакъ.

— Какой рысакъ!

Кириллъ Архиповичъ вернулся къ лошади, а за нимъ вышелъ на улицу и хозяинъ. Пока приказчикъ привязывалъ лошадь, хозяинъ неопредѣленно глядѣлъ на его немудрую плетушку, немудрую запряжку, немудрую лошадь.

Кончивъ, Кириллъ Архиповичъ облегченно произнесъ:

— Ахъ, ну здравствуйте еще разъ...

— Здравствуйте и вы. Въ избу, что ль, пойдете?

— Въ избу, Матвѣй Ѳедоровичъ.

Въ избѣ Кириллъ Архиповичъ поздоровался съ хозяйкой и, присѣвъ на лавку, сталъ безпомощно вытирать потъ со своего высокаго лба.

— Выйди-ка на часокъ, — бросилъ мимоходомъ хозяинъ женѣ, и, когда та вышла, Матвѣй Ѳедоровичъ плотно притворилъ дверь, подсѣлъ къ приказчику и прямо подошелъ къ дѣлу:

— Вы насчетъ чего же это?

— Да вотъ посовѣтоваться заѣхалъ, Матвѣй Ѳедоровичъ... Такое дѣло, такое дѣло, что и не придумаю.

И Кириллъ Архиповичъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Гм!—пропустилъ въ носъ староста.

— Я вотъ что надумалъ... Ужъ Богъ съ ней, съ цѣной... 12 рублей на базарѣ просятъ, ну и мы отъ людей никуда не дѣнемся. Нынче вотъ праздникъ, народъ пока свой хлѣбъ не зажалъ... чать, не зажалъ?

— Нѣтъ, не зажалъ.

— Что бъ нынче міромъ бы къ намъ? Половину денегъ на руки, а половину до продажи.

— Не сообразишь вѣдь всѣхъ, — нехотя и лѣниво отвѣтилъ староста.

— О?

— Міръ.

— Да, вотъ міръ развѣ.

Кириллъ Архиповичъ вздохнулъ и замолчалъ. Молчалъ и староста.

— А то нельзя ли какъ-нибудь, Матвѣй Ѳедоровичъ?

— Да вѣдь я-то что̀ тутъ? Главное дѣло, больно вы ужъ съ вашей барыней работой облагаете: обижаются вѣдь которые...

— Такъ вѣдь, Матвѣй Ѳедоровичъ, противъ людей и спокой у насъ...

— Это такъ, за это спасибо, а вотъ лишечки-то: все будто такъ...

— По-настоящему и сѣять-то бы нынѣшнимъ временемъ не слѣдъ,—вильнулъ Кириллъ Архиповичъ.

— Да гдѣ ужъ вамъ сѣять? Тутъ своя крестьянская работа отбивается..,

— Этакъ, Матвѣй Ѳедоровичъ... Да нѣтъ, видно, бросить же надо.

— Ну тамъ картошку для домашности, а то что̀ жъ выкручивать...

— Да я ужъ и самъ не радъ,— сокрушенно вздохнулъ Кириллъ Архиповичъ,—главная сила толковъ нѣтъ...

— То-то толковъ нѣтъ, а склоки много...

Староста помолчалъ и началъ другимъ тономъ:

— Вы что̀, нынче за Караульной горой продавать же станете землю?

— Станемъ.

— То-то... Уросла, чать? Который годъ въ сѣнокосѣ теперь лежитъ она?

— Да что̀? Никакъ семь лѣтъ.

— Девятый, чать, пошелъ?

— Аль девятый?

— Гляди... Лѣсъ на амбаръ когда возили? Въ тотъ же годъ и землю бросили. Считай...

— Такъ, такъ.

— То-то... Уросла, чать?

— Когда не уросла.

— Глядѣлъ я какъ-то, ѣхалъ: щетка пробила... Сдавать станете, а я бы взялъ десятинку-другую отъ лѣсу... отъ пчельника...

— Такъ что... Уладь дѣло,— не постоимъ, Матвѣй Ѳедоровичъ...

— Я вотъ что̀ думаю... Церковь намъ надо же новить,— рублей сто съ міру сойдетъ... Если вотъ присогласить старичковъ сегодня послѣ обѣдни. Дескать, половину на руки, а остальную чтобъ вамъ прямо за міръ въ церковь внести. До вечера бы и кончили.

Кириллъ Архиповичъ даже привскочилъ.

— Такъ что? Матвѣй Ѳедоровичъ! А мы бы тебѣ постарались... Ужъ прямо такъ бы за тобой и земля осталась... отъ пчельника.

— Этакъ, что ль, попытать,—задумчиво говорилъ староста:— вотъ обѣдня отойдетъ, соберемъ стариковъ. Такъ, что ль? Поэтому лошадку заводи во дворъ... да дай ужъ овсеца... А мы въ церковь... Вернемся, самоварчикъ изготовимъ, — чашечку-другую, поколь сходка сбирается. Овса дать, что ли?

— Овесъ-то у насъ свой, да вотъ вышелъ...

— Дадимъ...

Лошадь завели во дворъ, поставили къ овсу, и такъ какъ раздался уже благовѣстъ, то оба, и хозяинъ и гость, пошли къ обѣднѣ.

Въ прохладной церкви народу собралось немного: дѣти, обычные старики, старухи, десятокъ-другой дѣвушекъ и парней. Отстояли обѣдню и домой пошли.

— Скоро онъ, батюшка, нынче повернулся,—сказалъ приказчикъ.

— Къ вашей барынѣ, видно, торопится... Именинница, что ль, она?

— Ахъ, да, рожденица... А я и забылъ...

Пришли домой, заглянулъ Кириллъ Архиповичъ въ колоду: съѣла лошадь весь овесъ, что̀ всыпалъ онъ ей изъ пудовки, которую вынесъ ему изъ амбара староста. Заглянулъ въ пудовку Кириллъ Архиповичъ, гдѣ оставался еще овесъ, подумалъ и высыпалъ и остатки своей лошади. Напились чаю, а тѣмъ временемъ собрался сходъ, и пошли приказчикъ и староста толковать съ міромъ.

— Вотъ, старики, въ чемъ дѣло,—началъ староста.

Выслушали старики, опросили Кирилла Архиповича насчетъ базарныхъ цѣнъ, и Кириллъ Архиповичъ опять, не сморгнувъ, заявилъ о двѣнадцати рубляхъ. Начали толковать.

— Говори, староста!—обратился кто-то къ Матвѣю Ѳедоровичу.

— Такъ что̀ жъ? Случай, по-мнѣ, того... подходящій,—отвѣтилъ староста.—День такъ же проведемъ, двѣсти сорокъ рублей кучка: свинья на рылѣ не принесетъ.

— Ну такъ чего же, извѣстно...

Еще потолковали, выпили два ведра водки, тутъ же одно распили и веселой гурьбой повалили собираться, чтобы ѣхать жать хлѣбъ барыни Ярыщевой. Пошелъ и приказчикъ со сходки веселый, но во дворѣ старосты ждала его невзгода. Лошадь барыни издыхала, лежа на землѣ. Она дергала но-

гами, судорожно подымала голову и опять съ тяжелымъ, безсильнымъ вздохомъ падала на землю.

Сбѣжался народъ. Одни говорили—„мышки“, другіе—„домовой расшибъ“, третьи заподозрѣли „язву“,—пересчитали всѣ, какія знали, болѣзни, ахали и охали, но дѣлу не помогли. Лошадь въ послѣдній разъ подняла голову, безнадежно посмотрѣла на свой вздувшійся животъ, еще безнадежнѣе обвела взглядомъ всѣхъ собравшихся и безсильно упала, какъ бы говоря:

— Ну, Богъ съ вами, — и вправду помирать приходится.

Поохалъ еще Кириллъ Архиповичъ, потужилъ, разсказалъ нѣсколько разъ, какъ прекрасно ѣла лошадь овесъ, какъ и остатки онъ ей высыпалъ.

— Пришли изъ церкви, гляжу: ахъ, съѣла! Тамъ еще фунтовъ пять осталось,—думаю себѣ: пусть ѣстъ... А такъ и хватаетъ, такъ и хватаетъ, — ровно не въ умѣ она... Я и подумалъ еще, что она ровно не въ умѣ? На, вотъ тебѣ... Ахъ, ты, грѣхъ!

— Чего жъ станешь дѣлать? На роду ужъ такъ написано ей,—утѣшали приказчика.—Шкуру, что ль, тебѣ съ нея снять?

— Снять, что ль?—раздумывалъ Кириллъ Архиповичъ.

— Такъ что жъ? Пока народъ тамъ кумекаетъ — принимайся... Шкура тоже вѣдь... За нее трешну отдашь.

— Трешну-у?—усомнился другой,—и пятишну при нуждѣ отдашь.

— Отдашь.

— Снимать, видно,—надумалъ приказчикъ и принялся за дѣло.

Снялъ кожу, сложилъ ее подъ сидѣнье, а вмѣсто павшей лошади выпросилъ у старосты его Воронка. Вмѣстѣ со старостою и усѣлся приказчикъ и поѣхалъ прямо въ ржаное поле, куда потянулась уже деревня.

II.

Высоко поднялось солнце и смотритъ изъ-за Караульной горы на маленькую усадьбу старой барыни Ярыщевой.

У зеркальнаго пруда густой садъ. Повыше, на пригрѣвѣ, малснькій съ высокой деревянной крышей барскій домикъ. Еще выше всякія хозяйскія постройки: конюшни, каретникъ, амбаръ, ледникъ, баня, скотные дворы. Сбоку—флигель приказчика, а съ другой стороны—людскія, кухни и птичій дворъ, съ высокой оградой, подошедшей прямо къ пруду. На прудѣ барскіе утки и гуси. Маленькая, босая дѣвочка пасетъ во

дворѣ стадо индюшекъ. Чисто и опрятно кругомъ. Въ маленькія окна видны чистенькія комнаты съ крашеными полами, съ мебелью въ чехлахъ. Въ комнатахъ спеціальный запахъ десятки лѣтъ обитаемаго жилья. Тутъ и ароматъ сушеныхъ грибовъ и разныхъ ягодъ, что въ стеклянныхъ банкахъ, разбавленныя водкой, грѣются на солнцѣ, и еще чего-то, что сразу охватываетъ васъ сознаніемъ, что вы въ деревнѣ, въ той глухой старинной деревнѣ, гдѣ въ барскомъ домикѣ въ сонной тишинѣ тикаютъ однообразно часы и слышится порою то звонкая трель канарейки, то одинокіе шаги старушки-хозяйки.

Стара барыня: 66 лѣтъ ей. Она маленькая, костлявая старушка, съ круглой отъ старости спиной, съ беззубымъ широкимъ ртомъ и живыми голубыми глазами, которыми смотритъ такъ живо, что, кажется, выглядываютъ они изъ какой-то маски. Одѣта старушка въ черную люстриновую юбку и такую же кофту. Голова ея повязана платочкомъ съ узломъ на подбородкѣ, и всѣмъ своимъ наружнымъ видомъ она скорѣе смахиваетъ на простую мѣщанку, а не на потомственную, въ шестой книгѣ записанную дворянку.

За свои 66 лѣтъ многое перевидала старуха на своемъ вѣку. Расчетлива, экономна и бережлива. Въ лавкѣ покупаетъ,—торгуется, замучитъ всѣхъ приказчиковъ и не упуститъ изъ вида ничего.

— Батюшка,—остановитъ она руку приказчика, сбирающагося отрѣзать конецъ веревочки, которой онъ обвязалъ ей покупку,—а ты подальше отрѣжь... Веревочка-то мнѣ, старухѣ, и пригодится.

У старушки-помѣщицы живыхъ дѣтей нѣтъ. Только отъ покойной дочери осталось двое внучатъ. Внучкѣ двадцать два года, она кончила гимназію и теперь учится въ Петербургѣ, гдѣ-то на курсахъ. На лѣто она пріѣзжаетъ гостить къ бабушкѣ. Внуку Петѣ всего пять лѣтъ, и со своей няней, старой и строгой, они не разлучаются весь день.

Всталъ уже упитанный, какъ теленочекъ, розовый Петя. Аккуратно одѣла его няня, умыла, расчесала, все съ наставительными присказками, Богу заставила помолиться и повела его въ маленькую столовую чай пить. Полощетъ няня большую Петину чашку, оглядываетъ его сливочки въ маленькомъ сливочникѣ, пробуетъ рукой, теплы ли калачики, посмотритъ, на мѣстѣ ли масло, соль, и, если чего нѣтъ, строго и коротко приказываетъ принести горничной Машѣ. А Петя чинно сидитъ и спокойными, довольными глазами поводитъ то въ ту сторону, гдѣ священнодѣйствуетъ няня, то

смотритъ на Машу, которой приказываетъ няня что-нибудь принести.

Идетъ Маша и несетъ. Видитъ Петя: все хорошо, всѣ боятся и слушаютъ няню, и онъ слушаетъ, и жидкій чай со сливками еще вкуснѣе кажется ему, когда няня, подвязывая салфетку, приговариваетъ:

— Ротъ-то, батюшка, не набивай... Поспѣешь, поспѣешь... Это вонъ только хамъ какой: все скорѣй ему бы.

Наѣлся Петя.

— Ну, еще будешь?

Мотаетъ головой Петя и слѣзаетъ съ полнымъ еще ртомъ со своего креслица.

— Не торопись, не торопись, батюшка,—обтираетъ его няня, отвязывая салфетку, и шутитъ, хлопая по животику:

— Ну, вотъ серединка полная,—краюшки заговорятъ... ну, ай-да, соколъ, во дворикѣ гулять.

Во дворѣ благодать: солнышко грѣетъ, индюкъ гуляетъ и пыжится, холодокъ на крылечкѣ. Присѣла няня на крылечкѣ и вяжетъ чулокъ, а Петя съ ребятишками играетъ: то въ хороводы, то въ лошадки, а то и по-другому какъ-нибудь. Услышала няня, что ссора началась у дѣтей, встала, подошла и смотритъ на нихъ поверхъ своихъ большихъ очковъ. Докладываютъ ей дѣти, въ чемъ дѣло,—разобрала, и хоть и не правъ барчукъ, а оправдала его,—пусть, дескать, привыкаютъ, что баринъ всегда правъ. Но подвернулась бабушка, проходившая въ это время въ амбаръ, и дѣло приняло другой оборотъ. Бабушка взяла сторону ребятишекъ, и обидѣвшійся Петя ушелъ къ нянѣ на крылечко, гдѣ и присѣлъ рядомъ съ ней. Няня усердно, будто не замѣчая ни его ни бабушки, продолжала вязать.

— Ну, и иди... Иди,—задорно говорила бабушка, провожая внука къ нянькѣ.

— Ну да,—отвѣчалъ ей Петя:—а зачѣмъ ты ихъ сторону берешь?

— О, батюшка мой, тебя не спросила. Что̀ я на старости лѣтъ душой, что ль, кривить для тебя стану?! Вотъ такъ хорошо, вотъ такъ спасибо,—учи меня, учи... Спасибо, батюшка, спасибо...

— Ну да, а зачѣмъ они спорятъ со мной?

— Ахъ, Боже мой, вотъ такъ горе! Спорятъ?! Не прикажешь ли ты ротики имъ платочками завязать? Вотъ ужъ тогда спорить никто не станетъ... и умный же тогда ты будешь, ба-а-тюшка ты мой!

Еще проворнѣе вязала свой чулокъ няня.

— Эхъ, какой умный, эхъ, какой умный!—твердила бабушка.

— Ну да, они дурлаки...

— О?—передразнила его бабушка и показала внуку на индюка:—и индюкъ вонъ тоже,—что̀ ему скажешь,—а онъ все свое „ткрлю-флю“, „дурлаки!“.

Петя уже пересталъ сердиться, и смѣшнымъ кажется ему сравненіе бабушки; но онъ хочетъ удержаться и, пряча лицо въ платье няни, все-таки смѣется.

Бабушка смотритъ внимательно, весело и наклоняется, чтобъ поцѣловать внука. А тотъ еще сильнѣе прячетъ лицо въ складки няниnаго платья.

А няня все сидитъ, строго и обиженно вяжетъ чулокъ и не сводитъ глазъ со своей работы.

Поймала бабушка внука, поцѣловала его и пошла.

Подождала немного няня, повела глазами на ребятишекъ и проговорила строго:

— Ну, что̀ жъ вы не зовете барчука играть? Нашъ барчукъ—не барчукъ, такъ кого же вамъ? Такого барчука днемъ съ огнемъ не найдешь... На весь родъ у насъ самый умный барчукъ...

Смотритъ Петя внимательно, что̀ ребятишки на это скажутъ? А ребятишки ужъ покорно идутъ къ крыльцу: подошли, смотрятъ на Петю и ласково говоритъ одинъ:

— Идемъ, что ль?

— Ну, вотъ, вишь, зовутъ... Ну, иди...

— Зовутъ, да!—Вскочилъ Петя и побѣжалъ.

Девять часовъ пробило въ столовой, и повели Петю котлетку ѣсть. Послѣ котлетки няня поднесла ему на блюдцѣ варенья. Ягодки вишневыя, прозрачныя, вкусныя, и соку много. Полюбовался Петя сперва, осмотрѣлъ ихъ и началъ не спѣша ѣсть.

— Вотъ такъ, потихоньку... Такъ, такъ, соколъ мой... Поѣлъ? Ну, теперь въ гостиную иди тихонечко, посиди тамъ, а я немножко вотъ схожу...

Пошелъ Петя въ старинную гостиную.

Мягкій диванъ стоитъ у стѣны. И диванъ и кресла обиты краснымъ сафьяномъ, а на стѣнахъ висятъ картины. На одной нарисована битва, на другой—горка, лѣсъ, рѣка; а между окнами раскрашенныя гравюры изъ библіи. Петя смотритъ, какъ наклонилась Сара къ колодцу и такъ и стоитъ: и сегодня, и завтра, и всегда. Стоитъ и Петя и смотритъ. А тамъ гусаръ саблю поднялъ и такъ и сидитъ всегда съ поднятой саблей на лошади. И Петя будетъ такимъ гуса-

ромъ. Въ углу рояль стоитъ. Взмостился Петя и началъ трогать пальцами клавиши. Ударитъ и слушаетъ, другую ударитъ и опять слушаетъ.

Заглянула сестра его и прошла въ столовую. Молодое, худощавое пріятное лицо, волосы русые въ одну косу, глаза сѣрые, большіе, вѣко лѣваго глаза слегка опущено. Оглянула лѣниво столъ съ потухшимъ самоваромъ, хлѣбъ, лепешки, масло.

Бабушка вошла.

— Встала?

— Съ рожденіемъ,—и внучка лѣниво потянулась и поцѣловала подошедшую бабушку.

Бабушка двумя руками взяла голову внучки и расцѣловала ее.

— Хотѣла къ обѣднѣ поспѣть... Такъ за дѣлами и время не сыщешь. Просила ужъ батюшку пріѣхать. Нѣтъ вотъ что-то и Кирилла Архиповича, нѣтъ. Э! это кто жъ ѣдетъ?

И бабушка и внучка заглянули въ окно.

— Что̀ такое?—произнесла раздумчиво старушка,—никакъ Кирилла. Да что̀ жъ онъ на чужой лошади?

Барыня съ ключами въ рукахъ заковыляла къ выходу, крикнувъ въ дверяхъ:

— Маша, кофе барышнѣ.

— Несу,—отвѣтила изъ коридора молодая, нарядная, въ толстыхъ полусапожкахъ, Маша.

Внучка въ ожиданіи кофе присѣла и лѣниво перелистывала какую-то книгу.

Бабушка уже стояла на крыльцѣ и, прикрывъ глаза ладонью, нетерпѣливо ждала своего приказчика.

— Ахъ, здравствуйте, — проговорилъ наконецъ Кириллъ Архиповичъ, останавливаясь посреди двора.—Съ праздничкомъ васъ... Поздравляю васъ.

И Кириллъ Архиповичъ началъ безъ конца кивать своей обнаженной лысой головой.

— Спасибо тебѣ, батюшка... А гдѣ же наша лошадка-то?

— Ахъ,—вдругъ вспомнилъ Кириллъ Архиповичъ.

И, вынувъ кожу, на которой сидѣлъ, развернувъ ее, онъ сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Вотъ...

— Что̀ вотъ?!

— Сдохла...

Старуха посмотрѣла и только и могла сказать:

— Это ты мнѣ что̀ жъ, подарочекъ къ празднику?

Кириллъ Архиповичъ растерянно развелъ руками. Упрекъ

барыни окончательно обезкуражилъ его. Онъ молча, съ убитымъ лицомъ, смотрѣлъ на шкуру барской лошади.

— Съ чего жъ она сдохла?

— Да вѣдь я почемъ знаю?—съ горечью отвѣтилъ Кириллъ Архиповичъ.

— Болѣла, что ль?

— И даже ни-ни... Ѣду я еще и думаю: здорова, молъ... Сглазилъ я, что ль, ее?

— Надо тебѣ думать было...

— Да ужъ виноватъ. Я ужъ самъ-то хватился: не надо бы... Главная вещь—здорова вовсе была... Овса я ей, Матвѣй Ѳедоровичъ далъ, засыпалъ: съѣла, еще засыпалъ: съѣла и тотъ... И такъ просто, вотъ такъ и хватаетъ... Не въ умѣ ровно стала.

— Да, а твой-то умъ гдѣ былъ?

Кириллъ Архиповичъ растерянно посмотрѣлъ на барыню и сразу смолкъ.

— Ахъ, ты, Господи!—вздохнула старуха.—Ну, что жъ ты стоишь?

— Такъ вѣдь чего же теперь дѣлать? Я ужъ и не знаю... Хочешь будто все вотъ какъ лучше... Ахъ, ты, грѣхъ!

Кириллъ Архиповичъ, въ свою очередь, вздохнулъ, подумалъ и спросилъ, безпомощно показывая на кожу:

— Въ каретникъ, что ль, ее повѣсить?

— Ну, а куда же?

— Кожа, положимъ, хороша,—выдѣлать—пять рублей стоить будетъ... Хомуты починить же надо.

— Жнецовъ-то хоть ты нанялъ?

— Ахъ, да,—встрепенулся Кириллъ Архиповичъ и весело произнесъ:—нѣтъ.

— Ну, вотъ тебѣ... Ну, спасибо тебѣ, батюшка. Дай Богъ тебѣ здоровья. Послалъ Господь приказчика! Дура я старая.

— Да вы, Наталья Ивановна, не разстраивайтесь,—съ душевной болью въ голосѣ заговорилъ Кириллъ Архиповичъ.

— Да что, батюшка, не разстраивайтесь... Ну, какой же ты, скажи на милость, приказчикъ у меня...

— Наталья Ивановна! Такъ вѣдь пятнадцать рублей жнитво,—въ отчаяніи воскликнулъ Кириллъ Архиповичъ.

— Охъ, ты, Господи,—всплеснула руками барыня.—А пудъ хлѣба на базарѣ двадцать копеекъ. Вотъ это такъ... Вотъ это посовѣтовалъ, батюшка, въ добрый часъ сѣять.

И долго еще выслушивали другъ друга барыня и приказчикъ, пока наконецъ разговоръ не подвинулся къ выясненію положенія вещей даннаго момента.

Въ концѣ концовъ все оказалось не такъ плохо, какъ могло бы быть.

— Какъ же, жнутъ,—радостно успокоивая, говорилъ Кириллъ Архиповичъ.

— Уже и жнутъ?

— Вся деревня...

— Да ты что жъ раньше-то не обрадовалъ? Слава Тебѣ, Господи,—крестилась старушка.

— На три рубля дешевле!—напомнилъ Кириллъ Архиповичъ,—я ужъ погрѣшилъ маленько...

— Ну, батюшка, молодецъ!

— А остальную половину хоть до октября... ренду получимъ—отдадимъ.

— Конечно... ну, спасибо, батюшка, спасибо...

— Главное, въ разъ, день—вонъ какой.

И это, конечно, много значило.

— А я его ругаю,—говорила барыня,—самъ, батюшка, и виноватъ. Ну, иди ко мнѣ чай пить... Иди прямо сюда... А я ругаю...

— И я-то ужъ обробѣлъ,—вижу, огорчаетесь вы, и самъ не знаю, какъ мнѣ васъ успокоить.

Напился Кириллъ Архиповичъ холоднаго чаю, разсказалъ еще разъ, уже по порядку, о похожденіяхъ сегодняшняго утра. Барыня разспросила о всѣхъ, кто былъ на базарѣ, и Кириллъ Архиповичъ всталъ и, присѣдая и вытирая усы и бороду, откланялся.

— Ахъ, ну, благодарю васъ... Ѣхать надо въ поле.

— Ну, поѣзжай съ Богомъ.

Пріѣхалъ батюшка служить молебенъ. Отслужили. Послѣ молебна подъѣхалъ становой и фельдшеръ. Молодой становой, полный, добродушный, то конфузился, то старался смотрѣть по-военному и выпячивалъ грудь. Скромный, тихій фельдшеръ сидѣлъ осторожно на концѣ стула. Батюшка расхаживалъ большими шагами и задумчиво заглядывалъ въ окна.

Разговоръ не клеился. Коснулись-было эпидемическихъ болѣзней и той грязи, которая царитъ въ селахъ. Молодой становой покраснѣлъ, принявъ намекъ на свой счетъ.

— Да съ мужиками развѣ что-нибудь подѣлаешь,—отвѣтилъ онъ въ свое оправданіе.—Сколько разъ я имъ говорилъ—ничего не понимаютъ.

Внучка, скучавшая въ этомъ обществѣ, уныло посмотрѣла на станового, скользнула взглядомъ по лицамъ другихъ и уставилась въ окно.

— Которые и понимаютъ,—заступился батюшка и, посмотрѣвъ на дѣвушку, оправилъ свои густые красивые волосы.

Тихій фельдшеръ, все время внимательно слушавшій, кивнулъ головой и хриплымъ, перѣшительнымъ голосомъ, придерживая нѣжно свою черную бороду, произнесъ:

— Понимаютъ.

— А понимаютъ, такъ что жъ у васъ съ селѣ грязи больше, чѣмъ гдѣ-либо?—бросилъ фельдшеру пренебрежительно становой.

— Такъ вѣдь... Не мнѣ же ее возить, Петръ Степановичъ.

— Не про васъ и говорится... говорится про мужика... Хоть бы вашимъ мужикамъ—не говорилъ я развѣ?

Старушка хлопотала въ столовой и, когда все было готово, позвала гостей обѣдать.

Послѣ обѣда убрали столъ и самоваръ подали. Пьютъ чай гости. Жаркое солнце льетъ свои раскаленные лучи въ окно, волны табачнаго дыма ходятъ по комнатамъ.

Сидитъ старушка, празднуетъ свой шестьдесятъ шестой годъ пребыванія на землѣ. Щемитъ на душѣ: словно жаль чего-то, что-то вспоминается,—такое же неуловимое, какъ этотъ веселый день урожайнаго лѣта. Прошло все, какъ и этотъ день пройдетъ.

— Какъ совершеніе урожая пошлетъ Господь...—говоритъ задумчиво батюшка.—Соломой хороши хлѣба, а зерно не хвалятъ... Старыя земли...

Старушка вздохнула, отогнала свои мысли и, качая головой, проговорила:

— Хоть и новыя... хоть двѣсти пудовъ уродитъ, да цѣнъ нѣтъ,—хуже голоднаго года и будетъ.

— Да, выручки не будетъ.

— Сколько опять помѣщиковъ съѣхалось по своимъ усадьбамъ,—качнувшись на своемъ стулѣ, вставилъ становой:—губернатора ждутъ.

— Что, батюшка, твой губернаторъ здѣсь подѣлаетъ?

— Ничего, конечно, не поможетъ: не свои же вамъ деньги дастъ.

— Когда, по завѣщанію мужа, отпускала я своихъ мужиковъ на волю,—и-и!—на меня тогдашній-то какъ! Что вы дѣлаете? Вы мнѣ всю губернію взбунтуете. А черезъ восемь лѣтъ всѣмъ волю дали.

— Ну, такъ вѣдь это когда было... Конечно, губернаторъ тотъ вамъ пустое толковалъ,—фыркнулъ становой.

— Охъ, батюшка, чѣмъ-чѣмъ, а задиромъ-то умомъ крѣпки мы... Назадъ оглянешься, все тамъ какъ на ладонкѣ видишь...

— А впередъ-то тоже,—усмѣхнулся становой:—пожалуй, загадывай... Другой разъ за это такъ влетитъ нашему брату, что и думать забудешь.

Становой энергично всталъ, тряхнулъ головой и заходилъ по комнатѣ, звеня шпорами.

— Ну, я, батюшка, свою подать плачу, а тамъ, есть ли, нѣтъ твой губернаторъ—меня не пугай имъ.

— Вамъ... оно, конечно, что̀,—про себя говорю.

Внучка вошла и присѣла на стулъ съ такимъ видомъ, какъ бы спрашивала: „долго вы еще тутъ будете сидѣть?“

Становой оглянулся и началъ прощаться. Онъ звякалъ шпорами и, протягивая руку, сгибалъ ее у локтя кренделемъ. За нимъ, посмотрѣвъ изъ-подъ рясы на часы, осторожно поднялся, оправляя волосы, батюшка. Совсѣмъ тихо и смущенно привсталъ съ кончика стула и фельдшеръ. Онъ поклонился издали барышнѣ, дружелюбно поклонился и пожалъ руку старушкѣ, пожалъ руку появившейся въ дверяхъ пянѣ и, кашлянувъ, вышелъ за другими въ сѣни.

Уѣхалъ становой, уѣхалъ батюшка въ своей плетушкѣ, приподнявъ на прощанье свою мягкую, круглую съ большими полями шляпу, а фельдшеръ пошелъ во флигель.

Пріѣхалъ Кириллъ Архиповичъ съ поля обѣдать. Поставилъ лошадь подъ навѣсъ и пошелъ-было къ своему флигелю. Но, увидѣвъ вдругъ громадный котелъ, стоявшій десятки лѣтъ возлѣ колодца, онъ остановился, подумалъ и рѣшилъ привести въ исполненіе свою давно задуманную мысль,—поставить котелъ подъ навѣсъ.

— Все трудитесь?—подошелъ къ нему фельдшеръ, наблюдавшій нѣкоторое время, какъ Кириллъ Архиповичъ, напрягаясь, катилъ по двору котелъ.

— Да вотъ охота... Который годъ ужъ на вѣтру да на дождѣ стоитъ: ржавѣетъ.

— Извѣстно... Да вы куда его?

Кириллъ Архиповичъ обвелъ мутными глазами дворъ и ткнулъ пальцемъ въ самый дальній уголъ навѣса.

— Ну, давайте вдвоемъ...

И приказчикъ съ фельдшеромъ принялись за котелъ.

— Кириллъ Архиповичъ, ты что̀ это?—крикнула изъ окна старая барыня.

— Да, вотъ, обѣдать пріѣхалъ-было.

— Обѣдалъ?

— Да нѣтъ, не угодилъ еще... Вотъ ужъ котелъ перва...

— Нашелъ время!.. Брось... Обѣдать иди... Тамъ же жнутъ у тебя...

— Сейчасъ-то обѣдаютъ, положимъ... Броситъ, что ль, ужъ развѣ?

— Ужо, ужо,—крикнула барыня.

Кириллъ Архиповичъ бросилъ на полдорогѣ котелъ и пошелъ съ фельдшеромъ къ себѣ.

— Ахъ, вотъ, кстати,—вспомнилъ онъ.—У меня вѣдь опять, Алексѣй Ивановичъ... Какъ вотъ жара: подступитъ,—хоть ты что...

Кириллъ Архиповичъ показалъ подъ ложечку.

— Да у васъ это всегда,—какъ жара... Посмотрѣть надо...

— Пожалуйста. Ахъ, вотъ чего: какъ же? Овсеца-то надо лошадкѣ дать. Вы вотъ что: вы идите, а я сейчасъ...

И Кириллъ Архиповичъ пошелъ къ амбару.

Такъ и не дождался его фельдшеръ. На полдорогѣ Кириллъ Архиповичъ опять о чемъ-то вспомнилъ, повернулъ за новымъ дѣломъ, потомъ забрался на задній дворъ и, увлекшись, сталъ пересматривать валявшееся тамъ разное ржавое старье: это вотъ совсѣмъ еще хорошій лемехъ, а это винтъ совсѣмъ новый... И Кириллъ Архиповичъ задумался, на что бы употребить его.

Когда онъ попался опять на глаза барынѣ, она спросила:

— А ты еще не уѣхалъ?

— Сейчасъ ѣду,—отвѣтилъ Кириллъ Архиповичъ.—Кусочекъ дай какой-нибудь,—заглянулъ онъ въ свое помѣщеніе и, увидѣвъ фельдшера, вскрикнулъ:

— Ахъ, Алексѣй Ивановичъ... Я вѣдь и позабылъ про васъ... Какъ же теперь? До другого раза, что ли?

— Такъ что жъ? Какъ-нибудь послѣ...

— Дѣлъ, сами видите, вонъ сколько...

— Дѣлъ-то много.

Получивъ ломоть хлѣба, Кириллъ Архиповичъ побѣжалъ къ навѣсу, гдѣ стояла его лошадь, взнуздалъ ее и поѣхалъ, судорожно подергивая вожжами и въ то же время торопливо пережевывая откушенный ломоть хлѣба.

Барыня провожала глазами своего склонившагося на бокъ приказчика и думала съ огорченьемъ, что порядочный онъ у нея размазня. И въ то же время красной ниткой чрезъ всю дѣятельность приказчика проходило одно его неотъемлемое качество—честность.

— Честный,—прошептала старушка, какъ неотразимый доводъ самой себѣ:—преданный и честный. Да и вижу я его насквозь, а съ умнымъ свяжись—и не распутаешься: вонъ какъ у Лопатиныхъ, и имѣніе изъ рукъ ушло.

Кириллъ Архиповичъ, пріѣхавъ съ обѣда на жнитво,

узналъ и пріятную и непріятную въ то же время для себя новость: на базарѣ—татаръ угнали жать по пяти, вмѣсто пятнадцати рублей. Дмитріевскіе жнецы, сбившись въ кучи, вели объ этомъ оживленный разговоръ. Виновникомъ упавшихъ цѣнъ называли гаюшинскаго приказчика Ивана Феногеновича. Оказалось, что Кириллъ Архиповичъ погорячился и вдвое дороже нанялъ жнецовъ. Сперва, по деликатности, Кириллъ Архиповичъ, узнавъ о пятирублевой цѣнѣ, постарался скрыть непріятное впечатлѣніе и только замѣтилъ:—Ну, ужъ чье счастье какое...—Но, походивъ немного отъ однихъ къ другимъ, онъ сказалъ:—Того... Сказывать ужъ хоть не надо барынѣ... Только разстроится.

— Зачѣмъ сказывать?—энергично отозвался сытый, плотный парень Михайла.—Извѣстно, кому какое счастье.

И, словно боясь, какъ бы это счастье вдругъ не повернулось спиной къ односельчанамъ, Михайла закричалъ:

— Ну, чего жъ стоять? Жать, такъ жать. Можно и потрудиться: не зря же, въ самомъ дѣлѣ, этакія деньги отваливать.

У жнецовъ дружно сверкали серпы, и, описывая по воздуху круги, бабы и мужики складывали горсти уже срѣзанной ржи, а Кириллъ Архиповичъ какъ сѣлъ на снопъ у табора, такъ и сидѣлъ, все думая, какъ ему быть теперь...

Солнце книзу уже пошло, когда показалась вдругъ плетушка самой барыни. Наталья Ивановна ѣхала съ внучкой и весело всматривалась въ ряды стоявшихъ скирдъ тамъ, гдѣ вчера еще бунтовалась густая рожь.

Кириллъ Архиповичъ совсѣмъ раскисъ и самъ передъ собой только разводилъ руками.

— Что?—подсѣлъ къ нему староста.—А вѣдь неловко, Кириллъ Архиповичъ, барыня-то ѣдетъ... про цѣну узнаетъ базарную...

— То-то узнаетъ... Скажетъ, что вотъ я съ тобой для міру старались... она вѣдь сумнительная, а я тутъ что?

— Узнаетъ... На народѣ гдѣ спрячешь... Я калякалъ кой съ кѣмъ... Вотъ чего... Десятинки три дадите у пчельника, а міру водки ведра два: и Богъ съ вами и съ деньгами,—на помочь повернемъ дѣло...

Кириллъ Архиповичъ ожилъ.

— А пойдутъ?—спросилъ онъ, не смѣя вѣрить.

— А ты... вонъ они: Трусовъ, Аношинъ, Бѣляковъ уже снуютъ по народу: дай срокъ... Теперь маненько водкой раздразнить ихъ: пойдетъ дѣло...

Сейчасъ же распорядились и стали обносить водкой жнецовъ.

Когда подъѣхала барыня, дѣло было уже сдѣлано. Староста, отойдя къ агитаторамъ и поговоривъ съ ними, ласково-дѣловито повернулся и кивнулъ приказчику:

— Пошли...

Отлегло у Кирилла Архиповича отъ сердца.

Пошли—одно слово, да тяжелое,—двѣсти слишкомъ рублей въ карманѣ останется: ну, это такъ, подарочекъ къ рождепію.

Кириллъ Архиповичъ бросился навстрѣчу къ барынѣ и, судорожно схватившись за бортъ плетушки, началъ-было:

— Ахъ, вотъ чего...—Но лицо его выражало такое мучительное напряженіе, что старая барыня тоскливо-испуганно вскрикнула:

— Да говори же, говори, батюшка,—что̀ еще?

— Ахъ, да нѣтъ же ничего... Слава Богу, все благополучно.

И Кириллъ Архиповичъ началъ дѣлать гримасы и въ то же время кивалъ головой въ сторону кучера: очевидно, ему хотѣлось, почему-то по секрету отъ кучера, сообщить барынѣ новость. Но старуха не понимала: она напряженно всматривалась въ приказчика, смотрѣла въ спину кучера и, потерявъ терпѣніе, опять закричала на своего приказчика:

— Батюшка ты мой, пожалѣй старуху: не мучь.

— Ахъ,—вздохнулъ еще разъ приказчикъ,—видно, ужъ такъ...

И Кириллъ Архиповичъ разсказалъ наконецъ о томъ, что крестьяне хотятъ повернуть все дѣло на помочь, вмѣсто денегъ. Подошли староста и передовые.

— Что̀ вотъ, батюшка, говоритъ мнѣ приказчикъ?—наклонилась добродушно и таинственно старушка къ старостѣ.

Староста не сразу отвѣтилъ. Онъ положилъ сперва руку на облучокъ, посмотрѣлъ куда-то въ сторону и наконецъ, уставившись въ барыню, ласково-добродушно сказалъ:

— Такъ надумались мы, Наталья Ивановна, послужить тебѣ... дѣло сусѣдское...

— Охъ, батюшка мой, я ужъ и не знаю, какъ благодарить-то...

— Ничего, барыня,—задумчиво отвѣтилъ Аношинъ, которому пришлось долго толковать съ задорнымъ парнемъ Михайлой,—выжнутъ безо всякаго...

— О?

— Вѣрно, за водкой посылайте...

— Господи, такъ вѣдь конечно,—засуетилась старуха.—Вотъ, вотъ...

Наталья Ивановна торопливо достала бумажникъ изъ кармана и, отсчитавъ деньги, дала ихъ приказчику.

— Три ведра,—приказала она.

— Довольно двухъ,—кивнулъ головой староста.

— Три, батюшка, три,—настояла барыня.

— Ну, спасибо... Народъ охотнѣе будетъ хвататься... Итти къ нимъ...

И староста, а съ нимъ и его свита, пошли по рядамъ.

Староста говорилъ громко, такъ, чтобъ слышала и барыня и жнецы.

— Эй, ребята, жни получше,—три ведра барыня жертвуетъ вамъ...

Рѣдкіе изъ жнецовъ при этомъ подымались и оглядывались въ сторону барыни, большинство же молча сосредоточенно жали.

Передъ иными останавливался староста и тихо говорилъ:

— Такъ вѣдь чего же станешь дѣлать? Неужели вотъ такъ за горло? Вонъ цѣна на базарѣ, слыхали? Опять, много ли придется на человѣка, если по базарной цѣнѣ, а тутъ хоть уважка... а вотъ по жнивамъ скотину допуститъ опять... А главное присталъ приказчикъ: меня, молъ, подвели...

— Ужъ ему, конечно, передъ барыней неловко...

— А намъ-то съ нимъ же жить...

— Оно, конечно, такъ... Эхъ... чего станешь дѣлать?

— Такъ вѣдь объ этомъ самомъ и рѣчь...

Бабушка и внучка сошли съ плетушки на землю, прошли нѣсколько шаговъ и присѣли у перваго скирда хлѣба.

Бабушка, щурясь, все смотрѣла на ряды жнецовъ и все еще не могла освоиться съ мыслью, что двѣсти рублей свалились ей съ неба. Она была и довольна, и смущена, и почему-то старалась не смотрѣть на внучку. Лицо внучки было покорно-огорченное.

— Вотъ, бабушка, ты говорила, что будутъ липнія деньги—школу построишь... Вотъ эти деньги отдай...

— Да гдѣ жъ деньги, матушка, когда ихъ нѣтъ у меня!

— Пришлось бы доставать...

— Ну, такъ доставать еще...

— Ну вотъ, когда достанешь, и дай...

Глаза старухи смущенно забѣгали, и она отвѣтила, не смотря на внучку:

— Ну, не все сразу... Достать! И даромъ жнутъ, а толку нѣтъ.

— Зачѣмъ же сѣять тогда?

— Зачѣмъ, зачѣмъ,—повторяла старуха

— Такъ всегда, — пренебрежительно сказала внучка и отвернулась.

Бабушка молчала.

Молчаніе тянулось долго и было непріятно старухѣ. Наконецъ она сказала:

— Для васъ хлопочу,—все вамъ останется... Хоть все раздайте...

— Что жъ, отдайте? Я, можетъ, и не доживу еще до того времени...

— Доживешь, матушка... и въ умъ войдешь.

— Барыня,—подошелъ къ ней крестьянинъ, жавшій до сихъ поръ:—я къ тебѣ все насчетъ лѣсу докучать пришелъ.

Старуха растерянно опять покосилась на внучку, на крестьянина и спросила:

— А что тебѣ, батюшка?

— Да все вотъ насчетъ лѣсу...

Барыня хорошо знала всю исторію съ лѣсомъ: былъ проданъ лѣсъ, назначенъ былъ срокъ для вывозки его, лѣсъ въ срокъ не былъ весь вывезенъ, и, согласно печатному ярлыку, крестьянинъ лишался права на оставшійся лѣсъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила еще разъ старуха, словно ничего она не знала.

Крестьянинъ долженъ былъ разсказать ей подробно все.

— Батюшка мой,—проговорила, выслушавъ, старая барыня,—а кто же тебѣ виноватъ?

— Такъ вѣдь чего же станешь дѣлать? Не успѣлъ.

— Такъ вѣдь, батюшка мой, молодой-то лѣсокъ взялся,—ты его топтать станешь теперь...

— Гдѣ взялся?.. Когда ему взяться было?

— Нѣтъ, взялся, батюшка, какъ сѣянный пошелъ: сама видѣла.

— Пропадать, видно, моему лѣсу, — махнулъ рукой крестьянинъ.

— Лѣсъ, батюшка, теперь не твой.

— И деньги отдалъ, да и лѣсъ выходитъ не мой,—фыркнулъ крестьянинъ.

— А зачѣмъ же ты его не вывезъ? Мнѣ, что же, полѣсовщика изъ-за тебя лишняго держать? Ты вѣдь знаешь, что мой теперь въ полѣ...

— Зачѣмъ лишняго? Свой лѣсъ вывезу, неужели же твой захвачу?

— Ты не захватишь, а вѣдь всякій есть: другой и захватитъ. Васъ тысячу человѣкъ: тебѣ поблажку и всѣмъ надо... Я, старуха одинокая, какъ съ вами тогда соображусь, если одного порядка не заведу.

— Порядокъ?! Деньги отдалъ, а лѣсъ опять не мой: ужъ Богъ съ нимъ и съ порядкомъ такимъ.

Крестьянинъ говорилъ грубо.

— Ну что жъ, батюшка, ругай меня старуху,—напряженно-тоскливо проговорила барыня.

— Кто ругаетъ? Богъ съ тобой и съ твоимъ лѣсомъ, когда такъ... И водки твоей пить не хочу,—уйду и Богъ съ тобой.

— Вотъ видишь, ты какой: сердце-то у тебя злое... Нехорошо, батюшка, нехорошо...

— Ну, ладно: какой есть, такой и есть. Марья! будетъ жать!—закричалъ своей женѣ крестьянинъ.

— Ишь какой! На зло дѣластъ, — мотнула раздраженно головой старуха.—Ты что жъ, меня хочешь на всю деревню срамить?

— Бабушка,—вмѣшалась внучка,—вѣдь это же, дѣйствительно, его лѣсъ.

— Ну вотъ,—сказалъ крестьянинъ,—твоя кровь, а моя жъ баитъ.

— Да ты что грубишь?—накинулась на него барыня, вдругъ вспыхнувъ.

— Чѣмъ я грублю? Э, Богъ съ тобой!

Крестьянинъ не на шутку собрался уѣзжать.

Старуха не знала, что дѣлать: и лѣса жаль было, и передъ внучкой неловко, и передъ деревней выходила непріятная исторія: разнесется далеко кругомъ въ преувеличенномъ видѣ.

Едва-едва помирилъ барыню съ крестьяниномъ подоспѣвшій староста и приказчикъ. Старуха отдала лѣсъ.

— Ну и ладно, ну и иди, — погналъ жать староста получившаго свой лѣсъ крестьянина.

Но старушка еще долго не могла успокоиться.

— Видно сразу нехорошаго человѣка: пришелъ бы тихо, смирно, а то вотъ при народѣ... Нехорошо!.. Нехорошо... Старуха я, грѣхъ такъ... Портится народъ.

— Нынче всякаго народу довольно,—философски успокоивалъ ее староста.

— Ну что жъ? Богъ съ нимъ... А все-таки скажу: нехорошо...

— Извѣстно: гдѣ хорошо?

Но когда привезли водку, и жнецы стали подходить и, выпивъ, жали старой барынѣ и ея внучкѣ руку, а бабы цѣловались съ ними,—когда очередь дошла до крестьянина, бранившагося со старухой, то Наталья Ивановна весело проговорила:

— Ну, давай мириться...—и, сама наливъ стаканъ, подавая, сказала:—ну, ужъ пей... Будетъ: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Мириться, значитъ, охота, — поддакнулъ кто-то изъ толпы.

— Мировая у васъ выходитъ,—сказалъ другой.

— Такъ вѣдь я что̀? — говорилъ крестьянинъ, принимая водку и кланяясь, — прости и ты, коли въ чемъ обидѣлъ... Мы мужики, чего понимаемъ?

И, выпивъ, крестьянинъ довольно крякнулъ.

— Ну, вотъ и помирились, — крикнулъ весело кто-то изъ толпы.

— Я вѣдь, батюшка, — объясняла старуха, — не люблю ссориться. Пусть же мое пропадаетъ лучше...

Мировая барыни съ мужикомъ да водка развеселили толпу.

— Простая ты у насъ, — весело произнесъ, подвыпивши, какой-то корявый мужикъ,—страсть простая!

— Противъ нашей барыни и нѣтъ, — покровительственно бросилъ, уходя, другой.

— Ну, вы тамъ: жать! — крикнулъ кто-то. — Кончать, что ль!

— Ай-да!

Молодой парень Никаноръ, тонкій, съ черными глазами, съ пѣтушинымъ перомъ въ шапкѣ, пожавъ барышнѣ руку, дѣлился впечатлѣніями съ окружавшими парнями.

— Сахарная...

Онъ сдѣлалъ сладкую мину.

— Ишь, дьяволъ, куда лѣзетъ... Тебѣ бы вотъ ее?

— Взялъ бы! Эхъ!

И Никаноръ ловко и весело пустился вприсядку.

— Жать, жать!—валила толпа.—Бабы, пѣсни!

Склонивъ на бокъ голову, во главѣ пестрой ленты сарафановъ, уже заходила въ рожь и запѣвала Авдотья своимъ звонкимъ до визга голосомъ хоровую пѣсню.

Поютъ пѣсни жнецы, солнце садится. Задумалась старая барыня, и внучка задумалась. Сидятъ обѣ у той же скирды и смотрятъ: бабушка въ землю и грызетъ своимъ беззубымъ ртомъ соломинку, а внучка—на заходящее солнце, на толпы жнецовъ, на ту избушку, что̀ стоитъ тамъ далеко надъ обрывомъ рѣки. Туда бы въ эту хижину, въ эту мирную идиллію, съ книгой въ рукахъ забыться отъ житейской прозы. Забыться и жить, довольствуясь самой скромной долей мыслящаго человѣка.

Она раскрыла свою книгу и прочла написанное курсивомъ: „Высшее счастьѐ въ трудѣ“.

Въ какомъ трудѣ? Тамъ, въ той хижинѣ, или въ борьбѣ за общую правду? А гдѣ правда и гдѣ въ жизни сознатель-

ное мѣсто борца? И безъ этого опредѣленнаго мѣста всѣ помыслы о добрѣ и правдѣ развѣ не тотъ же рычагъ Архимеда, безъ точки опоры, о которомъ говорилъ онъ: „Дайте мнѣ точку опоры, и я подыму вамъ землю". *Дайте...* Но кто дастъ?

Кто-то ѣдетъ по дорогѣ: крестьянинъ подъѣхалъ, соскочилъ съ лошади, снялъ шапку и подошелъ къ господамъ. Записку подалъ изъ Красныхъ Зорекъ: зовутъ барышню кататься на рѣчку.

Прочла барышня. И хочется ѣхать ей и не хочется, а бабушка уговариваетъ. Еще подумала и согласилась ѣхать.

— Я съ Кирилой домой доѣду, поѣзжай, — говорила, провожая ее, бабушка.

— Надо еще домой заѣхать переодѣться. Стоитъ ли ѣхать?

— Поѣзжай, поѣзжай,—твердила бабушка.—Тамъ и ночевать оставайся.

Огорчился Никаноръ, когда, по окончаніи работы, пришелъ съ другими въ старой барынѣ допивать водку и не нашелъ возлѣ нея внучки съ сѣрыми глазами.

— А она-то куда дѣвалась? — спросилъ онъ самъ себя, разведя руками.

— Что? улетѣла?—спросилъ его кто-то.

— Эхъ, улетѣла! Напьюсь съ горя.

Всѣ смѣялись, и Никаноръ смѣялся, и кто не могъ допить, подавалъ ему и говорилъ:

— Ну что жъ, допивай?

— А что? Выпью!

И Никаноръ пилъ. Его добрые, красивые глаза въ это мгновеніе широко-широко раскрывались. И больнѣе въ сердцѣ щемилъ недосягаемый для него образъ барышни. Потомъ туманнѣе стало въ головѣ, отшибло память, и забылъ Никаноръ, о чемъ болѣло сердце, но все пилъ и пилъ, потому что все подносили.

— А вы, будетъ... Что, въ самомъ дѣлѣ? Опоите человѣка.

Парни смѣялись.

— Ну вотъ еще? Опоишь его, быка этакого.

Уже стемнѣло, когда потянулись пьяные жнецы домой.

Тамъ далеко потухалъ западъ, темнѣло, и при самой землѣ только разливался красноватый отблескъ, а пьяныя пѣсни долго еще неслись и замирали въ пустѣвшемъ полѣ.

Никанора, безъ чувствъ, уложили въ телѣгу, и ѣхалъ онъ, заваленный одеждой пьяныхъ помочанъ, забытый всѣми. Привезли въ деревню только трупъ его: платьемъ ли завалили, опился ли—такъ и не знали.

Наталья Ивановна ничего не знала о томъ, что на ея помочи опился человѣкъ, и довольная поѣхала со своимъ приказчикомъ домой въ его тряской плетушкѣ.

— Охъ, батюшка, растрясъ совсѣмъ,—говорила она, вылѣзая изъ экипажа, когда пріѣхали домой. — Маша, чай готовъ?

— Ну, а я пойду обѣдать,—заявилъ приказчикъ.

— Какъ обѣдать?

И, узнавъ, что Кириллъ Архиповичъ такъ и не обѣдалъ, барыня совсѣмъ умилилась:

— Ну ужъ, батюшка, прости Христа ради: досталось тебѣ сегодня.

Въ голосѣ ли барыни что̀ было, чувствительный ли ужъ такой отъ природы былъ Кириллъ Архиповичъ, но онъ быстро, горячо произнесъ:

— Что̀ вы, что̀ вы, матушка Наталья Ивановна, я для васъ не то что не обѣдать, я для васъ... тонсь такъ хочу послужить... такъ... однимъ словомъ, какъ отцы наши вамъ служили.

Старушка разстроилась, и слезы сверкнули на ея усталихъ глазахъ.

— Спасибо, батюшка мой, спасибо тебѣ... Вижу я твою службу и усердіе... Дай Богъ и тебѣ, батюшка, всего.

Напилась Наталья Ивановна чаю,—внучекъ давно уже напился,—убрала чайницу, сахаръ и хлѣбъ, заглянула къ внуку и, увидѣвъ его въ кроваткѣ, а няню возлѣ, сказала:

— Ну, спи, батюшка, Господь съ тобой,—притворила дверь и пошла въ свою комнату, всю уставленную образа̀ми.

Горятъ лампадки, и переливаются въ нихъ лучи, играютъ въ яркихъ золотыхъ ризахъ образо̀въ и дальше заглядываютъ въ тотъ темный уголъ, гдѣ на широкой двухспальной кровати лежитъ старая барыня, теперь раздѣтая и готовая ко сну, лежитъ и смотритъ своими усталыми глазами въ потолокъ. Старушечьи мысли о смерти бродятъ въ головѣ и мѣшаются съ разными мелочами текущей жизни: хозяйствомъ, посѣвомъ, внучатами...

Скоро-скоро такъ же будетъ она лежать уже безъ мыслей и словъ: будетъ загадочно и строго смотрѣть ея темное лицо, а душа улетитъ къ Тому, предъ Кѣмъ всѣ равны, предъ Кѣмъ одинѣ души человѣческія!.. И вѣкъ вѣчный всѣ-то, всѣ вмѣстѣ тамъ, предъ Его престоломъ!

„А здѣсь,—думаетъ старушка, — вотъ какъ мигъ одинъ и жизнь-то, а врозь—иная всякому доля... Вѣкъ вѣчный вмѣстѣ,—сладко засыпаютъ ея мысли,—а жизнь-то врозь“.

И вздыхаетъ и спитъ уже старушка. Устало повернулось ея лицо къ лампадкамъ, и бѣгаютъ тѣни по этому блѣдному, неподвижному, въ чепчикѣ, расширенному книзу лицу.

Уложила няня спать Петю. Тихо въ комнаткѣ. Пузатый комодъ съ мѣдными ручками въ одномъ углу, кресло и рабочій столъ въ другомъ, двѣ кровати.

На стѣнѣ, рядомъ съ образами въ сѣрыхъ искристыхъ рамкахъ, двѣ картинки. На одной на колѣняхъ стоитъ молодая монахиня, и передъ ней Господь раскрылъ Свое сердце. Горитъ сердце въ огнѣ, и страстно тянетъ къ нему сложенныя руки монахиня. А на другой картинкѣ въ гробу ужъ монахиня, и ангелъ на крыльяхъ уноситъ въ звѣздное небо ея спеленутую душу.

Лежитъ Петя, обнявъ свою куклу, безобразнаго Ваньку, и ждетъ, когда сонъ закроетъ ему глазки. Маша заглянула. Закрылъ-было и опять открылъ Петя глазки.

Тихо мурлычитъ няня:

У-у-летѣлъ орелъ домой,
Сѣло солнце за горой.

— Няня, разскажи про монашку.

Няня нехотя прерываетъ пѣсню.

— Ну, видишь, монашка... Вотъ Господь передъ ней. Видишь, отъ грѣховъ сердце горитъ Его: кажетъ монашкѣ, а ей жаль. А вотъ тутъ ужъ умерла монашка... Ничего ужъ ей не надо... Душу вотъ, видишь, ангелъ несетъ?

— Куда?

— Въ небо... Къ Господу Богу своему.

Смотритъ Петя внимательно, и смущаетъ его контрастъ размѣровъ большой монахини въ гробу и ея маленькой спеленутой души въ рукахъ ангела.

— Она на небѣ уже маленькая будетъ?

— Видишь вотъ.

— А ходить она умѣетъ?

— Зачѣмъ ей ходить? Ангелы на рукахъ носить ее станутъ.

— И меня будутъ такъ носить?

— Заслужишь, и тебя.

— И Ваньку?

— Ванька кукла. Ванька пропадетъ.

— Пропадетъ? А бабушка пропадетъ?

— Бабушка умретъ.

— А собака умретъ или пропадетъ?

— Пропадетъ.

— А кроватка?
— Пропадетъ.
— А сапожки?
— Пропадутъ.
— А сабля?
— Тоже пропадетъ.

Петя растерянно водитъ глазами: все то, что̀ любилъ онъ— все пропадетъ. И Петя робко говоритъ:

— Няня, я тоже пусть пропаду...
— О, глупый какой! Спи...

Вздохнулъ Петя и покорно смотритъ на своего друга Ваньку, на его разбитую голову. Глазки совсѣмъ слипаются, и думаетъ онъ:

„Старый сталъ мой Ванька: скоро ужъ онъ пропадетъ“.

И опять тихо и монотонно поетъ няня:

У-у-летѣлъ орелъ домой,
Сѣло солнце за горой

Стемнѣло совсѣмъ. Разлился мракъ и напоилъ воздухъ ароматомъ полей и стараго сада. Во мракѣ мелькаютъ огоньки усадьбы, и кажутся они въ волнахъ темной ночи огнями какого-то безмятежно плывущаго корабля.

Молодой кучеръ Листратъ, заброшенный судьбой далеко отъ своей деревни, сидитъ у воротъ конюшни и тихо поетъ городскую пѣсню о томъ, что покинулъ онъ свой отчій домъ, и только собачка вѣрная воетъ у воротъ, да воронъ на крышѣ кричитъ.

Раздастся голосъ по лѣсамъ:
Заноетъ сердце, загруститъ,
Только меня не будетъ тамъ.

И щемящей тоской хватаетъ пѣсня за сердце. Мягкій баритонъ пѣвца замираетъ въ темной деревенской ночи, замираетъ боль по какой-то иной, неизвѣстной жизни. Молодая Марья стоитъ у дверей крыльца, едва видно ея свѣтлое платье, и слушаетъ раздумчиво сладкую пѣсню Листрата. Луна взошла.

Уснулъ Петя, а тутъ же на другой кровати возлѣ него улеглась и няня. Потушила свѣчку, и въ узорное окно смотритъ къ ней свѣтлая лунная ночь. Сколько лѣтъ прошло— все та же она, эта голубая ночь. Всегда и смолоду она строга была и въ мысляхъ не держала: но молода, красива была. О-охъ, и вспомнить страшно! Не ждала, не чаяла... Спитъ не спитъ, открыла глаза и замерла: стоитъ надъ ея кроватью баринъ. Охъ, чего онъ хочетъ?! Въ одной рубахѣ она... А

мужъ? а барыня молодая услышитъ? а грѣхъ? И зам
Хотѣла крикнуть. Обнять хотѣла, коснуться не по
Ушелъ баринъ, и осталась она одна со своимъ гр
Куда уйдешь отъ него? И жутко и крестится на о
Стыдно! давно забыть бы надо, старуха: въ могилѣ вѣ
сномъ спитъ баринъ...

О-охъ, какъ-то ему тамъ? Что-то ей будетъ?! Каким
зами придется на барыню свою смотрѣть?! А хуже всег
и до сихъ поръ на духу такъ и не покаялась. Въ
стырь бы... довести до пути Петю и туда, въ келійку
и ночи на колѣняхъ замаливать свой тяжкій грѣхъ
людьми и Богомъ, предъ мужемъ и барыней.

Тухнутъ огни въ усадьбѣ.

Кучеръ прошелъ къ лошадямъ въ конюшню, наслуш
и Маша пѣсенъ и спитъ въ коридорѣ, подбросивъ подт
какую-то свитку.

Только у приказчика еще горитъ въ окнѣ огонекъ. Ј
голова его громаднымъ пятномъ обрисовалась на стѣ
выводитъ онъ буква за буквой письмо къ сыну, уч
фельдшерской школы.

„Любезный нашъ сынъ, Степанъ Кирилловичъ! Во пер
строкахъ нашего письма объявляемъ вамъ, что вы под
Сказывали мнѣ добрые люди, что вы цыгарки курите и
пьете, и даже въ пьяномъ состояніи видѣли васъ на у
Я самоучкой грамоту произошелъ, и того со мной не
а на ваше ученье я послѣднія деньги убиваю. А мои д
трудовыя и про черный день ничего не прикоплено и, в
Богъ, помретъ наша барыня, долженъ я поэтому изъ-за
нужду принять великую. А, впрочемъ, посылаю вамъ м
дительское благословеніе, навѣки нерушимое. И еще
лаю вамъ десять рублей деньгами, чтобы вы ихъ не м
а меня старика пожалѣли бы. И еще вамъ кланяется...

Шла цѣлая страница поклоновъ отъ всѣхъ.

Уже потухли всѣ рѣдкія звѣзды на блѣдномъ небѣ. Т
одна упорная словно увязалась за луной и смотритъ,
ритъ на нее и слѣдуетъ неотлучно за ней.

Но блѣднѣетъ луна, и таетъ и ея яркая спутница в
стынѣ свѣтлѣющаго неба.

Кончилъ наконецъ и Кириллъ Архиповичъ свое пис
смотритъ тупо, уныло поверхъ своихъ громадныхъ очко
окно въ пустой, охваченный сномъ разсвѣта, неподви
дворъ усадьбы старой барыни Ярыщевой...

1894.

Оглавленіе

I тома.

	стр.
Критико-біографическій очеркъ П. В. Быкова	III
Клотильда. Повѣсть	1
Бабушка	54
Правда	75
Когда-то	83
Дворецъ Дима. Рождественскій разсказъ	105
Исповѣдь отца	126
Въ конкѣ	133
Счастливый день	136
Мая	140
Картинка. Изъ дѣтской жизни	144
Два мгновенія	148
Ицка и Давыдка	152
Старый еврей	166
Геній	171
Вальнекъ-Вальновскій	175
На практикѣ	197
Варіантъ	216
На ночлегѣ	253
Сочельникъ въ русской деревнѣ	259
Картинки Волыни	271
Мои скитанія	296
Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой	314

Проверено
19
году